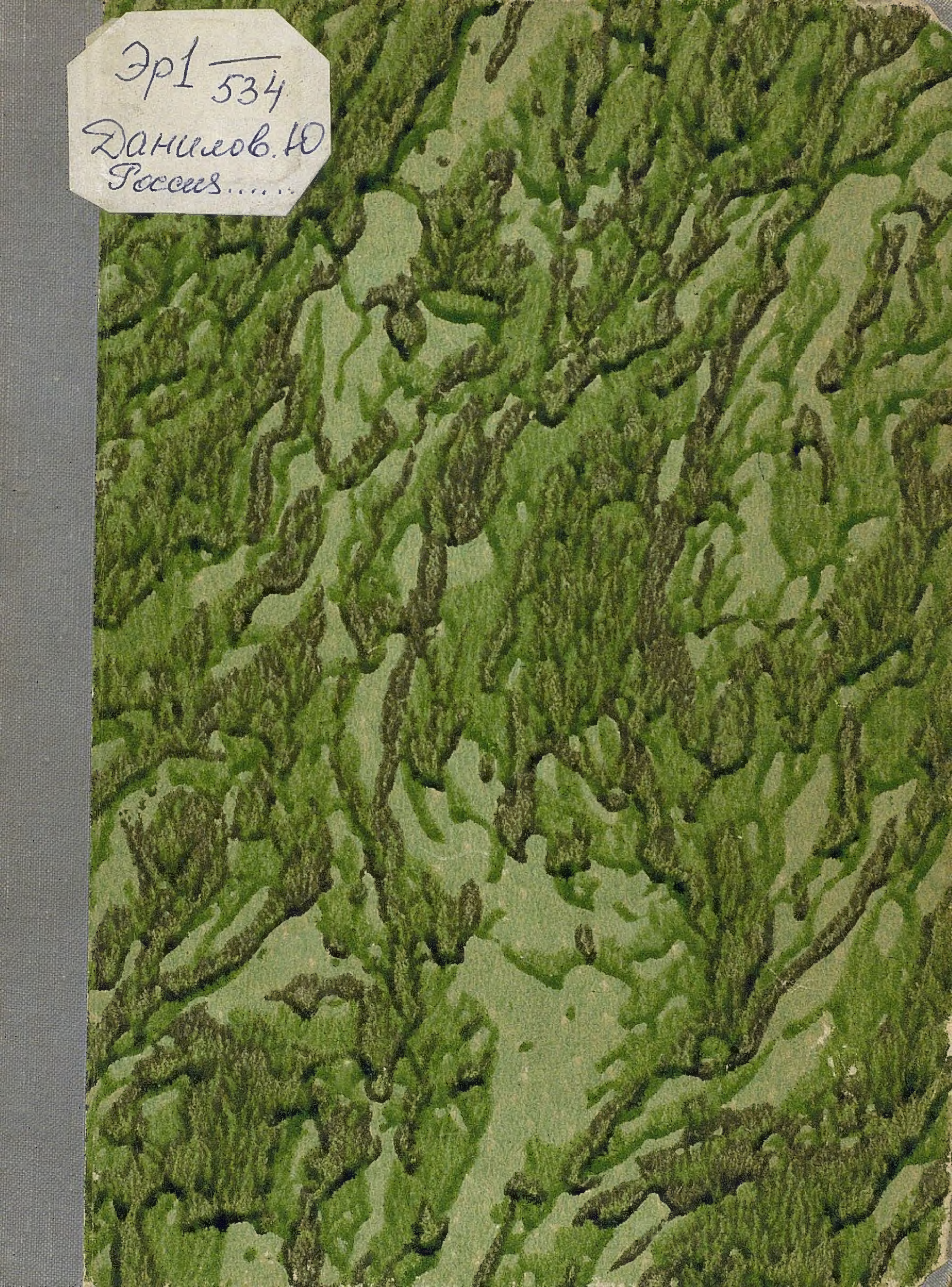

Эр1 534
Данилов. Ю
Россия......

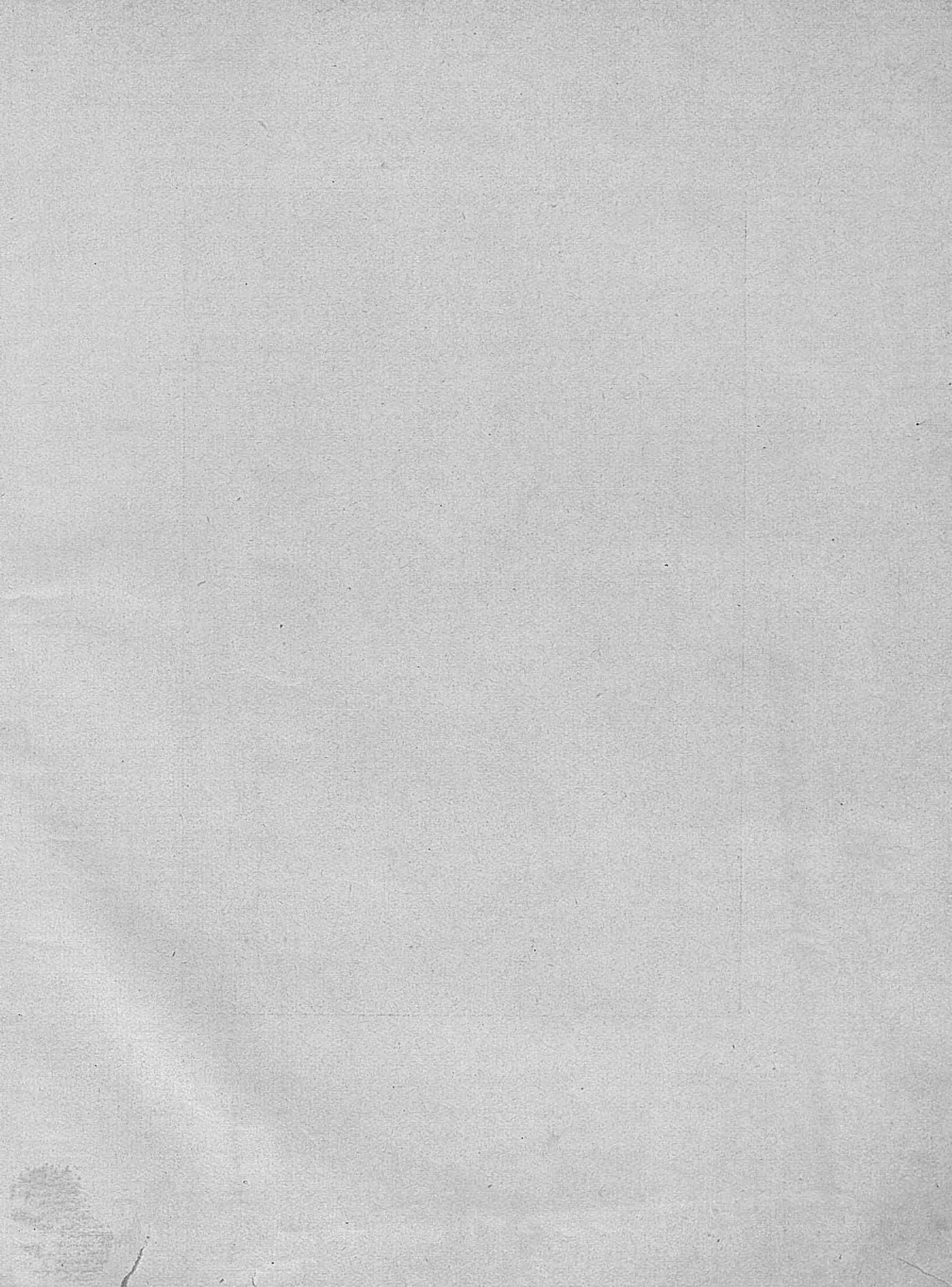
ГЕНЕРАЛЪ Ю. Н. ДАНИЛОВЪ

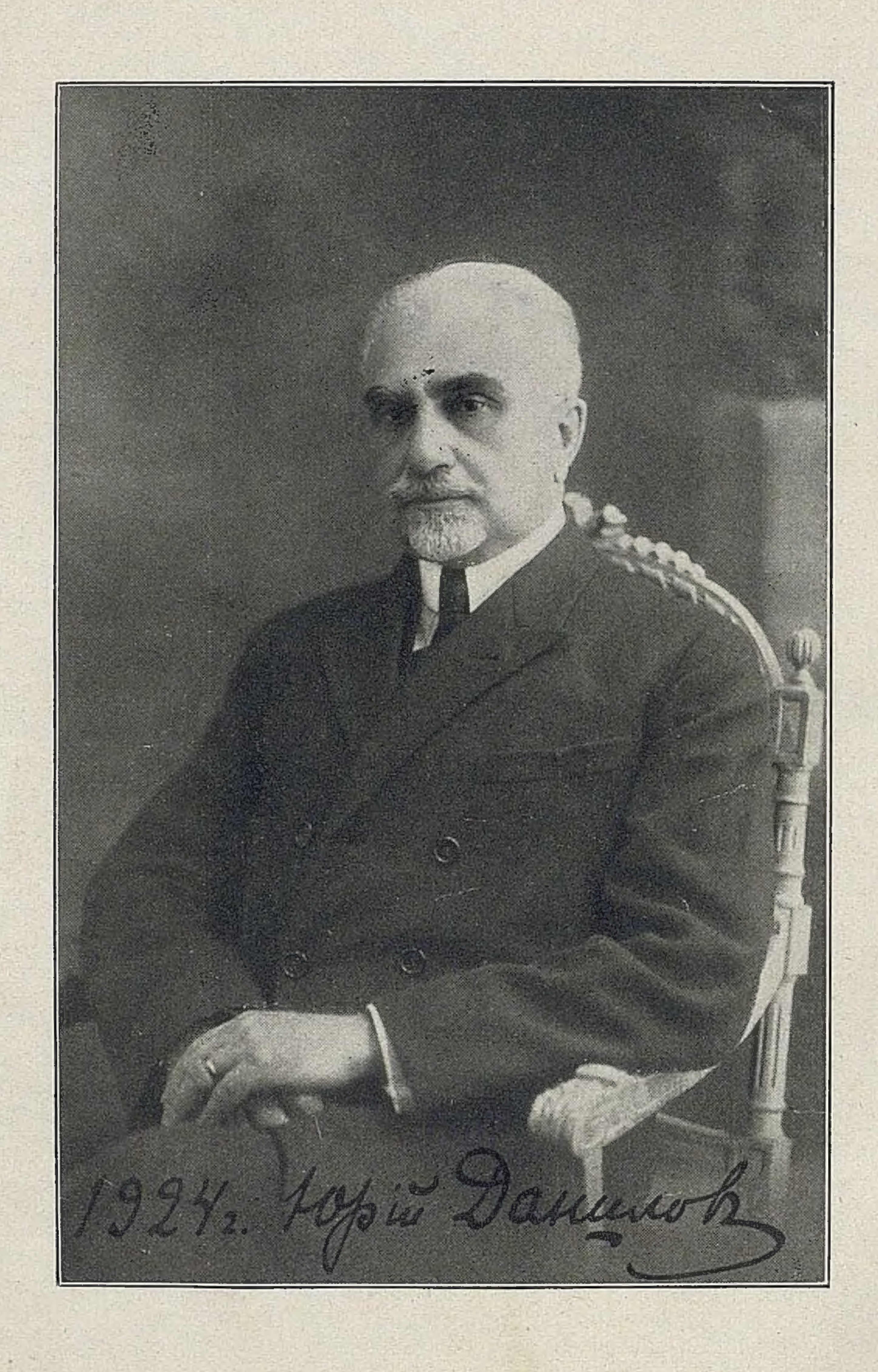
РОССІЯ ВЪ МІРОВОЙ ВОЙНѢ

1914—1915 г. г.

1924

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СЛОВО“ БЕРЛИНЪ

1924 г. Юрiй Даниловъ

ГЕНЕРАЛЪ Ю. Н. ДАНИЛОВЪ

РОССІЯ ВЪ МІРОВОЙ ВОЙНѢ

1914—1915 г. г.

1924

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СЛОВО“ БЕРЛИНЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Настоящая книга написана мною въ Парижѣ, въ условіяхъ эмигрантской жизни и по истеченіи десяти — долгихъ, мучительныхъ для всѣхъ насъ русскихъ людей — лѣтъ, со времени вступленія Россіи въ міровую войну.

Всю эту войну я провелъ на фронтѣ; въ теченіе же перваго года мнѣ, по должности Генералъ-Квартирмейстера при Верховномъ Главнокомандующемъ, пришлось стоять не только очень близко къ событіямъ, но и принимать въ общемъ ихъ направленіи посильное участіе. — Не менѣе близка была мнѣ и та работа, которая выполнялась въ Россіи послѣ неудачной войны 1904—1905 гг., въ цѣляхъ возстановленія военнаго могущества нашей Родины. Въ этой работѣ я принималъ живое участіе по службѣ моей въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба.

Описаніе тѣхъ условій, при которыхъ нашему отечеству пришлось вступить въ борьбу, а затѣмъ вести ее въ теченіе перваго года войны, — и составляетъ главное содержаніе моего настоящаго труда. Этотъ періодъ представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что на протяженіи его въ полномъ объемѣ опредѣлились роль и значеніе Россіи въ развернувшихся міровыхъ событіяхъ.

Время изглаживаетъ воспоминанія, и острота пережитого постепенно увядаетъ; хотѣлось записать все то, что еще помнится, или удалось возстановить. Многое уже и теперь пришлось собирать по частямъ, подобно кускамъ дорогой разсыпавшейся мозаики...

Моя книга — прежде всего воспоминанія. Она не претендуетъ на историческій трудъ по двумъ основаніямъ: я слишкомъ связанъ съ событіями персонально — это во-первыхъ; а во-вторыхъ, —

во время моей работы по составленію книги, я былъ оторванъ обстановкой отъ первоисточниковъ, которые должны составлять основу всякаго историческаго труда.

Тѣмъ не менѣе я посвятилъ много времени и усилій, чтобы документировать свою книгу возможно основательнѣе. Я изучилъ рядъ архивныхъ матерьяловъ, имѣющихся въ Парижѣ; внимательно ознакомился со всей той, правда, скудной литературой, которая вышла по войнѣ на русскомъ фронтѣ, и использовалъ любезное указаніе и разсказы нѣкоторыхъ участниковъ былыхъ событій.

Прежде чѣмъ писать свою книгу, я продѣлалъ, такимъ образомъ, большую предварительную работу, и я позволяю себѣ поэтому думать, что въ основѣ моего труда лежитъ твердый нерушимый фундаментъ.

Глубоко признателенъ всѣмъ, кто пришелъ мнѣ на помощь въ трудномъ дѣлѣ сбора матерьяловъ, или не отказалъ подѣлиться своими воспоминаніями. — Среди такихъ лицъ я считаю своимъ долгомъ обратиться съ особою благодарностью къ В. А. Маклакову и И. А. Хольмсену.

Парижъ, 1-го августа 1924 года.

Юрій Даниловъ.

ГЛАВА I.

Причины войны и поводы къ ней. — Міровая политика Германіи и ея естественные результаты. — Австро-Сербскій конфликтъ. — Отношеніе къ нему великихъ державъ. — Частная и общая мобилизаціи русской арміи. — Разрывъ.

Насталъ 1914-й годъ... Ничто въ Россіи не предвѣщало начала той бури, которой суждено было разразиться въ этомъ роковомъ году. Правда, столкновеніе народовъ въ Европѣ должно было представляться неизбѣжнымъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Атмосфера съ каждымъ годомъ становилась все напряженнѣе. Но всѣмъ, однако, хотѣлось думать, что тучи не нависли еще столь низко, чтобы грозѣ разразиться съ такой ошеломляющей быстротой и ужасающей силой.

Европа усиленно, но все же только исподволь, готовилась къ войнѣ.

Но кто же угрожалъ всеобщему миру? Кто заставлялъ правительства спѣшить съ приготовленіями и требовать для этой цѣли грандіозныя, почти непосильныя для народовъ средства?

Исчерпывающій отвѣтъ на этотъ вопросъ представляется крайне труднымъ и сложнымъ. Въ періодъ довольно продолжительнаго мира накопилось не мало горючаго матерьяла. Жизнь постепенно выдвинула рядъ разногласій, въ основѣ коихъ лежало несходство и даже противорѣчіе политическихъ и экономическихъ заданій отдѣльныхъ народовъ Европы. Разрѣшать эти разногласія мирнымъ путемъ человѣчество, къ большому своему несчастію, еще не научилось.

Однако несомнѣнно, что главнѣйшей угрозой для мира являлось то новое международное положеніе, которое пожелала занять Германія, послѣ ряда побѣдоносно веденыхъ ею войнъ 1864—71 гг. Отношеніе къ этому централь-

ному вопросу, въ конечномъ результатѣ, разбило Державы Европы на два враждебные лагеря, столкновеніе между которыми являлось, рано или поздно, неизбѣжнымъ. Мирныя настроенія народовъ, возросшее сознаніе отвѣтственности за пролитіе крови, искусная дипломатія, выдержка отдѣльныхъ правительствъ, — всѣ эти данныя могли лишь отсрочить, но не устранить надвигавшуюся катастрофу.

Выковавъ свое національное единство «желѣзомъ и кровью», Германія, сильная избыткомъ населенія, крѣпкимъ духомъ, общею культурою и народнымъ трудомъ, почувствовала въ себѣ силы и потребность выйти на міровую арену. Завоеванное ею положеніе первоклассной Европейской Державы ее болѣе не удовлетворяло: накопившіяся внутри страны силы влекли ее на болѣе широкую дорогу. Отечественная промышленность, дѣлавшая сказочные успѣхи, властно требовала расширенія рынковъ для сбыта продуктовъ и отысканія колоній, производящихъ сырье.

Повинуясь стремленіямъ своего народа, молодой, честолюбивый Императоръ Германіи Вильгельмъ II-й, освободившись отъ сдерживавшей его опеки Бисмарка, смѣло повернулъ, въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, государственный корабль на «новый курсъ». — Постепенно Германію обуяла гордыня. Переоцѣнивъ свои силы, она, въ концѣ концовъ, поставили передъ собою такія заданія, которыя едва-ли уже вызывались дѣйствительными потребностями страны. Ненасытная жажда міровой гегемоніи овладѣла ею. На языкѣ же ея Императора эта политика скромно называлась стремленіемъ «обезпечить и себѣ мѣсто подъ солнцемъ».

Выброшеннымъ лозунгомъ: «Наше будущее на моряхъ» и торжественно обставленнымъ путешествіемъ въ началѣ царствованія на Востокъ, Императоръ Вильгельмъ опредѣлилъ и главнѣйшія направленія этого новаго курса. Вопросъ шелъ не болѣе и не менѣе какъ о владычествѣ Германіи на главнѣйшихъ міровыхъ водныхъ путяхъ и захватѣ ею господствующаго вліянія на Ближнемъ Востокѣ, откуда открывались дальнѣйшіе горизонты въ сторону Индіи и Персіи. Въ движеніи къ «Синему морю» тонуло, какъ болѣе ограниченное, подсобное и то «Drang nach Osten», которое издавна было направлено непосредственно противъ Россіи и покровительствуемаго ею славянства.

Для осуществленія первой половины своего грандіознаго замысла, Германія нуждалась въ широкомъ развитіи торговаго флота, — и мы были свидѣтелями того, какихъ поразительныхъ успѣховъ она достигла въ этомъ отношеніи, выдвинувшись въ самое короткое время на второе мѣсто, — непосредственно за Англіей. — Проводникомъ для проникновенія Германіи на Востокъ долженъ былъ служить рельсовый путь Берлинъ-Константинополь-Багдадъ-Персидскій заливъ, который осуществлялся на нашихъ глазахъ также съ необыкновенной энергіей и настойчивостью.

Вполнѣ очевидно, что, съ выполненіемъ обѣихъ частей своего плана, Германія должна была стать одною изъ самыхъ вліятельныхъ Державъ во всѣхъ частяхъ и уголкахъ земного шара.

Однако, задачи, поставленныя передъ Германіей ея Императоромъ, затрагивали самые жизненные интересы другихъ народовъ; это обстоятельство дѣлало работу Германіи крайне опасною для общаго мира.

Новая политика Германіи отбрасывала въ ряды ея самыхъ непримиримыхъ противниковъ прежде всего Англію. Послѣдняя не могла не видѣть въ Германіи сильной нарождающейся соперницы на моряхъ. Съ большой тревогой Англія должна была также взирать на возможность появленія Германіи на берегахъ Мраморнаго моря и, особенно, Персидскаго залива, откуда, очевидно, британскимъ интересамъ могли быть нанесены очень чувствительные удары въ направленіи Египта и Индіи.

Континентальный планъ Германіи, клонившійся къ утвержденію ея вліянія на Балканахъ и Ближнемъ Востокѣ, естественно не могъ не вызывать самаго опасливаго къ нему отношенія и со стороны Россіи, для которой этимъ планомъ создавалась величайшая угроза ея самымъ жизненнымъ интересамъ — идеологическимъ, политическимъ и экономическимъ. Россія, въ самомъ дѣлѣ, ни при какихъ условіяхъ не могла отказаться отъ своей исторической роли защитницы и покровительницы малыхъ славянскихъ народовъ, которыхъ Германія должна была встрѣтить на своемъ всесокрушающемъ пути на востокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко заинтересованная въ режимѣ надъ проливами, соединяющими Черное море съ Средиземнымъ, Россія не могла конечно допустить установленія преобладающаго вліянія на берегахъ Мраморнаго моря нѣмцевъ, какъ силы, явно ей враждебной. Наконецъ, извѣстную опасность для экономическихъ интересовъ нашей родины представляло также стремленіе Германіи проникнуть въ Персію. Уже въ 1911-мъ году мы вынуждены были согласиться на соединеніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ въ сѣверной Персіи съ германской багдадской линіей, чѣмъ создавалось положеніе, невыгодное для нашей торговли въ странѣ «Льва и Солнца».

Появленіе Германіи на моряхъ и установленіе ея вліянія въ Турціи создавало также и для Франціи нѣкоторую угрозу ея колоніямъ, какъ равно издавна установившемуся престижу въ мусульманскомъ мірѣ на Ближнемъ Востокѣ. Но у Франціи съ Германіей имѣлись еще старые счеты, болѣзненно обострявшіе ихъ взаимоотношенія. Униженная и оскорбленная результатами несправедливой войны 1870-71-годовъ, Франція не могла примириться со своимъ положеніемъ. Мечта о возвращеніи Эльзаса и Лотарингіи и неувѣренность въ своей дальнѣйшей безопасности заставляли ее искать сближенія съ противниками Германіи.

Я невольно переношусь здѣсь мыслью въ область тѣхъ глубокихъ впечатлѣній, которыя я вынесъ изъ общенія моего съ французскими военными кругами въ 1913-мъ году. Я былъ на осеннихъ маневрахъ XX-го французскаго корпуса, во главѣ котораго стоялъ пользовавшійся уже тогда большимъ уваженіемъ въ русскихъ военныхъ кругахъ Генералъ (нынѣ Маршалъ) Фошъ. Первую половину маневреннаго періода я провелъ среди доблестныхъ частей II-й пѣх. дивизіи, — «желѣзной», какъ ее называли (division de fer). Дивизіи этой

предстояло маневрировать противъ столь же славной 39-дивизіи. Маневры происходили въ раіонѣ къ востоку отъ Нанси, въ пограничной мѣстности, напоенной ароматомъ близкаго дыханія прекрасной, но увы отторженной отъ своей матери-родины, Лотарингіи. И не одинъ разъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ грустныхъ, полныхъ скорби и страданія взоровъ старыхъ сѣдыхъ воиновъ-генераловъ, остро вглядывавшихся въ желанную даль; не одинъ разъ пришлось видѣть и слезу, скатывавшуюся на сѣдые усы и украдкою отъ меня вытиравшуюся... Какъ счастливы были бы они, эти доблестные воины, думалось мнѣ тогда, дожить до того времени, когда ихъ знанія, опытъ, а можетъ быть и самая жизнь, понадобятся ихъ родинѣ для освобожденія этой прекрасной, нынѣ плѣненной красавицы, — родной имъ по крови Лотарингіи...

Германія въ полной мѣрѣ оцѣнивала настроенія своей западной сосѣдки. Она хорошо понимала, что, рѣшаясь расширить зону своего вліянія далеко за предѣлы Европы, она должна предварительно и надолго ослабить Францію, чтобы создать безопасность на Рейнѣ.

Уже въ 1875-мъ году Германія, какъ извѣстно, сдѣлала попытку нанести Франціи новый и смертельный ударъ. Занесенная рука нѣмцевъ, однако, опустилась, подъ вліяніемъ твердой политики Россіи, предупредившей этотъ ударъ. Франція уже тогда должна была познать для себя цѣнность сближенія съ Россіей.

Такимъ образомъ, Англія, Россія и Франція, подъ вліяніемъ новой міровой политики Германіи, являлись естественными противниками послѣдней. Вооруженная борьба съ поименованными Державами — послѣдовательная или одновременная — являлась для Германіи неизбѣжной, и возникновеніе этой борьбы должно было почитаться лишь вопросомъ времени.

Императоръ Вильгельмъ не могъ не сознавать этой обстановки и потому, одновременно съ рѣшеніемъ лечь на новый курсъ, онъ энергично приступилъ къ подготовкѣ благопріятныхъ условій для будущаго вооруженнаго столкновенія.

Прежде всего онъ сосредоточилъ свои усилія на томъ, чтобы упрочить связи Германіи съ возможными ея союзниками Австро-Венгріей и Италіей, — двумя Державами, имѣвшими на Балканахъ и въ Средиземномъ морѣ интересы, частично совпадавшіе съ новой политикой Германіи. Затѣмъ Германскій Императоръ и его правительство стали систематически развивать и укрѣплять нѣмецкое вліяніе въ Константинополѣ, каковому вліянію было положено начало во время посѣщенія главы германскаго государства столицы Османовъ. — Какъ извѣстно, эта работа завершилась водвореніемъ въ 1913-мъ году на берегахъ Босфора нѣмецкой военной миссіи Генерала Лимана фонъ Сандерса, постепенно взявшаго подъ свой контроль охрану подступовъ къ столицѣ Турецкой Имперіи. Наконецъ не остались безъ поддержки и покровительства Германіи попытки къ сближенію съ Державами Тройственнаго Союза Румыніи и антиславянская политика Фердинанда Болгарскаго.

Внутри Германіи были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы внѣдрить въ

народныя толщи убѣжденіе въ необходимости быть всегда готовыми къ войнѣ, дабы, съ оружіемъ въ рукахъ, имѣть возможность закрѣпить положеніе Германіи, какъ міровой Державы. Въ этомъ направленіи на протяженіи многихъ лѣтъ настойчиво и согласно работали самъ Императоръ, въ качествѣ народнаго трибуна, и, наряду съ нимъ, — патріотическіе союзы, печать, школа и даже церковь.

Разумѣется, огромное вниманіе было обращено Императоромъ Вильгельмомъ и на непосредственное развитіе военной мощи Германіи съ тѣмъ, чтобы поставить ея вооруженныя силы — морскія и сухопутныя — въ полное соотвѣтствіе съ грандіозными задачами ея міровой политики.

Въ дѣлѣ созданія военно-морского могущества, періодомъ наибольшаго напряженія явились послѣдніе годы минувшаго столѣтія. Въ этотъ періодъ были отпущены огромные, по тому времени, кредиты на постройку нѣсколькихъ десятковъ крупныхъ кораблей, съ введеніемъ коихъ въ строй Германія сразу выдвинулась въ ряды могущественнѣйшихъ морскихъ Державъ.

Что касается сухопутной арміи, то таковая уже со времени побѣдоносной войны 1870-71 г.г. являлась одною изъ лучшихъ армій въ мірѣ. Тѣмъ не менѣе дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе ея составляли одну изъ первѣйшихъ заботъ Императора Вильгельма и его правительства. На содержаніе этой арміи и поддержаніе ея матерьяльной части на уровнѣ современной техники тратились огромныя средства, непрестанно возраставшія. — 1911-й, 12-й и 13-й годы были годами особо усиленныхъ ассигнованій Рейхстага на армію, каковое обстоятельство какъ бы указывало на приближеніе времени роковой развязки.

Военная промышленность Германіи благоденствовала. — Благодаря заказамъ иностранныхъ Государствъ, въ томъ числѣ, къ сожалѣнію, и Россіи, Германія имѣла возможность уже въ мирное время развить и поддерживать производительность своихъ заводовъ, изготовлявшихъ предметы военнаго снабженія, далеко сверхъ нормы, необходимой для удовлетворенія собственныхъ потребностей мирнаго времени. Такое состояніе военной промышленности ставило ее въ исключительно выгодное положеніе; оно же давало возможность содержать наготовѣ значительный кадръ опытныхъ инженеровъ, техниковъ и квалифицированныхъ рабочихъ, специализировавшихся на военно-промышленной работѣ. Наконецъ, въ распоряженіи германскаго правительства имѣлась богато развитая общая промышленность, которая, будучи объединена въ тресты, представляла большія удобства для приспособленія ея въ военное время къ изготовленію предметовъ военнаго назначенія.

Активное направленіе политики, которую вела Германія, давало ей огромныя преимущества въ дѣлѣ подготовки къ предстоявшей войнѣ. Современная война не можетъ вестись, съ надеждой на успѣхъ, одной арміей. Она требуетъ полнаго напряженія и приспособленія къ войнѣ рѣшительно всѣхъ силъ націи. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, государство не можетъ находиться въ состояніи постоянной и полной готовности къ войнѣ. При наличіи большого

числа сосѣдей, оно не можетъ быть одинаково готово и для борьбы на всѣхъ фронтахъ. Наконецъ, состояніе матерьяльной части арміи, при быстромъ развитіи техники, также не можетъ всегда поддерживаться на современномъ уровнѣ. Этому будутъ препятствовать финансовыя соображенія. — Такимъ образомъ, при настоящихъ условіяхъ, подготовка къ войнѣ всякаго государства будетъ всегда имѣть характеръ относительный, причемъ не трудно видѣть, что максимальной степени подготовки легче достигнуть тому государству, правительство котораго въ состояніи заблаговременно указать отечественной стратегіи предстоящую ей задачу не только по направленію, но и въ предѣлахъ извѣстнаго промежутка времени. Въ такомъ именно положеніи находилась Германія. Она вела активную политику, должна была отдавать себѣ отчетъ, съ кѣмъ изъ Державъ ей придется столкнуться, и даже могла регулировать время этого столкновенія. И если Германія допустила разразиться неминуемо надвигавшейся катастрофѣ именно въ 1914-мъ году, то, надо думать, потому, что соотношеніе шансовъ на успѣхъ должно было представляться ей въ этотъ періодъ времени болѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ будущемъ.

Надо сказать, что для такого вывода у Германіи имѣлись достаточныя основанія. Въ самомъ дѣлѣ, во Франціи почти накапунѣ войны были вскрыты серьезные недочеты въ вооруженіи и снабженіи арміи, на которые законодательными учрежденіями было обращено большое вниманіе. Слѣдовало ожидать, что къ устраненію обнаруженныхъ недочетовъ будутъ приняты энергическія мѣры, но все же для того требовалось нѣкоторое время, которое выгодно было Германіи использовать. Независимо того, во Франціи въ 1913-мъ году рѣшено было вновь вернуться къ трехлѣтнему сроку дѣйствительной военной службы, что должно было значительно упрочить кадровый составъ арміи и усилить боевую подготовку людей, зачисляемыхъ въ резервъ. Непрактично было бы дожидаться результатовъ и этой мѣры. Россія, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, была ослаблена, въ свою очередь, внутренними нестроеніями и только заканчивала выполненіе своей строго оборонительной военной программы. Отвѣчая, однако, на развитіе военной мощи своихъ западныхъ сосѣдей — Германіи и Австро-Венгріи, она готовилась вступить въ періодъ дальнѣйшаго усиленія своей сухопутной вооруженной силы и возсозданія военнаго флота. Что касается Англіи, то ея связи съ Франціей, и особенно Россіей, не были еще закрѣплены въ сколько нибудь осязательныя формы и потому вопросъ о ея выступленіи противъ Германіи далеко не могъ считаться предрѣшеннымъ. Въ данномъ случаѣ все должно было зависѣть отъ общей обстановки, искусства германской дипломатіи и такта ея стратегическаго замысла. Наконецъ, даже небольшая по размѣрамъ и количеству населенія Сербія, которой суждено было стать предлогомъ къ возникновенію войны, была, къ началу конфликта, истощена предшествовавшими войнами со своими сосѣдями.

Въ настоящее время, послѣ выхода въ свѣтъ ряда «цвѣтныхъ» книгъ и частныхъ изданій съ документами, относящимися къ періоду возникновенія

осложненій, приведшихъ къ войнѣ, нетрудно возстановить въ полномъ объемѣ и хронологической послѣдовательности всю сложную цѣпь событій и переговоровъ, имѣвшихъ мѣсто въ тѣ тревожные дни. Въ мою задачу, однако, не входитъ такое изложеніе, и я ограничусь обзоромъ преимущественно лишь тѣхъ событій и фактовъ, которыми характеризуется роль Россіи и Германіи въ конфликтѣ, приведшемъ къ міровой войнѣ.

28-го Іюня [1]) 1914 года, въ г. Сараево, произошло на политической почвѣ убійство Эрцгерцога Фердинанда, наслѣдника Австро-Венгерскаго престола. Правительство Двуединой монархіи, всегда искавшее случая создать осложненія съ Сербіей, обвинило послѣднюю въ участіи въ подготовкѣ убійства, путемъ поощренія велико-сербскаго движенія. Въ Россіи были очень взволнованы такимъ направленіемъ событій, но послѣдовавшее изъ Вѣны завѣреніе объ умѣренности предстоявшихъ со стороны Австро-Венгріи требованій и промедленіе въ предъявленіи таковыхъ Сербіи внесли постепенно замѣтное успокоеніе. Спустя нѣсколько дней, къ вящшему успокоенію, выяснилось, что Германскій Императоръ отказался отъ своей первоначальной мысли лично присутствовать на похоронахъ убитаго Эрцгерцога и даже рѣшилъ не отмѣнять своего обычнаго лѣтняго путешествія въ норвежскія шхеры. Бдительность Петербурга была усыплена этими фактами еще болѣе. Французское и русское правительства, имѣвшія ввиду лѣтомъ этого года продемонстрировать связывавшія ихъ союзныя отношенія, продолжали сговариваться о подробностяхъ давно задуманнаго и предстоявшаго въ ближайшее время осуществленія торжественнаго посѣщенія Русскаго Императора Президентомъ Французской Республики. — Глава союзнаго намъ государства, по предположенію своего правительства, долженъ былъ прибыть къ намъ морскимъ путемъ на военномъ кораблѣ 20-го Іюля и на обратномъ пути посѣтить Швецію, Данію и Норвегію.

Такимъ образомъ, обстановка способствовала созданію убѣжденія въ полной безоблачности политическаго горизонта.

Тѣмъ неожиданнѣе оказались тонъ и содержаніе ноты Австро-Венгерскаго правительства, предъявленной Сербіи 23-го Іюля. Актъ этотъ, по выраженію одного виднаго дипломата, могъ быть уподобленъ удару грома, разразившемуся въ тихій и ясный лѣтній день. Правительство Императора Іосифа требовало, чтобы сербское правительство обязалось оффиціально и печатно осудить всякую анти-австрійскую пропаганду и объявить, что отнынѣ оно будетъ жестоко преслѣдовать и карать всякое проявленіе таковой. Сверхъ того бѣлградское правительство должно было обязаться устранить отъ должностей всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ, на которыхъ укажетъ Вѣна, какъ на виновниковъ пропаганды противъ Австро-Венгріи, и согласиться на сотрудничество въ предѣлахъ сербской территоріи австрійскихъ чиновниковъ, въ цѣляхъ какъ открытія соучастниковъ преступленія 28-го Іюня, такъ и вообще борьбы съ дви-

---

[1]) Всѣ числа по новому стилю.

женіями, направленными противъ Двуединой Монархіи. — На эту ноту Сербія обязывалась отвѣтомъ въ 48-ми часовой срокъ.

Предъявленный Сербіи ультиматумъ былъ оффиціально сообщенъ Вѣной остальнымъ Державамъ лишь по истеченіи довольно значительной части предоставленнаго на отвѣтъ срока.

Совершенно очевидно, что въ числѣ требованій, предъявленныхъ Сербіи, были такія, которыя существенно затрагивали достоинство и понятіе о независимости Сербскаго Королевства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, короткій срокъ, предоставленный Сербіи на отвѣтъ, въ связи съ опозданіемъ въ сообщеніи содержанія ультиматума остальнымъ Державамъ, до крайности затруднялъ мирное вмѣшательство третьихъ государствъ, въ цѣляхъ улаженія конфликта, возникшаго столь неожиданно и принявшаго столь острую форму.

Россію не связывало съ Сербіей никакое формальное соглашеніе — ни политическое, ни военное; тѣмъ не менѣе она не могла, въ силу своего историческаго призванія, не придти родственной ей странѣ на помощь въ столь трудное для сей послѣдней время. — Нашъ Министръ Иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ призналъ необходимымъ сдѣлать передъ вѣнскимъ правительствомъ экстренные шаги прежде всего въ томъ смыслѣ, чтобы продлить срокъ, предоставленный Сербіи для отвѣта. Независимо того, С. Д. Сазоновъ, черезъ австро-венгерскаго посла въ Петербургѣ, обратилъ вниманіе Вѣны на фактическую невыполнимость нѣкоторыхъ предъявленныхъ требованій и указалъ на желательность подвергнуть положенія Австро-Венгерской ноты дружественному совмѣстному пересмотру, въ цѣляхъ найти достойный мирный выходъ изъ положенія для обѣихъ сторонъ.

Предложенія эти Вѣной приняты не были. Несмотря на полную готовность бѣлградскаго правительства послѣдовать совѣтамъ расположенныхъ къ нему государствъ и широко пойти на встрѣчу австрійскимъ требованіямъ, отвѣтъ Сербіи, данный въ срокъ, былъ признанъ въ Вѣнѣ неудовлетворительнымъ. — «Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать», — таковой оказалась позиція волчихи — Австріи по отношенію къ ея маленькой героической сосѣдкѣ — Сербіи... Немедленно по полученіи отвѣта, едва имѣя время ознакомиться съ его содержаніемъ, Австро-Венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ демонстративно покинулъ сербскую столицу. Дѣйствія Австріи производили впечатлѣніе преднамѣренной торопливости, какъ бы съ цѣлью отрѣзать всѣ мирные пути для улаженія конфликта.

Невольно возникалъ вопросъ — могло ли австро-венгерское правительство дѣйствовать столь рѣшительно на свой собственный страхъ и рискъ?

Несомнѣнно, что балканская политика Австро-Венгріи была съ давнихъ поръ направлена противъ Сербіи. Для изоляціи и утѣсненія послѣдней вѣнское правительство вело упорную и систематическую работу, и та работа получила особое развитіе въ періодъ выяснившагося ослабленія Россіи послѣ неудачной японской войны и наступившаго, вслѣдъ за нею, революціоннаго броженія. Предвидя, однако, въ будущемъ возможность столкновенія съ Россіей на почвѣ

балканскихъ дѣлъ, Австро-Венгрія, вмѣстѣ съ тѣмъ, настойчиво развивала свою армію и въ этомъ отношеніи достигла значительныхъ результатовъ. — Вокругъ честолюбиваго покойнаго наслѣдника престола въ Вѣнѣ создалась сильная военная партія, руководившаяся энергичнымъ и одареннымъ Начальникомъ Генеральнаго штаба Барономъ Конрадомъ фонъ Хецендорфомъ. Послѣдній, по донесеніямъ нашей военной агентуры, былъ горячимъ сторонникомъ такъ называвшейся «предупредительной» войны, то есть войны, долженствовавшей быть искуственно навязанной Россіи въ періодъ ея недостаточной готовности. Соблазнительностью идеи такой войны, быть можетъ, и объясняется, въ извѣстной мѣрѣ, та дерзкая политика, которую Австро-Венгерское правительство вело на Балканахъ въ періодъ съ 1908-го по 1913-й годъ включительно и передъ которою ослабленная Россія вынуждалась къ отступленію. Возможно также, что военная партія въ Вѣнѣ воспользовалась и несчастнымъ событіемъ въ Сараево, чтобы съ мѣста создать вокругъ него тяжелую атмосферу и сразу углубить конфликтъ. Этотъ послѣдній путь обѣщалъ даже извѣстныя выгоды вѣнскому правительству, оставляя за нимъ право, въ случаѣ локализаціи конфликта, настаивать на увеличеніи своихъ первоначальныхъ требованій. И тѣмъ не менѣе дѣйствія Австро-Венгріи едва-ли могли имѣть самостоятельный характеръ. Ни одинъ серьезный государственный дѣятель въ Вѣнѣ не могъ обманывать себя надеждой видѣть Россію побѣжденной силами одной австро-венгерской монархіи. Только сильная и непосредственная помощь Германіи могла обезпечить Австріи конечный успѣхъ. Такимъ образомъ, Австрія, во внѣшней своей политикѣ, могла дѣйствовать лишь какъ членъ того союза, непререкаемымъ главой котораго являлась Германія. Сжатая въ тискахъ этого союза, Австро-Венгрія являлась лишь орудіемъ Германіи. Она могла имѣть свои мнѣнія, но не волю; дирижерская палочка находилась въ рукахъ Германіи.

Правильность этихъ соображеній всего лучше подтверждалась тѣми свѣдѣніями, которыя были получены въ нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ изъ Парижа въ первые же дни по возникновеніи предвоеннаго конфликта. Замѣститель нашего посла въ Парижѣ А. П. Извольскаго, вызваннаго въ Петербургъ на время пребыванія тамъ Президента Французской Республики, сообщалъ, что германскимъ посломъ въ Парижѣ было заявлено во французскомъ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ о томъ, что инцидентъ между Австріей и Сербіей, по мнѣнію Германіи, подлежитъ непосредственному разрѣшенію между обоими названными государствами, и что, хотя Австрія вручила свою ноту безъ предварительнаго уговора съ Берлиномъ, тѣмъ не менѣе Германія одобряетъ точку зрѣнія Вѣны. Къ этому баронъ Шенъ добавилъ крайне характерную фразу, что «разъ стрѣла выпущена», то Германія можетъ руководствоваться лишь своими союзническими обязательствами.

Такимъ образомъ, Германское правительство сразу поставило препятствіе мирному вмѣшательству въ конфликтъ третьихъ Державъ и санкціонировало предъявленіе своей союзницей Сербіи завѣдомо непріемлемыхъ для самостоя-

тельнаго государства требованій. Изъ-за спины относительно слабой Австріи вырисовывался обликъ мощной Германіи, закованной въ ратные доспѣхи.

Но ради какихъ конечныхъ цѣлей выступала Германія? Имѣла ли она ввиду обезпечить очередное продвиженіе на Балканы Австро-Венгріи, въ качествѣ своего авангарда, или вызвать наше отечество на такой шагъ, который могъ бы приблизить кровавую развязку? — Игра Германіи оставалась еще не вскрытою.

Вернувшійся въ Парижъ къ своему посту А. П. Извольскій, въ день своего пріѣзда, 27-го Іюля, телеграфировалъ, что германскій посолъ Баронъ Шенъ письменно подтвердилъ сдѣланное имъ накануне во французскомъ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ заявленіе о томъ, что Австрія не ищетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и не угрожаетъ цѣлости Сербіи и что ея единственная цѣль — обезпечить собственное спокойствіе. Такимъ образомъ, добавлялъ Баронъ Шенъ, предотвращеніе войны зависитъ въ полной мѣрѣ отъ Россіи. Германія, «чувствуя себя солидарной съ Франціей въ горячемъ желаніи поддержать миръ», полагаетъ, что обѣ Державы должны воздѣйствовать на Россію «въ умѣряющемъ смыслѣ». При этомъ Баронъ Шенъ особливо подчеркивалъ выраженіе о солидарности между Германіей и Франціей.

Въ этомъ ходѣ отчетливо вырисовывалась попытка германской дипломатіи оторвать Францію отъ Россіи, поставить послѣднюю въ изолированное положеніе и поселить чувство недовѣрія между обоими названными государствами. Попытка эта однако не удалась. Франція, а за нею Англія, отвѣтили въ полномъ согласіи другъ съ другомъ, что воздѣйствіе должно быть произведено не въ Петербургѣ, а въ Вѣнѣ, ибо Россія проявила въ данномъ конфликтѣ съ самаго начала полную умѣренность. Не удалось также и другое предположеніе Германіи — о ея совмѣстной съ Франціей интервенціи. Берлинскому правительству было отвѣчено о цѣлесообразности предоставленія интервенціи четыремъ Державамъ: Франціи, Англіи, Германіи и Италіи.

Въ тотъ же день, 27-го Іюля, Англійскій посолъ въ Петербургѣ обратился къ нашему Министру С. Д. Сазонову съ вопросомъ, какъ отнесется русское правительство къ предположенію Англіи — взять на себя инициативу созыва въ Лондонѣ конференціи изъ представителей четырехъ Державъ, съ цѣлью обсудить возможные выходы изъ создавшагося положенія. С. Д. Сазоновъ отвѣтилъ, что Императорское правительство готово принять англійское предложеніе — это или всякое другое, — «способное мирно разрѣшить конфликтъ». Однако, мысль о созывѣ въ Лондонѣ конференціи не встрѣтила сочувствія въ Берлинѣ. Германское правительство, возражая противъ конференціи, не указывало на какой либо иной практическій путь къ разрѣшенію конфликта, который такимъ образомъ затягивался и все болѣе осложнялся. Въ теченіе ряда дней со стороны центральныхъ Державъ не только не было сдѣлано никакихъ встрѣчныхъ шаговъ, но замѣчалось даже опредѣленное противодѣйствіе мирнымъ попыткамъ Россіи, Франціи и Англіи.

28-го Іюля Австрія объявила войну Сербіи. Немедленно послѣдовала съ ея стороны бомбадировка Бѣлграда и занятіе части сербской територіи. Еще нѣ-

сколько раньше австро-венгерское правительство приступило у себя къ мобилизаціи не менѣе восьми корпусовъ, часть коихъ — на нашей границѣ. Мѣра эта была явно направлена противъ насъ. Что оставалось дѣлать Россіи, при условіи болѣе медленной мобилизаціи нашей арміи и очевидномъ нежеланіи Австріи стать на путь мирнаго улаженія возникшаго спора?

Авторы довольно обильной литературы по вопросу о «виновникахъ войны» слѣдуютъ нерѣдко въ своихъ изысканіяхъ хронологическому методу, возстанавливая, едва ли не по часамъ, дѣйствія сторонъ и педантично отмѣчая всѣ этапы развертывавшагося конфликта. — Не отрицая нѣкотораго значенія такого способа изслѣдованія вопроса и совсѣмъ не опасаясь, что онъ можетъ поколебать всюду установившееся мнѣніе о безусловно мирной, хотя и твердой позиціи, которая была занята Россіей съ самаго начала возникновенія осложненій, — все же считаю необходимымъ отмѣтить, что, при примѣненіи хронологическаго метода, могутъ быть затемнены другіе, въ сущности болѣе важные факторы. Таковыми безусловно являются — внутренняя психологія каждаго изъ участниковъ конфликта и ихъ отношеніе къ мѣрамъ по мирной ликвидаціи обострившагося спора. Россія выявила въ полной мѣрѣ свое мирное настроеніе готовностью примкнуть къ любому предложенію, которое способствовало бы достойному выходу изъ создавшагося для всѣхъ участниковъ конфликта труднаго положенія. Ея политика не была воинствующей, а искренность ея дѣйствій не могла подвергаться никакимъ сомнѣніямъ. Но въ вопросѣ объ отвѣтныхъ мѣрахъ на разъ начавшуюся мобилизацію у ея западныхъ сосѣдей, Россія должна была серьезно учитывать медленность приведенія ея собственной арміи на военное положеніе и сложность всей ея мобилизаціонной системы, каковые факторы являлись разультатомъ исключительно трудныхъ условій, въ одной Россіи существовавшихъ. Россія менѣе чѣмъ какая либо иная Держава могла допустить, безъ угрозы собственной безопасности, чтобы кто либо изъ западныхъ ея сосѣдей предупредилъ ее въ мобилизаціонныхъ мѣропріятіяхъ, или чтобы ея мобилизаціонные расчеты были чѣмъ либо спутаны. Ея чуткость къ этому вопросу являлась вполнѣ естественною и законною. — Обстоятельство это должно быть всегда принимаемо во вниманіе при оцѣнкѣ дальнѣйшихъ событій.

Въ первые дни, протекшіе послѣ предъявленія Сербіи австрійскаго ультиматума, я былъ въ отсутствіи изъ Петербурга. — Предположеніе о возможности серьезнаго обостренія конфликта, создавшагося Сараевскимъ событіемъ, казалось у насъ, въ Россіи, настолько маловѣроятнымъ, что въ половинѣ Іюля я былъ командированъ на Кавказъ, на очередную полевую поѣздку офицеровъ Генеральнаго штаба, невзирая на то, что въ моемъ вѣдѣніи, по должности Генералъ-Квартирмейстера Генеральнаго штаба, которую я занималъ съ 1909-го года, находились всѣ вопросы, касавшіеся обороны Государства. Почти одновременно со мною, непосредственно вѣдавшій оперативнымъ дѣлопроизводствомъ по западному фронту Полковникъ Щолоковъ былъ уволенъ въ отпускъ и находился на одномъ изъ морскихъ курортовъ Крыма. Въ Петер-

бургѣ оставались наши замѣстители. — Передъ отъѣздомъ на Кавказъ я обращался къ Начальнику Генеральнаго штаба съ предложеніемъ отмѣнить мою поѣздку, ввиду все же нѣсколько сгустившейся политической обстановки, но Генералъ Янушкевичъ не нашелъ для такой отмѣны достаточныхъ основаній.

Событія развились, однако, столь быстро, что уже 25-го Іюля пришлось приступить къ обсужденію тѣхъ военныхъ мѣръ, коими Россія могла бы отвѣтить на вызывающее поведеніе Австро-Венгріи. Въ названный день, въ Красномъ Селѣ, куда незадолго передъ тѣмъ переѣхалъ Государь, обычно проводившій тамъ послѣдніе дни лагернаго сбора войскъ гвардіи и столичнаго гарнизона, собрались, подъ предсѣдательствомъ Государя, нѣкоторые Министры и лица, приглашенныя участвовать въ обсужденіи создавшагося положенія. Въ результатѣ Совѣщанія, было постановлено — на слѣдующій день, 26-го Іюля объявить въ войскахъ «предмобилизаціонный» періодъ, коимъ, между прочимъ, предусматривалось возвращеніе войскъ изъ лагерей на постоянныя стоянки; слѣдующимъ же шагомъ, на случай дальнѣйшаго углубленія конфликта, должно было быть производство частной мобилизаціи войскъ противъ Австріи, причемъ мобилизація эта не должна была коснуться тѣхъ военныхъ округовъ, кои примыкали непосредственно къ германской границѣ. Можно совершенно понять точку зрѣнія тѣхъ членовъ Совѣщанія, кои, стоя далеко отъ военнаго дѣла и будучи незнакомы съ мобилизаціонной техникой, руководились, при постановкѣ такого рѣшенія, лишь однимъ естественнымъ желаніемъ, сохраняя достоинство Россіи, избѣжать даже тѣни какой либо враждебности по отношенію къ Германіи. Но какъ объяснить себѣ достаточно удовлетворительно тѣ мотивы, по которымъ Военный Министръ Генералъ Сухомлиновъ, принимавшій участіе въ упоминаемомъ Совѣщаніи, счелъ возможнымъ не опротестовать постановленіе, которое могло поставить впослѣдствіи Россію въ очень тяжелое и опасное положеніе? Было-ли это легкомысліемъ или результатомъ незнакомства съ дѣломъ? На этотъ вопросъ я отвѣтить не берусь.

Несмотря на то, что мысль о возможности производства, въ данной обстановкѣ, частной мобилизаціи не раздѣлялась ближайшими сотрудниками Начальника Генеральнаго штаба, въ Главномъ управленіи Генеральнаго штаба соотвѣтственное соображеніе о таковой мобилизаціи было подготовлено. — Намѣчалось ограничить мобилизацію четырьмя военными округами, а именно: Кіевскимъ, Одесскимъ, Московскимъ и Казанскимъ. Мобилизація этихъ округовъ давала возможность привести на военное положеніе 13-ть полевыхъ корпусовъ. — Въ такомъ видѣ проектъ намѣчавшейся частной мобилизаціи встрѣтилъ принципіальное сочувствіе Государя и нашего Министерства Иностранныхъ дѣлъ, усматривавшихъ въ подобной мобилизаціи мѣру, могущую подчеркнуть нашу умѣренность вообще и лояльность по отношенію къ Германіи.

Въ соотвѣтствіи съ подготовленнымъ проектомъ, нашъ Министръ Иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ сдѣлалъ германскому послу въ Петербургѣ заявленіе, что намѣчаемыя русскимъ правительствомъ мѣры военнаго характера

отнюдь не направлены противъ Германіи и что ими не предрѣшаются также наступательныя дѣйствія противъ Австро-Венгріи.

Срочно вызванный въ Петербургъ изъ командировки, я 26-го Іюля вернулся къ своему посту. Ознакомившись съ обстановкой и оцѣнивъ ее какъ крайне тревожную, я немедленно послалъ телеграмму моей семьѣ, находившейся въ деревнѣ въ Подольской губерніи, вблизи австрійской границы, прося ее спѣшно вернуться въ Петербургъ. Въ Главномъ управленіи Генеральнаго штаба я засталъ все еще неувѣренность и колебанія по вопросу о томъ, возможно ли рискнуть нарушеніемъ расчетовъ общей мобилизаціи. Начальникъ Генеральнаго штаба Генералъ Янушкевичъ, лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вступившій въ должность и, повидимому, не успѣвшій войти въ детали мобилизаціоннаго дѣла и плана сосредоточенія, не находилъ достаточныхъ основаній къ тому, чтобы возбуждать вопросъ о пересмотрѣ постановленія о частной мобилизаціи. Его ближайшіе сотрудники, напротивъ, возражали противъ этого и указывали на огромныя техническія затрудненія и опасности, могущія явиться въ результатѣ намѣчаемаго рѣшенія вопроса. Я представилъ и свои доводы противъ проекта частной мобилизаціи, не ограничивъ эти доводы мобилизаціонными соображеніями, но распространивъ ихъ и на оперативную сторону вопроса. Тревожное чувство, не покидавшее меня въ эти мучительные дни, дало мнѣ основаніе настойчиво просить Генерала Янушкевича вновь поставить вопросъ о нашей будущей мобилизаціи, въ полномъ его объемѣ, на совмѣстное обсужденіе съ его ближайшими сотрудниками.

Совѣщаніе это состоялось; въ немъ, кромѣ меня, приняли участіе еще Начальникъ мобилизаціоннаго отдѣла Генералъ Добророльскій и Начальникъ военныхъ сообщеній Генералъ Ронжинъ. Въ результатѣ обсужденія, Генералъ Янушкевичъ, видимо проникшись нашими доводами, выразилъ согласіе на изготовленіе двухъ проектовъ Высочайшаго Указа, изъ коихъ одинъ — для общей, а другой — для частной мобилизаціи четырехъ перечисленныхъ выше округовъ. Проекты эти были одновременно представлены на Высочайшее имя при особомъ докладѣ, и намъ оставалось ждать окончательнаго рѣшенія Государя.

Чтобы уяснить себѣ причины, по которымъ частная мобилизація оказывалась въ данныхъ условіяхъ недопустимой, необходимо ближе войти въ обстановку и въ нѣкоторыя детали мобилизаціонной техники, а также оперативнаго плана, разработаннаго на случай войны на западномъ фронтѣ.

Союзъ Германіи съ Австро-Венгріей представлялся настолько тѣснымъ, что уже съ давнихъ поръ въ Россіи непоколебимо установилась та точка зрѣнія, что, въ случаѣ военныхъ осложненій на нашихъ западныхъ границахъ, намъ, въ концѣ концовъ, придется имѣть дѣло не съ одной Германіей или Австро-Венгріей, но съ обѣими Центральными Державами, крѣпко спаянными другъ съ другомъ общностью интересовъ и враждебнымъ къ Россіи отношеніемъ. Разыгравшіяся событія, какъ нельзя лучше, подтвердили правильность этой точки зрѣнія. Но и независимо этого, каждое изъ названныхъ государствъ

представляло, само по себѣ, въ военномъ отношеніи столь серьезную силу, что интересы государственной обороны требовали, въ предвидѣніи столкновенія съ нимъ, полнаго напряженія всѣхъ нашихъ вооруженныхъ силъ сразу. При такихъ условіяхъ, мобилизаціонныя соображенія предусматривали у насъ, на случай военныхъ осложненій на западныхъ границахъ, лишь одну общую для всей арміи мобилизацію. Всякая частная мобилизація являлась, такимъ образомъ, импровизаціей и, какъ таковая, несла въ себѣ самой зародыши неувѣренности и безпорядка въ дѣлѣ, долженствовавшемъ быть построеннымъ на самыхъ точныхъ предварительныхъ расчетахъ.

Съ точки зрѣнія мобилизаціонной техники, возможность производства частной мобилизаціи, безъ опасенія нарушить въ дальнѣйшемъ выполненіе общей мобилизаціи, пріобрѣтается всего проще установленіемъ такого порядка, при которомъ каждый корпусъ (или другой болѣе или менѣе крупный войсковой организмъ) имѣлъ бы свой особый раіонъ укомплектованія и притомъ, по возможности, совпадающій съ раіономъ квартированія войсковыхъ частей этого корпуса въ мирное время. При такихъ условіяхъ, нормальная жизнь страны, въ случаѣ частной мобилизаціи одного или нѣсколькихъ корпусовъ, нарушается лишь въ точно ограниченномъ раіонѣ. Только въ этомъ раіонѣ, обнимающемъ раіоны укомплектованія мобилизуемыхъ корпусовъ, производится призывъ запасныхъ, поставка отъ населенія лошадей, повозокъ и упряжи. Средства же остальной территоріи государства остаются, въ качествѣ надежнаго обезпеченія, для приведенія на военное положеніе той части вооруженныхъ силъ, которая продолжаетъ оставаться немобилизованной. Такихъ условій въ Россіи не существовало и создать ихъ представлялось невозможнымъ по разнымъ причинамъ. Прежде всего, обширность территоріи и недостатокъ желѣзныхъ дорогъ вынуждали, въ цѣляхъ безопасности государственныхъ границъ, держать въ мирное время войска болѣе густо сдвинутыми къ западу; главнѣйшіе же источники пополненія этихъ войскъ — люди и лошади — группировались, наоборотъ, въ восточныхъ и южныхъ губерніяхъ. Затѣмъ, для достиженія надлежащей готовности пограничныхъ частей и уравненія качественнаго состава укомплектованій, нельзя было ограничиться назначеніемъ этихъ укомплектованій изъ одного раіона; необходимо было, во первыхъ, считаться съ возможностью быстрой подачи командъ пополненія въ войска, что зависѣло отъ времени сбора запасныхъ на призывные пункты и условій желѣзно-дорожной перевозки, и, во вторыхъ, — соображаться съ составомъ, характерными чертами и занятіями населенія тѣхъ мѣстностей, откуда черпались укомплектованія. Въ результатѣ всѣхъ этихъ данныхъ, желѣзнодорожныя перевозки при мобилизаціи пріобрѣтали у насъ весьма сложный характеръ: онѣ шли въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ и производились нерѣдко на весьма дальнія разстоянія. Работа желѣзныхъ дорогъ осложнялась еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что, одновременно и въ переплетъ съ перевозками по мобилизаціи командъ пополненія, должны были выполняться, для выигрыша времени, перевозки по сосредоточенію уже отмобилизовавшихся частей къ гра-

ницамъ. Къ этому надо еще добавить, что, при составленіи мобилизаціонныхъ расчетовъ, приходилось также считаться съ недостаточнымъ развитіемъ населенія, малой подготовленностью низшей администраціи и подвижностью нѣкоторой части населенія, занимавшагося отхожими промыслами. Эти обстоятельства препятствовали заблаговременному «персональному» назначенію запасныхъ на случай мобилизаціи. Приходилось довольствоваться «цифровыми» нарядами причемъ, для обезпеченія ихъ выполненія при мобилизаціи, допускать нѣкторыя процентныя надбавки, на случай нерозыска, болѣзни или неявки призванныхъ. Первымъ результатомъ такой системы являлось, конечно, недостаточно экономное расходованіе людского матерьяла, въ нѣкоторомъ расчетѣ на его неизсякаемость. Но съ этимъ неблагопріятнымъ обстоятельствомъ приходилось мириться, ввиду малокультурныхъ условій нашей народной жизни. Поименныя назначенія на случай мобилизаціи были установлены лишь для лицъ, предназначавшихся на офицерскія и военно-чиновничьи должности. Очевидно, что уже одно условіе не поименованнаго, а числового предназначенія людей дѣлало затруднительнымъ производство частной мобилизаціи, при которой могли быть серьезно нарушены интересы тѣхъ войсковыхъ частей, кои временно не мобилизовались, но, по общему мобилизаціонному расписанію должны были пополняться изъ уѣздовъ, затронутыхъ частной мобилизаціей. Въ общемъ же, принимая во вниманіе всю совокупность изложенныхъ обстоятельствъ, приходилось считаться съ тѣмъ, что, вырывая, при наличіи существовавшихъ у насъ условій, изъ общаго плана, предусматривавшаго общую мобилизацію и одновременное съ нею сосредоточеніе вооруженныхъ силъ къ границамъ, лишь часть этого плана, мы рисковали внести коренное разстройство въ остающуюся часть таковаго плана, и особенно въ работу желѣзныхъ дорогъ. Разстройство это могло быть причиной катастрофическихъ послѣдствій, если бы мы были вынуждены дополнительно, и особенно не закончивъ частной мобилизаціи, перейти къ мобилизаціи остальной части нашихъ вооруженныхъ силъ, подъ вліяніемъ дальнѣйшей обстановки.

Попытка — приспособить мобилизаціонные расчеты къ возможности производства частной мобилизаціи у насъ имѣлась ввиду. Предполагалось осуществить ее при послѣдующемъ мобилизаціонномъ планѣ, который, ко времени возникновенія политическихъ осложненій, находился лишь въ періодѣ разработки. Но эта попытка касалась лишь случаевъ осложненій на нашихъ второстепенныхъ границахъ, преимущественно азіатскихъ, когда могла потребоваться мобилизація лишь небольшого количества войскъ, и притомъ безъ особаго напряженія въ срокахъ ихъ готовности. При возникновеніи же осложненій на западномъ фронтѣ, хотя бы вначалѣ съ одной только Германіей или Австріей, представлявшими каждая въ отдѣльности серьезнаго противника, обстановка не позволяла ограничиться частной мобилизаціей, не говоря уже о томъ, что производство таковой было сопряжено съ техническими препятствіями и рискомъ скомпрометировать наше военное положеніе, въ случаѣ дальнѣйшихъ осложненій.

Рискуя такимъ образомъ, при мобилизаціи только четырехъ округовъ, дальнѣйшей готовностью всей остальной нашей арміи, мы, кромѣ того, обрекали себя, въ этомъ случаѣ, на невыгодное стратегическое положеніе по отношенію къ угрожавшей намъ Австро-Венгріи. Такая мобилизація, какъ уже было отмѣчено, давала намъ возможность привести на военное положеніе только 13 корпусовъ. Между тѣмъ читатель увидитъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ, что, даже при одновременной войнѣ съ Германіей и Австро-Венгріей, нашими подготовительными къ войнѣ соображеніями намѣчалось сосредоточеніе противъ Австріи 16-ти полевыхъ корпусовъ, которые, для достиженія успѣха, пришлось весьма скоро усилить еще двумя корпусами. — Я не удивлюсь, если критика, при разборѣ минувшей войны, поставитъ намъ въ укоръ недостаточность силъ, выставленныхъ въ первую очередь противъ Двуединой Монархіи, послѣ объявленія ею намъ войны. Теоретически эта критика будетъ права, ибо давно извѣстно, что лучшая стратегія есть стратегія сильнѣйшая. Но ею будетъ при этомъ упущено одно очень серьезное обстоятельство — наши обязательства по отношенію къ союзной намъ Франціи, къ каковымъ обязательствамъ мы конечно должны были отнестись съ полнымъ вниманіемъ. Все сказанное мною приводится съ цѣлью подчеркнуть, что, ограничивая себя приведеніемъ на военное положеніе по частной мобилизаціи лишь 13-ти корпусовъ, мы подвергались всѣмъ возможнымъ послѣдствіямъ выставленія противъ Австро-Венгріи безусловно недостаточнаго количества войскъ.

Нашъ оперативный планъ, независимо выставленія въ первую очередь противъ Австро-Венгріи 16-ти корпусовъ, намѣчалъ воспользоваться выгоднымъ съ военной точки зрѣнія охватывающимъ положеніемъ Россіи по отношенію къ австрійской территоріи и, въ соотвѣтствіи съ этимъ условіемъ, развернуть арміи, предназначавшіяся для дѣйствія противъ названной Державы, не только на западномъ фронтѣ Кіевскаго военнаго округа, но и на южномъ участкѣ Варшавскаго округа. Ограничиваясь же мобилизаціей лишь Кіевскаго, Одесскаго, Московскаго и Казанскаго военныхъ округовъ, мы одновременно должны были ограничить и развертываніе нашихъ войскъ противъ Австріи предѣлами одного Кіевскаго округа, такъ какъ Варшавскій округъ примыкалъ на половину къ Германіи и потому, во избѣжаніе конфликта, его имѣлось ввиду оставить на мирномъ положеніи. Такимъ образомъ, рѣшаясь на частную мобилизацію, мы вынуждались отказаться не только отъ сосредоточенія необходимаго числа корпусовъ для обезпеченія успѣха дѣйствій надъ Австріей, но и отъ выгодъ охватывающаго положенія, создавшагося взаимнымъ расположеніемъ Варшавскаго и Кіевскаго военныхъ округовъ въ отношеніи нашего вѣроятнаго противника. Наконецъ, принимая во вниманіе болѣе раннюю готовность австро-венгерской арміи, мы, при такомъ развертываніи, рисковали еще возможностью, если не широкаго наступленія, то налета частей этой арміи на немобилизованныя войска Варшавскаго военнаго округа, что представляло также большія опасности и разрушало въ будущемъ возможность спокойной мобилизаціи войскъ этого округа, пограничнаго не только съ Австріей, но и Германіей.

Предупреждая нѣсколько изложеніе событій, хочется спросить читателя, для лучшаго уясненія вопроса, не служитъ ли убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ рискованности рѣшенія ограничить наши военныя мѣры частичной мобилизацією, примѣръ самой Германіи, которая отвѣтила на нашу мобилизацію, вызванную осложненіями съ Австро-Венгріей, не частичнымъ приведеніемъ въ боевую готовность своихъ войскъ, предназначенныхъ для совмѣстныхъ съ Австро-Венгріей дѣйствій на восточномъ фронтѣ —такихъ было только нѣсколько корпусовъ, а общей мобилизаціей всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи, хотя въ это время ея западная сосѣдка — Франція не приступала еще къ мобилизаціи своей арміи. А вѣдь въ Германіи, болѣе чѣмъ гдѣ либо въ другой странѣ, могла быть примѣнена частная мобилизація, такъ какъ въ ней въ найболѣе чистомъ видѣ была проведена территоріальная система корпусныхъ округовъ пополненія. Но Германія не обманывала себя: она ясно понимала, что только полное и одновременное приведеніе на военное положеніе всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи могло отвѣчать серьезности даннаго политическаго момента, и что нарушить единство заранѣе разработаннаго плана мобилизаціи при данныхъ условіяхъ, представляется неоправдываемымъ рискомъ.

Опасность отъ принятія намѣчавшагося мало продуманнаго рѣшенія — мобилизовать только войска четырехъ округовъ — была столь велика, что у лицъ, отчетливо ее сознававшихъ, должна была даже зародиться мысль о предпочтительности пока полнаго отказа отъ мобилизаціи, чѣмъ ограниченія ея въ размѣрахъ, подъ рискомъ нарушить расчеты общей мобилизаціи. Но въ этомъ случаѣ, Россія предоставила бы Сербію ея собственной трагической судьбѣ, что было для нея невозможно по соображеніямъ не только политическимъ, но и моральнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Россія подвергла бы себя риску потерять время для приведенія своей арміи въ готовность, что имѣло для нея большое значеніе, принимая во вниманіе, что мобилизаціонная готовность нашей арміи значительно запаздывала по сравненію съ таковою же нашихъ западныхъ сосѣдей.

Но возвратимся къ нашему повѣствованію. Утромъ 20-го Іюля къ Начальнику мобилизаціоннаго отдѣла вернулся подписанный Государемъ Высочайшій указъ объ общей мобилизаціи арміи, началомъ которой надлежало считать 12 часовъ ночи на 30-е Іюля. Исключеніе было сдѣлано лишь для войскъ Пріамурскаго военнаго округа, которыя намѣчено было мобилизовать дополнительно въ виду того, что перевозка ихъ, по условіямъ желѣзнодорожнаго транспорта, могла начаться лишь по истеченіи нѣсколькихъ недѣль.

Такимъ рѣшеніемъ Государя благополучно разрѣшался вопросъ о сохраненіи боевой готовности нашей арміи и обезпеченіи безопасности государства.

Чрезвычайно важно отмѣтить, что въ этотъ самый день, 29-го Іюля, когда Россія фактически еще не приступала къ мобилизаціи ни одной своей части войскъ и ограничилась лишь введеніемъ, незадолго до этого числа, предмобилизаціоннаго періода, предусматривавшаго только домашнюю провѣрку мобилизаціонныхъ соображеній и расчетовъ, — въ этотъ день германскій посолъ въ Петербургѣ Графъ Пурталесъ въ категорической формѣ заявилъ нашему

Министру Иностранныхъ дѣлъ о рѣшеніи его правительства «мобилизовать» армію, если Россія не прекратитъ своихъ военныхъ приготовленій. И еще характернѣе, что 29-го же Іюля германскій посолъ въ Парижѣ Баронъ Шенъ, какъ объ этомъ доносилъ А. П. Извольскій, при свиданіи съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и Министромъ Иностранныхъ дѣлъ Франціи г. Вивіани, жалуясь ему на военныя приготовленія Франціи, добавилъ, что Германія вынуждена будетъ прибѣгнуть къ такимъ же приготовленіямъ. Какое удивительное совпаденіе въ дѣйствіяхъ обоихъ германскихъ дипломатовъ! — И эти факты — не лучшее ли доказательство того, что Германія, руководимая Императоромъ Вильгельмомъ, незадолго передъ тѣмъ вернувшимся изъ своей морской экскурсіи, уже въ то время подготовляла почву для оправданія своей предрѣшенной мобилизаціи и для переложенія отвѣтственности за таковую на Россію и Францію!

Къ этому времени мы имѣли въ своемъ распоряженіи вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія, что германскіе офицеры, проживавшіе въ Россіи, получили распоряженіе о возвращеніи въ Германію.

О принятомъ Государемъ рѣшеніи — приступить къ общей мобилизаціи всей русской арміи — было поручено Вице-Директору Канцеляріи Министерства Иностранныхъ дѣлъ Н. А. Базили 29-го Іюля вечеромъ довести до свѣдѣнія французскаго посла въ Петербургѣ. Н. А. Базили разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи о трудномъ положеніи, въ которомъ онъ оказался при исполненіи даннаго ему порученія. Несомнѣнно, что г. Палеологъ, по долгу службы, обязанъ былъ о рѣшеніи Государя немедленно освѣдомить свое правительство, не ожидая утра 30-го Іюля, когда состоявшееся Высочайшее повелѣніе объ общей мобилизаціи арміи должно было стать общеизвѣстнымъ; до этого же времени представлялось конечно желательнымъ сохранить его въ тайнѣ отъ нашихъ западныхъ сосѣдей. Между тѣмъ, нашему Министерству было доподлинно извѣстно, что французскій шифръ довольно легко поддается расшифровкѣ и такимъ образомъ содержаніе телеграммы г. Палеолога, подлежавшей на общемъ основаніи направленію черезъ Берлинъ, подвергалось риску стать достояніемъ нашихъ противниковъ. Вслѣдствіе этого Н. А. Базили, по указанію своего Министра, счелъ долгомъ предупредить г. Палеолога о секретномъ пока характерѣ своего сообщенія и просилъ французскаго посла о зашифрованіи его телеграммы не французскимъ, а русскимъ дипломатическимъ шифромъ, секретность котораго не внушала сомнѣній. Во исполненіе этой просьбы, одинъ изъ секретарей французскаго посольства, по распоряженію г. Палеолога отправился въ наше министерство иностранныхъ дѣлъ, для зашифрованія составленной во французскомъ посольствѣ телеграммы. Этой послѣдней не суждено было, впрочемъ, быть отправленной, вслѣдствіе коренной перемѣны, происшедшей въ тотъ же вечеръ въ рѣшеніи Государя.

Верховный Глава Россіи находился въ теченіе всего 29-го іюля въ телеграфномъ общеніи съ Германскимъ Императоромъ и подъ вечеръ получилъ отъ послѣдняго телеграмму, показавшуюся успокоительной. Въ своемъ телеграфномъ же отвѣтѣ, помѣченномъ 8. ч. 20 м. вечера, Императоръ Николай счелъ

необходимымъ выразить благодарность Императору Вильгельму за его телеграмму, «примирительную и дружескую, и указать на непонятное разногласіе между ея тономъ и рѣзкимъ заявленіемъ, сдѣланнымъ въ тотъ же день Графомъ Пурталесомъ С. Д. Сазонову, о которомъ я уже упоминалъ выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь добавлялъ, что считаетъ «правильнымъ передать Австро-Сербскій вопросъ на Гаагскую конференцію».

Нѣсколько позднѣе отправки этой телеграммы Императоромъ Николаемъ было отдано повелѣніе объ остановкѣ всѣхъ распоряженій по производству общей мобилизаціи и о замѣнѣ ея частной мобилизаціей только въ четырехъ военныхъ округахъ.—Первымъ днемъ этой мобилизаціи сохранялось 30-е іюля. — Новое Высочайшее повелѣніе было принято къ немедленному исполненію и съ 12-ти часовъ ночи на 30-е Іюля въ Россіи фактически было приступлено къ мобилизаціи въ четырехъ военныхъ округахъ: Кіевскомъ, Одесскомъ, Московскомъ и Казанскомъ, съ приведеніемъ на военное положеніе лишь 13-ти полевыхъ корпусовъ.

О какихъ либо дополнительныхъ переговорахъ между Государемъ Императоромъ, Военнымъ Министромъ и Начальникомъ Генеральнаго штаба, въ ночь съ 29-го на 30-е Іюля, я въ то время ничего не слыхалъ и, если эти переговоры дѣйствительно происходили, то содержаніе послѣднихъ повидимому оставалось тайной переговаривавшихся лицъ.

Отвѣтъ Государя на телеграмму Императора Вильгельма, съ добавленіемъ въ этомъ отвѣтѣ предложенія о передачѣ возникшаго австро-сербскаго конфликта на разсмотрѣніе Гаагскаго трибунала, и принятое рѣшеніе объ ограниченіи военныхъ приготовленій Россіи частной мобилизаціей являютъ міру несомнѣнно лучшее доказательство высокаго миролюбія Верховнаго Главы Россійскаго Государства. Увы, надеждамъ Государя — найти соотвѣтственный откликъ въ настроеніяхъ Императора Германіи — не суждено было сбыться! Уже въ 1 часъ ночи на 30-е іюля, — повидимому послѣ извѣстнаго совѣщанія въ Потсдамѣ, — Императоръ Вильгельмъ поспѣшилъ отправкой своей отвѣтной телеграммы. Въ ней Германскій Императоръ заявлялъ, что «не можетъ быть рѣчи» о томъ, чтобы тонъ заявленія германскаго посла въ Петербургѣ находился въ противорѣчіи съ общимъ смысломъ его первой телеграммы. Въ дальнѣйшей части телеграммы Императора Вильгельма нельзя было найти никакого отвѣта на предложеніе Императора Николая о передачѣ спорныхъ вопросовъ Гаагскому трибуналу. Напротивъ того, Германскій Императоръ въ ультимативной формѣ подтверждалъ, что, если Россія произведетъ мобилизацію противъ Австро-Венгріи, то предлагаемая ему роль посредника станетъ невозможной и что поэтому вся тяжесть отвѣтственности за войну или миръ отнынѣ должна лежать на Императорѣ Николаѣ. [1])

[1]) Считаю необходимымъ подчеркнуть, что телеграмма Императора Николая отъ 29-го іюля (8 ч. 20 м. вечера), о которой я упоминалъ выше, въ германской «бѣлой» книгѣ пропущена совсѣмъ; въ отвѣтной же телеграммѣ Императора Вильгельма отъ 30-го іюля (1 часъ ночи) пропущены первыя строки текста, свидѣтель-

Слѣдующій день, 30-го Іюля, принесъ очень тревожное извѣстіе, которое произвело впечатлѣніе разорвавшейся бомбы: Около 1 часа пополудни въ Берлинѣ былъ выпущенъ экстренный листокъ оффиціознаго «Lokalanzeiger'a» съ сообщеніемъ объ объявленіи мобилизаціи въ Германіи. Корреспондентъ С.-Петербургскаго телеграфнаго агентства въ Берлинѣ Марковъ немедленно протелеграфировалъ объ этомъ своему агентству въ Петербургъ, а агентство срочно, по телефону, передало это огромной важности сообщеніе нашему Министерству Иностранныхъ дѣлъ. Нѣсколько позднѣе, содержаніе этой «Марковской» телеграммы, какъ ее стали называть впослѣдствіи, было подтверждено телеграммой нашего посла въ Берлинѣ Свербеева.

То, что, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, происходило въ этотъ день въ Германіи, должно было въ самомъ дѣлѣ вызывать у насъ самыя реальныя подозрѣнія. — Нашъ военный агентъ въ Афинахъ Полковникъ Гудимъ-Левковичъ, возвращаясь изъ Петербурга къ своему заграничному посту, долженъ былъ проѣхать всю Германію отъ Эйткунена черезъ Берлинъ до голландской границы. Прибывъ 30-го Іюля днемъ въ Берлинъ, онъ поставилъ въ извѣстность нашего посла обо всемъ, имъ видѣнномъ въ пути. Слѣдуя по восточной части Германіи, онъ былъ очевидцемъ большого скопленія резервистовъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, причемъ обнаружилъ движеніе цѣлыхъ воинскихъ поѣздовъ, какъ въ восточномъ, такъ и западномъ направленіяхъ. По заключенію Полковника Гудимъ-Левковича, эти факты могли быть объяснены лишь происходящей мобилизаціей и даже первыми шагами къ сосредоточенію войскъ.

Впослѣдствіи правительство Императора Вильгельма отвергло газетное сообщеніе о мобилизаціи своей арміи и сочло возможнымъ подвести всѣ фактически обнаруженныя мѣропріятія подъ скромное понятіе о «кригсцуштандѣ», о переходѣ къ которому, кстати сказать, оффиціально было объявлено лишь 31-го Іюля. Въ дѣйствительности же много основаній было думать, что началомъ мобилизаціи являлось 30-е Іюля. Мобилизація эта имѣла какъ-бы общій характеръ, такъ какъ полковникъ Гудимъ-Левковичъ, продолжившій свое путешествіе 31-го Іюля, имѣлъ возможность наблюдать вплоть до голландской границы такое же скопленіе резервистовъ, какое онъ видѣлъ наканунѣ, равно какъ и движеніе воинскихъ поѣздовъ, но направлявшихся исключительно въ западномъ направленіи.

Не менѣе тревожныя свѣдѣнія поступили 30-го Іюля изъ Австріи: тамъ на завтра ожидалось объявленіе общей мобилизаціи.

Всѣ эти данныя убѣдительно говорили о томъ, что наши западные сосѣди зашевелились не на шутку. При такихъ условіяхъ, производившаяся у насъ

ствующія, съ безспорной опредѣленностью, о ея отвѣтномъ характерѣ. — Полностью обѣ эти телеграммы помѣщены, въ переводѣ съ англійскаго языка, на которомъ въ дѣйствительности происходила переписка, — въ русскомъ изданіи германской «бѣлой» книги, выпущенномъ изъ печати въ 1915-мъ году въ Петербургѣ фирмой Мелье. Телеграммы эти были переданы русскому издателю, въ копіяхъ, бывшимъ Вице-Директоромъ Канцеляріи Министерства Иностранныхъ дѣлъ Н. А. Базили, который еще недавно лично мнѣ подтвердилъ объ этомъ.

частная мобилизація, грозившая притомъ нарушеніемъ расчетовъ общей мобилизаціи, вызывала все возраставшія сомнѣнія и опасенія.

Около трехъ часовъ пополудни 30-го Іюля, въ зданіи Генеральнаго штаба было созвано экстренное совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе Военный Министръ Генералъ Сухомлиновъ, Министръ Иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ и Начальникъ Генеральнаго Штаба Генералъ Янушкевичъ. Въ теченіе засѣданія, продолжавшагося недолго, я имѣлъ возможность довольно подробно бесѣдовать съ Н. А. Базили, находясь въ сосѣднемъ залѣ. Я детально развернулъ передъ своимъ собесѣдникомъ, пользовавшимся большимъ личнымъ довѣріемъ С. Д. Сазонова, картину тѣхъ тяжелыхъ послѣдствій, которыя могли создаться въ результатѣ производившейся частной мобилизаціи; вмѣстѣ съ тѣмъ я указывалъ ему на то, что еще есть время сравнительно безболѣзненно перейти къ общей мобилизаціи. Но надо принимать рѣшенія быстро, по возможности не позднѣе завтрашняго дня, иначе частная мобилизація пойдетъ полнымъ ходомъ и переходъ отъ нея къ общей мобилизаціи можетъ повести къ большой путаницѣ. Мнѣ казалось, что, въ результатѣ нашей бесѣды, Н. А. Базили проникся моими доводами.

Мнѣ остались неизвѣстными тѣ рѣшенія, къ которымъ пришло совѣщаніе; участники таковаго молча и сосредоточенно разошлись, не подѣлившись своими впечатлѣніями. Но уже подъ вечеръ 30-го Іюля, несомнѣнно въ связи со всѣми вновь полученными данными, состоялось новое, и на сей разъ окончательное Высочайшее повелѣніе о производствѣ общей мобилизаціи всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи. Началомъ этой мобилизаціи устанавливалась полночь на 31-е Іюля.

Переходъ отъ частной мобилизаціи къ общей представилось возможнымъ произвести относительно легко благодаря тому, что перемѣна въ распоряженіи произошла на протяженіи первыхъ сутокъ производства частной мобилизаціи. Эти первыя сутки, по закону, предназначались для разсылки объявленій о мобилизаціи, раздачи призывныхъ картъ и устройства призываемыми своихъ домашнихъ дѣлъ. Сборъ запасныхъ, а также сгонъ лошадей, работа по ихъ распредѣленію и начало отправки командъ пополненія къ мѣстамъ назначенія должны были начаться лишь со второго дня. Такимъ образомъ, предоставивъ запаснымъ, призваннымъ 30-го Іюля по частной мобилизаціи, вмѣсто 24-хъ часовъ на устройство домашнихъ дѣлъ, 48 часовъ, то есть искусственно задержавъ ихъ сборъ на однѣ сутки, легко было, отказавшись отъ расчетовъ по частной мобилизаціи, перейти къ расчетамъ по общей мобилизаціи. Случись этотъ переходъ позднѣе, когда фактически началось бы отправленіе людей и лошадей по назначенію, — послѣдствія были бы иными.

Но мобилизація, даже общая, не есть еще война. Это мѣра, диктуемая лишь благоразумною предусмотрительностью, въ особенности для той стороны, которая значительно отстаетъ въ готовности своей арміи и потому рискуетъ безопасностью своей территоріи. Еще задолго до войны вопросъ о порядкѣ открытія во-

енныхъ дѣйствій былъ у насъ пересмотрѣнъ, и этотъ актъ рѣзко отдѣленъ отъ акта объявленія мобилизаціи. Съ объявленіемъ мобилизаціи войска лишь пополнялись до штатовъ военнаго времени, перевозились въ районы ихъ сосредоточенія и принимали мѣры по прикрытію границы, не переходя, однако, послѣдней впредь до особаго распоряженія, связаннаго съ рѣшеніемъ объ объявленіи войны. Кажущаяся простота и выигрышъ во времени, — два основанія, по которымъ въ свое время было принято ранѣе дѣйствовавшее постановленіе объ открытіи на западномъ фронтѣ военныхъ дѣйствій, одновременно съ объявленіемъ мобилизаціи, явно не выдерживали критики при соприкосновеніи съ дѣйствительностью; послѣдняя, въ деликатный періодъ политическихъ осложненій, требовала наличія возможно гибкихъ и осторожныхъ формъ вмѣшательства въ конфликтъ вооруженной силы государства, дабы преждевременно не подойти къ роковой чертѣ, отдѣляющей миръ отъ войны. Желаніе не нарушить этотъ миръ до полнаго исчерпанія всѣхъ доступныхъ средствъ и оградить его отъ всякихъ случайностей требовало, чтобы переходъ вооруженными силами пограничной линіи и открытіе военныхъ дѣйствій (кромѣ конечно случаевъ отраженія нападенія на собственную территорію) регулировались особымъ распоряженіемъ центральной власти.

Такимъ образомъ мобилизація нашихъ вооруженныхъ силъ не закрывала дальнѣйшихъ переговоровъ. И даже болѣе того — надежда на мирный исходъ далеко еще не была исчерпана. 30-го Іюля Министръ Иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ лично продиктовалъ германскому послу въ Петербургѣ Графу Пурталесу тѣ условія, при которыхъ Россія была бы готова прекратить всѣ свои военныя приготовленія. Условія эти заключались въ исключеніи Австріей тѣхъ пунктовъ изъ ея ультиматума Сербіи, которые противорѣчили понятію о суверенитетѣ послѣдней. Хотя 31-го Іюля въ Австро-Венгріи было также приступлено къ общей мобилизаціи, тѣмъ не менѣе австрійскій посолъ въ Петербургѣ Графъ Сапари сдѣлалъ С. Д. Сазонову заявленіе, что его правительство согласно вступить въ обсужденіе по существу предъявленныхъ Сербіи требованій. Предложеніе это было встрѣчено въ нашихъ дипломатическихъ сферахъ съ большимъ сочувствіемъ и удовлетвореніемъ; но, для успѣха таковаго, считалось, конечно, необходимымъ, чтобы Австрія прежде всего пріостановила свои уже начавшіяся военныя дѣйствія на сербской территоріи. Въ этотъ же день Государемъ Императоромъ была послана Германскому Императору Вильгельму телеграмма, въ которой Верховный Глава Россійскаго Государства своимъ словомъ обязывался не предпринимать никакихъ вызывающихъ шаговъ, пока будутъ продолжаться переговоры съ Австро-Венгріей. При такихъ условіяхъ Германія не могла, конечно, сомнѣваться въ истинныхъ намѣреніяхъ Россіи, дышавшихъ неподдѣльнымъ миролюбіемъ.

Роковая дѣйствительность не оправдала, однако, еще теплившихся въ русскихъ правительственныхъ кругахъ надеждъ на возможность избѣжать пролитія крови. Въ Берлинѣ къ этому времени видимо окончательно созрѣло рѣшеніе довести переговоры съ Россіей до разрыва.

Въ полночь на 1-е Августа германскій посолъ въ Петербургѣ Графъ Пурталесъ заявилъ нашему Министру Иностранныхъ дѣлъ, что, если черезъ 12-ть часовъ, то есть къ полудню 1-го Августа, Россія не приступитъ къ демобилизаціи, и притомъ не только противъ Германіи, но и противъ Австріи, то Германское правительство вынуждено будетъ отдать у себя распоряженіе о мобилизаціи.

На вопросъ С. Д. Сазонова — является ли это заявленіе предупрежденіемъ о началѣ войны, графъ Пурталесъ отвѣтилъ отрицательно, добавивъ, однако: «но мы къ ней чрезвычайно близки».

Интересно отмѣтить, что Германское правительство, требуя отъ Россіи отмѣны всѣхъ военныхъ мѣропріятій, не только противъ Германіи, но и противъ Австріи, умалчивало о какихъ либо параллельныхъ шагахъ своихъ въ Вѣнѣ; этимъ самымъ оно принимало на себя роль какъ бы офиціальной защитницы и покровительницы Австріи. Не менѣе поучительно и то, что Германія выступила со своимъ ультиматумомъ почти непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ ея союзница Австрія выразила готовность пойти на уступки. Сопоставленіе этихъ фактовъ не можетъ не наводить на мысль — не была ли проявленная австрійской дипломатіей въ послѣднюю минуту уступчивость одною изъ побудительныхъ причинъ къ рѣшительному выступленію Германіи, отрѣзавшему всѣ мирные пути къ разрѣшенію конфликта?

Выполненіе предъявленнаго намъ Германіей требованія, опредѣленно носившаго характеръ открытаго вызова, знаменовало бы полную, хотя и безкровную капитуляцію Россіи передъ германскимъ бронированнымъ кулакомъ. Такой шагъ былъ для Россіи, конечно, невозможенъ. Онъ былъ несовмѣстимъ съ великодержавнымъ достоинствомъ нашей родины и грозилъ ей совершенною потерею престижа вообще и среди славянства въ частности. Онъ дискредитировалъ бы правительственную власть внутри страны, создавъ о ея дѣйствіяхъ впечатлѣніе какой то необъяснимой нерѣшительности и необдуманности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятнымъ результатомъ такого шага была бы необходимость нести въ дальнѣйшемъ и то экономическое иго, которое было наложено на Россію торговымъ договоромъ 1904-го года, вырваннымъ Германіей у насъ въ періодъ русско-японской войны; срокъ этого договора, какъ извѣстно, оканчивался въ 1914-мъ году. Наконецъ, и съ военной точки зрѣнія, остановка разъ пущенной въ ходъ мобилизаціи создавала большія техническія неудобства. Ordre contre ordre — disordre. Потребовалось бы вѣроятно не менѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, чтобы наладить заново весь мобилизаціонный аппаратъ, въ теченіе какового времени боевая готовность нашей арміи не могла бы считаться обезпеченной.

Въ силу всѣхъ изложенныхъ соображеній, россійское правительство, къ тому же окончательно убѣдившееся въ безцѣльности дальнѣйшихъ переговоровъ, оставило претенціозное требованіе Германіи безъ отвѣта и послѣдствій: мобилизація нашей арміи продолжала идти своимъ нормальнымъ ходомъ.

Наступилъ полдень 1-го Августа. Часъ этотъ былъ встрѣченъ въ Петербургѣ въ спокойномъ сознаніи, что все совмѣстимое съ достоинствомъ и величіемъ Россіи было сдѣлано для того, чтобы оберечь миръ отъ покушеній на него со стороны германскаго Императора и его правительства. Томительно проходили дальнѣйшіе часы. Только совсѣмъ подъ вечеръ стало извѣстно, что Графъ Пурталесъ вновь посѣтилъ С. Д. Сазонова и офиціально заявилъ ему, что Императоръ Вильгельмъ, отъ имени германской Имперіи, принимаетъ вызовъ, якобы брошенный Россіей Германіи, и считаетъ себя въ состояніи войны съ Россіей. Впослѣдствіи много разсказывали о повышенно-взволнованномъ настроеніи германскаго посла во время его послѣдняго посѣщенія С. Д. Сазонова, которому онъ передалъ письменное заявленіе о разрывѣ, ввидѣ незаконченнаго наброска, составленнаго въ двухъ варіантахъ. Такая потеря душевнаго равновѣсія, очевидно, свидѣтельствовала, что Графъ Пурталесъ сознавалъ ту отвѣтственность, которая, конечно, ложилась отчасти и на него за доведеніе тянувшихся переговоровъ до столь рокового конца...

Остается сказать еще нѣсколько словъ о поведеніи Австро-Венгріи. Мы видѣли, что послѣдней въ первые дни конфликта принадлежала едва ли не первенствующая роль въ дѣлѣ обостренія конфликта. Подъ вліяніемъ своей военной партіи и несомнѣнно поощряемая Берлиномъ, Австро-Венгрія сразу стала на непримиримую позицію. Однако, по мѣрѣ выясненія отношенія Россіи, вѣнское правительство стало проявлять не только замѣтную выдержку, но даже уступчивость. Достаточно вспомнить о выраженной имъ 31-го Іюля готовности стать на путь обсужденія возникшихъ недоразумѣній. Еще характернѣе донесеніе нашего посла въ Вѣнѣ отъ 3-го Августа. Въ немъ Н. Н. Шебеко, подводя итоги своихъ впечатлѣній, высказывалъ, что, по его мнѣнію, австрійское правительство не хотѣло доводить конфликта до войны съ нами, что оно опасается ея и, въ общемъ, недовольно «грубымъ вызовомъ, брошеннымъ намъ Германіей и сдѣлавшимъ общую войну неизбѣжной». Такимъ образомъ, если Австро-Венгрія и виновна въ обостреніи, подъ впечатлѣніемъ Сараевскаго событія, политической обстановки, то, съ теченіемъ времени, иниціатива дѣйствій перешла всецѣло къ Германіи, которая сознательно довела конфликтъ до вооруженнаго столкновенія.

Въ виду затяжки австро-венгерскаго правительства въ объявленіи намъ войны и выраженнаго австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ желанія его правительства вступить въ обсужденіе предъявленныхъ имъ Сербіи требованій, наши войска получили указаніе — не предпринимать никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Австро-Венгріи.

Только 6-го Августа австро-венгерскій Министръ Иностранныхъ дѣлъ Графъ Берхтольдъ заявилъ нашему послу въ Вѣнѣ, что союзъ, связывающій Австро-Венгрію съ Германіей, обязываетъ ее къ разрыву сношеній съ нами.

Жребій былъ брошенъ — мечи обнажились...

Надвинувшаяся война приняла съ самаго начала невиданные размѣры. Постепенно она охватила рядъ странъ и развернулась на территоріи трехъ ма-

териковъ. Въ теченіе ея, на протяженіи четырехъ слишкомъ лѣтъ, человѣческій умъ не переставалъ изобрѣтать все новыя средства для взаимоистребленія. Смерть и страданія стали витать надъ человѣкомъ и настигать его не только на сушѣ и морѣ, но также подъ водою и въ воздухѣ...

ГЛАВА II.

Была-ли Россія готова къ войнѣ? — Внутреннія настроенія послѣ неудачной войны 1904—05 г. г. — Финансовое и экономическое положеніе страны. — Пути сообщенія и транспортъ. — Состояніе вооруженныхъ силъ и реорганизація арміи по плану 1910-го года. — Вопросъ объ „упраздненіи" крѣпостей. — Ограниченность нашихъ военныхъ запасовъ и отсутствіе плана мобилизаціи отечественной промышленности. — Выводы.

Россія, вступивъ при Императорѣ Александрѣ III въ союзъ съ Франціей и ставъ, затѣмъ, на путь сближенія съ Англіей, круто отошла отъ прежней своей традиціонной политики, заключавшейся въ поддержаніи тѣсныхъ дружескихъ отношеній съ Центральными Державами Европы. Эта перемѣна политическаго фронта, въ свое время, вызвала въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества большое безпокойство. Сущность его въ томъ, что сближеніе съ новой группой Европейскихъ государствъ логически должно было сказаться самымъ кореннымъ образомъ не только на внѣшней политикѣ Россіи, но и на внутреннемъ ходѣ и всемъ строѣ ея жизни. Вѣрность германскому Союзу обезпечивала Россіи продолжительный миръ на ея наиболѣе важной западной границѣ и потому—возможность охранять прежніе устои русской жизни, при которыхъ народъ не былъ привлеченъ къ активному участію въ государственной жизни страны. Союзомъ съ Германіей обезпечивалась даже нѣкоторая свобода поступательнаго движенія Россіи въ Азіи, но, при новомъ политическомъ курсѣ Вильгельма II, огромною цѣною отказа отъ общеславянскихъ задачъ и историческаго наслѣдства на Ближнемъ Востокѣ. Такое положеніе являлось, однако, несовмѣстимымъ съ достоинствомъ и интересами нашего отечества; оно и обусловило отходъ Россіи отъ прежнихъ политическихъ связей и послужило основною причиною ея сближенія съ тѣми державами, коимъ такъ же какъ и намъ, угрожала новая агрессивная политика Германіи. Но становясь на путь защиты своихъ естественныхъ правъ и великодержавнаго положенія, Россія должна была, конечно, учитывать вѣроятность возникновенія въ Европѣ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, военнаго столкновенія, въ которомъ ей придется принять участіе. Грандіозный масштабъ надвигавшейся войны и современныя условія веденія таковой, требующія индивидуальнаго развитія и сознательнаго отношенія отъ каждаго бойца и тылового работника, не должны были оставлять сомнѣній въ необходимости глубокой и притомъ заблаговременной перестройки всего внутренняго уклада русской жизни съ тѣмъ, чтобы въ необходимый моментъ явилась возможность вызвать полное напряженіе

всѣхъ народныхъ силъ и средствъ, безъ которыхъ шансы на побѣду не могли быть значительными.

Россія, къ прискорбію, въ этомъ коренномъ вопросѣ пошла по пути непримиримаго противорѣчія. Измѣнивъ рѣшительно свою внѣшнюю политику, ея правительство проявляло колебанія въ отказѣ отъ старыхъ внутреннихъ распорядковъ. И въ этомъ противорѣчіи — трагическій зародышъ военныхъ неуспѣховъ нашей родины.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, въ Россіи не удалось создать «психологіи» большой войны. Умственная темнота населенія, огромныя разстоянія, разобщенность, неудовлетворенность условіями внутренней жизни, — все это не создавало благопріятной почвы для развитія здороваго національнаго чувства и сознательнаго отношенія къ идеѣ защиты государства.

Не слѣдуетъ, конечно, дѣлать изъ сказаннаго никакихъ неправильныхъ выводовъ о русскомъ народѣ — крайне даровитомъ и цѣльномъ въ основѣ. Каждый народъ, какъ и отдѣльная личность, нуждается, для развитія своихъ природныхъ качествъ, въ тщательномъ и долгомъ воспитаніи. Чтобы собрать жатву съ цѣлины, надо сначала пройти по ней глубокимъ плугомъ и долгимъ упорнымъ трудомъ подготовить почву для всходовъ. И чѣмъ богаче почва, тѣмъ необходимѣе и отвѣтственнѣе эта работа.

Уже неудачная война 1904-05 г. г. и послѣдовавшія за нею событія выявили внутренюю слабость Россіи и ея неприспособленность къ тяжелымъ испытаніямъ; тѣмъ не менѣе эти обстоятельства далеко не всѣхъ убѣдили въ необходимости рѣшительно повернуть нашу родину на путь широкихъ внутреннихъ реформъ. Слабыя несовершенныя попытки, дѣлавшіяся въ этомъ направленіи правительствомъ, и его частыя колебанія изъ стороны въ сторону лишь сгущали атмосферу, создавая обстановку недовѣрія и недоброжелательства къ правящимъ кругамъ со стороны едва-ли не всѣхъ слоевъ населенія. Оппозиція правительству входила какъ бы въ привычку. Она прочно обосновалась въ Государственной Думѣ, особенно первыхъ двухъ созывовъ, въ интеллигентскихъ кругахъ, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, купечествѣ... Центромъ оппозиціи стала Москва. Среди рабочихъ, составлявшихъ въ Россіи хотя и незначительный, въ процентномъ отношеніи, но наиболѣе активный классъ, усиленно развивалось революціонное настроеніе, проявлявшееся, отъ времени до времени, въ дѣйственныхъ формахъ, свидѣтельствовавшихъ объ организованности. Наконецъ, и крестьянство, составлявшее болѣе ³/₄ всего населенія, — темное, неустроенное, неполноправное — стало проявлять склонность къ опаснымъ антигосударственнымъ движеніямъ на почвѣ затаеннаго стремленія къ овладѣнію помѣщичьей землей. Революціонное движеніе 1905-го года выявило эти настроенія съ полною ясностью, но они были совершенно недостаточно учтены Столыпинскими аграрными мѣропріятіями, почему оказались лишь временно загнанными внутрь.

Ко всему изложенному надо добавить и то, что значительный процентъ населенія Россіи составляли инородцы и разнаго рода народности, исповѣды-

вавшіе различныя религіи и находившіеся на различныхъ ступеняхъ культуры. Правительственная политика, по отношенію къ нимъ, не всегда отличалась справедливостью и постоянствомъ, что вызывало раздраженіе и способствовало также развитію оппозиціонныхъ теченій, особенно опасныхъ потому, что они сгущались на нашихъ наиболѣе угрожаемыхъ въ военномъ отношеніи окраинахъ.

Въ силу изложенныхъ обстоятельствъ, правительство, постепенно лишившееся поддержки общества, оказалось наканунѣ войны почти въ изолированномъ положеніи. Внѣ оппозиціи, въ качествѣ реальной силы, оставалась лишь одна армія, воспитывавшаяся своимъ монолитнымъ офицерскимъ составомъ въ духѣ глубокой преданности родинѣ, отожествлявшейся имъ съ государственнымъ строемъ, издавна установившимся въ Россіи. Впрочемъ, революціонный вихрь врывался частично и въ ряды арміи, особенно во флотскія части. Къ сожалѣнію, правительство недостаточно осторожно пользовалось арміей въ борьбѣ съ рабочими, крестьянами и даже учащейся молодежью. Этимъ создавалась тяжелая внутренняя трещина между арміей и, особенно, ея офицерскимъ составомъ, съ одной стороны, и массой населенія, съ другой. Населеніе привыкало смотрѣть на вооруженную силу государства, какъ на нѣчто ей чуждое и даже враждебное. Потребовалось много выдержки, заботливости и самоотверженности со стороны командпаго состава, чтобы указанная трещина, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій и сопряженнымъ съ этимъ обстоятельствомъ влитіемъ въ ряды арміи большого числа запасныхъ, зарубцевалась. Насколько глубоко — показалъ, къ сожалѣнію, 1917-й годъ, когда въ солдатской массѣ накопилось утомленіе войной, а авторитетъ офицерства былъ разрушенъ безумной пропагандой. Плотина прорвалась, и изъ рядовъ арміи легко вырвалась разбушевавшаяся народная стихія, ничѣмъ болѣе не сдерживаемая сверху и поощряемая снизу. Офицеру-страдальцу пришлось пріять тяжелыя крестныя муки за чужіе грѣхи...

Такимъ образомъ, внутреннее состояніе Россіи непосредственно передъ войной не свидѣтельствовало о наличіи въ ней прочной государственности, способной выдержать тяжесть глубокихъ испытаній. Наша родина представляла колоссъ, тѣло котораго было разъѣдаемо изнутри. Это обстоятельство ни для кого не было тайной; о немъ громко свидѣтельствовали даже государевы призывы въ Манифестѣ объ объявленіи намъ войны Германіей: «Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ его народомъ»...

Что касается экономической жизни, то несомнѣнно, что въ годы, предшествовавшіе войнѣ, Россія сдѣлала въ этой области значительные шаги впередъ.

Введенное во второй половинѣ девяностыхъ годовъ золотое денежное обращеніе, несмотря на неудачную войну 1904-05 г.г. и внутреннія неурядицы, удалось сохранить въ неприкосновенности. Нашъ золотой запасъ достигъ передъ войной значительнаго размѣра. Заграничный кредитъ, нѣсколько подорванный японской войной, окрѣпъ, благодаря тщательному выполненію финансовыхъ

обязательствъ, природнымъ богатствамъ Россіи и ея миролюбію въ политикѣ. Государственный бюджетъ, въ своей доходной части, неизмѣнно росъ изъ года въ годъ. За счетъ увеличенія доходовъ, являлась уже возможность увеличивать ассигнованія на расходы производительнаго характера. Росли также, въ значительной мѣрѣ, благосостояніе населенія и его сбереженія.

Огромный ростъ и оживленіе наблюдались, равнымъ образомъ, въ торговлѣ и промышленности. Въ области промышленности особенно прогрессировали отдѣлы: сельско-хозяйственный, лѣсной и желѣзодѣлательный. Вмѣстѣ съ послѣднею отраслью, соотвѣтственно росла добыча отечественной руды и угля.

Наконецъ, и въ области транспорта должно отмѣтить оживившуюся дѣятельность по постройкѣ новыхъ желѣзнодорожныхъ линій, по улучшенію портовъ и системы внутреннихъ водныхъ путей.

Однако, при болѣе близкомъ ознакомленіи съ характеромъ развитія экономической жизни въ Россіи въ предвоенный періодъ времени, не могли не намѣчаться и тревожно-слабыя мѣста, которыя должны были ярко выступить съ началомъ войны и сопряженнымъ съ нею коренньмъ нарушеніемъ взаимоотношеній съ западной Европой.

Прежде всего, несмотря на значительное и постоянное увеличеніе вывоза, балансъ нашей внѣшней торговли въ послѣдніе годы передъ войной, подъ вліяніемъ увеличенія спроса, сталъ обнаруживать склонность къ переходу изъ активнаго въ пассивный. Такое же тяготѣніе, но въ еще болѣе яркой формѣ, проявлялъ нашъ расчетный балансъ, въ силу большихъ заграничныхъ платежей по государственнымъ обязательствамъ, достигавшимъ очень крупной суммы. Эти явленія были, разумѣется, неблагопріятными для нашего финансоваго благополучія вообще; съ открытіемъ же военныхъ дѣйствій положеніе нашихъ финансовъ должно было ухудшиться еще больше. Въ самомъ дѣлѣ, война вызывала потребность въ новыхъ огромныхъ заграничныхъ заказахъ, подлежавшихъ оплатѣ золотомъ или въ золотой валютѣ; притокъ же средствъ изъ заграницы долженъ былъ, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, рѣзко упасть, вслѣдствіе закрытія нашихъ западныхъ границъ — сухопутныхъ и морскихъ, — приводившаго къ почти полному прекращенію нашей вывозной торговли. При такихъ условіяхъ, наличнымъ запасамъ нашего золота — этой основѣ денежнаго обращенія — угрожало быстрое исчезновеніе, и мы знаемъ, что уже въ первый періодъ войны часть таковаго запаса должна была быть отправлена въ Англію. Единственнымъ способомъ задержать процессъ таянія золотого фонда было обращеніе къ внѣшнимъ кредитнымъ операціямъ, которыя, однако, должны были серьезно отразиться на нашемъ курсѣ. Хотя правительство въ первые же дни войны остановило размѣнъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ на золото и приняло рядъ другихъ благоразумныхъ мѣръ, въ цѣляхъ подкрѣпленія средствъ Государственнаго Казначейства, но мѣры эти носили внутренній и потому не полноцѣнный характеръ. Прочныхъ же заблаговременныхъ финансовыхъ соглашеній съ заграницей на случай войны у насъ не имѣлось, несмотря на союзныя отношенія съ Франціей и давнія финансовыя

связи съ нею. Между тѣмъ финансовой солидарности союзныхъ государствъ несомнѣнно надлежало придавать столь же большое значеніе, какъ и единству въ веденіи боевыхъ операцій. Въ результатѣ такого положенія дѣла, разнаго рода финансовыя для насъ затрудненія возникли съ первыхъ же дней войны.

Только въ началѣ февраля 1915-го года въ Парижѣ собралась Конференція трехъ союзныхъ Министровъ Финансовъ, которая установила порядокъ оказанія помощи нашему заграничному кредиту, для исполненія обязательствъ по долгамъ и уплаты за военные заказы. Но и эта Конференція, насколько я знаю, не дала твердыхъ основаній для использованія до предѣла средствъ союзныхъ государствъ.

Въ области промышленной жизни, несмотря на отмѣченный общій ея ростъ, развитіе нѣкоторыхъ главнѣйшихъ отраслей все же являлось недостаточнымъ. Такъ обстояло, напримѣръ, дѣло съ производственной мощью металлургическихъ заводовъ, которые далеко не могли отвѣтить, даже въ мирное время, обыкновеннымъ потребностямъ страны въ металлѣ; поэтому уже въ предвоенное время сталъ возрастать, съ большою силою, привозъ въ Россію желѣза и стали. Въ такомъ же положеніи находился вопросъ объ удовлетвореніи возросшихъ нуждъ населенія въ разнаго рода машинахъ и станкахъ, которые также стали предметами усиленнаго ввоза. Между тѣмъ, именно металлургической промышленности предстояло въ военное время выполнить огромной важности задачу, въ дѣлѣ боевого снабженія арміи.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, могли надвинуться не малыя осложненія даже въ вопросѣ обезпеченія страны углемъ, если принять во вниманіе, что Домбровскій раіонъ, — второй по значенію послѣ Донецкаго бассейна, — являлся угрожаемымъ, по своему географическому положенію, съ первыхъ же дней войны на западѣ, и что важнѣйшій центръ нашего военнаго производства — Петербургъ — находился въ зависимости отъ иностраннаго топлива.

Независимо того, несмотря на наличіе богатѣйшихъ залежей рудъ разныхъ металловъ, у насъ почти отсутствовали добыча и производство свинца, олова, аллюминія, цинка и нѣкоторыхъ другихъ металловъ, необходимыхъ для военнаго производства. Это обстоятельство, равнымъ образомъ, должно было ставить страну, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій и затрудненіемъ внѣшнихъ сношеній, въ очень неблагопріятное положеніе.

Что касается, наконецъ, химическаго производства, которое, какъ извѣстно, стало пріобрѣтать все болѣе выдающуюся роль въ военной техникѣ, то таковое находилось въ Россіи въ самомъ зачаточномъ состояніи. Оно не только не могло удовлетворить потребностямъ военнаго времени, но даже не было обезпечено — совсѣмъ, или въ сколько-нибудь достаточной мѣрѣ — наличіемъ многихъ основныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для выработки соотвѣтственныхъ для военныхъ потребностей продуктовъ.

Въ вопросѣ о транспортѣ, имѣющемъ первостепенное значеніе въ дѣлѣ подготовки страны къ войнѣ, приходится отмѣтить прежде всего то обстоя-

тельство, что, несмотря на огромное общее протяженіе рельсовыхъ путей, наша желѣзнодорожная сѣть являлась до крайности бѣдной, ввиду безграничныхъ пространствъ Россіи. Сѣть эта, по густотѣ, не могла идти ни въ какое сравненіе съ сѣтью нашихъ западныхъ сосѣдей, не только Германіи и Франціи, но и Австро-Венгріи. Въ предѣлахъ нашей родины имѣлись такіе «медвѣжьи углы», о коихъ ни одинъ житель западной Европы не можетъ имѣть представленія; наличіемъ же городовъ, удаленныхъ отъ ближайшей желѣзнодорожной станціи на нѣсколько десятковъ, а на востокѣ — и сотенъ верстъ, у насъ трудно было кого-либо удивить. Ясно, насколько бѣдность желѣзнодорожной сѣти затрудняла и замедляла производство мобилизаціи нашей арміи.

Хотя вопросъ о новомъ желѣзнодорожномъ строительствѣ привлекалъ къ себѣ особое вниманіе правительства, тѣмъ не менѣе благопріятному разрѣшенію его, кромѣ огромныхъ разстояній, препятствовало еще несовпаденіе направленій, важныхъ въ стратегическомъ отношеніи, съ направленіями, вызывавшимися условіями экономической жизни страны. Выходило почти такъ, что Россія нуждалась въ двойной сѣти желѣзныхъ дорогъ — одной для мирной жизни и развитія своего экономическаго благосостоянія, другой — на случай военныхъ обстоятельствъ.

Изъ прочихъ недочетовъ нашей желѣзнодорожной сѣти, неблагопріятно вліявшихъ на нашу военную готовность, слѣдуетъ еще подчеркнуть — малое число двухколейныхъ дорогъ, недостаточное развитіе для военнаго времени ряда желѣзнодорожныхъ узловъ и недостатокъ въ подвижномъ составѣ. Всѣ эти недочеты должны были постепенно выправляться, но война застигла ихъ еще не устраненными.

Предпринятое въ послѣдніе передъ войной годы улучшеніе портовъ и внутреннихъ водныхъ путей сообщенія вносило мало реальнаго въ нашу военную подготовку. При возникновеніи военныхъ осложненій съ Центральными Державами, къ которымъ слѣдовало ожидать присоединенія и Турціи, наши западныя морскія сообщенія закрывались для насъ совершенно; на развитіе же сѣверныхъ путей и связь ихъ съ центрами государства, къ сожалѣнію, не было обращено достаточнаго вниманія, и эту ошибку пришлось исправлять въ теченіе самой войны. Что-же касается внутреннихъ водныхъ путей, то пользованіе ими въ военныхъ цѣляхъ ограничивалось краткостью навигаціоннаго періода и медленностью этого рода сообщенія.

Несравненно большее значеніе, въ дѣлѣ подготовки къ войнѣ, могло имѣть развитіе грунтовыхъ путей и особенно шоссейныхъ дорогъ. Созданіе сѣти такихъ путей способствовало бы ускоренію мобилизаціи и обезпечивало бы арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій свободу маневрированія и удобства сообщенія съ тыломъ. Исторія развитія путей сообщенія въ Россіи сложилась, однако, такъ, что колеснымъ путямъ не было придано въ свое время должнаго значенія; съ переходомъ же на желѣзнодорожное сообщеніе, вниманіе правительства почти всецѣло поглощалось постройкой рельсовыхъ путей. При такихъ условіяхъ, сѣть улучшенныхъ грунтовыхъ дорогъ и шоссе оставалась у

насъ бѣдной и несовершенной. Военному Вѣдомству удалось, впрочемъ, лѣтъ 30—40 тому назадъ настоять на постройкѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ шоссейныхъ дорогъ стратегическаго значенія въ пограничныхъ съ Германіей раіонахъ и въ Закавказьи, но дороги эти на западномъ фронтѣ были построены, приноравливая ихъ начертаніе къ существовавшей въ то время идеѣ пассивной обороны, отъ которой мы впослѣдствіи отказались. Поэтому возведенная сѣть дорогъ не обезпечивала намъ существенной пользы, по крайней мѣрѣ въ первый наступательный періодъ войны.

Крайняя бѣдность шоссейной сѣти серьезно тормазила развитіе въ Россіи автомобильно-транспортнаго сообщенія. Послѣднее оказалось къ началу войны почти отсутствующимъ. Приходится отмѣчать это обстоятельство, какъ одно изъ очень серьезныхъ и неблагопріятныхъ въ дѣлѣ нашей подготовки къ войнѣ; ибо, при современныхъ условіяхъ, механическіе двигатели могутъ быть используемы на войнѣ въ чрезвычайно широкихъ размѣрахъ и для самыхъ разнообразныхъ цѣлей.

Намъ придется нѣсколько подробнѣе остановиться на томъ, въ какой степени готовности находилась, ко времени начала войны, наша вооруженная сила. Мы будемъ вынуждены здѣсь отмѣтить рядъ неблагопріятныхъ условій, которыя оказались неустраненными къ отвѣтственному моменту возникновенія войны, внезапно надвинувшемуся на нашу родину.

Русско-японская война 1904—05 г. г. обнаружила значительные дефекты въ организаціи и боевой подготовкѣ нашей арміи. Независимо того, она выяснила огромное значеніе многихъ новыхъ техническихъ средствъ, которыя намъ приходилось заводить впервые. Наконецъ, несмотря на то, что въ этой войнѣ участвовала едва треть нашихъ сухопутныхъ вооруженныхъ силъ, она внесла чрезвычайное разстройство рѣшительно во всю нашу армію и значительно ослабила всѣ наши матеріальные запасы, обезпечивавшіе приведеніе этой арміи на военное положеніе. Крайне разорительнымъ для Россіи торговымъ договоромъ съ Германіей, заключеннымъ въ 1904-мъ году, наше правительство купило временную безопасность на нашихъ западныхъ границахъ. Это обстоятельство давало ему возможность въ теченіе всей войны съ Японіей черпать живыя силы и матеріальныя средства для пополненія Манчжурскихъ армій изъ частей войскъ и военныхъ запасовъ, остававшихся въ Европейской Россіи. Опрометчиво выхватывались изъ этихъ частей войскъ офицеры, нижніе чины младшихъ сроковъ службы, разнаго рода спеціалисты, болѣе усовершенствованная матеріальная часть, а изъ складовъ — не только базисныхъ и крѣпостныхъ, но даже войсковыхъ — всякаго рода предметы и матеріалы артиллерійскаго, интендантскаго, инженернаго и санитарнаго снабженія. Постепенно склады опустѣли и матеріальное благополучіе войсковыхъ частей было этимъ подорвано самымъ кореннымъ образомъ. Въ конечномъ результатѣ, войсковыя части пришли въ полное разстройство, которое довершилось подъ разлагающимъ вліяніемъ многочисленныхъ командировокъ войскъ, для подавленія безпорядковъ въ періодъ времени, непосредственно слѣдовавшій за войной. Внутрен-

няя спайка войсковыхъ частей ослабѣла, и въ ряды войскъ, какъ уже было отмѣчено выше, стала замѣтно проникать революціонная пропаганда.

Вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, Россіи, послѣ войны 1904-05 г.г., пришлось приступить къ созданію своей военной мощи почти заново. Работа шла медленно, какъ по причинѣ ея грандіозности, такъ и потому, что отпускавшіяся въ первые годы послѣ войны денежныя средства совершенно не соотвѣтствовали потребностямъ. По своей долголѣтней службѣ въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба до конца 1906-го года, въ должности Начальника Оперативнаго Отдѣленія, а съ конца 1908-года — въ должности сначала 1-го Оберъ-квартирмейстера, а затѣмъ Генералъ-Квартирмейстера Генеральнаго Штаба, я былъ хорошо знакомъ съ состояніемъ всей русской арміи въ этотъ періодъ времени, какъ равно и съ ходомъ работъ по ея возсозданію. Въ теченіе двухъ промежуточныхъ лѣтъ съ 1906-го по 1908-й г.г., я, по должности Командира пѣхотнаго полка, успѣлъ близко прикоснуться и на практикѣ къ войсковому быту и армейскимъ нуждамъ того времени. И я не могу охарактеризовать иначе періодъ времени съ 1905-го по 1910-й годъ включительно, а можетъ быть даже и болѣе продолжительный, какъ назвавъ его періодомъ нашей полной военной безпомощности. Въ эти годы Россія была вполнѣ безсильна оказать какое-либо противодѣйствіе натиску германизма на Балканы; равнымъ образомъ она должна была бы проявить сверхъ-героическія усилія, если бы потребовалось оказаніе военной помощи ея союзницѣ — Франціи.

Только въ 1910-мъ году удалось составить и частично провести сколько-нибудь полный планъ возстановленія военныхъ запасовъ, добиться планомѣрнаго отпуска соотвѣтствующихъ кредитовъ, приступить къ разработкѣ и проведенію мѣръ по реорганизаціи арміи, ближе подходящей къ современнымъ условіямъ, составить новый планъ мобилизаціи и развертыванія вооруженныхъ силъ на случай военныхъ дѣйствій и приступить къ осуществленію мѣропріятій по подготовкѣ будущаго театра войны, въ смыслѣ дальнѣйшаго желѣзнодорожнаго строительства и приведенія системы пограничныхъ крѣпостей и укрѣпленій въ соотвѣтствіе съ вновь переработаннымъ планомъ военныхъ дѣйствій.

Всѣ эти мѣропріятія, однако, далеко не носили характера, исчерпывавшаго наши потребности. Они разрабатывались подъ очень тяжелымъ условіемъ — не увеличивать ни на одного человѣка ежегодный контингентъ поступающихъ въ войска новобранцевъ и ни на одинъ рубль ежегодные постоянные расходы на армію. — Допускалось только испрошеніе новыхъ кредитовъ на единовременныя нужды, да и то съ крайними ограниченіями.

На практикѣ, при осуществленіи намѣченной программы, приходилось наталкиваться еще на рядъ другихъ крайне сложныхъ и трудноодолимыхъ обстоятельствъ, тормозившихъ дѣло и нарушавшихъ нерѣдко его цѣльность и стройность.

Еще въ 1905-мъ году отдѣлы по подготовкѣ къ войнѣ были выдѣлены изъ состава Главнаго Штаба и сосредоточены въ рукахъ Начальника Генеральнаго Штаба, каковая должность въ Россіи была учреждена впервые.

Начальникъ Генеральнаго Штаба первоначально былъ изъятъ изъ подчиненія Военнаго Министра и, по примѣру Германіи, являлся непосредственнымъ докладчикомъ по подвѣдомственнымъ ему вопросамъ у Государя Императора. Однако весьма скоро, и съ полною очевидностью, выяснилось, что Начальникъ Генеральнаго Штаба, выдѣленный изъ состава Военнаго Министерства, оказался не только совершенно оторваннымъ отъ жизни и практической работы, но и вполнѣ безсильнымъ въ проведеніи тѣхъ мѣръ, кои казались ему необходимыми и неотложными. Его личная самостоятельность и независимость превратилась весьма скоро въ источникъ не силы, а его слабости. Настоящимъ хозяиномъ дѣла оставался Военный Министръ; Начальнику же Генеральнаго Штаба въ лучшемъ случаѣ выпадала роль почетнаго консультанта или ходатая по военнымъ дѣламъ. Всякая мѣра, требовавшая измѣненія существующаго положенія или новаго денежнаго расхода, должна была неизбѣжно проходить черезъ органы Военнаго Министерства, гдѣ, конечно, могла обрабатываться въ соотвѣтствіи со взглядами и предположеніями главы этого министерства. Такимъ образомъ получалось чрезвычайно уродливое и даже угрожающее для обороны Государства положеніе, при которомъ Начальникъ Генеральнаго Штаба, отвѣтственный за подготовку къ войнѣ, оставался лишеннымъ возможности принимать дѣйственное участіе въ созданіи и развитіи тѣхъ силъ и средствъ, кои должны были служить цѣлямъ этой войны. Правда, за Начальникомъ Генеральнаго Штаба сохранялось право личнаго доклада Государю, какъ Верховному Вождю арміи, но практически это право имѣло лишь относительную цѣнность. Государь не могъ, конечно, посвящать военнымъ вопросамъ много времени, а такъ какъ истребованіе кредитовъ у законодательныхъ учрежденій относилось къ обязанностямъ Военнаго Министра, то двигающій рычагъ оставался въ рукахъ послѣдняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ наличіе двухъ докладчиковъ по военнымъ дѣламъ должно было лишь осложнять положеніе и стѣснять Государя. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, уже въ 1908-мъ году Главное Управленіе Генеральнаго Штаба было вновь введено въ составъ Военнаго Министерства. Хотя отъ этого въ извѣстной мѣрѣ пострадало личное положеніе Начальника Генеральнаго Штаба, но тѣмъ не менѣе, сосредоточеніе крупнѣйшихъ вопросовъ по оборонѣ Государства въ рукахъ одного высоко-авторитетнаго лица являлось мѣрою, которая сама по себѣ могла дать благотворные результаты. Къ тому же, въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба были впослѣдствіи переданы отдѣлы мобилизаціонный и по устройству и службѣ войскъ, вслѣдствіе чего дѣятельность Начальника Генеральнаго Штаба значительно сближалась съ жизнью войскъ въ мирное время. Значеніе и роль Начальника Генеральнаго Штаба усугублялись еще тѣмъ обстоятельствомъ, что ему, съ момента учрежденія этой должности, были подчинены всѣ офицеры Генеральнаго Шта-

ба. Этимъ подчиненіемъ достигалась не только задача объединенія офицеровъ Генеральнаго Штаба, но и возможность руководства ихъ спеціальными занятіями. Такъ какъ офицеры Генеральнаго Штаба входили въ составъ всѣхъ войсковыхъ штабовъ, то, очевидно, черезъ нихъ открывался путь для проведенія въ армію руководящихъ взглядовъ Начальника Генеральнаго Штаба. Эта возможность представлялась для нашей арміи чрезвычайно цѣнной, такъ какъ мы не могли похвастаться наличіемъ у насъ единой школы. Командный составъ мало освѣжалъ свои знанія, а офицеры Генеральнаго Штаба, остававшіеся до того времени безъ твердаго и авторитетнаго руководства, мыслили вразбродъ.

Но для успѣха дѣла необходимо было, чтобы выборъ лица на должность Начальника Генеральнаго Штаба производился съ исключительнымъ вниманіемъ и чтобы разъ выбранное лицо оставалось въ данной отвѣтственной должности по возможности продолжительное время. Къ сожалѣнію, у насъ эти условія не соблюдались. Россія позволила себѣ недопустимую роскошь перемѣны въ должности Начальника Генеральнаго Штаба, въ теченіе времени съ 1905-го по 1914-й годъ, шести лицъ, причемъ лица эти избирались, далеко не всегда считаясь съ ихъ дѣйствительными способностями и служебною подготовкою. Если принять во вниманіе многочисленность сосѣдей, съ которыми соприкасалась Россія, сложность политическихъ соотношеній, разнообразіе различныхъ театровъ военныхъ дѣйствій и другія условія, вытекавшія изъ обширности нашего отечества, то легко дать себѣ отчетъ, какъ пагубно сказывались эти перемѣны на ходѣ работы. Въ большинствѣ случаевъ отсутствовалъ необходимый для успѣха и согласованности работъ авторитетъ начальника и его объединяющая рука. Тратилось много драгоцѣннаго времени на ознакомленіе съ уже законченными дѣлами; разработка же новыхъ вопросовъ расползалась по отдѣламъ Генеральнаго Штаба и часто правая рука не знала того, что дѣлаетъ лѣвая, и наоборотъ. Несомнѣнно, что въ этихъ условіяхъ лежала одна изъ причинъ неполноты, несовершенства, а часто и медленности многихъ мѣръ, разрабатывавшихся и проводившихся по Генеральному Штабу.

Также не принесъ ожидавшейся пользы учрежденный въ 1905-мъ году Совѣтъ Государственной Обороны. Учрежденіе это, долженствующее объединить дѣятельность различныхъ вѣдомствъ, причастныхъ къ дѣлу обороны Государства, зачахло, не успѣвъ расцвѣсти. Постепенно превратившись въ высшую аттестаціонную комиссію, оно просуществовало лишь два—три года и было затѣмъ упразднено.

Основаніемъ всей нашей военной системы являлся Уставъ о воинской повинности, изданный еще въ царствованіе Императора Александра II и, конечно, значительно устарѣвшій. Чувствовалась — и въ правительственныхъ кругахъ и въ думскихъ сферахъ — настоятельная необходимость его полной переработки. Но на это необходимо было время. И вотъ, чтобы надежнѣе и поскорѣе двинуть дѣло, Государственная Дума приняла рѣшеніе отказывать

правительству въ увеличеніи ежегодно утверждавшагося ею контингента новобранцевъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ проведенъ черезъ Законодательныя учрежденія новый Уставъ. Эта довольно оригинальная «дисциплинарная» мѣра воздѣйствія явилась однимъ изъ тѣхъ ограничительныхъ условій, съ которыми Военному Министерству приходилось считаться въ его организаціонной дѣятельности и о которой уже было упомянуто нѣсколько выше.

Сложность вопроса и внутреннія междувѣдомственныя тренія, которыхъ всегда было не мало, привели къ тому, что новый уставъ о воинской повинности былъ утвержденъ лишь въ 1912-мъ году. Ставъ, такимъ образомъ, закономъ незадолго до войны, онъ почти не оказалъ вліянія на условія фактическаго комплектованія арміи и порядокъ приведенія ея на военное положеніе. Къ тому же новый уставъ не далеко ушелъ отъ своего предшественника и ни въ какой мѣрѣ не обезпечивалъ русской арміи мирнаго времени возможности превращенія ея, съ объявленіемъ войны, въ «вооруженный народъ».

Теоретически необходимость построенія вооруженной силы современнаго государства на приведенномъ базисѣ можетъ быть и признавалась, но реальнаго осуществленія это положеніе не получило. Въ новомъ уставѣ на первомъ планѣ были сохранены соображенія административнаго, бытового и узкосемейнаго характера, которыя нерѣдко шли въ ущербъ интересамъ общегосударственнаго порядка. Въ соотвѣтствіи съ ними, новымъ уставомъ о воинской повинности попрежнему предусматривались значительныя льготы. Довольно большая часть инородческаго населенія не привлекалась въ войска вовсе. Наращиваніе контингента запасныхъ затруднилось слишкомъ продолжительнымъ срокомъ службы мирнаго времени, ограничивавшимъ пропускъ черезъ ряды войскъ болѣе значительнаго числа новобранцевъ. Физическія требованія оставались чрезмѣрно повышенными. Списокъ должностей, занятіе коихъ освобождало отъ службы въ военное время, былъ объемистъ и включалъ въ себѣ рядъ должностей, исполненіе коихъ являлось прекрасною подготовкою для офицерскаго званія. Наоборотъ, обезпеченіе необходимыхъ для военныхъ надобностей фабрикъ, заводовъ и рудниковъ, достаточнымъ кадромъ квалифицированныхъ работниковъ, путемъ освобожденія ихъ отъ фактическаго назначенія въ войска, — не предусматривалось, и проведеніе этой мысли въ жизнь считалось даже вреднымъ нарушеніемъ принципа справедливости. О возможности досрочныхъ призывовъ въ законѣ упоминалось лишь вскользь. Наконецъ, огромная по численности категорія ратниковъ 2-го разряда предназначалась по закону исключительно для тыловой службы. Въ результатѣ, при наличіи въ Россіи мужского населенія въ призывномъ возрастѣ свыше 25 милліоновъ людей, подъ ружье могло быть поставлено всего лишь около 8 милліоновъ. Принимая общее населеніе въ Россіи наканунѣ войны въ 175—180 милліоновъ душъ, эти 8 милліоновъ военнообязанныхъ составляли едва 5% всего населенія, въ то время какъ Германія смогла поставить подъ ружье 10—12 % своего населенія; теоретически же этотъ процентъ милитаризуемыхъ, при крайнемъ напряженіи всѣхъ народныхъ силъ, можетъ быть

поднять до 15%. Такимъ образомъ даже въ основномъ преимуществѣ нашемъ передъ сосѣдями — численномъ превосходствѣ въ людскомъ матеріалѣ — русская армія оказывалась ограниченной. Старая русская, хотя и нѣсколько хвастливая поговорка «шапками закидаемъ» оказывалась фразой, безъ внутренняго содержанія. Ограниченная цифра людей, подлежавшихъ призыву въ войска, заставила уже въ 1915-мъ году измѣнить дѣйствующій законъ въ томъ смыслѣ, чтобы распространить право направленія въ войска и на категорію ратниковъ 2-го разряда.

Въ «новомъ» законѣ объ отбываніи населеніемъ воинской повинности всего ярче отразились глубоко-мирныя настроенія русскихъ правящихъ сферъ. И какъ далекъ былъ этотъ законъ отъ правильнаго пониманія условій современной войны и отъ размѣра того напряженія, которое должна была вызвать надвигавшаяся война!

Но, чтобы закончить вопросъ о комплектованіи арміи, необходимо еще отмѣтить крайне недостаточное развитіе системы учебныхъ сборовъ запасныхъ и ратниковъ, каковые сборы къ тому же сплошь и рядомъ отмѣнялись, для полученія средствъ на покрытіе разныхъ внезапно возникавшихъ расходовъ. Необходимо, затѣмъ, еще принять во вниманіе полное отсутствіе допризывной и внѣпризывной подготовки населенія, если не считать за таковую довольно уродливую организацію ротъ и командъ «потѣшныхъ», служившихъ больше карьернымъ цѣлямъ ихъ основателей и ревнителей, чѣмъ дѣлу серьезной подготовки молодежи къ защитѣ своей родины. Въ общемъ же, къ возникновенію въ населеніи гимнастическихъ, стрѣлковыхъ и вообще спортивныхъ обществъ правительство относилось крайне недовѣрчиво, усматривая въ ихъ развитіи угрозу для внутренняго спокойствія въ странѣ. Между тѣмъ, бытъ нашей крестьянской среды, замкнутой въ своихъ узко-хозяйственныхъ интересахъ, въ высокой степени способствовалъ тому, что возвращавшіеся со службы солдаты весьма скоро теряли свой воинскій обликъ и пріобрѣтенныя ими на службѣ спеціальныя знанія. Отсюда нетрудно придти къ выводу, что доведеніе нашей кадровой арміи, путемъ призыва запасныхъ и ратниковъ 1-го разряда, до штатовъ военнаго времени, хотя увеличивало численность этой арміи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно было неизбѣжно и значительно понижать ея боевыя достоинства. — Въ ней оставался одинъ оплотъ — одна крѣпкая нерушимая сила — русскій кадровый офицеръ.

Обращаясь къ вопросу о реорганизаціи нашей арміи послѣ войны 1904-05 г. г., отмѣтимъ еще разъ, что эта армія требовала многихъ и весьма коренныхъ реформъ. Къ сожалѣнію, провести таковыя оказалось невозможнымъ. Въ основу исчисленія вооруженныхъ силъ Россіи не было вообще положено никакого опредѣленнаго заданія. Числительность содержимой арміи являлась какъ бы случайною данною: такою, какою позволяли отпускавшіяся матеріальныя средства и живыя силы безъ особаго ихъ напряженія. При непрерывномъ возрастаніи военной мощи нашихъ западныхъ сосѣдей, эти условія являлись конечно стѣснительными и государственно нецѣлесообразными.

Вслѣдствіе личнаго несочувствія бывшаго Военнаго Министра Генерала Сухомлинова идеѣ 3-хъ баталіонныхъ полковъ, мы принуждены были остаться при нашихъ неуклюжихъ, мало гибкихъ и въ боевой обстановкѣ неэкономныхъ 4-хъ баталіонныхъ полкахъ въ пѣхотѣ. Различіе во взглядахъ на организацію конницы среди лицъ, занимавшихъ вліятельное положеніе въ нашей арміи, во избѣжаніе рѣзкихъ расхожденій, вынудило оставить въ сторонѣ и этотъ вопросъ. Наконецъ, недостатокъ средствъ привелъ къ необходимости остаться при всѣми сознававшемся недостаточномъ обезпеченіи нашихъ пѣхотныхъ частей артиллеріей и совершенно неудовлетворительной организаціи послѣдней, которая состояла изъ 8-ми орудійныхъ батарей — въ пѣхотѣ и 6-ти орудійныхъ — въ конницѣ. По тѣмъ же финансовымъ соображеніямъ, пришлось установить количество и организацію тяжелой артиллеріи и техническихъ войскъ, исходя не изъ потребности, а изъ возможности. Словомъ, вся работа по реорганизаціи арміи протекала подъ докучливымъ давленіемъ ряда вредившихъ дѣлу компромиссовъ, стороннихъ соображеній и разнаго рода ограничительныхъ условій.

Наиболѣе полно и рѣшительно былъ проведенъ вопросъ о расформированіи существовавшихъ до 1910-го года въ мирное время резервныхъ и крѣпостныхъ пѣхотныхъ частей, съ увеличеніемъ, взамѣнъ ихъ, числа полевыхъ дивизій (на 7 дивизій), усиленіемъ мирнаго состава цѣлаго ряда другихъ частей и принятіемъ новаго порядка формированія второочередныхъ частей при мобилизаціи. — Эти мѣры значительно усилили нашу перволинейную армію и ея кадровый составъ.

Упомянутыя резервныя части содержались въ мирное время въ весьма слабыхъ составахъ и располагались преимущественно во внутреннихъ округахъ Россіи малыми гарнизонами. Караульная служба и храненіе при нихъ огромныхъ неприкосновенныхъ запасовъ военнаго времени заѣдали ихъ внутреннюю жизнь; поэтому тактическая подготовка большинства этихъ частей была крайне недостаточной, и во всякомъ случаѣ ниже полевой пѣхоты. Взамѣнъ содержанія резервныхъ частей, весьма широко развертывавшихся въ военное время и потому ослаблявшихся въ боевомъ отношеніи еще болѣе, для образованія второочередныхъ формированій принята была въ пѣхотѣ и артиллеріи система «скрытыхъ кадровъ», по образцу, установленному въ большинствѣ первоклассныхъ иностранныхъ армій. По этой системѣ, каждая полевая часть должна была, при мобилизаціи, выдѣлять заранѣе опредѣленнаго состава и численности личный кадръ, изъ котораго и подлежала развертыванію соотвѣтствующая второочередная часть.

Много упрековъ, полагаю несправедливыхъ, вызвало расформированіе крѣпостныхъ частей. Послѣднія содержались, въ качествѣ постоянныхъ гарнизоновъ крѣпостей, въ такихъ же сокращенныхъ составахъ, какъ и резервныя части, и притомъ почти безъ легкой запряженной артиллеріи и безъ обозовъ. Части эти создались подъ угломъ зрѣнія того предвзятаго мнѣнія, что дѣйствія въ раіонѣ крѣпостей (въ «крѣпостной войнѣ», какъ тогда говорили)

требуютъ особыхъ спеціальныхъ войскъ. Минувшая война окончательно разрушила этотъ предразсудокъ и предъявила требованіе — быть способной къ атакѣ и оборонѣ укрѣпленныхъ позицій — ко всей пѣхотѣ. Конечно, несомнѣннымъ преимуществомъ крѣпостныхъ частей было детальное знакомство ихъ съ данною крѣпостью, но во-первыхъ, для образованія полныхъ крѣпостныхъ гарнизоновъ военнаго времени упомянутыхъ крѣпостныхъ частей далеко не хватало, а во-вторыхъ — и это самое главное — изученіе мѣстныхъ условій оставалось вполнѣ возможнымъ и для тѣхъ полевыхъ частей, кои должны были быть расположены въ мирное время въ крѣпостяхъ, взамѣнъ расформировываемыхъ крѣпостныхъ частей, и кои при надобности могли также зачисляться, соотвѣтствующимъ распоряженіемъ въ составъ крѣпостныхъ гарнизоновъ военнаго времени. Преимущество же этихъ полевыхъ частей состояло въ томъ, что онѣ не были прикрѣпляемы заранѣе къ одной задачѣ и крѣпости, а могли быть используемы также въ полѣ, въ соотвѣтствіи съ обстановкой. Кромѣ того мобилизація такихъ частей требовала болѣе короткаго времени, что являлось большимъ преимуществомъ для безопасности пригарничныхъ крѣпостей.

Въ результатѣ выполненной реорганизаціи, русская армія передъ войной представлялась, въ общихъ чертахъ, въ слѣдующемъ видѣ:

37 полевыхъ корпусовъ (Гвардейскій, Гренадерскій; I — XXV армейскіе; I—III Кавказскіе; I—II Туркестанскіе, и I—V Сибирскіе). Нормальный составъ корпуса мирнаго времени — двѣ пѣхотныя и одна кавалерійская дивизіи. Нѣкоторые корпуса не имѣли кавалеріи вовсе; другіе — имѣли по двѣ конныхъ дивизіи и дополнительно по стрѣлковой бригадѣ.

Въ военное время конныя дивизіи выключались изъ состава корпусовъ и, въ видѣ отдѣльныхъ дивизій, а позднѣе — и особыхъ кавалерійскихъ корпусовъ, включались въ составъ армій; корпуса же снабжались корпусной конницей, преимущественно изъ конныхъ казачьихъ частей 2-й и 3-й очереди, однако мало подготовленныхъ для этой роли.

Всего въ мирное время содержалось 70 полевыхъ пѣхотныхъ дивизій, 18 стрѣлковыхъ бригадъ и одна Кубанская пластунская бригада. Въ цѣляхъ большей боевой прочности и для ускоренія мобилизаціи, нѣкоторыя дивизіи, расположенныя въ пограничныхъ наиболѣе угрожаемыхъ раіонахъ, содержались въ усиленныхъ составахъ, а кое-гдѣ — въ составахъ, почти приближавшихся къ военнымъ. — Съ объявленіемъ мобилизаціи, путемъ выдѣленія кадровъ и дополненія ихъ людьми изъ запаса, при дивизіяхъ, болѣе поданныхъ вглубь страны, формировались второочередныя пѣхотныя дивизіи; общее число послѣднихъ равнялось 35-ти. Большая часть этихъ дивизій были въ военное время постепенно сведены въ новые корпуса.

Боевая сила пѣхотной дивизіи военнаго времени — около 14 тыс. штыковъ.

Кавалерійскихъ и конныхъ казачьихъ дивизій въ мирное время было 24; кромѣ того 8 отдѣльныхъ бригадъ и нѣсколько полковъ.

Въ военное время число кавалерійскихъ частей не увеличивалось; число же казачьихъ частей дополнялось формированіемъ льготныхъ казачьихъ частей 2-й и 3-й очереди.

Сверхъ указанныхъ войскъ, въ распоряженіе военнаго вѣдомства, съ объявленіемъ мобилизаціи, переходили части пограничной стражи, сведенныя постепенно въ полки — пѣхотные и конные. Изъ частей Заамурскаго округа пограничной стражи былъ впослѣдствіи, во время самой войны, сформированъ особый корпусъ.

Кромѣ второочередныхъ частей, съ объявленіемъ мобилизаціи, формировался по особому расчету рядъ ополченскихъ бригадъ и отдѣльныхъ частей. Ополченскія бригады постепенно переформировывались въ дивизіи, которыя также входили, наравнѣ съ второочередными, въ составъ новыхъ корпусовъ.

Численный составъ арміи мирнаго времени опредѣлялся около 1.300/т. человѣкъ. Съ объявленіемъ мобилизаціи, составъ арміи доводился, со всѣми ополченскими, тыловыми и запасными войсками, до 5-ти милліоновъ человѣкъ, изъ коихъ боевой составъ корпусовъ и отдѣльныхъ дивизій, за округленіемъ, около 1½ милл. штыковъ и 150/т. шашекъ при 7/т. орудіяхъ.

Изъ мѣропріятій дислокаціоннаго характера, относившихся къ разсматриваемому періоду времени, большое вниманіе нашего общества привлекло къ себѣ перемѣщеніе изъ двухъ пограничныхъ военныхъ округовъ — Виленскаго и Варшавскаго — семи пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ дивизій съ двумя штабами корпусовъ во внутренніе округа Имперіи — Московскій и Казанскій. Это мѣропріятіе вызвало даже тревогу у нашихъ союзниковъ — французовъ, которые усматривали въ немъ ослабленіе нашего военнаго положенія на западныхъ границахъ. Между тѣмъ принятое рѣшеніе диктовалось весьма серьезными соображеніями, а именно стремленіемъ приблизить войска къ раіонамъ ихъ пополненія, чѣмъ значительно упрощалась и обезпечивалась ихъ мобилизація. Недостаточно развитая сѣть желѣзныхъ дорогъ вынуждала расквартировать наши вооруженныя силы не равномѣрно по всей территоріи, какъ того требуютъ удобства мобилизаціи и внутренней службы въ мирное время, а съ большимъ сдвигомъ къ западнымъ, наиболѣе угрожаемымъ границамъ. Я уже имѣлъ случай отмѣтить, что такая система дислокаціи имѣла свои дурныя и даже опасныя стороны, особенно сказывавшіяся при мобилизаціи арміи. Густое расположеніе войскъ въ приграничныхъ раіонахъ, не имѣвшихъ достаточнаго числа запасныхъ и лошадей, требовало, съ объявленіемъ мобилизаціи, подачи туда значительнаго числа укомплектованій изъ внутреннихъ раіоновъ Имперіи, причемъ передвиженіе на далекія разстоянія большого числа людей, не связанныхъ еще прочной войсковой организаціей, всегда представляетъ извѣстныя трудности въ смыслѣ поддержанія столь необходимаго при мобилизаціи порядка на желѣзныхъ дорогахъ. Съ другой стороны, наши западные противники, превосходившіе насъ своей готовностью, имѣли возможность открыть военныя дѣйствія быстрымъ вторженіемъ въ наши

предѣлы и ударомъ по войсковымъ частямъ, еще не окончившимъ своей мобилизаціи и сосредоточенія. Это было бы самымъ худшимъ для насъ началомъ войны, послѣдствія котораго было бы очень трудно исправить. Поэтому, когда наша желѣзнодорожная сѣть обогатилась открытіемъ новой мощной двухпутной магистрали Бологое—Сѣдлецъ, мы получили возможность исправить дислокацію нашихъ войскъ, въ соотвѣтствіи съ удобствами и безопасностью ихъ мобилизаціи. Названная желѣзнодоржная магистраль обезпечивала намъ, при мобилизаціи, возможность достигнуть, въ конечномъ результатѣ, даже нѣкотораго ускоренія въ общихъ срокахъ сосредоточенія нашихъ войскъ къ западнымъ границамъ, несмотря на оттяжку двухъ корпусовъ вглубь Имперіи.

Въ области мобилизаціонной техники было достигнуто также много улучшеній.

Усиленное вниманіе было обращено на дѣятельность уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ и подготовку мѣстныхъ гражданскихъ учрежденій къ точному и своевременному выполненію ими мобилизаціонныхъ работъ и нарядовъ. Отъ времени до времени производились повѣрочные сборы запасныхъ и опытныя мобилизаціи — въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ съ фактическимъ призывомъ запасныхъ и поставкою отъ населенія лошадей, повозокъ и сбруи.

Такъ какъ политическія осложненія, вызывающія необходимость приведенія арміи на военное положеніе, обыкновенно наступаютъ не вдругъ, а развертываются постепенно, то, дабы обезпечить успѣхъ этого сложнаго и отвѣтственнаго акта, еще въ 1913-мъ году было разработано положеніе о такъ называемомъ «предмобилизаціонномъ» періодѣ. Съ объявленіемъ таковаго, всѣ войска, учрежденія и заведенія должны были заново пересмотрѣть свои мобилизаціонные планы и подготовиться къ тѣмъ интенсивнымъ работамъ, кои подлежали осуществленію при мобилизаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они должны были провѣрить всѣ запасы, принять мѣры къ исполненію недочетовъ въ нихъ и вызвать къ мѣстамъ службы отпускныхъ чиновъ. Предмобилизаціоннымъ періодомъ не предусматривались однако никакія мѣры — ни явныя, ни скрытыя — по фактическому призыву въ войска людей изъ запаса и усиленію конскихъ средствъ, поставкою ихъ отъ населенія.

Измѣненія въ организаціи арміи и ея дислокаціи, о которыхъ шла выше рѣчь, неизбѣжно вызывали необходимость разработки новаго мобилизаціоннаго расписанія, каковое и было введено въ дѣйствіе въ 1910-мъ году, подъ названіемъ «мобилизаціоннаго расписанія № 18». Однако это расписаніе постепенно подверглось различнымъ частичнымъ улучшеніямъ и измѣненіямъ, почему къ концу 1914-го года имѣлось въ виду замѣнить его новымъ. Но такъ какъ работы по введенію новаго расписанія ко времени наступленія іюльскаго кризиса еще не были закончены, то армію пришлось приводить на военное положеніе по измѣненному расписанію № 18. Особо-серьезнаго значенія это обстоятельство не имѣло и, какъ извѣстно, мобилизаціонныя работы были у насъ проведены точно и своевременно. Но конечно всякое новое мобилиза-

ціонное расписаніе вводило съ собою усовершенствованія въ мобилизаціонную технику и ускореніе въ готовность войскъ. Съ его введеніемъ было также обычно связываемо введеніе и новыхъ оперативныхъ соображеній. Съ другой стороны — въ предвидѣніи ввода новаго мобилизаціоннаго расписанія, жизнью устанавливалось обыкновенно менѣе тщательное отношеніе къ доживавшему свой вѣкъ старому расписанію. И потому, то обстоятельство, что намъ пришлось мобилизовать армію по расписанію, признанному устарѣвшимъ и подлежавшему въ ближайшее время замѣнѣ новымъ — лишній разъ доказываетъ, что необходимость приведенія нашей арміи на военное положеніе застигла насъ врасплохъ, такъ какъ въ этотъ переходный для мобилизаціи арміи періодъ времени мы менѣе всего могли желать возникновенія какихъ-либо военныхъ осложненій.

Но ни одно мѣропріятіе Военнаго вѣдомства не привлекло къ себѣ столько вниманія и не вызвало столькихъ обсужденій въ печати и обществѣ, скажу больше,—нападокъ, какъ вопросъ о такъ называемомъ «упраздненіи» крѣпостей.

Въ настоящее время, послѣ опыта минувшей войны, возможно ожидать обратной критики, т. е. упрека въ недостаточно смѣломъ рѣшеніи этого вопроса, но въ то время вѣра въ значеніе и силу крѣпостей для многихъ оставалась еще внѣ сомнѣній.

Уже издавна, впрочемъ, ведется такъ, что въ вопросѣ о крѣпостяхъ рѣзко сталкиваются два противоположныхъ мнѣнія. Сторонники одного изъ нихъ, обычно болѣе распространеннаго, склонны придавать крѣпостямъ преувеличенное значеніе; другіе — наоборотъ, относятся къ вопросу о военно-инженерной подготовкѣ государства съ явнымъ пренебреженіемъ. Изъ прежней своей служебной дѣятельности припоминаю яркій примѣръ нелѣпѣйшаго проекта, составленнаго, если не ошибаюсь, въ 1909-мъ году, въ стѣнахъ Инженернаго Замка, подъ руководствомъ крупнаго и лично очень одареннаго военнаго инженера; послѣдній предлагалъ покрыть всю территорію Россіи густою сѣтью крѣпостей. Что нужды въ томъ, что на одно поддержаніе этого лабиринта крѣпостей на высотѣ быстро развивающейся техники долженъ былъ, по всей вѣроятности, уходить ежегодно весь доходный бюджетъ Россійской Имперіи и что всей русской арміи едва ли хватило бы для надѣленія этихъ крѣпостей гарнизонами! — Весьма жалко, если курьезный проектъ этотъ не сохранится въ назиданіе грядущему поколѣнію въ дѣлахъ бывшаго отдѣла Генералъ-Квартирмейстера Генеральнаго Штаба. Но наряду съ лицами, вѣрившими въ спасительныя для стратегіи свойства перекрытій изъ бетона и желѣза, были крайніе сторонники и другого теченія, готовые выбросить за бортъ всю заблаговременную фортификацію, какъ вредный балластъ, препятствующій сосредоточенію средствъ и усилій на развитіи и техническомъ усовершенствованіи единственной реальной силы — полевой арміи.

Не будемъ здѣсь вдаваться въ углубленіе этого спорнаго расхожденія во взглядахъ по крайне интересному, впрочемъ, вопросу, живо касающемуся системы государственной обороны. Лично мнѣ всегда было ясно, что значеніе

всякаго укрѣпленнаго пункта или раіона опредѣляется единственно степенью той пользы, которую онъ способенъ принести живой силѣ — маневрирующей арміи, въ достиженіи передъ нею поставленныхъ задачъ. Столь же яснымъ было для меня и другое положеніе, что крѣпость, или даже система крѣпостей, предоставленная собственнымъ силамъ и способная, по своей природѣ, вліять лишь на крайне ограниченный раіонъ мѣстности, не въ состояніи задержать широкаго вторженія непріятеля въ страну. И наконецъ — что во многовѣковой борьбѣ артиллеріи и фортификаціи очередная побѣда все рѣшительнѣе переходитъ на сторону первой, въ результатѣ чего сопротивленіе изолированной крѣпости, при наличіи у противной стороны мощной артиллеріи и большого количества боевыхъ припасовъ, не можетъ быть продолжительнымъ. Въ силу изложеннаго, въ мирное время, при заблаговременной подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій въ военно-инженерномъ отношеніи, безусловно необходимо соблюденіе крайней умѣренности. Лучше отсутствіе одной полезной для арміи крѣпости, чѣмъ наличіе излишней, всегда являющейся ослабляющимъ и стѣсняющимъ полевую армію факторомъ.

Чтобы выяснить значеніе мѣропріятія, которое было осуществлено подъ наименованіемъ «упраздненія крѣпостей», не отвѣчавшимъ вовсе сущности этого мѣропріятія, необходимо прежде всего пояснить, что всѣ наши крѣпости, ко времени приступа къ переоцѣнкѣ ихъ значенія, имѣли крайне устарѣлое начертаніе въ планѣ, состояли изъ укрѣпленій и построекъ несовершеннаго типа и профилей, снабжены были артиллеріей «музейныхъ» образцовъ и, обобранныя въ періодъ японской войны, были почти лишены необходимыхъ запасовъ. Перестройка крѣпостей шла, по отсутствію средствъ, весьма медленно и къ тому же безсистемно. Вмѣсто одновременныхъ, хотя бы только главнѣйшихъ работъ по всему обводу крѣпости — перестраивались лишь отдѣльныя точки этого обвода. Притомъ, вслѣдствіе прогресса артиллерійскаго огня въ дальности и стремленія обезпечить отъ такового огня центръ крѣпости, новыя укрѣпленія все болѣе выдвигались на мѣстности впередъ, лишаясь этимъ прочной поддержки сосѣдей и превращая постепенно наружное очертаніе крѣпости въ крайне уродливую, съ боевой точки зрѣнія, форму. Практиковавшаяся система перестройки крѣпостей приводила къ тому, что обороноспособность ихъ отъ перестройки не увеличивалась нисколько.

Такимъ образомъ технически наши крѣпости являлись вполнѣ немощными и въ такомъ видѣ могли принести полевой арміи лишь одинъ вредъ. Онѣ требовали надѣленія ихъ многочисленными гарнизонами, тѣмъ большими, чѣмъ несовершеннѣе было техническое ихъ устройство, и этимъ весьма существенно должны были ослаблять численно нашу живую силу въ полѣ. Но даже широко снабженныя гарнизонами, эти крѣпости не могли ни при какой обстановкѣ явиться опорными пунктами для маневрированія полевой арміи. Напротивъ, эта послѣдняя вынуждалась постоянно считаться со слабою сопротивляемостью крѣпостей и необходимостью оказывать имъ поддержку во избѣжаніе возможнаго ихъ паденія.

Изъ изложеннаго видно, что Военному Вѣдомству предстояло заняться кореннымъ переустройствомъ нашихъ крѣпостей, каковое едва ли не граничило съ почти полнымъ возведенiемъ ихъ заново. Для этого требовались огромныя денежныя средства, отпускъ коихъ могъ идти лишь въ ущеубъ ассигнованiямъ на полевую армiю.

При такомъ положенiи дѣла было чрезвычайно важно отнестись съ особымъ вниманiемъ къ вопросу о томъ, какiя крѣпости являлись, по условiямъ намѣчавшейся обстановки, дѣйствительно необходимыми для нашей полевой армiи, и безъ какихъ возможно было обойтись. Еще меньшее право на дальнѣйшее существованiе должно было быть признано за тѣми крѣпостями, кои, съ возникновенiемъ военныхъ дѣйствiй, могли явиться лишь обузой для той же полевой армiи.

Для краткости, при разсмотрѣнiи даннаго вопроса, — я въ дальнѣйшемъ ограничусь однимъ западнымъ фронтомъ.

Напомню еще разъ, что наши западные сосѣди превосходили насъ въ срокахъ готовности своихъ вооруженныхъ силъ и потому имѣли возможность, съ началомъ войны, предупредить насъ своимъ вторженiемъ въ наши предѣлы. Производственные расчеты показали, однако, что наша армiя къ сѣверу отъ Полѣсья, все-же будетъ въ состоянiи принять ударъ главной массы германскихъ войскъ, примѣрно, на фронтѣ Ковна-Гродна-Брестъ. Въ соотвѣтствiи съ этимъ, заблаговременное укрѣпленiе названныхъ пунктовъ, стратегическое значенiе коихъ въ данной зонѣ было прочно установлено, являлось вполнѣ цѣлесообразнымъ. Пункты эти, заблаговременно превращенные въ современнаго характера крѣпости, должны были принести свою долю пользы и въ томъ случаѣ, если бы благопрiятно сложившаяся обстановка позволила вынести наше первоначальное сосредоточенiе болѣе къ западу. При такой обстановкѣ, эти крѣпости, оказавшись въ тылу, обезпечивали бы положенiе нашей армiи отъ всякихъ случайностей, не притягивая въ то же время къ себѣ преждевременно войскъ, въ качествѣ собственныхъ гарнизоновъ.

Такимъ образомъ, значенiе названныхъ пунктовъ для полевой армiи являлось безспорнымъ при всякой обстановкѣ, и потому вопросъ о коренномъ переустройствѣ существовавшихъ крѣпостей — Ковны и Брестъ-Литовска — и срочномъ приступѣ къ заблаговременному укрѣпленiю Гродны былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Союзъ нашъ съ Францiей облегчалъ наше стратегическое положенiе настолько, что позволялъ расчитывать на возможность, при благопрiятной обстановкѣ, частичнаго вынесенiя первоначальнаго стратегическаго развертыванiя нашихъ вооруженныхъ силъ на территорiю русской Польши. Этимъ достигалось занятiе выгоднаго охватывающаго положенiя для наступательныхъ дѣйствiй не только противъ австро-венгерской армiи въ Галичинѣ, но и противъ германскихъ войскъ въ Восточной Пруссiи. Но такъ какъ готовность германцевъ значительно превосходила готовность нашихъ войскъ, то, для обезпеченiя нашего развертыванiя, рѣшено было, въ дополненiе къ ука-

занной выше основной линіи крѣпостей, усовершенствовать и развить также укрѣпленія у Осовца, превративъ таковой въ заблаговременно укрѣпленный участокъ обще-войсковой позиціи вдоль долины р. Бобра. Позицію эту имѣлось въ виду использовать въ случаѣ попытки германцевъ открыть военныя дѣйствія вторженіемъ въ Бѣлостокскій раіонъ, черезъ который пролегали главнѣйшіе пути, связывающіе русскую Польшу съ Имперіей.

Какъ бы, однако, благопріятно ни оцѣнивать обстановку, вынесеніе нашего первоначальнаго стратегическаго развертыванія на линію средней Вислы являлось невозможнымъ. Болѣе быстро изготовлявшіяся войска нашихъ западныхъ сосѣдей, комбинированными дѣйствіями изъ Восточной Пруссіи и Галичины, могли въ этомъ случаѣ сжать наши войска съ двухъ сторонъ и поставить ихъ въ трудное положеніе раньше, чѣмъ они успѣли бы проявить свою дѣятельность. Вслѣдствіе этого всѣ крѣпости и укрѣпленія, находившіяся на Вислѣ и нижнемъ Наревѣ, оказывались въ положеніи полной оторванности отъ полевой арміи, при каковомъ условіи они теряли основанія для своего существованія.

Попытка удержать «Передовой» театръ отъ перехода его въ руки противника, путемъ изолированнаго удержанія въ нашихъ рукахъ созданнаго въ свое время укрѣпленнаго раіона Варшава-Новогеоргіевскъ-Зегржъ была бы вообще попыткою съ негодными средствами. Къ тому же каждая изъ названныхъ крѣпостей въ отдѣльности представляла совершенно устарѣвшую систему укрѣпленій, требовавшую полной перестройки и новаго снабженія всѣми техническими средствами, начиная, конечно, съ артиллеріи. Это вызывало многочисленныя совершенно непосильныя затраты. Независимо того являлась необходимость предусмотрѣть снабженіе каждой крѣпости въ отдѣльности гарнизономъ и, сверхъ того, всего укрѣпленнаго раіона подвижнымъ резервомъ, что было сопряжено съ выдѣленіемъ изъ арміи не менѣе 200—250 тыс. войскъ, которыя могли принести неизмѣримо большую пользу своими дѣйствіями въ полѣ. Наконецъ, внутри названнаго укрѣпленнаго раіона находился многолюднѣйшій городъ — Варшава, который необходимо было обезпечить на все время обложенія продовольствіемъ и топливомъ, и который, конечно, являлся факторомъ, значительно ослаблявшимъ обороноспособность всего укрѣпленнаго раіона. Словомъ, при затратѣ громадныхъ силъ и средствъ, шансовъ на успѣхъ обороны не могло быть много, чтобы не сказать больше. Паденіе же цѣлаго заранѣе подготовленнаго къ оборонѣ раіона должно было явиться столь сильнымъ ударомъ престижу отечественнаго оружія, что болѣе предусмотрительнымъ являлось его избѣжать.

Рѣшаясь на упраздненіе всѣхъ нашихъ привислинскихъ крѣпостей и отдѣльныхъ укрѣпленій, Военное Вѣдомство допустило, однако, исключеніе въ пользу Новогеоргіевска, расположеннаго на фронтѣ противъ Германіи, при сліяніи съ Вислой Буго-Нарева, и въ недалекомъ разстояніи отъ столицы Польши — Варшавы. Эту крѣпость рѣшено было развить и усовершенствовать — отчасти по причинамъ политическаго и психологическаго порядка,

отчасти въ предположеніи, что, въ случаѣ отвлеченія главной массы германцевъ на французскій фронтъ, наши военныя дѣйствія противъ Германіи могутъ, съ теченіемъ времени, получить такое развитіе, при которомъ обезпечиваемая названной крѣпостью переправа черезъ Вислу облегчитъ намъ маневрированіе на обоихъ ея берегахъ.

Большое колебаніе вызывалъ вопросъ объ Ивангородѣ. Къ обсужденію его возвращались неоднократно. Составленные проекты показали, однако, что задача сохраненія въ нашихъ рукахъ мостовыхъ переправъ у этого пункта черезъ р. р. Вислу и Вепржъ не поддавалась разрѣшенію въ предѣлахъ тѣхъ средствъ, кои представлялось возможнымъ для сего выдѣлить. А такъ какъ появленіе передъ Ивангородомъ серьезныхъ непріятельскихъ силъ, по сдѣланнымъ подсчетамъ, едва-ли было возможно ранѣе начала второго мѣсяца войны, то это обстоятельство давало право надѣяться на созданіе у этого пункта позиціи временнаго характера съ фактическимъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, что въ дѣйствительности и было выполненно.

Такимъ образомъ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, въ которомъ съ 1910-го года было сосредоточено общее руководство вопросами по устройству, вооруженію и оборудованію крѣпостей, рѣшило сосредоточить усилія и ассигнуемые на крѣпостное дѣло кредиты на укрѣпленіи на западномъ сухопутномъ фронтѣ только пяти пунктовъ: Ковны, Гродны, Брестъ-Литовска, Осовца и Новогеоргіевска. Въ короткій срокъ были заново пересоставлены и затѣмъ представлены на утвержденіе всѣ необходимые проекты, годами лежавшіе и старившіеся на шкафныхъ полкахъ различныхъ учрежденій Военнаго Министерства. Въ основаніе вновь составленныхъ проектовъ были положены новые принципы крѣпостного строительства, изъ коихъ главнѣйшіе: одновременное развертываніе работъ по всему обводу и расчлененіе возводимыхъ укрѣпленій на составные элементы, съ тщательнымъ примѣненіемъ каждой отдѣльной постройки къ мѣстности и съ полной ея маскировкой.—Работа въ крѣпостяхъ закипѣла. Одновременно въ потребность возводившихся крѣпостей были сдѣланы заказы на тяжелую артиллерію наиболѣе современныхъ образцовъ и подвижного типа; также были даны заказы на разнаго рода дополнительныя техническія средства. Заказами этими преслѣдовалась двойная задача: снабженіе крѣпостей и созданіе запасовъ артиллеріи и матеріальнаго имущества, на случай необходимости овладѣнія непріятельскими укрѣпленными пунктами или созданія нашими войсками импровизированныхъ позицій тамъ, гдѣ въ этомъ явится необходимость по ходу операцій.

Къ сожалѣнію, трехлѣтній срокъ, вслѣдствіе недостаточнаго отпуска кредитовъ и грандіозности работъ, оказался слишкомъ краткимъ, и разразившаяся въ 1914-мъ году война застигла наши крѣпости въ далеко незаконченномъ видѣ.

Изъ приморскихъ крѣпостей на западномъ фронтѣ получили значительное приращеніе въ силѣ Кронштадтъ и Севастополь. Приступлено было также

къ созданію новой приморской крѣпости-базы въ Ревелѣ и намѣчалось возведеніе сильныхъ батарей на о. Макилото на сѣверномъ берегу Финскаго залива, въ цѣляхъ созданія остова морской укрѣпленной позиціи Ревель-Поркалаудъ. Позиція эта долженствовала преградить непріятельскому флоту доступъ въ Финскій заливъ и къ лежащей въ глубинѣ этого залива столицѣ Имперіи — Петербургу.

Нѣкоторыя второстепенныя приморскія крѣпости — Либава, Керчь, Очаковъ — подлежали упраздненію.

Но рѣшеніе упразднить рядъ крѣпостей, находившихся, по своему географическому положенію, внѣ прямой оперативной связи съ полевой арміей, вовсе не должно было вызывать вопроса о срытіи и уничтоженіи существовавшихъ укрѣпленій въ упраздняемыхъ крѣпостяхъ. Эти укрѣпленія устарѣвшихъ типовъ не могли для противника пріобрѣсти сколько-нибудь серьезнаго значенія; при случаѣ же мы могли ихъ даже использовать въ качествѣ недурныхъ, въ военномъ смыслѣ, «мѣстныхъ» предметовъ. Вопросъ объ уничтоженіи могъ возникнуть развѣ въ отношеніи правобережныхъ фортовъ Варшавской крѣпости, обращенныхъ фронтомъ въ нашу сторону. Эту именно точку зрѣнія отстаивало Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, въ противоположность мнѣнію Главнаго Инженернаго Управленія, которое стремилось къ полному уничтоженію укрѣпленій упраздненныхъ крѣпостей и успѣло истратить даже кое-какія средства на это довольно безцѣльное дѣло.

Остается коснуться еще одного очень важнаго вопроса о состояніи нашихъ военныхъ запасовъ и тѣхъ средствахъ, кои были въ нашемъ распоряженіи для организаціи непрерывнаго снабженія арміи въ періодъ войны.

Уже было отмѣчено, что наши такъ называемые «неприкосновенные» запасы, или, проще говоря, запасы военнаго времени, были въ корнѣ нарушены войной 1904—05 г. г. На возстановленіе ихъ по далеко не полнымъ исчисленіямъ требовалось нѣсколько сотенъ милліоновъ рублей, каковая сумма по тому времени представлялась для нашего Государственнаго Казначейства весьма внушительной. Русско-Японская война, обошедшаяся русскому народу въ 2½ милліарда рублей, нѣсколько подорвала наше финансовое положеніе. Независимо того, въ результатѣ неудачной войны, мы вынуждены были осуществить рядъ дорогихъ мѣропріятій оборонительнаго характера, въ видѣ усиленія укрѣпленій Владивостока и устья Амура, а также проведенія Амурской жел. дороги, каковыя мѣропріятія должны были прочнѣе закрѣпить за нами нашу далекую восточную окраину. Кромѣ возстановленія запасовъ, требовалось еще ихъ общее увеличеніе, приведеніе матеріальной части арміи въ соотвѣтствіе съ современными требованіями и снабженіе той-же арміи новыми военно-техническими средствами. Нужны были новые образцы артиллеріи, особенно тяжелой, пулеметы, автомобили, воздухоплавательное имущество, полевыя желѣзныя дороги, новыя средства связи. — Все это требовало денегъ и денегъ.

Полученіе кредитовъ на всѣ перечисленныя выше потребности пришлось, по недостатку средствъ, разсредоточить на рядъ лѣтъ. Чтобы придать вопросамъ снабженія характеръ нѣкоторой планосообразности, при отдѣлѣ Генералъ-Квартирмейстера, по моему ходатайству, была образована комиссія Генерала Обручева, назначеніе которой состояло въ томъ, чтобы выдѣлить, въ особый перечень, всѣ первоочередныя потребности, для скорѣйшаго ихъ удовлетворенія. Однако, истребованіе кредитовъ даже на потребности первой очереди было сопряжено съ большими затрудненіями. До 1912-го года, напримѣръ, чрезвычайная смѣта Военнаго Министерства, на которую преимущественно относились расходы по возобновленію неприкосновенныхъ запасовъ, была ограничена опредѣленной цифрой въ 70 милліоновъ рублей въ годъ. Но независимо этого ограниченія, всѣ законопроекты на отпускъ кредитовъ приходилось проводить черезъ рядъ комиссій — правительственныхъ и парламентскихъ, на что тратилось много времени и энергіи, и гдѣ первоначальныя предположенія военнаго вѣдомства подвергались нерѣдко существеннымъ урѣзкамъ. Особенно строги были правительственныя, такъ называемыя «согласительныя» комиссіи, въ которыхъ представители Министерства финансовъ и Государственнаго Контроля соперничали другъ съ другомъ въ стремленіи во что бы то ни стало урѣзать проекты военнаго вѣдомства и добиться сокращенія намѣчавшихся расходовъ, чтобы вогнать ихъ въ заранѣе фиксированную сумму. Въ долгіе ночные часы въ зданіи Канцеляріи Военнаго Министерства шли безконечно-мучительные дебаты по отстаиванію каждаго рубля — одними въ пользу улучшенія обороны страны, — другими въ цѣляхъ сбереженія государственныхъ средствъ. Упоминаю объ этомъ отнюдь не въ цѣляхъ обвиненія кого-либо: каждый честно и добросовѣстно дѣлалъ свое дѣло и радѣлъ о нуждахъ государства такъ, какъ онъ ихъ понималъ... Урѣзанные проекты, пройдя Совѣтъ Министровъ, поступали затѣмъ въ законодательныя учрежденія, гдѣ допускалась защита ихъ лишь въ предѣлахъ, одобренныхъ такъ называемымъ «единымъ» правительствомъ. Ограниченіе это ложилось очень тяжелымъ бременемъ на лицъ, въ обязанность коихъ входило давать въ законодательныхъ учрежденіяхъ по такимъ проектамъ необходимыя разъясненія. Неудивительно поэтому, что, сквозь сдержанныя ихъ слова, нерѣдко прорывалась болѣе полная картина кричащихъ нуждъ государственной обороны. Надо отмѣтить, что Думскіе круги были въ общемъ очень отзывчивы къ военнымъ нуждамъ; бывали даже случаи частичнаго увеличенія испрашивавшихся кредитовъ въ порядкѣ думской законодательной инціативы. Въ Думской комиссіи государственной обороны мы, большинство обычныхъ представителей Военнаго Вѣдомства, — чувствовали себя въ атмосферѣ внимательнаго и благожелательнаго къ намъ отношенія. Въ болѣе сложныхъ или секретныхъ случаяхъ предварительно устраивались частныя собесѣдованія съ наиболѣе вліятельными членами той-же комиссіи, по инціативѣ послѣднихъ, каковыя бесѣды еще болѣе скрѣпляли взаимное пониманіе. Недовѣріе окружало лишь имя Военнаго Министра

Генерала Сухомлинова, который, кстати сказать, избѣгалъ бывать въ Думѣ; нерѣдко оно проявлялось и по отношенію къ дѣятельности Главнаго Артиллерійскаго Управленія.

Во главѣ этого управленія находился Генералъ Кузьминъ-Караваевъ, который, однако, не былъ хозяиномъ положенія. Надъ нимъ тяготѣла воля Великаго Князя Сергія Михайловича, который до войны занималъ долгое время должность Генералъ-Инспектора артиллеріи. Обязанности послѣдняго, по существу, сводились къ инспектированію артиллерійскихъ частей и руководству ихъ спеціальнымъ обученіемъ; такимъ образомъ Великій Князь не былъ непосредственно причастенъ къ сложному и отвѣтственному дѣлу артиллерійскаго снабженія. Тѣмъ не менѣе, въ виду своего положенія, прежнихъ связей съ Генераломъ Кузьминымъ-Караваевымъ по совмѣстной службѣ въ Гвардейской конной артиллеріи и особыхъ свойствъ характера, Великій Князь Сергій Михайловичъ сумѣлъ занять такое положеніе, что ни одно сколько нибудь серьезное дѣло не рѣшалось въ Главномъ Артиллерійскомъ Управленіи помимо или вопреки его указаній. — Великій Князь такимъ образомъ являлся фактическимъ, хотя и безотвѣтственнымъ руководителемъ дѣятельности всего Главнаго Артиллерійскаго Управленія, что конечно надлежало признавать явленіемъ глубоко неправильнымъ.

Заботы Военнаго Вѣдомства по снабженію арміи матеріальною частью и по возстановленію запасовъ не ограничивались конечно только испрошеніемъ кредитовъ. Много энергіи и настойчивости приходилось затрачивать на размѣщеніе заказовъ и наблюденіе за своевременностью ихъ выполненія. Наличное число и производительная сила нашихъ заводовъ, изготовлявшихъ предметы военнаго снабженія, были недостаточны. Расширеніе отечественной военной промышленности требовало единовременныхъ крупныхъ денежныхъ затратъ и яснаго пониманія того обстоятельства, что такой путь является наиболѣе правильнымъ съ точки зрѣнія подготовки государства къ войнѣ. Что касается заказовъ заграницей, то таковые, по весьма понятнымъ финансовымъ соображеніямъ, были правительствомъ обставлены рядомъ серьезныхъ ограниченій. Поэтому къ нимъ представлялось возможнымъ прибѣгать въ мирное время лишь въ исключительныхъ случаяхъ, главнымъ образомъ при заказахъ такихъ предметовъ, выполненіе коихъ внутри страны встрѣчало техническія затрудненія. Въ результатѣ всѣхъ перечисленныхъ неблагопріятныхъ условій, Военное Вѣдомство, особенно Главное Артиллерійское Управленіе, встрѣчалось съ очень крупными затрудненіями по размѣщенію заказовъ и нерѣдко подвергалось обвиненіямъ, не всегда, можетъ быть, справедливымъ, въ вяломъ использованіи уже отпущенныхъ кредитовъ, что служило причиною, затруднявшею испрошеніе дальнѣйшихъ ассигнованій.

Вопросъ о «нормахъ» запасовъ, для военнаго времени въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за Русско-Японской войной, не имѣлъ практическаго значенія, такъ какъ вначалѣ приходилось думать о возстановленіи за-

пасовъ, нарушенныхъ войной, хотя бы только до прежнихъ размѣровъ. Выполненіе этого первоначальнаго заданія требовало много времени и большихъ усилій, тѣмъ не менѣе, сознаніе необходимости использовать опытъ минувшей войны выдвигало на очередь и вопросъ о пересмотрѣ нормъ, въ особенности въ отношеніи боевыхъ припасовъ. На основаніи данныхъ о расходѣ въ русско-японскую войну винтовочныхъ патроновъ была установлена новая норма въ 1.000 патроновъ на пѣхотную винтовку и въ 75/т. патроновъ на войсковой пулеметъ. Однако эти нормы къ началу войны 1914-го года далеко не были достигнуты. Если принять во вниманіе даже тѣ сокращенія, кои были допущены подъ давленіемъ финансовыхъ соображеній, то и въ этомъ случаѣ недостатокъ ружейныхъ патроновъ къ началу войны 1914-го года слѣдуетъ исчислять примѣрно въ 300 милліоновъ патроновъ, что составляло свыше 10% отъ общаго числа подлежавшихъ храненію. Такой же боевой комплектъ въ 1000 патроновъ былъ установленъ на основаніи того же опыта русско-японской войны и для легкой и конной пушки; равнымъ образомъ, примѣрно въ томъ же размѣрѣ были установлены боевые комплекты и для орудій горной, мортирной (гаубичной) и тяжелой полевой артиллеріи. Изъ числа 1000 выстрѣловъ, полагавшихся къ храненію на каждую легкую пушку, меньшая половина (428) должна была составлять возимый запасъ — при батареяхъ и въ артиллерійскихъ парковыхъ бригадахъ, придававшихся къ дивизіямъ; остальные же выстрѣлы (572) предназначались къ храненію въ мирное время при складахъ, составляя имущество такъ называемыхъ «мѣстныхъ» парковъ, которые въ военное время должны были подаваться на театръ военныхъ дѣйствій по желѣзной дорогѣ, для пополненія возимыхъ запасовъ. Въ каждомъ такомъ мѣстномъ паркѣ положено было содержать 14 милліоновъ винтовочныхъ и около 29/тыс. пушечныхъ 3-хъ дюйм. патроновъ. Имущество мѣстныхъ парковъ, для удобства храненія и сбереженія, содержалось въ различной степени готовности, частью въ видѣ отдѣльныхъ элементовъ выстрѣловъ.

Вслѣдствіе реорганизаціи арміи по программѣ 1910-года и связанныхъ съ нею дислокаціонныхъ измѣненій, боевые комплекты, особенно мѣстныхъ парковъ, къ началу войны оказались въ довольно хаотическомъ состояніи. Во многихъ пунктахъ, въ которыхъ намѣчалось по новой дислокаціи ихъ размѣщеніе, не оказалось подходящихъ складовъ, почему части боевыхъ припасовъ приходилось временно хранить въ прежнихъ мѣстахъ или даже на заводахъ, какъ позволятъ помѣщенія. Вслѣдствіе этого произвести подсчетъ имѣвшихся боевыхъ припасовъ представлялось задачей крайне трудной, чѣмъ и объясняется неточность свѣдѣній о числѣ выстрѣловъ на пушку къ началу войны. Число это, по различнымъ источникамъ, колеблется отъ 850 до 1000 выстрѣловъ на легкую пушку; боевые комплекты для горныхъ пушекъ имѣлись полностью, и даже съ нѣкоторымъ избыткомъ; обезпеченіе же боевыми припасами полевой тяжелой артиллеріи находилось въ значительно менѣе благопріятномъ состояніи и некомплектъ таковыхъ припасовъ къ

началу войны, въ отношеніи нѣкоторыхъ образцовъ тяжелой артиллеріи, достигалъ 50% и даже больше.

Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, ссылаясь на примѣръ западныхъ государствъ и принимая во вниманіе слабое развитіе нашей военной промышленности, упорно настаивало на дальнѣйшемъ увеличеніи нормъ боевыхъ комплектовъ, въ частности для полевой легкой артиллеріи до 1500 выстрѣловъ на пушку. Въ концѣ 1912-го года, подъ вліяніемъ политическихъ осложненій, нашему Генеральному Штабу удалось исхлопотать даже особый дополнительный кредитъ въ 10 милліоновъ рублей для усиленія боевыхъ комплектовъ, каковой кредитъ, однако, по самоуправству артиллерійскаго вѣдомства, былъ израсходованъ на другія менѣе серьезныя надобности. Въ вопросѣ о вѣроятномъ расходѣ боевыхъ припасовъ артиллеріей въ будущую войну нашимъ представителямъ Генеральнаго Штаба пришлось столкнуться съ необычайной косностью руководителей артиллерійскаго вѣдомства, упорно выдвигавшихъ цифры, коими характеризовался расходъ боевыхъ припасовъ въ минувшую Русско-японскую войну. Опираясь на данныя этой войны, согласно коихъ весь расходъ опредѣлялся за всю компанію около 730 выстрѣловъ на пушку, а за время наиболѣе интенсивнаго періода Мукденскихъ боевъ въ 350—375 выстрѣловъ, и считаясь съ нѣкоторыми административно-хозяйственными удобствами, Главное Артиллерійское Управленіе растягивало готовность даже имѣвшихся въ наличности мѣстныхъ парковъ на срокъ до 480 дней. Только послѣ самыхъ рѣшительныхъ возраженій Главному Управленію Генеральнаго Штаба удалось настоять на значительномъ сокращеніи этого срока и принятіи мѣръ къ постепенному доведенію готовности всѣхъ имѣвшихся въ наличности мѣстныхъ парковъ до трехъ мѣсяцевъ. Какъ извѣстно, примѣрно съ конца третьяго и начала четвертаго мѣсяца войны, наша армія стала и въ дѣйствительности ощущать острую нужду сначала въ артиллерійскихъ припасахъ, а затѣмъ и въ ружейныхъ патронахъ.

Но увеличенію хранимыхъ въ мирное время запасовъ боевого снабженія арміи положенъ извѣстный предѣлъ. Никакое государство не въ состояніи содержать въ годы мира необходимое для современной войны количество боевого матеріала. Этому препятствуютъ не только финансовые соображенія, но и трудность храненія и своевременнаго освѣженія имѣющихся запасовъ. Главнѣе же всего — непрерывное техническое совершенствованіе боевыхъ средствъ, заставляющее періодически мѣнять образцы боевого вооруженія и снабженія на болѣе современные.

Такимъ образомъ заготовленные въ мирное время запасы могутъ служить обезпеченіемъ лишь на первый періодъ войны. Для дальнѣйшаго питанія арміи, долженъ быть заранѣе подготовленъ своевременный, непрерывный и вполнѣ достаточный притокъ необходимыхъ для арміи предметовъ снабженія. Чѣмъ надежнѣе и полнѣе будетъ организованъ этотъ притокъ, тѣмъ менѣе значительными могутъ быть запасы вооруженія и снабженія, хранимые государствомъ въ мирное время, и тѣмъ менѣе ощутительными будутъ

ошибки въ опредѣленіи размѣровъ военныхъ потребностей арміи, всегда трудно предвидимыхъ задолго впередъ. Само собой разумѣется, что только хорошо налаженное внутреннее производство можетъ служить прочной базой для обезпеченія потребностей арміи, возникающихъ въ періодъ самой войны. Заказы заграницей являются недостаточно надежными, не говоря уже объ отрицательной сторонѣ ихъ въ финансовомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, въ этомъ вопросѣ мы оказались недостаточно предусмотрительными. Наши казенные военные заводы къ началу войны оказались немощными и недостаточно подготовленными для развитія своей производительности. Еще менѣе, вѣрнѣе совершенно неподготовленной къ изготовленію военныхъ предметовъ оказалась наша частная промышленность, безъ содѣйствія которой вопросъ обезпеченія арміи всѣмъ необходимымъ представлялся неразрѣшимымъ.

Такимъ образомъ въ военно-промышленномъ отношеніи Россія была подготовлена къ войнѣ крайне слабо. — О «мобилизаціи» отечественной промышленности, т. е. заблаговременной подготовкѣ ея къ цѣлямъ и потребностямъ войны думали недостаточно и отрывочно. Чтобы обезпечить таковую, требовалось заблаговременное снабженіе подходящихъ заводовъ соотвѣтственнымъ оборудованіемъ, предоставленіе техническому персоналу и квалифицированнымъ рабочимъ льготъ по отбыванію воинской повинности и обезпеченіе заводовъ необходимыми матеріалами. — Реальныхъ мѣръ къ осуществленію этихъ требованій принято не было, за что мы тяжко и поплатились въ періодъ самой войны.

Надо, однако, внести въ данный вопросъ необходимую справедливость. Грандіозный масштабъ надвигавшейся войны не былъ предвидѣнъ не только нами, но и всѣми остальными участниками развернувшейся міровой борьбы. Недостатокъ въ предметахъ вооруженія и боевыхъ припасахъ обнаружился послѣ первыхъ же боевъ повсюду — и во Франціи, и въ Германіи. Но промышленность въ западныхъ государствахъ, вслѣдствіе значительнаго ея развитія, гораздо легче приспособилась къ военнымъ цѣлямъ, почему всѣ другія великія Державы значительно быстрѣе вышли изъ создавшагося тяжелаго положенія, чѣмъ могли сдѣлать это мы. Въ ихъ распоряженіи оказался и заграничный рынокъ, использованіе котораго представляло для насъ значительныя затрудненія.

Вѣнцомъ всѣхъ работъ по реорганизаціи арміи должна была послужить переработка «Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время». Этимъ положеніемъ должны были опредѣляться: организція высшихъ войсковыхъ соединеній, управленіе ими, устройство тыла и служба всякаго рода снабженій

Дѣйствовавшее положеніе было издано въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія и при современныхъ условіяхъ являлось совершенно непримѣнимымъ. Это показала еще война 1904-05 г.г., въ періодъ которой пришлось внести массу коренныхъ измѣненій. Несмотря на рядъ комиссій, работавшихъ надъ новымъ проектомъ, дѣло не клеилось, и только къ январю 1913 года, когда составленіе

проекта по ходатайству отдѣла Генералъ-Квартирмейстера было изъято изъ тормазившихъ его комиссій и сосредоточено при названномъ отдѣлѣ Генеральнаго Штаба, работу удалось закончить. Проектъ встрѣтилъ, однако, много возраженій, преимущественно со стороны вѣдомствъ, занимавшихъ привилегированное положеніе и желавшихъ видѣть своихъ представителей въ болѣе самостоятельномъ положеніи, чѣмъ это было опредѣлено общей схемой. Разсмотрѣніе его затянулось на срокъ свыше года, и только надвинувшіяся событія 1914-го года ускорили благополучное разрѣшеніе дѣла. То, что казалось неразрѣшимымъ при мирныхъ условіяхъ жизни въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, было разрѣшено, въ предвидѣніи войны, въ одномъ ночномъ засѣданіи. Только 29-го Іюля 1914-го г., т. е. всего за три дня до начала войны, было утверждено Верховною властью одно изъ самыхъ важныхъ для военнаго времени положеній. И если вся эта грустная, но характерная для нашего мирнаго времени волокита не отразилась неблагопріятно на первыхъ же порахъ послѣ объявленія войны, то лишь потому, что проектъ, въ предвидѣніи затяжки его утвержденія, былъ Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба заранѣе отпечатанъ и разосланъ въ войска, съ указаніемъ придерживаться его при разработкѣ всѣхъ подготовительныхъ къ войнѣ соображеній. Вслѣдствіе этого, армія получила возможность жить, въ соотвѣтствіи съ новымъ положеніемъ, съ перваго же дня войны.

Все изложенное въ настоящей главѣ съ достаточной убѣдительностью доказываетъ, что Россія къ началу войны 1914-го года далеко не была къ ней готова — ни политически, ни по состоянію своихъ финансовъ и промышленности, ни въ узко-военномъ отношеніи. И если Генералъ Сухомлиновъ, занимавшій постъ Военнаго Министра, бросилъ въ одномъ изъ своихъ интервью, надѣлавшемъ много шума, свое: «Россія готова», то, по существу, слова эти были только легкомысленной бравадой или довольно дешевымъ политическимъ блефомъ.

При всемъ этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что наша армія менѣе всего была подготовлена къ веденію широкой наступательной войны, требующей болѣе гибкой и легкой организаціи и широкаго снабженія мощной и подвижной тяжелой артиллеріей, авіаціонными средствами, современными средствами связи, желѣзнодорожными и понтонными частями, автомобильными транспортами. Всѣ эти вспомогательныя техническія средства были въ Россіи лишь въ зачаткѣ, какъ бы только «обозначены».

При такомъ состояніи военной подготовки Россія, конечно, не могла преслѣдовать никакихъ агрессивныхъ плановъ. Крайне медленными и подчасъ недостаточно твердыми шагами наше отечество къ 1914-му году едва успѣло возстановить свою вооруженную силу, разстроенную и ослабленную неудачною войною и революціонными переживаніями 1905 года, но лишь до той степени, которая давала ей возможность выйти изъ своего небытія и въ необходимыхъ случаяхъ громко произнести свое слово въ защиту собственныхъ интересовъ и государственнаго достоинства. Столь скромные результаты по-

ти десятилѣтнихъ усилій — обычный удѣлъ вообще всѣхъ государствъ, не ведущихъ внѣшней активной политики. Въ нихъ всегда будетъ законнымъ и естественнымъ стремленіе направить главныя усилія народной энергіи и главную массу свободныхъ денежныхъ средствъ на развитіе внутреннихъ культурныхъ и промышленныхъ силъ страны.

Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что въ отношеніи боевой подготовки Русская армія сдѣлала большіе успѣхи. Опытъ русско-японской войны былъ въ значительной мѣрѣ использованъ и проведенъ въ новыхъ уставахъ; офицерскій составъ омоложенъ и обновленъ; тактическія познанія и обученіе кадровыхъ частей въ большой степени возросли. Оставалось конечно, не мало слабыхъ мѣстъ, изъ коихъ главнѣйшее — недостатокъ у начальствующихъ лицъ навыковъ къ высшему управленію войсками и ихъ вожденію; но важно было уже то, что армія получила солидный импульсъ къ дальнѣйшему усовершенствованію.

Въ 1912-мъ году наше Морское Министерство внесло въ законодательныя учрежденія программу, предусматривавшую значительное усиленіе нашихъ морскихъ силъ, преимущественно въ Балтійскомъ морѣ, гдѣ имѣлась въ виду постройка линейнаго флота. Осуществленіе этой программы требовало отпуска грандіозныхъ средствъ, какъ единовременныхъ, такъ и постоянныхъ. Встрѣченная въ думскихъ кругахъ мало сочувственно, программа эта, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе особаго покровительства во вліятельныхъ сферахъ и настойчивости лицъ, ее отстаивавшихъ, была проведена черезъ законодательныя учрежденія и получила санкцію Верховной власти. Эта морская программа внесла большія трудности въ дѣло изысканія средствъ на дальнѣйшее усиленіе и усовершенствованіе нашей главной части вооруженныхъ силъ — сухопутной арміи.

Между тѣмъ угрожающее нарастаніе вооруженныхъ силъ и боевыхъ средствъ у нашихъ западныхъ сосѣдей не позволяло намъ оставаться на мѣстѣ. Уже въ 1913-мъ году стало извѣстно о новомъ усиленіи германской арміи. Энергически развивала свою военную силу и Австро-Венгрія. Эти обстоятельства вынудили въ свою очередь и наше Военное Министерство отвѣтить внесеніемъ въ законодательныя учрежденія новаго проекта дальнѣйшаго развитія нашей сухопутной вооруженной силы. Неизбѣжныя финансовыя затрудненія имѣлось ввиду преодолѣть путемъ заграничныхъ займовъ и увеличенія налога на спиртъ.

Внесенный законопроектъ объ усиленіи арміи носилъ громкое названіе «Большой программы». Къ сожалѣнію, онъ явился результатомъ замкнутой и не до конца продуманной работы лишь одного изъ отдѣловъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба по устройству и службѣ войскъ. Отдѣлъ Генералъ-Квартирмейстера былъ приглашенъ дать по этой программѣ свое заключеніе почти наканунѣ внесенія ея въ Совѣтъ Министровъ и ознакомленія думской комиссіей по оборонѣ съ содержаніемъ программы.

Согласно указанной программѣ, русская армія должна была въ теченіе ближайшаго четырехлѣтія 1914—17 г.г. увеличиться по штатамъ мирнаго времени на 12/т. офицеровъ и до 500/т. нижнихъ чиновъ, т. е. получить приращеніе болѣе чѣмъ на ⅓ своего состава. Выполненіе программы требовало единовременнаго расхода около полумилліарда рублей и ежегоднаго увеличенія бюджета Военнаго Министерства на 140 милліоновъ рублей.

Развитіе нашей арміи намѣчалось въ двухъ направленіяхъ — имѣлось въ виду созданіе новыхъ частей и усиленіе штатныхъ составовъ существовавшихъ войсковыхъ единицъ.

Подлежали сформированію вновь:

1) 140 бат. пѣхоты, причемъ создавалось три новыхъ корпуса (XXVI, XXVII и VI Сиб.).

2) 26 полковъ регулярной кавалеріи и кадры для второочередныхъ частей трехъ каз. войскъ, въ томъ числѣ въ главнѣйшемъ войскѣ — Донскомъ.

3) Свыше 500 легкихъ, мортирныхъ и тяжелыхъ батарей съ одновременнымъ переходомъ отъ 8-ми орудійныхъ батарей къ 6-ти орудійнымъ; этой мѣрой усиливалась наша артиллерія на 85% по числу батарей и на 20% по числу орудій — причемъ на корпусъ число огневыхъ единицъ доводилось до 27 (18 легкихъ, 6 мортирныхъ и 3 тяжелыхъ батарей), а число орудій до 156.

Намѣчалось также сформированіе нѣкотораго числа новыхъ частей въ инженерныхъ, техническихъ и обозныхъ войскахъ.

Безусловно сильными сторонами этой программы были:

1) Усиленіе штатныхъ составовъ существовавшихъ частей войскъ, дѣлавшее ихъ внутренне болѣе прочными, равно облегчавшее ихъ мобилизацію и выдѣленіе кадровъ для второочередныхъ частей.

2) Существенное усовершенствованіе въ организаціи полевой артиллеріи, въ результатѣ которой число огневыхъ единицъ и отдѣльныхъ орудій на корпусъ доводилось почти до германской нормы; организація батарей приближалась къ болѣе современной, а введеніе въ полевую артиллерію тяжелыхъ образцовъ восполняло крупный недочетъ въ прежней организаціи нашей арміи.

3) Расширеніе нѣкоторыхъ нашихъ военныхъ заводовъ и арсеналовъ, долженствовавшее поставить дѣло боевого снабженія нашей арміи на болѣе прочное основаніе.

4) Довольно широкое развитіе, въ числѣ техническихъ войскъ, авіаціонныхъ частей, привлекшихъ къ себѣ особое вниманіе программы.

Но рядомъ съ отмѣченными достоинствами программа заключала въ себѣ и крупные недостатки. Она все же придавала излишнее значеніе увеличенію числа войскъ, въ ущербъ ихъ техническому снабженію. Особенно рельефно это выразилось въ значительномъ увеличеніи нашей кавалеріи, не вызывавшемся дѣйствительной надобностью. На ряду съ этимъ, въ программу не вошли мѣропріятія по обезпеченію вновь формировавшихся частей боевыми запасами военнаго времени и запасными частями. И, наконецъ, совершенно была упу-

щена необходимость усилить въ мирное время обученіе нашихъ военно-обязанныхъ, что составляло очень слабую сторону въ дѣлѣ боевой подготовки нашей арміи.

Наступившая война прервала въ самомъ началѣ выполненіе этой программы, оставшейся такимъ образомъ лишь документомъ, наглядно свидѣтельствовавшимъ о незаконченности нашей военной подготовки къ началу войны.

Какія бы, однако, мѣропріятія ни принимались нами для развитія арміи, на сторонѣ нашихъ западныхъ сосѣдей оставалось огромное преимущество, заключавшееся въ довольно значительномъ превосходствѣ въ срокахъ готовности ихъ вооруженныхъ силъ на границахъ. Только путемъ усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства мы могли расчитывать хотя нѣсколько смягчить невыгодность нашего положенія въ этомъ отношеніи. Поэтому съ 1912-го года было намѣчено осуществленіе особаго плана желѣзнодорожнаго строительства, въ основу котораго была положена мысль объ ускореніи нашего развертыванія и улучшеніи условій переброски войскъ вдоль западно-пограничнаго пространства. Проектировалась постройка новыхъ магистралей: Рязань-Тула-Варшава и Гришино-Ковель и устройство двойныхъ, а на нѣкоторыхъ участкахъ и четверныхъ колей на линіяхъ рокаднаго назначенія.

Наиболѣе густое начертаніе наша желѣзнодорожная сѣть пріобрѣла въ центральной части Привислинскаго Края и отчасти въ раіонѣ средняго Нѣмана. Но смычкѣ этой сѣти съ заграничной Военное Вѣдомство съ давнихъ поръ ставило извѣстные предѣлы, исходя изъ соображеній болѣе быстрой готовности армій нашихъ сосѣдей и угрозы ихъ вторженія. Такая политика вполнѣ отвѣчала стремленію обезпечить нашу территорію отъ нашествія армій нашихъ западныхъ сосѣдей, но она же создавала неблагопріятныя условія для нашего собственнаго наступленія; поэтому въ послѣдніе годы, предшествовавшіе войнѣ, все опредѣленнѣе назрѣвала потребность внесенія въ этотъ вопросъ серьезныхъ поправокъ, въ зависимости отъ улучшавшихся условій готовности нашей арміи и отъ новыхъ оперативныхъ предположеній.

Къ сожалѣнію, къ началу войны наша приграничная желѣзнодорожная сѣть еще не получила того начертанія, которое соотвѣтствовало бы въ полной мѣрѣ нашимъ оперативнымъ предположеніямъ.

Общій прогрессъ русской арміи, новое предстоявшее усиленіе ея, какъ отвѣтъ на вооруженія нашихъ западныхъ сосѣдей, и намѣченныя мѣры по поднятію обороноспособности нашей родины вообще не могли, конечно, ускользнуть отъ бдительнаго глаза Германіи. Ей — какъ сторонѣ, активно готовившейся къ войнѣ, — принадлежала возможность произвести оцѣнку — выгоднѣе ли вызвать неминуемо надвигавшееся столкновеніе народовъ Европы теперь же или дать отсрочку, рискуя дальнѣйшимъ усиленіемъ Россіи, еще далеко не развернувшей всѣхъ своихъ силъ и возможностей.

Событія показали, какой отвѣтъ былъ данъ Берлиномъ на этотъ вопросъ.

ГЛАВА III.

Друзья и недруги. — Основы нашего военнаго соглашенія съ Франціей. — Сближеніе съ Англіей. —Позиціи Италіи, Турціи, прочихъ балканскихъ государствъ, Швеціи и Японіи, занятыя названными государствами въ періодъ возникновенія военныхъ осложненій центральныхъ государствъ съ державами согласія.

Союзный договоръ между Германіей и Австро-Венгріей, ставшій, послѣ присоединенія къ нему Италіи, — Тройственнымъ, вызвалъ сближеніе Россіи съ Франціей. Обмѣнъ мнѣніями между правительствами двухъ послѣднихъ Державъ о желательности заключенія военнаго соглашенія впервые произошелъ во второй половинѣ 1891-го года. Въ основѣ этого обмѣна лежала строго оборонительная мысль о цѣлесообразности совмѣстныхъ дѣйствій въ случаѣ вооруженнаго нападенія Державъ Тройственнаго Союза на оба или одно изъ договаривавшихся государствъ. Однако, начавшіеся переговоры закончились только черезъ годъ подписаніемъ проекта военной конвенціи Начальниками Генеральныхъ Штабовъ обоихъ государствъ: русскаго — Генерала Обручева и французскаго — Генерала Буадефра, а еще черезъ годъ — въ концѣ 1893-го года состоялось взаимное увѣдомленіе обоихъ правительствъ объ утвержденіи подписанной конвенціи.

Наиболѣе существенная часть этой конвенціи заключалась въ томъ, что обѣ договаривавшіяся стороны — Россія и Франція — обязывались другъ передъ другомъ, при первомъ извѣстіи объ общей мобилизаціи враждебнаго имъ Союза, мобилизовать всѣ свои вооруженныя силы и сосредоточить ихъ къ угрожаемымъ границамъ. Затѣмъ, для заблаговременнаго согласованія дальнѣйшихъ шаговъ обоихъ союзныхъ государствъ, устанавливалось, что, въ случаѣ нападенія со стороны Германіи или другой державы Тройственнаго Союза, поддержанной Германіей, на Россію или на Францію, другое изъ договаривавшихся государствъ должно придти къ первому, подвергшемуся нападенію, на помощь и использовать всѣ свои свободныя силы для дѣйствія противъ Германіи.

Такая формулировка соглашенія, отдѣлявшая объявленіе мобилизаціи отъ перехода къ военнымъ дѣйствіямъ, была, повидимому, подсказана тѣмъ соображеніемъ, что только въ Россіи оба эти акта принадлежали компетенціи одной и той же власти — Верховной; во Франціи же мобилизація арміи вводилась декретомъ Президента Республики, а объявленіе войны должно было санкціонироваться Палатой.

Постепенно окрѣпшія между Россіей и Франціей связи вылились въ 1899-мъ году въ форму политическаго соглашенія, къ которому упомянутая выше военная конвенція стала однимъ изъ дополненій. Съ этого года между обоими государствами установились вполнѣ прочныя союзныя отношенія на почвѣ взаимнаго обезпеченія отъ враждебныхъ попытокъ Центральныхъ Державъ.

Наконецъ, лѣтомъ 1912-го года между Франціей и Россіей было заключено дополнительное соглашеніе по морской части, устанавливавшее связь и совмѣстную работу морскихъ генеральныхъ штабовъ обоихъ государствъ.

Какъ уже отмѣчено выше, Австро-Венгерскій ультиматумъ, приведшій къ вооруженному конфликту, былъ предъявленъ Сербіи 23-го іюля. Это было самое глухое для Парижа время года, обыкновенно начинающееся послѣ національнаго праздника 14-го іюля. Во исполненіе заблаговременно разработанной и принятой программы, тогдашній Президентъ французской Республики г. Пуанкарэ, въ сопровожденіи Предсѣдателя Совѣта Министровъ г. Вивіани, находился въ торжественномъ морскомъ путешествіи въ Петербургъ, имѣвшемъ цѣлью передъ всѣмъ міромъ продемонстрировать союзническія узы, скрѣплявшія Францію и Россію. На обратномъ пути предполагалось посѣщеніе этими лицами всѣхъ трехъ столицъ Скандинавскихъ государствъ. Изъ Парижа выѣхалъ въ Петербургъ также россійскій посолъ А. П. Извольскій. Въ столицѣ Россіи и ея ближайшихъ окрестностяхъ — Царскомъ, Павловскѣ и Красномъ Селѣ, въ честь высокихъ гостей, устраивались блестящіе пріемы, празднества и воинскіе смотры. Апофеозомъ всѣхъ торжествъ долженъ былъ служить отвѣтный обѣдъ, данный того же 23-го іюля на борту французскаго военного корабля «La France» Президентомъ Республики Россійскому Императору. Это тотъ самый корабль, который въ ночь на 26-ое августа 1922-го года, возвращаясь съ ночной артиллерійской стрѣльбы, наскочилъ на скалу и погибъ у сѣверныхъ береговъ своей родины, имя которой онъ гордо носилъ въ теченіе ряда лѣтъ.

Торжественно прозвучали и разнеслись по всему міру сильныя слова, произнесенныя въ застольной рѣчи Главой французскаго народа, напоминавшаго о томъ, что оба союзныхъ государства преисполнены стремленіями къ миру, при условіи сохраненія силы, чести и достоинства.

Такимъ образомъ, по странному совпаденію, которое едва-ли могло быть случайнымъ, не только въ одинъ день, но почти въ тотъ же часъ, какъ произнесены были эти слова, — австро-венгерскимъ правительствомъ былъ нанесенъ грубый, жестокій и несправедливый ударъ небольшому сербскому народу, пользовавшемуся покровительствомъ обѣихъ великихъ союзныхъ націй — Россіи и Франціи.

Нѣкоторыя, въ свое время весьма вліятельныя лица, изъ консервативныхъ круговъ Россіи, довольно настойчиво брались предсказывать, что въ рѣшительную минуту Франція расторгнетъ союзъ съ Россіей и откажется отъ активнаго выступленія противъ Германіи. Имъ рисовалось такое поведеніе Франціи особенно возможнымъ въ томъ случаѣ, если конфликтъ возникнетъ на почвѣ балканскихъ дѣлъ, лишь косвенно интересующихъ Францію, или если Германія, рѣшившись напасть на Россію, сумѣетъ соотвѣтственными уступками залѣчить наиболѣе жгучія раны, нанесенныя ею Франціи въ 1870—71 г. г.

Мнѣніе это, по крайней мѣрѣ въ первой его части, повидимому существовало и въ Германіи. Оно едва ли осталось безъ извѣстнаго вліянія на планы Императора Вильгельма, зародившіеся у него подъ впечатлѣніемъ Сараевскаго событія. Къ тому же надвигавшіяся событія застали Францію въ такой періодъ

времени, когда во главѣ правительства стояли лица, принадлежавшія къ лѣвымъ парламентскимъ кругамъ, ставившимъ своей задачей поддержаніе мира вообще и желавшихъ, во всякомъ случаѣ сильнѣе другихъ, избѣжать тяжелой необходимости активнаго проявленія союза съ Россіей. Эта тенденція правительственныхъ и парламентскихъ круговъ, разумѣется, соотвѣтствовала мирнымъ настроеніямъ значительныхъ массъ французскаго народа. Изъ той же моей поѣздки во Францію въ 1913-мъ году, о которой я уже имѣлъ случай говорить, я отчетливо припоминаю, какъ, при посѣщеніи мною въ дни дневокъ нѣкоторыхъ французскихъ заводовъ и фабрикъ, совмѣстно съ любезнымъ и гостепріимнымъ Начальникомъ 11-ой пѣх. дивизіи Генераломъ Полиномъ и другими офицерами, мнѣ приходилось слышать за нашими спинами сдержанныя реплики рабочихъ, расчитанные, однако, на то, чтобы быть нами услышанными: «à bas la loi de trois ans!» Очевидно, этими возгласами имѣлось въ виду выразить свое отношеніе къ трехлѣтнему сроку службы подъ знаменами, къ которому Франція предполагала вернуться для упроченія кадра своей арміи, ввиду усиленія Германіей ея вооруженныхъ силъ. Слѣдуетъ наконецъ еще отмѣтить, что почти наканунѣ описываемыхъ событій во Франціи — въ Сенатѣ — происходили горячіе дебаты по вопросу о недостаточности военной готовности Франціи, особенно съ точки зрѣнія состоянія крѣпостей, отсутствія тяжелой артиллеріи и ограниченности военныхъ запасовъ.

Всѣ эти обстоятельства заставляли въ Россіи съ нѣкоторымъ волненіемъ ожидать, какъ отзовется на развивавшіяся событія наша союзница — Франція. Казалось очевиднымъ, что если она теперь оставитъ Россію, то въ будущемъ погибнетъ сама. Но все же, пока французское правительство не высказалось оффиціально, могли существовать опасенія, что бдительность и прозорливость нашей союзницы могутъ быть усыплены завѣреніями и обѣщаніями Германіи.

Первыя ободряющія извѣстія были получены 28-го и 29-го іюля отъ спѣшно вернувшагося въ Парижъ изъ поѣздки въ Петербургъ россійскаго посла А. П. Извольскаго. Послѣ свиданія съ замѣстителемъ все еще отсутствовавшаго изъ Франціи Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Иностранныхъ дѣлъ г. Вивіани, нашъ Посолъ поспѣшилъ донести, что Правительство Франціи отказалось примкнуть къ точкѣ зрѣнія Германіи, заключавшейся въ томъ, чтобы разсматривать возникшій между Австріей и Сербіей конфликтъ какъ мѣстный и потому считать его подлежащимъ непосредственному разрѣшенію только этихъ двухъ Державъ. Въ дальнѣйшемъ стало также извѣстнымъ, что Франція отклонила и другое предложеніе Германіи, — произвести въ цѣляхъ поддержанія мира совмѣстное воздѣйствіе обѣихъ Державъ на русское правительство. Въ своемъ отрицательномъ отвѣтѣ французское правительство указывало, что оно, въ согласіи съ мнѣніемъ Лондонскаго кабинета, признаетъ болѣе цѣлесообразнымъ предоставить намѣчаемую интервенцію не двумъ, а четыремъ Державамъ (Англіи, Франціи, Германіи и Италіи), и что во всякомъ случаѣ умѣряющее воздѣйствіе должно быть направлено не на Россію, занявшую съ самаго начала примирительную позицію, а на Австрію, чрезмѣр-

ныя требованія которой выразились въ отказѣ обсудить немногія возраженія Сербіи и угрожаютъ вызвать всеобщую войну.

29-го іюля вернулись морскимъ путемъ въ Парижъ Президентъ французской Республики и глава правительства г. Вивіани, которые, на обратномъ пути изъ Петербурга, посѣтили лишь Стокгольмъ. Узнавъ въ столицѣ Швеціи о состоявшемся предъявленіи Австріей ультиматума Сербіи, высокіе путешественники отмѣнили свои дальнѣйшіе визиты въ Христіанію и Копенгагенъ и поторопились возвратиться во Францію. — Г. Вивіани, при первомъ своемъ свиданіи, въ день пріѣзда, съ А. П. Извольскимъ, подтвердилъ рѣшимость французскаго правительства дѣйствовать въ полномъ единеніи съ нами и добавилъ, что эта политика поддерживается широкими общественными кругами Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ глава французскаго правительства сообщилъ нашему послу о своемъ свиданіи съ германскимъ посломъ Барономъ Шеномъ, который заявилъ г. Вивіани жалобу на якобы военныя приготовленія Франціи, добавивъ, что, въ отвѣтъ на таковыя, Германія будетъ вынуждена принять военныя мѣры и со своей стороны. Мы уже видѣли, что это заявленіе представителя Германіи въ Парижѣ совпало по времени съ заявленіемъ германскаго посла въ Петербургѣ графа Пурталеса, о томъ, что Германія принуждена будетъ мобилизовать свои силы, если Россія не прекратитъ своихъ военныхъ приготовленій. — И я присоединяюсь къ тѣмъ, которые думаютъ, что этими двумя параллельными заявленіями съ несомнѣнной очевидностью подготовлялась Германіей почва для общей мобилизаціи всѣхъ ея вооруженныхъ силъ, съ отнесеніемъ виновности за этотъ шагъ на Россію и Францію.

Слѣдующіе дни были использованы Германіей, чтобы попытаться, путемъ переговоровъ въ Парижѣ, изолировать Россію отъ ея союзницы Франціи. Попытки эти оказались, однако, неудачными, и въ Парижѣ барону Шену дано было понять, что Франція пойдетъ по пути своихъ интересовъ и связывавшаго ее союза; возможность же сохраненія всеобщаго мира, по выраженію отвѣтственныхъ представителей французскаго правительства, продолжаетъ всецѣло оставаться въ рукахъ Императора Вильгельма.

Исчерпавъ такимъ образомъ всѣ средства, чтобы разстроить прочно налаживавшееся единство въ дѣйствіяхъ Россіи и Франціи, и зайдя слишкомъ далеко въ своихъ враждебныхъ шагахъ по отношенію къ Россіи, Германія наконецъ раскрыла свои карты и 1-го августа объявила офиціально объ общей мобилизаціи всѣхъ своихъ вооруженныхъ силъ.

Очевидно, что наша союзница не могла оставаться спокойной зрительницей производившейся на ея границахъ мобилизаціи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя была сопряжена со сосредоточеніемъ въ пограничныхъ съ Франціей раіонахъ германскихъ войскъ; мобилизація французской арміи стала поэтому неизбѣжной; и декретомъ Президента французской Республики, подписаннымъ 1-го августа — первымъ днемъ мобилизаціи было объявлено 2-ое августа 1914-го года. Этимъ актомъ Франція обезпечивала безопасность своей территоріи и

выполняла первую часть союзническихъ обязательствъ, принятыхъ ею на себя военнымъ соглашеніемъ съ Россіей.

Объявленіе мобилизаціи во Франціи еще не предрѣшало вопроса объ открытіи военныхъ дѣйствій противъ Германіи. Напротивъ, декретъ о мобилизаціи сопровождался разъясненіемъ правительства, что Франція продолжаетъ стремиться къ сохраненію мира. Но для всѣхъ становилось яснымъ, что названная страна тѣсно связываетъ свою судьбу съ Россіей и что въ ней сложилась твердая рѣшимость не отступать, въ случаѣ надобности, отъ принятія вызова. Для Франціи вопросъ сводился лишь къ тому, чтобы неосторожнымъ шагомъ не подать Германіи повода къ нарєканіямъ, что первое нападеніе произведено было французскими войсками.

Но уже 2-го августа, т. е. въ первый же день мобилизаціи французской арміи, былъ обнаруженъ переходъ отдѣльными нѣмецкими отрядами, хотя и небольшой силы, французской границы; на территоріи Франціи произошло даже нѣсколько стычекъ. Въ этотъ же день было получено извѣстіе не только о вступленіи германскихъ войскъ на территорію Люксембурга, чѣмъ нарушался гарантированный особымъ трактатомъ нейтралитетъ названнаго Герцогства, но равно о такихъ передвиженіяхъ германскихъ войскъ, которыя ясно указывали на намѣреніе нарушить также нейтралитетъ Бельгіи.

3-го августа, около 7-ми часовъ вечера, германскій посолъ въ Парижѣ вручилъ французскому Министру Иностранныхъ дѣлъ ноту, въ которой объявлялось, что, ввиду явно агрессивныхъ дѣйствій Франціи, Германія считаетъ себя въ состояніи войны съ Франціей, по винѣ послѣдней. При этомъ, баронъ Шенъ заявилъ, что военныя дѣйствія германскихъ войскъ на французской территоріи явились лишь отвѣтомъ на произведенные, по его словамъ, налеты французскихъ авіаторовъ на германскую территорію. Равнымъ образомъ и нарушеніе Люксембургскаго и Бельгійскаго нейтралитетовъ было имъ объяснено также, какъ отвѣтъ на якобы констатированное намѣреніе Франціи двинуть свои войска противъ Германіи черезъ территорію этихъ государствъ.

4-го августа въ Парижѣ имѣло мѣсто историческое засѣданіе Палаты Депутатовъ, на которомъ противъ войны не раздалось ни одного голоса, даже съ самыхъ лѣвыхъ скамей. Заявленіе главы правительства о тѣсномъ единеніи съ Россіей вызвало бурныя оваціи. Такимъ образомъ Франція, какъ въ этомъ была убѣждена впрочемъ большая часть Россіи, осталась вѣрной союзу, имѣвшему подъ собою вполнѣ прочную и реальную для обѣихъ сторонъ основу.

Ультиматумъ Бельгіи былъ предъявленъ Германіей уже на слѣдующій день по объявленіи нѣмцами общей мобилизаціи, а именно 2-го августа. — Германія требовала свободнаго пропуска своихъ войскъ черезъ территорію Бельгіи. Въ случаѣ согласія, послѣдней гарантировались сохранность границъ послѣ войны и возмѣщеніе убытковъ. Этимъ актомъ Германія грубо нарушала трактатъ о бельгійскомъ нейтралитетѣ, который, въ свое время, былъ

подписанъ Пруссіей, совмѣстно съ другими Державами. Какъ извѣстно, Бельгія отвѣтила на ультиматумъ Германіи отказомъ, полнымъ эпическаго достоинства.

Благородная рѣшимость отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ неприкосновенность своей территоріи ставила Бельгію въ ряды нашихъ союзниковъ. Нельзя было не проникнуться чувствомъ самаго глубокаго уваженія къ этой небольшой героической странѣ, когда изъ телеграммы А. П. Извольскаго отъ 3-го августа стало извѣстнымъ, что Бельгія пожелала защищать себя отъ вражескаго нашествія только собственными силами и что поэтому она не предполагаетъ обращаться за помощью къ Державамъ-поручительницамъ.

Весьма важнымъ факторомъ въ предстоявшей войнѣ являлась, конечно, та позиція, которую, съ началомъ военныхъ дѣйствій, займетъ Англія.

Существуетъ мнѣніе, въ основѣ своей, возможно, справедливое, что если бы Англія, при возникновеніи политическаго конфликта между Центральными Державами, съ одной стороны, и Франціей и Россіей, съ другой, опредѣленно стала на сторону вторыхъ, то Германія не рѣшилась бы довести конфликтъ до вооруженнаго столкновенія. Это мнѣніе можетъ найти подкрѣпленіе въ инцидентѣ 1911-го года, когда благопріятное для Франціи вмѣшательство Англіи въ Марокскій вопросъ помѣшало Вильгельму II довести дѣло до войны. Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ руководители Британской политики на первыхъ порахъ предпочли сохранить за собою свободу дѣйствій. По словамъ одного отвѣтственнаго англійскаго дѣятеля того времени, интересы Англіи не были «непосредственно еще поставлены на карту»; поэтому правительство Короля Георга, съ возникновеніемъ конфликта, признало возможнымъ предложить Державамъ, въ интересахъ мира, свои услуги только въ качествѣ посредника.

Кромѣ увеличенія силъ и средствъ Державъ Согласія и изоляціи Центральныхъ Государствъ отъ внѣшняго міра, вступленіе Англіи въ ряды противниковъ Германіи имѣло для Россіи еще особое значеніе, такъ какъ оно приводило къ нейтрализаціи германскаго флота; послѣдній, такимъ образомъ, лишался возможности обезпечивать опасную для насъ дессантную операцію на Фино-Балтійскомъ побережьи. Однако, Россія не была связана съ Англіей никакими формальными обязательствами и потому, несмотря на враждебность общей политики Германіи интересамъ Британской Имперіи, вопросъ объ участіи Англіи въ войнѣ оставался для насъ вполнѣ открытымъ. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить, что со времени договора 1907-го года, устранившаго въ значительной мѣрѣ взаимную подозрительность въ азіатскихъ вопросахъ, англо-русскія отношенія приняли болѣе довѣрчивый характеръ. Почва для дальнѣйшихъ соглашеній была затѣмъ подготовлена посѣщеніемъ англійской королевской четой Ревеля въ 1908-мъ году.

Болѣе тѣсныя связи существовали у Англіи съ Франціей. Намъ было извѣстно, что еще въ 1912-мъ году сближеніе между этими двумя странами выразилось въ письменномъ обмѣнѣ мнѣніями французскаго и англійскаго Генеральныхъ Штабовъ, коими предусматривалась «возможность» помощи Фран-

ціи со стороны Англіи, въ случаѣ нападенія на первую. Размѣръ этой помощи опредѣлялся въ шесть англійскихъ пѣх. и одну кав. дивизіи, которыя намѣчались къ перебросќѣ на материкъ въ теченіе первыхъ недѣль по открытіи военныхъ дѣйствій. — То отношеніе, которое въ 1913-мъ году встрѣтилъ генералъ, впослѣдствіи маршалъ, Вильсонъ, прибывшій одновременно со мною во Францію на маневры XX-го корпуса и занимавшій въ то время однородную со мной должность въ Великобританской арміи, ярко подчеркивало, что въ нашемъ лицѣ французская армія и населеніе, всюду тепло насъ привѣтствовавшее, видѣли представителей армій двухъ дружественныхъ Франціи государствъ.

Распространеніе возникшаго конфликта на Францію позволяло намъ при такихъ условіяхъ, въ извѣстной мѣрѣ, расчитывать на благожелательное вмѣшательство въ развертывавшіяся событія и Англіи.

Но болѣе всего — въ расчетахъ видѣть Англію на нашей сторонѣ — насъ укрѣплялъ фактъ нарушенія Германіей бельгійскаго нейтралитета. Еще задолго до войны, нашъ Генеральный Штабъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такой актъ со стороны Германіи будетъ рѣшающимъ въ дѣлѣ англійской политики; послѣдняя всегда ревниво оберегала ближайшіе къ англійской территоріи берега Сѣвернаго моря не только отъ захвата, но даже отъ вліянія Германіи. Наша военная агентура весьма тщательно, поэтому, слѣдила за тѣми мѣрами, которыя принимались Германіей, въ цѣляхъ заблаговременной подготовки своего наступленія черезъ Бельгію и Люксембургъ. И, надо сказать, она давала намъ въ этомъ отношеніи весьма цѣнныя данныя. Мы почти не сомнѣвались въ томъ, что нашествіе нѣмцевъ на Францію должно послѣдовать черезъ Бельгію. Выборъ такой операціонной линіи подсказывался Германіи весьма вѣскими соображеніями. Направленіе это выводило германскія войска къ наиболѣе жизненнымъ центрамъ Франціи; оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, пролегало по раіонамъ, богатымъ путями сообщенія, и вело въ обходъ заблаговременно укрѣпленной границы Франціи отъ Лонгви до Бельфора.

Но все же изложенныя данныя являлись не болѣе какъ матеріаломъ для болѣе или менѣе обоснованныхъ заключеній по вопросу о позиціи Англіи, не переходившихъ пока еще въ область реальныхъ фактовъ. Поэтому понятна та чуткость, съ которою мы прислушивались въ Россіи къ тому, что приносилъ намъ въ эти дни телеграфъ изъ Лондона.

Какъ уже отмѣчено, съ момента предъявленія Австріей ультиматума Сербіи, Англія заняла хотя и посредническую только, но вполнѣ примирительную по отношенію къ намъ позицію. Она поддержала въ Вѣнѣ точку зрѣнія нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, признала отвѣтъ Сербіи удовлетворившимъ ея самымъ строгимъ ожиданіямъ и заявила Германіи о своемъ желаніи совмѣстно съ нею работать въ пользу сохраненія мира; но одновременно ея правительство оговорилось, что, въ обратномъ случаѣ, Англія вынуждена будетъ оставить за собою свободу дѣйствій. Въ соотвѣтствіи съ такимъ настроеніемъ, англійскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, сэръ Эдуардъ Грей, выступилъ 27-го

іюля съ предложеніемъ созвать въ Лондонѣ конференцію изъ представителей четырехъ Державъ, чтобы обсудить возможные выходы изъ положенія. Къ вопросу о созывѣ конференціи англійскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ возвращался и впослѣдствіи, когда 31-го іюля Австрія заявила, черезъ своего Посла въ Петербургѣ, о готовности вступить въ обсужденіе создавшагося положенія и когда нашъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазоновъ, выразивъ по этому поводу свое удовлетвореніе, предложилъ въ свою очередь перенести эти переговоры въ Лондонъ. Была даже выработана принятая нашимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ формула, долженствовавшая служить базой для работъ будущей конференціи, главное назначеніе которой должно было заключаться въ томъ, чтобы изучить способы удовлетворенія Австріи Сербіей безъ нарушенія суверенныхъ правъ послѣдней.

Но Германія искала другого. Всѣ ея усилія въ Лондонѣ были направлены не въ сторону отысканія путей къ сохраненію мира, а къ тому, чтобы, на случай столкновенія съ Россіей и Франціей, обезпечить себѣ нейтралитетъ Англіи.

Однако, къ 1-му августа, изъ донесеній нашего посла въ Лондонѣ графа Бенкендорфа, съ опредѣленностью выяснилось, что Англія отвѣтила Германіи на ея домогательства о нейтралитетѣ категорическимъ отказомъ. Мало того, сэръ Эдуардъ Грей заявилъ германскому послу въ Лондонѣ, что, если возникнетъ война и Франція въ ней приметъ участіе, то Англія не можетъ остаться въ положеніи незаинтересованной страны. Передавая этотъ разговоръ нашему Послу, англійскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ добавилъ, что англійскій флотъ, мобилизованный почти наканунѣ конфликта для очередныхъ маневровъ, продолжаетъ находится въ полной готовности, и что германскія морскія силы лишены поэтому возможности выйти въ море.

Я живо помню этотъ день перваго августа. Стоялъ чудный лѣтній день. Уже вечерѣло, когда въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба было получено первое извѣстіе объ объявленіи намъ Германіей войны. Закончивъ всѣ необходимыя распоряженія, я, по просьбѣ Военнаго Министра, долженъ былъ повидать нашего Министра Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазонова, чтобы оріентировать его въ принятыхъ мѣрахъ. Мнѣ сказали, что онъ на обѣдѣ у англійскаго Посла, вслѣдствіе чего я проѣхалъ въ старинный величественный домъ, стоявшій на набережной у Троицкаго моста и занятый названнымъ посольствомъ. Я отчетливо помню ту спокойную увѣренность и удовлетворенность, которыми дышало лицо вышедшаго ко мнѣ въ отдѣльную залу нашего Министра. Настроеніе С. Д. Сазонова было для меня яркимъ доказательствомъ той доброжелательной къ намъ атмосферы, которая царила въ этомъ домѣ... Я вышелъ оттуда значительно успокоенный.

С. Д. Сазоновъ, который лично зналъ меня, задалъ мнѣ вопросъ, какъ я смотрю на будущее развертывающихся событій. Я отвѣтилъ, что борьба предстоитъ упорная, ибо одно сосредоточеніе всѣхъ нашихъ силъ на театрѣ войны потребуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ; результатъ же войны будетъ находиться для насъ въ прямой зависимости отъ того, какъ сложится въ теченіе ея наша

внутренняя обстановка. Мы не должны забывать минувшую Японскую войну и 1905-й годъ...

Долженъ, однако, добросовѣстно оговориться, что говоря о длительности войны, я все же не имѣлъ въ виду четырехлѣтней ея продолжительности; я только предостерегалъ противъ легкомысленнаго оптимизма, охватившаго многихъ.

Наступившія на западномъ фронтѣ событія заставили вскорѣ Англію окончательно перейти на путь активныхъ дѣйствій противъ Германіи. 2-го августа нашъ посолъ въ Парижѣ телеграфировалъ С. Д. Сазонову, что въ столицѣ Франціи получено извѣстіе о направленіи германскихъ войскъ на Арлонъ, каковое движеніе, добавлялъ А. П. Извольскій, ясно указываетъ на намѣреніе нѣмцевъ нарушить бельгійскій нейтралитетъ. Это было первое свѣдѣніе, фактически раскрывшее намъ дѣйствительные планы германцевъ на ихъ западномъ фронтѣ и, какъ мы видѣли, вполнѣ совпадавшее съ нашимъ представленіемъ о вѣроятномъ способѣ дѣйствій Германіи противъ Франціи. Извѣстіе это разрушало окончательно легенду о вѣроятности ускореннаго наступленія нѣмцевъ со стороны Меца или же раіона Саарбургъ-Брюне, о чемъ намъ доносилъ графъ Игнатьевъ въ своей телеграммѣ отъ 1-го августа. Черезъ нѣкоторое время пришло дополнительное извѣстіе о занятіи германскими войсками Люксембурга и объ ультиматумѣ, предъявленномъ Бельгіи. Эти факты были сочтены у насъ рѣшающими для Англіи.

4-го августа намъ стало извѣстно, что, по полученіи въ Лондонѣ извѣстія о фактическомъ нарушеніи Германіей пограничной съ Бельгіей линіи, великобританское правительство предъявило въ Берлинѣ ультиматумъ; въ немъ было заявлено, что, если Германія не откажется отъ нарушенія нейтралитета Бельгіи, то Англія вынуждена будетъ объявить ей войну. Посылая это требованіе, государственные люди Англіи не могли конечно не быть увѣренными въ томъ, что ультиматумъ будетъ отвергнутъ Берлиномъ, и такимъ образомъ на самомъ дѣлѣ Англія уже въ этотъ день стала передъ неизбѣжностью войны съ Германіей.

«Отнынѣ мы союзники» — такими словами привѣтствовалъ сэръ Эд. Грей нашего Посла въ Лондонѣ при очередномъ съ нимъ свиданіи 4-го августа. Развивая причины, по которымъ Англія рѣшила примкнуть къ воюющимъ противъ Германіи Державамъ, англійскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ указалъ, что его правительство не можетъ допустить произвольнаго нарушенія международныхъ договоровъ, тѣмъ болѣе Державами, ихъ подписавшими, и попранія независимости малыхъ государствъ. «Россія и Англія», продолжалъ сэръ Грей, «поставлены въ необходимость обратиться къ войнѣ по параллельнымъ причинамъ», намекая этимъ на то, что оба государства стали на защиту нарушенныхъ правъ малыхъ государствъ: Россія — Сербіи и Англія — Бельгіи. — «Въ Англіи вѣрятъ въ святость договоровъ, и если мы», закончилъ свою бесѣду сэръ Грей, «позволимъ ихъ преступить даже тамъ, куда можетъ достигать наша сила, то все Европейское зданіе можетъ рухнуть».

Такимъ образомъ три Державы — Россія, Франція и Англія, многообразнымъ интересамъ коихъ грозила серьезная опасность со стороны новой политики Германской Имперіи, сумѣли, подъ вліяніемъ надвигавшейся на нихъ военной опасности, сблизиться и образовать прочное Согласіе, для отстаиванія общими усиліями ихъ собственнаго положенія. Германской дипломатіи не удалось разъединить естественныхъ противниковъ ея политики, и на долю нѣмецкой стратегіи, слишкомъ увѣренной, быть можетъ, въ своихъ силахъ, выпадала трудная задача одновременной борьбы со всѣми тремя названными выше Державами.

Естественными союзниками Державъ Согласія являлись конечно Сербія и Бельгія — двѣ маленькія героическія страны, вынужденныя обстоятельствами испытать на себѣ первые удары Центральныхъ Державъ. Къ Сербіи примкнула и родственная ей Черногорія.

Читатель уже знаетъ, что, несмотря на кровавыя связи и издавна установившееся покровительство Россіи Сербіи, правительства обоихъ названныхъ государствъ не были связаны между собою никакими военными договорными отношеніями. Мысль о заключеніи такого договора отъ времени до времени поднималась, но осуществленія своего не получила изъ опасенія, что подобный актъ можетъ только связать Россію и вовлечь ее въ нежелательные конфликты. Но конечно отсутствіе формальнаго соглашенія ни въ какой мѣрѣ не означало наличія нашего равнодушія. Судьба Сербіи не переставала живѣйшимъ образомъ интересовать Россію, и сербскій народъ могъ быть всегда увѣренъ, что въ трудный моментъ его жизни Россія придетъ къ нему на помощь. Однако, для учета всей международной обстановки, Россіи выгодно было имѣть свободныя руки, не связанныя никакими письменными договорами.

Позиція Италіи оставалась первые дни недостаточно ясной. Оффиціально она входила съ 1889-го года въ Тройственный Союзъ, но уже съ 1906—07 г.г. связи ея съ Германіей, и особенно Австро-Венгріей, стали замѣтно ослабѣвать. Такое охлажденіе являлось вполнѣ естественнымъ, если принять во вниманіе, что наиболѣе завѣтныя стремленія итальянскаго народа были направлены именно въ ту сторону, гдѣ они могли встрѣтить существенное препятствіе въ Австріи. Независимо того, Италія по внутреннему положенію страны не могла слѣдовать агрессивной политикѣ Центральныхъ Державъ. Уже въ 1913-мъ году она должна была по этой причинѣ отказаться отъ предлагавшихся ей Австріей активныхъ совмѣстныхъ дѣйствій на Балканахъ. Странѣ нужно было спокойствіе, почему, съ возникновеніемъ обще-европейскаго конфликта государственные дѣятели Италіи предпочитали для нея, по крайней мѣрѣ на первое время, состояніе нейтралитета. Такое намѣреніе итальянскихъ правительственныхъ сферъ, конечно, было не на-руку Германіи. Съ первыхъ же часовъ войны германское правительство, по поступавшимъ къ намъ свѣдѣніямъ, стремилось доказать въ Римѣ, что иниціатива открытія враждебныхъ дѣйствій принадлежитъ Франціи и что поэтому Италія, въ силу союзнаго трактата, должна выступить на помощь Германіи. Эта точка зрѣнія была, однако, категорически отвергнута

итальянскимъ правительствомъ, которое внимательно слѣдило за развитіемъ кризиса. Тѣмъ не менѣе, полагая повидимому нецѣлесообразнымъ преждевременный разрывъ со своими давними союзниками, итальянское правительство изъявило готовность обсудить способы оказанія имъ помощи, если предварительно будутъ точно установлены условія этой помощи, отвѣчающія итальянскимъ интересамъ. На той же почвѣ предварительнаго выясненія условій, Италія не отказывалась вступить въ обмѣнъ мнѣній и съ Державами Согласія. Однако, первоначально выдвигавшіяся Италіей требованія, по своей безпредѣльности, не могли служить базой для веденія переговоровъ. Одинъ изъ итальянскихъ дипломатовъ, формулируя условія своей страны русскому коллегѣ, высказалъ, что завершеніе національнаго объединенія Италіи требуетъ присоединенія къ ней, съ одной стороны, графства Ниццы по рѣку Варъ и острова Корсики, съ другой же стороны — Адріатическаго побережья до Истріи включительно. Очевидно, что русское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ отвергло самую мысль о возможности выдвиженія такой точки зрѣнія на обсужденіе Державъ Согласія.

Двойственная политика Италіи несомнѣнно указывала на рѣшеніе ея правительства выждать результата, во-первыхъ, ея двухсторонних переговоровъ, а во-вторыхъ — дѣйствительнаго хода событій на театрѣ войны. Тѣмъ не менѣе, то обстоятельство, что Италія не отказывалась отъ переговоровъ съ Державами Согласія давало надежду привлечь въ будущемъ это государство на ихъ сторону; этимъ обезпечивались Державамъ Согласія, прежде всего, значительное приращеніе въ живыхъ силахъ на сушѣ, а затѣмъ — возможность воспользоваться итальянскимъ флотомъ, чтобы, при помощи его, нейтрализовать австрійскія морскія силы, выходъ которыхъ изъ Адріатики могъ причинить не мало осложненій.

Къ сожалѣнію, переговоры съ Италіей приняли крайне затяжной характеръ, который оказался къ выгодѣ враждебной намъ стороны; Германцы широко использовали нейтралитетъ Италіи, какъ своего рода отдушину, для связи Центральныхъ Державъ съ внѣшнимъ міромъ.

Что касается Турціи, то едва ли можно было расчитывать на привлеченіе этого государства въ ряды Державъ Согласія. Мы уже видѣли, что утвержденіе владычества Германіи на ближнемъ и среднемъ востокѣ составляло органическую часть того плана, надъ осуществленіемъ котораго работало правительство Императора Вильгельма въ годы, предшествовавшіе войнѣ. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, Германія должна была озаботиться тѣмъ, чтобы заблаговременно и накрѣпко связать судьбу Турціи съ собою. Эту задачу въ значительной мѣрѣ облегчало то обстоятельство, что, послѣ пораженія Франціи въ 1870-71 г.г. и дипломатической побѣды Бисмарка надъ Россіей на Берлинскомъ конгрессѣ, Германія разсматривалась Турціей какъ самое могущественное государство на европейскомъ континентѣ. Къ тому же Константинопольское правительство наканунѣ войны находилось въ рукахъ партіи «Единеніе и Прогрессъ», иначе называвшейся младо-турецкой партіей, которая выросла и вос-

питалась на симпатіяхъ къ Германіи. Наиболѣе энергичные представители этой партіи въ кабинетѣ министровъ — Талаатъ-бей, министръ внутреннихъ дѣлъ, и особенно Энверъ-паша — военный министръ, — являлись, вмѣстѣ съ тѣмъ, непримиримыми ненавистниками Россіи. Наличіе съ конца 1913-го года въ Константинополѣ германской военной миссіи съ Генераломъ Лиманъ-фонъ-Сандерсомъ во главѣ, по поводу исключительнаго положенія котораго въ рядахъ турецкихъ войскъ русское правительство протестовало безъ всякаго успѣха, ярко свидѣтельствовало о томъ, что между Германіей и Турціей устанавливались болѣе чѣмъ дружественныя отношенія. Тѣмъ не менѣе, благодаря наличію въ турецкомъ правительствѣ болѣе умѣренныхъ элементовъ, особенно въ лицѣ министра финансовъ Джавидъ-бея, у нашихъ дипломатовъ не была потеряна надежда на возможность удержать Турцію въ рамкахъ нейтралитета. Мы, военные, не обольщали себя этими надеждами, но не торопились и упреждать естественный ходъ событій. Вовлеченіе Турціи въ борьбу съ нами должно было вообще значительно усложнить наше положеніе. Враждебное выступленіе Оттоманской Имперіи, будучи связано съ закрытіемъ проливовъ, наносило громадный ущербъ нашей внѣшней торговлѣ и весьма затрудняло разрѣшеніе вопроса о доставкѣ изъ заграницы боевыхъ средствъ и матеріаловъ, которыми наша армія была недостаточно обезпечена. Оставались только пути черезъ Архангельскъ и Дальній Востокъ. Кромѣ того, вооруженныя силы Турціи создавали непосредственную военную угрозу на Черномъ море и на нашихъ южныхъ границахъ. При немедленномъ выступленіи противъ насъ Турціи, таковое выступленіе, впредь до сформированія второочередныхъ и ополченскихъ частей, представляло ту опасность, что могло отвлечь часть нашей полевой арміи отъ главной задачи на западномъ фронтѣ. Вполнѣ очевидно, что предстоявшая война съ Турціей должна была выдвинуть на очередь рядъ жгучихъ политическихъ вопросовъ о судьбѣ проливовъ и будущихъ границахъ Оттоманскихъ владѣній, каковые вопросы не могли не интересовать Россію самымъ дѣйствительнымъ образомъ. Правильное пониманіе политической обстановки и природы военныхъ явленій должно было намъ подсказывать, что благополучное разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ будетъ зависѣть не отъ непосредственныхъ нашихъ успѣховъ надъ турецкой арміей, а отъ общей побѣды надъ вдохновительницей враждебнаго намъ союза — Германіей и ея ближайшей наперсницей — Австро-Венгріей. Но могли вырисоваться и другія вліятельныя теченія, которыя послужили бы тормазомъ къ сосредоточенію всѣхъ нашихъ вооруженныхъ силъ на западѣ, еслибы война съ Турціей открылась ранѣе полнаго окончанія таковаго сосредоточенія противъ Германіи и Австро-Венгріи.

Еще задолго до войны 1914-го года въ нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ былъ поднятъ вопросъ объ усиленіи готовности войскъ Одесскаго военнаго округа, въ цѣляхъ возможности непосредственнаго воздѣйствія на Турцію. Я былъ убѣжденнымъ противникомъ такого мѣропріятія и доказывалъ, что въ будущемъ война съ Турціей едва ли возможна безъ возникновенія военныхъ осложненій на нашихъ западныхъ границахъ, и потому гораздо цѣлесообраз-

нѣе всѣ имѣющіяся у насъ средства направить на усиленіе нашего военнаго положенія противъ Германіи и Австро-Венгріи. Моя точка зрѣнія не была, однако, принята, вслѣдствіе несогласія съ нею бывшаго Начальника Генеральнаго Штаба Генерала Жилинскаго, видимо вѣрившаго въ возможность разрѣшенія интересовавшихъ Россію проблемъ путемъ прямого воздѣйствія на Турцію.

Въ согласіи съ англійскимъ и французскимъ правительствами, нашъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ въ первые же дни войны указалъ М. Н. Гирсу, нашему Послу въ Константинополѣ, на необходимость стремиться къ удержанію Турціи въ состояніи нейтралитета. Чтобы облегчить эту задачу, С. Д. Сазоновъ не встрѣтилъ даже возраженій къ совмѣстному съ Англіей и Франціей заявленію Турецкому правительству, что, подъ условіемъ соблюденія строгаго нейтралитета, всѣ три Державы обязуются уважать неприкосновенность и независимость Турціи. Съ развитіемъ переговоровъ, правительствами тѣхъ же Державъ было выражено согласіе не возражать и противъ отмѣны капитуляцій, на чемъ упорно настаивалъ турецкій кабинетъ, въ лицѣ своего министра финансовъ Джавидъ-бея.

Однако эта уступчивость мало вліяла на рѣшенія турецкаго правительства, находившагося подъ сильнымъ давленіемъ Германіи и повидимому колебавшагося съ открытымъ выступленіемъ лишь въ силу внутреннихъ разногласій по вопросу о времени таковою.

По донесенію нашего военнаго агента въ Константинополѣ, Турція уже въ первыхъ числахъ августа приступила къ мобилизаціи своихъ вооруженныхъ силъ. Чтобы оправдать свои военныя приготовленія, ею было выдвинуто противъ Державъ Согласія обвиненіе въ стремленіи создать на Балканахъ блокъ изъ «христіанскихъ» Державъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ извратить, путемъ этого названія, первоначальную цѣль предполагавшагося къ образованію союза Балканскихъ Государствъ. Въ этотъ періодъ времени австрійская политика, въ лицѣ своего представителя въ Константинополѣ маркиза Паллавичини, очень хлопотала о сближеніи Турціи съ Болгаріей на почвѣ сведенія старыхъ счетовъ обоихъ этихъ государствъ съ Сербіей; однако турецкіе активисты предпочитали воспользоваться текущими обстоятельствами, чтобы, совмѣстно съ Германіей, нанести ударъ болѣе серьезнымъ противникамъ Турціи—Россіи и Англіи. Наблюденіе за событіями и передвиженіями турецкихъ войскъ постепенно выяснило, что турецкая мобилизація имѣетъ въ виду не столько защиту нейтралитета и интересовъ Турціи въ Европейской части ея владѣній, сколько подготовку враждебныхъ дѣйствій противъ насъ, въ направленіи Кавказа, и противъ Англіи, въ сторону Египта. Послѣднее предпріятіе облегчалось тѣмъ обстоятельствомъ, что еще до войны на подступахъ къ Египту и Суэцкому каналу — въ раіонѣ Палестины — уже значительно утвердилось и процвѣтало вліяніе нѣмцевъ — будущихъ союзниковъ Турціи. Съ теченіемъ времени мы стали располагать свѣдѣніями, удостовѣрявшими заключеніе даже формальнаго союза Турціи съ Германіей, при посредствѣ германскаго посла въ Константинополѣ барона Вангенгейма. Какъ бы подтвержденіемъ этихъ свѣдѣній, служилъ

фактъ прибытія въ Константинополь изъ Германіи партій офицеровъ, солдатъ и разнаго рода спеціалистовъ, подъ видомъ простыхъ рабочихъ. Нашему послу въ Константинополѣ М. Н. Гирсу, проживавшему въ своей лѣтней резиденціи въ Буюкъ-Дерэ, на берегу Босфора, довелось даже лично разговаривать съ германскими солдатами артиллеристами, назначенными для обслуживанія турецкихъ батарей, защищавшихъ Босфоръ. Очевидно, оборона проливовъ начала постепенно переходить въ германскія руки. Въ Константинополь стали также прибывать разнаго рода военные матеріалы, шедшіе транзитомъ черезъ Румынію и Болгарію.

Наконецъ, 11-го августа у насъ было получено извѣстіе о томъ, что два нѣмецкихъ крейсера «Гебенъ» и «Бреслау», которыхъ объявленіе войны — умышленно или случайно — застигло въ Средиземномъ морѣ, вошли въ Дарданеллы и направились къ Константинополю, гдѣ бросили якорь у входа въ Босфоръ, противъ Буюкъ-Дерэ. Оба крейсера были отчетливо видны изъ нашей лѣтней посольской резиденціи и М. Н. Гирсу ясно слышны были звуки нѣмецкаго гимна, ежедневно исполнявшагося на борту названныхъ нѣмецкихъ кораблей.

Появленіе послѣднихъ у входа въ Босфоръ было явнымъ нарушеніемъ Германіей нейтралитета Турціи и являлось для насъ фактомъ огромнаго значенія.

Если мы были готовы на большія жертвы, граничащія даже съ опасностью вторженія турецкихъ полчищъ на нашу кавказскую территорію, во имя обезпеченія успѣха на главномъ западно-сухопутномъ фронтѣ, то, съ другой стороны, мы должны были проявлять особую заботливость къ тому, чтобы сохранить за собою полное господство нашего военнаго флота на Черномъ морѣ.

Это господство предоставляло намъ возможность безпрепятственнаго снятія всѣхъ сухопутныхъ войскъ съ обширнаго Черноморскаго побережья, поддержанія воднаго сообщенія между различными пунктами таковаго побережья и оказанія политическаго и военнаго вліянія на всѣ тѣ государства, морскія границы коихъ примыкали къ Черному морю. Самъ по себѣ турецкій флотъ, какъ по своимъ матеріальнымъ качествамъ, такъ и по степени обученности своего личнаго состава, не могъ, конечно, нарушить нашего морского господства тѣмъ болѣе, что въ его составъ не вступили тѣ два новѣйшихъ броненосца, которые были заказаны еще до войны Турціей въ Англіи, но не прибыли въ турецкія воды, будучи задержаны на мѣстѣ постройки за открытіемъ военныхъ дѣйствій. Но, съ прибытіемъ въ Босфоръ двухъ нѣмецкихъ крейсеровъ, обладавшихъ превосходными морскими качествами и мощной дальнобойной артиллеріей, обстановка существенно мѣнялась. И хотя наша Черноморская эскадра продолжала себя считать сильнѣе турецкаго флота, усиленнаго нѣмецкими крейсерами, — все же задачи этой эскадры значительно осложнялись.

Примѣръ «Гебена» и «Бреслау» могъ подѣйствовать заразительно и на планы австрійскаго военнаго флота. Въ Константинополѣ, гдѣ прибытіе нѣмецкихъ крейсеровъ вызвало большой подъемъ, упорно поддерживался слухъ о скоромъ

присоединеніи къ турецкому флоту еще двухъ военныхъ судовъ, на сей разъ австрійскихъ, что могло, какъ говорили дипломаты, окончательно вскружить голову турецкому правительству. Нашимъ Морскимъ вѣдомствомъ также не отрицалась возможность попытки со стороны Австріи, при сообществѣ Турціи, направить часть австрійскаго флота въ раіонъ проливовъ, причемъ въ этомъ случаѣ легко могло осуществиться уже преобладаніе вражескаго флота надъ нашей Черноморской эскадрой. Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе послѣдней затруднялось тѣмъ, что принятіе ею какихъ-либо предупредительныхъ мѣръ противъ появленія этого флота въ Черномъ морѣ, въ непосредственной близости къ Босфору, путемъ, напримѣръ, постановки минныхъ загражденій или выставленія охранныхъ судовъ, являлось для насъ трудно достижимымъ, по отдаленности базъ нашего флота и, во всякомъ случаѣ, могло быть истолковано, какъ актъ, явно враждебный и вызывающій противъ Турціи.

Хотя въ Средиземномъ морѣ и находились союзныя намъ эскадры Франціи и Англіи, но таковыя были заняты обезпеченіемъ морскихъ границъ своихъ собственныхъ владѣній и прикрытіемъ морскихъ перевозокъ французскихъ колоніальныхъ войскъ изъ Африки въ метрополію. Въ силу этого, названные флоты принуждены были ограничиться лишь самыми минимальными мѣрами въ отношеніи наблюденія за австрійскимъ флотомъ. И только Италія, выступивъ на сторонѣ Державъ Согласія, могла бы своимъ флотомъ запереть окончательно выходъ австрійскимъ судамъ изъ Адріатики. Но римскій кабинетъ еще не склоненъ былъ къ активному выступленію.

Между тѣмъ водвореніе сильнаго враждебнаго Державамъ Согласія флота вблизи Чернаго моря могло быть очень чувствительнымъ ударомъ не только для Россіи, но и для ея союзниковъ. Появленіе этого флота въ Черномъ морѣ могло бы даже усилить неблагопріятныя Державамъ Согласія теченія въ Румыніи и Болгаріи, правительства коихъ медлили выявленіемъ своихъ намѣреній.

Въ виду прихода въ Константинополь «Гебена» и «Бреслау», Послы Державъ Согласія выразили Портѣ протестъ противъ нарушенія нейтралитета нѣмецкими военными судами и требовали удаленія или немедленнаго разоруженія этихъ судовъ. Но оттоманское правительство выдвинуло противъ этого протеста возраженіе, что прибывшіе въ турецкія воды германскіе крейсеры пріобрѣтены Турціей въ собственность. Несомнѣнно, что продажа эта была фиктивной, но маневръ турецкихъ правителей ослаблялъ и осложнялъ позицію представителей Державъ Согласія. По имѣвшимся донесеніямъ, Начальникъ французскаго морского Генеральнаго Штаба высказывался даже въ томъ смыслѣ, что, послѣ заявленія турецкаго правительства о покупкѣ германскихъ крейсеровъ, мы теряемъ всякую почву для протеста, такъ какъ никто не можетъ воспретить воюющей сторонѣ добровольно себя ослаблять. Въ виду этого оставалось только настаивать, чтобы Турціей были выполнены естественныя послѣдствія таковой купли-продажи, т. е. чтобы весь нѣмецкій экипажъ былъ снятъ съ судовъ и, хотя бы противно международному праву, отправленъ обратно въ Германію. Эти условія, очевидно, сводили опасность отъ усиленія турецкаго флота двумя

новыми боевыми единицами до минимума. Но на новыя представленія, сдѣланныя въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ, оттоманское правительство коварно отвѣтило, что не можетъ смѣнить нѣмецкія команды на корабляхъ, такъ какъ лучшая часть турецкаго личнаго состава, будучи командирована въ Англію для привода заказанныхъ броненосцевъ, тамъ задержана. Въ концѣ концовъ нѣмецкій флагъ на крейсерахъ былъ все же замѣненъ турецкимъ, названія крейсеровъ измѣнены и нѣмецкія команды, оставаясь на судахъ, смѣнили свои головные уборы на фески. Такими внѣшними мѣрами и закончился этотъ своеобразный маскарадъ, разыгранный германскимъ и турецкимъ правительствами. Не желая ускорять разрывъ, Державы Согласія вынуждены были примириться съ такимъ положеніемъ дѣла.

Выявленіе позиціи остальныхъ Балканскихъ государствъ — Румыніи, Болгаріи и Греціи — и естественное стремленіе спаять ихъ вмѣстѣ съ Сербіей въ одинъ общій союзъ потребовали отъ Державъ Согласія очень сложной и трудной дипломатической работы. Россія неизмѣнно вела на Балканахъ примирительную между всѣми названными государствами политику, но въ годы, предшествующіе войнѣ, встрѣчала серьезный противовѣсъ въ Германіи, Австро-Венгріи и отчасти Италіи. Эти Державы, и особенно Австро-Венгрія, искали случая перессорить мелкія Балканскія государства, въ цѣляхъ созданія повода для вмѣшательства въ ихъ дѣла. Такой политикѣ Державъ Тройственнаго Союза въ большой степени помогало то обстоятельство, что интересы Балканскихъ государствъ были переплетены настолько, что провести правильныя и справедливыя грани между ними было задачей едва ли разрѣшимой вообще. Тѣмъ не менѣе, съ началомъ войны 1914-го года, у Державъ Согласія явилась нѣкоторая надежда, что, передъ общею опасностью водворенія и укрѣпленія на Балканахъ германскаго вліянія, смолкнутъ мѣстные споры и сгладятся взаимныя разногласія, разъединявшія Балканскіе народы. Слѣдуя этой надеждѣ, всѣ правительства Державъ Согласія почти одновременно заговорили о крайней желательности возсозданія Балканскаго блока. Извѣстно, что подобный блокъ изъ Сербіи, Болгаріи и Греціи возникъ въ 1912-мъ году на почвѣ общей борьбы этихъ государствъ съ Турціей изъ-за Македонскаго вопроса. Къ сожалѣнію, блокъ этотъ просуществовалъ недолго и распался послѣ печальнаго нападенія болгаръ, по приказу короля Фердинанда, въ ночь на 30 іюня 1913-го года, на ихъ недавнихъ союзниковъ. Нападеніе это, какъ извѣстно, повело за собою весьма тяжкія послѣдствія для Болгаріи. Противъ ея политики ополчились не только Сербія и Греція, но Турція и Румынія. Оставленная всѣми, Болгарія должна была подписать 10-го августа того же года въ Букарестѣ унизительный миръ, которымъ болгарскій народъ заплатилъ за предательскую политику чуждаго ему по крови нѣмецкаго принца. Нынѣ, стремясь къ созданію болѣе широкаго блока, пріобщеніемъ къ нему и Румыніи, Державы Согласія преслѣдовали задачу направленія части силъ этого блока, въ лицѣ Сербіи и Румыніи, противъ Австріи, и противопоставленія другой его части — въ составѣ Болгаріи и Греціи — Турціи, на случай проявленія послѣдней враждебныхъ

настроеній. Совмѣстныя усилія Сербіи и Румыніи противъ Австріи могли конечно освободить часть нашихъ силъ на Галичскомъ фронтѣ и тѣмъ способствовать усиленію нашего военнаго положенія противъ Германіи, несомнѣнно выгодному для общихъ интересовъ союза; угроза же греческихъ и болгарскихъ войскъ Турціи, быть можетъ, могла бы еще удержать послѣднюю отъ враждебнаго выступленія на сторонѣ Центральныхъ Державъ.

Однако, осуществленіе упомянутаго блока встрѣтилось съ весьма большими трудностями. Каждый членъ намѣчавшагося союза стремился прежде всего, и возможно полнѣе, осуществить собственныя пожеланія, хотя бы за счетъ своихъ сосѣдей. Независимо того, дипломатамъ Согласія пришлось встрѣтиться съ разрушавшей ихъ усилія политической работой Центральныхъ Державъ, стремившихся создать, взамѣнъ Балканскаго блока, Турецко-Болгарско-Румынскій фронтъ, враждебный Державамъ Согласія. Наконецъ, родственныя связи и личныя симпатіи тѣхъ, кто занималъ троны Балканскихъ государствъ, отклоняли также нерѣдко, и въ значительной мѣрѣ, политику этихъ государствъ отъ національныхъ путей.

Въ центрѣ всѣхъ затрудненій несомнѣнно стояла Болгарія. Съ 1902-го года она была связана военнымъ соглашеніемъ съ Россіей, явившимся отвѣтомъ на соглашеніе Австріи съ Румыніей. Однако, протекшее съ момента заключенія этого акта время и измѣнившаяся политическая атмосфера фактически анулировали соглашеніе. Съ одной стороны, Румынія значительно измѣнила свое враждебное отношеніе къ Россіи и даже искала путей сближенія съ нею; съ другой стороны, Болгарія, руководимая въ своей внѣшней политикѣ королемъ Фердинандомъ, посаженнымъ на престолъ вліяніемъ Центральныхъ Державъ, все болѣе и болѣе стала удаляться отъ совѣтовъ Россіи и уклоняться въ сторону сближенія съ Державами Тройственнаго Союза. Это сближеніе стало особенно отчетливымъ послѣ упоминавшагося уже несчастнаго нападенія Болгаріи на ея бывшихъ союзниковъ въ 1913-мъ году. Униженная, оскорбленная и уменьшенная въ своихъ размѣрахъ Бухарестскимъ договоромъ, Болгарія рѣшила искать случая для своего возрожденія, но путь, избранный ея правителями, оказался и на этотъ разъ гибельнымъ для болгарскаго народа. Правительство короля Фердинанда поставило себѣ задачей войти въ сепаратное соглашеніе съ Турціей, что должно было развязать ему руки для задуманнаго въ будущемъ реванша; одновременно же оно, черезъ Австро-Венгрію, старалось найти связи съ Германіей, которая казалась упомянутому выше Болгарскому правительству непобѣдимой. Такая политика болгарскаго правительства была какъ нельзя болѣе на-руку Германіи; Императоръ Вильгельмъ не могъ не оцѣнивать географическаго положенія Болгаріи, лежащей на пути осуществленія ближневосточной проблемы — Берлинъ-Константинополь-Багдадъ. Съ военной же точки зрѣнія, включеніе Болгаріи въ союзъ Центральныхъ Державъ обезпечивало послѣднему непосредственную связь съ Турціей, а выступленіе болгарской арміи противъ Сербіи должно было способствовать захватнымъ стремленіямъ Австро-Венгріи и попутно облегчать Двуединой Имперіи ея борьбу противъ Россіи.

Чтобы вырвать, при такихъ условіяхъ, Болгарію изъ рукъ Центральныхъ Державъ, надо было сдѣлать попытку очень широкаго удовлетворенія народныхъ пожеланій этой заведенной въ тупикъ страны. Необходимо было не только обезпечить Болгаріи расширеніе за счетъ Турціи, но и рѣшиться на рядъ тяжелыхъ жертвъ въ ея пользу со стороны окружавшихъ ее сосѣдей. Уступки эти должны были выразиться въ отторженіи въ пользу Болгаріи: отъ Сербіи значительной части Македоніи, отъ Румыніи — южной части Добруджи, отъ Греціи — Каваллы съ Сересомъ и Драмой. Очевидно, что, взамѣнъ этихъ уступокъ, приходилось искать соотвѣтственныхъ компенсацій: для Румыніи въ сторону Трансильваніи и Буковины, для Сербіи — въ сторону Адріатики и отчасти Албаніи, для Греціи — въ сторону Эпира и острововъ. Къ сожалѣнію, эти направленія затрагивали, въ нѣкоторой части, уже интересы Великихъ Державъ Согласія и Италіи. Но стержнемъ всѣхъ затрудненій являлось то обстоятельство, что всѣ три сосѣднія съ Болгаріей государства — Сербія, Румынія и Греція, особенно первая, должны были идти на уступку принадлежавшихъ имъ «фактически» территорій, владѣніе коими являлось къ тому же отчасти вопросомъ ихъ національной гордости; взамѣнъ же этихъ территорій, имъ предлагались компенсаціи, въ видѣ пріобрѣтеній въ результатѣ успѣховъ только что начавшейся войны. Условія — далеко не равныя, и потому не удивительно, что принятіе таковыхъ условій встрѣчало уклончивое отношеніе со стороны правительствъ всѣхъ трехъ Балканскихъ государствъ. По донесеніямъ нѣкоторыхъ нашихъ дипломатическихъ представителей, дѣло обстояло такъ, что всякое правительство, которое пошло бы въ ту минуту на сколько-нибудь значительныя территоріальныя уступки въ пользу Болгаріи, не могло бы даже удержаться у власти. Въ наиболѣе трудномъ положеніи оказывалась, конечно, Сербія, какъ государство, на защиту котораго стали Державы Согласія и которому непосредственно угрожало нападеніе Болгаріи съ тыла. Но и его правительству, во главѣ котораго стоялъ г. Пашичъ, повидимому можно было только навязать намѣченныя уступки въ пользу Болгаріи. Что же касается Греціи и Румыніи, то эти государства не проявляли никакой склонности къ жертвамъ и предпочитали активному выступленію политику пассивнаго выжиданія; это давало имъ возможность опредѣлить свои дѣйствія въ будущемъ, въ зависимости отъ дѣйствительнаго успѣха сторонъ на театрѣ войны.

Въ частности, Румынія, какъ уже было отмѣчено, еще съ 1900-го года была связана военнымъ соглашеніемъ съ Австро-Венгріей, направленнымъ противъ Россіи и Болгаріи. Однако, мы уже знаемъ, что съ теченіемъ времени государственные люди Румыніи, оказавшіеся у власти, стали тяготиться своими связями съ Центральными Державами и проявлять склонность къ сближенію съ Державами Согласія. Вліяніе Германіи оставалось все же весьма сильнымъ въ этой странѣ—при дворѣ и въ нѣкоторыхъ общественныхъ группировкахъ. Борьба двухъ противоположныхъ теченій и стремленіе детально выяснить реальныя выгоды отъ принятія того или иного окончательнаго рѣшенія долго не позволяли Румыніи выйти изъ состоянія выжиданія. Что касается Державъ Согласія, то онѣ

имѣли даже много случаевъ для предъявленія Румыніи обвиненій въ нарушеніи ею нейтралитета въ пользу враждебнаго имъ союза, такъ какъ румынское правительство допускало довольно свободно провозъ военныхъ матеріаловъ и нужныхъ для военныхъ цѣлей спеціалистовъ изъ Германіи въ Турцію.

Въ отношеніи Греціи Державы Согласія имѣли основаніе пребывать довольно долго въ убѣжденіи, что стоявшее у власти правительство г. Венизелоса сумѣетъ убѣдить короля Константина дать согласіе на активное выступленіе страны на сторонѣ названныхъ Державъ. Въ серединѣ августа Предсѣдатель греческаго Совѣта Министровъ далъ оффиціальное завѣреніе нашему Посланнику въ Афинахъ, что правительство, въ полномъ согласіи съ Королемъ, при первомъ обращеніи къ нему готово къ такому выступленію и что моментъ выступленія будетъ вполнѣ зависѣть отъ Великихъ Державъ. Однако, въ нашемъ распоряженіи имѣлись и другія данныя, свидѣтельствовавшія, что родственныя связи Короля съ Германскимъ Дворомъ перетягиваютъ его симпатію въ другую сторону. Съ теченіемъ времени, германское вліяніе при греческомъ Дворѣ стало укрѣпляться настолько, что возможность видѣть Грецію нашей союзницей становилась все болѣе проблематичной. Эти сомнѣнія вполнѣ подтвердились дальнѣйшими событіями.

Въ концѣ концовъ, всѣ изложенныя обстоятельства привели дипломатовъ Согласія къ заключенію, что созданіе единаго Балканскаго блока является задачей недостижимой. Выводъ этотъ вынудилъ названныхъ дипломатовъ перейти на другіе пути, о коихъ я упомяну въ своемъ мѣстѣ, но которые, однако, также не дали благопріятныхъ результатовъ.

Чтобы покончить съ группировкой Европейскихъ Державъ къ началу войны, остается сказать еще нѣсколько словъ о Швеціи, какъ ближайшей сосѣдкѣ Россіи. Ея географическое положеніе, связи съ Германіей, вліяніе шведской партіи въ Финляндіи и наличіе у шведовъ, хотя небольшой, но хорошо организованной арміи и довольно сильнаго флота, приспособленнаго къ дѣйствіямъ въ прибрежныхъ водахъ, создавали для Россіи вполнѣ реальную угрозу. Хотя шведскій народъ, въ его цѣломъ, и не желалъ войны, но дворъ, военная партія, аристократія и нѣкоторыя націоналистически настроенныя политическія партіи, имѣли къ ней замѣтное тяготѣніе. Представитель шведской арміи въ Петербургѣ еще задолго до войны ярко подчеркивалъ свои близкія отношенія съ военнымъ агентомъ Германіи и симпатіи къ послѣдней. Намъ было документально извѣстно, что въ періодъ развитія конфликта, приведшаго къ войнѣ, Германія упорно стремилась привлечь Швецію на свою сторону, расчитывая на ея симпатіи къ себѣ. Съ этими данными Россіи приходилось считаться, особенно въ начальный періодъ войны, пока еще не вполнѣ обрисовалась обстановка. Чтобы избѣжать осложненій со Швеціей, Державамъ Согласія приходилось, нерѣдко во вредъ себѣ, проявлять крайне внимательное и даже снисходительное отношеніе къ шведскимъ торговымъ интересамъ. Такой способъ дѣйствій считался почти единственнымъ, чтобы удержать Швецію въ положеніи нейтральной страны. Какъ ни важно было полное изолированіе Германіи съ сѣвера, прихо-

дилось смотрѣть сквозь пальцы на ростъ шведской торговли и мириться съ тѣмъ, что Швеція служила посредницей въ сношеніяхъ Германіи съ внѣшнимъ міромъ. Возможно, что такое отношеніе Державъ Согласія къ шведской торговлѣ въ концѣ концовъ даже устранило дальнѣйшія попытки Германіи къ вовлеченію Швеціи въ войну, такъ какъ, въ случаѣ возникновенія таковой, для нѣмцевъ закрывался бы одинъ изъ главнѣйшихъ путей, служившихъ имъ для полученія извнѣ необходимыхъ продуктовъ и матеріаловъ.

Весьма крупнымъ для насъ факторомъ являлся разрывъ Японіи съ Германіей, послѣдовавшій во второй половинѣ августа. Какъ извѣстно, наша Дальневосточная сосѣдка была связана договорными отношеніями съ Англіей. Поэтому, послѣ присоединенія таковой къ Франціи и Россіи, благожелательное отношеніе Японіи къ Державамъ Согласія являлось обезпеченнымъ. Но Японія имѣла и непосредственный интересъ принять участіе въ войнѣ. Это государство, уже много лѣтъ страдавшее отъ переизбытка населенія, должно было видѣть въ развитіи своей промышленности и внѣшней торговли на Тихомъ океанѣ одинъ изъ наиболѣе существенныхъ выходовъ изъ своего тяжелаго положенія. Поэтому, для Японіи представлялось чрезвычайно выгоднымъ воспользоваться предстоявшей войной, чтобы вытѣснить изъ Китая и вообще сферы Тихаго океана Германію, какъ одну изъ своихъ серьезныхъ соперницъ, вліяніе которой на востокѣ росло съ каждымъ годомъ. Дальнѣйшая попытка къ установленію болѣе тѣсной политической связи, путемъ заключенія тройного Русско-Англо-Японскаго соглашенія, на основѣ охраны правъ договаривавшихся сторонъ въ Азіи, не была, однако, доведена до конца. Тѣмъ не менѣе, Россія, съ выступленіемъ Японіи противъ Германіи, пріобрѣтала увѣренность въ своей безопасности на Дальнемъ Востокѣ и потому имѣла возможность всѣ свои силы, тамъ находившіяся, привлечь къ борьбѣ на западномъ фронтѣ. Кромѣ того Россія пріобрѣтала возможность размѣщенія части своихъ военныхъ заказовъ въ Японіи, что являлось также большимъ плюсомъ для нашей арміи, очень нуждавшейся въ притокѣ къ ней боевыхъ матеріаловъ. Наконецъ Японія снабдила насъ нѣкоторымъ количествомъ тяжелой артиллеріи, хотя и устарѣвшихъ образцовъ.

19-го августа японскій повѣренный въ дѣлахъ въ Берлинѣ вручилъ германскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ ноту, въ которой, ссылаясь на англо-японскій союзъ, правительство Микадо требовало удаленія или разоруженія германскихъ судовъ, находившихся въ японскихъ и китайскихъ водахъ, и предоставленія японскимъ властямъ, безъ всякихъ условій, территоріи Кіао-Чоу. Требованія эти мотивировались необходимостью для Японіи принять всѣ мѣры къ устраненію причинъ, могущихъ нарушить миръ на Дальнемъ Востокѣ. Въ отвѣтъ на этотъ ультиматумъ, срокъ котораго былъ ограниченъ четырьмя сутками, германское правительство отвѣтило 23-го августа отозваніемъ своего Посланника изъ Токіо и врученіемъ паспортовъ японскому повѣренному въ Берлинѣ.

Этимъ актомъ Германія оказалась въ войнѣ съ Японіей.

Сводя все изложенное, слѣдуетъ, въ конечномъ выводѣ, признать, что война началась для насъ при крайне благопріятной политической обстановкѣ. На сторонѣ Россіи и ея основной союзницы — Франціи съ первыхъ же дней войны оказались Англія, Японія, Сербія, Черногорія и Бельгія; Германія же не только никого не привлекла вновь, но даже растеряла своихъ бывшихъ союзниковъ — Италію и Румынію, которыя предпочли отойти отъ прежнихъ связей для выжиданія. — Такое положеніе нашихъ противниковъ явилось результатомъ или дурной ихъ политики, или переоцѣнки собственныхъ силъ; вѣрнѣе же, того и другого вмѣстѣ.

Чтобы тѣснѣе спаять соглашеніе, правительствами Англіи, Франціи и Россіи былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго договаривавшіяся Державы обязывались другъ передъ другомъ не заключать сепаратнаго мира съ ихъ противниками; при наступленіи же времени для заключенія общаго мира, — не предъявлять никакихъ условій, безъ предварительнаго согласія на эти условія всѣхъ остальныхъ союзныхъ Державъ, принявшихъ участіе въ договорѣ.

ГЛАВА IV.

Наше стратегическое развертываніе и идеи, положенныя въ основу его. — Планы „А" и „Г". — Періодическія совѣщанія начальниковъ генеральныхъ штабовъ Россіи и Франціи. — Военная игра старшихъ войсковыхъ начальниковъ въ г. Кіевѣ, въ апрѣлѣ 1914-го года.

Основныя положенія военной конвенціи, заключенной въ 1892-мъ году между Россіей и Франціей на случай нападенія на нихъ Державъ Тройственнаго Союза во главѣ съ Германіей, подвергались впослѣдствіи неоднократному обсужденію въ особыхъ совѣщаніяхъ Начальниковъ Генеральныхъ Штабовъ обоихъ союзныхъ государствъ. Совѣщанія эти, вначалѣ рѣдкія, съ 1910-го года пріобрѣли характеръ ежегодный и происходили то въ Парижѣ, то въ Петербургѣ. Они носили строго секретный характеръ. — Съ русской стороны въ нихъ принималъ участіе только одинъ Начальникъ Генеральнаго Штаба; со стороны французовъ, кромѣ Начальника Генеральнаго Штаба, изрѣдка приглашались его ближайшіе сотрудники. Составленіе протоколовъ поручалось или нашему военному агенту въ Парижѣ, или же французскому военному аташе въ Петербургѣ, вслѣдствіе чего лица эти приглашались къ присутствованію въ засѣданіяхъ совѣщанія, въ качествѣ дѣлопроизводителей. Надо сказать откровенно, что при той калейдоскопической смѣнѣ Начальниковъ Генеральныхъ Штабовъ, которая происходила не только у насъ, но и во Франціи, составъ совѣщаній не въ достаточной степени гарантировалъ полноту и глубину изслѣдованія тѣхъ вопросовъ, кои ставились на его обсужденіе. Впрочемъ, коренныхъ измѣненій въ конвенцію упомянутыми совѣщаніями почти не вносилось, и вопросы, подлежащіе обсужденію, касались преимущественно порядка «выполненія» первоначальныхъ операцій, или имѣли характеръ техническій, какъ, напримѣръ,

обезпеченіе связи, желѣзнодорожное строительство въ Россіи и т. д. Съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить, что на этихъ совѣщаніяхъ ни разу не былъ поднимаемъ вопросъ о совмѣстной разработкѣ общаго плана войны, и насколько мнѣ извѣстно, предположенія сторонъ о веденіи войны не ставились никогда, въ цѣломъ, на свободное обсужденіе представителей союзныхъ государствъ. Равнымъ образомъ никогда не былъ не только обсужденъ, но даже затронутъ вопросъ о единствѣ командованія, или хотя бы только о способахъ согласованія военныхъ операцій въ періодъ самой войны. Такимъ образомъ огромной важности, хотя и крайне деликатный во всякаго рода военныхъ коалиціяхъ вопросъ о единствѣ управленія, единствѣ направляющей воли — оставался не урегулированнымъ и потому таившимъ въ себѣ зародыши неизбѣжной слабости и несогласованности будущихъ дѣйствій.

Результатомъ такого положенія дѣлъ было то, что надвинувшаяся война Державъ Согласія съ Центральными Державами велась почти вполнѣ самостоятельно на трехъ фронтахъ: западномъ — французскомъ, восточномъ — русскомъ и южномъ — сербскомъ. Впослѣдствіи, образовались еще другіе самостоятельные фронты, напримѣръ — съ присоединеніемъ къ Державамъ Согласія Италіи — итальянскій. Сепаратное или автономное начало, столь вредное въ военномъ дѣлѣ, вплелось въ область военнаго управленія вооруженными силами Державъ Согласія, впрочемъ, еще глубже, чѣмъ то отмѣчено выше, и мы могли, напримѣръ, наблюдать на западномъ французскомъ фронтѣ присутствіе англійской арміи, Командующему которой были даны опредѣленныя директивы его правительствомъ — никогда, ни въ какомъ случаѣ и ни въ какомъ смыслѣ не входить въ подчиненіе генералу союзной арміи.

На первыхъ же совѣщаніяхъ начальниковъ генеральныхъ Штабовъ было признано обѣими сторонами съ полной опредѣленностью, что въ будущемъ столкновеніи главнымъ противникомъ надлежитъ считать Германію, противъ которой и долженъ быть поэтому проявленъ союзниками максимумъ военныхъ усилій. При этомъ подтверждалось, что выраженіе «оборонительная война», во имя которой была заключена военная конвенція, не должно пониматься въ томъ смыслѣ, что союзники должны держаться оборонительнаго образа дѣйствій. Напротивъ, неоднократно подчеркивалась безусловная необходимость какъ для французской, такъ и для русской арміи энергическихъ и, по возможности, одновременныхъ наступательныхъ дѣйствій.

Согласно основныхъ положеній заключенной конвенціи, союзники должны были выставить противъ Германіи арміи опредѣленной численности силы; для Франціи эта сила была опредѣлена цифрою отъ 1.200/т. до 1.300/т. и для Россіи отъ 700/т. до 800/т. человѣкъ. При этомъ обѣими сторонами было принято за основаніе, что наиболѣе вѣроятнымъ должно считаться предположеніе о направленіи Германіей большей части ея войскъ, съ началомъ войны, противъ Франціи и что рѣшительныя дѣйствія противъ Россіи явятся лишь послѣдующимъ актомъ, въ результатѣ успѣха надъ Франціей. Исходя изъ такого предположенія, къ пожеланіямъ Франціи, формулировавшимся на совѣщаніяхъ На-

чальниками Французскаго Генеральнаго Штаба, представители русской стороны относились съ большимъ вниманіемъ и неизмѣнной отзывчивостью, какъ къ сторонѣ, долженствовавшей выдержать первый, наиболѣе грозный ударъ общаго врага. Въ сущности на совѣщаніяхъ дѣло сводилось почти къ тому, что Франція предъявляла свои пожеланія, Россія же выясняла степень возможности и способы ихъ удовлетворенія. Несомнѣнно, что такое положеніе въ значительной мѣрѣ должно было сковывать нашу стратегію и свободное распоряженіе собственными силами въ начальный періодъ войны.

Всѣ Начальники Французскаго Генеральнаго Штаба, послѣдовательно смѣнявшіе другъ друга, предъявляли на совѣщаніяхъ нашимъ представителямъ неизмѣнное требованіе, сводившееся къ принятію нами наступательнаго образа дѣйствій противъ Германіи, притомъ осуществляемаго возможно большими силами и, главное, въ кратчайшій срокъ. Становясь на точку зрѣнія Франціи и даже интересовъ союза, въ его цѣломъ, нельзя было отказать этому требованію въ цѣлесообразности. Дѣйствительно, только такимъ способомъ, отвѣчавшимъ природѣ дѣйствій противъ Германіи по наружнымъ операціоннымъ линіямъ и угрожавшимъ неприкосновенности нѣмецкой территоріи, возможно было расчитывать приковать къ восточнымъ границамъ этой Имперіи болѣе или менѣе значительныя силы послѣдней и тѣмъ обезпечить Франціи, при ея столкновеніи съ главною массою общаго врага, наиболѣе выгодное для нея численное соотношеніе. Съ другой стороны, вполнѣ логическимъ являлось стремленіе противопоставить «послѣдовательнымъ» ударамъ Германіи, занимавшей внутреннее положеніе, «одновременныя» и хорошо согласованныя контръ-дѣйствія союзниковъ съ обоихъ противоположныхъ фронтовъ: восточнаго-французскаго и западнаго-русскаго. Но такой способъ дѣйствій могъ быть принятъ нами къ исполненію лишь ставъ на путь большихъ жертвъ и самоотверженія.

Я уже отмѣтилъ, что, несмотря на мою близкую прикосновенность къ оперативнымъ дѣламъ, мнѣ не приходилось слышать, чтобы на совѣщаніяхъ Начальниковъ Генеральныхъ Штабовъ союзныхъ Державъ подвергался обсужденію вопросъ о совмѣстной разработкѣ общаго плана. Едва-ли поэтому когда либо ставился въ совѣщаніяхъ и вопросъ о наилучшемъ способѣ встрѣчи французскими вооруженными силами удара, подготовлявшагося противъ нихъ Германіей. Повидимому, этотъ послѣдній вопросъ считался не составною частью общаго плана, каковымъ онъ долженъ бы быть по существу, а исключительно дѣломъ нашего союзника. Возможно, что поэтому на совѣщаніяхъ и не высказывалось никогда съ нашей стороны сомнѣній въ цѣлесообразности, съ общей точки зрѣнія, того плана рѣшительнаго наступленія съ фронта Бельфоръ-Лонгви, которымъ французы предполагали не только парировать ударъ нѣмцевъ, но даже вырвать иниціативу дѣйствій изъ ихъ рукъ. Планъ этотъ, какъ извѣстно, смѣнилъ болѣе осторожныя предположенія Французскаго Генеральнаго Штаба, существовавшія включительно до 1911-го года.

Зато вопросъ о порядкѣ осуществленія, съ началомъ войны, нашего наступленія въ предѣлы Германіи занималъ всегда центральное мѣсто въ про-

граммѣ совѣщаній и привлекалъ къ себѣ наибольшее вниманіе нашихъ союзниковъ. Опредѣляя силы, долженствовавшія быть выставленными Россіей противъ Германіи въ 700—800/т. человѣкъ, военная конвенція умалчивала, однако, о томъ, кого собственно слѣдуетъ подразумѣвать въ этой суммѣ: общую ли численость войскъ, подлежавшихъ сосредоточенію на границѣ съ Германіей, или только боевой ихъ составъ; не имѣлось также никакихъ указаній и о срокахъ сосредоточенія этой массы войскъ; поэтому Русскій Генеральный Штабъ всегда понималъ приведенную цифру, какъ опредѣляющую общую численность тѣхъ войскъ, которыя должны быть выставлены Россіей противъ Германіи ко времени окончанія сосредоточенія къ западнымъ границамъ всѣхъ рѣшительно силъ Имперіи.

По отношенію къ вопросу о численности войскъ, могущихъ быть выдѣленными «въ первую очередь» для первоначальныхъ дѣйствій противъ Германіи, Начальники Русскаго Генеральнаго Штаба постоянно указывали на все возраставшія вооруженія Австро-Венгріи и готовность ея арміи, изъ которыхъ вытекала для насъ необходимость прежде всего и самымъ рѣшительнымъ образомъ парировать опасность, угрожавшую намъ со стороны послѣдней Державы. Мысль эта прививалась, однако, нашимъ союзникамъ съ большимъ трудомъ. Намъ неизмѣнно возражали, что побѣда надъ главнымъ противникомъ — Германіей — устранитъ всѣ остальныя опасности.

Наиболѣе опредѣленно остановился на вопросѣ о числѣ нашихъ войскъ, которое французскіе военные представители желали бы видѣть назначеннымъ въ первую очередь для дѣйствій противъ Германіи, Начальникъ Французскаго Генеральнаго Штаба Генералъ Дюбайль на совѣщаніи, происходившемъ въ августѣ 1911-го года въ Красномъ Селѣ. Генералъ Дюбайль заявилъ, что онъ будетъ считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ въ случаѣ, если наше наступленіе противъ Германіи состоится съ такими силами, которыя будутъ способны приковать къ себѣ отъ 5-ти до 6-ти германскихъ корпусовъ на Восточно-Прусской границѣ.

Что касается направленія нашего удара, то французы постоянно подчеркивали необходимость наступленія вглубь непріятельской страны для пораженія жизненныхъ центровъ Германіи. На двухъ послѣднихъ передъ войной совѣщаніяхъ, происходившихъ въ 1912-мъ и 1913-мъ годахъ, Начальникъ Французскаго Генеральнаго Штаба, Генералъ, нынѣ Маршалъ, Жоффръ высказывался о желательности занятія нашими вооруженными силами такого исходнаго положенія, при которомъ возможно было бы развить рѣшительное наступленіе съ юга на Алленштейнъ, въ случаѣ сосредоточенія нѣмцевъ въ Восточной Пруссіи, или — еще лучше — по лѣвому берегу р. Вислы на Берлинъ, если бы нѣмцы развернули противъ насъ силы въ раіонѣ Торнъ-Познань.

Наконецъ, по вопросу о начальномъ срокѣ нашего наступленія наши представители на совѣщаніяхъ указывали, что условіе его «одновременности» съ наступленіемъ французовъ, вслѣдствіе недостаточной быстроты мобилизаціи и сосредоточенія русской арміи къ границамъ, является для насъ условіемъ со-

вершенно невыполнимымъ. На послѣднемъ совѣщаніи 1913-го года Генералъ Жоффръ, указавъ, что силы, выставляемыя Франціей, будутъ превосходить на 200/т. человѣкъ цифру, предусмотрѣнную конвенціей, сдѣлалъ заявленіе, что сосредоточеніе французской арміи на сѣверо-восточной границѣ будетъ закончено, въ большей своей части, на 10-ый день мобилизаціи, и что наступленіе этой группы войскъ начнется на слѣдующій день, съ утра. Несмотря на безспорные успѣхи, сдѣланные нами въ послѣдніе годы передъ войной въ области мобилизаціи и сосредоточенія, мы не могли, однако, считать себя готовыми къ боевымъ дѣйствіямъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ къ указанному выше времени готовности французской арміи. Наши союзники, впрочемъ, это понимали и потому отмѣчали на совѣщаніяхъ, лишь въ качествѣ руководящаго начала, что значеніе нашего наступленія будетъ для нихъ возрастать въ мѣрѣ ускоренія таковаго.

Чтобы содѣйствовать ускоренію нашего наступленія противъ Германіи, наша союзница Франція открыла у себя для нашего правительства широкій кредитъ на постройку желѣзнодорожныхъ линій стратегическаго значенія. Эта финансовая помощь, нами въ свое время широко использованная, и отъ которой мы не отказывались и на будущее время, накладывала на свободное творчество отечественной стратегіи еще дѣйствительнѣе свою тяжелую руку. Рука эта чувствовалась на протяженіи всего періода существованія нашихъ союзныхъ отношеній съ Франціей, и отъ ея давящаго вліянія не могъ освободиться ни одинъ изъ руководителей Русскаго Генеральнаго Штаба. Въ этомъ отношеніи не представлялъ исключенія ни Генералъ Обручевъ, пытавшійся при самомъ заключеніи конвенціи отстоять свободу распредѣленія нашихъ силъ, ни Генералъ Палицынъ, о которомъ сохраняется память, какъ о Начальникѣ Генеральнаго Штаба, послѣ Генерала Обручева, болѣе другихъ независимомъ и много поработавшемъ въ области отечественной стратегіи. Между тѣмъ періодъ пребыванія послѣдняго въ должности Начальника Генеральнаго Штаба (1905—1908) былъ для этого наиболѣе удобнымъ временемъ. Дѣйствительно, періодъ этотъ непосредственно примыкалъ къ неудачно для насъ закончившейся японской войнѣ, послѣ которой сокращеніе нашихъ военныхъ возможностей противъ Германіи являлось для нашихъ западныхъ друзей — французовъ — явленіемъ вполнѣ понятнымъ и легко объяснимымъ. — Постепенно, однако, наша боевая готовность стала подниматься, и уже на томъ же послѣднемъ передъ войной совѣщаніи 1913-го года, о которомъ упомянуто выше, бывшій въ то время Начальникомъ Русскаго Генеральнаго Штаба Генералъ Жилинскій, — впослѣдствіи Главнокомандующій войсками, предназначавшимися для дѣйствій противъ Германіи, — заявилъ Генералу Жоффру, что сосредоточеніе русскихъ войскъ противъ Германіи можетъ быть закончено, въ главныхъ чертахъ, къ 15-му дню мобилизаціи и что наступленіе этой группы войскъ начнется тотчасъ же послѣ этого дня. Несомнѣнно, что при указаніи начальнаго срока возможнаго наступленія нашихъ армій надлежало считать его пріуроченнымъ къ той географической линіи, которой опредѣлялся фронтъ нашего

стратегическаго развертыванія; послѣдній же естественно долженъ былъ быть поданъ, въ цѣляхъ безопасности, нѣсколько вглубь страны. Учитывалось ли это обстоятельство представителями французскаго Генеральнаго Штаба вообще, и въ какой мѣрѣ, — мнѣ остается неизвѣстнымъ.

Изъ всего изложеннаго видно, что Россія, вступивъ въ союзныя отношенія съ Франціей, приняла на себя серьезное и тяжелое обязательство — предусматривать своими подготовительными къ войнѣ соображеніями быстрое и энергическое наступленіе противъ Германіи, организуемое достаточными, по условіямъ обстановки, силами. Значеніе этого наступленія для нашихъ союзниковъ — французовъ естественно должно было возрастать въ зависимости отъ силъ, съ которыми таковое будетъ произведено, начальнаго его срока и направленія, въ которомъ оно будетъ развиваться.

Какъ извѣстно, высшимъ войсковымъ соединеніемъ въ мирное время въ Россіи являлся корпусъ. Хотя корпуса и входили въ составъ военныхъ округовъ, на которые въ военномъ отношеніи была подраздѣлена вся Имперія, но, съ объявленіемъ войны, эта связь нарушалась, и личный составъ управленій военныхъ округовъ служилъ лишь кадромъ для формированія высшихъ штабовъ управленій военнаго времени.

Согласно положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, корпуса, въ числѣ, соотвѣтствовавшемъ той или иной стратегической задачѣ, должны были сводиться въ арміи. Нѣсколько армій, предназначавшихся для достиженія болѣе широкой стратегической задачи и долженствовавшихъ дѣйствовать совмѣстно на опредѣленномъ фронтѣ, могли соединяться въ болѣе крупное соединеніе, образуя арміи даннаго фронта. Всѣ же войска, какъ вошедшія въ составъ фронтовъ, такъ и оставшіяся въ составѣ отдѣльныхъ армій, кои предназначались для достиженія общихъ цѣлей войны, составляли Дѣйствующую Армію, непосредственно подчинявшуюся Верховному Главнокомандующему. Однако, на обязанности Военнаго Министерства продолжали оставаться заботы по снабженію этой арміи всѣмъ необходимымъ, въ соотвѣтствіи съ общими заданіями, долженствовавшими исходить отъ Верховнаго Главнокомандующаго. Такимъ образомъ, Военный Министръ являлся какъ бы Главнымъ Начальникомъ Снабженій всей Дѣйствующей Арміи.

Разработка соображеній о первоначальномъ распредѣленіи войскъ по арміямъ и армій по фронтамъ, постановка войскамъ первыхъ боевыхъ задачъ, а равно выработка главнѣйшихъ основаній устройства тыла лежала на обязанности Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, по отдѣлу Генералъ-Квартирмейстера. Всѣ основныя данныя по этимъ вопросамъ естественно должны были представляться, еще въ мирное время, на утвержденіе Государя Императора, какъ Верховнаго Вождя всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи. Данныя эти, начиная съ 1912-го года, стали включаться въ «Основныя указанія Командующимъ войсками, на случай войны съ Державами Тройственнаго Союза», каковыя указанія составляли базу для всѣхъ дальнѣйшихъ соображеній и работъ

по подготовкѣ къ войнѣ. Эти указанія дополнялись, въ видѣ особаго приложенія, «боевымъ расписаніемъ» войскъ по арміямъ и фронтамъ.

Исходя изъ этихъ основныхъ документовъ и въ развитіе ихъ, должны были составлять свои болѣе детальныя подготовительныя къ войнѣ соображенія всѣ довольствующія управленія Военнаго Министерства, штабы военныхъ округовъ, войска и причастныя къ мобилизаціи и войнѣ учрежденія другихъ министерствъ, причемъ совокупность всѣхъ этихъ работъ и составляла то, что обычно принято было называть «планомъ» войны.

Если припомнить, что сухопутная граница Россіи имѣла необъятное, во много тысячъ верстъ протяженіе и что мы были окружены многочисленными сосѣдями, изъ которыхъ съ каждымъ могли возникнуть военныя осложненія, то станетъ яснымъ, насколько сложной и трудной представлялась задача по поддержанію для всѣхъ фронтовъ нашихъ подготовительныхъ къ войнѣ соображеній на должной ступени ихъ разработки.

По нашимъ подсчетамъ мирнаго времени, соединенныя силы Россіи и Франціи, которыя могли принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ первый періодъ войны, нѣсколько превосходили силы Германіи и Австро-Венгріи. Но Центральныя Державы имѣли огромныя преимущества какъ въ стратегическомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ взаимнаго снабженія и общаго управленія. Занимая внутреннее положеніе и пользуясь богато и цѣлесообразно развитой желѣзнодорожной сѣтью, онѣ являлись на театрѣ военныхъ дѣйствій хозяевами положенія, имѣя возможность комбинировать свои силы въ каждый данный моментъ по ихъ усмотрѣнію и обстановкѣ. Это облегчало нашимъ противникамъ удержаніе въ ихъ рукахъ иниціативы дѣйствій. Почти любая переброска силъ съ одного фронта на другой, а тѣмъ болѣе въ предѣлахъ одного фронта, могла быть исполнена въ теченіе самаго короткаго срока, исчисляемаго немногими днями. То же внутреннее положеніе давало имъ возможность приходить другъ другу на помощь снабженіемъ и техническими средствами; Главнокомандованіямъ же обѣихъ союзныхъ Державъ не представляло труда поддерживать непрерывность общенія между собою и потому своевременно сговариваться о предстоящихъ операціяхъ. Отмѣченныя преимущества были столь значительны, что ихъ всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ взаимнаго положенія сторонъ въ минувшую войну.

Изъ двухъ союзниковъ — Франціи и Россіи— военно-политическое положеніе первой Державы въ годы, непосредственно предшествовавшіе войнѣ, значительно упростилось и облегчилось по сравненію съ таковымъ же положеніемъ второй. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже видѣли, что еще задолго до войны отъ Тройственнаго Союза стала замѣтно отпадать Италія, и такимъ образомъ вниманіе Франціи могло сосредоточиться только на одномъ противникѣ — Германіи. Правда, послѣдняя съ каждымъ годомъ усиливала свои вооруженныя силы и совершенствовала свою военную систему; ея военная мощь неизмѣнно возрастала. Но съ другой стороны сближеніе между Франціей и Англіей компенсировало положеніе въ томъ смыслѣ, что дѣлало не только возможной, но

даже въ извѣстной степени вѣроятной военную помощь Франціи со стороны Британской Имперіи. Въ сущности, наличіе франко-англійской военной кооперацiи выявилось съ того момента, когда Англія, подъ вліяніемъ интенсивнаго судостроительства, предпринятаго Германіей въ началѣ текущаго столѣтія, рѣшила сосредоточить почти весь свой военный флотъ въ Сѣверномъ морѣ, предоставивъ Средиземное море попеченію одной Франціи.

Напротивъ того, военно-политическая обстановка, съ которой приходилось считаться Россіи, постепенно, изъ года въ годъ, значительно усложнялась. Я уже отмѣчалъ, что въ Россіи съ давнихъ поръ установилась вполнѣ опредѣленная точка зрѣнія, нашедшая себѣ полное подтвержденіе въ послѣдовавшихъ событіяхъ, что Германія и Австро-Венгрія представляютъ на-крѣпко спаянный монолитный союзъ, враждебный Россіи. При такихъ условіяхъ естественно надо было предвидѣть, что русская армія, при столкновеніи на западныхъ границахъ, будетъ имѣть противъ себя не только германскія войска, но и всѣ, или почти всѣ, вооруженныя силы Австро-Венгерской монархіи. Хотя Румынія, заключившая въ 1900-мъ году военное соглашеніе съ Австро-Венгріей, направленное противъ Россіи, впослѣдствіи стала проявлять склонность къ сближенію съ Державами Согласія, однако удѣльный вѣсъ ея арміи въ русскихъ военныхъ кругахъ никогда не оцѣнивался сверхъ мѣры и потому болѣе примирительная политика нашей юго-западной сосѣдки не составляла для военного положенія Россіи факта особо большого значенія. Гораздо большее значеніе въ оцѣнкѣ нашего положенія на западѣ имѣло то обстоятельство, что военная мощь Австро-Венгріи, направляемая твердой и опытной рукой начальника австро-венгерскаго Генеральнаго Штаба Генерала Конрада фонъ Хецендорфа, непрерывно совершенствовалась и выросла въ годы, непосредственно предшествовавшіе войнѣ, въ очень серьезную наступательную силу, съ которой Россіи приходилось все болѣе и болѣе считаться.

Независимо изложеннаго, Россія должна была имѣть въ виду и то обстоятельство, что міровая политика Германіи все болѣе захватывала въ орбиту своего непосредственнаго вліянія Турцію; въ то же время Германія привлекала къ себѣ вниманіе и симпатіи довольно широкихъ и весьма вліятельныхъ общественныхъ круговъ въ Швеціи.

Мы уже видѣли, какими серьезными послѣдствіями угрожало вовлеченіе въ борьбу Турціи на сторонѣ нашихъ противниковъ.

Весьма серьезную военную угрозу, но только на сѣверо-западныхъ границахъ, могла создать и Швеція, въ силу ея географическаго положенія и исторической подозрительности къ мощи Россіи. Намъ нельзя было забывать, что страна эта обладала хорошо организованной, хотя и небольшой, вооруженной силой — сухопутной и морской, и что, при извѣстныхъ условіяхъ, шведы могли получить поддержку со стороны германскаго флота — военнаго и транспортнаго. При такихъ условіяхъ враждебный къ намъ дессантъ въ Финляндіи, на ближайшихъ подступахъ къ столицѣ Имперіи — Петербургу, представлялся задачей, вполнѣ осуществимою.

Всѣ эти неблагопріятныя условія обстановки русскому Генеральному Штабу приходилось конечно очень серьезно учитывать, при разработкѣ имъ плана стратегическаго развертыванія вооруженныхъ силъ Имперіи, на случай войны на западныхъ границахъ.

Война съ Центральными Державами, по своему масштабу, требовала отъ Россіи проявленія полнаго напряженія силъ и средствъ. Поэтому, при возникновеніи политическихъ осложненій съ названными Державами, только общая мобилизація всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи могла отвѣчать создававшейся обстановкѣ. Въ соотвѣтствіи съ симъ, только такая мобилизація и предусматривалась планомъ войны на западномъ фронтѣ. Къ сожалѣнію, окончательная готовность нашихъ войскъ далеко не отвѣчала нашимъ пожеланіямъ, несмотря на значительные успѣхи, достигнутые нами въ послѣдніе годы передъ войной въ этомъ отношеніи. Дальность разстояній и крайне недостаточное развитіе отечественныхъ путей сообщенія, вообще, и желѣзнодорожныхъ въ частности, накладывали тяжелую руку на всѣ расчеты по мобилизаціи и сосредоточенію нашихъ вооруженныхъ силъ къ границамъ. Такъ, изъ 37-ми полевыхъ корпусовъ, коими наканунѣ войны располагала Россія, только 28 могли закончить свое сосредоточеніе къ западнымъ границамъ въ первыя 3—4 недѣли по объявленіи мобилизаціи. Къ этому времени могли, конечно, закончить свое сосредоточеніе и всѣ конныя части, за исключеніемъ тѣхъ, которыя были расквартированы въ отдаленныхъ округахъ. Что касается второочередныхъ дивизіи, то онѣ, формируясь почти полностью въ Европейской Россіи, также успѣвали закончить свою мобилизацію и сосредоточеніе въ теченіе того же періода времени. Но надо имѣть въ виду, что наши второочередныя части, долженствовавшія формироваться впервые по новой системѣ, неполно снабженныя, имѣвшія въ своей основѣ довольно слабые кадры и подлежавшія укомплектованію людьми старшихъ возрастовъ, не могли считаться, въ начальный періодъ войны, вполнѣ боеспособными. Ихъ рекомендовалось втягивать въ работу лишь постепенно. — Что касается, затѣмъ, остальныхъ 9-ти корпусовъ, расквартированныхъ въ мирное время въ Сибири, Туркестанѣ и Закавказьи, а также тѣхъ нѣсколькихъ второочередныхъ дивизій, кои формировались въ отдаленныхъ раіонахъ, то эти войска могли начать свой подходъ къ западнопограничнымъ раіонамъ лишь со второго мѣсяца. Очевидно, что включеніе при такихъ условіяхъ, названныхъ корпусовъ и второочередныхъ дивизій въ «первоначальныя» соображенія, охватывавшія лишь періодъ развертыванія и первыхъ операцій, являлось совершенно нецѣлесообразнымъ. Вслѣдствіе этого въ основное «боевое расписаніе» войскъ могло быть заблаговременно включено не свыше 80% всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи. Остальныя войска, по окончаніи мобилизаціи, предполагалось также направлять на западъ, па театръ военныхъ дѣйствій, за исключеніемъ конечно тѣхъ частей, которыя должны были охранять наши азіатскія границы и не могли быть замѣнены новыми формированіями ополченскаго характера. Но эти войска должны были получать свое назначеніе лишь по мѣрѣ подхода къ театру военныхъ дѣйствій, въ соотвѣт-

ствіи съ обстановкой, которая сложится къ тому времени. Поэтому желѣзнодорожныя перевозки были заблаговременно разработаны лишь для головныхъ корпусовъ, долженствовавшихъ слѣдовать съ каждой изъ нашихъ окраинъ, и притомъ только до границъ будущаго театра военныхъ дѣйствій; дальнѣйшее же направленіе въ предѣлахъ этого театра войска съ окраинъ должны были получать, какъ уже сказано выше, дополнительно, въ зависимости отъ обстановки. — Дѣйствительность подтвердила правильность и практичность порядка, принятаго въ отношеніи войскъ, долженствовавшихъ слѣдовать на западъ съ нашихъ азіатскихъ окраинъ.

Западная сухопутная граница Россіи, въ центральной ея части, образовывалась, какъ извѣстно, изъ Русской Польши, которая врѣзалась широкимъ и глубокимъ клиномъ между Германіей и Австро-Венгріей, приближая насъ, примѣрно на 300 верстъ, къ крайне важнымъ и жизненнымъ центрамъ нашихъ западныхъ сосѣдей. Такое начертаніе пограничной линіи должно было представлять для Россіи весьма значительныя стратегическія выгоды, на которыя не разъ указывали намъ и наши союзники — французы, но лишь при одномъ непремѣнномъ условіи — превосходствѣ надъ нашими сосѣдями въ срокахъ готовности къ наступленію. Увы, условіе это являлось для насъ въ разсматриваемый періодъ времени недостижимымъ. Наши западные сосѣди обладали значительнымъ преимуществомъ надъ нами въ быстротѣ изготовленія своихъ войскъ и, такимъ образомъ, имѣли полную возможность предупредить насъ своимъ собственнымъ вторженіемъ въ наши предѣлы. При такихъ условіяхъ положительныя свойства нашего, такъ называемаго, «Передового» театра, къ сожалѣнію, превращались въ глубоко отрицательныя.

Въ самомъ дѣлѣ, пользуясь болѣе раннею готовностью своихъ армій, Германія и Австро-Венгрія могли, съ началомъ войны, поставить на этомъ театрѣ наши не готовыя къ встрѣчѣ войска въ крайне тяжелыя стратегическія условія, особенно при согласованномъ наступленіи изъ Восточной Пруссіи въ направленіи на Бѣлостокъ и изъ Галичины на Брестъ-Литовскъ. Извѣстно, что приблизительно такой комбинированный ударъ нѣмецкихъ и австрійскихъ войскъ, съ цѣлью отрѣзанія нашихъ войскъ, располагавшихся на передовомъ театрѣ, одно время входилъ въ планы нашихъ западныхъ сосѣдей. Опасность подобнаго образа дѣйствія чувствовалась у насъ настолько остро, что въ 1910-мъ году, какъ это было уже мною отмѣчено, состоялось рѣшеніе вывести изъ русской Польши часть нашихъ войскъ, которыя были тамъ расквартированы по дислокаціи мирнаго времени. Въ связи съ этимъ былъ пересмотрѣнъ и вопросъ о нашихъ крѣпостяхъ на средней Вислѣ и Буго-Наревѣ.

Трудность положенія нашихъ войскъ на Передовомъ театрѣ естественно должна была возрастать въ мѣрѣ возрастанія численности тѣхъ силъ, съ коими Германія и Австро-Венгрія могли оперировать противъ насъ. Въ этомъ отношеніи надо было различать два положенія, вытекавшія изъ образа дѣйствій главнаго нашего противника — Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, географическое положеніе Австро-Венгріи дѣлало вполнѣ безспорнымъ направленіе всей, или

почти всей, арміи Двуединой Монархіи противъ Россіи. Что касается Германіи, то, напротивъ, союзъ Россіи съ Франціей ставилъ ее въ очевидную необходимость, въ случаѣ войны съ этими Державами, раздѣлить силы между двумя фронтами. При этомъ, для Германіи, какъ стороны, занимавшей внутреннее положеніе, очевидно представлялись двѣ возможности: направить главныя силы на западъ или востокъ. Чтобы дать себѣ отчетъ въ возможныхъ дѣйствіяхъ нашихъ противниковъ, въ Отдѣлѣ Генералъ-Квартирмейстера Генеральнаго Штаба въ 1913-мъ году была впервые разработана записка, впослѣдствіи освѣженная къ 1-му марта 1914-го года, о силахъ и вѣроятныхъ планахъ нашихъ западныхъ противниковъ. Записка разбирала оба указанные выше случая. Составленіемъ ея преслѣдовались двѣ цѣли: во первыхъ, — объединить въ одномъ трудѣ всѣ данныя, явившіяся результатомъ сбора и тщательнаго изученія свѣдѣній о подготовкѣ къ войнѣ Центральныхъ Державъ, и, во вторыхъ, — попытаться, путемъ извѣстныхъ выводовъ, положить предѣлъ тому разброду мнѣній, который до этого времени существовалъ въ этомъ отношеніи между Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба и штабами нѣкоторыхъ военныхъ округовъ.

Согласно данныхъ этой записки, предполагалось, что Австро-Венгрія изъ своихъ 16-ти корпусовъ, содержавшихся въ мирное время, можетъ въ первую очередь выставить противъ насъ около 12—13 корпусовъ, оставляя 3—4 корпуса на границѣ съ Сербіей, впредь до выясненія обстановки. Развертываніе австро-венгерской арміи рисовалось намъ по тѣмъ документамъ, которые имѣлись въ нашемъ распоряженіи, на фронтѣ Ярославъ-Львовъ-Трембовля, съ главнымъ направленіемъ для наступленія на фронтъ Сѣдлецъ-Брестъ-Кобринъ.

Что касается Германіи, то предполагалось, что, въ случаѣ направленія ея главныхъ силъ на западный фронтъ, противъ насъ въ Восточной Пруссіи можетъ быть оставлено отъ 3 до 6 полевыхъ корпусовъ; если же главный ударъ Германіи въ первую очередь будетъ направленъ противъ насъ, то допускалась возможность предназначенія на нашъ фронтъ до 18-ти перволинейныхъ корпусовъ. Опредѣленныхъ свѣдѣній о характерѣ развертыванія противъ насъ германскихъ силъ не имѣлось; къ выясненію этого вопроса подходили теоретически, путемъ детальнаго изученія желѣзнодорожной сѣти, причемъ предполагалось, что развертываніе германскихъ войскъ произойдетъ примѣрно вдоль желѣзнодорожной магистрали Инстербургъ-Алленштейнъ-Дейчъ-Эйлау.

Разумѣется, оба наши противника могли себя еще значительно усилить путемъ формированій военнаго времени.

Учитывая послѣднее обстоятельство, упомянутая записка, въ конечномъ результатѣ, приходила къ выводу, что противъ насъ можетъ быть выставлено въ начальный періодъ войны: Австро-Венгріей около 650 батальоновъ и Германіей, — въ случаѣ направленія главнаго удара на западъ, отъ 200 до 300 батальоновъ; въ обратномъ же случаѣ — свыше 800 батальоновъ.

Готовность австро-венгерскихъ войскъ къ наступленію опредѣлялась 15-мъ

днемъ мобилизаціи; готовность германскихъ силъ принималась на 9—10 день въ первомъ случаѣ, и на 18-й день — во второмъ.

Въ частности, при оцѣнкѣ въ данной запискѣ вопроса, — какому рѣшенію Германіи слѣдуетъ отдать предпочтеніе въ смыслѣ его большей вѣроятности, указывалось прежде всего на то обстоятельство, что французская армія имѣла значительное превосходство въ срокахъ готовности передъ нашей; поэтому она и должна была расцѣниваться въ Германіи въ качествѣ противника, наиболѣе ей угрожающаго, по крайней мѣрѣ въ первый періодъ войны. Эта угроза должна была пріобрѣсти въ глазахъ нѣмцевъ особое значеніе еще и потому, что западно-пограничные раіоны Германіи являлись наиболѣе промышленными, а значитъ, въ обстановкѣ войны, и наиболѣе важными раіонами всей Имперіи.

Мы теперь, въ качествѣ постороннихъ наблюдателей за жизнью Германіи, болѣе чѣмъ когда либо можемъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что представлялъ для нѣмецкой военной промышленности Рурскій бассейнъ, не только въ смыслѣ добычи угля, но и наличія въ немъ крупнѣйшихъ металлургическихъ заводовъ. Современная же война требуетъ такого неисчислимаго количества предметовъ боевого снабженія, что раіоны ихъ производства становятся въ военное время наиболѣе жизненными центрами государства и потому непріятельское вторженіе въ эти раіоны представляетъ исключительную опасность. — Несомнѣнно, что наилучшимъ способомъ для предупрежденія такой опасности должно было служить собственное вторженіе германской арміи въ предѣлы Франціи, а это послѣднее вызывало необходимость сосредоточенія главныхъ силъ нѣмцевъ на ихъ западномъ фронтѣ. Съ другой стороны, медленность нашей мобилизаціи и сосредоточенія къ границамъ, о каковой медленности къ тому же у нашихъ противниковъ сложилось преувеличенное мнѣніе, — давали основаніе нѣмецкому Генеральному Штабу расчитывать, что, при оставленіи на восточномъ фронтѣ даже ограниченныхъ германскихъ силъ, все же представится возможнымъ сдержать наступленіе нашихъ войскъ быстрымъ вторженіемъ въ наши предѣлы всѣхъ австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ. Изложенныя соображенія, по нашей оцѣнкѣ, совпадавшей, какъ мы видѣли, съ мнѣніемъ французовъ, дѣлали болѣе вѣроятнымъ предположеніе о направленіи Германіей въ первый періодъ войны главныхъ силъ противъ Франціи. Такимъ рѣшеніемъ Германія, вмѣстѣ съ тѣмъ, могла попутно расчитывать затруднить для Англіи оказаніе помощи ея союзницѣ — Франціи, а въ случаѣ рѣшительнаго успѣха, даже привлечь на свою сторону Италію, не окончательно еще порвавшую прежнія связи съ Тройственнымъ Союзомъ. Тщательное наблюденіе за усиленною желѣзнодорожною подготовкою Германіи на ея западномъ фронтѣ и особенно на бельгійской границѣ, совершавшеюся, повидимому, въ цѣляхъ достиженія возможности быстраго сосредоточенія на этомъ фронтѣ значительныхъ силъ, укрѣпляли насъ въ правильности нашихъ теоретическихъ предположеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ косвенныхъ указаній на то, что германцы подготовляютъ широкое наступленіе на западѣ и предполагаютъ ограничиться стратегической обороной на востокѣ, служило и то обстоятельство,

что въ послѣдніе годы передъ войной въ Германіи занимались весьма усиленно вопросомъ объ усовершенствованіи на восточномъ фронтѣ крѣпостей. Значеніе же послѣднихъ гораздо существеннѣе въ обстановкѣ именно оборонительной войны, какъ точекъ опоры для болѣе слабой дѣйствующей арміи.

Однако, вполнѣ очевидно, что всѣ эти соображенія не исключали для Германіи возможности принятія и второй комбинаціи, а именно оборонительнаго образа дѣйствій на западномъ фронтѣ и рѣшительнаго удара на восточномъ. Такой планъ долгіе годы имѣлся въ разработанномъ видѣ въ распоряженіи Германскаго Генеральнаго Штаба, и въ пользу такого образа дѣйствій передъ войной, отъ времени до времени, во враждебномъ намъ союзѣ вновь стали раздаваться отдѣльные голоса изъ числа тѣхъ, кои внимательно слѣдили за прогрессомъ русской арміи.

Разница въ обстановкѣ, въ зависимости отъ того или другого рѣшенія Германіи, была для Россіи столь существенной, что передъ русскимъ Генеральнымъ Штабомъ стояла необходимость имѣть въ разработанномъ видѣ два плана, или вѣрнѣе два варіанта стратегическаго развертыванія нашихъ вооруженныхъ силъ: одинъ — варіантъ «А» — на случай направленія Германіей главныхъ силъ противъ Франціи; другой — варіантъ «Г» — при обратномъ рѣшеніи Германіей даннаго вопроса. Мысль имѣть два варіанта плана впервые появилась въ отдѣлѣ Генералъ-Квартирмейстера и была имъ проведена въ 1912-мъ году. Такъ какъ первое рѣшеніе Германіи, при которомъ предполагалось направить главныя ея силы противъ Франціи, признавалось все же болѣе вѣроятнымъ, то и соотвѣтствующій этому рѣшенію варіантъ нашего стратегическаго развертыванія считался основнымъ; онъ и долженъ былъ выполняться, съ объявленіемъ мобилизаціи и войны, автоматически. Переходъ же къ другому варіанту, отвѣчавшему хотя и менѣе вѣроятному, но болѣе тяжелому для насъ случаю направленія главныхъ силъ всего враждебнаго союза противъ насъ — долженъ былъ совершаться лишь при условіи особаго на то распоряженія.

Въ основу перваго варіанта была положена идея широкаго наступленія, какъ способа дѣйствій, наиболѣе выгоднаго въ психологическомъ отношеніи и дающаго возможность обезпечить собственную территорію отъ вражескаго нашествія. — Этотъ способъ дѣйствій, при разсматриваемой обстановкѣ, являлся, конечно, наиболѣе соотвѣтственнымъ и съ точки зрѣнія общихъ интересовъ союза.

Изъ двухъ противниковъ — Германіи и Австро-Венгріи — главнымъ признавался нами, конечно, первый. — Германія являлась главой и вдохновительницей всего враждебнаго намъ союза; поэтому побѣда надъ нею и должна была въ конечномъ счетѣ считаться главною частью нашей задачи. Но на пути выполненія этой задачи, мы должны были, въ обстановкѣ, которая намъ рисовалась, какъ наиболѣе вѣроятная, предварительно столкнуться со всей австро-венгерской арміей; послѣдняя, въ данныхъ условіяхъ, являлась главной боевой силой на нашемъ фронтѣ, стѣснявшей свободу дѣйствій нашей арміи. Только предварительный разгромъ

австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ обезпечивалъ русской арміи въ будущемъ возможность широкаго и безопаснаго вторженія въ предѣлы Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нанесеніе рѣшительнаго удара въ первую голову Австро-Венгріи должно было оцѣниваться нами какъ актъ глубокаго политическаго значенія для Россіи. Не слѣдуетъ забывать, что уже въ теченіе многихъ лѣтъ Вѣнское правительство являлось зачинщикомъ всякихъ смутъ и виновникомъ ряда униженій, выпадавшихъ на долю родственныхъ намъ Балканскихъ народовъ; независимо того въ составѣ пестрой монархіи Габсбурговъ находилось до 20 милліоновъ славянъ, освобожденіе коихъ изъ подъ чужеземнаго ига всегда являлось исторической задачей Россіи. Такимъ образомъ, вторженіе нашихъ войскъ въ Австро-Венгрію должно было оцѣниваться какъ освободительное со стороны Россіи усиліе и этимъ своимъ характеромъ популяризировать самую идею войны, какъ у насъ на родинѣ, такъ и за рубежомъ, среди всѣхъ славянскихъ племенъ. Военный успѣхъ надъ Двуединой Монархіей несомнѣнно могъ привести къ полному распаду таковой, къ ея выходу изъ войны и освобожденію отъ нѣмецкаго ига славянъ. Наконецъ, при сложившейся обстановкѣ, дѣйствіями противъ Австріи мы могли разсчитывать значительно облегчить военное положеніе Сербіи, поднять авторитетъ Державъ Согласія на Балканахъ и возбудить тяготѣніе къ нимъ Италіи и Румыніи.

Изложенныя соображенія и были причиной того, что въ основу варіанта А, предусматривавшаго стратегическое развертываніе русской арміи, въ случаѣ направленія Германіей главныхъ силъ на западъ, легла идея нанесенія рѣшительнаго удара Австро-Венгріи. Отсюда и самое названіе, присвоенное этому развертыванію — варіантъ «А» — (Австрія).

Но, подготовляя этотъ ударъ, мы не могли забывать о той грозной обстановкѣ, которая должна была сложиться, при данныхъ условіяхъ, для нашей союзницы Франціи, долженствовавшей принять на себя въ первую очередь главный ударъ нѣмцевъ. Мы должны были помнить о нашей обязанности помочь ей самымъ рѣшительнымъ образомъ. Въ равной мѣрѣ мы должны были озаботиться также самымъ дѣйствительнымъ обезпеченіемъ со стороны Германіи и нашего собственнаго маневра противъ австро-венгерскихъ войскъ. Обѣ эти задачи, одинаково важныя, наилучшимъ образомъ разрѣшались собственнымъ нашимъ вторженіемъ въ предѣлы Восточной Пруссіи, которая служила естественнымъ плацдармомъ для сбора германскихъ войскъ, оставляемыхъ противъ насъ, и нанесеніемъ этимъ войскамъ рѣшительнаго пораженія. Естественнымъ послѣдствіемъ такого образа дѣйствій должно было быть овладѣніе нами Восточной Пруссіей и выходъ нашихъ войскъ къ нижнему теченію р. Вислы. Съ занятіемъ же такого положенія, не только сокращалось общее протяженіе нашего стратегическаго фронта, болѣе чѣмъ на 300 верстъ, но и упрочивалось положеніе нашего праваго фланга, слишкомъ отнесеннаго назадъ по условіямъ начертанія нашей пограничной линіи. Самое же главное, что, съ выходомъ къ нижней Вислѣ, позволявшимъ соотвѣтственно выдвинуть наши войска на среднемъ теченіи той же рѣки, и съ разгромомъ австрійской арміи на лѣ-

вомъ флангѣ нашего общаго стратегическаго фронта, — для русской арміи создавалось исключительно выгодное исходное положеніе, которое обезпечивало ей возможность дальнѣйшаго развитія операцій вглубь Германіи, и притомъ въ крайне опасныхъ для послѣдней направленіяхъ. Передъ нашими войсками открывались пути не только въ Познанскую провинцію, родственную намъ по населенію, но и въ промышленную Силезію, потеря которой во время войны для Германіи должна была явиться очень тяжелымъ ударомъ; далѣе же — лежали ближайшіе пути къ Берлину, въ направленіи котораго, не считаясь съ первоначальной обстановкой, насъ такъ упорно и настойчиво приглашалъ наступать бывшій начальникъ Генеральнаго Штаба и Главнокомандующій французской арміей Генералъ Жоффръ. При этомъ наступленіи лѣвый флангъ нашего стратегическаго фронта могъ бы найти себѣ опору въ родственныхъ намъ Чехіи и Словакіи. Правда, фронтальное овладѣніе германскимъ участкомъ р. Вислы не могло, конечно, входить въ наши предварительные расчеты. Этотъ участокъ представлялъ изъ себя довольно сильную оборонительную линію протяженіемъ свыше 200 верстъ, съ рядомъ заблаговременно укрѣпленныхъ пунктовъ, для взятія которыхъ съ фронта у насъ не было достаточно мощной подвижной тяжелой артиллеріи. Но, съ другой стороны, нижнее теченіе Вислы легко обходилось вполнѣ доступнымъ форсированіемъ той же рѣки въ нашихъ предѣлахъ; большинство же германскихъ укрѣпленій на Вислѣ имѣло не достаточно обезпеченный тылъ.

Основную мысль движенія на Берлинъ Русское Верховное Главнокомандованіе преслѣдовало въ теченіе всего перваго періода войны. Но, конечно, эту мысль надо понимать не въ прямомъ, а въ переносномъ ея значеніи. Всякому читателю, знакомому съ вопросомъ о постановкѣ цѣлей войны, должно быть ясно, что конечной задачей всякой вооруженной борьбы не можетъ быть занятіе какого-либо географическаго раіона или пункта, хотя бы и столицы государства. Примѣръ Москвы въ 1812-мъ году служитъ тому лучшимъ доказательствомъ. Можно указать и на болѣе близкіе, по времени, примѣры — занятіе нашими противниками въ 1914-мъ году Брюсселя и Бѣлграда, каковые факты вызвали лишь новый приливъ рѣшимости со стороны нашихъ союзниковъ — Бельгіи и Сербіи — вести войну до конца. Чтобы побѣда стала безспорной, необходимо уничтоженіе сопротивляемости врага, которая характеризируется состояніемъ его вооруженныхъ силъ, экономики и больше всего обще-народной психики. Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, смертельное раненіе непріятеля достигается скорѣе всего перенесеніемъ войны вглубь его собственной страны и нанесеніемъ на этой территоріи разрушительныхъ ударовъ по непріятельской живой силѣ и источникамъ ея питанія. Такъ какъ въ данномъ случаѣ Германія являлась главой и вдохновительницей враждебнаго намъ союза, то конечныя усилія наши и должны были быть направлены противъ нея, тѣмъ болѣе, что черезъ ея территорію лежалъ кратчайшій путь нашего соединенія съ западными союзниками. Всѣ препятствія, встрѣчавшіяся на пути, должны были разсматриваться нами лишь какъ побочныя обстоятельства, подлежавшія устраненію въ

цѣляхъ достиженія главной задачи — задачи уничтоженія военной мощи Германіи.

Читатель вѣроятно припомнитъ, что мобилизація нашей арміи пришлась въ періодъ работъ по переходу отъ дѣйствовавшаго «мобилизаціоннаго расписанія № 18 измѣненнаго» къ новому расписанію. По установившемуся у насъ порядку, къ введенію каждаго новаго мобилизаціоннаго расписанія былъ пріурочиваемъ и переходъ къ заново пересмотрѣнному плану стратегическаго развертыванія нашихъ вооруженныхъ силъ, который былъ связываемъ съ соотвѣтствовавшимъ ему мобилизаціоннымъ расписаніемъ и общимъ планомъ желѣзнодорожныхъ перевозокъ. Поэтому, приступая къ выполненію мобилизаціи нашей арміи по старому расписанію, пришлось считать основнымъ и подлежавшій въ скоромъ времени замѣнѣ планъ стратегическаго развертыванія, съ введеніемъ въ него, конечно, тѣхъ измѣненій изъ новаго плана, которыя оказалось возможнымъ осуществить безъ коренной ломики. Это все же значительно осложняло дѣло, требуя внесенія въ составъ армій и въ желѣзнодорожныя перевозки ряда измѣненій противъ первоначальныхъ предложеній. Для упрощенія, при дальнѣйшемъ изложеніи порядка нашего стратегическаго развертыванія, я придержусь лишь той его формы, въ которую это развертываніе вылилось въ дѣйствительности.

Итакъ, по основному варіанту А, который, какъ всякій планъ стратегическаго развертыванія, не шелъ далѣе постановки первыхъ боевыхъ задачъ, главный ударъ русскихъ вооруженныхъ силъ намѣчался въ первую очередь противъ австро-венгерской арміи. Естественнымъ раіономъ сосредоточенія этой арміи противъ насъ являлась Галичина, въ которой австрійскій генеральный штабъ, какъ мы уже видѣли, могъ развернуть, по нашимъ предварительнымъ подсчетамъ, 12—13 полевыхъ корпусовъ, оставляя остальные 3—4 корпуса противъ Сербіи. Очевидно, что для успѣха нашего удара противъ австро-венгерской арміи являлась необходимость назначить максимумъ силъ. Такъ рѣшила бы вопросъ свободная стратегія. Однако, русскій Генеральный Штабъ, какъ мы уже видѣли, въ рѣшеніи этого исключительно важнаго вопроса не могъ считать себя свободнымъ; онъ долженъ былъ внимательно сообразовать свои рѣшенія съ общими задачами союза и тѣми обязательствами, кои были приняты на себя Россіей по отношенію къ Франціи.

Какъ мы знаемъ, Франція, при направленіи противъ нея главныхъ силъ Германіи, вводила въ свои расчеты быстрое вторженіе русскихъ силъ на территорію послѣдней. Мы видѣли также, что, по нашимъ расчетамъ, Германія, развивая главныя усилія противъ Франціи, все же могла оставить противъ насъ отъ 3 до 6 полевыхъ корпусовъ, въ особенности, въ случаѣ одновременнаго выступленія на сторонѣ Тройственнаго Союза Италіи, которая могла замѣнить для этой цѣли часть германскихъ корпусовъ въ Эльзасѣ. Корпуса, выставленные Германіей противъ насъ, могли быть еще значительно усилены добавленіемъ къ нимъ резервныхъ и ландверныхъ формированій. Припомнимъ также, что на совѣщаніяхъ, происходившихъ до войны, наши союзники высказывались

за желательность нашего вступленія въ Германію съ такими силами, при которыхъ мы могли бы имѣть шансы на успѣхъ противъ 5—6 германскихъ корпусовъ, усиленныхъ, конечно, формированіями военнаго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ надлежало еще учитывать, что германскія войска, по сравненію съ нашими, были значительно богаче снабжены артиллеріей, превосходившей нашу не только числомъ орудій, но и наличіемъ тяжелой артиллеріи, которой у насъ почти не было. Въ то время, когда мы имѣли на корпусъ всего 12—14 легкихъ и двѣ мортирныя (гаубичныя) батареи, а всего 108—124 орудія, германскій корпусъ былъ обезпеченъ 21 легкой, 3 гаубичными и 4 тяжелыми батареями, что составляло 160 орудій. Наконецъ нельзя было упускать изъ виду и того обстоятельства, что весь восточно-германскій фронтъ, особенно же раіонъ Восточной Пруссіи, былъ тщательно подготовленъ въ желѣзнодорожномъ отношеніи, благодаря чему высокая сама по себѣ маневренная способность германскихъ войскъ должна была найти для себя чрезвычайно благопріятныя условія. — Всѣ эти обстоятельства, въ общей совокупности, требовали, чтобы на германскомъ фронтѣ для нашего наступленія были собраны вполнѣ достаточныя силы, которыя и были опредѣлены въ 9 полевыхъ корпусовъ.

Наряду съ вопросомъ о назначеніи достаточныхъ силъ для нашихъ наступательныхъ дѣйствій противъ Германіи, на рѣшенія нашего Генеральнаго Штаба давило соображеніе о необходимости, по крайней мѣрѣ въ начальный періодъ войны, обезпеченія раіона Финляндіи и Петербурга отъ возможныхъ угрозъ со стороны Швеціи и германскаго дессанта, который считался не невозможнымъ. Полагалось необходимымъ оставленіе въ раіонѣ Петербурга не менѣе двухъ корпусовъ и, сверхъ того, условно — гвардейскаго корпуса, пока на смѣну ему не будутъ готовы второочередныя дивизіи. Затѣмъ гвардейскій корпусъ предполагалось направить на западный фронтъ (предпочтительно въ составъ 1-ой арміи).

Всѣ эти соображенія и требованія должны были служить исходными данными для опредѣленія тѣхъ силъ, кои могли быть назначены въ первую очередь для нашего вторженія въ предѣлы Австро-Венгріи.

Въ конечномъ итогѣ оказывалось, что изъ 28-ми полевыхъ корпусовъ, которые могли быть развернуты Россіей на западныхъ границахъ въ теченіе перваго мѣсяца войны, противъ Австро-Венгріи представлялось возможнымъ развернуть въ первую очередь лишь 16 полевыхъ корпусовъ. Для усиленія ихъ пришлось допустить въ намѣчавшемся наступленіи участіе также нѣкотораго числа второочередныхъ дивизій, въ качествѣ третьихъ дивизій въ корпусахъ, хотя таковыя дивизіи и не признавались достаточно подготовленными для немедленнаго боевого ихъ использованія.

Ограничивающія условія, которыя приходилось имѣть въ виду русскому Генеральному Штабу при разработкѣ разсматриваемаго варіанта стратегическаго развертыванія, на этомъ, однако, не заканчивались. Вслѣдствіе крайней быстроты, съ коей ожидалось развертываніе событій на французско-германскомъ фронтѣ, а также короткаго мобилизаціонаго срока германскихъ войскъ

на нашихъ границахъ, приходилось принимать максимальныя усилія къ тому, чтобы, въ интересахъ оказанія скорѣйшей помощи нашимъ союзникамъ и собственной безопасности, ускорить нашу готовность противъ Германіи, хотя бы въ ущербъ готовности нашихъ армій на австро-венгерскомъ фронтѣ. Поэтому на фронтъ противъ Германіи считалось необходимымъ намѣтить корпуса съ болѣе быстрою готовностью.

Обстановка, въ предвидѣніи которой былъ разработанъ варіантъ А нашего плана, была все же такова, что позволяла использовать, хотя и не въ полной мѣрѣ, выгоды нашего Передового театра. Послѣднія заключались въ возможности занятія нами охватывающаго положенія не только по отношенію австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ въ Галичинѣ, но и германскихъ войскъ, предполагая ихъ сосредоточеніе въ Восточной Пруссіи, примѣрно на меридіанѣ Мазурскихъ озеръ. Конечно, на сторонѣ нашихъ противниковъ, и особенно Германіи, все же и въ этомъ случаѣ оставались выгоды болѣе ранняго изготовленія, но благопріятствующими для насъ факторами, позволявшими принять болѣе смѣлое рѣшеніе въ данной обстановкѣ, являлись: во-первыхъ, направленіе главныхъ силъ Германіи противъ Франціи, съ вѣроятнымъ оставленіемъ противъ насъ относительно не очень крупнаго заслона, и во-вторыхъ, принятое нами рѣшеніе объ образованіи достаточно сильнаго фронта противъ той же Германіи, составленнаго къ тому же изъ войскъ съ ускоренною готовностью. При такихъ условіяхъ имѣлись всѣ основанія расчитывать не только на прочное удержаніе важнаго для нашего на передовомъ театрѣ Гродно-Бѣлостокскаго раіона, черезъ который проходили всѣ главнѣйшіе пути связи съ Имперіею, но и на развитіе нашей наступательной операціи въ Восточную Пруссію, съ обходомъ Мазурскихъ озеръ съ запада. Что же касается опасности вторженія въ предѣлы Передового театра австро-венгерскихъ войскъ въ первыя недѣли войны, то таковое, какъ мы увидимъ дальше, имѣлось въ виду парализовать прежде всего энергическимъ наступленіемъ со стороны Кіевскаго фронта, а затѣмъ созданіемъ особо-устойчивой опорной группы войскъ на наиболѣе опасныхъ для насъ направленіяхъ на Брестъ-Литовскъ.

Въ соотвѣтствіи со всѣми изложенными выше соображеніями, варіантъ А вылился, при выполненіи, въ слѣдующія конкретныя формы:

Всѣ войска, назначенныя для развитія наступательныхъ дѣйствій противъ Австро-Венгріи, какъ имѣвшія общую цѣль и предназначенныя для дѣйствій въ одномъ оперативномъ раіонѣ, должны были войти въ составъ «Юго-Западнаго фронта» (Генералъ Ивановъ) и развернуться въ двухъ группахъ: двѣ арміи (4-ая и 5-ая), въ составѣ семи полевыхъ корпусовъ, — на южномъ участкѣ Передового театра и двѣ другія арміи (3-ья и 8-ая), въ составѣ девяти полевыхъ корпусовъ, — на Кіевскомъ участкѣ общаго фронта.

Цѣлью дѣйствій армій Юго-Западнаго фронта ставилось пораженіе австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ, развертывавшихся въ Галичинѣ, имѣя въ виду воспрепятствовать отходу значительныхъ силъ противника на югъ за р. Днѣстръ и на западъ къ Кракову. Въ результатѣ пораженія австро-венгерскихъ

войскъ должно было явиться овладѣніе Галичиной и горными перевалами, ведущими въ Венгерскую равнину.

Главный ударъ возлагался на 3-ью и 8-ую арміи, развертывавшіяся на Кіевскомъ участкѣ Юго-Западнаго фронта. Поэтому на составъ и болѣе раннюю готовность этихъ армій было обращено особое вниманіе. — На 5-ую армію возлагалась дополнительная задача удержанія Брестъ-Кобринскаго раіона при всякой обстановкѣ.

Болѣе подробно составъ и развертываніе армій Ю. З. фронта представляется въ слѣдующемъ видѣ:

4-ая армія (генералъ Баронъ Зальца) — въ раіонѣ Люблина, между Вислой и Вепржемъ, въ составѣ XIV, XVI и Грен. корпусовъ, трехъ второочередныхъ дивизій и 4½ кон. дивизій (всего 9 пѣх. див., 1 стр. бриг., 4½ кон. див.).

5-ая армія (генералъ Плеве) — въ раіонѣ Холмъ-Ковель, по обоимъ берегамъ р. Зап. Буга, въ составѣ V, XVII, XIX и XXV корпусовъ, пяти второочередныхъ дивизій и 5 кон. дивизій (всего 13 пѣх. и 5 кон. дивизій).

3-ья армія (генералъ Рузскій) — на фронтѣ Луцкъ-Дубно-Ляховцы, между р. р. Стырь и Горынь, въ составѣ IX, X, XI, XXI и III Кавказскаго корпусовъ, четырехъ второочередныхъ дивизій и 4 конныхъ дивизій (всего 14 пѣх. и 4 кав. дивизій).

8-ая армія (генералъ Брусиловъ) — на фронтѣ Николаевъ-Черный Островъ-Дунаевцы, въ составѣ VII, VIII, XII и XXIV корпусовъ, одной второочередной дивизіи и 5 конныхъ дивизій (всего 9 пѣх. див., 2 стр. бригады и 5 кон. див.).

Раіоны развертыванія двухъ послѣднихъ армій предопредѣлялись направленіемъ двухъ желѣзнодорожныхъ магистралей, ведшихъ въ предѣлы Восточной Галичины и способствовавшихъ нашему наступленію.

Итого на Юго-Западномъ (Ю.-З.) фронтѣ подлежало развертыванію, примѣрно на фронтѣ до 500 верстъ: 16 полев. корпусовъ, 13 второочередныхъ дивизій и 18½ конныхъ дивизій, не входившихъ въ составъ корпусовъ, или 45 пѣх. дивизій, 3 стр. бригады и 18½ конныхъ дивизій (всего 744 бат. пѣх. и 444 эск. и сотенъ, безъ пограничной стражи и корпусной конницы).

Противъ Германіи должны были развернуться двѣ арміи въ составѣ 9 полевыхъ корпусовъ, объединявшіяся въ рукахъ Главнокомандующаго «Сѣверо-Западнымъ фронтомъ» (Генералъ Жилинскій); изъ нихъ 1-ая армія (генералъ Ренненкампфъ), изъ четырехъ полевыхъ корпусовъ — I, III, IV, XX, семи второочередныхъ дивизій и 5½ кон. дивизій (всего 15 пѣх. див., 1 стр. бриг. и 5½ кон. див.), — въ раіонѣ къ западу отъ средняго теченія р. Нѣмана, и II-ая армія (генералъ Самсоновъ), изъ пяти полевыхъ корпусовъ — II, VI, XIII, XV, XXIII, четырехъ второочередныхъ дивизій и 4 кон. дивизій, (всего 14 пѣх. див., 1 стр. бриг. и 4 конныхъ дивизіи), — на Бобръ-Наревскомъ участкѣ упомянутаго фронта въ раіонѣ Гродна-Ломжа-Бѣлостокъ.

Итого, на Сѣверо-Западномъ (С.-З.) фронтѣ подлежало развертыванію примѣрно на фронтѣ до 250 верстъ: 9 полевыхъ корпусовъ, 11 второочередныхъ дивизій и 9½ конныхъ дивизій, не входившихъ въ составъ корпусовъ, или 29

пѣх. дивизій, 2 стрѣлк. бригады и 9½ кон. дивизій (всего 480 бат. пѣх., изъ коихъ 176 бат. второочередныхъ, 220 эск. и сотенъ, — безъ пограничной стражи и корпусной конницы).

Дополнительное включеніе столь большого числа второочередныхъ дивизій въ составъ армій С.-З. фронта объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ раіонѣ этихъ армій находилось большинство нашихъ пограничныхъ крѣпостей, нуждавшихся въ снабженіи ихъ довольно значительными гарнизонами. Въ составъ же 1-ой арміи входили кромѣ того три второочередныя дивизіи Риго-Шавельскаго раіона, долженствовавшія прикрывать важное направленіе Тильзитъ-Рига-Псковъ и являвшіяся уступомъ за правымъ флангомъ всего нашего стратегическаго фронта. Дивизіи эти намѣчено было соединить въ особый корпусъ (XXVI), подлежавшій сформированію съ открытіемъ военныхъ дѣйствій.

Всѣ второочередныя части не предназначались для непосредственнаго участія въ наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Германіи, по крайней мѣрѣ въ начальный періодъ войны.

Обѣ арміи С.-З. фронта имѣли общую задачу — разбить германскія войска, сосредоточенныя въ Восточной Пруссіи, и, овладѣвъ послѣдней, выйти къ нижнему теченію р. Вислы. Въ соотвѣтствіи съ этой задачей, 1-ая армія должна была готовиться къ наступленію въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера, а 2-ая армія, — оставляя полосу названныхъ озеръ, — къ востоку. Такъ какъ 2-ая армія своимъ расположеніемъ на Бобръ-Наревскомъ участкѣ являлась прикрытіемъ тыла 4-ой и 5-ой армій, то ей, для выполненія этой задачи, было дано дополнительное указаніе — удерживать раіонъ Гродна-Бѣлостокъ при всякой обстановкѣ.

Въ составъ вышеперечисленной шестой арміи вошли сверхъ того пѣшія и конныя части пограничной стражи, остававшіяся на границѣ для охраны таковой.

Имѣвшіяся тяжелыя артиллерійскія бригады были приданы къ 1—5 арміямъ, по одной на армію; готовность ихъ, однако, запаздывала по сравненію съ полевыми войсками.

Что касается сроковъ готовности всѣхъ этихъ армій, то они опредѣлялись слѣдующими днями мобилизаціи: полевыя войска С.-З. фронта, за исключеніемъ половины XIII корпуса и двухъ полковъ XX-го корпуса, заканчивали свое сосредоточеніе къ вечеру 12-го дня мобилизаціи; на Ю.-З. же фронтѣ — 3-ья и 8-ая арміи заканчивали свое сосредоточеніе (безъ III Кавк. корпуса и значительной части XXIV-го корпуса) къ 19-му дню мобилизаціи, а 4-ая и 5-ая арміи — къ 24-му дню. Тыловыя корпусныя и армейскія учрежденія подтягивались полностью позднѣе.

Слабость нашего Балтійскаго флота и незаконченность морской укрѣпленной позиціи Ревель-Поркалаудъ, долженствовавшей, совмѣстно съ флотомъ, преграждать непріятельскимъ морскимъ силамъ доступъ въ Финскій заливъ, дѣлали наше положеніе на ближайшихъ подступахъ къ столицѣ Имперіи и въ

Финляндіи крайне непрочнымъ, особенно въ виду неяснаго политическаго положенія, занятаго передъ войной Швеціей. Ввиду этого, какъ мною было уже отмѣчено выше, впредь до выясненія обстановки, намѣчалось оставленіе въ Финляндіи и въ раіонѣ Петербурга на первое время трехъ полевыхъ корпусовъ, образовавшихъ 6-ую армію, не входившую въ составъ фронта и непосредственно подчинявшуюся Верховному Главнокомандующему. Во главѣ этой арміи долженъ былъ стоять Великій Князь Николай Николаевичъ, который въ мирное время занималъ должность Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. Однако, съ фактическимъ объявленіемъ войны, Великій Князь, какъ объ этомъ будетъ сказано впослѣдствіи, былъ призванъ на высокій и отвѣтственный постъ Верховнаго Главнокомандующаго всѣми вооруженными силами Имперіи, вошедшими въ Дѣйствующую Армію.

По выясненіи обстановки и сформированіи второочередныхъ дивизій, которыя могли замѣнить полевыя части, всѣ три полевыхъ корпуса 6-ой арміи намѣчались къ постепенной перевозкѣ на западный фронтъ, что въ дѣйствительности и было выполнено. Такимъ образомъ упомянутые три корпуса, по существу, являлись резервомъ въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго.

Полный составъ 6-ой арміи въ началѣ войны (генералъ фанъ-деръ-Флитъ) — Гвард., XVIII и XXII корпуса; 50-ая пѣх. дивизія; три второочередныхъ дивизіи и 1½ кон. дивизіи (всего 8 пѣх. дивизій, 5 стр. бриг. и 1½ кон. дивизіи).

Наконецъ, на южныхъ границахъ Европейской Россіи, прилегающихъ къ Румыніи и Черноморскому побережью, ввиду невыяснившейся позиціи Румыніи и Турціи, предусматривалось формированіе, съ обсерваціонными цѣлями, 7-ой арміи (генералъ Никитинъ), также непосредственно подчинявшейся Верховному Главнокомандующему и составленной изъ четырехъ второочередныхъ дивизій и 1½ кон. дивизій.

Всего Россія въ первую очередь могла выставить на западномъ фронтѣ: 28 полевыхъ корпусовъ, 1 первоочередную и 31 второочередную пѣх. дивизію и 31 конную дивизію, не входившихъ въ составъ корпусовъ, или 86 пѣх. дивизій, 10 стрѣлковыхъ бригадъ и 31 кон. дивизію (всего 1456 бат. 736 эск. и сотенъ и около 6.000 орудій, безъ пограничной стражи и корпусной конницы).

Если выдѣлить изъ этихъ силъ войска, которыя на первое время признавалось необходимымъ оставить въ раіонѣ Петербурга, въ Финляндіи и на южныхъ границахъ, примыкавшихъ къ Черному морю, то окажется, что для наступательныхъ цѣлей на С.-З. и Ю.-З. фронтахъ намѣчалось сосредоточеніе съ началомъ войны: 25 полевыхъ корпусовъ, 24 второочередныхъ пѣх. дивизіи и 28 конныхъ дивизій, не входившихъ въ составъ корпусовъ, или 74 пѣх. дивизіи, 5 стрѣлков. бригадъ и 28 кон. дивизій (всего 1224 бат., 664 эск. и сотенъ и свыше 5000 орудій).

Мы уже видѣли, что, согласно нашихъ подсчетовъ мирнаго времени, при направленіи главныхъ силъ Германіи на западный фронтъ, противъ насъ слѣ-

довало ожидать развертыванія отъ 15 до 19 непріятельскихъ корпусовъ, общею численностью 850—950 батальоновъ. Такимъ образомъ мы расчитывали въ этомъ случаѣ имѣть надъ нашими противниками въ началѣ войны довольно значительный перевѣсъ въ силахъ (свыше 20%). Что касается сроковъ готовности, то въ этомъ вопросѣ дѣло обстояло далеко не столь благополучно. По нашимъ расчетамъ противники въ разбираемомъ случаѣ, т. е. при направленіи главныхъ силъ Германіи противъ Франціи, заканчивали свое сосредоточеніе полностью къ 15-му дню мобилизаціи; мы же къ этому времени могли считать подвезенными къ театру военныхъ дѣйствій лишь около половины всѣхъ силъ; полный же сборъ нашихъ войскъ могъ закончиться лишь къ концу 4-ой недѣли мобилизаціи.

Постепенно, по мѣрѣ формированія ополченскихъ частей, изъ состава 6-ой и 7-ой армій были переброшены на театръ военныхъ дѣйствій не только всѣ полевыя, но и второочередныя части.

Въ такомъ видѣ намѣчалось выполненіе развертыванія русской арміи на западныхъ границахъ, при условіи направленія главныхъ силъ Германіи противъ Франціи.

Изъ состава всѣхъ тѣхъ силъ, кои могли быть развернуты въ западно-пограничныхъ раіонахъ въ первую очередь, нѣсколько болѣе половины было предназначено для наступленія противъ Австріи; около трети — для развертыванія противъ Германіи и вторженія въ предѣлы Восточной Пруссіи и около шестой части — для обезпеченія столицы Имперіи и второстепенныхъ раіоновъ, вошедшихъ въ театръ военныхъ дѣйствій.

При такомъ распредѣленіи войскъ мы, однако, обзпечивали за собою лишь относительное превосходство въ силахъ (около 100 бат.) надъ австро-венгерской арміей, противъ которой намѣчался главный ударъ. Составителямъ плана, конечно, не могла не быть ясной эта его слабая сторона. Но другого выхода имъ не представлялось. Можно было, конечно, сожалѣть, что Россія, войдя въ союзныя отношенія съ Франціей, оказалась вынужденной ограничить извѣстными условіями свободу распоряженія собственными вооруженными силами, но нельзя было разсматривать запротоколенныя соглашенія съ нашей союзницей, какъ пресловутый «клочокъ бумаги». Союзъ обязывалъ, и каждая сторона, вступившая въ соглашеніе, уважая себя, должна была найти въ себѣ волю для подчиненія собственныхъ намѣреній и выгодъ общимъ заданіямъ. Всякій, бывавшій на войнѣ, хорошо знаетъ, какъ пагубно отражается на общемъ замыслѣ участіе въ немъ ненадежныхъ партнеровъ или сосѣдей. Россія не могла допустить, чтобы, въ результатѣ ея отступленія отъ принятыхъ на себя обязательствъ, могла сложится на фронтѣ ея западныхъ союзниковъ обстановка, болѣе тяжелая, чѣмъ та, которая предусматривалась заранѣе. Ограничивая свои силы, собираемыя для удара противъ Австро-Венгріи, Россія имѣла къ тому-же основанія расчитывать восполнить недостаточную числительность своихъ войскъ ихъ доблестью и превосходствомъ надъ противникомъ, а также довольно значительнымъ перевѣсомъ въ численности конницы и полевой ар-

тиллеріи. Кромѣ того, въ составѣ армій Ю.-З. фронта процентное отношеніе полевыхъ войскъ къ второочереднымъ было значительно болѣе выгоднымъ, чѣмъ въ арміяхъ С.-З. фронта.

Наконецъ, надо имѣть ввиду, что въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго оставались, въ видѣ резерва, еще три полевыхъ корпуса 6-ой арміи, которые могли быть использованы въ зависимости отъ обстановки. Послѣ состоявшагося въ первый же періодъ войны направленія двухъ корпусовъ этой арміи *) въ составъ Ю.-З. фронта, послѣдній возросъ до 18 полевыхъ корпусовъ, что дало уже замѣтный численный перевѣсъ въ нашихъ силахъ надъ австрійцами.

Мы имѣли значительный, въ общемъ болѣе чѣмъ двойной, перевѣсъ въ конницѣ надъ нашими западными противниками. Отсюда могла родиться мысль о цѣлесообразности массоваго набѣга этой конницы на непріятельскую территорію съ началомъ открытія военныхъ дѣйствій. Теоретически можно было даже намѣтить крайне выгодныя направленія для такого набѣга, напримѣръ — отъ средней Вислы, по лѣвому берегу, вглубь Германіи. Но осуществленію этой операціи — хотя и заманчивой, но очень трудной, въ условіяхъ культурной непріятельской страны, — мѣшали многія обстоятельства. Такая операція требуетъ прежде всего внезапности. Между тѣмъ инціатива объявленія войны, а значитъ, и открытія военныхъ дѣйствій, вслѣдствіе миролюбивой политики Россіи, едва ли когда либо могла принадлежать намъ; наши противники, такимъ образомъ, всегда могли имѣть въ своемъ распоряженіи время, необходимое для осуществленія тѣхъ мѣропріятій по прикрытію пограничныхъ раіоновъ, которыя были ими заблаговременно, и притомъ крайне тщательно и цѣлесообразно, разработаны.

Съ другой стороны, наша конница, сверхъ тѣхъ заданій, которыя обычно возлагаются на этотъ родъ оружія въ первоначальный періодъ развертыванія войскъ, должна была нести еще спеціальныя задачи по наблюденію и прикрытію тѣхъ направленій, кои не могли войти въ раіоны непосредственнаго развертыванія армій, и безъ того раскинувшихся въ пограничной полосѣ, по мѣстнымъ условіямъ, на слишкомъ широкомъ фронтѣ во много сотенъ верстъ; ко всему тому, несмотря на доблесть и порывъ нашихъ конныхъ частей, съ коими онѣ прибыли на границу, части эти были крайне мало подготовлены, и еще менѣе технически снабжены, для самостоятельной и продолжительной работы въ непріятельской странѣ, въ обстановкѣ современной войны. При такихъ условіяхъ и наличіи у непріятеля воздушныхъ средствъ развѣдки, велосипедныхъ и мотоциклетныхъ командъ, броневыхъ машинъ, широкой телеграфной и телефонной сѣти, — трудно было расчитывать на успѣхъ какого-либо глубокаго рейда. Вѣрнѣе думать, что этотъ послѣдній лишь въ конецъ измоталъ бы силы нашей конницы и надолго вывелъ бы ее изъ строя. Примѣръ работы нашей конницы въ Восточной Пруссіи, о которой рѣчь будетъ впереди,

[1]) XXII корпусъ въ это время еще не могъ быть выведенъ изъ Финляндіи.

— яркое тому доказательство. Наконецъ, для успѣха такой отвѣтственной и сложной операціи, нужны исключительные кавалерійскіе начальники, которыхъ, къ сожалѣнію, наша конница, въ условіяхъ мирной жизни, не сумѣла выдвинуть.

Выше было отмѣчено, что напряженіе, которое имѣла въ виду проявить Россія при борьбѣ на западномъ фронтѣ, не исчерпывалось тѣми силами, которыя были включены въ основное боевое расписаніе. Предполагалось привлечь еще войска изъ отдаленныхъ округовъ, въ которыхъ оставались, хотя мобилизованные, но не получившіе окончательнаго назначенія 9 корпусовъ и 4 второочередныхъ дивизіи. Изъ числа этихъ войскъ считалось необходимымъ оставить на мѣстахъ, до полнаго выясненія политической обстановки, всѣ второочередныя дивизіи и, сверхъ того, два корпуса на Дальнемъ Востокѣ и по одному корпусу въ Закавказьи и Туркестанѣ. Такимъ образомъ, въ первую очередь были предназначены для отправки на западный театръ военныхъ дѣйствій: изъ Сибири — III, II и I Сибирскіе корпуса, съ Кавказа — II Кавказскій корпусъ и изъ Туркестана — I Туркестанскій корпусъ, изъ двухъ стрѣлковыхъ бригадъ, со включеніемъ въ него также 11-й Сибирской стрѣлк. дивизіи изъ Омска.

Хотя мы и предвидѣли вѣроятность войны съ Турціей на Кавказскомъ фронтѣ, но это не остановило нашей рѣшимости притянуть на главный западный театръ все, что можно, ограничиваясь оставленіемъ на Кавказѣ и въ смежномъ съ нимъ Туркестанѣ минимальнаго количества войскъ. — Присоединеніе Японіи къ Державамъ Согласія позволило намъ впослѣдствіи взять изъ Сибири всѣ остальные корпуса и второочередныя дивизіи и даже перебросить на театръ военныхъ дѣйствій войска Заамурскаго округа пограничной стражи, переформированныя въ особый корпусъ. И такимъ образомъ не менѣе пяти и до восьми корпусовъ, считая заамурцевъ, должны были дополнительно прибыть на западный фронтъ, гдѣ эти силы могли быть использованы въ соотвѣтствіи съ той обстановкой, которая сложится ко времени ихъ прибытія. Это обстоятельство давало русскому Верховному Главнокомандующему право вести первыя боевыя операціи съ болѣе широкимъ и смѣлымъ размахомъ.

При предназначеніяхъ на высшія командныя должности военнаго времени и установленіи порядка формированія штабовъ фронтовъ и армій были приняты всѣ мѣры, чтобы обезпечить надлежащій подборъ лицъ. Главнокомандующимъ арміями Сѣверо-Западнаго фронта былъ предназначенъ генералъ Жилинскій, занимавшій почти три года должность Начальника Генеральнаго Штаба и перешедшій затѣмъ на должность Командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа; должность Начальника Штаба этого фронта долженъ былъ принять генералъ Ораповскій, занимавшій въ мирное время должность Начальника Штаба Варшавскаго округа, спеціализировавшагося на преимущественномъ изученіи германскаго фронта. На должность Главнокомандующаго арміями Юго-Западнаго фронта былъ предназначенъ генералъ Ивановъ, переходившій

съ мобилизаціей на этотъ постъ съ поста Командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа; Начальникомъ штаба этого фронта долженъ былъ быть генералъ Алексѣевъ, стоявшій нѣсколько лѣтъ во главѣ Штаба Кіевскаго военнаго округа; въ этомъ же штабѣ было сосредоточено детальное изученіе въ военномъ отношеніи Австро-Венгерской монархіи. Въ составъ штабовъ обоихъ фронтовъ вошло также по нѣсколько офицеровъ Генеральнаго Штаба изъ штабовъ соотвѣтственныхъ пограничныхъ округовъ. Командующій 1-ой арміей генералъ Ренненкампфъ — занималъ до войны должность Командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, на территоріи котораго его армія и должна была развернуться; для сформированія же штаба этой арміи цѣликомъ былъ использованъ штабъ того-же Виленскаго округа. Личный составъ 3-й и 8-й армій, развертывавшихся на территоріи Кіевскаго военнаго округа, — почти цѣликомъ былъ взятъ изъ штаба и управленій этого округа. Штабы 4-ой и 5-ой армій были соотвѣтственно сформированы изъ штабовъ Казанскаго и Московскаго военныхъ округовъ, офицеры коихъ ежегодно командировались на полевыя поѣздки въ раіоны развертыванія этихъ армій. Наконецъ, для формированія органовъ управленія 2-ой арміи каждое назначеніе было также по возможности продумано. Командующій арміей генералъ Самсоновъ пользовался большой и вполнѣ заслуженной боевой и служебной репутаціей. За нѣсколько лѣтъ до войны онъ занималъ должность Начальника Штаба Варшавскаго военнаго округа. Начальникъ Штаба арміи, генералъ Постовскій — бывшій Генералъ-Квартирмейстеръ штаба того-же Варшавскаго округа, который одно время даже продвигался мѣстнымъ начальствомъ на должность начальника штаба этого округа. Генералъ-Квартирмейстеръ арміи — генералъ Филимоновъ — бывшій начальникъ штаба Новогеоргіевской крѣпости. Начальникъ оперативнаго отдѣленія этой арміи былъ назначенъ изъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, служившихъ въ оперативной части Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба (полковникъ Вяловъ). Всѣ эти лица, такимъ образомъ, должны были по прежней своей службѣ хорошо знать германскій фронтъ и задачи арміи. Даже на случайно освободившійся постъ командира XIII-го корпуса, включеннаго въ составъ 2-ой арміи, было съ нарочитою цѣлью назначено лицо (генералъ Клюевъ), занимавшее раньше постъ начальника штаба Варшавскаго военнаго округа и имѣвшее по этой должности извѣстныя общепризнанныя заслуги. Ко всему изложенному слѣдуетъ еще добавить, что, при опредѣленіи состава армій, преслѣдовалась цѣль образованія ихъ по возможности изъ войскъ того округа, изъ управленій котораго формировался штабъ арміи. Всѣ эти мѣры, конечно, должны были облегчить предстоявшую боевую работу армій

Здѣсь умѣстно будетъ также упомянуть, что въ Апрѣлѣ 1914-го года, т. е. всего за три мѣсяца до начала войны, была наконецъ осуществлена въ г. Кіевѣ стратегическая военная игра, въ которой приняли непосредственное участіе всѣ Командующіе войсками военныхъ округовъ Европейской Россіи — будущіе Главнокомандующіе и Командующіе арміями, съ ихъ начальниками штабовъ. Надо замѣтить, что занятія военной игрой получили въ русской ар-

міи довольно широкое развитіе лишь среди офицеровъ Генеральнаго Штаба и, въ самое послѣднее десятилѣтіе передъ войной, лишь отчасти въ войсковыхъ частяхъ. Старшіе начальники къ нимъ привлекались, въ качествѣ участниковъ, крайне рѣдко, и этого рода занятія не пользовались ихъ любовью. Если отъ времени до времени и организовывались военныя игры для болѣе крупныхъ начальниковъ, то все же онѣ ограничивались предѣлами одного какого-либо военнаго округа. Значеніе же военной игры, организованной въ Кіевѣ въ 1914-мъ году, именно и заключалось въ томъ, что, для участія въ ней, были собраны почти всѣ лица, долженствовавшія съ мобилизаціей занять самые высокіе и отвѣтственные посты въ Дѣйствующей Арміи. Кромѣ того въ основу этой игры были положены имѣвшіяся свѣдѣнія о силахъ и намѣреніяхъ нашихъ предполагавшихся противниковъ — Германіи и Австро-Венгріи, вѣроятная политическая обстановка и наши дѣйствительныя предположенія на случай войны съ Центральными Державами Европы. Вслѣдствіе этого, на описываемой военной игрѣ должны были разыграться стратегическія комбинаціи, весьма близкія къ тѣмъ, кои впослѣдствіи развернулись въ дѣйствительности, и потому участники таковой игры, при желаніи, могли вынести изъ нея много полезнаго.

Мысль объ одновременномъ созывѣ всѣхъ высшихъ чиновъ арміи, коимъ во время войны предстояло занять отвѣтственные посты, съ тою цѣлью, чтобы на практикѣ, путемъ военной игры, ознакомить ихъ съ наиболѣе вѣроятной обстановкой, въ ея цѣломъ, и совмѣстно обсудить рѣшенія, которыя могли бы быть въ этой обстановкѣ приняты, родилась еще въ концѣ 1910-го года. Ей очень сочувствовалъ бывшій Военный Министръ Генералъ Сухомлиновъ. Однако, при проведеніи таковой мысли въ жизнь, пришлось натолкнуться на упорнѣйшее внутреннее сопротивленіе со стороны тѣхъ, кто, повидимому, опасался обнаружить во время этихъ занятій свою отсталость въ военномъ дѣлѣ, или усматривалъ въ нихъ лишь обидную для себя и своего служебнаго положенія провѣрку знаній и опыта въ управленіи войсковыми массами. Игра, организованная въ началѣ 1911-го года, была сорвана самымъ внезапнымъ образомъ. — Уже все для нея было подготовлено. — Потрачено много труда на предварительную разработку программы и подготовку данныхъ. — Назначено время и мѣсто. — Всѣ предположенные участники вызваны въ Петербургъ. — Говорилось о вѣроятномъ посѣщеніи занятій Государемъ, какъ Верховнымъ Вождемъ Арміи. — Въ назначенный день и къ условленному часу въ залахъ Зимняго Дворца, гдѣ должна была происходить военная игра, были разставлены столы, на нихъ разложены топографическія карты и прочіе необходимые матеріалы. — Оставалось раздать заданія, съ которыми я и прибылъ во Дворецъ. И вдругъ... по телефонному звонку, въ часъ начала игры — полная отмѣна. Сборъ Командующихъ войсками и ихъ начальниковъ штабовъ предложено использовать для обычныхъ ежегодно практиковавшихся совѣщаній о мѣстныхъ нуждахъ округовъ. Такъ неожиданно и, скажу, довольно обидно окончилась первая попытка влить свѣжую живую струю въ нашу подготовку къ военнымъ операціямъ. Потребовалось три года и довольно большая настойчивость, чтобы

стало возможнымъ, почти наканунѣ войны, осуществленіе этой крайне важной и, думается мнѣ, полезной мысли.

Результаты первой военной игры конечно не могли быть полными. Приходилось считаться съ огромными трудностями, встрѣченными при руководствѣ ею, которыя проистекали какъ изъ недостатка опыта, такъ и изъ того, что необходимо было считаться съ высокимъ служебнымъ положеніемъ участниковъ и ихъ недовѣріемъ къ дѣйствительнымъ цѣлямъ игры. Тѣмъ сильнѣе приходится сожалѣть, что организація такихъ занятій, которыя безспорно способствовали бы самоусовершенствованію нашего высшаго командного состава и установленію среди него единства взглядовъ и взаимнаго пониманія, встрѣчала столь долгое и упорное противодѣйствіе. Позволительно думать, что многіе роковые промахи и ошибки могли бы быть избѣгнуты во время войны, при болѣе продолжительномъ опытѣ и довѣрчивомъ отношеніи къ этимъ занятіямъ со стороны участниковъ таковыхъ.

Наши морскія силы, исключая тѣ суда, кои находились на Дальнемъ Востокѣ и въ заграничныхъ портахъ, были разъединены географическими условіями на двѣ независимыя другъ отъ друга части, соотвѣтственно находившіяся въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ. Съ объявленіемъ мобилизаціи Балтійскій флотъ, крайне ограниченный по своему боевому составу, получалъ задачу, опираясь на береговыя укрѣпленія Ревель-Поркалаудъ, преграждать непріятельскому флоту входъ въ Финскій заливъ. Такъ какъ задача флота являлась частью болѣе общей задачи, возлагавшейся на 6-ую армію по прикрытію столицы Имперіи и оборонѣ Финляндіи, то для объединенія морскихъ и сухопутныхъ дѣйствій, Командующій морскими силами Балтійскаго моря былъ подчиненъ Главнокомандующему 6-ой арміей*). Задача Черноморскаго флота являлась болѣе широкой и самостоятельной: флотъ долженъ былъ поддерживать наше господство въ Черномъ морѣ. Въ соотвѣтствіи съ симъ, Командующій морскими силами Чернаго моря — адмиралъ Эбергардтъ — былъ поставленъ въ непосредственное подчиненіе Верховному Главнокомандующему.

Уже съ давнихъ поръ между военнымъ и военно-морскимъ вѣдомствомъ велся безконечный споръ по вопросу о взаимоотношеніи флота и береговыхъ укрѣпленій, въ особенности же о томъ, кому должны были быть подчинены приморскія крѣпости — базы. Какъ извѣстно, вопросы эти въ различныхъ государствахъ рѣшались различно и, при изученіи ихъ, можно было натолкнуться на курьезы, вродѣ подчиненія въ предѣлахъ одной и той же крѣпости батарей, смотрящихъ въ море — военно-морскому начальству, а батарей, входящихъ въ сухопутную оборону — сухопутному начальству. Морскому Министру адмиралу Григоровичу, при разрѣшеніи вопроса о созданіи укрѣпленной позиціи Ревель-Поркалаудъ, удалось отстоять передачу этой позиціи и постройку крѣпости Императора Петра I у Ревеля въ руки морского вѣдомства; это предрѣшало и судьбу Севастопольской крѣпости, которая, съ переходомъ къ военному времени, была подчинена Командующему морскими силами Чернаго моря.

*) Почетное званіе, которое сохранилось лично за командующимъ 6-й арміей.

Съ объявленіемъ общей мобилизаціи и связаннымъ съ нею приступомъ къ сосредоточенію Дѣйствующей Арміи къ западнымъ границамъ, территоріи Виленскаго, Варшавскаго, Кіевскаго (только губерніи праваго берега Днѣпра) и частью Петербургскаго и Одесскаго пограничныхъ военныхъ округовъ — должны были составить театръ военныхъ дѣйствій, съ подчиненіемъ таковаго военной власти. При этомъ, нѣсколько видоизмѣнялись границы военныхъ округовъ и, въ соотвѣтствіи съ условіями военнаго времени, военно-окружныя управленія изъ Вильны и Варшавы должны были перемѣститься соотвѣтственно въ Двинскъ и Минскъ. Территорію С.-З. фронта, при варіантѣ А, долженъ былъ составить Двинскій военный округъ, а территорію Ю.-З. — Минскій и Кіевскій военные округа. Однако, это разграниченіе тыловъ было уже 12-го Августа измѣнено въ томъ смыслѣ, что Минскій военный округъ перешелъ къ Главному Начальнику Снабженій С.-З. фронта, съ изъятіемъ изъ его вѣдѣнія лишь нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ линій, необходимыхъ для обслуживанія 4-ой и 5-ой армій Ю.-З. фронта. Что касается Петербургскаго и Одесскаго военныхъ округовъ, то таковые должны были образовать территорію отдѣльныхъ 6-ой и 7-ой армій, причемъ командующіе этими арміями, какъ не входившими въ составъ армій фронтовъ, непосредственно подчинялись Верховному Главнокомандующему. Наконецъ, территорія упразднявшагося Варшавскаго военнаго округа должна была составить войсковые раіоны тѣхъ армій, кои на неп развертывались и дѣйствовали.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о варіантѣ Г (Германія), осуществленіе котораго предполагалось въ томъ, хотя и менѣе вѣроятномъ, но не исключавшемся случаѣ, если бы Германія рѣшилась направить, съ началомъ войны, значительныя силы на свой восточный фронтъ. При такихъ условіяхъ Россія имѣла бы противъ себя соединенныя силы обѣихъ Центральныхъ Державъ, которыя не только превосходили бы русскія вооруженныя силы своею численностью, но еще имѣли бы на своей сторонѣ огромное преимущество въ срокахъ готовности, несмотря на то, что въ этомъ случаѣ ихъ собственное сосредоточеніе, конечно, должно было нѣсколько затянуться. Очевидно, мы не могли расчитывать воспрепятствовать вторженію нашихъ противниковъ въ предѣлы собственной территоріи и потому въ основаніе нашего стратегическаго развертыванія должно было быть положено прежде всего условіе его безопасности. Обстановка повелительно требовала въ этомъ случаѣ болѣе глубокаго отнесенія зонъ нашего развертыванія внутрь страны. Оборона Передового театра являлась невозможной, такъ какъ этотъ театръ неизбѣжно охватывался непріятелемъ со всѣхъ сторонъ. Весь первый періодъ войны долженъ былъ принять оборонительный характеръ, въ ожиданіи подхода всѣхъ войскъ изъ Сибири, Туркестана и Закавказья или измѣненія обстановки, подъ вліяніемъ событій на союзномъ намъ западномъ фронтѣ. Въ такихъ условіяхъ весьма рельефно вырисовывалось разъединяющее значеніе нашего Полѣсья, представляющаго и до сихъ поръ большія затрудненія для веденія въ немъ операцій крупнаго масштаба. Такъ какъ для нашихъ противниковъ главнѣйшіе и кратчайшіе пути къ

обѣимъ столицамъ Имперіи — Петербургу и Москвѣ, являвшимся вмѣстѣ съ тѣмъ жизненными центрами всей страны, пролегали къ сѣверу отъ Полѣсья, то на сѣверномъ участкѣ общаго фронта естественно и подлежала развертыванію большая часть нашихъ вооруженныхъ силъ. По соображеніямъ, составленнымъ къ новому мобилизаціонному расписанію, изъ 28 полевыхъ корпусовъ, включенныхъ въ основное боевое расписаніе, 20 корпусовъ (арміи 6, 4, 1, 2 и 5 съ добавленіемъ одного корпуса изъ состава 8-ой арміи) должны были развернуться къ сѣверу отъ р. Припяти, съ главными силами, примѣрно, на фронтѣ нашихъ основныхъ крѣпостей Ковно-Гродно-Брестъ Литовскъ (1, 2 и 5-ая арміи), имѣя за правымъ открытымъ флангомъ уступъ въ раіонѣ Ново-Свѣнцянъ (4-ая армія) и, конечно, особую армію (6-ую) на подступахъ къ столицѣ Имперіи — Петербургу. Послѣднему въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ когда-либо могла угрожать опасность дессанта. При отсутствіи же таковаго, эта армія, пользуясь желѣзнодорожною сѣтью, легко могла быть подана на фронтъ въ желаемомъ направленіи.

Къ югу отъ Полѣсья имѣлось въ виду развернуть, при данной обстановкѣ, только восемь корпусовъ (арміи 3-ья и 8-ая), которые должны были взять на себя задачу прикрытія путей къ р. Днѣпру. Соотвѣтственно этому раздѣленію силъ на два фронта, перераспредѣлялась между послѣдними и территорія театра военныхъ дѣйствій, съ разграничительной линіей, проходившей черезъ Полѣсье. Такимъ образомъ, Минскій военный округъ переходилъ въ подчиненіе Сѣверному фронту.

Примѣрно въ той же пропорціи, какъ и полевыя войска, между фронтами распредѣлялись и второочередныя части. Въ общемъ — 70% всѣхъ силъ, включенныхъ въ основное боевое расписаніе (свыше 1000 батальоновъ), подлежали, по варіанту Г, сосредоточенію къ сѣверу отъ Полѣсья на фронтѣ противъ Германіи. Къ этимъ силамъ, начиная со второго мѣсяца войны, могли начать свой подходъ войска отдаленныхъ округовъ.

Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ мы могли расчитывать имѣть противъ главной массы непріятельскихъ войскъ — на сей разъ германскихъ — нѣкоторый численный перевѣсъ въ силахъ.

Что касается нашей боевой готовности, то таковая оставалась прежней, т. е. для войскъ Европейской Россіи — конецъ 4-ой недѣли. И хотя для сосредоточенія противъ насъ 18-ти германскихъ полевыхъ корпусовъ съ соотвѣтственнымъ числомъ резервныхъ формированій требовалось, по нашимъ подсчетамъ, около 18-ти дней, все же мы оставались въ этомъ отношеніи, значительно позади нашихъ противниковъ. Положеніе осложнялось еще и тѣмъ, что германцы, пользуясь нашей неготовностью, могли начать наступленіе и ранѣе полнаго окончанія ихъ сосредоточенія.

Выше я имѣлъ уже случай отмѣтить, что основнымъ варіантомъ нашего стратегическаго развертыванія являлся варіантъ А, и что онъ долженъ былъ автоматически осуществляться съ объявленіемъ общей мобилизаціи. Что касается варіанта Г, то для перехода къ нему должно было послѣдовать особое приказаніе, въ зависимости отъ дѣйствительно выяснившейся обстановки. Въ

соотвѣтствіи съ этимъ условіемъ планы перевозки по желѣзнымъ дорогамъ тѣхъ войсковыхъ эшелоновъ, которые должны были мѣнять свое направленіе, были составлены такимъ образомъ, что, если бы такое дополнительное приказаніе послѣдовало въ теченіе первой недѣли или даже нѣсколько позднѣе, то переходъ отъ варіанта А къ варіанту Г могъ быть совершенъ безъ всякой ломки и коренныхъ разстройствъ въ работѣ желѣзныхъ дорогъ. Вся задача заключалась лишь въ томъ, чтобы своевременно вскрыть дѣйствительныя намѣренія Германіи, которыя, при организованномъ наблюденіи, не могли долгое время оставаться тайной.

И дѣйствительно, Русское Верховное Главнокомандованіе, путемъ установленія съ перваго дня мобилизаціи наблюденія за перевозкою германскихъ войскъ, весьма скоро получило неопровержимыя доказательства того, что главныя силы направляются Германіей на западъ. Поэтому, принятый къ выполненію съ того-же перваго дня варіантъ А стратегическаго развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ былъ доведенъ до конца съ тѣми измѣненіями, которыя вытекали изъ болѣе детальнаго выясненія обстановки и о которыхъ будетъ упомянуто въ дальнѣйшихъ главахъ.

ГЛАВА V.

Назначеніе Верховнаго Главнокомандующаго. — Первые дни мобилизаціи и войны. Нѣкоторыя правительственныя мѣропріятія. — Настроенія въ обществѣ и въ народѣ. — Ставка и ея жизнь.

По основнымъ законамъ Россійской Имперіи, Верховнымъ Вождемъ всѣхъ вооруженныхъ силъ Россіи являлся Государь Императоръ. Назначеніе на время войны особаго Верховнаго Главнокомандующаго предусматривалось Положеніемъ о полевомъ управленіи войскъ въ военное время лишь на тотъ случай, если бы Государь не выразилъ желанія предводительствовать войсками лично. — Императоръ Николай II не желалъ, повидимому, заранѣе связывать себя какимъ либо рѣшеніемъ и потому вопросъ о порядкѣ высшаго управленія войсками въ случаѣ войны оставался въ мирное время не до конца выясненнымъ. Не было опредѣленнаго указанія на то, что Государь лично станетъ во главѣ войскъ, но не было также сдѣлано никакихъ распоряженій на другой случай. — Вопросъ попросту оставался на вѣсу.

Заблаговременно, какъ это было принято въ отношеніи вообще всѣхъ высшихъ должностей военнаго времени, послѣдовало предназначеніе Верховною властью лишь ближайшихъ сотрудниковъ будущаго Верховнаго Главнокомандующаго. Начальникомъ его штаба долженъ былъ быть Генералъ Янушкевичъ, занявшій незадолго до войны, по личному избранію Государя, должность Начальника Генеральнаго штаба; къ замѣщенію должности Генералъ-Квартирмейстера при Верховномъ Главнокомандующемъ былъ предназначенъ я, какъ

занимавшій въ мирное время въ теченіе пяти лѣтъ должность Генералъ-Квартирмейстера Генеральнаго штаба.

Неопредѣленное положеніе вопроса о Верховномъ Главнокомандованіи нельзя было, конечно, признать нормальнымъ. При условіи, что Государь Императоръ могъ, съ наступленіемъ войны, признать для себя невозможнымъ стать лично во главѣ войскъ, его замѣститель неизбѣжно долженъ былъ оказаться въ очень трудномъ положеніи. Извѣстно, насколько важно, чтобы исполнителемъ плана являлся его составитель; въ данномъ же случаѣ будущій отвѣтственный руководитель войной былъ лишенъ возможности не только оказать вліяніе, но даже заблаговременно и достаточно подробно ознакомиться съ подготовительными къ войнѣ работами; ближайшіе же его сотрудники не были съ нимъ спаяны предварительной совмѣстной работой мирнаго времени.

Въ первые дни по объявленіи войны ходили довольно упорные слухи о томъ, что Государь имѣетъ ввиду лично стать во главѣ дѣйствующихъ арміи и флота. Я склоненъ думать, что эти слухи имѣли подъ собою реальныя основанія и что таковыми дѣйствительно были намѣренія Государя. — Не скрою, что я очень сожалѣлъ о наличіи такого предположенія и въ этомъ отношеніи я раздѣлялъ лишь мнѣніе многихъ другихъ. Не мало самыхъ глубокихъ сомнѣній возникало по сему поводу.

Въ лицѣ Германіи и Австро-Венгріи мы имѣли передъ собою весьма серьезныхъ противниковъ, притомъ, какъ уже было отмѣчено, превосходившихъ насъ въ быстротѣ изготовленія ихъ армій. Нельзя было, конечно, предвидѣть вообще, а въ данной обстановкѣ въ особенности, какъ повернется колесо военнаго счастья, и потому крайне неосторожно было бы ставить авторитетъ Главы Государства въ какое либо соотношеніе со всегда возможными колебаніями на фронтѣ. Съ другой стороны, въ виду грандіозности предстоявшей борьбы, все государство должно было подвергнуться крайне серьезнымъ внутреннимъ напряженіямъ и даже испытаніямъ, которыя требовали не только сосредоточенія вниманія Верховной власти на внутренней жизни страны, но и преимущественнаго пребыванія Главы Государства въ центрѣ этой страны, а не на театрѣ военныхъ дѣйствій. Должна была смущать и недостаточность военнаго опыта у Государя, не успѣвшаго, въ бытность Наслѣдникомъ, на практикѣ пройти черезъ высшія командныя должности въ арміи, и еще болѣе то многочисленное окруженіе, которое, подъ видомъ Царевой свиты, неизбѣжно утвердилось бы въ Ставкѣ и которое, не неся никакой отвѣтственности, могло до крайности осложнить и затруднить работу высшаго командованія. — Оцѣнивая всю сложность и трудность положенія, въ случаѣ личнаго предводительствованія дѣйствующими войсками, Государь поставилъ этотъ вопросъ на обсужденіе въ особомъ Совѣщаніи изъ Министровъ, на которомъ большинство изъ присутствовавшихъ высказали соображенія не въ пользу отъѣзда Государя къ арміи. Подъ вліяніемъ этихъ совѣтовъ, Государь до времени отказался отъ первоначальной мысли — стать во главѣ войскъ, отправлявшихся на театръ военныхъ дѣйствій.

Итакъ, предстоялъ выборъ Верховнаго Главнокомандующаго. — Въ обще-

ствѣ и арміи знали только одного кандидата; таковымъ былъ Великій Князь Николай Николаевичъ. — Человѣкъ крупнаго размаха, прямой, рѣшительный, получившій законченное высшее военное образованіе, имѣвшій за собою опытъ Турецкой войны, связанной съ популярнымъ именемъ его отца — Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, импонировавшій своею внѣшностью, прошедшій, наконецъ, рядъ строевыхъ должностей отъ младшаго офицера до Главнокомандующаго столичнымъ военнымъ округомъ включительно, — въ такомъ видѣ рисовался обликъ Великаго Князя Россіи. Люди, ближе его знавшіе, особенно офицерство, нѣсколько опасливо относились къ его порывистости и подчасъ рѣзкости, но эта черта характера съ годами сглаживалась, а искренность и рыцарское благородство, всегда руководившія его поступками, отнимали почву для долгой обиды. — Великій Князь, на протяженіи своей многолѣтней службы въ арміи, занималъ рядъ очень отвѣтственныхъ должностей — Генералъ-Инспектора кавалеріи, Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, Предсѣдателя Комитета Государственной обороны. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ предназначался, въ случаѣ войны, на отвѣтственный постъ Главнокомандующаго арміями для дѣйствій противъ Германіи и лишь во время управленія Военнымъ Министерствомъ Генерала Сухомлинова, у котораго были личныя непріязненныя отношенія къ Великому Князю, послѣдій былъ предназначенъ на менѣе активную должность Главнокомандующаго 6-ой отдѣльной арміей, долженствовавшей прикрывать столицу Имперіи. По всѣмъ перечисленнымъ выше должностямъ Великій Князь имѣлъ возможность, ближе другихъ, ознакомиться съ подготовительными къ войнѣ соображеніями, хотя и мѣнявшимися, но все же, до извѣстной степени, носившими преемственный характеръ. На этихъ же должностяхъ Великимъ Княземъ пріобрѣтено было и обширное знакомство съ личнымъ составомъ арміи, особенно въ періодъ нахожденія его во главѣ столичнаго военнаго округа, такъ какъ почти всякій пріѣзжавшій въ Петербургъ войсковой начальникъ считалъ своимъ долгомъ представиться Августѣйшему Главнокомандующему.

Имя Великаго Князя было также извѣстно заграницей. Года за два до войны, Великій Князь, окруженный импозантной свитой, посѣтилъ Францію, гдѣ произвелъ весьма сильное впечатлѣніе на нашихъ союзниковъ. — Его горячо чествовали, какъ будущаго Верховнаго Главнокомандующаго русской арміей.

При дворѣ Великаго Князя, однако, не всѣ любили; вѣрнѣе, боялись его вліянія и личной популярности; преувеличивали также его честолюбіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ не желали замѣчать его искренней лояльности и преданности идеѣ Царя, въ которой онъ выросъ и самовоспитался. Близко, изо дня въ день и при разной обстановкѣ наблюдая Великаго Князя, я вынесъ глубокое убѣжденіе, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ Императору Николаю людей.

Повидимому неблагопріятныя Великому Князю дворцовыя теченія послужили основаніемъ тому, что, рядомъ съ именемъ Великаго Князя, стали называть, какъ возможнаго кандидата на постъ Верховнаго Главнокомандующаго, Военнаго министра Генерала Сухомлинова. Это былъ человѣкъ несомнѣнно

способный, но мало вдумчивый, скажу болѣе — для своего отвѣтственнаго поста легкомысленный. Будучи въ свое время хорошо образованнымъ, Генералъ Сухомлиновъ пересталъ впослѣдствіи интересоваться военнымъ дѣломъ и потому постепенно значительно отсталъ отъ такового, потерявъ способность оцѣнивать значеніе нѣкоторыхъ новѣйшихъ въ немъ факторовъ. Лишенный дара слова, онъ рѣдко и всегда мало удачно выступалъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ, почти никогда не удосуживался бывать въ думскихъ комиссіяхъ и не пользовался въ Таврическомъ дворцѣ ни авторитетомъ, ни симпатіями. — Не любя работы и никогда не отдавая себя ей, онъ вынужденъ былъ довѣрять своимъ сотрудникамъ, которыхъ предпочиталъ выбирать изъ среды лицъ, знакомыхъ ему по предшествовавшей службѣ въ Кіевскомъ военномъ округѣ. — Извѣстно, что этотъ округъ, во главѣ котораго долго стоялъ М. И. Драгомировъ, стяжалъ себѣ одно время выдающуюся репутацію своей боевой подготовкой, и службою въ немъ практически воспиталось цѣлое поколѣніе офицеровъ Генеральнаго штаба. — Предоставляя своимъ ближайшимъ помощникамъ и сотрудникамъ свободу въ работѣ, которая, будучи мало регулируема, нерѣдко шла во вредъ единству дѣла, Генералъ Сухомлиновъ въ то же время ревниво оберегалъ и упрямо отстаивалъ тѣ, немногія впрочемъ, основы устройства арміи и ея подготовки, которыя почему либо запечатлѣлись у него, какъ непререкаемыя. Сдвинуть его съ этихъ положеній бывало до чрезвычайности трудно, и это обстоятельство создавало иногда невыносимые для его сотрудниковъ тиски. Будучи по натурѣ большимъ себялюбцемъ, Генералъ Сухомлиновъ никогда не могъ, а вѣрнѣе, и не хотѣлъ отрѣшиться отъ личныхъ счетовъ съ людьми. Своими мягкими, почти кошачьими манерами онъ умѣлъ очаровывать людей, которымъ хотѣлъ нравиться, и одно время пользовался большимъ вліяніемъ у Государя. Мало искренній, подозрительный и мстительный, онъ нерѣдко пользовался этимъ вліяніемъ, чтобы жестоко раздѣлываться съ тѣми, кого считалъ для себя опасными. Примѣры тому — Генералы Мышлаевскій и Поливановъ. Въ частной жизни Генералъ Сухомлиновъ окружилъ себя сѣтью льстецовъ, злостныхъ сплетниковъ и авантюристовъ. — Я думаю, что связь съ этими людьми и положила начало тѣмъ тягчайшимъ испытаніямъ, которыя впослѣдствіи выпали на его печальную долю. Былъ ли Генералъ Сухомлиновъ виновенъ въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ его обвиняли? Думаю, что въ предательствѣ и измѣнѣ своей Родинѣ не повиненъ. Но несомнѣнно, что вокругъ него, въ домѣ на Мойкѣ, водворилась нездоровая атмосфера, и нельзя не сожалѣть о томъ порядкѣ, при которомъ возможно было занятіе одного изъ очень отвѣтственныхъ государственныхъ постовъ, въ теченіе семи исключительно трудныхъ лѣтъ, столь неподходящимъ лицомъ, каковымъ былъ генералъ Сухомлиновъ.

Слухи о возможности предстоящаго назначенія Генерала Сухомлинова на высокій постъ Верховнаго Главнокомандующаго имѣли подъ собою вполнѣ реальную почву. Объ этомъ мнѣ говорилъ Начальникъ Генеральнаго штаба Генералъ Янушкевичъ, который едва ли не самъ принималъ участіе въ выдвиже-

нія этой кандидатуры на случай, если не состоится назначеніе на постъ Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича. Циркулировавшіе въ столицѣ вокругъ этого вопроса слухи очень волновали общество, пока наконецъ 2-го Августа не появился Высочайшій указъ о назначеніи Верховнымъ Главнокомандующимъ дѣйствующихъ арміи и флота Великаго Князя Николая Николаевича.

Рѣшившись на назначеніе особаго Верховнаго Главнокомандующаго, Государь, однако, едва-ли окончательно разстался съ мыслью о томъ, чтобы принять самому въ будущемъ Верховное руководительство войсками. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствовали слова указа о назначеніи Главнокомандующимъ Великаго Князя, каковое назначеніе мотивировалось невозможностью, по причинамъ обще-государственнаго характера, стать Государю теперь же во главѣ сухопутныхъ и морскихъ силъ, привлеченныхъ для военныхъ дѣйствій. — Выходило такъ, что назначеніе Великаго Князя являлось какъ бы временнымъ, и это свое положеніе Великій Князь всегда учитывалъ, особенно подчеркивая его въ періоды пребыванія Государя въ арміи.

Со дня назначенія Великаго Князя на постъ Верховнаго Главнокомандующаго популярность его стала расти и крѣпнуть въ арміи, обществѣ и простомъ народѣ не по днямъ, а по часамъ. Популярность эта не оставила его ни въ періодъ военныхъ неудачъ, ни даже послѣ удаленія на Кавказъ. Я видѣлъ портреты Великаго Князя въ простыхъ крестьянскихъ избахъ на почетномъ мѣстѣ еще въ 1917 году послѣ революціи, низвергшей всѣхъ прежнихъ боговъ. Мнѣ приходилось также слышать о томъ сочувствіи, съ которымъ простой народъ выходилъ на встрѣчу поѣзду Великаго Князя, при слѣдованіи послѣдняго чрезъ всю Россію изъ Тифлиса въ Могилевъ въ Мартѣ 1917-го года, когда Великій Князь былъ вызванъ, чтобы, въ соотвѣтствіи съ послѣднимъ распоряженіемъ отрекшагося Императора, вновь стать во главѣ войскъ.

Среди войскъ имя Великаго Князя произносилось съ рѣдкимъ благоговѣніемъ; оно было окружено особымъ ореоломъ. Про Великаго Князя ходили легендарные разсказы, рисовавшіе его народнымъ богатыремъ, всюду поспѣвавшимъ на помощь, всюду пресѣкавшимъ зло и водворявшимъ порядокъ. — То въ пылу боя глазамъ бойцовъ представлялась его характерная высокая и тонкая фигура съ открытымъ энергичнымъ лицомъ, и его видѣли обходившимъ ряды войскъ въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ и спасающимъ своими распоряженіями положеніе; то въ артиллеріи, вынужденной безпомощно умолкнуть изъ-за отсутствія боевыхъ припасовъ, распространялся бодрящій слухъ о прибытіи снарядовъ, подвезенныхъ въ поѣздѣ самимъ «Верховнымъ»; то чудился онъ войскамъ, только что потерпѣвшимъ боевую неудачу и еще не успѣвшимъ пережить горькую отъ этого обиду, разбирающимъ лично дѣло, чтобы успокоить честно исполнившихъ свой долгъ и жестоко покарать виновныхъ. Въ разсказахъ этихъ было много вымысла, но дорогого простому солдатскому сердцу. — Но особенно преувеличенными являлись розсказни о необузданныхъ проявленіяхъ у Великаго Князя чувства гнѣва по отношенію къ прови-

ившимся начальникамъ. Лично мнѣ пришлось видѣть Великаго Князя лишь однажды рѣзко вспылившимъ въ тяжелые дни отхода изъ Галичины на своего адъютанта, забывшаго своевременно передать какое то распоряженіе. Но съ какою искренностью онъ старался затѣмъ загладить свою несдержанность!

Вообще Великій Князь умѣлъ быть внимательнымъ, какъ почти никто, и лично у меня никогда не изгладится благодарное воспоминаніе о его трогательныхъ заботахъ, когда я въ Ставкѣ зимою 1914—15 года заболѣлъ крайне мучительною и упорною нервною экземою руки на почвѣ переутомленія работой.

До войны мнѣ никогда не приходилось служить непосредственно подъ начальствомъ Великаго Князя, если не считать нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ я командовалъ батальономъ въ Петербургѣ и Красномъ Селѣ въ Л.-Гв. Финляндскомъ полку. Однако, по должности Генералъ-Квартирмейстера Генеральнаго штаба, я нерѣдко принималъ участіе въ служебныхъ поѣздкахъ и совѣщаніяхъ, кои организовывались подъ высшимъ руководствомъ Великаго Князя, какъ Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, для выясненія различныхъ вопросовъ по оборонѣ Балтійскаго побережья вообще и Кронштадтской крѣпости въ частности. — Какъ лицо, долженствовавшее всегда имѣть передъ глазами интересы обороны всего государства, я нерѣдко бывалъ поставленъ въ необходимость отмѣчать невозможность или несвоевременность осуществленія тѣхъ или иныхъ изъ намѣчавшихся предположеній, ввиду наличія болѣе существенныхъ и неотложныхъ потребностей въ другихъ раіонахъ нашего обширнаго отечества. Во всѣхъ этихъ случаяхъ я неизмѣнно встрѣчалъ, въ лицѣ моего высокаго оппонента, внимательное и вполнѣ выдержанное къ себѣ отношеніе. Я успѣлъ уже тогда удостовѣриться, что Великій Князь умѣлъ выслушивать и цѣнить откровенное и обоснованное слово.

Послѣ назначенія Великаго Князя Николая Николаевича Верховнымъ Главнокомандующимъ, я счелъ своимъ долгомъ выяснить, не пожелаетъ ли Великій Князь видѣть въ должности Генералъ-Квартирмейстера при себѣ какое либо другое лицо. — Такъ какъ Великій Князь проводилъ эти дни у себя въ имѣніи подъ Петербургомъ и просилъ никого не безпокоиться явкою къ нему, то я обратился съ соотвѣтственной просьбой по данному вопросу къ Начальнику Штаба Генералу Янушкевичу, долженствовавшему видѣть Великаго Князя у Государя. Не знаю, въ какой формѣ Генералъ Янушкевичъ выполнилъ мою просьбу, но черезъ него я получилъ отвѣтъ, что Великій Князь не предполагаетъ дѣлать какихъ либо измѣненій въ составѣ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ и проситъ всѣхъ оставаться на своихъ мѣстахъ.

Объявленіе мобилизаціи и предстоявшая война вызвали въ Петрбургѣ съ внѣшней стороны большой подъемъ. Начались патріотическія манифестаціи. Государственный Совѣтъ и Государственная Дума горячо отозвались на предстоящія событія. Разсказывали, что на торжественномъ засѣданіи послѣдней депутатъ крайней правой Пуришкевичъ, подъ вліяніемъ охватив-

шаго его патріотическаго чувства, бросился пожать руку своему политическому противнику, лидеру партіи к.-д. Милюкову, желая этимъ движеніемъ запечатлѣть готовность совмѣстно работать на пользу Родины. — 2-го Августа въ Зимнемъ Дворцѣ были собраны члены законодательныхъ учрежденій, сенатъ, члены правительства, генералы и офицеры, высшіе чины всѣхъ вѣдомствъ, представители города и другіе именитые люди столицы для торжественнаго выслушанія Манифеста о войнѣ. На обширной площади передъ Дворцомъ собрались несмѣтныя массы столичнаго люда. Всѣ слились въ одномъ общемъ взрывѣ патріотизма и были охвачены жаждой примѣрнаго наказанія дерзкаго нарушителя мира — Германіи и ея приспѣшницы Австро-Венгріи. — Столь же торжественно и съ внутреннимъ подъемомъ прошли посвященныя войнѣ засѣданія столичной Городской Думы и С.-Петербургскаго Губернскаго Земства.

Призывъ людей и поставка лошадей, повозокъ и упряжи проходили повсюду вполнѣ успѣшно. Технически эти операціи были хорошо разработаны, а пріемы ихъ выполненія практически провѣрены рядомъ повѣрочныхъ и опытныхъ мобилизацій, широко практиковавшихся въ мирное время. Всѣ предварительные расчеты оправдывались, работа желѣзныхъ дорогъ шла вполнѣ точно.

Но рядомъ съ настроеніемъ бодрости, хотя и глухо, все же звучали и тревожныя ноты.

На томъ же торжественномъ засѣданіи Государственной Думы, о которомъ я упоминалъ выше, съ лѣвыхъ скамей поднялся депутатъ, котораго Предсѣдатель Думы М. В. Родзянко вынужденъ былъ остановить за пораженческій тонъ его рѣчи. — Еще во время пребыванія Президента французской Республики на русской территоріи, среди рабочихъ Петербурга была организована забастовка, какъ бы выражавшая протестъ противъ выявленія силы и могущества Двойственнаго союза. Произошли столкновенія съ полиціей, и для обезпеченія порядка въ столицѣ, пришлось даже вернуть въ Петербургъ часть конницы изъ Красносельскаго лагеря. — Съ началомъ мобилизаціи безпорядки среди призванныхъ прокатились довольно широкой волной по ряду мѣстностей въ Россіи. Кое гдѣ, какъ напримѣръ въ Барнаулѣ Томской губерніи, они пріобрѣли очень бурный характеръ. — Для подавленія ихъ, пришлось принять крутыя мѣры, до употребленія оружія включительно. Возникновеніе этихъ безпорядковъ пытались объяснить пьянымъ угаромъ толпы. Но это объясненіе нельзя было назвать исчерпывающимъ. Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ еще до начала мобилизаціи, винная торговля была воспрещена во всей Имперіи на весь періодъ мобилизаціи. Такимъ образомъ, буйства пьяной толпы могли быть лишь слѣдствіемъ, но не первопричиной безпорядковъ. Въ далекихъ народныхъ глубинахъ таился какой то иной разлагающій ферментъ. — Чья то злая воля вела толпы запасныхъ къ запертымъ виннымъ складамъ и лавкамъ, толкая ихъ на разгромъ и безчинства.

Даже въ Петербургѣ воодушевленіе, охватившее народную толпу, въ концѣ концовъ вылилось въ уродливую форму. 4-го Августа вечеромъ произошелъ

разгромъ германскаго посольства. Я лично былъ свидѣтелемъ этой глубоко безобразной картины, въ которой развернулись дикіе и опасные истинкты толпы. Тюремнаго вида зданіе германскаго посольства горѣло внутри, а металлическихъ истукановъ-тевтоновъ, долженствовавшихъ, по мысли нѣмецкихъ архитекторовъ, украшать фасадъ, топили по сосѣдству въ Мойкѣ. — Полиція бездѣйствовала, видимо боясь заслужить упрекъ въ отсутствіи патріотизма. Говорили объ убійствѣ какого то старика-нѣмца, котораго толпа обвинила въ шпіонствѣ...

Постепенно стали вырисовываться и другіе отрицательные признаки настроенія массъ. Патріотическія манифестаціи и взрывы энтузіазма являлись, повидимому, лишь дешевымъ фасадомъ, за которымъ скрывалась невзрачная дѣйствительность. Я уже отмѣчалъ, что русскій народъ оказался психологически къ войнѣ неподготовленнымъ. Главная масса его — крестьянство едва ли отдавала себѣ ясный отчетъ, зачѣмъ его зовутъ на войну. Цѣли войны были ему неясны. Крестьянинъ шелъ на призывъ потому, что привыкъ вообще исполнять все то, что отъ него требовала власть; онъ терпѣливо, но пассивно несъ свой крестъ, пока не подошли великія испытанія.

Народныя настроенія нашей молодой по культурѣ націи, вслѣдствіе недостаточнаго воспитанія, и не могли быть стойкими. — Они легко должны были подвергаться колебаніямъ, походя на быстро смѣняющіяся настроенія ребенка, который часто улыбается, не успѣвъ еще смахнуть слезъ со своего лица. Не могло быть въ народныхъ массахъ, при существовавшихъ условіяхъ, и сознанія государственнаго единства, крайне трудно прививаемаго при наличіи разноплеменности, безконечныхъ пространствъ, рѣдкаго населенія и плохихъ сообщеній. Даже коренное русское населеніе было лишено сознанія единства. Мы — Вятскіе, Тульскіе или Пермскіе, до насъ нѣмецъ не дойдетъ, — такими словами часто и, надо сказать, довольно правильно характеризовали у насъ несознательное отношеніе крестьянства къ вопросу объ общей опасности государству.

Не было здороваго пониманія долга и въ кругахъ интеллигенціи. Это лучше всего доказывается обиліемъ лицъ, искавшихъ случая или возможности уклониться отъ призыва вовсе, или въ крайности, — избѣжать тягостей службы на фронтѣ, пристроившись въ тылу. Нашъ мобилизаціонный отдѣлъ былъ заваленъ просьбами и ходатайствами объ освобожденіяхъ или въ крайности временныхъ отсрочкахъ призыва. — И что еще хуже: эти случаи не вызывали необходимыхъ репрессій со стороны власти и даже не клеймились должнымъ образомъ нравственно; въ обществѣ, напротивъ, относились къ этому явленію съ почти преступною снисходительностью. Тыловымъ нерѣдко протежировали, ихъ пригрѣвали и старались закрѣпить ихъ незаконное положеніе болѣе прочнымъ и устойчивымъ образомъ.

Къ сожалѣнію, ничего не было сдѣлано и въ періодъ самой войны, чтобы поднять національное чувство въ обществѣ и подготовить народъ къ длительной и трудной войнѣ. Даже тогда, когда затяжной ея характеръ сталъ для

всѣхъ уже очевиднымъ. — Какой рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что сдѣлали наши союзники — французы, которые, будучи по натурѣ много экспансивнѣе насъ, сумѣли выковать въ себѣ желѣзную выдержку и спокойствіе въ тяжелыхъ испытаніяхъ, пришедшихся на ихъ долю! Тамъ уклоняющемуся не было мѣста на Родинѣ.

И если бы возрожденной Россіи, въ которую я не перестаю горячо вѣрить, довелось въ будущемъ вновь стать съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своего достоинства и правъ, то я считалъ бы однимъ изъ необходимѣйшихъ условій, для успѣха борьбы, жертвенное содѣйствіе русской женщины — матери, жены, сестры, невѣсты, которая должна видѣть свою патріотическую задачу не только въ облегченіи страданій раненыхъ и больныхъ воиновъ, но и въ созданіи такихъ условій въ семьѣ и обществѣ, при которыхъ случаи уклоненія отъ прямого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ стали бы морально невозможными.

Что касается арміи, то она встрѣтила объявленіе войны спокойно и увѣренно. — Офицерство было воодушевлено, въ главной своей массѣ, горячимъ порывомъ. Но никто, даже на верхахъ, не отдавалъ себѣ отчета въ предстоявшихъ трудностяхъ. На будущее смотрѣли розово. — Разставаясь съ семьями и насиженными гнѣздами, мечтали возвратиться къ себѣ домой «къ Рождеству» и, конечно, съ побѣдой. Никто не предвидѣлъ ни четырехлѣтней трудной, полной лишеній и смертельныхъ опасностей жизни, ни многомѣсячнаго пещернаго существованія въ окопахъ, ни тѣмъ болѣе мучительныхъ переживаній революціоннаго времени и тяжкаго позора Родины...

Приведеніе на военное положеніе первоочередныхъ войскъ не встрѣтило никакихъ затрудненій. Указанныя части, въ полныхъ составахъ и съ положеннымъ имуществомъ, своевременно заканчивали свою мобилизацію и выступали въ районы ихъ стратегическаго развертыванія. Столичный обыватель могъ ежедневно любоваться на улицахъ, ведущихъ къ вокзаламъ, стройными и бодрыми рядами войсковыхъ частей, направлявшихся въ блестящемъ порядкѣ, для посадки на желѣзную дорогу. — Нѣсколько хуже обстояло дѣло со второочередными частями. Онѣ представляли довольно пеструю картину. Скелетъ ихъ долженъ былъ образовать тотъ небольшой кадръ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, который заблаговременно, еще въ мирное время, предназначался для выдѣленія, при мобилизаціи, изъ состава соотвѣтственныхъ первоочередныхъ частей. Кадръ этотъ, такимъ образомъ, имѣлъ возможность подготовиться къ своимъ будущимъ обязанностямъ. Однако, численность его была недостаточна; на практикѣ же, при самой мобилизаціи, вслѣдствіе преступнаго непониманія вреда, приносимаго общему дѣлу, бывали случаи подмѣны этого кадра болѣе слабыми элементами или отправленія изъ его состава людей въ продолжительныя командировки, вызывавшіяся неизбѣжными при мобилизаціи потребностями. — Съ другой стороны, прибывавшіе на укомплектованіе второочередныхъ частей люди, по преимуществу старшихъ сроковъ службы, оказывались, вслѣдствіе недостаточнаго вниманія, удѣлявшагося учебнымъ сборамъ, безъ всякихъ знаній и отвыкшими отъ воинской дисциплины. Среди нихъ попа-

дались и такіе, которые въ мирное время проходили службу не въ томъ родѣ оружія, въ который поступали при мобилизаціи. Такъ напримѣръ, много крѣпостныхъ артиллеристовъ попало въ пѣхотныя части. Не исключены были также случаи серьезныхъ недочетовъ въ вооруженіи и имуществѣ второочередныхъ частей. Не во всѣхъ частяхъ винтовки были передѣланы для стрѣльбы остроконечными патронами; не было походныхъ кухонь, ихъ приходилось замѣнять котлами или кухнями-самодѣлками; въ артиллеріи пушки были не послѣдняго образца, частью изношены, съ несовершенными прицѣльными приспособленіями; въ паркахъ перевозку боевыхъ припасовъ приходилось организовывать на обывательскихъ подводахъ. — Всѣ эти недочеты матерьяльнаго харатера были конечно извѣстны Военному Министерству, но отъ этого дѣлу не становилось легче. Пополненіе недостатковъ шло медленно и не всегда планомѣрно. Изъ года въ годъ свѣдѣнія о недостающемъ имуществѣ вносились въ мобилизаціонный отчетъ, ввидѣ ряда сухихъ цифръ, принимавшихъ живыя формы лишь для тѣхъ, кто серьезно вдумывался въ ихъ значеніе. Когда въ отдѣлѣ Генералъ-Квартирмейстера незадолго до войны былъ составленъ докладъ, имѣвшій цѣлью рельефно подчеркнуть, какъ отразится недостатокъ въ имуществѣ на боевой готовности арміи, то этотъ докладъ встрѣтилъ вѣдомственную ревность со стороны отдѣла, долженствовавшаго слѣдить за ходомъ пополненія неприкосновенныхъ запасовъ и увидѣвшаго въ данномъ выступленіи вмѣшательство въ чужое дѣло.

Въ результатѣ всего изложеннаго, несмотря на то, что сроки мобилизаціонной готовности второочередныхъ частей были оттянуты на нѣсколько дней назадъ, по сравненію съ полевыми войсками, части эти выступили на театръ военныхъ дѣйствій въ полусыромъ видѣ и не могли считаться готовыми для боевого ихъ использованія. — Тѣмъ не менѣе, въ періодъ самой войны въ тѣхъ второочередныхъ частяхъ, въ которыхъ подобрались соотвѣтственные начальники, сумѣвшіе пріобрѣсти авторитетъ и добиться внутренней спайки, создалась такая моральная сила, въ которой потонули матерьяльные недочеты. И будущій историкъ несомнѣнно отмѣтитъ рядъ второочередныхъ дивизій, пріобрѣвшихъ себѣ почетную боевую извѣстность въ нашей арміи.

Вслѣдъ за призывомъ военнообязанныхъ для укомплектованія арміи, долженъ былъ начаться призывъ ополченцевъ, въ потребность подлежавшихъ сформированію ополченскихъ частей. Соотвѣтствующій манифестъ объ этомъ состоялся 7-го Августа. Ополченскія части формировались по особому расписанію, состояли изъ дружинъ, сотенъ и батарей, частью отдѣльныхъ, частью сводившихся въ бригады изъ трехъ родовъ оружія; онѣ были предназначены для тыловой службы на театрѣ военныхъ дѣйствій и для гарнизонной службы внутри Имперіи. — Съ теченіемъ времени, часть ополченскихъ бригадъ была переформирована въ полевыя дивизіи.

Въ общемъ итогѣ установилось почти единодушное мнѣніе о томъ, что наша мобилизація прошла съ большимъ успѣхомъ. — Кажется, за все время пребыванія Генерала Сухомлинова въ должности Военнаго Министра, онъ былъ

только разъ встрѣченъ въ Таврическомъ Дворцѣ знаками всеобщаго къ нему вниманія и одобренія. Это было въ день торжественнаго засѣданія Государственной Думы по случаю объявленія войны, и такая встрѣча приписывалась успѣшному началу и ходу мобилизаціи. — Бывшій Начальникъ мобилизаціоннаго отдѣла Генералъ Лукомскій, высоко полезную работу котораго я ни въ какой мѣрѣ не имѣю ввиду преуменьшать, былъ впослѣдствіи пожалованъ необычнымъ знакомъ признанія его заслугъ въ дѣлѣ мобилизаціонной подготовки: онъ получилъ орденъ Св. Владиміра на «георгіевской» лентѣ. — Любители шутки впослѣдствіи прозвали это странное орденское сочетаніе: «Владиміромъ Георгіевичемъ». — И нельзя не признать, что если говорить о мобилизаціи арміи, подъ которой понимать приведеніе этой арміи съ мирнаго положенія на военное, то этотъ актъ прошелъ дѣйствительно вполнѣ гладко и въ полномъ соотвѣтствіи съ расчетами мирнаго времени. Но оставалось внѣ подготовки и исполненія нѣчто гораздо большее, — отсутствовала вовсе мобилизація страны, то есть приспособленіе всѣхъ ея живыхъ силъ къ длительной и упорной войнѣ. Необходимость таковой мобилизаціи даже не сознавалась и никакихъ почти мѣръ не только къ интенсификаціи, но даже просто къ сохраненію промышленной и сельско-хозяйственной жизни страны принято не было. Нѣкоторыя мобилизаціонныя мѣры, даже болѣе того, просто на просто подрывали эту жизнь, какъ, напримѣръ, призывъ въ войска почти всѣхъ квалифицированныхъ рабочихъ, съ замѣною ихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, по необходимости, новыми непривычными къ специальнымъ работамъ людьми. Это обстоятельство не только должно было повлечь за собою увеличеніе общаго числа заводскихъ и рудниковыхъ рабочихъ, что сейчасъ же отразилось на недостаткѣ рабочихъ въ деревнѣ, но послужило также началомъ серьезнаго паденія общей производительности заводовъ, а также добычи въ рудникахъ и каменноугольныхъ копяхъ. — И когда на это крайне серьезное обстоятельство промышленниками было обращено вниманіе Военнаго Министерства, то послѣднее долго не признавало возможнымъ измѣнить этотъ вредный порядокъ, ссылаясь на несправедливость держать опытнаго металлиста или шахтера въ тылу у станка или въ шахтѣ, въ относительной безопасности, когда его однолѣтки обязаны были службою на фронтѣ. — Равнымъ образомъ, какъ увидимъ далѣе, отсутствовалъ и планъ правильнаго питанія дѣйствующей арміи хорошо обученными пополненіями и достаточнымъ боевымъ снабженіемъ. Дѣло въ общемъ обстояло такъ, будто войнѣ суждено было закончиться въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. — Но кто же виновенъ въ такой непродуманности? Думается — всѣ или никто. Это потому, что въ Россіи вообще не существовало «настроеній» къ серьезной подготовкѣ къ войнѣ, и всякая чрезвычайная мѣра военнаго характера не могла не разбиться о мирныя тенденціи и финансовыя затрудненія. И еще потому, что масштабъ надвинувшейся войны, ея продолжительность и требовавшееся для ея веденія напряженіе были скрыты отъ всѣхъ современниковъ этой титанической борьбы, не исключая и германцевъ, коихъ у насъ привыкли считать образцомъ прозорливости и систематичности.

— Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и будущее вооруженное столкновеніе встрѣтитъ народы, которымъ суждено будетъ принять въ немъ участіе, вновь неготовыми къ тѣмъ неожиданностямъ, которыми ихъ подаритъ новая обстановка и новыя условія войны. — Первыми изъ этой неготовности, какъ это случилось и въ минувшую войну, выйдутъ, конечно, тѣ, кто скорѣе учтетъ значеніе новыхъ факторовъ и сумѣетъ ими овладѣть, силою своей энергіи и техники.

Высочайшимъ указомъ 10-го Августа были обнародованы правила, коими Россія имѣла ввиду руководствоваться въ періодъ войны. Документомъ этимъ Россія опредѣленно стала на основу тѣхъ нормъ, кои были выработаны и установлены современнымъ международнымъ правомъ. — Объявленными правилами, прежде всего, регулировались отношенія къ подданнымъ непріятельскихъ и нейтральныхъ государствъ. Природа войны сама по себѣ крайне сурова и потому въ отношеніи къ интересамъ частныхъ лицъ приходится принимать ограничивающія свободу этихъ лицъ мѣры, если онѣ диктуются соображеніями государственной цѣлесообразности; важно лишь не допустить произвола и ненужной жестокости. — Мѣры, установленныя у насъ въ отношеніи подданныхъ враждебныхъ и нейтральныхъ странъ въ общемъ не выходили за предѣлы тѣхъ, кои были приняты вообще всѣми участниками міровой войны. Затѣмъ, тѣмъ же указомъ 10-го Августа, подтверждалось соблюденіе Россіей, при условіи конечно взаимности, всѣхъ разновременно заключенныхъ, на случай войны, декларацій и конвенцій и, въ числѣ таковыхъ, о неупотребленіи взрывчатыхъ и разрывныхъ пуль, а также снарядовъ, имѣющихъ цѣлью распространеніе удушающихъ или вредоносныхъ газовъ.

Слѣдуя все болѣе разраставшемуся въ обществѣ движенію «противъ водки», правительство въ началѣ Сентября провело Высочайшее повелѣніе о продолженіи, впредь до окончанія военнаго времени, уже существовавшаго, въ видѣ временной мѣры, на періодъ мобилизаціи, воспрещенія продажи спирта, вина и водочныхъ издѣлій для мѣстнаго употребленія въ Имперіи. — Мѣра эта являлась, конечно, глубоко цѣлесообразной.

Съ началомъ приведенія на военное положеніе арміи, приступило къ мобилизаціи своихъ учрежденій и Россійское общество Краснаго Креста. Назначеніе этого общества, какъ извѣстно, состояло въ томъ, чтобы облегчить задачи Военно-Санитарнаго вѣдомства въ дѣлѣ оказанія первой помощи раненымъ и больнымъ и дальнѣйшаго ихъ лѣченія. — При усиленномъ развертываніи своихъ учрежденій, вызванномъ масштабомъ предстоявшей войны, нашъ Красный Крестъ встрѣтилъ большія трудности въ дѣлѣ укомплектованія этихъ учрежденій персоналомъ врачей. Для разрѣшенія этой задачи, пришлось постепенно прибѣгнуть къ ряду исключительныхъ мѣръ, вплоть до предложенія врачамъ изъ военноплѣнныхъ работать, при ихъ желаніи конечно, по своей спеціальности. — Слѣдуетъ отмѣтить, что наше военно-санитарное вѣдомство въ мирное время мало думало надъ тѣмъ, чтобы обезпечить войска на военное время достаточнымъ числомъ наиболѣе необходимой категоріи врачей-хирурговъ; поэтому въ горячій періодъ боевъ подача первой помощи раненымъ за-

державалась и работа ложилась далеко неравномѣрно на наличныхъ врачей. — Вмѣстѣ съ тѣмъ, назначенія врачей на случай мобилизаціи нерѣдко дѣлались «въ слѣпую», безъ принятія въ расчетъ ихъ спеціальности. Могу этому привести яркій примѣръ: Мой знакомый, въ свое время извѣстный всему Петербургу спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ, докторъ Карпинскій горько жаловался мнѣ, что получилъ при мобилизаціи назначеніе на должность старшаго врача въ одинъ изъ захолустныхъ тыловыхъ госпиталей, не то въ Уфѣ, не то въ Оренбургѣ; между тѣмъ его помощь и совѣты могли принести неоцѣнимую пользу гдѣ либо въ центральномъ пунктѣ или спеціальномъ заведеніи, въ особенности ввиду наблюдавшагося повышенія процента нервныхъ заболѣваній въ арміи. — Подобныхъ случаевъ неправильнаго использованія врачей было конечно не мало, — я привелъ лишь одинъ, изъ болѣе рельефныхъ.

12-го Августа, по инициативѣ Московскаго Губернскаго Земства, въ Москвѣ было положено начало Всероссійскому Земскому Союзу помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. — Нѣсколькими днями позднѣе — тамъ же и съ тою же цѣлью — образованъ былъ Всероссійскій Союзъ городовъ. — Оба союза были приняты подъ флагъ Краснаго Креста.

Широкой рѣкой потекли разнаго рода пожертвованія во всѣ перечисленныя организаціи. — Создавались и другія частныя организаціи, также принявшіяся за гуманитарную работу на пользу арміи подъ флагомъ того же Краснаго Креста. — Русское общество искало выхода охватившему его порыву и во главѣ управленія и завѣдыванія учрежденіями различныхъ гуманитарныхъ организацій стали люди, за которыми числились большія общественныя заслуги.

Въ началѣ войны на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, изъ неправительственныхъ организацій, допускалась работа лишь учрежденій Росс. Общества Краснаго Креста. — Дальнѣйшая помощь, ввидѣ участія въ эвакуаціи внутрь Имперіи и систематическаго лѣченія въ глубокомъ тылу, — должна была составить задачу земскихъ, городскихъ, дворянскихъ, купеческихъ и др. частныхъ организацій. Но весьма скоро развившіяся военныя дѣйствія нарушили первоначальныя предположенія, и дѣятельность всѣхъ организацій вышла далеко за предѣлы намѣчавшихся вначалѣ границъ.

Нельзя найти достаточно краснорѣчивыхъ словъ, чтобы достойно отмѣтить высоко-полезную и самоотверженную работу Россійскаго Общества Краснаго Креста и всѣхъ другихъ частныхъ гуманитарныхъ организацій. — Ихъ дѣятельность не ограничилась предѣлами медико-санитарной помощи и постепенно охватила всѣ стороны войскового быта, проникнувъ до самыхъ передовыхъ линій и приходя на помощь всѣмъ нуждамъ чиновъ арміи. Въ настоящемъ очеркѣ затруднительно привести даже простой перечень наименованій всѣхъ тѣхъ учрежденій, коими обслуживались разностороннія потребности войскъ.—Впослѣдствіи, нѣкоторыя изъ перечисленныхъ организацій расширили свою дѣятельность до того, что организовали отряды для производства разнаго рода окопныхъ и дорожныхъ работъ; онѣ же, эти организаціи, стали загото-

вителями разнаго рода предметовъ для интендантства; завели свои фабрики и заводы; распространили свои заботы на инвалидовъ войны и военно-плѣнныхъ, а когда въ 1915-мъ году началось стихійное движеніе бѣженцевъ съ запада на востокъ, — они занялись питаніемъ двигавшихся по дорогамъ людей и ихъ скота, разселеніемъ бѣженцевъ и ихъ устройствомъ.

Но даже на солнцѣ есть пятна. — Были они, конечно, и въ дѣятельности названныхъ выше гуманитарныхъ организацій.

Я не хотѣлъ бы подробно останавливаться на недочетахъ въ этой дѣятельности, но все же не могу пройти мимо, не указавъ на тотъ вредъ, который наносился общему дѣлу слишкомъ широкимъ освобожденіемъ личнаго персонала отъ службы на фронтѣ, въ рядахъ войскъ. Среди служившихъ въ многочисленныхъ учрежденіяхъ названныхъ выше организацій было не мало «уклонявшихся», которыхъ окрестили нелестной кличкой «земгусаровъ». Работа этихъ людей всегда вызывала въ войскахъ чувство предубѣжденія, и отъ наличія этой категоріи служащихъ страдала репутація учрежденій, ихъ пріютившихъ.

Не дѣлая никакихъ выводовъ и обобщеній, но лишь въ интересахъ исторической правды, должно также отмѣтить, что изъ лицъ, служившихъ въ гуманитарныхъ общественныхъ организаціяхъ, вышелъ не одинъ дѣятель, «успѣшно» поработавшій въ періодъ революціоннаго угара надъ разложеніемъ нашей усталой и обезкровленной арміи.

Объявленіе намъ Германіей и Австро-Венгріей войны совпало, по времени, съ обычнымъ пребываніемъ заграницей большого числа русскихъ подданныхъ, прибывавшихъ туда не только для отдыха и лѣченія, но и на лѣтніе заработки. Число такихъ лицъ обыкновенно достигало нѣсколькихъ сотенъ тысячъ. — Такъ это было и въ 1914-мъ году. — Застигнутые объявленіемъ войны, всѣ находившіеся заграницей русскіе люди спѣшно сорвались съ мѣстъ и хлынули въ обратный путь, на родину. — При переѣздѣ въ Россію, имъ пришлось испытать не мало лишеній, тревогъ, а подчасъ и тяжелыхъ обидъ. — Проѣхать сухимъ путемъ, черезъ нашу западную границу, удалось лишь немногимъ и только въ самые первые дни. Большинство же возвращавшихся вынуждено было искать болѣе кружныхъ путей, преимущественно черезъ нейтральную Швецію. — Во время этого путешествія, оказавшагося довольно длительнымъ и утомительнымъ, многіе испытали крайнюю нужду въ средствахъ, бѣльѣ и теплой одеждѣ, ставшей необходимой при осеннемъ переѣздѣ по морямъ. — Возвращавшіеся черезъ Швецію получали возможную помощь отъ «Русскаго Комитета», образовавшагося при русской дипломатической миссіи въ Стокгольмѣ; такіе же комитеты постепенно сорганизовались и въ другихъ странахъ.

Много помогалъ русскимъ людямъ, при возвращеніи ихъ домой, Московскій Городской Комитетъ помощи застигнутымъ войной заграницей. — Этотъ Комитетъ былъ, впрочемъ, образованъ Московскимъ Городскимъ Общественнымъ Управленіемъ лишь въ Октябрѣ 1914-го года. — Впослѣдствіи онъ перенесъ свою дѣятельность на дѣло оказанія помощи нашимъ военноплѣннымъ.

Уже на третьемъ мѣсяцѣ войны, свободному возвращенію русскихъ подданныхъ въ отечество былъ, однако, положенъ предѣлъ въ Центральныхъ Державахъ, находившихся съ нами во враждебныхъ отношеніяхъ. — Не успѣвшіе выѣхать къ этому времени изъ предѣловъ Германіи и Австро-Венгріи были тамъ задержаны и приравнены къ тѣмъ русскимъ, кои, будучи признаны нашими противниками военнообязанными, лишены были права на выѣздъ въ самый моментъ объявленія намъ войны.

Чтобы облегчить нашимъ военнообязаннымъ, оказавшимся заграницей, выполненіе лежавшаго на нихъ долга, имъ было разрѣшено вступать въ ряды союзныхъ намъ армій, разумѣется, съ согласія соотвѣтствующихъ правительствъ.

Въ первые дни войны у насъ, въ столицѣ, чувствовалась неувѣренность за внѣшнюю ея безопасность. Многихъ давилъ кошмаръ возможной высадки германцевъ въ Финляндіи, вблизи Петербурга. Ходили слухи, что нѣмцы сосредоточиваютъ въ Штеттинѣ большое количество транспортовъ и что нѣсколько непріятельскихъ крейсеровъ прошли Бельты, направляясь на востокъ. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ слуховъ, 3-го Августа пришло извѣстіе о томъ, что германскіе крейсеры наканунѣ бомбардировали Либаву. Въ слѣдующую ночь, въ очень поздній часъ, я былъ вызванъ къ телефону изъ штаба округа лицомъ, занимавшимъ въ этомъ штабѣ очень отвѣтственный постъ. Лицомъ этимъ было мнѣ сообщено, что съ побережья получены донесенія о подозрительномъ появленіи въ морѣ большого числа невѣдомыхъ огней. Я долженъ былъ успокоить своего собесѣдника соображеніемъ, что отъ непріятельскаго флота трудно ожидать столь большой любезности, какъ подходъ къ намъ съ предупрежденіемъ собственными огнями. И дѣйствительно, по провѣркѣ оказалось, что огни принадлежали какимъ то мирнымъ купеческимъ судамъ, случайно прошедшимъ въ туманѣ мимо нашихъ сторожевыхъ судовъ и постовъ и вошедшимъ въ Финскій заливъ. Фактъ этотъ характеренъ однако въ томъ отношеніи, что имъ рисуется степень нервности, которая была присуща многимъ, даже изъ среды военныхъ круговъ.

Нервное безпокойство улеглось окончательно лишь къ 5-му Августа, когда стало извѣстнымъ, что Англія объявила войну Германіи. Съ этого момента германскій флотъ, по общему мнѣнію, обрекался на бездѣйствіе, и петербургскій обыватель отнынѣ пріобрѣталъ спокойствіе за морскіе подступы къ столицѣ Имперіи. — На самомъ же дѣлѣ мы были обязаны обезпеченіемъ столицы со стороны моря прежде всего бдительности и энергіи нашего Балтійскаго флота, находившагося подъ начальствомъ доблестнаго и высокопопулярнаго Адмирала Эссена.

Оборона Финскаго залива, вслѣдствіе матерьяльной слабости нашего флота, не имѣвшаго возможности искать встрѣчи съ непріятелемъ въ открытомъ морѣ, была построена на созданіи центральной морской оборонительной позиціи Наргенъ-Поркалаудъ, долженствовавшей преградить непріятелю доступъ въ Финскій заливъ. Фланги этой позиціи, вынесенной къ устью названнаго

залива, должны были найти себѣ опору въ дальнобойныхъ батареяхъ крупнаго калибра на о.о. Наргенъ и Макилото, а промежутокъ между батареями долженъ былъ быть прегражденъ, съ наступленіемъ военнаго времени, установкою сплошного миннаго загражденія. — Но, чтобы установка подобнаго миннаго загражденія оказалась практически осуществимой, необходимо было приступить къ ней своевременно. Правильное разрѣшеніе этого вопроса до крайности безпокоило Командующаго флотомъ, который не могъ не опасаться внезапнаго появленія германскаго флота въ нашихъ водахъ, въ каковомъ случаѣ весь планъ нашей обороны могъ нарушиться самъ собою. Между тѣмъ ходатайства Эссена о предоставленіи ему права приступить къ постановкѣ миннаго загражденія по его усмотрѣнію не увѣнчивались успѣхомъ. Такое же отрицательное къ себѣ отношеніе встрѣтилъ выдвинутый Адмираломъ Эссеномъ планъ загражденія Кильской бухты, которымъ имѣлось ввиду предотвратить возможность внезапнаго выхода въ море германскаго флота. Проектъ этотъ былъ отвергнутъ все по той же причинѣ нежеланія вступить на путь обостренія конфликта и «подать поводъ къ недоразумѣніямъ и осложненіямъ». — И только, когда было получено донесеніе отъ нашей агентуры о сосредоточеніи въ Килѣ значительныхъ силъ германскаго флота, который, по расчету времени, черезъ 35—40 часовъ хода могъ войти въ Финскій заливъ, только тогда Адмиралу Эссену было Высочайше разрѣшено приступить къ выполненію намѣченной операціи по установленію въ устьѣ Финскаго залива сплошного миннаго загражденія.

Въ ночь на 30-е Іюля нашъ флотъ вышелъ къ о. Наргену, въ раіонѣ котораго на слѣдующее утро, послѣ шестичасовой самоотверженной работы, имъ и было выставлено проектированное минное загражденіе поперекъ Финскаго залива. — Въ слѣдующіе дни, въ дополненіе къ таковому загражденію, съ лихорадочной поспѣшностью были возведены новыя батареи на Наргенѣ, Суропѣ и Макилото. — Оборудована была также передовая позиція, прикрывшая Ботническій заливъ и подступы къ центральной позиціи; кромѣ того минированы важнѣйшіе шхерные проходы. — Затѣмъ было приступлено къ изысканію и траленію новыхъ фарватеровъ для глубоко сидящихъ судовъ.

Съ прегражденіемъ Финскаго залива, было достигнуто обезпеченіе ближайшихъ морскихъ подступовъ къ столицѣ Имперіи, что и дало возможность впослѣдствіи снять съ побережья всѣ остававшіяся на немъ войска и отправить ихъ на западный фронтъ.

Въ тылу названной центральной позиціи въ распоряженіи Балтійскаго флота имѣлись крѣпости: Петра Великаго (Ревель) и Свеаборгъ, служившія флоту оперативными базами, и крѣпость Кронштадтъ, въ качествѣ базы хозяйственной.

Укрѣпивъ центральную морскую позицію, Адмиралъ Эссенъ, чтобы дать выходъ энергіи подчиненному ему флоту и нанести противнику возможный вредъ, развилъ систему морскихъ налетовъ въ южную часть Балтійскаго моря, съ цѣлью постановки минныхъ загражденій въ непріятельскихъ водахъ. —

Эта самоотверженная дѣятельность нашего флота доставляла много хлопотъ нашему противнику. Она затрудняла связь Германіи со Швеціей, черезъ которую происходили сношенія первой съ внѣшнимъ міромъ и доставлялись въ Германію пищевые продукты и матерьялы для военной промышленности. Не разъ на выставлявшихся нашимъ флотомъ минахъ взрывались и нѣмецкія суда. Кромѣ того, смѣлая, доходившая до дерзости активная дѣятельность нашего сильнаго духомъ флота вынуждала германцевъ держать въ Балтійскомъ морѣ значительныя морскія силы, отвлекая ихъ отъ Сѣвернаго моря; флотъ этотъ сталъ примѣнять для собственнаго обезпеченія, такую же систему постановки минныхъ загражденій на путяхъ слѣдованія нашихъ судовъ. Но стѣснивъ постановкою минныхъ загражденій движеніе нашихъ судовъ, непріятель стѣснилъ тѣмъ самымъ и свои собственныя дѣйствія. Въ результатѣ этого, на первыхъ же порахъ, въ ночь на 27-е Августа, германскій крейсеръ «Магдебургъ» сѣлъ на мель у входа въ Финскій заливъ. На этомъ крейсерѣ нами, между прочимъ, были захвачены цѣннѣйшіе документы, давшіе намъ возможность впослѣдствіи расшифровывать морскія распоряженія и донесенія непріятеля. Съ этого времени для насъ и нашихъ союзниковъ многія секретныя заданія непріятельскаго флота не являлись болѣе неожиданностью.

Большимъ недочетомъ нашей судостроительной программы довоеннаго времени было недостаточное вниманіе, удѣлявшееся ею развитію нашего подводнаго флота. Еще задолго до войны сухопутный генеральный штабъ тщетно пытался привлечь вниманіе руководящихъ морскихъ круговъ къ этому наиболѣе дѣйствительному средству въ рукахъ слабѣйшаго на морѣ. — Но наше морское министерство упорно стояло на скорѣйшей необходимости возсозданія, послѣ несчастной японской войны, линейнаго флота. — Нынѣ, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, недостатокъ подводныхъ средствъ защиты береговъ долженъ былъ дать себя почувствовать съ особой остротой. Чтобы придти намъ на помощь, Британское морское командованіе рѣшило отправить въ русскія воды, черезъ Зундъ, шесть своихъ подводныхъ лодокъ. Одна изъ нихъ не дошла по назначенію; остальныя пять благополучно прибыли въ Гельсингфорсъ, если не ошибаюсь, во второй половинѣ Августа и доблестно работали, вмѣстѣ съ нашими моряками, въ теченіе всей войны.

Что касается сухопутнаго фронта, то враждебныя дѣйствія на немъ начались 1-го Августа, то есть въ первый же день по объявленіи намъ Германіей войны.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, германскія войска проявили серьезныя намѣренія къ развитію наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу р. Вислы гдѣ у насъ, для прикрытія мобилизаціи, оставались только части пограничной стражи, кавалерія и стрѣлки. — Въ первые же дни войны нѣмцами были заняты Бендинъ, Калишъ и Ченстоховъ; затѣмъ они стали постепенно продвигаться на Лодзь.

Съ объявленіемъ намъ войны Австро-Венгріей, на лѣвомъ берегу Вислы въ нашихъ предѣлахъ появились и австрійскія войска. Ихъ отряды изъ трехъ

родовъ оружія были обнаружены на направленіи Мѣховъ—Андреевъ. — Къ серединѣ Августа австрійцы подошли къ Кѣльцамъ.

Интересно отмѣтить еще слѣдующіе эпизоды:

16-го Августа одна изъ кавалерійскихъ дивизій австро-венгерской арміи, снабженная артиллеріей и усиленная двумя батальонами пѣхоты, подошла къ Владиміру-Волынску; здѣсь она окружила квартировавшій въ городѣ 68-й Бородинскій полкъ, съ приданной ему полусотней Донцовъ. — По непредусмотрительности мѣстнаго командованія, гарнизонъ Владимиръ-Волынска не имѣлъ въ своемъ составѣ артиллеріи. Бородинцы, лишенные такимъ образомъ возможности отвѣчать на огонь непріятельской артиллеріи, должны были выдержать, при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, упорный бой, въ результатѣ котораго отстояли себя и городъ.

Какъ бы въ отместку за это нападеніе, наша сводная кав. дивизія (2-я и 3-я отд. бригады) 5-й арміи произвела, съ развѣдывательными цѣлями, 21-го Августа смѣлый налетъ на Каміонку-Струмилову. — При вступленіи въ городъ, былъ смертельно раненъ, пулею въ животъ, Командовавшій дивизіей Генералъ Ванновскій (Сергѣй) — сынъ бывшаго военнаго Министра и первая жертва войны среди Генераловъ Россійской арміи.

17-го Августа австрійцами былъ занятъ Каменецъ-Подольскъ; черезъ нѣсколько дней городъ былъ очищенъ непріятелемъ.

Нападеніе на Владимиръ-Волынскъ и временое занятіе врагомъ Каменецъ-Подольска — два эпизода совершенно мѣстнаго и ограниченнаго значенія, — произвели въ нашемъ обществѣ, и даже среди войскъ, очень сильное впечатлѣніе, и вызвали толки по поводу яко бы бездѣйствія нашего командованія. — Этотъ фактъ лишній разъ свидѣтельствуетъ, насколько важны въ психологическомъ отношеніи первыя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. Военный Министръ Генералъ Сухомлиновъ написалъ мнѣ горячее письмо, сѣтуя на бездѣятельность Генерала Иванова, и напоминалъ мнѣ о необходимости настаивать на скорѣйшемъ переходѣ армій Ю.-З. фронта въ наступленіе.

Всѣ пограничныя столкновенія, хотя и давали намъ кое какія свѣдѣнія о непріятелѣ, но далеко не достаточныя для сужденія о фактическихъ его силахъ на театрахъ войны и общей группировкѣ. Въ современныхъ условіяхъ, сборъ такихъ свѣдѣній, кромѣ агентуры, можетъ обезпечить лишь авіація, которая даетъ возможность установить систематическое наблюденіе за работой желѣзныхъ дорогъ и скопленіемъ войскъ въ тѣхъ или иныхъ раіонахъ. Передъ агентурой она имѣетъ огромныя преимущества, какъ въ смыслѣ скорости доставки добытыхъ свѣденій, такъ и въ смыслѣ большей ихъ достовѣрности. Но, къ сожалѣнію, наши авіаціонныя средства находились въ зачаточномъ состояніи, почему услугами ихъ мы почти не имѣли возможности пользоваться. — Приходилось поэтому базироваться почти исключительно на агентурныхъ свѣдѣніяхъ и слухахъ, доходившихъ до насъ всякими кружными путями.

Подготовительными къ войнѣ соображеніями мѣстомъ расположенія штаба Верховнаго Главнокомандующаго (Ставки, какъ впослѣдствіи стали его на-

зывать) было назначено м. Барановичи, находившееся у узловой желѣзнодорожной станціи того же наименованія. — Отъѣздъ изъ Петербурга, гдѣ распоряженіемъ Главнаго Управленія Генеральнаго штаба формировался этотъ штабъ, былъ первоначально намѣченъ на 10-й день мобилизаціи (9-е Августа), но затѣмъ отсроченъ на нѣсколько дней и окончательно установленъ на 14-е Августа. — Первый эшелонъ штаба, съ которымъ назначилъ свой отъѣздъ Великій Князь Верховный Главнокомандующій, долженъ былъ отойти въ 11 часовъ вечера со станціи Новый Петергофъ. — Былъ чудный, еще совсѣмъ лѣтній вечеръ. Постепенно на станцію стали собираться отъѣзжающіе и лица, ихъ провожавшія. Послѣднихъ было немного — только самые близкіе. Пріѣхалъ Великій Князь, Верховный Главнокомандующій, со своимъ младшимъ братомъ Петромъ Николаевичемъ, безотлучно его сопровождавшимъ въ теченіе всей войны; заблаговременно собралась и его малочисленная свита. — Ждали Государя, но онъ не пріѣхалъ. — Это нѣкоторыхъ искренно опечалило, другихъ больно задѣло. — Послѣ краткаго молитвословія, всѣ стали молча прощаться и расходиться по назначеннымъ каждому въ поѣздѣ мѣстамъ. Еще минута — и поѣздъ тихо безшумно сталъ отходить при глубокомъ торжественномъ молчаніи провожавшихъ. Въ темнотѣ на дебаркадерѣ намъ изъ вагоновъ виднѣлись поднятыя руки оставшихся, творившія крестныя знаменія вслѣдъ удалявшемуся поѣзду. — Каждому въ этомъ поѣздѣ, вѣроятно, думалось о томъ, что ждетъ нашу Родину впереди и каково будетъ его личное возвращеніе!.. Да и суждено ли всѣмъ возвратиться въ покидаемую столицу, къ мирнымъ условіямъ жизни!..

Поѣздъ Верховнаго состоялъ изъ нѣсколькихъ вагоновъ, преимущественно перваго класса. Посрединѣ поѣзда находился обыкновенный вагонъ-ресторанъ. Рядомъ съ нимъ — низкій старинный вагонъ-салонъ Великаго Князя Николая Николаевича, который помѣщался въ немъ, вмѣстѣ съ братомъ. Еще рядомъ — вагонъ Начальника Штаба, въ которомъ было отведено купэ мнѣ и помѣщался также личный адъютантъ Генерала Янушкевича. — Остальные чины штаба, слѣдовавшіе съ этимъ поѣздомъ, размѣстились по двое въ каждомъ купэ.

Чтобы не нарушить воинскаго движенія, поѣздъ шелъ по воинскому графику, продвигаясь лишь медленно впередъ. На слѣдующій день, только подъ вечеръ, мы прибыли въ Лиду, гдѣ уже размѣстился штабъ Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта. Здѣсь Верховный Главнокомандующій имѣлъ первую продолжительную бесѣду съ Генераломъ Жилинскимъ. — Только 16-го Августа, около полудня, мы прибыли, наконецъ, въ Барановичи.

Верховный Главнокомандующій и чины его штаба продолжали жить въ вагонахъ во все время пребыванія ставки въ Барановичахъ, то есть до второй половины Августа 1915-го года. — Для установки поѣзда, въ которомъ помѣщались Великій Князь Верховный Главнокомандующій, его братъ, адъютанты, военные представители иностранныхъ союзныхъ державъ, Начальникъ штаба, Генералъ-Квартирмейстеръ и нѣсколько офицеровъ Генеральнаго штаба, — была выстроена небольшая желѣзнодорожная вѣтка; она заканчивалась ту-

пикомъ, упиравшимся въ прекрасный сосновый лѣсъ. Въ этомъ же лѣсу, у тупика, стоялъ казенный домъ, занимавшійся въ мирное время Начальникомъ желѣзнодорожной бригады, квартировавшей въ Барановичахъ. Нѣсколько поодаль, вблизи желѣзнодорожныхъ казармъ, расположился второй поѣздъ съ остальными чинами штаба. Помѣщенія для занятій чиновъ штаба были отведены въ казармахъ; управленіе же Генералъ-Квартирмейстера размѣстилось въ упомянутомъ выше домѣ Начальника желѣзнодорожной бригады. Домъ этотъ, выстроенный изъ дерева, недурной съ внѣшней стороны архитектуры, состоялъ всего изъ пяти-шести довольно просторныхъ комнатъ. Направо отъ входа — кабинетъ Генералъ-Квартирмейстера съ огромнымъ столомъ, занимавшимъ почти треть комнаты, для работы надъ картами, и съ другимъ столомъ, размѣрами много меньше, для письменныхъ работъ; въ остальныхъ комнатахъ по двое и по трое работали сотрудники Генералъ-Квартирмейстера — офицеры Генеральнаго штаба. — Наконецъ, рядомъ съ домомъ въ отдѣльной пристройкѣ — находился оперативный телеграфъ.

Вотъ и вся Ставка.

Впослѣдствіи, но уже къ лѣту 1915-го года, къ указанному оборудованію добавлены были: навѣсъ надъ поѣздомъ, для предохраненія отъ дождя и жары, шатеръ-столовая, раскинутый въ лѣсу, и расширена была аппаратная; кромѣ того, кругомъ было устроено нѣсколько цвѣточныхъ клумбъ.

Охрану Ставки поочередно несъ одинъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ; при ставкѣ кромѣ того находилась особая батарея, кустарнымъ образомъ приспособленная для стрѣльбы по аэропланамъ. — Выдѣленіе особыхъ аэроплановъ для охраны Ставки было невозможно, вслѣдствіе крайней бѣдности нашихъ авіаціонныхъ средствъ.

Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго, въ періодъ пребыванія во главѣ армій Великаго Князя Николая Николаевича, былъ крайне малочисленъ.

Онъ состоялъ изъ слѣдующихъ управленій: Генералъ-Квартирмейстера, вѣдавшаго разработкой оперативныхъ вопросовъ и службою Генеральнаго штаба; Дежурнаго Генерала, въ вѣдѣніи котораго находились вопросы о назначеніяхъ, численности и укомплектованіи вооруженныхъ силъ, равно о степени обезпеченія ихъ главнѣйшими видами довольствія; Начальника военныхъ сообщеній, руководившаго эксплоатаціей всѣхъ путей сообщенія на театрѣ войны, и Военно-морского управленія, въ которомъ сосредоточивались всѣ вопросы, касавшіеся дѣйствій флота. — Кромѣ того, при Начальникѣ штаба состояла дипломатическая часть и гражданская канцелярія.

Въ управленіи Генералъ-Квартирмейстера состояло всего 13-ть офицеровъ Генеральнаго штаба и 2 военныхъ топографа. Всѣ они работали очень дружно, съ полною самоотверженностью, и я вспоминаю о нашей совмѣстной съ ними работѣ не иначе, какъ съ чувствомъ глубокаго уваженія и личной признательности къ каждому изъ моихъ бывшихъ сотрудниковъ.

Положеніе Генералъ-Квартирмейстера въ Ставкѣ было до чрезвычайности

труднымъ и деликатнымъ. — Начальникъ штаба Генералъ Янушкевичъ не пользовался, въ необходимой мѣрѣ, дѣловымъ авторитетомъ ни среди подчиненныхъ, ни въ арміи. Своимъ служебнымъ выдвиженіемъ сначала на постъ Начальника Генеральнаго штаба, а затѣмъ — съ началомъ войны — Начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, онъ былъ обязанъ личному расположенію къ нему Государя, и это было всѣмъ хорошо извѣстно. — Неподготовленный предшествующей службой къ широкой оперативной работѣ и не вошедшій въ нее, онъ предпочиталъ въ вопросахъ стратегіи держаться нейтрально, ослабляя такой своей позиціей, помимо можетъ быть своей воли, авторитетъ Ставки и способствуя этимъ излишнему нарастанію самостоятельности фронтовъ, при которой осуществленіе всякой стратегической комбинаціи требовало большихъ усилій воли и напряженія. Въ равной мѣрѣ, Генералъ Янушкевичъ не сумѣлъ пріобрѣсти вліянія на ходъ не только правительственной машины, но даже административно-хозяйственной работы Военнаго министерства. — Эти обстоятельства въ значительной мѣрѣ затрудняли веденіе войны.

Здѣсь необходимо отмѣтить, что наше Положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время было приноровлено къ предположенію, что во главѣ дѣйствующихъ войскъ будетъ находиться Государь Императоръ. Ближайшими сотрудниками Верховнаго Вождя въ этомъ случаѣ должны были являться Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго по вопросамъ оперативнаго характера и Военный Министръ по дѣламъ снабженія Дѣйствующей Арміи всѣмъ необходимымъ; при этомъ, для заказовъ и военныхъ заготовокъ, какъ внутри Имперіи такъ и заграницей, въ распоряженіи Военнаго Министра оставался аппаратъ, ввидѣ всѣхъ довольствующихъ главныхъ управленій Военнаго министерства. Такъ какъ Начальникъ штаба и Военный Министръ находились бы, въ этомъ случаѣ, въ непосредственномъ подчиненіи одному лицу — Государю Императору, то, при такой схемѣ, связь и взаимное согласованіе должны были считаться обезпеченными. — Напротивъ, съ назначеніемъ на должность Верховнаго Главнокомандующаго особаго лица, стройность этой схемы нарушалась, ибо Военный Министръ оказывался внѣ подчиненія фактическому вождю армій и лицу, отвѣтственному за ходъ военныхъ дѣйствій. — Хотя отношенія Великаго Князя Николая Николаевича и Генерала Сухомлинова были наружно корректными, но не близкими и недостаточно довѣрчивыми. Военный Министръ рѣдко и на самый короткій срокъ пріѣзжалъ въ Ставку, чаще одновременно съ Государемъ, когда обстановка менѣе способствовала детальной совмѣстной работѣ. — Основываясь на нормахъ прежнихъ войнъ, Генералъ Сухомлиновъ повидимому недостаточно довѣрялъ тѣмъ тревожнымъ сообщеніямъ о всякаго рода нуждахъ арміи и надвигавшемся недостаткѣ боевого снабженія, кои шли изъ Ставки едва ли не со второго мѣсяца войны. Это обстоятельство несомнѣнно отразилось неблагопріятно въ томъ отношеніи, что мѣры по надлежащему обезпеченію нашей арміи предметами боевого снабженія принимались съ нѣкоторымъ запозданіемъ.

Жизнь въ Ставкѣ протекала размѣренно и съ монастырскою простотою. День для моихъ сотрудниковъ начинался очень рано, такъ какъ уже къ 9-ти часамъ утра всѣ донесенія, поступившія за ночь, должны были быть нанесены на карты. — Основною картою для работъ штаба считалась 10-ти верстная карта изданія нашего Военно-Топографическаго отдѣла, которая, по масштабу своему, вполнѣ отвѣчала характеру работъ Верховнаго Главнокомандованія. Однако, карта эта, къ сожалѣнію, оказалась далеко не совершенною, по нанесеннымъ на ней подробностямъ, въ особенности въ отношеніи изображенія главнаго для стратегіи — путей сообщенія. Весьма часто поэтому приходилось прибѣгать къ болѣе детальнымъ картамъ, каковыми были карты — 3, 2 и 1-верстныя, и также карты заграничныхъ изданій. Слѣдить за развитіемъ боевыхъ операцій приходилось, разумѣется, по картамъ и планамъ болѣе крупныхъ масштабовъ.

Къ 10-ти часамъ утра въ кабинетъ Генералъ-Квартирмейстера, гдѣ всегда происходили оперативные доклады, приходилъ Верховный Главнокомандующій съ Начальникомъ штаба. — Докладъ продолжался отъ одного до двухъ часовъ времени, смотря по матерьялу. Затѣмъ я диктовалъ, рѣже писалъ собственноручно, текущія распоряженія, редактировалъ подготовленное очередное сообщеніе въ прессу, или шелъ въ аппаратную для бесѣды со штабами фронтовъ. Работа эта нерѣдко затягивалась часовъ до 3—4, съ получасовымъ перерывомъ для завтрака. Послѣ 4-хъ часовъ пополудни, время до шести оставалось сравнительно свободнымъ; каждый пользовался имъ по своему вкусу; любители ѣздить верхомъ и ходить пѣшкомъ — отправлялись на прогулку въ дивный лѣсъ, окружавшій Ставку со всѣхъ сторонъ. — Къ 6-ти часамъ собиралась новая серія донесеній; новая разборка ихъ; если нужно — докладъ Верховному Главнокомандующему, на сей разъ чаще у него въ вагонѣ, или въ вагонѣ Начальника штаба; новыя распоряженія. Въ 8 часовъ вечера обѣдъ, а затѣмъ работа надъ болѣе крупными вопросами, требовавшими болѣе продолжительнаго времени и сосредоточенія. — Схема эта конечно нарушалась, сообразно обстановкѣ въ періодъ боевыхъ операцій.

Но даже въ періодъ сихъ послѣднихъ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго тщательно избѣгалъ вмѣшиваться въ детали выполненія операцій и перегружать низшіе штабы излишними распоряженіями и требованіями отчетовъ, внѣочередныхъ донесеній и т. п. — При томъ огромномъ, сложномъ и деликатномъ механизмѣ, какой представляетъ изъ себя современная многомильонная армія, раскинутая на тысячеверстныхъ пространствахъ, подраздѣленная на рядъ организаціонныхъ клѣтокъ (корпуса, арміи, фронты), — жизнь и правильная работа войскъ могутъ быть обезпечены только въ томъ случаѣ, если каждая инстанція будетъ дѣлать только свое дѣло, не вмѣшиваясь въ компетенцію и не тормазя дѣятельности другой инстанціи. Вмѣшательство высшихъ штабовъ, докатываясь до низовъ, обычно создаетъ крайне нервную атмосферу; правильное же веденіе операціи, длящейся къ тому же при нынѣшнихъ условіяхъ иногда недѣли, требуетъ спокойствія и глубокаго уваженія къ тому обык-

новенно очень ограниченному времени, которое каждому удается выкроить для необходимаго физическаго отдыха. — Къ тому же приходится всегда имѣть ввиду, что высшіе штабы получаютъ свѣдѣнія о происходящемъ на периферіи, гдѣ собственно рѣшается вопросъ кровью, не непосредственно, а черезъ рядъ инстанцій, и притомъ съ неизбѣжнымъ запозданіемъ — хорошо, если только на нѣсколько часовъ; поэтому и распоряженія ихъ могутъ имѣть дѣйствительную цѣнность только въ томъ случаѣ, если будутъ соображены не только съ этимъ обстоятельствомъ, но еще и со временемъ, необходимымъ для приведенія отдаваемыхъ распоряженій въ исполненіе.

Въ самомъ началѣ войны въ Ставкѣ, въ управленіи Генералъ-Квартирмейстера, были разработаны мѣры по сбору, храненію и постепенной эвакуаціи изъ театра войны вглубь страны накапливавшихся военно-историческихъ матерьяловъ. — Съ этой цѣлью, при штабахъ фронтовъ были образованы особыя архивныя ячейки, устанавливались сроки сдачи войсками дѣлъ и документовъ, равно порядокъ отправленія ихъ въ Москву, въ главное хранилище. — Благодаря этимъ мѣрамъ, должна была быть достигнута полная сохранность всѣхъ наиболѣе цѣнныхъ матерьяловъ по минувшей войнѣ; однако, послѣдовавшая вслѣдъ за революціей большевистская вакханалія вѣроятно внесла немалое разстройство и въ состояніе нашихъ архивныхъ учрежденій.

Изъ иностранныхъ военныхъ представителей союзныхъ намъ Державъ въ Ставкѣ непрерывно находились: отъ Франціи — Генералъ Маркизъ де Лагишъ, отъ Великобританіи — Генералъ Вильямсъ, отъ Бельгіи — Генералъ Баронъ де Риккель, отъ Японіи — Генералъ Оба, позднѣе — Генералъ Накадзима, отъ Сербіи — Полковникъ Лонткевичъ. Позднѣе, уже въ 1915-мъ году, въ Ставку прибыли Военные представители: Черногоріи—Генералъ Мартиновичъ и Италіи — Полковникъ Ропола. — Всѣ военные представители союзныхъ намъ Державъ раздѣляли нашъ скромный образъ жизни. Такъ же, какъ мы, они жили въ поѣздѣ Верховнаго Главнокомандующаго, въ особомъ отведенномъ для нихъ вагонѣ. Между нами сразу установились прочныя отношенія, въ основѣ коихъ лежало взаимное уваженіе и довѣріе. Я беру на себя смѣлость думать, что всѣ мы одинаково тепло вспоминаемъ о долгихъ дняхъ, вмѣстѣ прожитыхъ въ тѣсномъ боевомъ содружествѣ.

Въ концѣ 14-го и въ началѣ 15-го года Ставку въ разное время посѣтили особо командированныя на русскій фронтъ лица дружественныхъ намъ государствъ: отъ Франціи — Генералъ По, отъ Англіи — генералъ Пэджетъ и отъ Бельгіи генералъ де-Виттъ. — Эти высокозаслуженные и уважаемые представители союзныхъ намъ армій были встрѣчены у насъ съ исключительнымъ почетомъ. — Ими были доставлены Верховному Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу, Начальнику штаба Генералу Янушкевичу и мнѣ, по должности Генералъ-Квартирмейстера, высокіе орденскіе знаки отъ главъ союзныхъ намъ націй; съ разрѣшенія Государя, присланные ордена были приняты нами, какъ знаки признанія особыхъ заслугъ передъ общимъ дѣломъ доблестной Русской арміи.

Начальникъ штаба, Генералъ-Квартирмейстеръ, представители иностранныхъ союзныхъ армій, чины личной свиты Верховнаго Главнокомандующаго и часть офицеровъ Генеральнаго штаба, изъ числа моихъ ближайшихъ сотрудниковъ, довольствовались въ вагонѣ-ресторанѣ поѣзда Верховнаго Главнокомандующаго, въ качествѣ постоянныхъ гостей Великаго Князя. Чтобы, хотя въ нѣкоторой степени отвѣтить на вниманіе гостепріимнаго хозяина, мы, чины штаба, вносили нашу посильную ежемѣсячную лепту на увеличеніе матерьяльныхъ средствъ тѣхъ лѣчебныхъ учрежденій, кои находились подъ непосредственнымъ покровительствомъ супруги нашего Верховнаго Главнокомандующаго Великой Княгини Анастасіи Николаевны. — Прочіе чины штаба, обычно довольствовавшіеся въ отдѣльной столовой, приглашались небольшими группами отъ имени Великаго Князя, въ качествѣ гостей, поочередно, въ вагонъ-ресторанъ его поѣзда. — Тамъ же къ завтраку или обѣду, почти ежедневно появлялись лица, почему либо вызванныя въ Ставку съ фронта, или прибывшіе по разнымъ случаямъ гости, преимущественно изъ столицы. Паломничество въ Ставку постепенно вошло въ моду и многія чиновныя лица очень усердно добивались права побывать въ ней. — Посѣщенія эти въ большинствѣ случаевъ бывали не безполезны, ибо способствовали информированію о жизни и настроеніяхъ на фронтѣ и въ тылу. Но въ тяжелые періоды боевыхъ испытаній наличіе гостей въ Ставкѣ, конечно, не могло не утяжелять положенія тѣхъ, кто долженъ былъ отвѣчать на весьма понятные разспросы пріѣзжихъ гостей.

Весьма часто, и почти всегда неожиданно, метеоромъ, появлялся въ Ставкѣ Принцъ А. П. Ольденбургскій, который почти въ самомъ началѣ войны былъ назначенъ на спеціально для него, повидимому, созданную должность Верховнаго Начальника Санитарной и Эвакуаціонной части. Мнѣ лично, непосредственно не прикасавшемуся къ названному дѣлу, не ясна была необходимость учрежденія такой должности, но бурные пріемы Принца Ольденбургскаго, — человѣка лично глубоко почтеннаго, преданнаго порученному ему дѣлу до самозабвенія и всегда движимаго лучшими намѣреніями, нерѣдко вызывали во мнѣ сомнѣніе въ ихъ цѣлесообразности и полезности.

Къ сожалѣнію, Ставка крайне рѣдко и не планомѣрно, а только случайно посѣщалась Министрами, въ результатѣ чего не чувствовалось должной связи и, можетъ быть, взаимнаго пониманія между Верховнымъ Главнокомандованіемъ и Правительствомъ. — Довольно частые пріѣзды главы Правительства, престарѣлаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина, не могли, конечно, создать той прочной спайки между работой фронта и тыла, которая требуется желѣзными обстоятельствами военнаго времени. Требованія Ставки не находили должнаго отклика въ тылу, въ правящихъ кругахъ, ревниво оберегавшихъ свою независимость и желавшихъ видѣть въ этихъ требованіяхъ лишь претенціозное вмѣшательство Ставки въ управленіе страной.

Установивъ съ Верховнымъ Главнокомандованіемъ лишь строго формальныя отношенія, Правительство не сумѣло или не хотѣло приблизить къ себѣ и общественные круги внутри страны. — А между тѣмъ моментъ открытія

военныхъ дѣйствій могъ быть особо благопріятнымъ, чтобы растопить ледъ, давно уже образовавшійся между двумя названными сторонами. — Война, конечно, не время для реформъ, но искреннее рѣшеніе и обѣщаніе стать на путь таковыхъ, по завершеніи войны, могли еще создать базу для установленія довѣрія и совмѣстной работы по доведенію страны до побѣднаго конца. — Напротивъ, оставаясь изолированнымъ, правительство обрекало себя на безсиліе и невозможность вызвать къ жизни необходимое напряженіе страны: чѣмъ болѣе испытанія, вызываемыя войной, сгущались, тѣмъ наша правительственная власть, подъ ихъ давленіемъ, болѣе слабѣла.

Страна продолжала жить своею особою жизнью, далеко отличною отъ жизни въ суровыхъ условіяхъ военнаго времени. Постепенно въ ней стали зрѣть всякаго рода смертоносныя начала, борьба съ которыми была не подъ силу непопулярной власти.

Война являлась какъ бы обособленнымъ дѣломъ арміи, не проникавшимъ во все существо народной жизни. — Успѣхъ, при такихъ условіяхъ, не могъ считаться достаточно обезпеченнымъ.

Отъ времени до времени въ Ставку пріѣзжалъ, всегда на нѣсколько дней, Государь Императоръ. Ни Императрица, ни Наслѣдникъ въ періодъ пребыванія во главѣ войскъ Великаго Князя не сопутствовали Государя во время пріѣздовъ его въ Ставку. Обычную свиту Государя составляли: Министръ Двора — Графъ Фредериксъ, Дворцовый Комендантъ — Генералъ Воейковъ, въ должности Гофмейстера — Князь Долгоруковъ, Начальникъ походной Канцеляріи — Князь Орловъ, Начальникъ конвоя — Графъ Граббе, лейбъ-хирургъ — Профессоръ Федоровъ и еще 2—3 флигель-адъютанта, чаще другихъ — Дрентельнъ и Саблинъ. — Кромѣ царскаго поѣзда, въ Ставку прибывалъ еще дополнительный поѣздъ со служащими болѣе второстепенныхъ ранговъ.

Прибытіе Государя въ Ставку измѣняло обычную жизнь послѣдней лишь немногимъ. Государь держалъ себя очень просто. По утрамъ Императоръ Николай всегда пѣшкомъ, въ сопровожденіи лейбъ-казака, приходилъ въ кабинетъ Генералъ-Квартирмейстера, гдѣ выслушивалъ очередной докладъ; вечерній докладъ происходилъ послѣ обѣда въ салонѣ Императорскаго поѣзда. — Къ Высочайшему столу, къ завтраку и обѣду, неизмѣнно приглашались: Верховный Главнокомандующій, Начальникъ штаба, Генералъ-Квартирмейстеръ и дежурный офицеръ Генеральнаго штаба; затѣмъ вмѣстѣ или поочередно военные представители союзныхъ армій и отъ времени до времени старшіе чины штаба прочихъ управленій. Бесѣды послѣ завтрака и обѣда въ сосѣднемъ салонѣ обыкновенно затягивались, почему я особенно дорожилъ даннымъ мнѣ, черезъ министра Двора, разрѣшеніемъ считать себя свободнымъ немедленно послѣ окончанія завтрака или обѣда, не дожидаясь времени, когда Государь закончитъ обходъ и разговоръ съ приглашенными.

Для установки Царскаго поѣзда, въ лѣсу, окружавшемъ Ставку, была проведена особая вѣтка, въ разстояніи примѣрно нѣсколькихъ сотъ шаговъ отъ поѣзда Верховнаго Главнокомандующаго. — Прилагались особыя заботы

чтобы придать мѣсту кругомъ Царскаго поѣзда возможно болѣе нарядный видъ, дабы отнять поводъ къ возбужденію какихъ либо невыгодныхъ сравненій. — Всякія заботы, клонившіяся къ тому, чтобы возможно ярче подчеркнуть исключительно высокое положеніе Государя Императора, какъ Главы всего Государства, были конечно вполнѣ естественны и, со стороны Великаго Князя, являлись всегда глубоко искренними. Но, къ сожалѣнію, нельзя скрыть и того, что въ это исключительно трудное время, приходилось углубляться въ житейскія мелочи, чтобы не подать лишняго повода къ злостному клеветничеству, распустившему свои паучьи сѣти вокругъ Ставки съ первыхъ же дней войны.

Верховный Главнокомандующій рѣдко выѣзжалъ изъ Ставки и лишь на самый короткій срокъ. Свои поѣздки онъ ограничивалъ преимущественно случаями необходимости совѣщаній съ Главнокомандующими фронтами. Для взаимныхъ встрѣчъ выбирался, смотря по обстановкѣ, какой либо центральный пунктъ, куда всѣ приглашенные на совѣщаніе съѣзжались къ опредѣленному часу. — Изъ состава поѣзда Верховнаго Главнокомандующаго, находившагося въ Барановичахъ, вытягивался вагонъ Великаго Князя и Начальника штаба, которые и составляли остовъ формировавшагося для поѣздки экстреннаго поѣзда. Число лицъ, сопровождавшихъ Верховнаго Главнокомандующаго, было очень ограниченнымъ: Начальникъ штаба, Генералъ-Квартирмейстеръ, одинъ, два офицера Генеральнаго штаба и дежурный адъютантъ. Если подлежали обсужденію, сверхъ вопросовъ оперативныхъ, еще вопросы административно-хозяйственные и желѣзнодорожные, то иногда приглашались Дежурный Генералъ и Начальникъ военныхъ сообщеній.

Совѣщанія обыкновенно продолжались отъ двухъ до четырехъ часовъ, послѣ чего всѣ разъѣзжались. — Къ войскамъ Верховный Главнокомандующій почти не выѣзжалъ, опасаясь своими пріѣздами отрывать ихъ отъ нормальной работы и — еще болѣе — нарушать правильность воинскаго желѣзнодорожнаго движенія.

Цѣль практиковавшихся совѣщаній заключалась въ томъ, чтобы, путемъ живой бесѣды съ Главнокомандующими фронтами, выяснить обстановку на фронтахъ, очередныя задачи, которыя ставили себѣ Главнокомандующіе, исходя изъ общихъ директивъ, главнѣйшія нужды фронтовъ и настроеніе войскъ и самыхъ Главнокомандующихъ. — Въ тяжелые періоды военныхъ испытаній и неудачъ Главнокомандующіе фронтами не разъ обращались къ Великому Князю сами съ настоятельными просьбами о его прибытіи къ нимъ на фронтъ. Великому Князю неоднократно приходилось въ такіе періоды морально поддерживать своихъ ближайшихъ сотрудниковъ по командованію войсками, а также предостерегать ихъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ рѣшеній, не вызывавшихся общимъ ходомъ событій. — Никакихъ директивъ обычно на мѣстѣ не отдавалось и таковыя составлялись лишь по возвращеніи въ Ставку, съ учетомъ всѣхъ тѣхъ впечатлѣній, которыя были вынесены изъ свиданія съ Главнокомандующими. — Не могу, однако, не отмѣтить, что Главнокомандующіе фронтами рѣдко поднимались, въ своихъ сужденіяхъ, до высоты общихъ задачъ и

ограничивались обыкновенно отстаиваніемъ частныхъ интересовъ своего собственнаго фронта. Въ словахъ ихъ, даже въ періоды относительныхъ удачъ, всегда чувствовались неувѣренность и темныя краски. Въ общемъ не было особой готовности жертвовать ради облегченія своего сосѣда, не было и бодрости, какъ равно твердой вѣры въ успѣхъ. Особенно пессимистически и не опредѣленно бывалъ настроенъ, въ своихъ докладахъ, Генералъ Ивановъ, несмотря на то, что ему пришлось работать на болѣе выигрышномъ и легкомъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ войны, фронтѣ — австрійскомъ.

Несмотря на крайнюю перегруженность работой, я при всякой возможности старался посѣщать штабы фронтовъ, а иногда и армій, чтобы входить въ личное общеніе съ тѣми лицами, съ которыми мнѣ приходилось работать. Въ этомъ отношеніи мнѣ помогало то обстоятельство, что съ большинствомъ изъ нихъ я былъ лично, а иногда и хорошо знакомъ по своей прежней службѣ въ должности Генералъ-Квартирмейстера Генеральнаго штаба, къ обязанностямъ котораго, между прочимъ, относилось завѣдываніе личнымъ составомъ офицеровъ Генеральнаго штаба и вопросами прохожденія ихъ службы. — При такихъ условіяхъ, два—три часа бесѣды давали, въ смыслѣ установленія взаимнаго пониманія, гораздо больше чѣмъ листы исписанной бумаги или длительные телеграфные переговоры. — Мнѣ приходилось очень сожалѣть, что обстановка и недостатокъ времени не позволяли мнѣ ближе подойти въ этотъ періодъ времени къ войскамъ. Съ ихъ боевою жизнью и дѣятельностью я познакомился лишь впослѣдствіи, въ должности Командира корпуса и Командующаго арміей. — Я, кромѣ того, ставлю себѣ въ большую вину, что мало пользовался посылкою моихъ сотрудниковъ, офицеровъ Генеральнаго штаба ввѣреннаго мнѣ управленія, на фронтъ, для полученія непосредственныхъ и не подлежавшихъ сомнѣнію свѣдѣній о ходѣ военныхъ дѣйствій, психикѣ войскъ и матерьяльномъ ихъ обезпеченіи.

ГЛАВА VI.

Начало выполненія нашихъ наступательныхъ предположеній. — Восточно-прусская операція и подготовительныя мѣры къ развитію наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу р. Вислы.

Извѣстіе о нарушеніи Германіей нейтралитета Бельгіи являлось для насъ яркимъ доказательствомъ того, что главныя силы нѣмцевъ будутъ брошены на ихъ западный фронтъ.

Послѣдующія свѣдѣнія лишь подтверждали этотъ выводъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ теченіе первыхъ дней послѣ объявленія войны Верховному Главнокомандованію стало извѣстно, что части не только II-го германскаго корпуса (Штетинъ), но и пограничныхъ съ нами корпусовъ — V-го (Познань) и VI-го (Бреславль) совершаютъ посадку на желѣзную дорогу и отправляются въ западномъ направленіи. Свѣдѣніе это, въ отношеніи V-го корпуса, являлось, однако, недостаточно провѣреннымъ. Тѣмъ не менѣе становилось яснымъ: во-

первыхъ, что со стороны Германіи намъ не угрожаетъ болѣе дессантной операціи на Балтійскомъ побережьи, такъ какъ нѣмецкія войска увозятся на западъ даже изъ ближайшихъ къ намъ приморскихъ раіоновъ (Штетинъ); во вторыхъ, что главная масса войскъ, оставляемыхъ противникомъ, будетъ сосредоточена, въ соотвѣтствіи съ нашими предположеніями, въ Восточной Пруссіи, откуда полевыя войска не увозились, и, въ третьихъ — что ядро этихъ войскъ составятъ три мѣстныхъ восточно-прусскихъ полевыхъ корпуса (I, XVII и XX), усиленныхъ, можетъ быть, V корпусомъ и, конечно, извѣстнымъ числомъ резервныхъ, ландверныхъ и ландштурменныхъ формированій. Такимъ образомъ, развертывая на фронтѣ противъ Германіи наши 1-ю и 2-ю арміи, мы могли быть увѣрены, что будемъ обладать значительнымъ превосходствомъ въ силахъ, которое, въ извѣстной мѣрѣ, уравновѣситъ болѣе обильное снабженіе нѣмцевъ артиллеріей. Независимо того, по отношенію къ германскимъ войскамъ въ Восточной Пруссіи мы могли расчитывать занять охватывающее положеніе, которое давало бы намъ возможность, при движеніи впередъ, угрожать ихъ сообщеніямъ; и наконецъ, мы имѣли полное основаніе предполагать, что, при нашемъ быстромъ наступленіи въ Восточную Пруссію, нѣмцы не въ состояніи будутъ усилить противъ насъ свои войска, такъ какъ вся масса ихъ будетъ занята боевою работою на главномъ западномъ фронтѣ. Условіе это, конечно, могло существенно измѣниться, если бы мы, по времени, запоздали и начали наступленіе тогда, когда первыя боевыя задачи на западномъ фронтѣ оказались бы германцами уже выполненными, или когда были бы закончены ихъ новыя очередныя формированія. Всѣ эти соображенія говорили о цѣлесообразности смѣлыхъ и немедленныхъ дѣйствій нашихъ войскъ въ направленіи Восточной Пруссіи. Имѣя въ виду важность нашего выдвиженія къ нижней Вислѣ, мы не должны были упускать случая воспользоваться, для выполненія этой задачи, относительной слабостью на С.-З. фронтѣ нашего врага.

Въ равной мѣрѣ на насъ лежала моральная обязанность оказать нашимъ союзникамъ на западѣ помощь — тѣмъ болѣе быструю и дѣйствительную, чѣмъ сильнѣе готовился ударъ, заносимый надъ ними германцами. Поддержка нашихъ западныхъ союзниковъ, съ цѣлью облегчить имъ побѣду надъ нѣмцами, диктовалась, при этомъ, не только соображеніемъ, вытекавшимъ изъ нашихъ союзныхъ съ ними отношеній, но и нашими собственными интересами. Нельзя было забывать, что нѣмцы, одержавъ крупный успѣхъ на западѣ, пріобрѣтали возможность переброски значительныхъ силъ на свой восточный фронтъ — противъ насъ.

Ставкѣ было хорошо извѣстно, что наше наступленіе вообще, въ предѣлы же Германіи въ особенности, ожидалось во Франціи съ нескрываемой напряженностью. Нашъ военный агентъ въ Парижѣ, Полковникъ графъ Игнатьевъ, еще въ самые первые дни по объявленіи войны, телеграфировалъ, что французскій военный министръ высказалъ ему надежду на то, что всѣ наши усилія будутъ направлены противъ Германіи, и что Австрія будетъ нами оцѣнена въ качествѣ «quantité negligeable». Французскій Посолъ въ Петербургѣ, г.

Палеологъ, лично обращался къ Императору Николаю II съ горячей просьбой о скорѣйшемъ нашемъ наступленіи. Иначе, предупреждалъ г. Палеологъ, французская армія рискуетъ быть раздавленной. — Русскій посолъ въ Парижѣ, А. П. Извольскій, также доносилъ о «лихорадочномъ» нетерпѣніи, съ которымъ ожидаютъ во Франціи извѣстій о наступленіи нашихъ войскъ, причемъ добавилъ, что разочарованіе въ этомъ отношеніи способно произвести «удручающее» впечатлѣніе. Во всѣхъ этихъ данныхъ несомнѣнно слышались нервныя тревожныя ноты. Основываясь на нихъ, прикомандированный къ Штабу Верховнаго Главнокомандующаго, въ качествѣ представителя дипломатическаго вѣдомства, Н. А. Базили, со свойственной ему деликатностью, но неизмѣнной настойчивостью, едва ли не ежедневно подчеркивалъ тѣ трудности, кои выпадутъ на долю нашей союзницы — Франціи въ ея предстоявшемъ столкновеніи съ Германіей, если ей не будетъ оказана нами своевременная помощь. Я старался успокоить Н. А. Базили, объясняя ему, что русское Верховное Главнокомандованіе находится въ полномъ сознаніи той отвѣтственности, которая возложена на него союзными обязательствами; оно принимаетъ всѣ мѣры къ ускоренію вторженія нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію, не скрывая даже передъ собою тѣхъ опасностей, которыя представляетъ это ускореніе, ввиду неполнаго сосредоточенія, главнымъ образомъ, войскъ 2-ой арміи и нѣкоторой неготовности ея тыла. Съ своей стороны я дѣлился съ Н. А. Базили тѣми опасеніями, которыя охватывали меня, ввиду рискованности положенія, создавшагося для французской арміи. Доходившія до насъ свѣдѣнія опредѣленно указывали, что ей угрожаетъ обходъ германцевъ съ сѣвера, черезъ Бельгію.

И дѣйствительно, послѣ предъявленія Германіей ультиматума Бельгіи, уже въ ночь съ 3-го на 4-ое августа, первые германскіе отряды перешли границу этого государства и въ ближайшіе же дни атаковали пограничную крѣпость Льежъ, лежащую на переправахъ черезъ р. Маасъ. Это обстоятельство достаточно ясно свидѣтельствовало о томъ, что нѣмецкій ударъ будетъ направленъ на французовъ черезъ Бельгію, и притомъ не только со стороны праваго, но и лѣваго берега р. Маасъ. При такихъ условіяхъ, намѣчавшееся соображеніями мирнаго времени стратегическое развертываніе французской арміи къ югу отъ Лонгви до Бельфора оказывалось крайне рискованнымъ; предположенное же наступленіе этой арміи въ сторону Эльзаса и Лотарингіи на востокъ, по самому замыслу своему, едва ли обѣщало закончиться стратегическимъ успѣхомъ. — Довольно отчетливо уже тогда стала вырисовываться трудность положенія французовъ и даже возможность надвиженія катастрофы.

Въ такой обстановкѣ, вытекавшей, какъ изъ оцѣнки собственнаго положенія, такъ и условій складывавшихся на фронтѣ нашихъ союзниковъ, русское Верховное Главнокомандованіе признало необходимымъ скорѣйшее вторженіе армій С.-З. фронта въ предѣлы Восточной Пруссіи.

Наши предчувствія въ отношеніи западнаго фронта весьма скоро оправдались. Уже 23-го августа, въ воскресенье, въ періодъ полнаго развитія нашего наступленія, А. П. Извольскій доносилъ: «Съ субботы начались серьезныя

Данцигскій
заливъ
Данцигъ
Кенигсбергъ
Тильзитъ
Инстербургъ
Гумбиненъ
Мариенбургъ
Торнъ
Остероде
Алленштейнъ
Летценъ
Млава
Остроленка
Ломжа
Осовецъ
Сувалки
Августовъ
Граево
Бълостокъ
Новогеоргіевскъ
Варшава
р. Висла
р. Наревъ
Нѣманъ
Куриш-гафъ
Фришъ-гафъ
Схема № 2
Восточно-Прусская операція.
Положеніе сторонъ къ 19 и 26 Августа 1914 г.
Русскія войска
Германскія войска.

операціи на всемъ фронтѣ отъ Эльзаса до Бельгіи. Въ Эльзасѣ и Вогезахъ французы имѣли успѣхъ и продвигаются впередъ. Въ Лотарингіи они потерпѣли неудачу и должны были отступить, но повидимому, остановили натискъ. Главное сраженіе происходитъ въ Бельгіи. О ходѣ его пока свѣдѣній нѣтъ». А еще черезъ два дня, 25-го августа, въ донесеніяхъ того же лица мы встрѣчаемся уже со слѣдующими строками: «Сегодня газеты изображаютъ неудачу французовъ на Бельгійскомъ театрѣ и въ Лотарингіи. Начинаетъ замѣчаться неудовольствіе противъ правительства и военнаго министра, наше наступленіе вызываетъ восторгъ».

Цѣлью нашего наступленія въ Восточную Пруссію Верховное Главнокомандованіе намѣчало пораженіе войскъ, оставленныхъ нѣмцами противъ насъ въ названномъ раіонѣ. При этомъ 1-ая армія должна была вести наступленіе сѣвернѣе Мазурскихъ озеръ, съ охватомъ лѣваго фланга противника; 2-ая армія — наступать въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ запада. Между 1-й и 2-й арміями предуказывалась необходимость установленія тѣсной связи, путемъ выдѣленія противъ фронта Мазурскихъ озеръ достаточно сильнаго заслона.

По существу, задачи, возлагавшіяся на арміи С.-З. фронта, оставались тѣ-же, которыя предусматривались подготовительными къ войнѣ соображеніями мирнаго времени; онѣ сводились къ тому, чтобы охватить противника съ обоихъ фланговъ и воспрепятствовать его отходу за р. Вислу.

Подтверждая эти задачи въ своей первой директивѣ, отданной 10-го августа, Верховное Главнокомандованіе, ввиду остраго положенія на французскомъ фронтѣ, выражало мнѣніе, что наступленіе армій С.-З. фронта можетъ начаться уже съ 14-го дня мобилизаціи. Однако, окончательное опредѣленіе времени и порядка выполненія изложенныхъ въ директивѣ предуказаній оставлялось за Главнокомандующимъ С.-З. фронтомъ. Принимая во вниманіе удаленность раіоновъ развертыванія корпусовъ отъ границы, переходъ таковой главными силами 1-й и 2-й армій, при соблюденіи намѣчавшагося начальнаго срока наступленія, могъ состояться примѣрно на 17-й—18-й дни мобилизаціи.

По подсчету Верховнаго Главнокомандованія, арміи С.-З. фронта ко времени начала своего наступленія, должны были имѣть двойное превосходство въ силахъ надъ германцами, а именно — свыше 200 бат. полевыхъ войскъ противъ 100 нѣмецкихъ полевыхъ батальоновъ, предполагая сосредоточеніе въ Восточной Пруссіи четырехъ полевыхъ корпусовъ (I, XVII, XX и V); сверхъ того огромное превосходство въ конницѣ. Ввиду такого соотношенія въ силахъ, Верховное Главнокомандованіе уже къ этому времени отказалось отъ мысли о включеніи въ составъ 1-й арміи I-го арм. корпуса, долженствовавшаго быть перевезеннымъ изъ раіона Петербурга, и рѣшило перенести его сосредоченіе къ Варшавѣ, какъ объ этомъ будетъ подробнѣе изложено нѣсколько ниже.

Главнокомандующій С.-З. фронтомъ Генералъ Жилинскій, во исполненіе данныхъ ему указаній, предполагалъ возможность перейти границу: въ 1-й арміи — по корпусамъ, эшелонами, начиная съ 14-го по 18 день мобилизаціи, и во 2-й арміи — всѣми корпусами на 18-й день. — Верховный Главнокоманду-

ющій призналъ, однако, нежелательнымъ выдвиженіе 1-й арміи къ границѣ по частямъ, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ, директивой по С.-З. фронту, переходъ через границу былъ окончательно назначенъ для всѣхъ корпусовъ 1-й арміи одновременно — на 17-ое августа, то есть на 18-й день мобилизаціи, и для главныхъ силъ корпусовъ 2-й арміи — на 19-ое августа, т. е. на 20-й день мобилизаціи.

Если припомнить, что на послѣднемъ передъ войной совѣщаніи Начальниковъ Генеральныхъ Штабовъ союзныхъ Державъ въ 1913-мъ году Генералъ Жилинскій, занимавшій въ то время должность Начальника русскаго Генеральнаго Штаба, указывалъ, что наступательныя дѣйствія на германскомъ фронтѣ могутъ быть начаты нами «тотчасъ же послѣ 15-го дня мобилизціи», то сама собою должна отпасть легенда о томъ, что, по настоянію Верховнаго Главнокомандованія, начало наступленія армій С.-З. фронта было сверхъ мѣры ускорено. Въ конечномъ результатѣ, начало наступленія было опредѣлено почти въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какъ оно намѣчалось въ мирное время бывшимъ Начальникомъ Генеральнаго Штаба, занимавшимъ затѣмъ постъ Командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа, а съ мобилизаціей — должность Главнокомандующаго арміями С.-З. фрота.

Тѣмъ не менѣе, справедливость требуетъ отмѣтить, что 2-я армія оказалась къ указанному ей сроку не вполнѣ готовой къ наступленію въ тыловомъ отношеніи. — Исторіи предстоитъ выяснить, была ли эта неготовность результатомъ недостаточной энергіи военно-административныхъ органовъ этой арміи и С.-З. фронта, не выполнившихъ заблаговременно установленнаго заданія, или же она должна быть приписана неправильности расчетовъ мирнаго времени по опредѣленію срока окончательной готовности тыла названной арміи. — Такъ какъ, однако, положеніе на фронтѣ нашихъ союзниковъ, какъ мы видѣли, складывалось крайне неблагопріятно и даже грозно, то дальнѣйшее промедленіе съ началомъ наступленія армій С.-З. фронта представлялось Верховному Главнокомандованію съ общей точки зрѣнія недопустимымъ.

По подсчетамъ штаба С.-З. фронта, въ предстоящемъ наступленіи должны были принять участіе 256 бат., 196 эск. и сотенъ и свыше 1000 орудій. — Принимая во вниманіе подавляющее превосходство надъ непріятелемъ въ силахъ, выгодное охватывающее положеніе армій С.-З. фронта и служебный стажъ руководителя предстоявшей операціи Генерала Жилинскаго, — Ставка имѣла основаніе быть спокойной за судьбу этой операціи. Ея вниманіе болѣе привлекалъ Ю.-З. фронтъ, гдѣ соотношеніе въ силахъ было не столь выгоднымъ и гдѣ поэтому отъ руководителей требовалось крайнее напряженіе волевыхъ качествъ.

Независимо того, въ періодъ подготовки нашихъ войскъ къ наступленію, Ставка была еще озабочена вопросомъ объ упроченіи нашего положенія на средней Вислѣ.

Выдвинутое положеніе Русской Польши, какъ это было уже выяснено, при условіи болѣе быстрой готовности армій нашихъ сосѣдей, дѣлало оборону ея,

и особенно западной части, крайне затруднительной. Намъ могла угрожать опасность потери всей лѣвобережной половины, не исключая Варшавы, уже въ начальный періодъ войны. Захватъ непріятелемъ столицы Польши долженъ былъ явиться для насъ событіемъ крайне болѣзненнымъ по соображеніямъ не только политическимъ, но и психологическимъ. Поэтому, съ фактическимъ выясненіемъ того обстоятельства, что Германія оставила противъ насъ ограниченныя силы, мы должны были включить въ число нашихъ первоочередныхъ боевыхъ задачъ прочное обезпеченіе отъ врага Варшавы. Въ смыслѣ стратегическомъ, еще большее значеніе пріобрѣтало, при разсматриваемой обстановкѣ, удержаніе въ нашихъ рукахъ всего средняго теченія р. Вислы, съ переправами на ней, что гарантировало намъ свободное развитіе операцій на лѣвомъ берегу названной рѣки, какъ въ сторону Германіи, такъ и въ сторону Австріи.

Мы уже знаемъ, что съ первыхъ же дней войны на лѣвомъ берегу р. Вислы обозначилось наступленіе не только германцевъ, но и австрійцевъ, съ общимъ направленіемъ на фронтъ Лодзь-Кѣльцы.

Наши передовыя части, — пограничная стража, кавалерія, и стрѣлки, — задерживая непріятеля, постепенно отходили на среднюю Вислу. Къ 20-августа наступленіе непріятеля развилось настолько, что имъ былъ занятъ фронтъ Лодзь-Скаржиско-Опатовъ. Впослѣдствіи выяснилось, что въ раіонѣ лѣваго берега р. Вислы оперировалъ германскій ландверный корпусъ Генерала Войрша, наступавшій изъ Силезіи, и австрійскій отрядъ генерала Куммера, шедшій отъ Кракова. Имъ предшествовала конница. Здѣсь же на лѣвомъ берегу р. Вислы впервые были обнаружены и польскіе легіонеры, изъ австрійскихъ уроженцевъ, предводимые Пилсудскимъ.

Хотя нашимъ Верховнымъ Главнокомандованіемъ этому наступленію непріятельскихъ силъ придавалось только демонстративное значеніе, тѣмъ не менѣе оно создавало угрозу Варшавѣ, Ивангороду и вообще нашему положенію на средней Вислѣ, крайне непрочному, такъ какъ названный участокъ рѣки былъ прикрытъ войсками лишь весьма слабо; значеніе же таковаго участка характеризовалось еще тѣмъ, что къ нему примыкали наружные фланги нашихъ 2-й и 4-й армій. Всѣ эти обстоятельства должны были быть нами учтены, какъ только въ нашемъ распоряженіи оказались средства для парированія тѣхъ непріятностей, кои могли насъ ожидать въ этомъ раіонѣ.

Направленіе главныхъ силъ Германіи противъ Франціи естественно ослабляло вѣроятность враждебнаго противъ Россіи выступленія Швеціи, тѣмъ болѣе, что здоровыя мирныя теченія постепенно брали въ этой странѣ верхъ надъ воинствующими элементами. Это обстоятельство позволило намъ уже въ первой трети августа рискнуть начать переброску на западную сухопутную границу полевыхъ корпусовъ, входившихъ въ составъ 6-й арміи. Въ первую очередь были предназначены къ перевозкѣ два корпуса — Гвардейскій и XVIII; лишь одинъ корпусъ XXII-й былъ задержанъ еще на нѣкоторое время въ Финляндіи, впредь до окончательнаго выясненія обстановки. Названные корпуса и были предназначены къ сосредоточенію въ раіонѣ Варшавы. Къ нимъ дол-

женъ былъ присоединиться еще I-й корпусъ, изъ состава первой арміи, которымъ, какъ мы уже видѣли, было признано возможнымъ ослабить арміи С.-З. фронта, ввиду достаточно выгоднаго соотношенія силъ этихъ армій съ силами германцевъ въ Восточной Пруссіи. Упомянутые три корпуса должны были составить новую 9-ю армію, не только надежно обезпечивавшую всю среднюю Вислу, но и предназначавшуюся для развитія болѣе широкихъ активныхъ операцій на лѣвомъ берегу этой рѣки. Были также приняты мѣры къ снабженію этой новой арміи конными частями, получившими на томъ же берегу Вислы развѣдывательныя задачи. Названная армія должна была временно состоять въ непосредственномъ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго.

Южнѣе 9-й арміи, у Ивангорода, было приступлено къ спѣшному возведенію на лѣвомъ берегу Вислы укрѣпленной позиціи, достаточно удаленной отъ имѣвшихся у названнаго пункта мостовъ черезъ эту рѣку и ея притокъ р. Вепржъ. Эта позиція строилась однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ военныхъ инженеровъ (генераломъ Шварцомъ), съ соблюденіемъ всѣхъ современныхъ условій; впослѣдствіи она развилась соотвѣтственно дѣйствительнымъ потребностямъ арміи и могла во много разъ надежнѣе и полнѣе выполнить свое стратегическое заданіе, чѣмъ устарѣлые и не представлявшіе никакой сопротивляемости форты незадолго до войны упраздненной Ивангородской крѣпости.

Эти мѣры должны были вполнѣ упрочить наше положеніе на средней Вислѣ.

Однако, Ставка, обдумывая вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу названной рѣки, по выполненіи первоначальныхъ задачъ, возложенныхъ на арміи С.-З. и Ю.-З. фронтовъ, имѣла въ виду осуществить дальнѣйшую переброску на среднюю Вислу XXII-го корпуса изъ Финляндіи и III-го Сибирскаго корпуса, прибытіе котораго на театръ военныхъ дѣйствій изъ Сибири ожидалось въ недалекомъ будущемъ. Въ дальнѣйшемъ Ставка расчитывала притянуть туда же, для послѣдующаго наступленія на лѣвомъ берегу р. Вислы, II-й и I-й Сибирскіе, I-й Туркестанскій и II-й Кавказскій корпуса. Хотя свѣдѣнія изъ Турціи становились съ каждымъ днемъ все болѣе угрожающими, тѣмъ не менѣе Верховное Главнокомандованіе не останавливалось передъ намѣреніемъ оставить въ Закавказьи лишь I-й Кавказскій корпусъ, для достиженія максимума силъ на главнѣйшемъ — западномъ фронтѣ.

Въ предвидѣніи необходимости формированія новыхъ армій изъ всѣхъ перечисленныхъ корпусовъ и чтобы имѣть наготовѣ замѣстителей на должности командующихъ арміями, въ Ставку въ первые же дни войны были вызваны командовавшіе войсками Иркутскаго и Пріамурскаго военныхъ округовъ Генералы Эвертъ и Лечицкій, являвшіеся естественными кандидатами на должности командующихъ арміями. Генералъ Лечицкій и принялъ въ командованіе 9-ю армію, формировавшуюся, какъ мы видѣли, въ Варшавѣ.

Независимо перечисленныхъ корпусовъ, Ставка расчитывала также на возможность переброски на лѣвый берегъ р. Вислы части силъ Ю.-З. фронта,

по завершеніи конечно намѣчавшейся операціи въ Галичинѣ. Этими мѣрами имѣлось ввиду довести силы, подлежавшія развертыванію на лѣвомъ берегу р. Вислы для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій, до 20-ти полевыхъ корпусовъ. Но, разумѣется, Верховное Главнокомандованіе, стремясь къ скорѣйшему перенесенію операцій на лѣвый берегъ р. Вислы, отчетливо сознавало, что обстоятельства могутъ заставить использовать вновь ожидавшіяся на театръ военныхъ дѣйствій свѣжія силы — частью или полностью — и на правомъ берегу той же рѣки для доведенія задуманныхъ въ первую очередь операцій до благополучнаго исхода. Великій Князь предвидѣлъ, что, въ современныхъ условіяхъ, войска, уже введенныя въ дѣйствіе, быстро теряютъ свою наступательную силу и легко поддаются изнашиванію. Поэтому, для развитія и доведенія до конца разъ начатыхъ операцій, крайне важно своевременное стягиваніе къ раіону дѣйствій сильныхъ и по возможности свѣжихъ резервовъ.

Но возвратимся къ описанію хода событій на правомъ берегу Вислы.

Итакъ, 17-го августа главныя силы 1-й русской арміи должны были перейти границу Германіи. Это былъ 18-й день нашей мобилизаціи и 16-й день мобилизаціи арміи нашей союзницы Франціи, которая, какъ извѣстно, объявила у себя мобилизацію не одновременно съ нами, а двумя днями позднѣе. На 18-ое августа, какъ объ этомъ будетъ подробно изложено въ слѣдующей главѣ, было назначено начало наступленія и на австрійскомъ фронтѣ нашей 8-й арміи. Этими дѣйствіями должно было быть положено начало фактическому выполненію наступательныхъ операцій, предусматривавшихся нашими подготовительными къ войнѣ соображеніями.

Главнокомандующіе фронтами, въ соотвѣтствіи съ закономъ, опредѣлявшимъ ихъ права и обязанности, являлись войсковыми начальниками, вполнѣ самостоятельными въ предѣлахъ выполненія поставленныхъ имъ цѣлей и предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе средствъ. При такихъ условіяхъ, роль Верховнаго Главнокомандующаго, который не пожелалъ бы своимъ вмѣшательствомъ стѣснить творчество и ограничить права непосредственно подчиненныхъ ему начальниковъ, не должна была выходить за предѣлы постановки этимъ начальникамъ болѣе или менѣе широкихъ задачъ, назначенія въ ихъ распоряженіе соотвѣтствующихъ цѣлямъ средствъ и согласованія ихъ дѣйствій. Опытъ минувшей войны выяснилъ многіе недостатки такой системы верховнаго управленія войсками, при которомъ излишне преуменьшается личное вліяніе Верховнаго Главнокомандующаго на непосредственный ходъ, а значитъ, и результаты наиболѣе отвѣтственныхъ операцій. Однако, пока этотъ порядокъ существовалъ и не нарушена была вѣра Верховнаго Главнокомандующаго въ авторитетъ его ближайшихъ сотрудниковъ, надлежало очень остерегаться вредныхъ послѣдствій отъ вмѣшательства сверху въ кругъ правъ и обязанностей Главнокомандующихъ фронтами. Въ силу этого соображенія веденіе намѣчавшихся на С.-З. и Ю.-З. фронтахъ операцій было сосредоточено въ рукахъ Генераловъ Жилинскаго и Иванова, въ штабы которыхъ къ тому же естественно поступали всѣ необходимыя для сего данныя гораздо

своевременнѣе и полнѣе, чѣмъ въ Ставку. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда вмѣшательство Верховнаго Главнокомандующаго являлось неизбѣжнымъ, вліяніе его на боевыя дѣйствія ограничивалось взаимнымъ согласованіемъ выполнявшихся операцій между собою и проявлялось на каждомъ фронтѣ еще постолько, посколько въ распоряженіи его имѣлись или поступали вновь дополнительныя средства для веденія войны — живыя и матерьяльныя.

Отмѣчая это обстоятельство, я бы хотѣлъ избѣгнуть упрека въ томъ, что заранѣе стремлюсь переложить съ однихъ плечъ на другія тяжесть отвѣтственности за неуспѣхъ той или другой операціи. — Я только констатирую обстановку, въ которой приходилось работать, и внутренно очень скорбѣлъ, и продолжаю скорбѣть, что Верховное Главнокомандованіе, которое ни при какихъ условіяхъ не считало себя свободнымъ отъ отвѣтственности за ходъ военныхъ дѣйствій, не могло быть, въ силу ряда весьма разнообразныхъ обстоятельствъ, полнымъ хозяиномъ и руководителемъ дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. — Одна изъ наиболѣе существенныхъ причинъ указаннаго явленія заключалась въ подтвержденной опытомъ войны неправильной организаціи нашего высшаго управленія войсками на театрѣ войны, на чемъ я предполагаю болѣе подробно остановиться въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ.

Директивой Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ отъ 13-го августа, силы германцевъ, оставленныя въ Восточной Пруссіи, опредѣлялись въ 3—4 корпуса съ нѣсколькими резервными дивизіями и ландверными бригадами; авангарды этихъ войскъ предполагались выдвинутыми къ границамъ, главныя же силы — расположенными за линіей Мазурскихъ озеръ. Согласно этой же директивы, генералъ Жилинскій считалъ цѣлью наступленія армій С.-З. фронта — разбитіе непріятеля, отрѣзаніе его отъ Кенигсберга и захватъ его путей отступленія къ Вислѣ. Для достиженія этой цѣли 1-ая армія должна была наступать отъ линіи Вержболово-Сувалки на фронтъ Инстербургъ-Ангерсбургъ, въ обходъ линіи Мазурскихъ озеръ съ сѣвера; 2-ая же армія — отъ линіи Августовъ-Граево-Мышинецъ-Хоржеле на фронтъ Летценъ-Арисъ-Руджаны-Ортельсбургъ, направляя главныя силы арміи отъ линіи Мышинецъ-Хоржеле черезъ Руджаны и Пассенгеймъ на фронтъ Растенбургъ-Зеебургъ.

1-я армія, какъ уже сказано, должна была перейти границу главными силами 17-го августа; 2-я армія — двумя днями позднѣе, за исключеніемъ правофланговаго корпуса этой арміи (II-го), который долженъ былъ перейти границу 18-го августа, какъ ближайшій къ 1-й арміи. Оттяжка въ срокахъ перехода корпусами 2-й арміи границы являлась результатомъ намѣренія генерала Жилинскаго направить лѣвофланговые корпуса этой арміи западнѣе, чѣмъ это было предположено первоначально, «дабы сдѣлать обходъ болѣе глубокимъ и вѣрнѣе облегчить наступленіе 1-й арміи». Въ дѣйствительности же такой порядокъ наступленія, хотя и приводилъ къ болѣе глубокому обходу непріятеля, но представлялъ извѣстную опасность именно для 1-й арміи, которая, будучи въ первую очередь выдвинута къ сторонѣ противника, могла подвергнуться отдѣльному отъ 2-й арміи пораженію. И если такое изолиро-

ванное выдвиженіе 1-й арміи не встрѣтило возраженій со стороны Ставки, то лишь потому, что обстановка на западномъ фронтѣ требовала скорѣйшаго проявленія нашей активности; страховкой же противъ указанной выше опасности служила числительная сила 1-й арміи, не уступавшая, по нашимъ соображеніямъ, силѣ тѣхъ германскихъ войскъ, которыя могли быть собраны противъ этой арміи.

При слагавшейся обстановкѣ, задача 1-й арміи должна была заключаться въ томъ, чтобы своимъ болѣе раннимъ выступленіемъ притянуть на себя главныя силы непріятеля, вступить съ ними въ бой и настойчиво удерживать ихъ передъ собой, охватывая съ сѣвера, пока 2-я армія не выйдетъ имъ во флангъ и даже тылъ съ юга.

Войска обѣихъ нашихъ армій, по директивѣ, должны были войти въ тѣсную между собою связь на фронтѣ Инстербургъ-Ангербургъ-Растенбургъ-Зеебургъ, общимъ протяженіемъ около 120 километровъ. Развивая дальнѣйшія дѣйствія въ духѣ указанной директивы, имѣлось въ виду достигнуть окруженія непріятеля или — при неполной удачѣ — его отступленія за Вислу, въ результатѣ котораго все-же явилось бы овладѣніе всей Восточной Пруссіей и выходъ нашъ къ переправамъ на нижней Вислѣ, т. е. выполненіе всей первоначальной боевой задачи, возлагавшейся на арміи С.-З. фронта.

Мѣстными факторами, затруднявшими выполненіе намѣчавшейся операціи, являлась — разобщавшая операціонные пути обѣихъ нашихъ армій трудно проходимая полоса Мазурскихъ озеръ, съ небольшою непріятельской крѣпостцой Летценомъ въ центрѣ; крѣпость Кенигсбергъ, откуда можно было ожидать контръ-удара при продвиженіи 1-й арміи вглубь Восточной Пруссіи, и открытый лѣвый флангъ 2-й арміи, подверженный удару со стороны Сольдау-Остероде, представлявшихъ изъ себя довольно развитые желѣзнодорожные узлы.

Эти данныя мѣстной обстановки требовали принятія извѣстныхъ мѣръ. Въ цѣляхъ обезпеченія внутреннихъ фланговъ 1-й и 2-й армій отъ непріятельскаго удара изъ за Мазурскихъ озеръ и для поддержанія связи между ними, со стороны верхняго Бобра подлежалъ выдвиженію къ Летцену, Арису и Іоганисбургу II-й арм. корпусъ. Этотъ корпусъ, расквартированный въ мирное время въ раіонѣ Гродны и выдвинутый съ мобилизаціей къ Августову, несъ на себѣ, въ періодъ развертыванія армій, задачу по прикрытію путей, ведущихъ со стороны Германіи къ верхнему Бобру и Гроднѣ. Такъ какъ пути эти вели въ раіонъ развертыванія 2-й арміи, то естественно, что названный корпусъ, въ періодъ выполненія своей первоначальной задачи, былъ включенъ въ составъ 2-й арміи. Съ развитіемъ же наступательныхъ дѣйствій, корпусъ этотъ, какъ имѣвшій своей задачей наступленіе отъ Августова на фронтъ Летценъ-Іоганисбургъ, получалъ болѣе естественное тяготѣніе къ 1-й арміи, въ составъ которой и былъ поэтому включенъ 23-го августа.

Чтобы имѣть возможность при наступленіи обезпечить себя со стороны кр. Кенигсбергъ, связанной мощными желѣзнодорожными линіями и морскимъ

путемъ съ внутренними раіонами Германской Имперіи, 1-я армія должна была имѣть средства для выдвиженія къ сторонѣ названной крѣпости особаго заслона. Первоначально, задача по наблюденію и даже временному прикрытію могла быть возложена на ту кавалерійскую массу, которая находилась въ распоряженіи генерала Ренненкампфа, и съ этою цѣлью была сосредоточена на правомъ флангѣ арміи; возможно, что для поддержки этой конницы встрѣтилась бы даже надобность выдѣлить временно изъ состава арміи 1—2 пѣх. дивизіи. Болѣе же постоянный и прочный заслонъ могъ быть образованъ впослѣдствіи изъ тѣхъ второочередныхъ дивизій, кои по боевому расписанію были включены въ составъ 1-й арміи и прибытіе коихъ на театръ военныхъ дѣйствій было совсѣмъ не за горами.

Наконецъ, для прикрытія лѣваго фланга 2-й арміи въ распоряженіи Командующаго этой арміей имѣлись двѣ кав. дивизіи (6-я и 15-я); независимо того, Генералъ Жилинскій указалъ генералу Самсонову на возможность выдвиженія изъ Новогеоргіевска 2-й пѣх. дивизіи (XXIII-го корпуса), каковая дивизія должна была составлять гарнизонъ названной крѣпости, впредь до прибытія на ея смѣну второочередныхъ частей. Позднѣе, распоряженіемъ Верховнаго Главнокомандующаго, къ Млавѣ былъ поданъ изъ Варшавы 1-й арм. корпусъ, который, вмѣстѣ съ присоединенной къ нему 1-й стр. бригадою, отошедшею съ лѣваго берега р. Вислы, составилъ сильную уступную группу на лѣвомъ открытомъ флангѣ 2-й арміи и былъ впослѣдствіи включенъ въ составѣ этой послѣдней арміи. Мѣрой этой попутно былъ восполненъ составъ 2-й арміи, уменьшившейся, вслѣдствіе передачи II-го корпуса, съ развитіемъ наступленія, въ составъ 1-й арміи.

Къ вечеру 16-го августа, 1-я армія генерала Ренненкампфа, въ составѣ трехъ корпусовъ (III, IV и XX), 5-й стрѣлк. бригады и 5½ кав. дивизій, развернулась вдоль границы съ Восточной Пруссіей на фронтѣ Владиславовъ-Мерунскенъ. Вся масса конницы, за исключеніемъ 1-й кав. дивизіи, находившейся на лѣвомъ флангѣ, была сосредоточена на правомъ открытомъ флангѣ арміи. Развѣдкой и небольшими стычками передовыхъ частей было выяснено, что въ раіонѣ Пилькалленъ у непріятеля находится сильный конный отрядъ съ артиллеріей; южнѣе — на всемъ фронтѣ впереди арміи — обнаружены были части I-го герм. корпуса и ландвера.

Такимъ образомъ уже на слѣдующій день, 17-го августа, при переходѣ границы, арміи генерала Ренненкампфа предстояло столкнуться и вступить въ бой съ непріятелемъ.

Объ этомъ боѣ, разыгравшемся не доходя Сталлупенена, до Ставки дошли своевременно лишь крайне отрывочныя и неполныя свѣдѣнія. Они сводились къ тому, что германцы, въ конечномъ результатѣ, принуждены были отступить, потерявъ нѣсколько орудій, и что нѣкоторыя наши части понесли серьезныя потери отъ огня тяжелой артиллеріи противника, которой у насъ не было. Въ дѣйствительности же, какъ это выяснилось впослѣдствіи, уже въ этомъ первомъ столкновеніи ярко обнаружились съ нашей стороны крупные недочеты

въ области управленія войсками и развѣдки, въ результатѣ коихъ послѣдовала тяжелая тактическая неудача въ одной изъ пѣхотныхъ дивизій и почти полная гибель на полѣ сраженія одного изъ нашихъ очень доблестныхъ полковъ, неожиданно аттакованнаго нѣмцами во флангъ и тылъ. Такимъ образомъ, съ перваго же дня войны выявилась старая язва, съ давнихъ поръ отравлявшая здоровую жизнь нашей арміи, — стремленіе къ сокрытію правды. Это неискоренившееся зло не разъ въ теченіе войны препятствовало вѣрной оцѣнкѣ обстановки и своевременному устраненію недочетовъ, путемъ добросовѣстнаго вскрытія ихъ до основанія.

Послѣ столкновенія 17-го августа въ раіонѣ Сталлупенена, нѣмцы отошли въ западномъ направленіи. Наша 1-я армія, согласно распоряженій генерала Ренненкампфа, должна была въ теченіе 18-го и 19-го августа продвинуться на фронтъ нѣсколько восточнѣе Гумбинена, на которомъ на 20-ое августа всей арміи предуказана была дневка.

Такимъ образомъ, углубившись примѣрно на 25—30 километровъ во внутрь непріятельской страны, наши войска пріостанавливались для отдыха, оставляя впереди себя въ распоряженіи противника важный мѣстный узелъ шоссейныхъ дорогъ, сходившихся къ Гумбинену, а за нимъ и удобную для перегруппировокъ противника — желѣзную дорогу Тильзитъ-Инстербургъ-Даркеменъ-Гольдапъ.

Подъ прикрытіемъ частей I-го герм. корпуса, отходившихъ, въ общемъ, въ раіонъ къ сѣверу отъ Гумбинена, Командующій 8-й германской арміей генералъ баронъ фонъ Притвицъ-Гафронъ, пользуясь отчасти желѣзными дорогами, успѣлъ сосредоточить XVII-й корпусъ къ Даркемену и свои резервныя части — I Р-й корпусъ и 3-ю рез. дивизію, не входившую въ составъ этого корпуса, — въ раіонѣ Ангербурга и къ западу отъ Гольдапа. Кромѣ того въ раіонѣ Шиллена сосредоточивались нѣмецкія ландверныя части изъ Кенигсберга и Тильзита.

Уже 19-го августа на правомъ флангѣ нашей 1-й арміи разыгрались вновь боевыя столкновенія. Наша конница атаковала въ раіонѣ Каушена одну изъ нѣмецкихъ ландверныхъ бригадъ. Въ этомъ бою впервые выдвинулся своей блестящей конной атакой на непріятельскую батарею Л.-Гв. Коннаго полка ротмистръ баронъ Врангель, молодой доблестный офицеръ, будущій вождь бѣлаго движенія въ Крыму.

Южнѣе конницы — правофланговый корпусъ 1-й арміи (XX-й) ввязался въ довольно упорный бой съ частями I-го герм. корпуса, занявшими укрѣпленную позицію къ сѣверо-востоку отъ Гумбинена.

Съ разсвѣтомъ 20-го августа обозначилось наступленіе нѣмцевъ по всему фронту 1-й арміи. Непріятель обрушился главными силами на два правофланговыхъ корпуса (XX-й и III-й), пытаясь охватить ихъ съ обоихъ наружныхъ фланговъ. Попытка эта не удалась; на правомъ нашемъ флангѣ атака нѣмцевъ была остановлена огнемъ доблестныхъ батарей 28-й артиллерійской бригады, прикрывавшихъ отходъ своей пѣхоты, оставаясь въ сферѣ самаго близкаго не-

пріятельскаго ружейнаго, пулеметнаго и артиллерійскаго огня. Хотя артиллерія эта и вынуждена была оставить на полѣ сраженія невывезенными 8 орудій, но своимъ геройскимъ поведеніемъ она спасла положеніе; извѣстно, что самымъ дѣйствительнымъ и рѣшающимъ выстрѣломъ является выстрѣлъ по непріятелю «въ упоръ», который иногда и приходится выкупать послѣдующею гибелью орудія. Наступающій южнѣе Гумбиненскаго шоссе XVII-й герм. корпусъ былъ также остановленъ въ своей атакѣ и понесъ тяжкія потери отъ огня нашей артиллеріи и контръ-атаки пѣхоты.

Къ 4 часамъ пополудни на нѣкоторыхъ участкахъ поля сраженія обозначилось нѣмецкое отступленіе, которое, какъ выяснилось впослѣдствіи, съ наступленіемъ темноты приняло общій характеръ.

Такимъ образомъ послѣ двухдневнаго боя у Гумбинена, имѣвшаго въ общемъ встрѣчный характеръ, поле сраженія осталось за нами. Противникъ, который оказался не уступавшимъ намъ въ численности, и былъ снабженъ отсутствовавшей у насъ въ этомъ бою тяжелой артиллеріей понесъ значительный уронъ и принужденъ былъ начать отходъ, оставляя намъ плѣнныхъ, раненыхъ, матеріальную часть. Мы вправѣ были считать себя побѣдителями. — Особенно насъ радовалъ успѣхъ надъ I-мъ германскимъ корпусомъ, считавшимся однимъ изъ лучшихъ корпусовъ германской арміи.

Вмѣстѣ съ отступавшими нѣмецкими войсками поднялась съ мѣстъ волна бѣженцевъ. Населеніе оставляло свои насиженныя мѣста и, нагрузивъ домашнимъ скарбомъ повозки, запрудило дороги вглубь страны. Получалось впечатлѣніе полной эвакуаціи нѣмцами Восточной Пруссіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, оцѣнилъ обстановку, на основаніи поступавшихъ къ нему свѣдѣній, Главнокомандующій С.-З. фронтомъ, и мы теперь знаемъ, что намѣреніе командовавшаго 8-й германской арміей генерала Притвица дѣйствительно заключалось въ томъ, чтобы отвести свои войска за нижнюю Вислу.

Впечатлѣніе отъ побѣды генерала Ренненкампфа и спѣшнаго отступленія германцевъ было столь сильнымъ, что одно время возникла даже мысль о переброскѣ 1-й арміи къ Варшавѣ, дабы, закрѣпивъ за собою владѣніе Восточной Пруссіей вступившей въ ея предѣли съ юга 2-й арміей, подойти быстрѣе къ вопросу о перенесеніи военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ р. Вислы.

Установившаяся во многихъ кругахъ за генераломъ Ренненкампфомъ, послѣ боксерскаго возстанія въ Манчжуріи и Японской войны, прочная боевая репутація вселяла увѣренность въ томъ, что одержанная надъ германцами побѣда будетъ имъ использована въ полной мѣрѣ. Однако, на этотъ разъ, командующій 1-й русской арміей не уяснилъ себѣ обстановки и вытекавшей изъ нея необходимости, въ интересахъ всей операціи, удерживать отходившаго передъ нимъ противника дальнѣйшими наступательными боями, или по крайней мѣрѣ организовать преслѣдованіе и наблюденіе за нимъ выдвиженіемъ впередъ своей многочисленной кавалеріи. Несмотря на наличіе послѣдней, Генералъ Ренненкампфъ послѣ боя 20-го августа постепенно потерялъ соприкосновеніе съ непріятелемъ, широкій отходъ котораго выяснился для него окон-

чательно лишь по прошествіи нѣсколькихъ дней. Ссылаясь на утомленіе войскъ, необходимость подтянуть пополненія и запасы, а равно выждать подходъ второочередныхъ дивизій и приданной арміи тяжелой артиллерійской бригады, генералъ Ренненкампфъ продолжалъ оставаться со своей арміей въ раіонѣ происшедшаго боя въ теченіе двухъ послѣдующихъ дней. Только 23-го августа войска 1-й арміи возобновили наступленіе, которое, однако, велось, несмотря на отсутствіе сопротивленія со стороны противника, крайне вяло и нерѣшительно.

Столь значительная потеря генераломъ Ренненкампфомъ времени, позволила разбитымъ нѣмецкимъ войскамъ благополучно выйти изъ сферы боя и получить свободу дальнѣйшихъ дѣйствій. Пользуясь богато развитою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, германское командованіе направило I-й герм. корпусъ въ районъ Дейчъ-Эйлау и 3-ю рез. дивизію — черезъ Алленштейнъ къ Гогенштейну для усиленія ею XX-го германскаго корпуса, находившагося въ раіонѣ Остероде и прикрывавшаго пути въ Восточную Пруссію съ юга. Что же касается XVII-го и I Р. герм. корпусовъ, то они безпрепятственно отходили походнымъ порядкомъ на западъ до тѣхъ поръ, пока новыми руководителями 8-й германской арміи Генералами Гинденбургомъ и Людендорфомъ не были повернуты на югъ черезъ Бишофсбургъ и Зеебургъ на Алленштейнъ и Пассенгеймъ, въ раіонъ дѣйствій арміи Генерала Самсонова. Противъ арміи генерала Ренненкампфа, въ качествѣ заслона, остались лишь — на сѣверномъ берегу р. Прегеля гарнизонъ Кенигсберга, и южнѣе — части германской кавалеріи, поддержанныя небольшими отрядами ландвера и ландштурма. Очевидно, что, при энергическомъ наступленіи арміи генерала Ренненкампфа, столь рѣзкое измѣненіе въ направленіи движенія отходившихъ походнымъ порядкомъ германскихъ корпусовъ — XVII и I Р. стало бы совершенно невозможнымъ.

2-я русская армія генерала Самсонова начала свое наступленіе съ фронта Августовъ-Новогеоргіевскъ 18-го августа. Запоздавъ съ началомъ наступательнаго марша, вслѣдствіе стремленія къ дальнѣйшему уклоненію своихъ корпусовъ къ западу и недостаточно правильнаго расчета времени, эта армія перешла непріятельскую границу лишь въ періодъ времени, съ 19-го по 22-го августа, т. е. на срокъ отъ одного до трехъ сутокъ позднѣе, чѣмъ это было предуказано директивой Генерала Жилинскаго.

Упомянутое уклоненіе 2-й арміи къ западу выразилось въ томъ, что лѣвофланговые корпуса этой арміи, вмѣсто указаннаго директивой Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ направленія на Хоржеле-Пассенгеймъ, оказались нацѣленными на фронтъ Нейденбургъ-Сольдау. Генералъ Самсоновъ мотивировалъ такое свое рѣшеніе желаніемъ еще глубже охватить флангъ непріятеля и приблизиться къ желѣзнодорожной линіи Новогеоргіевскъ-Млава, долженствовавшей облегчить подвозъ къ арміи всего ей необходимаго.

Измѣненіе въ направленіи корпусовъ 2-й арміи являлось крайне неблагопріятнымъ факторомъ въ дѣлѣ согласованія дѣйствій армій С.-З. фронта. Сдвигъ лѣваго фланга этой арміи примѣрно на два перехода къ западу дол-

женъ былъ привести либо къ растяжкѣ ея фронта, являвшагося и безъ того слишкомъ обширнымъ, либо къ разрыву съ 1-й арміей. Сверхъ того облическое движеніе корпусовъ 2-й арміи должно было удлинить ихъ путь, что, какъ мы видѣли, оттягивало время перехода ими границы; наконецъ, такое движеніе влекло за собою отдаленіе срока соединенія обѣихъ армій и вызывало необходимость крайней форсировки, съ самаго начала, наступательнаго марша 2-й арміи. Что же касается улучшенія условій подвоза, то нельзя не отмѣтить, что таковое достигалось, повидимому, проще быстрѣйшимъ овладѣніемъ желѣзнодорожной линіей Ортельсбургъ-Іоганисбургъ-Лыкъ-Просткенъ, связывавшейся у Граево черезъ Бѣлостокъ съ русской желѣзнодорожной сѣтью.

Порядокъ слѣдованія корпусовъ 2-й арміи справа налѣво былъ слѣдующимъ: II-й, VI-й, XIII-й XV-й и 2-я пѣх. дивизія XXIII-го корпуса; лѣвѣе этой послѣдней дивизіи выдвигался I-й корпусъ. На флангахъ наступала кавалерія: на правомъ, въ промежуткѣ между II-мъ и VI-мъ корпусами — 4-я кав. дивизія, и на лѣвомъ флангѣ — 6-я и 15-я. Другая дивизія XXIII-го корпуса — 3-я гвардейская — была выдѣлена Главнокомандующимъ С.-З. фронтомъ въ свой резервъ и оставалась сначала въ Соколкѣ, затѣмъ въ Августовѣ. Лишь впослѣдствіи, съ развитіемъ операціи, эта дивизія была перевезена въ Цѣхановъ и отдѣльные полки ея приняли участіе въ бояхъ, разыгравшихся на лѣвомъ флангѣ арміи.

При передвиженіяхъ въ предѣлахъ Русской Польши, войска 2-й арміи должны были преодолѣвать большія трудности, происходившія отъ тяжелыхъ песчаныхъ дорогъ, непривычныхъ переходовъ, при очень жаркой погодѣ и неналаженности тыла. Мѣстныхъ средствъ почти не было, а организовать подвозъ, при отсутствіи въ зонѣ наступленія желѣзныхъ дорогъ, хозяйственнымъ органамъ арміи не удавалось. Нѣкоторые магазины, подлежавшіе образованію въ ближайшемъ тылу распоряженіемъ интендантства фронта, оказались недостаточно пополненными запасами, а армейскіе транспорты прибыли къ арміи съ неполнымъ числомъ повозокъ. Не справлялись со своимъ дѣломъ и полевыя хлѣбопекарни, которыхъ было едва достаточно для снабженія арміи хлѣбомъ при условіи расположенія на мѣстѣ. Съ движеніемъ же арміи впередъ и необходимостью передвиженія вслѣдъ за войсками и полевыхъ хлѣбопекаренъ, работа ихъ должна была прерваться и недостатокъ въ хлѣбѣ становился ощутительнымъ. Войскамъ нерѣдко приходилось выпекать собственнымъ попеченіемъ хлѣбныя лепешки. Въ результатѣ такого положенія, армія, съ первыхъ же дней марша, стала страдать отъ отсутствія главнѣйшихъ продуктовъ питанія: для людей — печенаго хлѣба и для конскаго состава — зернового фуража. Ея корпуса, при переходѣ границы, оказались уже въ значительной мѣрѣ утомленными и изнуренными.

Къ вечеру 22-го августа корпуса 2-й арміи заняли фронтъ Ортельсбургъ-Вилленбергъ-Нейденбургъ-Сольдау, общимъ протяженіемъ около 70 километровъ. Напомнимъ читателю, что къ этому времени 1-я армія все еще оставалась въ раіонѣ Гумбиненскаго боя, т. е. въ разстояніи свыше 100 километровъ отъ

2-й арміи. Связью между обѣими арміями служилъ II-й корпусъ, перешедшій въ этотъ день въ составъ 1-й арміи; корпусъ этотъ занималъ Лыкъ и выдвинулъ отъ себя авангарды въ направленіи къ Летцену, Арису и Іоганисбургу.

Обстановка передъ фронтомъ 2-й армій представлялась не ясной. До подхода къ границѣ имѣлись свѣдѣнія самаго общаго характера о наличіи, якобы, довольно крупныхъ силъ въ раіонѣ Нейденбургъ-Гильгенбургъ-Сольдау. Предполагались также занятыми Ортельсбургъ-Іоганисбургъ и Лыкъ. Были свѣдѣнія о появленіи какихъ-то силъ у Страусбурга и продвиженіи ихъ къ Лаутенбургу. Можно было догадываться, что въ этомъ направленіи подтягивались гарнизоны Торна и другихъ Вислинскихъ укрѣпленій. Наконецъ, по слухамъ, въ раіонѣ Алленштейна находился XX-й германскій корпусъ. Однако вступленіе 2-й арміи на непріятельскую территорію не ознаменовалось никакими серьезными боями. Слабыя передовыя части противника передъ нашими войсками поспѣшно отходили; нѣмецкое населеніе покидало свои жилища.

Вслѣдствіе отсутствія авіаціонныхъ средствъ, все, что происходило у германцевъ за чертою его передовыхъ отрядовъ, оставалось для насъ сокрытымъ.

Чтобы удовлетворить естественному чувству радости, охватившему представителей союзныхъ армій, находившихся при Ставкѣ, при полученіи первыхъ извѣстій о переходѣ нашими войсками границы, — имъ предложена была поѣздка въ Нейденбургъ. Они посѣтили XV-й корпусъ и вернулись обратно довольные и освѣженные всѣмъ видѣннымъ въ пути. Съ особенной восторженностью разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ представитель французской арміи генералъ маркизъ де Лагишъ, свидѣтельствовавшій объ образцовомъ порядкѣ не только на фронтѣ, но и въ тылу видѣнной имъ арміи. Въ особенности его поразилъ порядокъ въ XV-мъ арм. корпусѣ (генералъ Мартосъ).

Съ развитіемъ наступленія 2-й арміи, стремленіе къ дальнѣйшему сдвигу ея корпусовъ къ западу не только не покидаетъ командующаго 2-й арміей, но, наоборотъ, все прочнѣе въ немъ укрѣпляется. 23-го августа генералъ Самсоновъ ходатайствуетъ передъ Главнокомандующимъ С.-З. фронтомъ о разрѣшеніи ему наступать вмѣсто назначеннаго направленія на Растенбургъ-Зеебургъ, отъ котораго онъ фактически уже отклонился, — на фронтъ Алленштейнъ-Остероде. Генералъ Жилинскій сначала противится этому, но затѣмъ, уступая рисовавшейся ему обстановкѣ, устанавливаетъ новое направленіе для наступленія корпусовъ 2-й арміи на фронтъ Зенсбургъ-Алленштейнъ. Рѣшеніе это Главнокомандующій С.-З. фронтомъ мотивируетъ выяснившимся спѣшнымъ отходомъ германцевъ передъ арміей генерала Ренненкампфа; но каково дѣйствительное направленіе этого отхода — остается и Генералу Жилинскому, и генералу Ренненкампфу фактически неизвѣстнымъ. Войска 1-й арміи, возобновивъ свое наступленіе лишь 23-го августа, предоставили такимъ образомъ, нѣмцамъ свободно отходить назадъ и незамѣтно приступить къ выполненію перегруппировки, указанной новымъ командованіемъ 8-й германской арміи. Выпустивъ противника изъ сферы своего вліянія и наблюденія, Генералъ Ренненкампфъ, а за нимъ и руководитель всей операціи на С.-З. фронтѣ генералъ Жи-

линскій, оказались внѣ возможности оцѣнивать обстановку по ея дѣйствительнымъ даннымъ. Вниманіе ихъ, вопреки мнѣнію Ставки, привлекается лежавшей впереди праваго фланга 1-й арміи кр. Кенигсбергъ, миновать которую быстрымъ движеніемъ главныхъ силъ на юго-западъ, съ цѣлью сближенія со 2-й арміей и выполненія основной задачи по охвату непріятеля съ сѣвера, они не рѣшаются. Въ соотвѣтствіи съ симъ три корпуса 1-й арміи (XX-й, IV-й и III-й) направляются Генераломъ Ренненкампфомъ на фронтъ Лабіау-Велау-Алленбургъ и только одинъ корпусъ (II-й) — на фронтъ Гердауенъ-Розенталь (близъ Растенбурга).

Названныхъ пунктовъ части 1-й арміи достигли лишь 26-го августа, сдѣлавъ такимъ образомъ, въ среднемъ, отъ 20 до 60 километровъ въ теченіе четырехъ дней похода — съ 23-го по 26-ое августа — и потерявъ, для выполненія этого передвиженія, со времени окончанія Гумбиненскаго боя (вечеръ 20-го августа), шесть сутокъ. Напомнимъ, что, по первоначальной директивѣ Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ, Растенбургъ намѣчался, какъ пунктъ, на который должны были быть нацѣлены правофланговыя части 2-й арміи, но послѣдняя, какъ мы уже видѣли, все болѣе уклонялась къ западу. Тѣмъ не менѣе, простой расчетъ времени и разстояній показываетъ, что если-бы Генералъ Ренненкампфъ, прикрывшись конницей и даже двумя полевыми корпусами къ сторонѣ Кенигсберга, — съ остальными двумя корпусами своей арміи двинулся вдоль желѣзной дороги Инстербургъ-Гердауенъ-Бишофсбургъ и, не теряя времени, продвинулся бы въ теченіе минувшихъ 6 дней только на 100 километровъ впередъ, что не представляло чего-либо невозможнаго, то онъ несомнѣнно ударилъ бы по тыламъ передвигавшихся на югъ XVII-го и I Р.-го германскихъ корпусовъ, которые, какъ мы увидимъ ниже, 26-го августа вели бой съ нашимъ VI-мъ корпусовъ въ раіонѣ того же Бишофсбурга. Но потерявъ соприкосновеніе съ противникомъ и не зная направленія его отхода, ни Командующій 1-й арміей, ни Главнокомандующій С.-З. фронтомъ не имѣли данныхъ, чтобы предписать такое движеніе.

Между тѣмъ, при дальнѣйшемъ наступленіи 2-й арміи съ занятаго ею фронта — Ортельсбургъ-Нейденбургъ-Сольдау, въ центрѣ ея и на лѣвомъ флангѣ начали развертываться крупныя боевыя столкновенія, въ началѣ удачныя для войскъ генерала Самсонова.

23-го августа въ центрѣ арміи, на фронтѣ Орлау-Франкенау-Михалкенъ разыгрывается двухдневный бой XV-го корпуса съ частями XX-го германскаго корпуса, усиленнаго ландверными формаціями. Нѣмцы, атакованные на укрѣпленной ими позиціи съ фронта XV-мъ корпусовъ и угрожаемые обходомъ ихъ лѣваго фланга нашимъ XIII-мъ корпусовъ, въ результатѣ боя спѣшно отходятъ въ сѣверо-западномъ направленіи. 24-го августа на крайнемъ лѣвомъ флангѣ нашъ I-й корпусъ занимаетъ Уздау и продвигается даже еще нѣсколько впередъ, въ направленіи на Гильгенбургъ. На усиленіе корпуса къ Млавѣ подвозятся эшелонами части 3-й гв. дивизіи и 1-й стрѣлковой бригады. Въ слѣдующіе дни, несмотря на атаки нѣмцевъ съ запада, центральная группа на-

шихъ корпусовъ (XV-й и XIII-й), подъ прикрытіемъ 2-й пѣх. дивизіи XXIII-го корпуса, развернувшейся въ раіонѣ Франкенау, продолжаетъ съ боями продвигаться къ сѣверу. При этомъ, подъ вліяніемъ обстановки, она все болѣе уклоняется къ сѣверо-западу и окончательно нацѣливается, съ согласія Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ, на линію Алленштейнъ-Остероде, взамѣнъ установленнаго 23-го августа направленія на фронтъ Зенсбургъ-Алленштейнъ и первоначально указаннаго директивой генерала Жилинскаго отъ 13-го августа фронта Растенбургъ-Зеебургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ цѣляхъ связи и прикрытія своего внутренняго фланга, далеко оторвавшагося отъ 1-ой арміи, генералъ Самсоновъ, уступая требованіямъ генерала Жилинскаго, передвигаетъ свой право-фланговый корпусъ (VI-й), съ приданной къ нему 4-й кавалерійской дивизіей, въ раіонъ Бишофсбургъ-Зенсбургъ.

Послѣдствія такихъ дѣйствій и распоряженій оказались, однако, крайне невыгодными для общаго положенія 2-й арміи. Уклонивъ свой фронтъ еще болѣе къ западу, генералъ Самсоновъ, вмѣсто того, чтобы имѣть шансы самому выйти во флангъ и тылъ разбитой подъ Гумбиненомъ германской арміи, все болѣе и болѣе открываетъ свой правый флангъ и подставляетъ не только его, но даже тылъ своей арміи подъ ударъ двухъ непріятельскихъ германскихъ корпусовъ (I Р. и XVII), вышедшихъ изъ подъ наблюденія 1-й арміи и свободно выполнявшихъ свой новый маневръ. — Вмѣстѣ съ тѣмъ правофланговый корпусъ 2-й арміи (VI-й) оказывается оторваннымъ на значительное разстояніе отъ центральной группы своей арміи, способствуя тѣмъ ослабленію ея ударной силы и обрекая себя на возможность отдѣльнаго пораженія.

Обезпокоенный складывавшейся на С.-З. фронтѣ обстановкой, Верховный Главнокомандующій 26-го августа счелъ необходимымъ лично прибыть въ штабъ фронта, чтобы, въ бесѣдѣ съ генераломъ Жилинскимъ, выразить ему свои опасенія и потребовать ускоренія движенія арміи Генерала Ренненкампфа.

Положеніе на фронтѣ 2-й арміи стало дѣйствительно вырисовываться въ весьма неблагопріятномъ свѣтѣ. Центральная группа арміи генерала Самсонова (корпуса XV-й и части XXIII-го и XIII-го корпусовъ) встрѣтила уже 26-го августа упорное сопротивленіе нѣмцевъ, собравшихъ въ раіонѣ къ юго-востоку отъ Остероде до пяти дивизій и сосредоточившихъ на своемъ новомъ фронтѣ сильную тяжелую артиллерію. Наши войска, ведя крайне упорные бои, не въ состояніи были продвинуться за линію Алленштейнъ-Гогенштейнъ-Липау (юго-западнѣе Михалкена). Въ то же время на правомъ флангѣ арміи — VI-й корпусъ, будучи атакованъ XVII-мъ германскимъ корпусомъ, поддержаннымъ I Р-мъ корпусомъ, понесъ 26-го августа серьезную неудачу и, потерявъ связь со штабомъ 2-й арміи, оказался отброшеннымъ къ югу отъ Бишофсбурга. Этимъ своимъ отступленіемъ онъ открылъ обоимъ названнымъ выше германскимъ корпусамъ пути въ обходъ праваго фланга и въ тылъ центральной группѣ 2-й арміи. Равнымъ образомъ и на лѣвомъ флангѣ этой арміи — I-й корпусъ, составлявшій, при перемѣнѣ фронта 2-й арміи на сѣверо-западъ, ось маневра и успѣвшій, какъ уже было сказано, выдвинуться къ Уздау, былъ 27-го ав-

густа атакованъ частями I-го германскаго корпуса и съ лѣваго фланга группою генерала Мюльмана изъ ландверныхъ частей, подвезенныхъ изъ Торна и другихъ Вислинскихъ укрѣпленій. Корпусъ, не исчерпавъ, къ сожалѣнію, до конца боевую сопротивляемость своихъ войскъ, отошелъ черезъ Сольдау къ Млавѣ, открывъ этимъ непріятелю дорогу черезъ Нейденбургъ-Мушакенъ въ тылъ той-же центральной группѣ 2-й арміи со стороны ея лѣваго фланга. Наконецъ, вслѣдствіе крайне вялаго наступленія 1-й арміи, производившагося къ тому же въ несоотвѣтственномъ направленіи, и постепеннаго уклоненія 2-й арміи къ западу, разстояніе между внутренними флангами обѣихъ армій все еще оставалось въ нѣсколько десятковъ километровъ (Розенталь-Бишофсбургъ), и такимъ образомъ, армія генерала Самсонова не могла расчитывать въ теченіе ближайшаго времени на какую-либо помощь со стороны 1-й арміи.

Чтобы выяснить въ столь критическій періодъ операціи положеніе въ центральной группѣ корпусовъ и принять личное руководство ихъ дѣятельностью, генералъ Самсоновъ счелъ необходимымъ утромъ 28-го августа выѣхать изъ Нейденбурга — мѣста расположенія его штаба — къ XV-му корпусу. Имѣются данныя, что генералъ Самсоновъ 27-го и даже 28-го августа все еще расчитывалъ совокупными усиліями I-го, XXIII-го и особенно XV-го и XIII-го корпусовъ разбить западную группу непріятеля и, такимъ образомъ, выйти побѣдителемъ изъ создавшагося для него сложнаго положенія. Трудно высказывать мнѣніе по поводу даннаго предположенія командующаго 2-й арміей. Извѣстно, что между побѣдою и пораженіемъ проходитъ часто едва замѣтная грань, ощутить которую на разстояніи, какъ времени такъ и мѣста, никогда не удается. Въ этомъ послѣднемъ соображеніи вѣроятно и заключалась основная причина, по которой генералъ Самсоновъ рѣшилъ 28-го августа выѣхать впередъ къ войскамъ. Но его отъѣздъ требовалъ, конечно, со стороны штаба особыхъ мѣръ и заботъ по поддержанію связи со штабомъ фронта и всѣми частями арміи. Этого сдѣлано не было и управленіе арміей, а также связь съ фронтомъ, съ отъѣздомъ генерала Самсонова, были нарушены. Прибывъ въ раіонъ XV-го корпуса, генералъ Самсоновъ освѣдомился, однако, о крайнемъ утомленіи войскъ и тяжелыхъ потеряхъ, дѣлавшихъ дальнѣйшее ихъ боевое напряженіе, по оцѣнкѣ мѣстныхъ начальниковъ, едва ли возможнымъ. Подъ вліяніемъ такого заключенія, генералъ Самсоновъ не счелъ возможнымъ настаивать на дальнѣйшемъ продолженіи боевъ и отдалъ приказъ объ общемъ отходѣ арміи, въ ночь на 29-ое августа, къ Янову и Хоржеле. Судьба операціи была этимъ рѣшена и въ дальнѣйшемъ вопросъ сводился лишь къ тому, каковы будутъ потери арміи при отходѣ въ столь трудныхъ условіяхъ.

Уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда генерала Самсонова на сѣверъ, Нейденбургъ былъ занятъ нѣмцами, проникшими туда со стороны Уздау и выдвинувшими конныя части, самокатчиковъ и броневые автомобили на Мушакенъ. Вслѣдъ за этимъ непріятель успѣлъ отбросить 2-ю пѣх. дивизію XXIII-го корпуса отъ Франкенау на востокъ, что открывало ему дорогу въ тылъ XV-му корпусу. Съ востока же, навстрѣчу этимъ частямъ, черезъ Пассен-

геймъ продвигались части XVII-го германск. корпуса, и такимъ образомъ катастрофа близилась къ своей роковой развязкѣ. Обозначившееся вокругъ нашихъ войскъ непріятельское кольцо все болѣе и болѣе сжималось, пока къ 30-му августа не сомкнулось окончательно. Положеніе нашихъ частей внутри постепенно сдавливавшаго ихъ кольца значительно затруднилось еще вслѣдствіе потери связи и управленія. — «Насъ все поражало своей неожиданностью», — такъ характеризуетъ положеніе одинъ изъ участниковъ этихъ трагическихъ событій. Войска, непрерывно атакуемыя непріятелемъ со всѣхъ сторонъ, разбились на отдѣльные отряды и колонны, которые, дѣйствуя разрозненно, стремились проложить себѣ дорогу силою. Несмотря на крайнее мужество и отвагу — лишь очень немногимъ эти попытки удались...

Въ тяжкій для русской арміи день 30-го августа въ лѣсахъ сѣвернѣе шоссе Нейденбургъ-Вилленбергъ перестали существовать только впослѣдствіи вновь возстановленные XIII-й и XV-й корпуса и значительная часть XXIII-го корпуса. Много доблестныхъ героевъ нашли здѣсь мѣсто вѣчнаго упокоенія; другіе, исчерпавъ всѣ свои силы, обречены были долгіе годы войны томиться въ германскомъ плѣну.

Командовавшій арміей генералъ Самсоновъ 29-го августа выѣхалъ изъ Орлау, расчитывая достигнуть Янова, чтобы снова взять въ свои руки потерянное имъ управленіе арміей и войти въ связь со штабомъ фронта. Направляясь кружными путями черезъ лѣсъ, сначала верхомъ, затѣмъ пѣшкомъ, онъ въ ночь на 30-ое августа, невдалекѣ отъ Вилленберга, по свидѣтельству сопровождавшихъ чиновъ его штаба, покончилъ съ собою, не имѣя, повидимому, силъ пережить постигшую его неудачу. Подробности этой трагедіи остаются, впрочемъ, все еще недостаточно выясненными. — Да будетъ миръ праху этого крупнаго, но незадачливаго вождя русской арміи, съ именемъ котораго связывалось много разрушенныхъ надеждъ...

Для штаба С.-З. фронта трудное положеніе 2-й арміи, повидимому, выяснилось въ полной мѣрѣ лишь къ 27-му августа. Только въ этотъ день генералъ Жилинскій указалъ командующему 1-й арміей на необходимость оказать содѣйствіе 2-й арміи, которое и выразилось въ распоряженіи о выдвиженіи на поддержку этой арміи двухъ лѣвофланговыхъ корпусовъ (IV-го и II-го) и кавалеріи. Но потерявъ соприкосновеніе съ противникомъ, эти корпуса были нацѣлены на угадъ — на фронтъ Прейсишь-Эйлау-Бишофсштейнъ, т. е. въ западномъ направленіи, гдѣ противника не было. Это обстоятельство, очень характерное само по себѣ, не могло впрочемъ отразиться невыгодно на судьбѣ 2-й арміи, такъ какъ выручка ея являлась запоздалой по времени. Уже 29-го августа, вслѣдствіе совершившагося отхода этой арміи, корпуса 1-й арміи, достигшіе указанной выше линіи, были остановлены; кавалеріи же было приказано продолжать движеніе и организовать поиски въ раіонѣ Вормдитъ-Алленштейнъ-Пассенгеймъ для выясненія положенія генерала Самсонова и оказанія ему возможной помощи. Исполняя это распоряженіе, наши конные отряды бросились вглубь Восточной Пруссіи. Задачи, поставленныя передъ ними,

открыли широкое поле для боевой работы нашей конницы, которая не привела, однако, къ цѣли, какъ запоздалая; она лишь въ значительной мѣрѣ измотала конскій составъ нашихъ частей. Подойдя къ Вормдиту и Алленштейну, наша конница натолкнулась на нѣмецкіе пѣхотные отряды, снабженные артиллеріей и броневиками, съ которыми и имѣла серьезныя стычки.

Столь же запоздалыми явились попытки облегчить положеніе центральной группы 2-й арміи со стороны I-го корпуса, перешедшаго въ наступленіе на Нейденбургъ, и VI-го корпуса, долженствовавшаго двинуться изъ Ортельсбурга къ Вилленбергу. Руководство этими корпусами, со стороны арміи, по существу прекратилось со времени отъѣзда генерала Самсонова изъ Нейденбурга на сѣверъ. Съ этого же момента, какъ уже было отмѣчено, прервалась и связь генерала Самсонова со штабомъ фронта, распоряженія котораго этимъ естественно были затруднены до крайности.

Надо отмѣтить вообще крайне плохую работу службы связи въ описанную операцію. Не только Ставка и штабъ С.-З. фронта по 1—2 дня не знали, что происходитъ въ арміяхъ, но даже корпуса одной и той же арміи не были оріентируемы въ томъ, что дѣлается у ихъ сосѣдей.

Отысканіе персональныхъ виновниковъ столь тяжкаго для Россіи пораженія не входитъ въ мою задачу. Мы слишкомъ часто, особенно въ послѣднее время, привыкли возлагать отвѣтственность за крупныя, почти историческаго значенія событія на отдѣльныхъ лицъ, взамѣнъ того, чтобы зародыши таковыхъ событій искать въ причинахъ и условіяхъ болѣе общихъ. Безпристрастный читатель вѣроятно не откажетъ въ признаніи того факта, что, при ознакомленіи съ ходомъ всей только что описанной операціи, ему приходилось безпрерывно констатировать результаты нашей плохой развѣдки, неналаженной связи, неправильной оцѣнки обстановки и иныхъ крупныхъ недочетовъ въ области управленія и маневрированія. Недочеты эти являлись результатомъ недостаточной подготовки вообще всей нашей арміи и только проявились съ особенной рельефностью при нашей первой серьезной встрѣчѣ съ болѣе искуснымъ противникомъ.

Въ частности, насъ несомнѣнно приблизили къ катастрофѣ нижеслѣдующіе факторы, перечисляемые ниже въ хронологическомъ порядкѣ:

Несвоевременная готовность и неправильный расчетъ времени наступленія 2-й арміи, потребовавшіе форсировки движенія и приведшіе къ изнуренію войскъ этой арміи еще до начала боевыхъ дѣйствій.

Медленность и нерѣшительность дѣйствій 1-й арміи, дозволившія германскимъ войскамъ выйти изъ неудачно сложившагося для нихъ боя и выполнить перегруппировку, намѣченную новымъ ихъ командованіемъ.

Полная потеря соприкосновенія съ непріятелемъ 1-й арміи; какъ результатъ этого, — дѣйствія въ слѣпую и преувеличенное вниманіе къ Кенигсбергу.

Послѣдовательное и настойчивое уклоненіе 2-й арміи къ западу, способствовавшее удаленію ея отъ 1-й арміи и обнаженію ея праваго фланга и тыла.

Разброска корпусовъ 2-й арміи, приведшая къ отдѣльному пораженію VI-го корпуса.

Поспѣшный и мало-обоснованный отходъ I-го корпуса, открывавшій непріятелю путь въ обходъ лѣваго фланга 2-й арміи.

Причины отступленія нашего I-го корпуса остаются до сихъ поръ еще не выясненными. Но каковы бы онѣ ни были, можно отмѣтить, что отходъ этого корпуса на Нейденбургъ, въ сторону сближенія съ остальными войсками 2-й арміи, повидимому, привелъ бы къ менѣе тяжкимъ послѣдствіямъ, чѣмъ эксцентрическое отступленіе въ Млавѣ, которое открыло нѣмцамъ прямые пути съ запада въ тылъ центральной группѣ корпусовъ этой арміи.

Отмѣчая наши недочеты, нельзя, въ противоположность имъ, не подчеркнуть искусства нашихъ противниковъ — германцевъ, искусства, заключавшагося, главнымъ образомъ, въ умѣніи использовать каждый промахъ. Ихъ дѣйствія отличались при этомъ крайней смѣлостью и настойчивостью. Они умѣли рисковать и не разъ балансировали между пораженіемъ и побѣдой. И, какъ это бываетъ всегда, чѣмъ ближе они подходили къ возможности пораженія, тѣмъ полнѣе и рѣшительнѣе оказалась ихъ побѣда.

Въ періодъ только что описанной операціи у насъ были обнаружены случаи посылки нешифрованныхъ распоряженій по «искровому» телеграфу. Эти телеграммы перехватывались не только нашими станціями, но очевидно и непріятельскими. Пользованіе полевымъ безпроволочнымъ телеграфомъ было вообще для нашихъ штабовъ дѣломъ совершенно новымъ и потому непривычнымъ. Впрочемъ, и наши противники грѣшили тѣмъ-же и отъ времени до времени намъ удавалось перехватывать ихъ столь же откровенныя донесенія и распоряженія. Фактъ этотъ, конечно, нисколько не избавляетъ насъ отъ упрека въ непростительной халатности.

Интересно отмѣтить, что случаевъ посылки ложныхъ радіо, съ цѣлью затруднить оріентировку противной стороны, зарегистрировать мнѣ не удалось, ни теперь, ни позже.

Весьма сильное впечатлѣніе производили на наши войска дѣйствія тяжелой артиллеріи противника. Снаряды этой артиллеріи у насъ послѣ первыхъ же боевъ прозвали «чемоданами», каковая кличка очень скоро привилась во всей арміи. «Противникъ бросаетъ чемоданы» — обычная фраза, которой стали пестрить войсковыя донесенія съ фронта.

Что касается дѣйствій нашей кавалеріи, то надо отмѣтить, что главнымъ врагомъ ея въ Восточной Пруссіи явились вооруженные броневые автомобили, впервые появившіеся на поляхъ сраженій, и отряды нѣмецкихъ мотоциклистовъ и самокатчиковъ, кои, пользуясь густо развитою сѣтью шоссейныхъ дорогъ, значительно стѣсняли свободу дѣйствій нашихъ конныхъ отрядовъ.

Участники Восточно-Прусскаго похода свидѣтельствуютъ довольно единогласно о прекрасно организованномъ содѣйствіи мѣстнаго нѣмецкаго населенія своимъ войскамъ. Кромѣ вольныхъ стрѣлковъ, шнырявшихъ на своихъ мотоциклетахъ и велосипедахъ по всей странѣ и высматривавшихъ наше располо-

женіе, населеніе сигнализировало о нашихъ передвиженіяхъ огнями, пожарами, пусканіемъ въ ходъ вѣтряныхъ мельницъ, колокольнымъ звономъ. Наши войска со всѣхъ сторонъ были окружены шпіонами и соглядатаями, что, конечно, осложняло ихъ боевую работу и облегчало оріентировку противника.

ГЛАВА VII.

Галичская операція и ея ближайшіе результаты. — Сношеніе съ Главной Сербской Квартирой и переходъ Сербской арміи въ наступленіе.

Дѣйствительная обстановка на Австро-Венгерскомъ фронтѣ болѣе или менѣе удовлетворительно выяснилась лишь къ серединѣ августа и даже нѣсколько позднѣе. Къ этому времени удалось установить сборъ значительныхъ силъ австрійцевъ за р. Саномъ и на фронтѣ Ярославъ-Львовъ. Въ восточной Галичинѣ обстановка вырисовывалась болѣе туманно; все же можно было сдѣлать выводъ, что непріятель находится въ этомъ раіонѣ въ гораздо меньшихъ силахъ и что онъ еще не закончилъ своего развертыванія, которое происходитъ подъ прикрытіемъ р.р. Зап. Буга, Золотой Липы и Днѣстра.

Полезно еще разъ подчеркнуть, что ничтожность нашихъ авіаціонныхъ средствъ и техническое несовершенство аппаратовъ препятствовали, несмотря на личную отвагу и жертвенность нашихъ летчиковъ, успѣшному производству глубокихъ развѣдокъ; безъ таковыхъ же свѣдѣнія объ общемъ расположеніи непріятеля всегда будутъ страдать большою неточностью. Тѣмъ не менѣе добытыя данныя съ очевидностью свидѣтельствовали, что австрійскія арміи фактически развертывались много западнѣе, чѣмъ это предполагалось нами по свѣдѣніямъ мирнаго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отнесеніе развертыванія австрійскихъ войскъ на восточномъ участкѣ ихъ фронта за линію рѣкъ — Западный Бугъ, Золотая Липа и Днѣстръ, т. е. вглубь территоріи, въ связи съ необнаруженіемъ на томъ же участкѣ сколько-нибудь значительныхъ силъ, должно было служить для насъ яркимъ доказательствомъ того, что австрійское главное командованіе не имѣетъ въ виду развитія широкихъ наступательныхъ дѣйствій на востокъ, къ сторонѣ Кіевскаго военнаго округа. Напротивъ, сборъ значительныхъ силъ за р. Саномъ и на фронтѣ Ярославъ-Львовъ, вмѣстѣ съ фактомъ болѣе медленной готовности нашихъ 5-ой и особенно 4-ой армій, какъ бы подтверждалъ предусматривавшееся еще въ мирное время нашимъ Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба предположеніе о вѣроятности натиска со стороны австрійцевъ на эти, именно, арміи. Чтобы парализовать опасность такого удара и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вырвать инціативу изъ рукъ нашего врага, Русское Верховное Главнокомандованіе находило необходимымъ противопоставить такому способу дѣйствій скорѣйшее вторженіе нашихъ 3-й и 8-й армій въ предѣлы Галичины, съ общимъ направленіемъ на Львовъ. При успѣхѣ такого наступленія, названныя двѣ арміи выходили во флангъ, и даже въ тылъ

нацѣленной на сѣверъ австрійской группѣ войскъ, положеніе которой становилось бы тѣмъ труднѣе, чѣмъ глубже она вторглась бы въ предѣлы русской Польши, къ тому же бездорожной въ этой ея части. Независимо того, наступленіемъ 3-й и 8-й армій выгодно сближались между собою всѣ четыре арміи нашего Ю.-З. фронта, чѣмъ уменьшалась опасность ихъ разрыва, вытекавшая изъ наличія лѣсисто-болотистаго пространства между верховьями Западнаго Буга и р. Стыри.

Въ годы мирной работы, между Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба и штабомъ Кіевскаго военнаго округа существовало коренное различіе во взглядѣ на вѣроятный планъ первоначальныхъ дѣйствій австрійцевъ, въ случаѣ открытія ими противъ насъ войны. Основываясь на сопоставленіи сроковъ боевой готовности, обѣ стороны допускали возможность, и даже признавали вѣроятнымъ, вторженіе австрійцевъ, съ началомъ военныхъ дѣйствій, въ наши предѣлы. Но Главное Управленіе Генеральнаго Штаба считало болѣе вѣроятнымъ нанесеніе главнаго удара австрійцевъ въ сѣверномъ направленіи, въ предѣлы русской Польши и на сближеніе съ восточнымъ фронтомъ германцевъ; штабъ же Кіевскаго военнаго округа отстаивалъ преимущества для австрійцевъ восточнаго операціоннаго направленія, указывая, что наступленіе на сѣверъ явится возможнымъ для нашего противника лишь послѣ успѣха надъ нашими арміями на Кіевскомъ фронтѣ.

Разница въ оцѣнкѣ обстановки порождала разницу и во взглядахъ на наиболѣе цѣлесообразный способъ нашихъ собственныхъ дѣйствій. Мѣстное начальство Кіевскаго военнаго округа всегда настаивало на усиленіи 3-й и 8-й армій и оттяжку ихъ наступленія, считая болѣе соотвѣтственнымъ выждать движеніе впередъ австрійцевъ и расчитывая встрѣтить ихъ короткимъ сосредоточеннымъ контръ-ударомъ. Напротивъ, Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, исходя изъ соображенія о вѣроятномъ направленіи главныхъ усилій австрійцевъ къ сѣверу и учитывая опасность такого удара для нашихъ запаздывавшихъ въ своей готовности 4-й и 5-й армій, требовало скорѣйшаго перехода въ наступленіе армій, развертывавшихся на территоріи Кіевскаго военнаго округа; въ этомъ наступленіи оно видѣло способъ отвести ударъ австрійцевъ отъ сѣверной группы нашихъ войскъ. Для того же, чтобы ослабить рискъ такого изолированнаго наступленія 3-й и 8-й армій, въ центральномъ органѣ Генеральнаго Штаба хорошо сознавали необходимость ускоренія готовности этихъ армій и охотно шли на возможное ихъ усиленіе. Мы видѣли, что въ составъ этихъ армій, въ дополненіе къ пяти корпусамъ Кіевскаго военнаго округа и одного корпуса Одесскаго военнаго округа, было намѣчено включеніе изъ внутреннихъ округовъ двухъ корпусовъ — III-го Кавказскаго и XXIV-го. Къ сожалѣнію, частая смѣна Начальниковъ Генеральнаго Штаба и недостаточная ихъ авторитетность очень затрудняли установленіе единства въ пониманіи сущности первыхъ боевыхъ операцій.

Какъ это видно изъ предыдущаго, дѣйствительная обстановка на австрійскомъ фронтѣ складывалась ближе къ предположеніямъ Главнаго Управленія

Генеральнаго Штаба, преемственно раздѣлявшимся и Верховнымъ Главнокомандованіемъ. Поэтому послѣднее, подтверждая 12-го августа Главнокомандующему арміями Ю.-З. фронта необходимость приступить къ выполненію боевой задачи, возложенной на войска этого фронта Высочайшими указаніями, вмѣстѣ съ тѣмъ требовало ускоренія начала наступленія 3-й и 8-й армій. По расчетамъ Верховнаго Главнокомандованія, таковое наступленіе могло бы начаться изъ раіоновъ сосредоточенія армій уже 18-го августа, т. е. на 19-й день мобилизаціи, не дожидаясь прибытія III-го Кавказскаго и отчасти XXIV арм. корпусовъ; на таковое ослабленіе 3-й и 8-й армій считалось возможнымъ рискнуть, имѣя въ виду выгодно складывавшуюся обстановку и соотношеніе въ силахъ, при ожидавшейся встрѣчѣ съ австрійцами въ восточной Галиціи. Однако, генералъ Ивановъ, въ своемъ первоначальномъ отвѣтѣ, считалъ необходимымъ оттянуть указанный срокъ на 1—2 дня и лишь послѣ повторнаго настоянія Ставки — выразилъ согласіе принять указанные ему сроки въ основаніе своихъ расчетовъ.

Въ конечномъ результатѣ, Главнокомандующій арміями Ю.-З. фронта опредѣлилъ начало наступленія для 8-й арміи — на 18-ое августа, а для 3-й арміи, находившейся нѣсколько впереди, — однимъ днемъ позднѣе т. е. на 19-ое августа. При этихъ условіяхъ переходъ границы долженъ былъ быть выполненъ названными арміями 21-го и 22-го августа, т. е. на 22-й—23-й дни мобилизаціи.

На военной игрѣ старшихъ войсковыхъ начальниковъ 1914-го года Генералу Иванову, состоявшему въ то время Командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа и уже тогда предназначавшемуся въ военное время на должность Главнокомандующаго арміями Ю.-З. фронта, было предложено выяснить сроки возможнаго наступленія армій этого фронта. Несмотря на всѣмъ извѣстную осторожность этого генерала, при которомъ состоялъ, въ качествѣ Начальника штаба армій фронта, генералъ Алексѣевъ, отвѣтъ былъ таковъ, что 3-я и 8-я арміи могутъ начать наступленіе на 20-й день мобилизаціи. Въ дѣйствительности только 8-я армія начала наступленіе днемъ раньше, 3-я же армія перешла въ наступленіе 19-го августа, т. е. точно на 20-й день мобилизаціи. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ, какъ и въ вопросѣ о чрезмѣрномъ ускореніи времени наступленія армій С.-З. фронта, неправы тѣ, кто утверждаетъ, что Верховное Главнокомандованіе не проявило должной выдержки, при опредѣленіи начальнаго срока наступленія 3-й и 8-й армій. Если же принять во вниманіе ту обстановку, которая въ дѣйствительности складывалась на фронтѣ 4-й и 5-й армій, то едва ли возможно будетъ отказать тому же Верховному Главнокомандованію въ признаніи цѣлесообразности его настояній въ вопросѣ о скорѣйшемъ переходѣ къ наступательнымъ дѣйствіямъ 3-й и 8-й армій.

Психологія того времени вообще далеко не совпадала съ мнѣніемъ тѣхъ лицъ, кои нынѣ думаютъ, что оттяжка нашего наступленія могла бы оказаться по тѣмъ или инымъ причинамъ намъ полезной. Всѣ ждали отъ нашихъ

войскъ скорѣйшаго движенія впередъ, переноса войны на непріятельскую территорію, и изъ самыхъ разнообразныхъ русскихъ круговъ поступали въ Ставку выраженія смущенія по поводу «замедлившагося» наступленія. Особенно негодовалъ Военный Министръ генералъ Сухомлиновъ — бывшій Командующій войсками Кіевскаго военнаго округа, написавшій мнѣ горячее письмо по поводу казавшейся ему бездѣятельности армій Ю.-З. фронта. Я не хочу, однако, этимъ сказать, что общее требованіе скорѣйшаго наступленія вліяло въ какой-либо мѣрѣ на рѣшенія Верховнаго Главнокомандованія; послѣднее считалось лишь съ наличной обстановкой и предположеніями мирнаго времени, являвшимися результатомъ заблаговременнаго изученія условій готовности нашихъ армій.

Зная о нѣкоторой склонности Главнокомандующаго арміями Ю.-З. фронта къ колебаніямъ, Верховный Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ счелъ необходимымъ передъ началомъ Галичской операціи посѣтить штабъ Ю.-З. фронта, чтобы, при личномъ свиданіи съ генераломъ Ивановымъ, ввести послѣдняго въ кругъ своихъ предположеній и пожеланій. Свиданіе это состоялось 18-го августа въ Ровнѣ и на немъ были окончательно установлены детали наступленія, а также рѣшенъ вопросъ о переброскѣ III-го Кавказскаго корпуса въ составъ 4-й арміи, какъ о томъ будетъ упомянуто нѣсколько ниже.

Такъ какъ на пути наступленія нашихъ войскъ предстояла встрѣча ихъ съ непріятельскими крѣпостями и укрѣпленными позиціями, то Верховное Главнокомандованіе, предусматривая таковую встрѣчу, еще въ серединѣ августа отдало распоряженіе о приступѣ къ формированію въ нашихъ крѣпостяхъ, при крѣпостной артиллеріи, подвижныхъ артиллерійскихъ группъ. Однако, наша крѣпостная артиллерія состояла почти цѣликомъ изъ устарѣвшихъ и маломощныхъ орудій, обезпеченныхъ притомъ крайне недостаточными боевыми комплектами; поэтому на указанныя выше импровизированныя артиллерійскія формированія нельзя было возлагать особыхъ надеждъ.

Рѣшивъ вопросъ о порядкѣ наступленія, Верховный Главнокомандующій русскими вооруженными силами, въ цѣляхъ согласованія дѣйствій русской и сербской армій и нанесенія ими одновременнаго удара общему врагу — Австро-Венгріи, — высказалъ, въ особой телеграммѣ отъ 13-го августа на имя Сербскаго Королевича Александра, пожеланіе о переходѣ въ рѣшительное наступленіе сербской арміи. Это пожеланіе находилось въ полномъ согласіи съ видами и нашей союзницы — Франціи, правительство которой еще въ началѣ августа просило русское Верховное Главнокомандованіе оказать свое вліяніе на сербовъ въ этомъ именно смыслѣ. Время для таковаго наступленія оказывалось для сербовъ крайне подходящимъ. Австрійцы, объявивъ намъ войну и стремясь сосредоточить противъ насъ возможно большія силы, приступили, по имѣвшимся у насъ точнымъ свѣдѣніямъ, къ переброскѣ части своихъ войскъ съ сербскаго фронта на нашъ, естественно облегчая тѣмъ осуществленіе наступательной задачи сербамъ.

Здѣсь — съ сожалѣніемъ конечно, — умѣстно будетъ вновь отмѣтить, что сербская армія, усиленная черногорскими контингентами, составляла третій вполнѣ самостоятельный фронтъ Державъ Согласія. Если между Россіей и Франціей, несмотря на отсутствіе общаго плана войны, все же существовалъ нѣкоторый предварительный сговоръ по вопросу о первоначальныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, то по отношенію къ Сербіи не было сдѣлано и этого минимальнаго шага къ установленію единства дѣйствій. До возникновенія войны 1914-го года у Франціи не имѣлось повода къ военному сближенію съ Сербіей; таковое сближеніе, какъ мы уже видѣли, не получило никакой оффиціальной конкретизаціи и между Россіей и Сербіей. Но очевидно, что оказавшись, съ момента возникновенія вооруженнаго конфликта съ Австріей, подъ защитой Великихъ Державъ Согласія, Сербія не могла не сознавать, что совѣтъ этихъ Державъ, и въ частности пожеланія русскаго Верховнаго Главнокомандующаго, имѣвшія въ виду общую пользу и конечный успѣхъ, должны были являться для нея, въ мѣрѣ возможности, обязательными. Поэтому призывъ Великаго Князя Николая Николаевича, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтилъ со стороны сербскаго Главнокомандованія живѣйшій откликъ.

Австрійскія силы, предназначенныя для дѣйствій противъ Сербіи, успѣли въ это время уже вторгнуться въ предѣлы послѣдней со стороны р.р. Дрины и Саввы и къ серединѣ августа выйти на фронтъ Шабацъ-Любавія. Здѣсь онѣ были атакованы сербами, перешедшими 20-го августа, согласно совѣта русскаго Верховнаго Главнокомандованія, въ контръ-наступленіе. Послѣ ряда упорныхъ боевъ, австрійцы потерпѣли пораженіе и стали быстро отходить обратно за Дрину и Савву. Уже 24-го августа нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Сербіи В. Н. Штрандманъ сообщалъ намъ телеграммой, что сербская территорія вполнѣ очищена отъ непріятеля. Къ сожалѣнію, сербская армія не имѣла возможности пожать плоды своихъ первыхъ побѣдъ. Уже въ это время она начинала чувствовать острый недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, главнымъ образомъ — артиллерійскихъ. Этотъ недостатокъ самымъ губительнымъ образомъ вліялъ на дальнѣйшее развитіе наступательныхъ операцій сербской арміи.

Главнокомандующій арміями Ю.-З. фронта Генералъ Ивановъ, установивъ начальнымъ срокомъ наступленія 8-й и 3-й армій 18-е и 19-е августа, предписалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдвинуть отъ 4-й и 5-й армій авангарды на линію Вильколазъ—Владимиръ-Волынскъ. Подъ прикрытіемъ этихъ авангардовъ, должно было произойти продвиженіе впередъ и главныхъ силъ названныхъ армій съ такимъ расчетомъ, чтобы общее ихъ наступленіе могло начаться 23-го августа. Однако, къ этому времени, какъ уже отмѣчено было, выяснилось, что наши свѣдѣнія мирнаго времени, касавшіяся формы стратегическаго развертыванія австро-венгерскихъ армій, оказались не точными, и что развертываніе австрійцевъ въ дѣйствительности произошло значительно западнѣе, чѣмъ мы ожидали, а именно, примыкая вплотную къ р. Вислѣ. — Такое развертываніе могло явиться угрозой нашему правому флангу Ю.-З. фронта. Но

такъ какъ сосредоточеніе нашихъ армій къ этому времени подходило уже къ концу и измѣнить таковое не представлялось возможнымъ, то Начальникъ штаба армій Ю.-З. фронта генералъ Алексѣевъ намѣревался отвѣтить на эту новую данную обстановки подачей 4-й и 5-й армій болѣе къ западу въ періодъ самого выполненія намѣчавшагося наступательнаго марша. Ставка же, со своей стороны приняла рѣшеніе направить на Ивангородъ уже перевозившійся въ составъ 4-й арміи III-й Кавказскій корпусъ и одну кон. дивизію. Эти войска и должны были составить обезпеченіе праваго фланга армій Ю.-З. фронта отъ угрожавшаго имъ обхода непріятелемъ.

Въ общемъ къ 23-му августа штабомъ Ю.-З. фронта былъ окончательно разработанъ планъ наступленія, который выливался въ слѣдующія формы: 4-я армія — овладѣваетъ теченіемъ р. Сана отъ Лежайска до устья и затѣмъ выдвигается примѣрно на линію Мелецкъ-Лежайскъ, «чтобы обезпечить за собою прочное владѣніе промежуткомъ между Вислой и Саномъ и принять на себя первый ударъ даже превосходныхъ силъ противника», удерживая его до подхода подкрѣпленій. При завершеніи операцій, эта же армія, ударомъ въ направленіи Дембица-Ряшевъ, должна была выполнять одно изъ основныхъ заданій Ю.-З. фронта — воспрепятствовать отступленію значительныхъ силъ непріятеля къ Кракову. 5-ю армію намѣчалось вывести на фронтъ Цѣшановъ-Рава Русская-Магировъ. Считалось, что отсюда она можетъ съ одинаковымъ удобствомъ оказать помощь 4-й арміи, атаковать промежутокъ Львовъ-Перемышль, «или оказать помощь 3-й арміи подъ Львовомъ». Такимъ образомъ, 5-я армія должна была представлять маневренную группу для сосредоточенія тамъ, гдѣ это по обстоятельствамъ представится необходимымъ.

На 3-ю армію возлагалась «важнѣйшая задача въ развитіи первоначальной операціи наступленія на Львовъ». Она «наноситъ ударъ пункту, важному въ военномъ и политическомъ отношеніи».

8-я армія — «содѣйствуетъ 3-й арміи въ выполненіи основной ея задачи». Утвердившись на р. Стрыпѣ, она продолжаетъ наступленіе, имѣя осью таковаго дорогу Бережаны-Рогатинъ-Подкамень и ведя лѣвофланговые корпуса уступомъ назадъ, для обезпеченія себя со стороны Днѣстра или переброски части силъ на правый берегъ этой рѣки.

Мнѣ неизбѣжно пришлось сдѣлать нѣсколько дословныхъ выписокъ изъ соотвѣтственнаго доклада Начальника Штаба Ю.-З. фронта, излагавшаго приведенный планъ. Это было необходимо, чтобы отмѣтить то значеніе, которое въ этотъ періодъ времени склонны были на Ю.-З. фронтѣ придавать Львову. 5-ая армія, которая, при своемъ первоначальномъ развертываніи, примыкала вплотную къ лѣвому флангу 4-й арміи, нацѣливалась на фронтъ Цѣшановъ-Рава Русская, съ рискомъ оторваться на 2—3 перехода отъ своего сосѣда справа. Этою цѣною имѣлось въ виду достигнуть возможности взаимодѣйствія трехъ лѣвофланговыхъ армій, общею численностью въ 12 корпусовъ, подъ Львовымъ. Однако, какъ увидимъ дальше, поправка, внесенная въ этотъ планъ дѣйствіями живой силы противника — его арміей, вскорѣ освободила

Ю.-З. фронтъ отъ «Львовскихъ миражей». Для достиженія успѣха надъ главными силами австрійской арміи, избравшими для своего наступленія сѣверное направленіе, Главнокомандованію Ю.-З. фронта пришлось не только притянуть къ 4-й арміи всю 5-ю армію и усилить первую, при содѣйствіи Ставки, на три корпуса (считая и III-й Кавк.), но еще настаивать передъ Командующимъ 3-й арміей на томъ, чтобы онъ двигалъ всѣ или большую часть своихъ корпусовъ сѣвернѣе Львова, для оказанія содѣйствія 5-й арміи. Мѣры эти сводились къ сосредоточенію 12—14 корпусовъ, но уже не въ раіонѣ Львова, а противъ австрійской арміи, вторгшейся, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ наши предѣлы на фронтѣ между Вислой и Зап. Бугомъ.

Наступленіе 3-й и 8-й армій, коими открылись военныя дѣйствія противъ Австро-Венгріи, началось въ установленные сроки и стало развиваться съ самаго начала вполнѣ успѣшно. Верховный Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ, передъ вступленіемъ нашихъ войскъ въ Галичину, обратился ко всѣмъ славянскимъ народамъ, томившимся подъ властью Габсбурговъ, съ призывомъ стать на борьбу за свою свободу и содѣйствовать всѣми силами успѣхамъ русскихъ войскъ, видя въ нихъ освободителей. Такимъ образомъ, Россія вновь выступала въ роли Державы-Освободительницы родственныхъ ей по крови подъяремныхъ славянскихъ народовъ. При своемъ наступленіи, обѣ вышеназванныя арміи главными своими силами заняли полосу мѣстности отъ линіи Луцкъ-Каміонка-Струмилова къ югу до р. Днѣстра. По мѣрѣ сближенія съ противникомъ, фронтъ этихъ армій, такимъ образомъ, постепенно и значительно сокращался. Для прикрытія лѣваго фланга отъ угрозы изъ за Днѣстра, на которомъ у противника имѣлся рядъ укрѣпленныхъ переправъ — у Залещиковъ, Нижніова, Галича, и Миколаева, — командующій 8-й арміей велъ свой лѣвофланговый корпусъ (XXIV) уступомъ назадъ. По правому берегу р. Днѣстра наступалъ особый Заднѣстровскій отрядъ.

Нѣсколько замедленное продвиженіе 3-й и 8-й армій въ теченіе первыхъ дней ихъ наступленія вызвало со стороны Верховнаго Главнокомандующаго указаніе Генералу Иванову, что наступленіе этихъ армій должно впредь вестись «съ возрастающей энергіей и быстротой». Это требованіе представлялось выполнимымъ, ввиду отсутствія со стороны противника сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія.

Въ періодъ сближенія нашихъ 3-й и 8-й армій съ австрійцами, въ Ставкѣ были получены тревожныя извѣстія о настроеніяхъ въ Румыніи и мобилизаціи ея арміи. Въ связи съ этими слухами, намѣчалось, въ случаѣ враждебнаго выступленія противъ насъ названнаго государства, повернуть 8-ю армію на югъ съ цѣлью удара ею по румынской арміи. Однако, въ дальнѣйшемъ получены были болѣе успокоительныя свѣдѣнія, позволившія Ю.-З. фронту сосредоточить свои силы и вниманіе на одномъ противникѣ — австрійцахъ.

26-го августа обѣ наступавшія арміи стали выходить на фронтъ Каміонка-Бускъ-Монастержиско; здѣсь онѣ впервые столкнулись съ главными силами

3-й австро-венгерской арміи генерала Брудермана. Послѣ двухдневныхъ боевъ, получившихъ общее названіе боевъ на Золочовскихъ высотахъ и р. Золотой Липѣ, непріятель, угрожаемый обходами съ обоихъ фланговъ и понесшій тяжелыя потери, отступилъ въ западномъ направленіи, преслѣдуемый нашей конницей.

Упомянутыми боями было выяснено, что силы австрійцевъ на восточномъ участкѣ ихъ фронта не превышаютъ 3—4 корпусовъ. Это обстоятельство лишній разъ подтверждало предположеніе Ставки, что главную массу австро-венгерской арміи намъ надлежитъ ожидать не сѣверномъ участкѣ ихъ фронта, и слѣдовательно оправдывало требованіе о скорѣйшемъ наступленіи 3-й и 8-й армій. Равнымъ образомъ оно доказывало цѣлесообразность принятаго рѣшенія о частичной перегруппировкѣ войскъ въ предѣлахъ Ю.-З. фронта, заключавшейся въ переброскѣ III-го Кавк. корпуса изъ раіона 3-й арміи на правый флангъ Ю.-З. фронта, гдѣ событія къ тому времени пріобрѣтали весьма серьезный для насъ характеръ.

И дѣйствительно, уже 17-го августа передовыя части австрійцевъ атаковали у Красника, на крайнемъ правомъ флангѣ Ю.-З. фронта, нашу кавалерію, поддержанную пѣхотой. Послѣ довольно продолжительнаго и упорнаго боя, непріятель, впрочемъ, вынужденъ былъ къ отступленію. Но уже въ теченіе послѣдующихъ дней, почти одновременно со вступленіемъ нашихъ 3-й и 8-й армій на территорію Галичины, австрійцы, воспользовавшись преимуществомъ въ своей готовности надъ нашими сѣверными арміями Ю.-З. фронта переправились въ значительныхъ силахъ черезъ р.р. Санъ и Таневъ и вторглись въ предѣлы Русской Польши на довольно широкомъ фронтѣ.

Мнѣ уже пришлось отмѣтить, что, согласно директивы Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ Генерала Иванова, 4-я и 5-я арміи должны были 23-го августа начать наступленіе съ фронта Вильколазъ—Владиміръ-Волынскъ на югъ. Такимъ образомъ на данномъ участкѣ фронта обѣ стороны — русскіе и австрійцы — проявили почти одновременно стремленіе къ переходу въ наступленіе, справедливо оцѣнивая выгоды такого образа дѣйствія, связаннаго съ захватомъ иниціативы.

Въ результатѣ двухъ встрѣчныхъ наступленій, авангарды нашей 4-й арміи столкнулись 23-го и 24-го августа, на фронтѣ къ югу отъ Красника и р. Поръ, со всей лѣвофланговой австрійской арміей (1-й арміей генерала Данкля).

Вторично разыгравшійся 23-го августа у Красника бой окончился на сей разъ не въ нашу пользу. Въ этотъ же день боемъ было выяснено наступленіе сильной непріятельской колонны вдоль р. Вислы на Аннополь-Юзефовъ, являвшейся серьезной угрозой для праваго фланга 4-й арміи. Въ послѣдующіе дни, въ результатѣ ряда боевъ, 4-я армія была потѣснена на сѣверъ и оказалась вынужденной откинуть свой правый флангъ назадъ. Австрійцы, продолжая атаки по всему фронту 4-й арміи, выявили съ особенною силою стремленіе развить свой успѣхъ противъ нашего праваго фланга, направляя свой главный ударъ черезъ Ополе и Ходель. Такъ какъ перевозка III-го Кавказ. корпуса ока-

зывалась слишкомъ растянутой, то, чтобы остановить развившійся обходъ, угрожавшій 4-й арміи и закрыть свободное пространство, образовавшееся между правофланговымъ корпусомъ этой арміи и р. Вислой, Верховный Главнокомандующій былъ вынужденъ спѣшно свернуть слѣдовавшій въ Варшаву XVIII-й корпусъ на Ивангородъ. Корпусъ этой былъ затѣмъ выдвинутъ въ общую боевую линію и включенъ въ составъ 4-й арміи. Были также приняты мѣры къ ускоренію перевозки въ 4-ю армію включенныхъ въ нее второочередныхъ дивизій.

Съ своей стороны, командующій 5-й арміей генералъ Плеве, по просьбѣ своего сосѣда справа генерала барона Зальца, распорядился командировать изъ состава своего правофланговаго корпуса (XXV-го) бригаду пѣхоты въ непосредственное распоряженіе командующаго 4-й арміей. Бригада эта подошла форсированнымъ маршемъ къ Люблину и была направлена на усиленіе праваго фланга названной арміи.

Одновременно съ развитіемъ первыхъ серьезныхъ боевыхъ столкновеній на фронтѣ нашей 4-й арміи, восточнѣе ея, стала наступать 5-я армія генерала Плеве. Ввиду необнаруженія передъ ея фронтомъ серьезнаго противника и труднаго положенія 4-й арміи, главнокомандующій Ю.-З. фронтомъ указалъ генералу Плеве на необходимость облегчить положеніе сосѣдней арміи измѣненіемъ направленія трехъ лѣвофланговыхъ корпусовъ 5-й арміи такимъ образомъ, чтобы они могли выйти во флангъ и тылъ непріятельскимъ корпусамъ, какъ атакующимъ 4-ю армію, такъ и вновь обнаружившимся на направленіи Томашовъ-Замостье.

25-го августа 5-я армія приступила къ выполненію указаннаго ей маневра. Послѣдній долженъ былъ заключаться въ томъ, чтобы, удерживая правофланговый корпусъ (XXV-й) въ раіонѣ Замостья и оказывая имъ непосредственную помощь 4-й арміи, остальными тремя корпусами сдѣлать захожденіе лѣвымъ флангомъ впередъ, выдвигая ихъ первоначально уступами на фронтъ Комаровъ-Лащовъ-Сокаль. Этотъ крайне сложный и трудный маневръ привелъ корпуса 5-й арміи къ ряду упорныхъ и кровопролитныхъ боевъ въ раіонѣ Томашова. Они явились въ результатѣ встрѣчнаго движенія въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направленіяхъ корпусовъ 4-й австро-венгерской арміи генерала Ауфенберга, наступавшей восточнѣе 1-й австро-венгерской арміи генерала Данкля, и уступомъ назадъ по отношенію къ послѣдней.

26-го августа XIX-й корпусъ 5-й арміи атаковалъ австрійцевъ юго-западнѣе Комарова и оттѣснилъ ихъ къ Томашову. Для содѣйствія этому корпусу и развитія успѣха, командующій 5-й арміей генералъ Плеве направилъ къ Томашову остальные свои два лѣвофланговые корпуса (V-й и XVII-й), причемъ отъ движенія этихъ корпусовъ въ тылъ Томашевской группѣ непріятеля ожидались очень крупные результаты. Однако, въ дѣйствительности дѣло сложилось иначе. Противникъ спѣшно подтягивалъ свои силы, которыя стали постепенно выходить во флангъ передвигавшимся къ Томашеву лѣвофланговымъ корпусамъ 5-й арміи. Особенно опаснымъ въ этомъ отношеніи являлось

наступленіе австрійской группы Эрцгерцога Іосифа-Фердинанда, обнаружившееся со стороны Белза и Уніова.

Съ 28-го августа для 5-й арміи начинается рядъ тяжелыхъ дней. Весьма крупныя силы, опредѣлившіяся въ 4—5 австрійскихъ корпусовъ, пытаются схватить три лѣвофланговыхъ корпуса нашей 5-й арміи съ трехъ сторонъ. Происходитъ рядъ очень упорныхъ боевъ, въ которыхъ со стороны нашихъ войскъ и ихъ начальниковъ было проявлено много доблести. Особенно выдѣлился XIX-й корпусъ съ его мужественнымъ командиромъ корпуса (генераломъ Горбатовскимъ), который 27-го и 28-го августа геройски отбивался отъ насѣдавшаго на него съ трехъ сторонъ противника, пока къ нему не подошли другіе корпуса. Сосѣдній съ нимъ корпусъ, неожиданнымъ выходомъ въ тылъ непріятелю, совершенно разгромилъ 28-го августа 15-ю гонвендную дивизію. Тѣмъ не менѣе, положеніе всѣхъ трехъ лѣвофланговыхъ корпусовъ 5-й арміи съ каждымъ днемъ становилось труднѣе и сложнѣе. Они понесли большія потери; трудность же ихъ положенія усугублялась тѣмъ обстоятельствомъ что правофланговый корпусъ 5-й арміи (XXV-й), оказывавшій непосредственное содѣйствіе 4-й арміи, вынужденъ былъ подъ давленіемъ непріятеля и общей обстановки на фронтѣ 4-й арміи, отойти за Красноставъ. Съ другой стороны, уклоненіе лѣвофланговыхъ корпусовъ 5-й арміи къ западу привело къ еще большему удаленію ихъ отъ правофланговыхъ корпусовъ 3-й арміи, наступавшей, какъ уже отмѣчалось, правымъ флангомъ на Каміонку. Такимъ образомъ группа нашихъ корпусовъ въ раіонѣ Томашова являлась безъ связи съ сосѣдями, почти изолированной.

Въ такой исключительно трудной обстановкѣ командующій 5-й арміей вынужденъ былъ 30-го августа подъ вечеръ отдать приказаніе объ отходѣ всей своей арміи на линію Красноставъ или, если не удастся его занять вновь, то — на Холмъ—Владиміръ-Волынскъ. Свое рѣшеніе генералъ Плеве мотивировалъ «невозможностью достигнуть боемъ рѣшительнаго успѣха и помѣшать прорыву австрійцевъ между 4-й и 5-й арміями.»

Но еще болѣе тяжело складывалась въ эти дни обстановка на фронтѣ нашей 4-й арміи. Австрійцы настойчиво продолжали тѣснить ея корпуса, направляя свои усилія на оба фланга названной арміи. 28-го августа командующій 4-й арміей признаетъ свое положеніе настолько угрожаемымъ, что проситъ Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ указать ему задачу на случай вынужденнаго отхода за р. Вепржъ. Генералъ Ивановъ указываетъ ему на этотъ случай — упрочиться на р. Вепржъ, прикрывая пути къ участку р. Буга между Дрогичинымъ и Брестомъ. 5-й арміи намѣчается поставить въ этомъ случаѣ задачею — стать на путяхъ къ Бресту, продолжая развивать активныя дѣйствія своимъ лѣвымъ флангомъ, для оказанія помощи сосѣдней слѣва 3-й арміи.

Въ ночь на 29-ое августа, по наведенному на р. Вислѣ у Юзефова мосту, началась переправа на правый берегъ рѣки австрійскихъ войскъ, до того времени наступавшихъ, подъ начальствомъ генерала Куммера, по лѣвому

берегу Вислы на Радомъ. За австрійцами къ переправѣ потянулся германскій ландверный корпусъ генерала Войрша. Получены были свѣдѣнія о попыткѣ непріятеля устроить переправу черезъ Вислу еще сѣвернѣе — у Казимержа. Къ этому пункту былъ высланъ особый отрядъ, который, однако, выяснилъ ложность этого извѣстія.

Въ то же время на лѣвомъ берегу р. Вислы, противникъ, занимавшій Радомъ, началъ наступленіе на Ивангородъ. 1-го сентября его передовыя части подошли къ нашимъ укрѣпленіямъ лѣваго берега р. Вислы и завязали перестрѣлку съ нашимъ охраненіемъ. Дѣло кончилось демонстраціей послѣ которой непріятель отошелъ въ направленіи на Радомъ.

Съ прибытіемъ на правый берегъ Вислы подкрѣпленій, австрійское командованіе приступаетъ съ новой силой къ выполненію охвата 4-й арміи съ обоихъ фланговъ. На нашемъ правомъ флангѣ, благодаря своевременной подачѣ головныхъ частей XVIII-го корпуса, эту попытку удается остановить, но на лѣвомъ флангѣ обстановка складывается значительно менѣе благопріятно. Къ 1-му сентября австрійцамъ удается глубоко охватить лѣвый флангъ 4-й арміи, и, прорвавшись въ стыкѣ между 4-й и 5-й арміями, занять желѣзнодорожную станцію Травники на лѣвомъ берегу р. Вепржа, на половинѣ пути между Люблинымъ и Холмомъ; этимъ была прервана ближайшая желѣзнодорожная связь между обѣими вышеназванными арміями. Правофланговый корпусъ 5-й арміи (XXV-й), подъ вліяніемъ этой обстановки, оставляетъ Красноставъ и отходитъ 2-го сентября къ Реіовцу, стремясь прикрыть своимъ новымъ расположеніемъ г. Холмъ.

Для полной характеристики общаго положенія, надо еще добавить, что русской арміи какъ разъ въ этотъ періодъ времени пришлось переживать трагическій исходъ операціи въ Восточной Пруссіи. Въ результатѣ пораженія почти всей 2-й русской арміи, весь Наревскій фронтъ оказывался открытымъ для вторженія черезъ него съ сѣвера въ русскую Польшу нѣмцевъ, къ которымъ — намъ было это извѣстно — спѣшили подкрѣпленія съ западнаго фронта. Въ такой обстановкѣ назрѣвала возможность серьезной угрозы со стороны нѣмцевъ тылу нашихъ 4-й и 5-й армій, пути сообщенія и отхода которыхъ лежали черезъ Польшу. О томъ, что германскія желѣзныя дороги приспособлялись для массовыхъ перевозокъ и что въ пути съ запада на востокъ находится не менѣе 70 воинскихъ поѣздовъ, Ставка была освѣдомлена своей развѣдкой уже 29-го августа. Принимая во вниманіе количество поѣздовъ, необходимое для подъема одного корпуса, и время, потребное для переброски корпуса съ западнаго фронта на восточный — не трудно было прійти къ заключенію, что въ пути находится не менѣе корпуса войскъ, вѣрнѣе же больше, и что появленіе новыхъ частей на нашемъ восточномъ фронтѣ слѣдуетъ ожидать уже въ первыхъ числахъ сентября. Расчеты эти, какъ мы теперь уже знаемъ, оказались очень близкими къ дѣйствительности, такъ какъ въ это время шла дѣйствительно перевозка съ западнаго фронта на восточный германскихъ корпусовъ XI-го и Гв. Р., съ добавленіемъ къ нимъ 8-й кав. дивизіи, при-

чемъ эти войска уже 7-го сентября приняли участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ на нашемъ фронтѣ. Но объ этомъ рѣчь нѣсколько впереди.

При описанныхъ выше болѣе чѣмъ сложныхъ условіяхъ, отъ русскаго Верховнаго Главнокомандующаго требовалось много выдержки и твердости духа, чтобы съ достоинствомъ выйти изъ создавшагося труднаго положенія. Путь былъ только одинъ — добиться рѣшительной побѣды надъ австро-венгерской арміей. Первоначальныя предположенія о развитіи наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу г. Вислы болѣе не соотвѣтствовали обстановкѣ, тѣмъ болѣе, что два корпуса (І-й и XVIII-й) изъ трехъ, находившихся въ непосредственномъ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго, уже были израсходованы. Оставалось довольствоваться подготовкою рѣшительнаго контръ-удара на правомъ берегу названной рѣки. Въ соотвѣтствіи съ таковымъ рѣшеніемъ, Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ особымъ обращеніемъ призвалъ войска Ю.-З. фронта къ полному напряженію силъ и одновременно утвердилъ рядъ мѣръ, клонившихся къ скорѣйшему созданію на правомъ флангѣ названнаго фронта ударной группы войскъ. Энергичное наступленіе этой группы, согласованное съ развивавшимся наступленіемъ 3-й и 8-й армій могло не только выправить наше положеніе на сѣверномъ участкѣ Ю.-З. фронта, но, въ конечномъ результатѣ, создать катастрофическое положеніе для австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ. Ввиду трудности обстановки на фронтѣ 4-й арміи, командованіе этой арміи еще 25-го августа было ввѣрено генералу Эверту, твердому и спокойному вождю, который къ тому же, передъ отъѣздомъ въ армію, получилъ личныя указанія Верховнаго Главнокомандующаго. Затѣмъ Начальнику военныхъ сообщеній при Верховномъ Главнокомандующемъ генералу Ронжину было предложено принять мѣры къ ускоренію перевозки III-го Кавк. и XVIII-го корпусовъ и трехъ второочередныхъ дивизій, уже направленныхъ на фронтъ 4-й арміи. Независимо того, 29-го августа изъ Варшавы въ раіонъ дѣйствія той же арміи была начата перевозка послѣдняго изъ находившихся въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго корпусовъ — Гвардейскаго, въ составѣ 1 и 2 гв. дивизій и гв. стр. бригады. Такъ какъ, съ подходомъ всѣхъ этихъ частей, составъ 4-й арміи долженъ былъ увеличиться до шести корпусовъ съ нѣсколькими второочередными дивизіями, то, для удобства управленія, было предуказано раздѣленіе этой арміи на двѣ арміи: 4-ю и 9-ю генерала Лечицкаго. Намѣчался также поворотъ на Люблинъ ожидавшагося на театръ военныхъ дѣйствій XXII-го корпуса, но перевозка его оказалась крайне растянутой и запаздывавшей. Наконецъ, Ставкой были намѣчены мѣры къ сбору конной группы на лѣвомъ берегу р. Вислы, въ раіонѣ Радома, каковая группа, при условіи энергичныхъ дѣйствій, могла въ будущемъ создать серьезную угрозу путямъ отступленія австрійцевъ на Краковъ.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣръ, правый флангъ Ю.-З. фронта долженъ былъ получить въ теченіе ближайшаго времени усиленіе на 9½ пѣх. дивизій (152 бат.); общія же силы, сосредоточенныя противъ австрійцевъ, съ подходомъ

всѣхъ намѣченныхъ подкрѣпленій, должны были возрасти до 18-ти полевыхъ корпусовъ, или, со второочередными дивизіями, до 51-й пѣх. дивизіи и 4-хъ стрѣлк. бригадъ (848 бат.). По подсчетамъ штаба Ю.-З. фронта, между Вислой и Вепржемъ наступало 129 австр. батальоновъ, кои въ послѣднихъ числахъ августа могли быть усилены лишь войсками генерала Куммера (съ лѣваго берега р. Вислы) и германскимъ ландвернымъ корпусомъ генерала Войрша. Мы же, по выполненіи всѣхъ перевозокъ, могли имъ противопоставить 248 батальновъ, и такимъ образомъ за нами было обезпечено явное превосходство въ силахъ не только на всемъ фронтѣ противъ австрійцевъ, но и въ раіонѣ рѣшительнаго боя.

Предоставивъ такимъ образомъ въ распоряженіе Главнокомандующаго Ю.-З. фронта всѣ свободныя силы, Верховный Главнокомандующій, непреклонно преслѣдуя задачу разгрома австрійцевъ, въ завершаніе всѣхъ мѣръ, отдалъ 31-го августа приказъ о переходѣ арміями Ю.-З. фронта въ кратчайшій срокъ къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Особое напряженіе было потребовано отъ правофланговыхъ армій генераловъ Эверта и Лечицкаго. Въ тѣхъ раіонахъ, гдѣ наступленіе невозможно, говорилось въ приказѣ, войска должны держать занятыя ими мѣста до послѣдняго человѣка. — Чтобы прослѣдить порядокъ выполненія этого приказа, Великій Князь 1-го сентября выѣхалъ въ мѣсто расположенія штаба Ю.-З. фронта, гдѣ имѣлъ личное свиданіе съ генераломъ Ивановымъ.

Результаты всѣхъ перечисленныхъ мѣръ, кои были приняты для обезпеченія успѣха сѣверной группы Ю.-З. фронта, не преминули сказаться въ теченіе ближайшихъ же дней.

Уже 2-го сентября генералъ Эвертъ, пользуясь прибывшими къ нему свѣжими силами, произвелъ удачную контръ-атаку на своемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ и заставилъ австрійцевъ отступить, оставивъ намъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. Этотъ день принесъ намъ нѣкоторый успѣхъ и на правомъ флангѣ той же арміи, гдѣ мы, съ помощью частей XVIII-го корпуса, отбросили противника на нѣсколько верстъ назадъ.

4-го сентября, согласно распоряженія Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ, наше наступленіе должно было принять болѣе общій характеръ. Къ этому времени правофланговые корпуса Ю.-З. фронта — XVIII-й и XIV-й — съ нѣкоторыми дополнительными къ нимъ частями и конницей, составили 9-ю армію (генерала Лечицкаго), и тремъ арміямъ, составлявшимъ сѣверную группу Ю.-З. фронта (9-й, 4-й и 5-й), было приказано атаковать непріятеля и нанести ему пораженіе, стремясь отбросить его къ р. Вислѣ. Этимъ распоряженіемъ, повидимому явившимся результатомъ успѣха, одержаннаго на лѣвомъ флангѣ 4-й арміи, Главнокомандованіе Ю.-З. фронта, очевидно, имѣло въ виду прижать 1-ую австро-венгерскую армію генерала Данкля къ Вислѣ, съ цѣлью, въ дальнѣйшемъ, ея окруженія. Задача эта, какъ увидимъ дальше, достигнута не была, и армія генерала Данкля успѣла уйти за р. Санъ. Между тѣмъ, для ея выполненія, сѣверной группѣ армій Ю.-З. фронта необходимо было дать такія направленія,

при которыхъ затруднялось выполненіе одного изъ основныхъ заданій, поставленныхъ Ю.-З. фронту по воспрепятствованію отхода значительныхъ силъ непріятеля къ Кракову, ибо осуществленіе этой послѣдней задачи, очевидно, требовало быстрѣйшаго выдвиженія впередъ не лѣвофланговыхъ частей сѣверной группы армій, а наоборотъ, — правофланговыхъ. Изложенный фактъ служитъ хорошимъ доказательствомъ, какъ трудно обезпечить осуществленіе идеи, положенной въ основу операціи руководящимъ центромъ, въ томъ случаѣ, когда выполненіе этой операціи уходитъ изъ рукъ упомянутаго центра и переходитъ къ другой, хотя бы и подчиненной инстанціи.

Интересно отмѣтить, какъ отрадный эпизодъ частной инціативы, что, при развитіи 9-й арміей наступательныхъ дѣйствій, въ ея раіонъ были временно привлечены генераломъ Лечицкимъ двѣ батареи 6-ти дм. тяжелыхъ гаубицъ изъ состава Ивангородской крѣпостной артиллеріи. Комендантъ этого укрѣпленнаго пункта генералъ Шварцъ съ необыкновенной энергіей снабдилъ эти батареи конскимъ составомъ, организовалъ изъ мѣстныхъ средствъ обозъ, поднявшій необходимые для нихъ боевые припасы, и отправилъ эти батареи по желѣзной дорогѣ до ст. Вонвольницы, откуда онѣ были двинуты на Ополе, гдѣ и приняли крайне полезное участіе въ бою. Этотъ фактъ пріобрѣтаетъ особый интересъ, если сопоставить его съ другимъ случаемъ въ одной изъ армій Ю.-З. фронта, въ которой въ періодъ интенсивныхъ боевъ приданная этой арміи тяжелая артиллерійская бригада оставалась въ глубокомъ тылу и была выдвинута впередъ лишь по указанію Ставки. Значеніе тяжелой артиллеріи въ полевомъ бою было осознано у насъ въ войскахъ не сразу и лишь путемъ горькаго опыта.

При выполненіи наступательныхъ задачъ, возложенныхъ на три сѣверныя арміи Ю.-З. фронта, выпадала весьма сложная роль на 5-ю армію, которую генералъ Плеве выполнилъ съ примѣрнымъ самоотверженіемъ. Эта армія, перейдя 4-го сентября въ наступленіе, обнаружила передъ собою лишь слабыя силы австрійцевъ, постепенно убывавшія съ ея фронта въ неизвѣстномъ пока направленіи. Не имѣя непосредственно передъ собою предмета для дѣйствій, 5-я армія получила двойственную задачу. Она должна была двумя своими правофланговыми корпусами (XXV-мъ и XIX-мъ) оказывать содѣйствіе лѣвому флангу 4-й арміи въ поставленной этой арміи активной задачѣ; другими же двумя корпусами (V-мъ и XVII-мъ) — наступать на Томашовъ для содѣйствія 3-й арміи, которая, какъ увидимъ дальше, съ 6-го сентября вступила въ упорные бои съ австрійцами, неожиданно оказавшимися у Равы-Русской. Эксцентрическое наступленіе корпусовъ 5-й арміи связывалось конницей генерала А. Драгомирова (2½ кав. див.), наступавшей въ промежуткѣ между обѣими группами корпусовъ этой арміи и находившейся въ готовности броситься на противника, въ случаѣ обнаруженія его отступленія.

Вышеописанный переломъ въ положеніи дѣлъ на сѣверномъ участкѣ Ю.-З. фронта создался не только подъ вліяніемъ мѣръ по непосредственному усиленію на немъ нашихъ войскъ, но и въ результатѣ той угрозы, которая

создавалась для австрійцевъ наступленіемъ нашихъ 3-й и 8-й армій. — Обѣ причины дѣйствовали совокупно, другъ друга дополняя.

Мы уже видѣли, что, по условіямъ мѣстности, между 5-й и сосѣдней съ нею 3-й арміями лежало обширное и малоудобное пространство, разъединявшее эти арміи уже въ періодъ ихъ развертыванія. Промежутокъ этотъ возросъ еще больше съ выполненіемъ лѣвофланговыми корпусами 5-й арміи предписаннаго имъ въ свое время маневра на фронтъ Замостье-Томашевъ. Къ началу боевъ 5-й арміи въ раіонѣ послѣдняго пункта, разрывъ этотъ оказался не менѣе 3—4 переходовъ. Поэтому Ставка очень привѣтствовала стремленіе Главнокомандованія Ю.-З. фронтомъ перемѣстить главныя силы 3-й арміи на пути, пролегающіе къ сѣверу отъ желѣзной дороги Броды-Львовъ, захвативъ ею раіонъ примѣрно до Мосты-Вельки. Цѣлью этого перемѣщенія должно было быть скорѣйшее сближеніе 3-й арміи съ 5-й и дальнѣйшее наступленіе главныхъ силъ арміи генерала Рузскаго черезъ Раву-Русскую во флангъ и тылъ той группѣ австрійскихъ войскъ, которая, какъ мы уже видѣли, стремилась прорваться черезъ Томашовъ и Замостье къ переправамъ черезъ р. Западный Бугъ въ раіонѣ Грубешовъ-Холмъ. О необходимости предусматривать въ своихъ расчетахъ такое перемѣщеніе къ сѣверу штабъ Ю.-З. фронта предупреждалъ генерала Рузскаго еще до боевъ на Золочовскихъ высотахъ, но командующій 3-й арміей не считалъ въ то время возможнымъ осуществить таковое перемѣщеніе, вслѣдствіе происшедшаго уже сближенія съ противникомъ и назрѣвавшихъ боевъ.

Вполнѣ очевидно, что перемѣщеніе къ сѣверу 3-й арміи требовало соотвѣтственнаго передвиженія къ сѣверу же и корпусовъ 8-й арміи, къ чему не могло встрѣтиться особыхъ препятствій, такъ какъ въ бояхъ на Золотой Липѣ противъ названной арміи были обнаружены лишь слабыя силы австрійцевъ.

По окончаніи указанныхъ выше боевъ на Золочовскихъ высотахъ и Золотой Липѣ, генералъ Рузскій, въ рукахъ котораго временно было объединено руководство боевыми дѣйствіями 3-й и 8-й армій, призналъ необходимымъ, ввиду подхода ко Львову, пріостановить движеніе ему ввѣренныхъ войскъ на 2—3 дня, начиная съ 29-го августа, съ цѣлью производства развѣдки Львовскихъ укрѣпленій, пополненія состава своихъ частей и устройства тыла. Главнокомандующій Ю.-З. фронтомъ генералъ Ивановъ разрѣшилъ эту остановку, но вновь подтвердилъ необходимость въ дальнѣйшемъ имѣть въ виду перемѣщеніе 3-й арміи къ сѣверу. Чтобы правильно объяснить причину такой задержки въ наступленіи, необходимо отмѣтить, что мѣстное начальство Кіевскаго военнаго округа, въ теченіе ряда лѣтъ, предшествовавшихъ войнѣ, настойчиво культивировало въ себѣ представленіе о Львовѣ, какъ о пунктѣ, укрѣпленія котораго, невзирая на ихъ временный характеръ, представляютъ значительную силу. Такое отношеніе ко Львову ярко было подчеркнуто на происходившей въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1914-го года военной игрѣ, въ теченіе которой генераломъ Ивановымъ были проявлены очень осторожные и даже нерѣшительные шаги въ періодъ подхода его силъ къ упомянутому пункту. Между тѣмъ перерывъ въ наступленіи 3-й и 8-й армій кореннымъ образомъ противорѣчилъ всей обстанов-

кѣ, складывавшейся въ дѣйствительности къ этому времени на Ю.-З. фронтѣ и требовавшей, наоборотъ, энергичнаго, во что бы то ни стало, движенія 3-й и 8-й армій впередъ, съ цѣлью сближенія ихъ съ 4-й и 5-й арміями, переживавшими очень трудные дни. Опасеніе, что Львовскія укрѣпленія могутъ задержать передъ собою корпуса генерала Рузскаго и затянуть время сближенія ихъ съ 5-й арміей и было главнымъ основаніемъ, по которому Ставка поддерживала стремленіе штаба Ю.-З. фронта направить 3-ю армію на пути сѣвернѣе Львова.

Ввиду изложеннаго, намѣреніе генерала Рузскаго — пріостановить наступленіе его арміи — встрѣтило самое рѣшительное противодѣйствіе со стороны Верховнаго Главнокомандованія. Мы уже видѣли, что вся энергія Верховнаго Главнокомандующаго въ эти дни была направлена къ тому, чтобы раздавить сѣверную группу австрійцевъ въ ближайшее же время. Поэтому, намѣчавшаяся генераломъ Рузскимъ задержка, какими бы причинами она ни вызывалась, была признана Великимъ Княземъ совершенно недопустимою, «ибо она, — какъ говорилось въ соотвѣтствующемъ распоряженіи, — дастъ передышку противнику и позволитъ исполнить переброску силъ отъ Львова на сѣверъ». Взамѣнъ остановки, генералу Рузскому предписывалось — держать стремительнымъ наступленіемъ находящагося передъ нимъ противника «за горло», развивая своимъ правымъ флангомъ дѣйствія въ обходъ Львова съ сѣвера.

Развѣдкой къ этому времени было выяснено, что австрійцы, послѣ боевъ на Золочовскихъ высотахъ и Золотой Липѣ, отошли назадъ и, значительно усилившись, заняли временно укрѣпленную позицію на восточныхъ подступахъ ко Львову, съ продолженіемъ ея къ югу до Галича, вдоль р. Гнилой Липы. Ввиду этого и во исполненіе повелѣнія Верховнаго Главнокомандующаго, 3-я и 8-я арміи начали съ утра 29-го августа атаку этихъ позицій; правофланговый же корпусъ 3-й арміи (XXI-й), во исполненіе настоятельнаго требованія Ю.-З. фронта, былъ, наконецъ, 30-го августа направленъ въ раіонъ Каміонки-Мосты-Вельки. На правомъ флангѣ арміи была сосредоточена также и часть конницы. Въ теченіе трехъ дней 3-я австро-венгерская армія генерала Брудермана, возросшая въ своемъ составѣ вновь прибывшими большею частью съ Сербскаго фронта подкрѣпленіями, пыталась сдержать напоръ русскихъ армій. Однако, 31-го августа австрійцы были сбиты со своихъ позицій и стали поспѣшно, а мѣстами и безпорядочно, отходить на западъ. Въ наши руки стали переходить брошенныя непріятелемъ орудія, парки, обозы. Передъ русскими войсками открылись пути къ историческому Львову. Послѣ краткаго сопротивленія австрійцевъ на ближайшихъ къ городу позиціяхъ, столица древней Галичины была занята русскими войсками около полудня 3-го сентября. Наканунѣ этого дня палъ также укрѣпленный Галичъ.

Занятіе русскими войсками Львова, соединявшаго въ себѣ историческій, культурный и административный центръ всей Галичины, имѣло весьма важное политическое и психологическое значеніе. Городъ этотъ представлялъ, кромѣ того, огромный узелъ желѣзнодорожныхъ и грунтовыхъ путей, ведущихъ къ Сану и Днѣстру, чѣмъ собственно опредѣлялось его спеціально-военное зна-

ченіе. Вмѣстѣ со Львовомъ въ наши руки переходила и богатая военная добыча. Успѣхи, достигнутые въ восточной Галичинѣ и завершенные переходомъ въ наши руки Львова, до извѣстной степени, смягчали горечь Восточно-Прусскихъ неудачъ.

Распоряженіемъ Верховнаго Главнокомандующаго, изъ всѣхъ завоеванныхъ мѣстностей восточной Галичины, въ цѣляхъ созданія военно-административнаго управленія, было образовано особое Генералъ-Губернаторство, во главѣ котораго былъ поставленъ генералъ графъ Г. А. Бобринскій. Причины, по которымъ выборъ для замѣщенія столь отвѣтственной должности палъ на названное лицо, остались мнѣ неизвѣстными. Графъ Бобринскій — человѣкъ, лично достойный самаго глубокаго уваженія, оказался, однако, на занятомъ имъ посту недостаточно твердымъ. Его администрація стала весьма быстро и неумѣстно «руссифицировать» край, а духовенство — насаждать православіе.

Вскорѣ послѣ занятія нами Львова, по соглашенію Верховнаго Главнокомандующаго съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, въ Галичину былъ командированъ состоявшій при Ставкѣ представитель дипломатическаго вѣдомства Н. А. Базили, съ цѣлью ввести Главнаго Начальника завоеваннаго края въ кругъ взглядовъ, существовавшихъ въ Ставкѣ и въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ на порядокъ управленія Галичиной. Прибывъ во Львовъ и ознакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, Н. А. Базили убѣдился, что проводимая на мѣстѣ внутренняя политика находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ существовавшими въ Ставкѣ взглядами, которые были построены на полномъ уваженіи къ національнымъ и религіознымъ воззрѣніямъ мѣстнаго населенія. Свои впечатлѣнія Н. А. Базили изложилъ въ длинной телеграммѣ въ Ставку на имя Начальника Штаба, содержаніе которой вызвало со стороны Главнокомандующаго арміями Ю.-З. фронта генерала Иванова предложеніе автору телеграммы немедленно выѣхать изъ края. Вернувшись въ Ставку, Н. А. Базили нашелъ, однако, поддержку въ лицѣ Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича, каковая поддержка выразилась въ отправкѣ особаго письма на имя главы правительства, Предсѣдателя Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкина. Письмо это не оказало, однако, сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на направленіе дальнѣйшей политики въ Галичинѣ, и, такимъ образомъ, Верховный Главнокомандующій оказался фактически безсильнымъ установить на завоеванной дѣйствующей арміей непріятельской территоріи тотъ порядокъ, который онъ считалъ справедливымъ и цѣлесообразнымъ. Все осталось по-прежнему, въ особенности въ области религіи.

Въ январѣ 15-го года, графъ Бобринскій вынужденъ былъ издать особый циркуляръ, коимъ призывалъ священнослужителей всѣхъ вѣроисповѣданій къ полной вѣротерпимости; въ циркулярѣ, между прочимъ, предписывалось властямъ не требовать отъ уніатскихъ и католическихъ священниковъ молитвы «за Царя», но запретить имъ произносить молитвы за австрійскаго Императора. Попытки высшей гражданской власти урегулировать церковно-религіозные и политическіе вопросы, однако, и на этотъ разъ не дали результатовъ. Недовѣр-

чивое отношеніе къ намъ мѣстнаго населенія, къ сожалѣнію, осталось и оно сказалось при оставленіи нами въ томъ же году Галичины.

Послѣ занятія Львова, 3-я армія приступила, наконецъ, къ рѣшительному перемѣщенію своихъ главныхъ силъ къ сѣверу въ новый раіонъ. Къ 5-му сентября она выдвинулась на фронтъВаренжъ-Янувъ. Ея задача заключалась въ томъ, чтобы дѣйствовать во флангъ и тылъ сѣверной группѣ австрійцевъ, успѣвшей, вслѣдствіе отхода нашей 5-й арміи, своими правофланговыми корпусами продвинуться до Красностава и Грубешова. 8-я армія, ведя операцію противъ укрѣпленнаго Миколаева, который былъ взятъ нами въ ночь на 6-е сентября, выдвигалась въ то же время къ р. Верешницѣ, съ задачею обезпечить за нами обладаніе Львовомъ и прикрыть намѣчавшуюся операцію 3-ю арміи. Верешница представляла сильную естественную позицію, на которую, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, отошелъ противникъ изъ подъ Львова. Наконецъ, Днѣстровскій отрядъ долженъ былъ продвинуться къ Станиславову и вести развѣдку по правому берегу р. Днѣстра..

Продолжая наступленіе, наши 3-я и 8-я арміи въ составѣ восьми корпусовъ, однако, уже 6-го сентября вновь столкнулись съ австрійцами, обнаружившимися на фронтѣ отъ Равы-Русской до устья р. Верешницы. Непріятель своимъ лѣвымъ флангомъ атаковалъ въ этотъ день наши войска 3-й арміи. Въ послѣдующіе дни, на всемъ указанномъ выше фронтѣ разыгрались упорнѣйшіе бои, выяснившіе наличіе у противника значительныхъ силъ. Постепенно стало обнаруживаться, что австрійцы успѣли сосредоточить противъ насъ не менѣе восьми корпусовъ, перебросивъ на лѣвый флангъ своего вост. фронта 4-ю армію ген. Ауфенберга, дѣйствовавшую раньше на сѣверномъ направленіи противъ нашей 5-й арміи, и подвезя къ правому флангу своей 3-й арміи, отступившей изъ подъ Львова и перешедшей подъ начальство генерала Бороевича, 2-ю армію генерала Бемъ-Эрмоли; послѣдняя была составлена частью изъ войскъ, снятыхъ съ Сербскаго фронта. Такимъ образомъ, наши 3-я и 8-я арміи обнаружили противъ себя три австрійскія арміи — 4-ю, 3-ю, и 2-ю. — Очевидно, мы имѣли здѣсь дѣло съ новымъ маневромъ австрійскаго главнокомандованія, поставившимъ себѣ задачей отчаяннымъ усиліемъ противъ 3-й и 8-й армій вырвать побѣду изъ нашихъ рукъ; въ крайнемъ же случаѣ — обезпечить безпрепятственное отступленіе своей сѣверной группы войскъ за р. Санъ. Въ теченіе шести дней, съ 6-го по 11-ое сентября, австрійцы оспаривали у нашихъ войскъ побѣду. Особенно тяжелымъ оказалось положеніе нашей 8-й арміи, которая должна была принять на себя ударъ значительныхъ австрійскихъ силъ, перешедшихъ въ наступленіе изъ за Верешницы. Противникъ напрягалъ крайнія усилія, направляя ихъ, какъ противъ лѣваго фланга этой арміи, такъ и въ стыкъ между нею и 3-й арміей. Для парированія возможнаго разрыва, за отсутствіемъ резервовъ, пришлось использовать нашу кавалерію. Но судьба всей операціи, очевидно, должна была рѣшиться на сѣверномъ открытомъ флангѣ въ раіонѣ Равы-Русской. Здѣсь сосредоточились усилія правофланговаго корпуса нашей 3-й арміи (XXI-го), наступавшаго отъ Варенжа, и двухъ лѣвофланговыхъ корпусовъ (V-го

и XVII-го) 5-й арміи, первоначально направленныхъ, какъ мы уже знаемъ, въ раіонъ Томашова. Занявъ этотъ пунктъ 9-го сентября, оба корпуса продолжали свое наступленіе во флангъ и тылъ генералу Ауфенбергу, который велъ бой у Равы-Русской. Дѣйствуя въ связи съ XXI-мъ корпусомъ 3-й арміи, эта группа изъ трехъ корпусовъ, своимъ наступленіемъ съ сѣвера, заняла столь угрожающее положеніе по отношенію къ австрійскимъ арміямъ, дѣйствовавшимъ въ сторону Львова, что ея движеніемъ судьба всей операціи была рѣшена.

12-го сентября, на разсвѣтѣ, сталъ выясняться отходъ австрійцевъ по всему фронту отъ Равы-Русской до Днѣстра. Немедленно съ нашей стороны началось преслѣдованіе — авангардами и конницей. Послѣдняя доносила, что въ тылу непріятеля по желѣзнымъ дорогамъ идетъ усиленный вывозъ войскъ на западъ, эшелонъ за эшелономъ.

Любопытно отмѣтить, что въ тотъ же день 12-го сентября въ Ставкѣ была получена телеграмма нашего военнаго агента въ Парижѣ, извѣщавшая насъ о результатахъ Марнскаго сраженія; полковникъ графъ Игнатьевъ доносилъ, что французскій Главнокомандующій генералъ Жоффръ разрѣшилъ ему охарактеризировать событія послѣднихъ дней на французскомъ фронтѣ словомъ: «побѣда».

Въ періодъ боевъ 3-й и 8-й армій на фронтѣ отъ Равы-Русской до устья р. Верешницы, наши сѣверныя арміи Ю.-З. фронта продолжали съ боями продвигаться впередъ. Однако, 8-го сентября онѣ встрѣтили упорное сопротивленіе противника между Вислою и верховьями р. Поръ, заставившее ихъ пріостановиться. Австрійцы успѣли въ этомъ раіонѣ подтянуть къ своему правому флангу германскій ландверный корпусъ генерала Войрша, сломить сопротивленіе котораго фронтальнымъ ударомъ намъ не удавалось. Только на слѣдующій день, съ выходомъ правофланговыхъ корпусовъ 5-й арміи во флангъ и даже тылъ непріятельскимъ войскамъ, занимавшимъ теченіе р. Поръ, создался вновь благопріятный переломъ. Въ результатѣ таковаго, сопротивленіе арміи генерала Данкля было окончательно сломлено, и противникъ сталъ спѣшно отходить къ Сану, бросая оружіе и сдаваясь массáми въ плѣнъ.

Дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля было поручено попрежнему 9-й и 4-й арміямъ. Правофланговые же корпуса 5-й арміи получили приказаніе Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ круто измѣнить направленіе для движенія на Цѣшановъ, въ цѣляхъ сближенія съ остальными корпусами своей же арміи.

Къ 12-му сентября 9-ая армія стала подходить къ Сану и на слѣдующій день началась переправа частей на лѣвый берегъ рѣки. 4-я армія наступала къ Таневу. Противникъ продолжалъ отходить спѣшно и безпорядочно. Однако, нашимъ войскамъ не удалось воспрепятствовать его отходу по путямъ на Краковъ. Уйдя за Санъ, непріятель уже нигдѣ не оказывалъ намъ серьезнаго сопротивленія и направилъ свое дальнѣйшее отступленіе за р. Вислоку, сбиваясь въ кучу и обнажая пути въ Венгрію и Буковину. Свыше сорока его дивизій, представлявшія, впрочемъ, въ большинствѣ жалкія остатки прежней арміи, столпились на тѣсномъ пространствѣ между Карпатами и р. Вислою.

Сильное утомленіе и потери русскихъ армій, къ сожалѣнію, ограничили предѣлы преслѣдованія разбитаго врага. Главнокомандующій арміями Ю.-З. фронта находилъ необходимымъ дать войскамъ отдыхъ, для ихъ укомплектованія и устройства тыла. Войска, оставивъ далеко позади свои тыловыя учрежденія, терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ и даже въ соли. Во многихъ частяхъ, продвинувшихся впередъ, наступилъ особо-мучительный «соляной голодъ».

Вниманіе Главнокомандующаго фронтомъ къ тому же въ большой степени было отвлечено задачею по ликвидаціи крѣпости Перемышль, наличію которой придавалось преувеличенное значеніе. Въ Ставкѣ не всѣми раздѣлялись взгляды Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ на этотъ вопросъ. Указывалось на отсутствіе у насъ осадныхъ парковъ, недостатокъ полевой тяжелой артиллеріи вообще и потому рекомендовалось ограничиться выставленіемъ, для наблюденія за гарнизономъ крѣпости, лишь заслона, продолжая попрежнему искать живую силу непріятеля и пытаясь ее добить. Однако, генералъ Ивановъ, чувствуя себя отвѣтственнымъ хозяиномъ въ Галичинѣ, настойчиво проводилъ свою точку зрѣнія. Донесенія о небоеспособности гарнизона Перемышля убѣдили и Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго признать въ принципѣ допустимымъ «и другія болѣе быстрыя дѣйствія» противъ крѣпости, при благопріятной къ тому обстановкѣ.

Для первоначальнаго обложенія Перемышля была предназначена 3-я армія. Сосѣднія съ нею арміи 4-я, 5-я и 8-я должны были обезпечивать эту операцію, причемъ первыя двѣ — закрѣпиться ниже Перемышля на р. Санѣ, овладѣвъ имѣвшимися на немъ у австрійцевъ предмостными укрѣпленіями у Ярослава, Сенявы и Ниско; послѣдняя же — занять пространство между названной крѣпостью и Днѣстромъ. Такимъ образомъ, для преслѣдованія отходившаго къ Кракову непріятеля оставалась одна 9-ая армія, которая, будучи усилена однимъ корпусовъ (XVI) изъ состава 4-й арміи, въ двадцатыхъ числахъ сентября дошла до р. Вислоки. Сформированный на лѣвомъ берегу р. Вислы конный отрядъ генерала Новикова, въ составѣ нѣсколькихъ дивизій, получилъ задачу по развѣдкѣ и обезпеченію праваго фланга армій фронта. Для наблюденія же за путями по правому берегу Днѣстра — къ горнымъ переваламъ были выдвинуты отряды пѣхоты и конницы. Послѣдняя появилась на южныхъ склонахъ Карпатъ, угрожая своимъ нашествіемъ Венгерской равнинѣ.

Въ Буковинѣ — былъ занятъ главный городъ Черновцы и весь прилегающій раіонъ.

Такъ закончилась русская наступательная операція въ Галичину, въ которой, по сравненію съ Восточно-Прусской операціей, поставленная задача сочеталась значительно болѣе счастливо съ ея выполненіемъ. Австро-Венгерскія вооруженныя силы подверглись рѣшительному пораженію; отходу ихъ на югъ за Днѣстръ было положено препятствіе, но за австрійцами осталась возможность отхода въ западномъ направленіи, на Краковъ. Въ этомъ послѣднемъ

отношеніи задача, поставленная арміямъ Ю.-З. фронта, оказалась неосуществленною.

Въ только что описанной операціи, охватившей пространство свыше 500 километровъ и продолжавшейся свыше трехъ недѣль, съ каждой стороны приняли участіе милліонныя арміи, непрерывно состязавшіяся другъ съ другомъ боемъ и маневромъ.

Русскія войска проявили въ этой операціи много доблести и неутомимости. Они показали, что, соотвѣтственно управляемыя, умѣютъ вырывать побѣду изъ рукъ очень искуснаго врага. Хотя австрійская армія была качественно не сильна, но отдѣльныя ея части, особенно нѣмецкія и мадьярскія, дрались упорно. Кромѣ того, непріятельскія войска хорошо велись и имѣли во главѣ настойчивыхъ и рѣшительныхъ генераловъ. Съ нашей стороны всѣ роды войскъ благородно соперничали другъ передъ другомъ въ порывѣ и самоотверженности. Но особо слѣдуетъ подчеркнуть ярко проявившееся искусство и дѣйствительность нашего артиллерійскаго огня. Наша полевая артиллерія съ полною справедливостью заслужила названіе владычицы Галичскихъ полей сраженія, и ея спокойная и самоотверженная работа вызывала восторженные о ней отзывы со стороны пѣхоты; для послѣдней она не только подготовляла, но иногда и прокладывала путь къ побѣдѣ и славѣ.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что высокая подготовка полевой артиллеріи въ стрѣльбѣ во многомъ обязана настойчивости и знаніямъ Генералъ-Инспектора Великаго Князя Сергія Михайловича. — Насколько была вредна его безотвѣтственная дѣятельность въ области артиллерійскаго снабженія, настолько его работа въ годы, предшествовавшіе войнѣ, по прямымъ обязанностямъ Генералъ-Инспектора артиллеріи, должна быть признана полезной и плодотворной. Великій Князь былъ большимъ знатокомъ искусства стрѣльбы полевой артиллеріи и много потрудился надъ поднятіемъ этой важной отрасли подготовки въ родномъ для него родѣ оружія.

Въ періодъ Галичской операціи съ несомнѣнною достовѣрностью было установлено употребленіе австрійцами въ бояхъ ружейныхъ патроновъ съ разрывными пулями, что находилось въ полномъ противорѣчіи съ постановленіями Петербургской декларации 1868-го года и Брюссельской конференціи 1874-го года. Правда, патроны эти были изготовлены для практическаго обученія стрѣльбѣ въ мирное время; но это обстоятельство нисколько не ослабляетъ силы обвиненія нашего бывшаго противника въ томъ, что фактически онъ допускалъ и на войнѣ примѣненіе боевыхъ средствъ, наносившихъ излишне-мучительныя раненія и осужденныхъ международными соглашеніями.

ГЛАВА VIII.

Вліяніе нашихъ первыхъ наступательныхъ операцій на дальнѣйшій ходъ міровой войны. — Переходъ I-й арміи генерала Ренненкампфа къ оборонѣ и отступленіе за Нѣманъ. — Нѣкоторыя причины и размѣръ нашихъ неудачъ въ Восточной Пруссіи. — Смѣна Главнокомандующаго С.-З. фронта и Августовская наступательная операція.

Вторженіе русскихъ войскъ въ Восточную Пруссію, произведенное значительными силами и съ неожиданной для нашихъ противниковъ стремительностью, вызвало тревогу не только въ германскомъ Главнокомандованіи, но и во всемъ нѣмецкомъ народѣ за судьбу восточныхъ областей Имперіи. Послѣ пораженія подъ Гумбиненомъ, нѣмцы считали Восточную Пруссію для себя потерянной, что особенно больно задѣвало самолюбіе Императора Вильгельма, какъ Короля Прусскаго, и подняло на ноги политически могущественную партію прусскихъ аграріевъ, испугавшихся за судьбу своихъ владѣній. Нѣмецкая Главная Квартира, подъ давленіемъ этихъ обстоятельствъ, вынуждена была немедленно приступить къ выработкѣ плана обратнаго овладѣнія упомянутой провинціей, что требовало прежде всего значительнаго усиленія войскъ на восточномъ фронтѣ. Такъ какъ въ распоряженіи нѣмецкаго Главнокомандованія не было свободныхъ силъ, то оно оказалось передъ необходимостью начать частичную переброску войскъ съ западнаго фронта на восточный.

Чтобы оцѣнить въ полной мѣрѣ значеніе этого рѣшенія, необходимо, хотя вкратцѣ, напомнить, въ чемъ заключалась основная идея наступательнаго плана Германіи противъ Франціи, и какъ развертывались въ дѣйствительности событія на фронтѣ нашихъ союзниковъ.

Извѣстно, что нѣмцы, открывая войну противъ Франціи, приняли въ основаніе своихъ дѣйствій планъ, разработанный еще задолго до войны бывшимъ Начальникомъ Германскаго Большого Генеральнаго Штаба генераломъ графомъ фонъ Шлиффеномъ. Планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы, форсировать Бельгію, глубоко охватить лѣвый флангъ французской арміи, отрѣзать послѣднюю отъ всякой возможности полученія помощи со стороны Англіи и, въ такихъ условіяхъ, нанести ей смертельный ударъ, въ результатѣ котораго должно было послѣдовать паденіе Парижа и принужденіе французовъ къ тяжкому миру. Весь этотъ планъ базировался на молніеносной стремительности дѣйствій и на подавляющемъ въ точкѣ удара превосходствѣ въ силахъ, долженствовавшемъ гарантировать нѣмцамъ вѣрный успѣхъ и быстрое освобожденіе части ихъ войскъ для послѣдующей переброски таковыхъ на восточный фронтъ, противъ насъ.

Первые шаги нѣмцевъ были проведены въ соотвѣтствіи съ ихъ предположеніями. — Огромная лавина германскихъ войскъ, свыше 25-ти корпусовъ, форсировавъ границы Люксембурга и Бельгіи, стала заливать неудержимымъ потокомъ территоріи этихъ государствъ и, уже въ двадцатыхъ числахъ августа, самымъ рѣшительнымъ образомъ угрожать сѣверо-восточнымъ областямъ Франціи. Бельгійская армія, не будучи въ состояніи остановить нашествіе нѣм-

Схема № 4

Вторженіе Германцевъ через Бельгію во Францію

Положеніе сторонъ: 1) въ двадцатыхъ числахъ Августа и 2) въ началѣ Сентября 1914 года

▭ — Арміи нашихъ союзниковъ

┴┴┴┴ — Германскія арміи

цевъ, вынуждена была отходить къ фортамъ Антверпена, увлекая, однако, за собою лишь слабыя германскія силы.

Дальнѣйшему столь-же головокружительному успѣху нѣмцевъ должно было способствовать то обстоятельство, что почти всѣ французскія вооруженныя силы (1-я — 5-я арміи), примѣнительно къ принятому до войны плану, оказались къ серединѣ августа развернутыми на фронтѣ Мезьеръ-Бельфоръ, оставляя такимъ образомъ сѣверо-восточную границу Франціи безъ сколько-нибудь надежнаго прикрытія.

Приведеніе на военное положеніе вооруженныхъ силъ союзницы Франціи — Англіи, по условіямъ организаціи и системы комплектованія, требовало много времени и усилій. Къ серединѣ августа на материкъ хотя была перевезена экспедиціонная армія, но лишь въ составѣ двухъ корпусовъ и одной кавалерійской дивизіи, т. е. четырехъ пѣх. дивизій, вмѣсто шести, намѣчавшихся по первоначальному соглашенію союзныхъ Генеральныхъ Штабовъ. Командующій этой арміей Маршалъ Френчъ былъ поставленъ своимъ правительствомъ въ совершенно независимое отъ французскаго главнокомандованія положеніе и, кромѣ того, былъ снабженъ весьма ограничивавшими его возможности инструкціями. При такихъ условіяхъ, французы не имѣли, конечно, основаній расчитывать на быструю и достаточно сильную помощь со стороны англичанъ на сухопутномъ фронтѣ.

Трудно предположить, чтобы указанная выше форма стратегическаго развертыванія французской арміи явилась результатомъ отрицанія ея Генеральнымъ Штабомъ возможности нарушенія германцами, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, нейтралитета Бельгіи. Вѣроятность такого способа дѣйствій всегда подчеркивалась представителями нашего Генеральнаго Штаба и, поскольку я знаю, мнѣніе это никогда не оспаривалось нашими союзниками. Вѣрнѣе поэтому думать, что въ руководящихъ военныхъ кругахъ Франціи существовало убѣжденіе, что обходное движеніе нѣмцевъ черезъ Бельгію можетъ быть парировано, и даже вовсе предупреждено, быстрымъ и энергичнымъ вторженіемъ французскихъ войскъ въ Эльзасъ-Лотарингію; если же обстановка позволитъ — то и въ болѣе глубокихъ направленіяхъ. Такое заключеніе намъ позволяетъ во всякомъ случаѣ сдѣлать знакомство съ тѣми доктринами, въ коихъ французская армія воспитывалась въ періодъ, предшествовавшій войнѣ, и среди которыхъ доктрина наступленія, не безъ основанія конечно, пользовалась особымъ почетомъ и вниманіемъ.

Еще болѣе показательнымъ въ этомъ смыслѣ является то обстоятельство, что французы не измѣнили своихъ первоначальныхъ предположеній даже послѣ полученія совершенно опредѣленныхъ извѣстій о фактическомъ движеніи германскихъ войскъ черезъ Люксембургъ и Бельгію. Ихъ не смутило и то, что германцы въ огромныхъ силахъ переправились на лѣвый берегъ р. Мааса, въ раіонѣ Намюръ-Льежъ, и такимъ образомъ отчетливо обнаружили стремленіе къ очень глубокому обходу французской арміи съ ея лѣваго фланга.

Настойчиво преслѣдуя мысль, положенную, повидимому, въ основу забла-

говременно разработаннаго плана, французы открыли военныя дѣйствія противъ Германіи вторженіемъ въ предѣлы Эльзаса и Лотарингіи двухъ своихъ правофланговыхъ наиболѣе сильныхъ армій (1-й и 2-й).

По поводу этого наступленія нашъ посолъ въ Парижѣ А. П. Извольскій 17-го августа доносилъ: «Опубликованы первыя оффиціальныя извѣстія о рядѣ успѣховъ французскаго оружія. Публика, съ увѣренностью въ конечной побѣдѣ, ожидаетъ предстоящихъ на-дняхъ большихъ сраженій. Мнѣ извѣстно, что командный составъ и правительство очень довольны ходомъ военныхъ дѣйствій и считаютъ окончательно установленнымъ два факта: высокій нравственный подъемъ французскихъ войскъ и превосходство французской полевой артиллеріи надъ германской. Извѣстіе о начавшемся наступленіи нашей арміи встрѣчено съ живѣйшей радостью и усиливаетъ оптимистическое настроеніе».

Изъ дальнѣйшихъ донесеній А. П. Извольскаго выяснилось, что 18-го августа въ Парижѣ была получена, и на слѣдующій день опубликована, телеграмма генерала Жоффра на имя военнаго Министра, въ коей сообщалось, что французская армія продолжаетъ продвигаться вглубь Эльзаса и что германцы отступаютъ, оставляя раненыхъ и бросая матеріальную часть. Но уже на слѣдующій день французы наткнулись на сильно укрѣпленныя позиціи нѣмцевъ по обоимъ берегамъ р. Саары, сѣвернѣе Саарбурга. 20-го августа атаки французовъ были отбиты съ кровавыми для нихъ потерями; германцы перешли сами въ контръ-наступленіе и въ слѣдующіе дни и обѣ наступавшія арміи нашихъ союзниковъ были принуждены къ отходу на французскую территорію. Къ послѣднимъ числамъ августа бои на этомъ участкѣ фронта постепенно затихли, наступленіе французовъ свелось на нѣтъ обѣ правофланговыя ихъ арміи составили въ дальнѣйшемъ заслонъ къ западу, обезпечивавшій отъ обхода съ праваго фланга остальныя силы нашихъ союзниковъ.

Столь же неудачными по результатамъ оказались наступательныя дѣйствія лѣвофланговыхъ армій нашихъ союзниковъ. Командующій 5-й, наиболѣе сѣверной французской арміей, видя себя глубоко обойденнымъ слѣва нѣмцами, настойчиво ходатайствовалъ о разрѣшеніи перемѣнить фронтъ его арміи на сѣверъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, придвинуться къ р. Самбрѣ; это разрѣшеніе онъ получилъ только 15-го августа. Тѣмъ не менѣе французская Главная Квартира не оставляла мысли о томъ, чтобы наступленіемъ двухъ своихъ центральныхъ армій (3-й и 4-й), въ направленіи на Люксембургъ и бельгійскій Люксембургъ, создать рѣшительную угрозу путямъ сообщеній нѣмцевъ, переправившихся на лѣвый берегъ р. Маасъ между Намюромъ и голландской границей. Что касается 5-й французской арміи, то таковая должна была своимъ наступленіемъ на сѣверъ отъ Самбры удерживать обходящія колонны нѣмцевъ, чтобы дать время проявиться дѣйствіямъ 3-й и 4-й армій. Поддержку 5-й французской арміи слѣва должна была оказать англійская армія, выдвигавшаяся черезъ Монсъ на Нивель.

Эксцентрическое наступленіе вышеназванныхъ трехъ французскихъ армій (3-й — 5-й) привело къ упорнымъ встрѣчнымъ боямъ, разыгравшимся въ Арде-

нахъ и на Самбрѣ и закончившимся общимъ отходомъ французовъ по всему ихъ фронту, каковой результатъ вполнѣ отчетливо обозначился уже къ 25-му августа. — Отходъ французовъ вынудилъ къ таковому же отходу и англійскую армію маршала Френча.

Положеніе французовъ становилось критическимъ. 29-го августа къ намъ поступило свѣдѣніе, что послѣдовавшее занятіе нѣмцами С.-Кантена создало въ столицѣ Франціи настоящую тревогу. Намъ сообщали, что появившіеся надъ Парижемъ нѣмецкіе авіоны разбрасывали въ большомъ числѣ прокламаціи, въ которыхъ говорилось о полномъ разгромѣ французской и англійской армій. 30-го августа А. П. Извольскій доносилъ, что накапунѣ въ Совѣтѣ Министровъ обсуждался вопросъ о возможности возникновенія такой обстановки, при которой станетъ необходимымъ отъѣздъ изъ Парижа Президента Республики и Правительства. Какъ извѣстно, эти предположенія оправдались и правительство 2-го сентября переѣхало въ Бордо. За правительствомъ послѣдовалъ и дипломатическій корпусъ. Изъ представителей иностранныхъ нейтральныхъ государствъ въ Парижѣ остался лишь одинъ посолъ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ г. М. Геррикъ, для самоотверженной работы по представительству въ различныхъ случаяхъ передъ германскимъ командованіемъ. Съ отъѣздомъ оффиціальнаго міра, тревога въ Парижѣ усилилась еще болѣе. Столицу Франціи стали спѣшно оставлять и болѣе состоятельные люди, по адресу коихъ остроумный парижанинъ пустилъ ходкое словечко: «tournedos à la Bordelaise...»

Словомъ, въ концѣ августа Парижъ сталъ подготовляться къ очень тяжелымъ возможностямъ. Положеніе оцѣнивалось настолько критическимъ, что въ этотъ періодъ времени англійскій Посолъ въ Петербургѣ, повидимому, не безъ вѣдома французскаго правительства, зондировалъ почву, не представится ли возможнымъ перебросить на французскій фронтъ 3—4 нашихъ корпуса черезъ Архангельскъ, причемъ выполненіе морской перевозки намѣчалось въ недѣльный срокъ. Когда осуществленіе этой мысли оказалось невозможнымъ, возникло, по иниціативѣ французскаго правительства, другое предположеніе о привлеченіи на французскій фронтъ японскихъ войскъ. Всѣ эти подробности очень характерны потому, что рисуютъ, съ какимъ напряженіемъ мысли наши союзники искали возможности измѣнить въ выгодную для себя сторону соотношеніе борющихся на фронтѣ силъ.

Но тяжелыя испытанія, выпавшія въ первыя недѣли войны на долю французскаго народа, подходили къ концу.

Разсказываютъ, что создатель германскаго плана наступленія противъ Франціи графъ Шлиффенъ, на смертномъ одрѣ, уже въ забытьи, неизмѣнно требовалъ усиленія праваго фланга нѣмецкихъ армій. Если разсказъ этотъ вѣренъ, то требованіе бывшаго Начальника Германскаго Генеральнаго Штаба, вѣроятно, всего болѣе относилось къ тому періоду въ развитіи обдумывавшейся имъ операціи, къ которому подошло наше описаніе. Дѣйствительно, именно теперь, послѣ неудачныхъ попытокъ французовъ задержать нѣмецкое наступле-

ніе контръ-маневрами, когда ихъ лѣвый наружный флангъ былъ обойденъ и нѣмцамъ оставалось лишь опустить уже занесенный молотъ, — для главнаго нѣмецкаго командованія былъ особенно дорогъ каждый батальонъ, каждая рота. И именно въ этотъ періодъ времени, подъ давленіемъ извѣстія о нашемъ вторженіи въ Восточную Пруссію, германское верховное командованіе оказалось вынужденнымъ ослабить предстоявшій нѣмцамъ рѣшительный ударъ, путемъ спѣшной переброски части ихъ войскъ съ западнаго фронта на восточный. Развертывавшіяся у нѣмцевъ на востокѣ событія не позволяли медлить, и потому къ перевозкѣ были предназначены такія части, которыя скорѣе другихъ могли быть посажены на желѣзную дорогу и прибыть къ мѣсту новаго назначенія. Въ соотвѣтствіи съ такимъ заданіемъ, были сняты съ праваго обходившаго французовъ фланга два корпуса (Гвард. рез. и XI-й) и одна кав. дивизія (8-ая). Въ дополненіе къ нимъ былъ предназначенъ еще и третій корпусъ, но уже съ лѣваго нѣмецкаго фланга, перевозку котораго представилось возможнымъ отмѣнить лишь впослѣдствіи. Принятое германскимъ главнокомандованіемъ рѣшеніе о переброскѣ части силъ на восточный фронтъ явилось, конечно, для дальнѣйшаго хода событій на западѣ факторомъ огромнаго значенія. Кромѣ численнаго и притомъ значительнаго ослабленія уже занесеннаго удара, это рѣшеніе несомнѣнно оказало еще свое подтачивающее вліяніе на духовное равновѣсіе германскихъ вождей, ихъ вѣру въ предстоящее дѣло, а значитъ и волю къ побѣдѣ...

Около того-же времени Генералъ Жоффръ, пытаясь остановить дальнѣйшій обходъ нѣмцевъ, принялъ рѣшеніе о сформированіи на крайнемъ лѣвомъ флангѣ своего фронта новой арміи. Командованіе этой арміей было поручено генералу Монури, который до этого времени былъ занятъ формированіемъ въ Верденѣ особой «Лотарингской» арміи, первоначально предназначавшейся для дѣйствій противъ Меца.

Новая 6-я армія генерала Монури, составленная всего изъ одного полевого корпуса и нѣсколькихъ резервныхъ дивизій, должна была сосредоточиться въ Аміенѣ, однако, вслѣдствіе быстро развивавшагося наступленія германцевъ, раіонъ сбора этой арміи пришлось отнести къ Парижу. И дѣйствительно, лѣвофланговыя англійская и три французскія арміи, стали отходить, подъ напоромъ германцевъ, къ Марнѣ, удерживаясь на своемъ крайнемъ правомъ флангѣ у крѣпости Верденъ, служившей, такимъ образомъ, какъ бы осью всего движенія. — Чтобы усилить положеніе на фронтѣ, было спѣшно приступлено къ формированію въ центрѣ отступавшихъ войскъ новой 9-й французской арміи Генерала (нынѣ Маршала) Фоша.

Въ новомъ раіонѣ сосредоточенія генералъ Монури со своей арміей былъ подчиненъ Военному Губернатору Парижа генералу Галліени, который былъ занятъ спѣшной подготовкой беззащитной столицы Франціи къ оборонѣ. Послѣдней угрожала самая дѣйствительная опасность, такъ какъ на нее, непосредственно съ сѣвера, надвигалась правофланговая, наиболѣе сильная 1-я германская армія генерала фонъ Клука, легко сметавшая всѣ встрѣчавшіяся ей на

пути непріятельскія войска. Нашествіе врага на Парижъ казалось неотвратимымъ. И вдругъ 3-го сентября совершенно неожиданно для французовъ было получено ими донесеніе о внезапномъ поворотѣ германскихъ колоннъ, угрожавшихъ Парижу, на юго-востокъ въ направленіи на Мо; столица Франціи оказывалась при этомъ внѣ зоны наступленія нѣмцевъ.

Существуетъ разсказъ, передаваемый французскими авторами будто на одной изъ военныхъ игръ, происходившихъ въ Берлинѣ до войны, генералъ фонъ Клукъ подвергся со стороны бывшаго Начальника Большого Генеральнаго Штаба генерала фонъ Мольтке серьезной критикѣ за то, что онъ направилъ на этой игрѣ свои войска отъ Компьена непосредственно на Парижъ. Генералу фонъ Клуку, якобы, поставлена была на видъ недопустимость оставленія безъ вниманія живой силы непріятеля — арміи. Трудно, конечно, сказать, поскольку въ дѣйствительности на рѣшеніи генерала фонъ Клука отразились впечатлѣнія отъ бывшей военной игры, но несомнѣнно, что имъ было принято рѣшеніе — нанести въ первую очередь ударъ французскимъ войскамъ, отходившимъ на юго-востокъ отъ Парижа. При этомъ, послѣдовавъ за отступавшими французскими войсками, генералъ фонъ Клукъ долженъ былъ стянуть войска своей арміи на болѣе тѣсномъ фронтѣ и приблизить ее къ сосѣдней — 2-й германской арміи генерала фонъ Бюлова. А такъ какъ обѣ названныя германскія арміи — 1-я и 2-я — были въ это время ослаблены выдѣленіемъ изъ состава каждой по одному корпусу на восточный фронтъ, то естественнымъ результатомъ такихъ дѣйствій и должно было быть оставленіе Парижа, съ его богато развитымъ желѣзнодорожнымъ узломъ, внѣ праваго фланга германскихъ армій. То-же ослабленіе германскаго ударнаго крыла вынудило генерала фонъ Клука ограничиться прикрытіемъ своей арміи отъ Парижскаго гарнизона лишь однимъ резервнымъ корпусомъ, представлявшимъ, конечно, при данной обстановкѣ слишкомъ недостаточный заслонъ. Всѣ эти обстоятельства создавали для арміи генерала Монури, хотя и слабаго состава, чрезвычайно выгодное стратегическое положеніе, которымъ и воспользовались вожди французской арміи.

5-го сентября, по приказу генерала Галліени, 6-я армія перешла въ энергическое наступленіе по правому берегу р. Марны, въ направленіи къ р. Уркъ. Генералъ Монури, поддержанный англійской арміей Маршала Френча, наступавшей по лѣвому берегу той же рѣки, привлекъ къ себѣ вниманіе германцевъ и тѣмъ облегчилъ переходъ въ контръ-наступленіе остальныхъ лѣвофланговыхъ французскихъ армій — 5-й, 9-й, 4-й и 3-й. Это контръ-наступленіе, начавшееся 6-го сентября по директивѣ Главнокомандующаго французской арміей генерала Жоффра, развернулось на широкомъ фронтѣ отъ Парижа до Вердена и превратилось въ многодневное кровопролитное сраженіе, получившее названіе битвы на Марнѣ. Кульминаціоннаго напряженія эта битва достигла 10-го сентября, въ теченіе котораго 9-я армія генерала Фоша одержала надъ нѣмцами рѣшительный успѣхъ. Этотъ успѣхъ и закрѣпилъ за французами побѣду, начало которой положено было самоотверженными дѣйствіями генерала Монури.

По такой схемѣ разыгралось извѣстное сраженіе на р. Марнѣ. Несомнѣнно,

что русская армія, своимъ стремительнымъ и самоотверженнымъ вторженіемъ въ предѣлы Восточной Пруссіи, значительно облегчила складывающуюся для нашихъ западныхъ союзниковъ обстановку. Искусство ихъ вождей и высокая доблесть ихъ войскъ сдѣлали остальное. Марнская побѣда спасла Францію отъ нависшей надъ нею катастрофы и до основанія разрушила надежду Германіи покончить борьбу на западномъ фронтѣ однимъ молніеноснымъ ударомъ.

Одинъ изъ очень авторитетныхъ свидѣтелей описанныхъ событій передаетъ свои впечатлѣнія о первомъ періодѣ войны на французскомъ фронтѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Первый мѣсяцъ войны представляется мнѣ истиннымъ кошмаромъ: послѣ первыхъ незначительныхъ успѣховъ, мы почти безъ всякаго предупрежденія о грозившей бѣдѣ очутились наканунѣ казавшагося неминуемымъ занятія столицы непріятелемъ; отъѣздъ Президента, правительства и дипломатическаго Корпуса изъ Парижа былъ настоящимъ бѣгствомъ. Французскія арміи отступали въ порядкѣ, но съ чрезвычайною быстротою; нѣмцы шли по ихъ пятамъ прямо по направленію къ Парижу, возможная защита котораго измѣрялась не днями, а часами. Совершенно точно выяснить, что именно произошло отъ момента оставленія правительствомъ Парижа (2 сентября нов. ст.) до 12-го сентября, когда въ первый разъ было произнесено слово «побѣда», покуда почти невозможно. Изъ разговоровъ съ освѣдомленными лицами, я прихожу къ заключенію, что назрѣвала необходимость пожертвовать Парижемъ и отступить еще далѣе вглубь страны. Но потомъ родилась мысль о созданіи изъ нѣкоторыхъ корпусовъ, быстро перевезенныхъ съ крайняго праваго фланга, изъ Марокскихъ войскъ и территоріальныхъ частей — арміи генерала Монури, неожиданное появленіе коей на правомъ флангѣ нѣмцевъ поставило въ опасное положеніе армію генерала фонъ Клука и подало сигналъ къ побѣдоносному наступленію французовъ. Остается не вполнѣ яснымъ, почему именно, разъ нѣмцы задались мыслью непремѣнно овладѣть Парижемъ, они остановили внезапно свое наступленіе на столицу и повернулись фронтомъ къ отступавшей французской арміи. Одно компетентное лицо объясняетъ это ихъ убѣжденіемъ, что французская армія находилась въ полномъ разстройствѣ, что небольшого усилія ихъ было достаточно, чтобы окончательно ее разсѣять, и что, послѣ этого, Парижъ достался бы имъ безъ всякаго боя. Какъ бы то ни было и кому бы ни принадлежала иниціатива перехода французовъ въ наступленіе, бой на р. Марнѣ имѣлъ характеръ дѣйствительной и блестящей побѣды, измѣнившей весь послѣдующій ходъ военныхъ событій...»

Но если Марнская побѣда свела на нѣтъ одну иллюзію германскаго Генеральнаго Штаба, заключавшуюся въ мечтѣ покончить войну на западѣ однимъ стремительнымъ ударомъ, то Галичская побѣда, одержанная русскими войсками надъ австрійцами, погребла и другую надежду руководителей противной намъ стороны — о возможности удержанія ихъ восточнаго фронта, впредь до освобожденія германскихъ силъ на западѣ, одною австро-венгерскою арміей, поддержанной лишь относительно слабыми силами Германіи. Марна и Галичина

— два почти совпавшія по времени пораженія нашихъ противниковъ — вернули ихъ изъ міра грезъ къ реальной дѣйствительности; передъ ними раскрылась картина не гордыхъ всесокрушающихъ побѣдъ, но упорной затяжной борьбы, конечные результаты коей не могли не скрываться въ туманной дали...

Послѣ катастрофы со 2-й арміей, въ штабѣ С.-З. фронта ярко обнаружилась растерянность. Вмѣсто отдачи распоряженій, соотвѣтствовавшихъ данной обстановкѣ, въ Ставку былъ командированъ на автомобилѣ генералъ-квартирмейстеръ штаба фронта генералъ Леонтьевъ «за полученіемъ указаній».

Выходъ изъ строя значительной части 2-й арміи ставилъ насъ дѣйствительно въ очень трудное положеніе. Мы уже видѣли, что германское Верховное Главнокомандованіе направило съ западнаго фронта въ Восточную Пруссію довольно крупныя подкрѣпленія, и что передъ нѣмцами для вторженія въ Русскую Польшу открывался весь Наревскій фронтъ. Между тѣмъ, на южномъ участкѣ нашего передового театра въ это время шли упорные бои съ австрійцами, пытавшимися опрокинуть наши 4-ю и 5-ю арміи. Подходили критическіе дни, отъ результата которыхъ зависѣлъ весь ходъ Галичской наступательной операціи. При такихъ условіяхъ, форсированіе германцами Нарева и дальнѣйшее ихъ наступленіе въ южномъ направленіи, навстрѣчу австрійцамъ, могло создать угрозу для тыловъ нашихъ 4-й и 5-й армій и, такимъ образомъ, пріобрѣсти рѣшающее значеніе. Противодѣйствіе такому наступленію германцевъ изъ Восточной Пруссіи на югъ могло быть оказано наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ только контръ-маневромъ армій С.-З. фронта въ западномъ направленіи, во флангъ и тылъ движенію нѣмцевъ. Но, для обезпеченія успѣха такого маневра, необходимо было собрать дополнительныя силы, до прибытія коихъ единственнымъ препятствіемъ на пути осуществленія германскаго наступленія являлась наша 1-я армія, продолжавшая оставаться въ Восточной Пруссіи.

При такой обстановкѣ, надлежало прежде всего подумать о томъ, чтобы сохранить положеніе арміи генерала Ренненкампфа въ Восточной Пруссіи, какъ ограничивавшее свободу дѣйствій противника и являвшееся исходнымъ для будущаго маневра; остатками же 2-й арміи представлялось наиболѣе цѣлесообразнымъ занять линію р. Бобра и отчасти Нарева, откуда могло быть оказано содѣйствіе 1-й арміи, не только въ западномъ, но и въ сѣверномъ направленіяхъ. Такимъ своимъ расположеніемъ корпуса 2-й арміи попутно являлись прикрытіемъ и важнаго въ военномъ отношеніи Бѣлостокскаго раіона, черезъ который пролегали главнѣйшіе пути, связывавшіе Имперію съ Передовымъ театромъ. Наконецъ, этотъ же Бѣлостокскій раіонъ могъ служить первоначальнымъ раіономъ сосредоточенія и для тѣхъ подкрѣпленій, кои представлялось возможнымъ подтянуть на театръ военныхъ дѣйствій, въ видѣ XXII-го корпуса изъ Финляндіи и III-го Сиб. корпуса. Этотъ послѣдній корпусъ двигался въ головѣ подкрѣпленій, перевозившихся на театръ военныхъ дѣйствій, по указаніямъ Став-

ки, изъ Сибири. Кромѣ того, мы могли расчитывать въ ближайшее время подтянуть въ тотъ раіонъ І-й Турк. и ІІ-й Кавк. корпуса.

Намѣчавшееся расположеніе войскъ С.-З. фронта отвѣчало, вмѣстѣ съ тѣмъ, и тому случаю, если бы германцы, рѣшивъ дѣйствовать съ осторожностью, задались болѣе скромной задачей освобожденія всей территоріи Восточной Пруссіи отъ русскихъ войскъ. Въ этомъ случаѣ, ихъ наступленію противъ нашей 1-й арміи, наиболѣе выгодному со стороны Мазурскихъ озеръ, могло быть противопоставлено наше контръ-наступленіе во флангъ съ линіи Бобра.

Всю проектировавшуюся группировку представлялось, однако, возможнымъ закончить лишь къ 12—14-му сентября, и, слѣдовательно, только съ этого числа весь обновленный въ своемъ составѣ С.-З. фронтъ (свыше 200 бат.) могъ перейти къ новое рѣшительное наступленіе противъ нѣмцевъ.

Между тѣмъ нѣмцы заканчивали начатую ими перевозку подкрѣпленій съ западнаго фронта ранѣе насъ и потому на ихъ сторонѣ оставалась возможность предупредить насъ своимъ наступленіемъ. Такой оборотъ дѣла казался лично мнѣ весьма вѣроятнымъ, и въ этомъ случаѣ изолированное положеніе 1-й арміи должно было считаться весьма рискованнымъ. Имѣя въ виду это соображеніе, Ставка настойчиво указывала С.-З. фронту на необходимость прочнаго закрѣпленія 1-й арміей своего положенія въ Восточной Пруссіи и рекомендовала разрушеніе тѣхъ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ противникъ могъ направить свои силы противъ названной арміи. Такъ какъ, по мѣстнымъ условіямъ, лѣвый флангъ арміи Генерала Ренненкампфа являлся наиболѣе угрожаемымъ, то, дабы придать ему большую устойчивость, намѣчалось шедшій въ головѣ всѣхъ подкрѣпленій XXII-й корпусъ выдвинуть къ Лыку. Названный корпусъ, состоявшій изъ четырехъ стрѣлковыхъ бригадъ, имѣлъ гибкую организацію, прекрасный офицерскій составъ и, какъ располагавшійся въ мирное время въ Финляндіи, вдали отъ своихъ пополненій, содержался по штатамъ, близкимъ къ военнымъ; поэтому на боевыя качества этого корпуса, являвшагося, въ данной обстановкѣ, обезпеченіемъ лѣваго фланга 1-й арміи, возлагались прочныя надежды.

Въ соотвѣтствіи со всѣми изложенными выше соображеніями, указанія, данныя Ставкой штабу С.-З. фронта и подробно развитыя при послѣдовавшемъ 2-го сентября личномъ свиданіи Верховнаго Главнокомандующаго съ Генераломъ Жилинскимъ, въ общемъ, сводились къ слѣдующему:

1-й арміи надлежало удерживаться на путяхъ отъ Инстербурга и Ангербурга на линіи Вильковишки-Сувалки, имѣя, такимъ образомъ, у себя въ тылу въ своемъ распоряженіи три желѣзныя дороги на Ковну, Олиту и Гродну. 2-я армія (генерала Шейдемана) — должна была стягиваться на фронтъ Осовецъ-Ломжа, имѣя за своимъ внѣшнимъ флангомъ, примѣрно у Замброва, уступъ; она же должна была выдѣлить изъ своего состава особую группу для удержанія Варшавы; ядро этой группы долженъ былъ составить XXVII-й корпусъ, вновь сформированный изъ двухъ второочередныхъ дивизій. Войскамъ обѣихъ армій указывалось укрѣпиться и подготовить тыловыя позиціи. Изъ вновь

ожидавшихся къ прибытію на театръ военныхъ дѣйствій корпусовъ (XXII-го, III-го сиб., а впослѣдствіи I-го Турк. и II-го Кавк. корпусовъ) намѣчалось образовать новую 10-армію временно — генерала Радкевича, затѣмъ генерала Флуга); корпуса этой арміи, по мѣрѣ ихъ подхода, предполагалось выдвигать въ Лыкскій раіонъ и далѣе на фронтъ Летценъ-Арисъ-Іоганисбургъ, гдѣ они должны были входить въ связь съ 1-й арміей.

Дополнительнымъ распоряженіемъ Ставки обращалось также вниманіе штаба С.-З. фронта на необходимость усилить наблюденіе за Балтійскимъ побережьемъ, ввиду полученія нашимъ морскимъ Генеральнымъ Штабомъ извѣстія о подготовкѣ, якобы, нѣмцами дессантной экспедиціи.

Главнокомандующій арміями С.-З. фронта Генералъ Жилинскій и его Начальникъ Штаба Генералъ Орановскій высказывали сомнѣніе въ возможности въ ближайшее время перехода арміями названнаго фронта въ наступленіе; оба они находили неизбѣжнымъ ограничить заданіе для армій этого фронта только обороной занимавшагося ими положенія въ Восточной Пруссіи и по Нареву до Вислы. Такой способъ дѣйствій неизбѣжно приводилъ къ новой разброскѣ силъ армій С.-З. фронта, вынуждавшихся прикрывать непомѣрно растянутый фронтъ отъ Балтійскаго моря черезъ Осовецъ и Ломжу до Варшавы включительно. Однако, съ этой точкой зрѣнія приходилось считаться. Перенесенная катастрофа наложила замѣтный отпечатокъ на настроеніе не только войскъ, но и начальствующихъ лицъ С.-З. фронта.

Учитывая всѣ эти мало благопріятныя обстоятельства, изъ коихъ складывалась обстановка на С.-З. фронтѣ, Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ ставилъ себѣ цѣлью, какъ мы уже видѣли въ предыдущей главѣ, достигнуть, во что бы то ни стало, и въ ближайшіе же дни, рѣшительной побѣды надъ австрійцами. Въ случаѣ неуспѣха — надо было предвидѣть возможность возникновенія такихъ условій, при которыхъ можетъ стать неизбѣжнымъ отходъ нашихъ сѣверныхъ армій Ю.-З. фронта за р. Зап. Бугъ.

Какъ бы настойчиво ни было высшее управленіе войсками въ достиженіи поставленной имъ положительной задачи, оно все же никогда не должно упускать изъ виду возможной неудачи. Въ подготовкѣ для себя и, можетъ быть, ближайшихъ своихъ сотрудниковъ соотвѣтствующаго рѣшенія на этотъ случай и состоитъ обязательная для каждаго крупнаго военачальника предусмотрительность. Поэтому, въ данной трудной обстановкѣ Ставка сочла себя обязанной 31-го августа предупредить Главнокомандованіе С.-З. фронтомъ, что, въ случаѣ безусловной невозможности въ теченіе ближайшихъ дней достигнуть рѣшительныхъ успѣховъ надъ австрійцами, арміямъ Ю.-З. фронта будетъ указано постепенно отходить за р. Зап. Бугъ съ общимъ направленіемъ на Дрогичинъ-Брестъ-Кобринъ и что, при такой обстановкѣ, арміи С.-З. фронта обязаны будутъ образовать заслонъ, прикрывающій отъ нѣмцевъ это передвиженіе. Направленіе отхода армій Ю.-З. фронта было согласовано съ предположеніями генерала Иванова, установленными имъ, какъ мы уже видѣли, еще 28-го августа.

Наконецъ Верховный Главнокомандующій, желая вызвать самодѣятельность руководившаго арміями С.-З. фронта центра, счелъ необходимымъ напомнить генералу Жилинскому, что веденіе операцій, въ предѣлахъ поставленной фронту задачи, должно составлять обязанность Главнокомандующаго арміями фронта и что въ этомъ отношеніи онъ, по закону, пользуется необходимою самостоятельностью.

Несмотря на представленія штаба 1-й арміи о желательности, при создавшихся условіяхъ, оттянуть главныя силы этой арміи къ Инстербургу, дабы занять болѣе сосредоточенное расположеніе и имѣть возможность встрѣтить вѣроятныя обходныя движенія непріятеля контръ-ударомъ, генералъ Ренненкампфъ рѣшилъ занять и укрѣпиться на позиціи отъ моря до Мауерскаго озера — на фронтѣ вдоль р. Дейме и далѣе къ югу отъ Велау на Алленбургъ и Ангербургъ, вытянувъ почти всѣ свои силы въ одну линію и имѣя противъ Летцена лишь одну дивизію, въ видѣ заслона. Позиція, на которой остановился генералъ Ренненкампфъ, могла считаться достаточно сильной съ фронта, но она представляла большія невыгоды, вслѣдствіе необезпеченности фланговъ. Особенно опаснымъ представлялся ея лѣвый флангъ. Хотя онъ былъ поданъ уступомъ назадъ, но примыкалъ къ Мазурскимъ озерамъ, раіонъ коихъ представлялъ крайне закрытую и пересѣченную мѣстность, удобную для скрытаго сосредоточенія непріятельскихъ силъ. Къ этому надо добавить, что небольшая германская крѣпосца Летценъ, закрывавшая одинъ изъ главныхъ проходовъ черезъ Мазурскія озера, оставалась въ рукахъ нашихъ противниковъ, по отсутствію у насъ подвижной тяжелой артиллеріи, соотвѣтственнаго калибра, для ея взятія. Независимо того, со стороны лѣваго фланга, отчасти вслѣдствіе его отнесеннаго назадъ положенія, отходили кратчайшіе пути къ среднему Нѣману, и такимъ образомъ развитіе на этихъ путяхъ непріятельскаго успѣха могло сразу создать серьезную угрозу для всей 1-й арміи.

Къ началу сентября генералу Ренненкампфу удалось притянуть въ раіонъ арміи 5½ второочердныхъ дивизій. Изъ нихъ двѣ дивизіи составили на правомъ флангѣ арміи новый корпусъ (XXVI-й); другія двѣ дивизіи оставались въ качествѣ какъ бы армейскаго резерва: 54-я у Инстербурга и 72-я у Даркемена; одна дивизія вошла въ составъ одного изъ корпусовъ и, наконецъ, бригада 68-й дивизіи заняла Тильзитъ, обезпечивая своимъ расположеніемъ правый флангъ и тылъ арміи. Такимъ образомъ, силы 1-й арміи генерала Ренненкампфа въ Восточной Пруссіи возросли до 14-ти пѣх. дивизій; составъ конницы оставался прежній.

Уже начиная съ 1-го сентября въ штабъ 1-й арміи стали поступать свѣдѣнія, наводившія на мысль о совершающемся сосредоточеніи нѣмцевъ противъ этой арміи, и притомъ преимущественно противъ ея лѣваго фланга. Эти данныя должны были служить предостереженіемъ для 1-й арміи; одновременно онѣ подавали намъ надежду на то, что ожидавшаяся развязка операціи на австрійскомъ фронтѣ не будетъ осложнена и затруднена наступленіемъ нѣмцевъ въ сторону Нарева, каковое наступленіе пріобрѣтало для насъ особую опасность,

со времени выясненія невозможности своевременно противопоставить ему наступательный контръ-маневръ арміями С.-З. фронта.

Въ дальнѣйшемъ выяснилось фактическое появленіе въ Восточной Пруссіи новыхъ частей, очевидно изъ числа тѣхъ, кои перебрасывались съ западнаго фронта. Нашими станціями «искрового телеграфа» была перехвачена нешифрованная нѣмецкая радіограмма, предупреждавшая кр. Кенигсбергъ о спѣшной перевозкѣ въ ея районъ «гвардіи». Результаты изученія военныхъ игръ германскаго Генеральнаго Штаба, образцы коихъ отъ времени до времени попадали въ наши руки, учили насъ, что высшимъ образцомъ нѣмецкой стратегіи всегда считался маневръ, приводившій къ обходу обоихъ фланговъ противника, каковой маневръ и былъ, какъ извѣстно, примѣненъ руководителями 8-й германской арміи противъ арміи генерала Самсонова. Поэтому, поступившее свѣдѣніе о движеніи гвардіи въ направленіи Кенигсберга являлось для насъ очень показательнымъ; оно заставило Ставку обратить вниманіе штаба С.-З. фронта на возможность одновременнаго охвата арміи генерала Ренненкампфа съ обоихъ фланговъ. — Предупрежденіе это, какъ увидимъ дальше, оказалось далеко не лишеннымъ основанія.

Съ первыхъ чиселъ сентября стали обнаруживаться отдѣльныя попытки нѣмцевъ къ наступленію противъ различныхъ участковъ фронта 1-й арміи; эти попытки, впрочемъ, имѣли лишь развѣдывательный или демонстративный характеръ. Но уже 7-го сентября на нашемъ лѣвомъ флангѣ развились болѣе серьезныя дѣйствія. Здѣсь обнаружено было наступленіе нѣмцевъ на Арисъ. Еще южнѣе, у Бялы, наши выдвинутыя впередъ части XXII-го корпуса были атакованы нѣмцами и потерпѣли серьезную неудачу. Несмотря на полученную поддержку, четыре полка этого корпуса были оттѣснены въ направленіи на Граево. Въ результатѣ боевыхъ столкновеній этого дня, получалось опредѣленное впечатлѣніе, что мы накапунѣ новой большой наступательной операціи нѣмцевъ, направляемой на сей разъ противъ нашей 1-й арміи.

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней — 8-го и 9-го сентября, — нажимъ германцевъ обнаружился по всему фронту 1-й арміи. Непріятелемъ была введена въ дѣйствіе сильная тяжелая артиллерія. На лѣвомъ флангѣ арміи атаки нѣмцевъ значительно расширились и приняли угрожающіе размѣры. Здѣсь противникъ повелъ энергичное наступленіе отъ Летцена на Поссесернъ и Круглянкенъ и отъ Ариса на Виндминенъ. Находившаяся на нашемъ лѣвомъ флангѣ дивизія II-го корпуса постепенно оттѣснялись непріятелемъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. На перешейкахъ между озерами появилась непріятельская конница. Что касается положенія на фронтѣ арміи генерала Ренненкампфа, то на немъ фактически обнаружены были части, принадлежавшія двумъ новымъ германскимъ корпусамъ, раньше числившимся на западномъ фронтѣ. Съ прибытіемъ ихъ, силы нѣмцевъ въ Восточной Пруссіи должны были возрасти до 15—16 пѣх. дивизій, не считая войскъ на второстепенныхъ направленіяхъ. Изъ этихъ силъ не менѣе двухъ корпусовъ были обнаружены переброшенными уже по восточ-

ную сторону Мазурскихъ озеръ. Тѣмъ не менѣе наши войска на фронтѣ арміи упорно отстаивали свое положеніе, которое признавалось вполнѣ устойчивымъ. Серьезныя опасенія внушалъ лишь лѣвый флангъ.

Генералъ Ренненкампфъ, видя этотъ флангъ въ угрожаемомъ положеніи, отдалъ распоряженіе объ усиленіи его XX-мъ корпусомъ, подлежавшимъ переброскѣ съ крайняго праваго фланга, а также 54-й и 72-й дивизіями, составлявшими его резервъ. Энергичнымъ нажимомъ 10-й арміи со стороны Бобра положеніе на стыкѣ между 1-й и 10-й арміями могло стать даже выигрышнымъ. Однако, подкрѣпленія, назначенныя генераломъ Ренненкампфомъ для сбора на лѣвомъ флангѣ, могли подойти полностью лишь къ 11-му сентября. Намѣчавшееся же наступленіе всего XXII-го корпуса черезъ Лыкъ на Видминенъ въ тылъ непріятелю, обходившему лѣвый флангъ 1-й арміи, генералъ Жилинскій не счелъ возможнымъ осуществить, вслѣдствіе, какъ онъ доносилъ, «нѣсколько разстроеннаго состоянія» названнаго корпуса послѣ боя у Бялы. Видя тяжелое положеніе своего лѣваго фланга и лишившись надежды на полученіе содѣйствія со стороны корпусовъ 10-й арміи, генералъ Ренненкампфъ, вечеромъ 9-го сентября, приказалъ корпусамъ 1-й арміи начать отходъ, который, при сложившихся условіяхъ, надлежало, повидимому, признать вполнѣ цѣлесообразнымъ. Отходъ этотъ начался въ полномъ порядкѣ и совершенъ былъ безпрепятственно. Заслуживаютъ быть отмѣченными дѣйствія IV-го корпуса, который по иниціативѣ своего доблестнаго командира (генерала Аліева), прежде чѣмъ начать отходъ, атаковалъ передъ собою нѣмцевъ и далеко отбросилъ ихъ къ юго-западу.

Чтобы выяснить положеніе 1-й арміи и причины отказа генерала Жилинскаго отъ активныхъ дѣйствій 10-й арміи, на успѣхъ которыхъ возлагалось много надеждъ, Верховный Главнокомандующій 11-го сентября прибылъ въ Бѣлостокъ, гдѣ послѣ личной бесѣды съ генераломъ Жилинскимъ удостовѣрился въ томъ, что управленіе арміями С.-З. фронта серьезно нарушено. Вмѣсто организаціи, во что бы то ни стало, вызывавшагося всей обстановкой рѣшительнаго удара частями 10-й арміи со стороны верхняго Бобра въ тылъ нѣмцамъ, обходившимъ нашу 1-й армію съ ея лѣваго фланга, Главнокомандующій арміями С.-З. фронта придалъ рѣшающее значеніе донесенію командира XXII-го корпуса о временной небоеспособности его корпуса, понесшаго, какъ мы видѣли, лишь частичную неудачу у Бялы. Но независимо названнаго корпуса, въ распоряженіи Главнокомандующаго фронтомъ имѣлась еще вновь прибывшая на театръ военныхъ дѣйствій 8-я Сиб. стр. дивизія III-го Сиб. корпуса, къ которой подходила вторая дивизія того-же корпуса — 7-я Сибирская. Отказавшись отъ наступленія частями 10-й арміи, генералъ Жилинскій приказалъ отвести XXII-й корпусъ къ Августову, а части III-го сиб. корпуса — къ Граеву, мотивируя это рѣшеніе необходимостью дать время для окончательнаго устройства корпусовъ новой арміи. Что же касается 2-й арміи, то ея корпуса были, безъ ясно опредѣленной задачи, направлены на фронтъ Мышинецъ-Хоржеле, гдѣ они и ввязались въ безцѣльные бои съ германскими ландверными частями.

Упущенное время не давало возможности его наверстать и, хотя Верховный Главнокомандующій потребовалъ наступленія корпусовъ 10-й арміи черезъ Маркграбово на Гольдапъ, но на результаты этого движенія расчитывать было уже трудно. Поэтому 13-го сентября корпуса 10-й арміи получили приказаніе отойти за р. Бобръ. Оставалось, такимъ образомъ, надѣяться лишь на благополучный выходъ изъ боя корпусовъ 1-й арміи, въ результатѣ своевременно принятаго рѣшенія объ ихъ отходѣ.

Къ сожалѣнію эта надежда оказалась лишь на половину осуществленной. Только правофланговые корпуса 1-й арміи (XXV, I-й, III-й и отчасти IV-й), отходившіе съ фронта Лабіау-Норденбургъ на фронтъ Средники-Маріамполь, выполнили свой отходъ въ условіяхъ болѣе или менѣе нормальныхъ. Хотя германское командованіе и бросило къ сѣверу отъ желѣзной дороги Инстербургъ-Ковна на фронтъ Пилькаленъ-Тильзитъ 2³/₄ корпуса (IР. и Гв. Р. корпуса, гарнизонъ кр. Кенигсбергъ и ландв. бригада изъ Мемеля), съ очевидною цѣлью отрѣзать наши правофланговыя части отъ переправъ и прижать ихъ къ р. Нѣманъ, но эта задача нѣмцамъ не удалась. Правофланговыя колонны 1-й арміи успѣли своевременно выйти изъ подъ ударовъ названныхъ германскихъ корпусовъ; послѣдніе, такимъ образомъ, вышли въ пустую, почему и были остановлены германскимъ командованіемъ, не доходя Нѣмана. Лишь одна ландверная бригада, двигаясь, повидимому, изъ Тильзита, успѣла атаковать 15-го сентября на р. Нѣманѣ у Средники арьергардъ XXVI-го корпуса, настигнувъ его на переправѣ. Атака этой бригады была отбита съ большимъ для нея урономъ.

Что касается лѣвофланговыхъ корпусовъ 1-й арміи (II-го и XX-го), которые, вмѣстѣ съ тремя кавалерійскими дивизіями, прикрывали отъ обхода съ юга движеніе 1-й арміи, то ихъ отходъ протекалъ въ гораздо болѣе сложныхъ и трудныхъ условіяхъ. Положеніе этихъ частей особенно осложнилось, когда, послѣ занятія Гольдапа, нѣмцы стали 12-го сентября дебушировать изъ Роминтенской пущи, направляясь къ Виштинецкому озеру. Этимъ движеніемъ подвергались угрозѣ пути отхода 1-й арміи не только на Кальварію, но и на Маріамполь. Вслѣдъ за кавалеріей, стали выходить изъ названнаго лѣса непріятельскія пѣхотныя колонны. Къ этому времени генералъ Ренненкампфъ, неожиданно уѣхавшій въ Ковну, потерялъ всякую связь съ корпусами, которые приходилось разыскивать разсылкою особыхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Управленіе арміей было нарушено и отступленіе приняло неорганизованный характеръ, регулировавшійся лишь иниціативой корпусныхъ командировъ и кавалерійскихъ начальниковъ. И если всѣ корпуса, въ конечномъ результатѣ, вышли изъ охватывавшаго ихъ съ юга непріятельскаго полукольца, то этимъ они обязаны съ одной стороны проявленному ими напряженію, а съ другой — тому обстоятельству, что съ теченіемъ времени, бросокъ нѣмцевъ ослабѣлъ, и что значительная часть ихъ конницы направилась по дальнимъ путямъ, въ обходъ Роминтенской пущи съ юга, потерявъ на это движеніе время.

Къ 14—15-му сентября 1-я армія, послѣ ряда упорныхъ боевъ и тяжелаго отступленія, понеся крупныя потери, закончила свой отходъ и окончательно

вышла изъ угрожавшаго ей положенія. Задуманное германскимъ командованіемъ окруженіе — нашему искусному противнику на сей разъ не удалось.

О состояніи своей арміи генералъ Ренненкампфъ лаконически доносилъ въ Ставку примѣрно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: отдохнемъ, подкрѣпимся и снова будемъ готовы къ бою. — Дѣйствительность оказалась, однако, далеко менѣе утѣшительною, и войска 1-й арміи потребовали кореннаго обновленія и пополненія.

Такимъ образомъ, въ результатѣ мѣсячныхъ боевъ и двухъ тяжелыхъ и кровавыхъ операцій, арміи С.-З. — фронта, имѣвшія, въ общей ихъ совокупности, все время численное превосходство надъ противникомъ и занимавшія выгодное исходное охватывающее положеніе, не только оказались не въ состояніи выполнить возложенную на нихъ наступательную задачу, но, въ конечномъ итогѣ, были отброшены обратно въ наши предѣлы, понеся очень крупныя потери въ людяхъ и матеріальной части и получивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезный моральный надломъ.

Въ теченіе этихъ операцій ярко вырисовывались многіе недочеты организаціи, техническаго снабженія, мирнаго воспитанія и образованія нашей арміи.

Многія наши отдѣльныя войсковыя части дали блестящіе образцы доблести, стойкости въ бою и неутомимости. Но, наряду съ такими частями, обнаружились и другія, отъ которыхъ можно было требовать проявленія большей сопротивляемости и напряженія. При этомъ разница въ боевыхъ качествахъ и въ выдержкѣ нашихъ войсковыхъ частей не ограничивалась существовавшимъ раздѣленіемъ ихъ на первоочередныя и второочередныя, — такая разница была бы вполнѣ естественной и не представляла бы чего-либо неожиданнаго. Но боевой удѣльный вѣсъ нашихъ войсковыхъ частей оказался далеко не одинаковымъ и въ предѣлахъ одной и той же категоріи войскъ. Трудно дать въ короткомъ изложеніи исчерпывающее объясненіе этой боевой пестроты нашихъ войсковыхъ частей, такъ какъ причины, ее обусловливавшія, были весьма различны. Прежде всего — различныя условія жизни, обученія и воспитанія кадровъ мирнаго времени; разнообразіе районовъ комплектованія войсковыхъ частей новобранцами и запасными; индивидуальныя качества начальниковъ, и еще болѣе — традиціи самыхъ частей войскъ, и даже тѣхъ военныхъ округовъ, къ составу коихъ эти части принадлежали въ мирное время. Какъ извѣстно, командующіе войсками въ военныхъ округахъ пользовались у насъ въ мирное время большою самостоятельностью въ дѣлѣ руководства обученіемъ ввѣренныхъ имъ войскъ. Поэтому, напримѣръ, вліяніе школы такихъ крупныхъ воспитателей, какъ долго стоявшій во главѣ войскъ Кіевскаго военнаго округа генералъ М. И. Драгомировъ, съ его незамѣнимымъ сотрудникомъ, въ должности Начальника Штаба, генераломъ Е. С. Шимановскимъ, или какъ командовавшій войсками Варшавскаго военнаго округа генаралъ І. В. Гурко, работу котораго продолжилъ и развилъ А. К. Пузыревскій, — наложило на войска названныхъ двухъ военныхъ округовъ особо-цѣнный отпечатокъ, сохранившійся на нихъ вплоть до войны 1914-го года.

Справедливость, однако, требуетъ отмѣтить, что кадровый составъ нашей арміи мирнаго времени, въ смыслѣ воспитанія и обученія, находился въ годы, предшествовавшіе войнѣ, несмотря на нѣкоторое различіе, все же на болѣе или менѣе достаточной высотѣ во всѣхъ округахъ. Поэтому недочеты войскъ, въ отношеніи боевой выдержки, слѣдуетъ приписать въ большой степени вліянію тѣхъ контингентовъ запасныхъ, кои влились, съ объявленіемъ мобилизаціи, въ ряды войскъ. Эти люди, вслѣдствіе ихъ недостаточной спеціальной подготовки въ мирное время, малой сознательности и отсутствія живой связи съ арміей, представляли въ огромномъ большинствѣ сырой матеріалъ, долженствовавшій замѣтно понижать боевыя достоинства нашихъ войсковыхъ частей, съ выступленіемъ ихъ въ походъ. При такомъ условіи, дѣятельность войсковыхъ частей на войнѣ, особенно въ первое время, должна была неизбѣжно оказаться въ чрезвычайно большой зависимости отъ случайныхъ явленій обстановки. Такія войска могли дѣлать чудеса и тутъ же сдавать безъ достаточно видимыхъ и осязаемыхъ основаній.

Отмѣченная выше пестрота и хрупкость боевыхъ качествъ нашихъ войскъ въ значительной мѣрѣ затрудняли замыселъ и выполненіе маневровъ, при которыхъ требуется, чтобы войска, составляющія точки опоры маневра, не сдавали до завершенія такового. Мы же не могли найти никакого мѣрила для опредѣленія боевой силы той или другой группы войскъ. Указывая на эту неблагопріятную данную, нельзя пройти мимо и другого важнаго недостатка нашихъ войскъ — ихъ слабой маневренной способности. Кромѣ невтянутости людей, тутъ большое вліяніе оказывали и разнаго рода организаціонные недочеты, дѣлавшіе наши войска грузными и малоподвижными.

Техническое снабженіе нашей арміи оказалось совершенно недостаточнымъ. Успѣхъ въ бою покупался слишкомъ дорогой цѣной, въ силу почти полнаго отсутствія у насъ полевой тяжелой артиллеріи, ставшей необходимымъ оружіемъ наступающаго, и недостаточнаго снабженія войскъ пулеметами. Наличіе тяжелой артиллеріи у противника производило на наши войска въ первое время подавляющее впечатлѣніе и, по отзывамъ многихъ начальниковъ, огонь этой артиллеріи являлся въ первый періодъ войны основной причиной невсегда полной устойчивости нашихъ войскъ.

Зачаточное состояніе отечественной авіаціи дѣлало нашихъ начальниковъ совершенно слѣпыми, такъ какъ, при современныхъ условіяхъ, конница не въ состояніи ни добывать, ни своевременно сообщать необходимыя свѣдѣнія о расположеніи и передвиженіяхъ непріятеля. Только воздушный наблюдатель, снабженный фотографическимъ аппаратомъ и радіостанціей, способенъ стать надежнымъ современнымъ развѣдчикомъ, имѣющимъ возможность глубоко проникнуть въ расположеніе непріятеля и дать быстрыя и неопровержимыя доказательства того, что имъ наблюдено. Вслѣдствіе отсутствія у насъ достаточныхъ авіаціонныхъ средствъ, непріятель, пользуясь своей богато развитой желѣзнодорожной сѣтью, могъ свободно маневрировать, какъ хотѣлъ, будучи увѣренъ, что его планы не могутъ быть нами своевременно вскрыты. Съ другой

стороны, владѣя значительно болѣе развитыми воздушными средствами, тотъ же непріятель имѣлъ возможность совершенно безнаказанно слѣдить за каждымъ нашимъ шагомъ, учитывая его въ своихъ предположеніяхъ. — Нищенское снабженіе средствами связи, почти полное отсутствіе полевого безпроволочнаго телеграфа, въ пользованіи которымъ мы не имѣли никакого навыка, затрудняли установленіе прочной связи и взаимодѣйствія войскъ, что, какъ мы видѣли, было одною изъ основныхъ причинъ нашихъ неудачъ. Для примѣра, достаточно привести, что въ первое время войны въ распоряженіи управленія Генералъ-Квартирмейстера Ставки имѣлся, для связи со штабами фронтовъ, лишь одинъ аппаратъ Юза, цѣнный въ томъ смыслѣ, что его конструктивныя данныя значительно облегчали непосредственные переговоры. — Снабженіе телеграфнымъ имуществомъ штабовъ фронтовъ было столь же мизернымъ. — Наконецъ, слабое снабженіе полевыми желѣзнодорожными парками, автомобильными транспортами, примѣненіе коихъ въ Восточной Пруссіи и Галичинѣ могло быть очень широкимъ, и понтонными средствами затрудняли подвозъ и прочную связь съ тыломъ. Два или три десятка прекрасныхъ грузовыхъ машинъ были почему то прикомандированы къ Ставкѣ, гдѣ, конечно, обречены были на бездѣйствіе; мнѣ удалось имъ исходатайствовать командированіе на фронтъ.

Техническое превосходство непріятеля естественно било по воображенію нашихъ войскъ и подавляло бодрость ихъ духа.

Но болѣе всего, въ минувшихъ операціяхъ противъ германцевъ, выявились серьезные недостатки въ управленіи войсками, какъ естественный результатъ отсутствія должнаго подбора, обученія и совершенствованія высшаго командного состава въ мирное время. Мы уже видѣли, съ какими трудностями и препятствіями были сопряжены попытки создать это обученіе, путемъ серьезно поставленныхъ занятій военной игрой. На этомъ пути пришлось столкнуться съ ложнымъ самолюбіемъ и опасеніями обнаружить личную отсталость.

Описанныя операціи, разыгравшіяся на С.-З. фронтѣ, даютъ нѣсколько разительныхъ примѣровъ такихъ положеній въ предѣлахъ этого фронта, при которыхъ нападеніе непріятеля на одну изъ армій не вызывало должныхъ активныхъ дѣйствій со стороны остальныхъ войскъ фронта, пребывавшихъ въ бездѣйствіи. Въ результатѣ, нашъ противникъ, имѣя, въ общемъ, на названномъ фронтѣ силы, значительно намъ уступавшія, успѣвалъ ихъ сосредоточивать, пользуясь своею подвижностью и нашимъ бездѣйствіемъ, то противъ одной, то противъ другой арміи и ставить себя въ положеніе, гарантировавшее ему побѣду.

Вполнѣ очевидно, что всѣ недостатки, присущіе нашей арміи, существовали и на Ю.-З. фронтѣ, гдѣ, однако, конечные результаты нашей наступательной операціи оказались иными. Но не надо забывать, что германцы представляли, по сравненію съ австрійцами, гораздо болѣе подвижного и искуснаго противника. Надо принять во вниманіе также и то обстоятельство, что руководящая роль въ исполненіи операціи на Ю.-З. фронтѣ фактически принадлежала Начальни-

ку Штаба этого фронта генералу Алексѣеву — человѣку большихъ военныхъ знаній, опыта и настойчивости. Несомнѣнно, что наши первоначальные успѣхи въ Галичинѣ должны быть крѣпко связаны съ именемъ этого крупнаго военнаго дѣятеля пережитой эпохи.

Чтобы выяснить болѣе детально причины и размѣръ пораженія 1-й арміи, по повелѣнію Верховнаго Главнокомандующаго, въ Ковну выѣхалъ Начальникъ Штаба генералъ Янушкевичъ. Верховнымъ Главнокомандующимъ намѣчалась замѣна генераловъ Жилинскаго и Ренненкампфа. Но послѣдній имѣлъ при Дворѣ сильную руку, которая видимо представила Государю дѣйствія его въ невѣрно-благопріятномъ освѣщеніи. Соотвѣтственное представленіе Верховнаго Главнокомандующаго объ отчисленіи генерала Ренненкампфа было предупреждено Высочайшей телеграммой съ крайне неожиданнымъ совѣтомъ — ввѣрить генералу Ренненкампфу главнокомандованіе арміями С.-З. фронта, а генерала Жилинскаго обратить къ исполненію обязанностей Варшавскаго генералъ-губернатора, каковую должность онъ занималъ до войны, вмѣстѣ съ командованіемъ войсками Варшавскаго военнаго округа. Надо замѣтить, что съ переходомъ къ организаціи управленія Привислинскимъ Краемъ, въ соотвѣтствіи съ положеніемъ о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, должность Варшавскаго Генералъ-Губернатора была упразднена, за ненадобностью. — Въ конечномъ результатѣ, генералъ Ренненкампфъ сохранилъ свое положеніе командующаго 1-й арміей, а генералъ Жилинскій получилъ назначеніе въ распоряженіе Военнаго Министра. На постъ Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта былъ предназначенъ генералъ Рузскій, замѣтно выдвинувшійся въ періодъ Галичской операціи, несмотря на нѣкоторую излишнюю осторожность, проявленную имъ, при подходѣ къ Львову. Должность командующаго 3-й арміей намѣчалось замѣстить генераломъ Радко-Дмитріевымъ, доблестно до того командовавшимъ VIII-мъ арм. корпусомъ.

Новаго Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта генерала Рузскаго я зналъ хорошо и съ давнихъ поръ. Еще будучи молодымъ офицеромъ Генеральнаго Штаба въ штабѣ Кіевскаго военнаго округа, я привыкъ, вмѣстѣ съ остальными офицерами Генеральнаго Штаба этого округа, относиться къ нему съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Генералъ Рузскій, состоя въ то время въ чинѣ полковника и въ должности Начальника Штаба одной изъ пограничныхъ дивизій, предназначался въ военное время на должность начальника штаба конной группы изъ нѣсколькихъ дивизій, долженствовавшихъ сосредоточиться на границѣ съ Австро-Венгріей для выполненія очень отвѣтственной задачи. Впослѣдствіи генералъ Рузскій занималъ въ Кіевскомъ военномъ округѣ рядъ отвѣтственныхъ должностей до Помощника Командующаго войсками включительно и былъ очень популяренъ въ этомъ округѣ. Спокойный, разсудительный, прямой, хотя и нѣсколько суховатый, но очень простой въ обращеніи, одаренный достаточно твердымъ характеромъ — онъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы быть хорошимъ, въ современномъ смыслѣ, военноначальникомъ. Къ его мнѣніямъ всегда стоило внимательно прислушиваться. Къ сожалѣнію, слабое здоровье

генерала Рузскаго часто препятствовало полному проявленію его природныхъ дарованій и онъ бывалъ вынуждаемъ, отъ времени до времени, отказываться отъ активной дѣятельности для болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха.

Пораженіемъ обѣихъ нашихъ армій въ Восточной Пруссіи былъ нанесенъ жестокій ударъ нашему военному престижу и общему стратегическому положенію нашихъ войскъ на театрѣ войны; слѣды этого удара не могли изгладиться въ теченіе всей войны. Извѣстно, какъ всегда тяжело отражаются на всемъ ходѣ войны первыя неудачи. Въ психику многихъ начальниковъ и войсковыхъ частей проникло губительное убѣжденіе въ безусловномъ превосходствѣ надъ нами нашего сѣвернаго противника — германцевъ и неувѣренность въ собственныхъ силахъ. И не они ли, эти сомнѣнія, отравляли въ дальнѣйшемъ волю руководителей войны на всемъ ея протяженіи, заставляя нерѣдко предпочитать, взамѣнъ постановки оперативныхъ заданій, въ зависимости отъ ихъ дѣйствительной стратегической цѣнности, болѣе легкія, но менѣе благодарныя дѣйствія по линіямъ «меньшаго сопротивленія»?!

Уже было выяснено, что наше наступленіе вглубь Германіи могло проявить себя свободно лишь при условіи предварительнаго обезпеченія праваго фланга, проще и надежнѣе всего достигавшагося выходомъ нашихъ войскъ къ нижней Вислѣ. Приводя къ значительному сокращенію нашего стратегическаго фронта, это выдвиженіе тѣмъ самымъ попутно давало возможность достигнуть весьма важной экономіи въ силахъ, и, слѣдовательно, обезпечивало развитіе дальнѣйшаго наступленія не только съ большею безопасностью, но и въ болѣе рѣшительныхъ формахъ. Однако, эта предварительная задача на С.-З. фронтѣ выполнена не была и успѣхи на австрійскомъ фронтѣ не могли выполнить указаннаго существеннаго пробѣла. Нашъ правый флангъ продолжалъ висѣть въ воздухѣ. И даже болѣе того; чѣмъ глубже на западъ намъ удалось бы проникнуть, тѣмъ острѣе должна была чувствоваться непрочность и даже рискованность нашего положенія, легко подвергавшагося ударамъ справа. Между тѣмъ, послѣ неудачъ 1-й и 2-й армій, задача овладѣнія Восточной Пруссіей, вслѣдствіе ея непопулярности, никогда болѣе не могла быть поставлена открыто и въ полномъ ея объемѣ. Восточная Пруссія была окрещена генераломъ Алексѣевымъ наименованіемъ «осинаго гнѣзда», и всѣ попытки вновь подготовить выдвиженіе вопроса объ овладѣніи ею, какъ увидимъ дальше, всегда разбивались о тѣ или другія обстоятельства. Къ идеѣ возобновленія рѣшительныхъ дѣйствій въ направленіи Восточной Пруссіи искусственно прививалось недовѣріе и даже какое-то суевѣрное предубѣжденіе не только среди высшаго командного состава, но и въ войскахъ. Въ результатѣ — всѣ наступательныя дѣйствія на правомъ берегу р. Вислы противъ Германіи стали носить характеръ безсистемныхъ полумѣръ, а на выполненіи ихъ неизмѣнно лежалъ отпечатокъ вялости и нерѣшительности.

Такимъ образомъ сложный и трудный вопросъ объ обезпеченіи фланга и тыла нашихъ армій со стороны Восточной Пруссіи оказался неразрѣшеннымъ. Этому флангу нашего стратегическаго фронта надолго суждено было оставать-

ся нашимъ самымъ уязвимымъ мѣстомъ, сковывавшимъ всѣ стратегическія комбинаціи и всегда отвлекавшимъ большія силы на его обезпеченіе, которое, однако, оставалось всегда только условнымъ.

Потери, понесенныя русской арміей въ операціяхъ, разыгравшихся въ Восточной Пруссіи, были весьма значительны. Мы потеряли около 250/т. человѣкъ убитыми, ранеными и военноплѣнными, свыше 600 орудій, массу пулеметовъ и прочей матеріальной части.

Изъ 15-ти корпусовъ, входившихъ въ серединѣ сентября въ составъ С.-З. фронта и занимавшихъ протяженіе въ 400 верстъ отъ Ковны черезъ Гродну, Осовецъ до Варшавы, лишь четыре корпуса вновь сформированной 10-й арміи являлись вполнѣ боеспособными; два корпуса (XXVI-й и XXVII-й) были составлены цѣликомъ изъ второочередныхъ частей, не пріобрѣвшихъ еще прочной боевой спайки; два съ половиною корпуса (XIII, XV и половина XXIII-го корпуса) были почти уничтожены въ результатѣ Самсоновскаго пораженія; остальные шесть съ половиною корпусовъ — одни болѣе, другіе менѣе — потеряли огромный процентъ своего личнаго состава и значительную часть своего имущества. Возстановленіе этихъ корпусовъ представляло для насъ большія трудности; въ особенности затруднительнымъ оказалось снабженіе ихъ винтовками, орудіями и пулеметами, такъ какъ наши запасы вооруженія были крайне ограничены; запаса же пулеметовъ не было вовсе.

Изъ всѣхъ армій С.-З. фронта наибольшую тревогу внушало состояніе 1-й арміи генерала Ренненкампфа, которая непосредственно прикрывала своимъ расположеніемъ прямые пути вглубь страны, на Вильну. Поэтому вниманіе Ставки было прежде всего обращено на то, чтобы скорѣйшимъ образомъ пополнить именно эту армію. Еще въ періодъ отхода ея, къ ней была подвезена, изъ состава 7-й арміи, одна второочередная дивизія (64-я), а затѣмъ — направлены, въ срочномъ порядкѣ, пополненія, притомъ не только въ видѣ маршевыхъ ротъ изъ запасныхъ частей, но и въ видѣ организованныхъ единицъ. Такъ, цѣликомъ были взяты четвертые батальоны съ пулеметными командами и нѣсколько артиллерійскихъ дивизіоновъ изъ состава второочередныхъ дивизій, входившихъ въ составъ 6-й арміи и остававшихся на Балтійскомъ побережьи. Этой мѣрой, хотя и была временно нарушена организація названныхъ дивизій, но зато сразу достигалось поднятіе боевой готовности 1-й арміи, каковая задача, въ данномъ случаѣ, считалась первенствующей. Въ цѣляхъ того же скорѣйшаго укомплектованія этой арміи, было разрѣшено использовать также личный составъ и матеріальную часть одной изъ наиболѣе пострадавшихъ второочередныхъ дивизій.

Что касается 2-й арміи, то къ ней также были направлены пополненія, немедленно послѣ отступленія ея изъ Восточной Пруссіи. Остатки же XIII-го и XV-го корпусовъ были оттянуты въ глубокій тылъ, гдѣ намѣчалось формированіе этихъ корпусовъ заново. Одновременно были приняты мѣры къ ускоренію прибытія на театръ военныхъ дѣйствій изъ Сибири слѣдующаго II-го Сиб. корпуса, пунктомъ высадки котораго была назначена сначала ст. Малкинъ, затѣмъ ст. Черемха.

Приступлено было также къ возстановленію нормальной организаціи второочередныхъ дивизій 6-й арміи.

Выполненіе всѣхъ этихъ мѣропріятій требовало, конечно, извѣстнаго времени.

17-го сентября въ главнокомандованіе войсками С.-З. фронта вступилъ генералъ Рузскій. Новый Главнокомандующій предполагалъ оставить 1-ю армію генерала Ренненкампфа на лѣвомъ берегу р. Нѣмана, но, ознакомившись съ ея состояніемъ, измѣнилъ свое намѣреніе и, отдавъ приказаніе о дальнѣйшемъ отходѣ этой арміи за рѣку, возложилъ на нее задачу по прикрытію средняго теченія р. Нѣмана между Ковной и Гродной (отъ Пренъ до Мереча) и по наблюденію за дорогами, ведущими по правому берегу этой рѣки, въ обходъ Ковны.

Въ соотвѣтствіи съ этой задачей, 10-й арміи, головные корпуса которой отошли за Бобръ и Наревъ, указано было овладѣть сѣверными и западными выходами изъ Августовскихъ лѣсовъ, занимая которые, эта армія могла съ одной стороны прикрывать Гродна-Бѣлостокскій раіонъ, а съ другой — угрожать подступамъ нѣмцевъ къ среднему Нѣману.

Что касается 2-й арміи, состоявшей, какъ мы уже видѣли, изъ корпусовъ, понесшихъ крупныя потери, то, ввиду имѣвшихся свѣдѣній о сосредоточеніи значительныхъ германскихъ силъ въ раіонѣ къ югу отъ Млавы, ей указывалось, въ случаѣ необходимости, отходить на переправы верхняго Нарева, съ общимъ направленіемъ на Бѣлостокъ-Бѣльскъ. Такъ какъ изложенныя выше данныя о группировкѣ противника на Млавскомъ направленіи впослѣдствіи не оправдались, то отходъ корпусовъ 2-й арміи къ верхнему Нареву фактически не состоялся.

Между тѣмъ противникъ, вынудившій къ отступленію наши арміи С.-З. фронта за р.р. Нѣманъ, Бобръ и Наревъ, продолжалъ проявлять свою активность.

26-го сентября нѣмцы приблизились къ Осовцу и открыли тяжелой артиллеріей жестокій огонь по этой слабой, насквозь простреливавшейся крѣпостцѣ. Огонь по укрѣпленіямъ ея велся въ теченіе 4-хъ дней. Противникъ пытался даже атаковать вынесенную впередъ, на правый берегъ Бобра, такъ называемую Сосниискую позицію, но былъ отбитъ. Бетонныя сооруженія Осовца хорошо сопротивлялись непріятельскимъ снарядамъ, но бомбардировкой были произведены пожары и перебиты всѣ телефонные проводы; названная же выше передовая позиція у Сосни — сравнена съ землею. Чрезвычайно интересенъ былъ доставленный потомъ въ Ставку чертежъ укрѣпленій Осовецкой крѣпости въ планѣ, съ нанесенными на немъ попаданіями, свидѣтельствовавшими объ искусствѣ германской артиллеріи и интенсивности ея огня.

Одновременно съ подходомъ германцевъ къ Осовцу, обнаружилось наступленіе нѣмцевъ отъ Копціово къ Сопоцкину и Друскеникамъ. У послѣдняго, противникъ въ теченіе двухъ дней, 26-го и 27-го сентября, настойчиво пытался спуститься къ Нѣману, но былъ отбитъ и вынужденъ къ отступленію.

Въ слѣдующіе дни, 10-я армія приступила къ исполненію поставленной ей задачи по вытѣсненію противника изъ Августовскихъ лѣсовъ. Эти дѣйствія,

которыя могутъ быть объединены подъ именемъ Августовской операціи, привели къ ряду довольно упорныхъ боевъ, особенно въ раіонѣ Августова и Сувалокъ, завершившихся въ первыхъ числахъ октября отходомъ непріятеля къ границѣ.

Своимъ искуснымъ маневрированіемъ германцы долгое время заставляли наши войска преувеличивать дѣйствовавшія противъ нихъ на самомъ дѣлѣ силы. Однако, постепенно передъ фронтомъ нашихъ армій С.-З. фронта стало выясняться ослабленіе непріятеля, который убывалъ въ неопредѣлившемся еще для насъ направленіи. Главнокомандующій арміями С.-З. фронта рѣшилъ воспользоваться этимъ ослабленіемъ, чтобы очистить нашу территорію отъ врага и вновь отбросить его къ Мазурскимъ озерамъ. Въ соотвѣтствіи съ этой задачей, 1-й арміи было приказано переправиться на лѣвый берегъ р. Нѣмана и наступать сѣвернѣе 10-й арміи на фронтъ Сталупененъ-Сувалки.

Наступленіе это не встрѣтило серьезнаго противодѣйствія, за исключеніемъ Владиславова, гдѣ произошелъ довольно упорный бой. Это наступленіе имѣло ту хорошую сторону, что должно было оздоравливающимъ образомъ подѣйствовать на психику войскъ 1-й арміи, незадолго передъ тѣмъ перенесшихъ тяжелое отступленіе.

Совмѣстное наступленіе 1-й и 10-й армій привлекло на себя вниманіе Главной Германской Квартиры, крайне чутко относившейся къ возможности новаго вторженія нашего въ Восточную Пруссію. Въ результатѣ создавшагося безпокойства, на Восточно-Прусскій фронтъ, въ началѣ октября, былъ направленъ одинъ изъ германскихъ корпусовъ (XXV Р.) изъ числа тѣхъ, кои формировались внутри страны и предназначались для отправленія на французскій фронтъ.

Со взятіемъ 3-го октября войсками 10-й арміи Сувалокъ и послѣдовавшимъ затѣмъ очищеніемъ германцами нашей территоріи, 1-я и 10-я арміи продолжали свое наступленіе болѣе рѣшительно. Тѣсня и отбрасывая передъ собою противника, наши войска въ половинѣ октября вновь стали на германской землѣ и здѣсь приступили къ закрѣпленію своего положенія.

Въ этотъ же періодъ времени, какъ объ этомъ будетъ подробнѣе изложено въ слѣдующей главѣ, началась постепенная переброска войскъ Ю.-З. фронта къ Варшавѣ и къ р. Вислѣ, гдѣ назрѣвала новая операція. На Восточно-Прусскомъ участкѣ нашего фронта, въ концѣ концовъ, осталась лишь одна 10-я армія, въ составѣ шести корпусовъ (III, XX, XXII, XXVI, II Кавк. и III Сиб.). Въ командованіе этой арміей вступилъ генералъ Сиверсъ.

Главнокомандующій С.-З. фронтомъ, лично знавшій генерала Сиверса, передъ тѣмъ командовавшаго X-мъ корпусомъ въ составѣ 3-й арміи, характеризовалъ его какъ генерала «направленія методическаго»; это качество генералъ Рузскій признавалъ отвѣчающимъ тѣмъ задачамъ, кои оставались на 10-й арміи. Генералъ Сиверсъ, кромѣ того, довольно долго занималъ должность начальника штаба Виленскаго военнаго округа и, такимъ образомъ, тотъ раіонъ, въ которомъ ему предстояло дѣйствовать, долженъ былъ быть для него хорошо знакомымъ.

Шагъ за шагомъ, именно методически, 10-я армія принудила нѣмцевъ къ серединѣ ноября отступить на укрѣпленную ими Ангерапскую позицію и южнѣе — на линію Мазурскихъ озеръ. Возможность достиженія тѣми же способами дальнѣйшихъ успѣховъ являлась, однако, вполнѣ сомнительной.

ГЛАВА IX.

Вопросъ о переносѣ нашихъ военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ р. Вислы. — Германо-австрійское наступленіе и наша Варшавская операція.

Марнская побѣда, какъ мы уже видѣли, создала на западномъ фронтѣ переломъ въ пользу нашихъ союзниковъ. Наступательное движеніе нѣмцевъ захлебнулось; затѣмъ арміи ихъ стали медленно откатываться назадъ. — Понесенное нѣмцами пораженіе не привело, однако, къ очищенію французской территоріи; ихъ арміи отходили въ относительномъ порядкѣ и сохраняли свою боеспособность. Врагъ весьма скоро оказался закрѣпившимся на позиціяхъ по рѣкѣ Энъ, каковыя позиціи въ самый короткій срокъ пріобрѣли сильно укрѣпленный характеръ. Такимъ образомъ, на фронтѣ нашихъ союзниковъ предстояла упорная и, какъ надо было предполагать, длительная позиціонная борьба. Какъ сообщалъ нашъ Посолъ въ Парижѣ А. П. Извольскій, уже вскорѣ послѣ Марнскаго сраженія Главнокомандующій французской арміей генералъ Жоффръ доносилъ своему правительству, что успѣхи ввѣренной ему арміи «отнынѣ будутъ измѣряться не десятками и даже не отдѣльными километрами, а всего только метрами». Но и эти скромные успѣхи оказались лишь временными. Военныя дѣйствія постепенно стали затихать, и на фронтѣ французской арміи устанавливалось какъ бы нѣкоторое равновѣсіе.

Одновременно стало выясняться что нѣмцы быстро разливаются къ сѣверу, грозя вновь охватить французовъ съ ихъ лѣваго фланга и проявляя стремленіе докатиться до естественнаго предѣла западнаго сухопутнаго фронта — морского побережья. И если до Марны нашествіе врага угрожало Парижу, то теперь возникала опасность для ближайшихъ морскихъ базъ англичанъ на материкѣ — Калэ и Булони. Съ переходомъ этихъ пунктовъ въ руки нѣмцевъ, англичанамъ пришлось бы относить свое базированіе болѣе вглубь Ламанша; для нѣмцевъ же расширялось поле дѣйствій ихъ подводныхъ лодокъ и открывалась возможность непосредственной угрозы англійскимъ берегамъ.

Счастливый случай далъ, однако, нашимъ союзникамъ возможность расшифровывать военныя радіограммы нѣмцевъ и такимъ образомъ ихъ командованіе оказывалось въ курсѣ всѣхъ намѣчавшихся передвиженій противника. При этомъ условіи и наличіи на французской территоріи мощной желѣзнодорожной сѣти, генералу Жоффру не трудно было противодѣйствовать нѣмецкому маневру своевременною переброскою къ сѣверу своихъ собственныхъ войскъ. Въ результатѣ такого положенія дѣлъ, нашимъ союзникамъ, къ серединѣ октября,

удалось, послѣ ряда упорныхъ боевъ, протянуть вплоть до Ньюпорта сплошную стѣну изъ войскъ и тѣмъ окончательно преградить возможность движенія нѣмцевъ не только къ Парижу, но и къ Калэ.

Но такой способъ дѣйствій не могъ создать выхода изъ создавшейся обстановки, несомнѣнно грозившей затянуться надолго.

Французская армія понесла значительныя потери. Успѣхъ надъ такимъ первоклассным противникомъ, какимъ являлись нѣмцы, не дается, конечно, даромъ. Особенно велика была убыль въ офицерахъ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ возобновлять активныя дѣйствія, необходимо было пополнить понесенныя потери въ личномъ составѣ, что требовало извѣстнаго времени.

Прекрасная французская полевая пушка (прославленное 75 м/м орудіе) доказала свое несомнѣнное превосходство надъ легкой артиллеріей противника. Но современные бои, и особенно наступательные, трбуютъ, кромѣ легкой артиллеріи, наличія на поле сраженія болѣе мощныхъ образцовъ, способныхъ прокладывать дорогу своей пѣхотѣ черезъ укрѣпленныя позиція противника. Такого рода артиллеріей французская армія далеко не могла считать себя обезпеченной; пополненіе же этого недочета въ вооруженіи требовало также довольно продолжительнаго времени. Наконецъ, уже послѣ боевъ на Марнѣ французская армія стала ощущать недостатокъ въ артиллерійскихъ снарядахъ, расходъ коихъ въ минувшихъ бояхъ превзошелъ самыя смѣлыя воображенія. Пришлось ставить на ноги всю промышленность, чтобы обезпечить дальнѣйшія потребности въ этомъ отношеніи; но и самыя напряженныя усилія могли дать необходимый результатъ также лишь по истеченіи все того же времени.

Такимъ образомъ, рядъ обстоятельствъ дѣлалъ почти неизбѣжнымъ болѣе или менѣе продолжительный перерывъ въ активныхъ дѣйствіяхъ французской арміи, а вмѣстѣ съ нею и ея союзниковъ — англичанъ и бельгійцевъ. Очевидно, что нѣмцы, пользуясь этимъ перерывомъ, могли сдѣлать новую попытку къ переходу въ наступленіе и къ захвату инициативы въ свои руки, тѣмъ болѣе, что, какъ это было извѣстно, внутри Германіи производились новыя формированія. Подобный поворотъ дѣлъ на фронтѣ нашихъ союзниковъ, по свидѣтельству компетентныхъ наблюдателей, могъ вызвать уныніе во французскомъ народѣ и недовольство въ общественныхъ кругахъ, все еще расчитывавшихъ на скорое и, конечно, побѣдоносное завершеніе войны.

Въ стремленіи найти выходъ изъ очерченнаго выше нелегкаго положенія, наши союзники невольно обращались мыслью въ нашу сторону. Уже въ серединѣ сентября, когда наши побѣдоносно наступавшія арміи подошли на Галичскомъ фронтѣ къ р. Сану, французское правительство обратилось къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазонову съ выраженіемъ надежды на перенесеніе въ ближайшее время нашихъ дѣйствій на лѣвый берегъ р. Вислы, съ цѣлью скорѣйшаго наступленія вглубь Германіи. Это было несомнѣнною попыткою вмѣшательства французскаго правительства въ дѣло нашей стратегіи, почему С. Д. Сазоновъ, со свойственнымъ ему тактомъ и всегдашнимъ достоинствомъ, отвѣтилъ, что ожидаемое отъ насъ наступленіе несомнѣнно обозначится, какъ

только будетъ покончено съ австрійской арміей въ Галичинѣ, но что онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не считаетъ для себя возможнымъ оказывать какое-либо вліяніе на рѣшенія Верховнаго Главнокомандующаго, который, въ интересахъ дѣла, долженъ пользоваться полною свободою дѣйствій. Въ своемъ отвѣтѣ С. Д. Сазоновъ добавилъ, что, по его мнѣнію, только Главнокомандующимъ обѣими союзными арміями должна принадлежать возможность обмѣниваться взглядами по вопросамъ о военныхъ дѣйствіяхъ и взаимномъ ихъ согласованіи. И, дѣйствительно, при отсутствіи органа общаго командованія, лишь установленіемъ, путемъ непосредственныхъ сношеній, взаимнаго довѣрія между руководителями обѣихъ названныхъ армій, можно было расчитывать достигнуть гарантій наилучшаго направленій общихъ усилій. Тѣмъ не менѣе, нашъ Посолъ въ Парижѣ доносилъ, что онъ не считаетъ себя вправѣ скрывать о возникновеніи во французскихъ кругахъ критическаго отношенія къ нашимъ дѣйствіямъ, и намекалъ на возможность выявленія недовольства, которое, по его мнѣнію, намъ надлежало разсѣять, давъ французамъ увѣренность, «что мы значительно увеличиваемъ наши силы противъ Германіи».

Переносъ военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ р. Вислы, какъ мы уже видѣли, входилъ въ расчеты Ставки съ перваго дня войны. Наша операція вглубь Германіи всегда рисовалась Ставкѣ въ видѣ широкаго наступленія массы войскъ между р. Вислой, ниже Варшавы, и Судетскимъ хребтомъ, черезъ провинціи Познань и Силезію. Операціонное направленіе это кратчайшимъ образомъ вело къ самому сердцу Германіи. На его пути лежали принадлежавшія въ то время Германіи польскія провинціи, гдѣ мы расчитывали поднять волну освободительнаго движенія. Захватывался попутно богатый промышленный раіонъ Верхней Силезіи, существенно важный для Германіи, съ точки зрѣнія изготовленія военныхъ матеріаловъ. Правда, при наступленіи главной массы войскъ по лѣвому берегу р. Вислы, наши арміи встрѣчали на своемъ пути двѣ германскія крѣпости — Познань и Бреславль и оставляли у себя на флангѣ австрійскую крѣпость Краковъ. Но чѣмъ шире и энергичнѣе было бы наше вторженіе въ Германію, тѣмъ легче было бы овладѣніе нами этими крѣпостями. Какъ говорилъ еще «старый» Мольтке, правда, по другому поводу: «крѣпостями легче овладѣть побѣдою надъ арміей, чѣмъ непосредственою ихъ осадою». Правильность этой точки зрѣнія намъ пришлось провѣрить опытомъ, къ сожалѣнію, надъ нашими собственными крѣпостями въ 1915-мъ году.

Надо, однако, имѣть въ виду, что наступленіе по лѣвому берегу р. Вислы первоначально намѣчалось Ставкой въ предположеніи благополучнаго разрѣшенія наступательныхъ операцій на флангахъ нашего стратегическаго фронта въ Восточной Пруссіи и Галичинѣ. Теперь же обстановка для наступленія значительно осложнялась тѣмъ обстоятельствомъ, что не только Восточная Пруссія осталась за нѣмцами, но и наши арміи С.-З. фронта потеряли, хотя и временно, свою боеспособность. Равнымъ образомъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ, — хотя австро-венгерскія арміи и понесли серьезное пораженіе, но успѣли выйти изъ намѣчавшагося окруженія и стать на путяхъ къ Кракову, откуда, пользуясь

желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ, могли быть перемѣщены въ любомъ направленіи. При такой обстановкѣ на флангахъ, наше наступленіе въ центральной части стратегическаго фронта представляло значительную долю риска, каковой рискъ могъ быть покрытъ лишь одержаніемъ рѣшительнаго успѣха въ бою надъ противникомъ.

Пораженіе живой силы непріятеля способно, какъ извѣстно, покрыть всѣ недочеты стратегическаго положенія и совершенно очевидно, что, съ разгромомъ германской арміи на лѣвомъ берегу р. Вислы, вопросъ о Восточной Пруссіи, накрѣпко сплетенный съ упроченіемъ нашего праваго фланга, отпалъ бы самъ собою. Но нельзя забывать и того, что, при нормальномъ развитіи всякой военной операціи, бой является послѣднимъ актомъ; результаты его подвержены вліянію всякихъ случайностей, и что задача стратегіи въ томъ и заключается, чтобы подготовить для боя наиболѣе благопріятную обстановку.

Однимъ изъ условій для созданія такой обстановки, при развитіи нами наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу Вислы, являлось, конечно, полученіе серьезныхъ гарантій отъ нашихъ союзниковъ, что ими будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы сковать германцевъ и этимъ отнять у нихъ возможность новой переброски ихъ войскъ противъ насъ. Исходя изъ этого, Верховный Главнокомандующій, сообщая о своихъ наступательныхъ предположеніяхъ французскому Верховному Командованію, призналъ необходимымъ поставить передъ послѣднимъ для выясненія два вопроса: вопервыхъ — каковы предположенія генерала Жоффра на случай, если бы Германцы рѣшили оставить противъ французовъ минимальныя силы, а остальныя бросить на нашъ восточный фронтъ, и во-вторыхъ — ставитъ ли генералъ Жоффръ конечной цѣлью своихъ дѣйствій, въ соотвѣтствіи съ задачей, поставленной ему его правительствомъ, очищеніе отъ непріятеля лишь территоріи Франціи и освобожденіе Эльзаса и Лотарингіи, или продвиженіе до Рейна, или, наконецъ, вторженіе вглубь Германіи. Бесѣдуя по тѣмъ же вопросамъ съ французскимъ посломъ въ Петроградѣ г. Палеологомъ, С. Д. Сазоновъ сообщилъ ему для оріентаціи, что Россія имѣетъ въ виду добиваться установленія въ Европѣ такого порядка, который бы на долгіе годы обезпечивалъ общій миръ. На эти коренные вопросы и сдѣланное С. Д. Сазоновымъ заявленіе былъ полученъ, въ двадцатыхъ числахъ сентября, отвѣтъ, что начинающіеся на лѣвомъ флангѣ французскаго фронта бои, о которыхъ уже упомянуто выше, отнимаютъ у нѣмцевъ возможность переброски значительныхъ силъ на восточный фронтъ, и что если данныя боевыя столкновенія закончатся въ пользу французовъ, то послѣдующее наступленіе ихъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ остановлено, ни на линіи Рейна, ни на какой другой линіи. — Конечная цѣль войны, поставленная Россіей, какъ значилось въ отвѣтѣ, въ полномъ объемѣ совпадаетъ съ таковою же цѣлью Франціи.

Въ предвидѣніи широкаго развитія военныхъ дѣйствій на территоріи Польши, Великій Князь Николай Николаевичъ, въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго русскими вооруженными силами, призналъ соотвѣтственнымъ, съ соиз-

воленія Государя Императора, еще въ самомъ началѣ войны, а именно 14-го августа, обратиться съ особымъ воззваніемъ къ польскому народу. Проектъ воззванія былъ выработанъ при ближайшемъ участіи С. Д. Сазонова и члена Государственнаго Совѣта графа Велепольскаго. Въ этомъ воззваніи говорилось:

«Поляки. Пробилъ часъ, когда мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться.

Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жива надеждой, что наступитъ часъ воскресенія польскаго народа, братскаго примиренія ея съ Великой Россіей»...

И далѣе:

«Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части польскій народъ. Да возсоединится онъ во-едино подъ скипетромъ Русскаго Царя.

Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи...»

Приходится отмѣтить неудачу этого воззванія. Оно не вызвало энтузіазма въ населеніи Польши. Руководящіе польскіе круги признали его содержаніе составленнымъ въ слишкомъ общихъ и мало-опредѣленныхъ выраженіяхъ. Съ другой стороны, не безъ основанія, выражалось сомнѣніе и въ томъ, насколько искренно и единодушно привѣтствовано было это воззваніе нашимъ правительствомъ, стоявшимъ тогда у власти, какъ равно и нѣкоторыми русскими общественными кругами, преимущественно праваго направленія. Агентство Гаваса, передавая содержаніе этого воззванія за границу, перевело терминъ: «самоуправленіе», употребленное Верховнымъ Главнокомандующимъ, выраженіемъ: **Autonomie**. Это слово возбудило въ Парижѣ къ себѣ среди поляковъ нѣкоторый интересъ и даже послужило основаніемъ А. П. Извольскому для соотвѣтственнаго запроса въ Петербургъ. Однако, на этотъ вопросъ послѣдовалъ очень уклончивый отвѣтъ, въ которомъ наше правительство указывало, что пока еще преждевременно облекать «общія обѣщанія» воззванія въ болѣе конкретныя формы. Полякамъ рекомендовалось «довѣріе и терпѣливая готовность» отложить всѣ вопросы, вызванные воззваніемъ, до окончанія войны. Дано было даже понять, что заявленія Верховнаго Главнокомандующаго слѣдуетъ понимать, какъ сдѣланныя на случай завоеванія Познани. Такимъ образомъ, создавалось впечатлѣніе, что этому воззванію предстоитъ испытать судьбу «потерянной грамоты», и что во всякомъ случаѣ въ нашихъ руководящихъ кругахъ существуютъ теченія, явно отрицательныя къ польской автономіи. Повидимому, такія теченія дѣйствительно существовали; въ основѣ ихъ, насколько мнѣ извѣстно, лежало опасеніе, что автономія, дарованная Польшѣ, можетъ служить заразительнымъ примѣромъ для другихъ народностей Россіи и вызвать впослѣдствіи необходимость проведенія коренныхъ реформъ во внутренней жизни всего государства, каковыя реформы признавались въ нѣкоторыхъ кругахъ не желательными. Приходилось слышать, что лица крайняго праваго направленія, занимавшія въ Правительствѣ выдающееся положеніе, были болѣе склонны даже къ полному отдѣленію Польши отъ Россіи, чѣмъ къ предоставленію ей

политическихъ свободъ, видя въ первомъ рѣшеніи меньшее зло и опасность для сохраненія внутренняго уклада русской жизни; ихъ интересовалъ, якобы, лишь вопросъ объ обезпеченіи въ будущей независимой Польшѣ государственной власти, соотвѣтствовавшей ихъ политическимъ взглядамъ.

Такимъ образомъ воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго, съ одной стороны, оказалось какъ бы внѣ общаго настроенія русской правительственной власти и нѣкоторыхъ общественныхъ круговъ, а съ другой — не удовлетворило своими обѣщаніями и польскую массу. Въ этихъ невольно выявившихся противорѣчіяхъ заключалась, быть можетъ, даже его вредная сторона. Наиболѣе активные элементы польскаго народа, преимущественно группировавшіеся въ Австріи и неудовлетворенные воззваніемъ, болѣе рѣшительно отошли отъ Россіи и стали на путь явно ей враждебный. Ряды легіоновъ Пилсудскаго, дравшихся на сторонѣ Австріи, начали охотно пополняться поляками, мечтавшими о возсозданіи своей Родины на началахъ полнаго отдѣленія ея отъ братской Россіи...

По мѣрѣ углубленія нашихъ армій Ю.-З. фронта въ Галичину, фронтъ ихъ все болѣе суживался — съ сѣвера направленіемъ теченія р. Вислы выше Сандомира, съ юга — Карпатскимъ хребтомъ. При такихъ условіяхъ, становилась естественной необходимость оттяжки излишняго количества нашихъ войскъ, въ цѣляхъ использованія ихъ въ какихъ-либо новыхъ направленіяхъ. Мы уже видѣли, что, послѣ отступленія австрійцевъ въ направленіи на Краковъ, изъ пяти армій фронта лишь одна (9-я) была выдвинута къ р. Вислокѣ; остальныя четыре временно были оставлены на р. Санѣ. Предполагая, что начавшееся обложеніе Перемышля закончится къ послѣднимъ числамъ сентября, начальникъ штаба Ю.-З. фронта генералъ Алексѣевъ, въ письмѣ отъ 20-го сентября, на имя начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, счелъ необходимымъ изложить свои соображенія по вопросу о характерѣ дальнѣйшихъ дѣйствій. По его предположеніямъ, падлежало перебросить на лѣвый берегъ р. Вислы, сначала на р. Ниду и далѣе на фронтъ Петроковъ-Мѣховъ, отъ 12 до 16 корпусовъ, съ которыми наступать черезъ Краковъ на Вѣну, или черезъ Калишъ, въ промежуткѣ между Познанью и Бреславлемъ, на Лиссу и Берлинъ. По расчетамъ генерала Алексѣева, голова перебрасываемыхъ на Ниду корпусовъ Ю.-З. фронта могла быть на этой рѣкѣ между 10-мъ и 15-мъ октября. Въ случаѣ принятія такого плана, С.-З. фронтъ долженъ былъ взять на себя обезпеченіе праваго фланга и тыла наступающей группы войскъ Ю.-З. фронта, передвинувъ первоначально свои главныя силы на фронтъ Новогеоргіевскъ-Ломжа и развивая затѣмъ наступленіе черезъ Плоцкъ на Познань. Планъ этотъ, справедливо оцѣнивая значеніе наступленія по лѣвому берегу р. Вислы, не предвидѣлъ однако того состоянія армій С.-З. фронта, которое исключало въ данное время возможность ихъ маневрированія и которое, наоборотъ, заставило новаго Главнокомандующаго этимъ фронтомъ генерала Рузскаго отдать распоряженіе объ оттяжкѣ упомянутыхъ армій за р.р. Нѣманъ, Бобръ и верхній Наревъ. Учитывая дѣйствительную обстановку на С.-З. фронтѣ, при которой нѣмцы, въ особенности послѣ пораженія арміи генерала Ренненкампфа, могли, безъ особаго для себя риска,

развить свои дальнѣйшія операціи къ нижнему Нареву и тѣмъ воспрепятствовать нашему наступленію на лѣвомъ берегу р. Вислы, а также принимая въ соображеніе поступавшія въ штабъ С.-З. фронта данныя о скопленіи нѣмецкихъ силъ въ раіонѣ Прасныша, — Ставка, въ лицѣ Генералъ-Квартирмейстера, предлагала прежде всего, для обезпеченія праваго фланга будущихъ наступательныхъ операцій Ю.-З. фронта, перебросить на нижній Наревъ 5-ю армію, въ составѣ четырехъ корпусовъ и трехъ кав. дивизій, со включеніемъ этой арміи въ составъ С.-З. фронта. Эта армія, по существу, и могла выполнять ту роль, которую генералъ Алексѣевъ въ своемъ проектѣ предлагалъ возложить на арміи С.-З. фронта. Но такъ какъ выдѣленіе 5-й арміи должно было ослабить силы Ю.-З. фронта, то такое ослабленіе имѣлось въ виду въ теченіе ближайшаго времени компенсировать направленіемъ въ составъ этого фронта двухъ сибирскихъ корпусовъ (II-го и I-го), уже находившихся въ пути, и дополнительною переброскою корпусовъ изъ состава армій С.-З. фронта, по окончаніи ихъ укомплектованія. Къ переброскѣ на нижній Наревъ Ставкою намѣчалась именно 5-я армія потому, что она, подъ руководствомъ своего командующаго — Генерала Плеве, счастливо дополнявшагося начальникомъ штаба арміи генераломъ Миллеромъ, уже доказала свои маневренныя достоинства. Занимая же расположеніе на нижнемъ Наревѣ, ей въ будущемъ могли предстоять къ разрѣшенію очень отвѣтственныя и сложныя задачи на томъ или другомъ берегу Вислы, смотря по обстановкѣ.

Въ равной мѣрѣ генералъ-квартирмейстеръ Ставки полагалъ болѣе осторожнымъ выдвиженіе армій Ю.-З. фрота на лѣвый берегъ р. Вислы черезъ Ивангородъ, гдѣ имѣлись постоянныя переправы, прикрытыя укрѣпленіями; переходъ же этихъ армій по временнымъ мостамъ на участкѣ р. Вислы выше Сандомира, въ сферѣ возможнаго вліянія противника и при колеблющемся въ осеннее время уровнѣ воды въ рѣкѣ, весьма характерномъ для всей Вислинской рѣчной системы, не могъ не признаваться операціей мало надежной и во всякомъ случаѣ не лишенной риска.

Къ сожалѣнію, по окончаніи германскаго наступленія противъ 1-й арміи генерала Ренненкампфа, повлекшаго за собою отходъ не только этой арміи за Нѣманъ, но и сосѣднихъ 10-й и 2-й армій за Бобръ и Наревъ, развѣдка на С.-З. фронтѣ долго не могла выяснить истинной группировки непріятельскихъ силъ. Мы уже видѣли, что Главнокомандующій С.-З. фронтомъ считалъ вѣроятнымъ ихъ сосредоточеніе на Млавскомъ направленіи, почему и сдѣлалъ распоряженіе объ оттяжкѣ, въ случаѣ подтвержденія этого предположенія, слабыхъ и разстроенныхъ предшествовавшими боями силъ 2-й арміи за верхній Наревъ.

Между тѣмъ, уже начиная съ половины сентября до штаба Ю.-З. фронта стали доходить слухи о намѣчающейся, якобы, перевозкѣ германскихъ войскъ на австрійскій фронтъ. Штабъ Ю.-З. фронта, по условіямъ мѣстной обстановки, считалъ мало вѣроятнымъ появленіе нѣмцевъ на направленіяхъ къ Ярославу и Перемышлю, но высказывался за возможность совмѣстныхъ германо-австрійскихъ дѣйствій вдоль обоихъ береговъ р. Вислы, въ направленіи къ устью р. Сана.

Предвидя возможность наступленія противника по лѣвому берегу р. Вислы, Главнокомандованіе Ю.-З. фронта, еще въ періодъ наступленія своихъ армій къ Сану, дѣлало попытки къ переброскѣ части силъ своей правофланговой 9-й арміи на лѣвый берегъ р. Вислы; но эти попытки въ то время, по условіямъ боевой обстановки, не удавались.

Вышеупомянутые слухи о переброскѣ германскихъ войскъ на австрійскій фронтъ учитывались и Ставкой, какъ вполнѣ возможные, ввиду пораженія, понесеннаго австрійскими арміями и казавшагося неизбѣжнымъ обращенія главнокомандованія таковыми арміями къ своему могущественному союзнику за необходимою помощью. Оставалось, однако, разгадать, какую ближайшую оперативную цѣль можетъ преслѣдовать прибытіе германскихъ войскъ на австрійскій фронтъ и прежде всего выяснить наблюденіемъ — послѣдуетъ ли это новое сосредоточеніе германскихъ войскъ противъ насъ, — если только ему суждено осуществиться, — за счетъ западнаго фронта, или за счетъ новыхъ формированій, подготавливавшихся внутри страны, или же наконецъ къ переброскѣ на австрійскій фронтъ будутъ предназначены только войска, дѣйствовавшія ранѣе въ Восточной Пруссіи.

22-го сентября въ г. Холмѣ состоялось совѣщаніе Верховнаго Главнокомандующаго съ Главнокомандующими арміями обоихъ фронтовъ, на которомъ долженъ былъ подвергнуться обсужденію вопросъ объ общемъ положеніи и предстоящихъ задачахъ. Однако, вопросъ, подлежавшій обсужденію, былъ на самомъ совѣщаніи значительно суженъ и разсмотрѣнъ въ далеко неполномъ объемѣ. Вслѣдствіе нарастанія свѣдѣній о совершающейся перегруппировкѣ германскихъ войскъ, характеръ коей не могъ быть еще окончательно установленъ, и принимая во вниманіе временную потерю боеспособности армій С.-З. фронта, совѣщаніемъ было признано цѣлесообразнымъ принятіе мѣръ для самостоятельнаго обезпеченія праваго фланга армій Ю.-З. фронта, на случай угрозы таковому. Эти мѣры должны были заключаться въ переброскѣ изъ Галичины въ раіонъ Ивангорода 4-й арміи генерала Эверта, въ составѣ трехъ корпусовъ и одной конной дивизіи, и въ перемѣнѣ базированія всѣхъ армій Ю.-З. фронта исключительно на Кіевскій военный округъ. — Передвиженіе 4-й арміи въ новый раіонъ намѣчалось закончить къ первымъ числамъ наступавшаго октября.

Прочное закрѣпленіе нашихъ армій Ю.-З. фронта на р. Санѣ совпало по времени съ неожиданнымъ большимъ подъемомъ воды на этой рѣкѣ и на р. Вислѣ. Временные мосты были частью сорваны, частью серьезно повреждены и потому передвиженія корпусовъ, вызывавшіяся ихъ задачами, должны были быть пріостановлены на нѣсколько дней, въ ожиданіи спада водъ. Случай этотъ на опытѣ доказывалъ, насколько небезопасной являлась проектировавшаяся штабомъ Ю.-З. фронта переброска въ осеннее время года большей части войскъ этого фрота на лѣвый берегъ р. Вислы по мостамъ временнаго характера.

Разрывъ сообщеній осложнялъ положеніе нашихъ армій на р. Санѣ въ томъ смыслѣ, что подъемъ воды могъ повториться въ любое время и въ буду-

щемъ. — Эта зависимость отъ трудно предвидимаго явленія природы выростала въ особо неблагопріятное условіе въ связи со свѣдѣніями о готовившемся переходѣ не только германскихъ, но и австрійскихъ войскъ въ наступленіе по обоимъ берегамъ р. Вислы и съ выяснившейся невозможностью расчитывать въ ближайшее время на содѣйствіе армій С.-З. фронта. Однако, предрѣшенная переброска 4-й арміи на Вислу въ раіонъ Ивангорода, вмѣстѣ съ переносомъ базированія всѣхъ армій Ю.-З. фронта на Кіевскій военный округъ, равно какъ слабая наступательная способность австро-венгерскихъ войскъ, едва ли успѣвшихъ основательно оправиться отъ недавно нанесенныхъ имъ ударовъ, являлись данными, которыя устраняли поводъ къ особому безпокойству о судьбѣ армій названнаго фронта; къ тому же эти арміи числили въ своемъ составѣ свыше 50-ти пѣх. дивизій. — Тѣмъ неожиданнѣе явилось для Ставки рѣшеніе генерала Иванова, созрѣвшее у него къ 25-му сентября, о необходимости, съ началомъ наступленія нашихъ противниковъ, начать отходъ всѣми арміями Ю.-З. фронта на линію Ивангородъ-Яворовъ, съ отдѣльнымъ отрядомъ у Львова. Рѣшеніе это Главнокомандующій фронтомъ мотивировалъ соображеніемъ о цѣлесообразности встрѣчи наступающаго непріятеля энергичнымъ контръ-ударомъ съ новаго фронта, при выходѣ войскъ послѣдняго изъ полосы лѣсовъ, прилегающихъ къ правому берегу р. Сана.

Изложенный планъ Главнокомандующаго арміями Ю.-З. фронта, не вызывавшійся по существу дѣйствительною обстановкою, встрѣтилъ со стороны Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича самое отрицательное къ себѣ отношеніе. Организованное наблюденіе за пассажирскимъ движеніемъ внутри Германіи не давало пока поводовъ къ предположенію о наличіи какихъ-либо массовыхъ воинскихъ перевозокъ, которыя бы свидѣтельствовали о возможности появленія на нашемъ фронтѣ новыхъ нѣмецкихъ силъ; съ другой стороны, штабъ С.-З. фронта продолжалъ колебаться въ признаніи факта замѣтнаго ослабленія непріятельскихъ войскъ на Восточно-Прусскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ накопленіе непріятельскихъ войскъ, постепенно обнаружившееся въ раіонѣ Каттовицъ-Крейцбургъ, не могло явиться для армій Ю.-З. фронта факторомъ столь угрожающаго значенія, которымъ бы оправдывалось рѣшеніе, намѣчавшееся генераломъ Ивановымъ. Поэтому, въ отмѣну таковаго рѣшенія, Главнокомандующему Ю.-З. фронта было указано перемѣстить, съ возможной энергіей и быстротой, на участокъ Вислы между Ивангородомъ и устьемъ Сана не одну, а не менѣе двухъ армій и считать для себя обязательнымъ удержаніе важнѣйшаго участка Галичины Ярославъ-Перемышль-Львовъ, каковое требованіе естественно сводилось къ прочному удержанію остальными арміями Ю.-З. фронта, остававшимися въ Галичинѣ, линіи р. Сана.

30-го сентября на убитомъ въ раіонѣ дѣйствій армій С.-З. фронта нѣмецкомъ офицерѣ была найдена записная книжка, свидѣтельствовавшая о томъ, что въ раіонѣ Сувалкской губерніи изъ прежнихъ шести корпусовъ, принимавшихъ участіе въ наступленіи противъ генерала Ренненкампфа, осталось только два

корпуса (I и IР.), съ нѣсколькими отдѣльными дивизіями и ландверными бригадами; этимъ выяснялось, документально, что остальные четыре корпуса (XI, Гв. Р., XX и XVII) переброшены въ новый раіонъ, каковымъ, очевидно, и являлась верхняя Силезія.

Впослѣдствіи обнаружилось, что къ корпусамъ I-му и IР-му присоединенъ былъ еще XXVР-й корпусъ; къ переброшеннымъ же въ Силезію четыремъ корпусамъ германскимъ командованіемъ были притянуты съ различныхъ участковъ фронта еще двѣ отдѣльныя пѣх. дивизіи и нѣсколько ландверныхъ и ландштурменныхъ бригадъ; всѣ эти силы развернулись вдоль Силезской границы. Независимо того, съ праваго берега р. Вислы былъ притянутъ германскій ландверный корпусъ генерала Войрша и части 1-й австрійской арміи генерала Данкля. Такимъ образомъ, для намѣчавшагося германскимъ командованіемъ наступленія по лѣвому берегу р. Вислы, было развернуто не менѣе шести германскихъ корпусовъ и, сверхъ того, части 1-й австрійской арміи.

Надо, однако, имѣть въ виду, что дѣйствительныя силы нашихъ противниковъ стали намъ болѣе или менѣе опредѣленно извѣстны лишь къ самому концу назрѣвавшей операціи. Въ различные же періоды таковой эти силы опредѣлялись различно, и притомъ со значительнымъ уклономъ въ сторону ихъ преувеличенія.

Изъ изложеннаго выше видно, что Главнокомандующій Ю.-З. фронтомъ склоненъ былъ оцѣнивать наступленіе нѣмцевъ по лѣвому берегу р. Вислы лишь съ точки зрѣнія угрозы правому флангу и тылу своихъ армій. При этомъ, на основаніи собственной оцѣнки обстановки, генералъ Ивановъ готовъ былъ принять рѣшеніе, которое сводилось къ оставленію значительной части завоеванной территоріи Галичины и было связано съ кореннымъ измѣненіемъ положенія армій Ю.-З. фронта на театрѣ военныхъ дѣйствій.

На этомъ фактѣ, хотя и не имѣвшемъ реальныхъ послѣдствій, такъ какъ рѣшеніе генерала Иванова не было приведено въ исполненіе, вслѣдствіе вмѣшательства Верховнаго Главнокомандующаго, стоитъ все же остановиться.

Въ связи съ описанными уже операціями, фактъ этотъ ясно подчеркиваетъ основной недостатокъ нашей организаціи высшаго управленія вооруженными силами на театрѣ войны. Уже съ давнихъ поръ, почти исторически, сложилось раздѣленіе нашими подготовительными къ войнѣ соображеніями Дѣйствующей Арміи, при войнѣ на западѣ, на два мощныхъ и во многихъ отношніяхъ почти самостоятельныхъ фронта — германскій и австро-венгерскій. Въ такомъ подраздѣленіи неизбѣжно лежалъ зародышъ — съ одной стороны фактическаго ограниченія власти и вліянія на военныя дѣйствія Верховнаго Главнокомандующаго, а съ другой — возможнаго проявленія главнокомандующими арміями фронтовъ столь широкой самодѣятельности, которая могла идти во вредъ единству дѣйствій, и даже цѣлямъ войны. Мы уже видѣли, что, по закону, Главнокомандующіе арміями фронтовъ являлись лицами съ чрезвычайно широкими правами, правда, въ предѣлахъ полученныхъ ими отъ Верховнаго Главнокомандующаго указаній. Но эти послѣднія, ввиду огромнаго протяженія каждаго

фронта и значительнаго числа войскъ, на немъ дѣйствовавшихъ, могли очевидно обнимать лишь крупныя цѣли и широкія заданія. И такимъ образомъ, фактически, организація нашего высшаго военнаго управленія, установивъ, на случай столкновенія на западныхъ границахъ, раздѣленіе войскъ на два фронта, отвѣчала болѣе идеѣ веденія Россіей не одной войны съ монолитнымъ германо-австрійскимъ союзомъ, а какъ бы двухъ, хотя и связанныхъ между собою, но все же раздѣльныхъ войнъ, изъ коихъ — одна противъ Германіи, и другая — противъ Австро-Венгріи. Къ такой организаціи, естественно, должно было быть приспособлено и наше полевое управленіе войсками, предусматривавшее для фронтовъ выдѣленіе самостоятельныхъ тыловыхъ раіоновъ, отдѣльныхъ участковъ желѣзнодорожной сѣти и предоставленіе въ распоряженіе этихъ фронтовъ разнаго рода отдѣльныхъ источниковъ снабженія (отдѣльные склады запасовъ, запасныя части, лѣчебныя заведенія и т. д.) Такимъ образомъ, примѣняясь къ закону, за Верховнымъ Главнокомандующимъ оставались лишь, хотя и очень отвѣтственныя, но все же ограниченныя функціи, въ общемъ сводившіяся къ указанію фронтамъ болѣе или менѣе общихъ заданій и регулировкѣ ихъ отношеній; къ распредѣленію, въ соотвѣтствіи съ заданіями, вооруженныхъ силъ, путемъ ли дополнительнаго назначенія на тотъ или другой фронтъ войскъ, постепенно прибывавшихъ изъ глубины Имперіи, или переброски войскъ, уже находившихся на театрѣ военныхъ дѣйствій, съ одного фронта на другой, и, наконецъ, къ распредѣленію пополненій и средствъ снабженія, направлявшихся на театръ военныхъ дѣйствій изъ внутреннихъ раіоновъ Имперіи.

Попытки заблаговременно, еще въ мирное время, измѣнить установленный подготовительными къ войнѣ соображеніями порядокъ раздѣленія дѣйствующей арміи на два фронта — германскій и австрійскій — неизмѣнно обрекались на неудачу, такъ какъ принятый порядокъ вошелъ слишкомъ прочно въ пониманіе главными руководителями Военнаго вѣдомства характера будущихъ военныхъ дѣйствій. Еще менѣе, думается мнѣ, было возможно внести коренное измѣненіе въ организацію верховъ арміи въ періодъ самой войны, такъ какъ для этого надо было, не считаясь съ личными самолюбіями, упразднить рядъ высокихъ и отвѣтственныхъ должностей и сосредоточить въ рукахъ Верховнаго Главнокомандованія не только управленіе военными дѣйствіями на фронтѣ, но и всю службу тыла. Эта коренная ломка, сама по себѣ трудная въ періодъ военныхъ дѣйствій и дѣлавшая фигуру Верховнаго Главнокомандующаго еще центральнѣе, несомнѣнно вызвала бы, при существовавшихъ условіяхъ, едва ли одолимую оппозицію. Верховный Главнокомандующій могъ, конечно, сравнительно безпрепятственно образовать вмѣсто двухъ три фронта, но такое рѣшеніе, будучи только палліативнымъ, внесло бы немного улучшеній въ сущность дѣла; осуществленіе же его требовало сформированія новаго штаба фронта и ряда многихъ дополнительныхъ управленій, что представляло извѣстныя невыгоды и трудности. Тѣмъ не менѣе Ставка, какъ увидимъ дальше, не разъ обращалась къ этой мысли, хотя и смогла осуществить ее лишь къ осени 1915-го года.

Конечно, съ упраздненіемъ фронтовъ, на Верховное Главнокомандованіе не могла лечь непосильная задача по непосредственному управленію десятью и болѣе арміями, и надобность въ частичномъ введеніи какой-либо посредствующей инстанціи явилась бы сама собою. Но, во-первыхъ, при условіяхъ современной войны, приписываемая еще Наполеону норма о предѣлахъ человѣческой способности въ дѣлѣ управленія войсками, ограничиваемая пятью отдѣльными единицами, подлежала бы, вѣроятно, нѣкоторому пересмотру, а во-вторыхъ — совсѣмъ другое дѣло, если бы промежуточная инстанція между арміями и Верховнымъ Главнокомандованіемъ имѣла бы, по природѣ своей, только временный характеръ и притомъ исключительно командный. При такихъ условіяхъ, она не могла бы давить своей самостоятельностью, и Верховный Главнокомандующій имѣлъ бы возможность ею пользоваться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это вызывалось обстановкой, и на тѣхъ участкахъ общаго фронта — преимущественно второстепенныхъ, — гдѣ это признавалось бы имъ соотвѣтственнымъ. Организація высшаго управленія пріобрѣла бы въ этомъ случаѣ гибкость, легко приспособлялась бы къ индивидуальнымъ качествамъ лица, коему ввѣрено Верховное Главнокомандованіе, и не ослабляла бы его вліянія на направленіе военныхъ операцій. Задачи каждой инстанціи были бы болѣе ограничены, переброски войскъ съ одного участка фронта на другой быстрѣе и менѣе болѣзнены, самые же планы Верховнаго Главнокомандованія легче и полнѣе осуществляемы. При наличной же организаціи, опытъ скоро показалъ на примѣрахъ, что, для сбора на какомъ-либо новомъ направленіи необходимыхъ силъ, Ставкѣ нерѣдко приходилось терять на предварительные переговоры много времени и указывать не только число корпусовъ, подлежавшихъ перевозкѣ, но даже номера или названія этихъ корпусовъ, во избѣжаніе полученія частей, численно ослабленныхъ или подорванныхъ въ боевомъ отношеніи. Вопросъ, разумѣется, не въ томъ, что Верховный Главнокомандующій не могъ, при наличной организаціи, провести въ жизнь свои требованія — для этого у него было достаточно власти, а слѣпыхъ исполнителей болѣе, чѣмъ надо; но вопросъ былъ въ томъ, полезно ли и насколько вмѣшательство сверху въ исполнительную часть заданій, вопреки установленной организаціи, чѣмъ неизбѣжно нарушался правильный ходъ машины, построенной на иныхъ началахъ.

Наступленіе германцевъ, обозначившееся на лѣвомъ берегу р. Вислы, развилось настолько быстро, что въ послѣднихъ числахъ сентября ихъ фронтъ опредѣлялся уже линіей Ласкъ-Роспржа-Влощова-Андреевъ-Пинчовъ. Въ этотъ же періодъ времени было получено подтвержденіе свѣдѣній, имѣвшихся впрочемъ уже и ранѣе, о переправѣ на лѣвый берегъ р. Вислы значительныхъ силъ австрійцевъ. Такимъ образомъ, по времени, мы были предупреждены въ намѣчавшемся нами наступленіи, и предполагавшееся генераломъ Алексѣевымъ выдвиженіе корпусовъ Ю.-З. фронта въ первой половинѣ октября на р. Ниду не могло бы состояться безпрепятственно; мы должны были бы въ этомъ случаѣ вступить въ бой съ непріятелемъ на лѣвомъ берегу р. Вислы при очень

неблагопріятныхъ для насъ условіяхъ. Къ этому времени на правомъ берегу той же рѣки нашъ разбитый въ Галичинѣ противникъ занималъ линію р. Дунайца и горные перевалы отъ Горлице до Ужока. Имѣлись признаки, свидѣтельствовавшіе о томъ, что австрійцы и на этомъ фронтѣ послѣдуютъ примѣру германцевъ и перейдутъ такимъ образомъ въ общее наступленіе. Примѣръ союзниковъ, видимо, дѣйствовалъ на нихъ заразительно. Верховное австрійское командованіе, находившееся въ рукахъ Эрцгерцога Фридриха и Начальника его Штаба генерала Конрада, очевидно, не мало потрудилось надъ тѣмъ, чтобы привести въ порядокъ войска, разстроенныя предшествовавшими пораженіями. Оправдывалась пословица, что «недорубленный лѣсъ снова выростаетъ».

Съ принятіемъ къ учету австрійцевъ, силы противниковъ, готовившихся къ наступленію противъ насъ на обоихъ берегахъ р. Вислы, должны были опредѣляться въ 20 слишкомъ корпусовъ.

Наиболѣе опаснымъ представлялся для насъ ударъ, готовившійся непріятелемъ вдоль лѣваго берега р. Вислы. На этомъ направленіи развернулся болѣе серьезный противникъ, въ лицѣ германцевъ; съ этого же берега могла явиться угроза всему нашему положенію въ Галичинѣ. Мы уже видѣли, что одни слухи о сосредоточеніи германцевъ въ верхней Силезіи и возможности ихъ наступленія по лѣвому берегу р. Вислы вынудили насъ отдать распоряженіе о переброскѣ изъ Галичины на Вислу сначала одной, а затѣмъ и двухъ армій.

Но здѣсь же, на лѣвомъ берегу Вислы, находилось и наиболѣе уязвимое мѣсто всего наступательнаго маневра, задуманнаго противъ насъ германо-австрійскимъ командованіемъ. Оно заключалось въ открытомъ лѣвомъ флангѣ германцевъ, противъ котораго самъ собою напрашивался нашъ контръ-ударъ.

На этомъ соображеніи Русское Верховное Главнокомандованіе и построило весь свой контръ-маневръ, долженствовавшій обезвредить наступательный планъ нашихъ противниковъ.

Согласно основной идеѣ этого контръ-маневра, русская армія должна была прочно удерживаться на линіи р.р. Сана и средней Вислы; закрѣпить за собою на лѣвомъ берегу р. Вислы достаточно широкіе плацдармы у Ивангорода и въ раіонѣ Варшавы, для дебушированія своихъ войскъ, и сосредоточить сильную ударную группу на правомъ флангѣ своего новаго оперативнаго фронта, протягивавшагося между Вислою, ниже Новогеоргіевска, и Днѣстромъ, у Старе-Място.

Въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ, Главнокомандующему арміями Ю.-З. фронта было указано — стремиться къ переброскѣ на среднюю Вислу трехъ армій (4-й, 9-й и 5-й) въ составѣ 9—10 корпусовъ; въ первую же очередь перемѣстить на фронтъ отъ Ивангорода до устья р. Сана двѣ арміи (4-ю и 9-ю), какъ то и было установлено болѣе ранними распоряженіями. Что касается С.-З. фронта, то таковому предписано было начать сосредоточеніе къ Варшавѣ 2-й арміи, пока въ составѣ четырехъ корпусовъ (вновь прибывшаго на театръ военныхъ дѣйствій II-го Сиб., I-го, XXIII-го и XXVII-го); къ этой арміи долженъ былъ быть

дополнительно поданъ I-й Сиб. корпусъ, подходившій по жел. дорогѣ изъ раіона Имперіи.

Этими указаніями было положено начало тому маневру, которымъ русское Верховное Главнокомандованіе рѣшило отвѣтить на наступленіе германо-австрійцевъ къ Средней Вислѣ и Сану.

Выполненіе полученныхъ распоряженій требовало отъ Ю.-З. фронта довольно сложной перегруппировки и прежде всего вывода изъ Галичины трехъ армій (4-й, 9-й и 5-й). Между тѣмъ, часть этихъ армій, перейдя черезъ р. Санъ, къ концу сентября уже значительно продвинулась впередъ. 9-я армія подошла вплотную къ р. Вислокѣ; южнѣе ея стала выдвигаться 4-я армія, пока не была остановлена для переброски на Вислу; еще южнѣе — 5-я армія, занявшая своими корпусами фронтъ Ржешувъ-Ярославъ и выдвинувшая свою конницу въ раіонъ Пильзно-Ясло-Дукла. — 3-я армія, блокировавшая Перемышль, подлежала передвиженію на сѣверъ отъ названной крѣпости, чтобы занять р. Санъ, послѣ очищенія ея вытягивавшимися изъ Галичины 4-й и 5-й арміями. — Лишь одной 8-й арміи не приходилось передвигаться, оставаясь на старыхъ ею занятыхъ мѣстахъ, къ югу отъ Перемышля до Стараго Мяста на р. Днѣстрѣ. Конница этой арміи къ тому времени, къ которому относится мой разсказъ, заняла горные пути на фронтѣ отъ Санока до Яблоницы (къ юго-западу отъ Делатыня).

Германскія и австрійскія войска, при своемъ наступленіи по лѣвому берегу р. Вислы, на фронтъ Сандомиръ-Ивангородъ-Варшава, имѣли на своей сторонѣ, по сравненію съ нами, выгоды болѣе короткихъ разстояній. Вслѣдствіе этого, на конный корпусъ генерала Новикова, состоявшій изъ нѣсколькихъ конныхъ дивизій и находившійся въ раіонѣ р. Ниды, Ставкой была возложена, сверхъ развѣдывательныхъ функцій, еще задача по возможному задержанію противника съ цѣлью выигрыша времени для выполненія нашими арміями соотвѣтствующихъ передвиженій.

При дальнѣйшей организаціи задуманнаго контръ-маневра, у русскаго Верховнаго Главнокомандованія возникла мысль о цѣлесообразности объединенія всѣхъ армій, долженствовавшихъ принять участіе въ намѣчавшейся операціи, въ однѣхъ рукахъ. Такъ какъ большинство этихъ армій принадлежало къ Ю.-З. фронту, то естественнымъ объединителемъ въ данной операціи долженъ былъ явиться генералъ Ивановъ. Мы уже видѣли, что послѣдній склоненъ былъ оцѣнивать наступленіе германо-австрійцевъ къ средней Вислѣ лишь съ точки зрѣнія угрозы правому флангу и тылу армій Ю.-З. фронта. Ставя его въ отвѣтственное положеніе по отношенію ко всей задуманной операціи, можно было, вмѣстѣ съ тѣмъ, расчитывать привлечь его вниманіе къ участку р. Вислы сѣвернѣе устья р. Пилицы и, вслѣдствіе этого, полнѣе использовать силы Ю.-З. фронта, для организаціи болѣе глубокаго и сильнаго удара въ лѣвый флангъ и даже тылъ противника со стороны Варшавы. Надо имѣть въ виду, что, для выполненія этой послѣдней задачи, въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго имѣлись только два вполнѣ свѣжихъ корпуса — II-й Сиб. и 1-й Сиб., подходившій на театръ военныхъ дѣйствій. Въ составѣ армій С.-З. фронта, за

исключеніемъ корпусовъ 10-й арміи, прикрывавшихъ одно изъ важнѣйшихъ направленій на Гродну и Бѣлостокъ, находились лишь корпуса, болѣе или менѣе сильно потерпѣвшіе въ прежнихъ неудачныхъ для нихъ операціяхъ и еще въ значительной мѣрѣ не пополненные. И такимъ образомъ, формированіе сильной ударной группы на правомъ флангѣ новаго фронта не могло состояться безъ участія корпусовъ Ю.-З. фронта, который для сего и обязывался перебросить на участокъ Вислы, сѣвернѣе Пилицы, 5-ю армію, въ составѣ трехъ корпусовъ.

Вслѣдствіе сосредоточенія, при такихъ условіяхъ, въ рукахъ генерала Иванова управленія шестью арміями, ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлось въ виду предоставить право временнаго объединенія командованія арміями, оставшимися въ Галичинѣ, въ лицѣ командующаго 8-й арміей генерала Брусилова. Этимъ создавался первоначальный остовъ для будущаго раздѣленія всей дѣйствующей арміи на три фронта: сѣверный — по правому берегу р. Вислы, вдоль границъ съ Восточной Пруссіей; западный — на лѣвомъ берегу р. Вислы, и южный — въ Галичинѣ.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, директивой Верховнаго Главнокомандующаго, 2-я армія, въ составѣ пяти корпусовъ, со 2-го октября передавалась въ подчиненіе Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ, которому и ввѣрялось веденіе всей предстоящей операціи. С.-З. фронту ставилась задача — обезпечивать правый флангъ этой операціи и подготовить переброску еще не менѣе двухъ корпусовъ на поддержку войскъ, предназначенныхъ къ операціи на Вислѣ. Разграничительная линія была перенесена къ востоку отъ линіи Праснышъ-Маковъ-Вышковъ, и Минскій военный округъ переходилъ въ распоряженіе Ю.-З. фронта.

Такимъ образомъ, въ подчиненіе генералу Иванову, на время операціи передавалось пять корпусовъ (изъ коихъ два Сибирскихъ, вполнѣ свѣжихъ) и еще два корпуса были обѣщаны дополнительно (II-й и IV-й). — Всего семь корпусовъ. — Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ю.-З. фронту подтверждалось требованіе поддержать операцію въ раіонѣ Варшавы 5-й арміей, въ составѣ трехъ корпусовъ.

Въ конечномъ счетѣ распоряженія Ставки сводились къ тому, чтобы изъ числа 25 корпусовъ, подлежавшихъ развертыванію на новомъ фронтѣ отъ р. Вислы, ниже Новогеоргіевска, до верхняго теченія Днѣстра у Старе-Място, сосредоточить къ сѣверу отъ устья р. Пилицы, для удара по лѣвому открытому флангу наступающихъ нѣмцевъ, 10 корпусовъ (2-я и 5-я армія), то есть 40% всѣхъ силъ.

Передвиженія, предстоявшія арміямъ Ю.-З. фрота, во исполненіе распоряженій Верховнаго Главнокомандующаго, были весьма затруднены наступившей неблагопріятной погодой, разрывомъ многихъ мостовъ на Санѣ, вслѣдствіе внезапно поднявшейся, свыше одного метра, воды и крайне плохого состоянія дорогъ. Многимъ корпусамъ, по отсутствію желѣзныхъ дорогъ, пришлось сдѣлать весь путь походнымъ порядкомъ; тѣ же корпуса, коимъ предстояло быть

передвинутыми въ раіонъ Ивангорода и сѣвернѣе, могли быть посажены на желѣзную дорогу лишь въ Люблинѣ и, слѣдовательно, до станціи посадки имъ все же надлежало сдѣлать не менѣе 5—6 переходовъ.

Для характеристики предстоявшихъ прохожденію дорогъ, необходимо замѣтить, что онѣ пролегали во многихъ мѣстахъ по болотистымъ и лѣснымъ пространствамъ. Часть изъ нихъ была даже укрѣплена накатникомъ. Но если вспомнить, что по этимъ дорогамъ дважды прошли австрійцы — при наступленіи и отходѣ — и теперь второй разъ должны были проходить наши войска, причемъ времени и средствъ для ремонта почти не было, а передъ началомъ движенія прошли сильные дожди, то всякому, знакомому со свойствами мѣстнаго грунта, станетъ яснымъ, какія трудности нашимъ войскамъ приходилось преодолѣвать при движеніи. Пролегавшее къ сѣверу отъ Янова до Люблина единственное шоссе оказалось настолько разбитымъ, что движеніе по немъ было еще затруднительнѣе, чѣмъ по обыкновеннымъ грунтовымъ дорогамъ. Люди вязли въ грязи по колѣна. Артиллерія и повозки застревали на каждомъ шагу. Чтобы вытаскивать ихъ изъ наиболѣе вязкихъ мѣстъ приходилось впрягать до 12-ти лошадей, въ результатѣ чего конскій составъ вышелъ изъ похода очень пострадавшимъ.

Своевременному выполненію этой грандіозной рокировочной операціи должна была содѣйствовать, какъ уже было сказано выше, конная масса генерала Новикова. Однако, съ приближеніемъ къ переправамъ на р. Вислѣ, генералъ Новиковъ получилъ приказаніе, оставивъ часть своихъ силъ на направленіяхъ къ Ивангороду, съ остальными слѣдовать по правому берегу Вислы къ Варшавѣ, гдѣ формировалась новая ударная группа войскъ. Этимъ распоряженіемъ открывался южный участокъ прежняго фронта генерала Новикова, ввиду этого послѣдовало весьма неосторожное рѣшеніе, рекомендованное штабомъ Ю.-З. фронта, — возложить задачу прикрытія войскъ 9-й арміи, развертывавшихся на Вислѣ и нижнемъ Санѣ, на особый авангардъ, выдвинутый къ Опатову, въ составѣ двухъ стрѣлковыхъ бригадъ и одной гвардейской кавалерійской бригады, поддержанныхъ впослѣдствіи еще одной пѣхотной бригадою, выдвинутою къ Климонтову. Рѣшеніе это привело къ весьма тяжелому для насъ Опатовскому бою, разыгравшемуся 3-го и 4-го октября. Доблестные стрѣлки, ввязавшіеся въ бой со значительно превосходившими ихъ силами противника, наступавшими широкимъ фронтомъ, были весьма быстро охвачены съ ихъ праваго открытаго фланга и тѣмъ поставлены въ крайне трудное положеніе, изъ котораго имъ удалось выйти лишь цѣной очень крупныхъ потерь. Названному отряду, оказавшемуся вполнѣ изолированнымъ на лѣвомъ берегу Вислы, пришлось, какъ выяснено было боемъ, имѣть дѣло съ частями 1-ой австрійской арміи и двухъ правофланговыхъ корпусовъ германской 9-й арміи, наступавшей сѣвернѣе австрійцевъ. Очевидно, что въ характерѣ самой задачи Опатовскаго отряда — задержать, находясь въ одной точкѣ, движеніе непріятельской арміи, наступавшей, естественно, широкимъ фронтомъ, лежалъ зародышъ неудачи, постигшей этотъ отрядъ.

Послѣ боя подъ Опатовымъ, главныя силы отряда отошли къ Сандомиру, который однако же черезъ два дня былъ взятъ австрійцами, угрозой съ тыла, со стороны праваго берега р. Вислы. Къ этому времени вообще уже вполнѣ ясно обнаружилось наступленіе австрійцевъ на широкомъ фронтѣ отъ Вислы до Санока и Лиско. Недобитый нами противникъ ожилъ, и намъ приходилось вновь имѣть дѣло со всей австрійской арміей, но уже при менѣе благопріятной для насъ обстановкѣ, такъ какъ рядомъ съ ними, хотя и по другому берегу Вислы, наступали германцы; наши же силы въ Галичинѣ должны были значительно уменьшиться, вслѣдствіе переброски трехъ армій Ю.-З. фронта на среднюю Вислу. Какъ читатель уже знаетъ, въ Галичинѣ должны были остаться только 3-я и 8-я арміи, изъ коихъ первая къ тому же была занята блокадой Перемышля. Такъ какъ ей предстояло замѣнить собою на Санѣ войска, уходившія изъ Галичины къ сѣверу, то возникалъ въ острой формѣ вопросъ о томъ, какъ быть съ названной крѣпостью.

Чтобы освободить 3-ю армію изъ подъ Перемышля, было приступлено къ формированію особой блокадной арміи, впослѣдствіи получившей наименованіе 11-й арміи. Ядро ея должны были составить два корпуса (XXVIII-й и XXIX-й), подлежавшіе сформированію изъ второочередныхъ дивизій. Однако, формированіе этой арміи не разрѣшало вопроса о Перемышлѣ, такъ какъ, при сильномъ нажимѣ австрійцевъ, сохраненіе блокады названной крѣпости являлось задачею крайне трудно разрѣшимою. Вслѣдствіе этого, по приказанію генерала Иванова, отрядомъ генерала Щербачова въ началѣ октября была произведена попытка взять крѣпость открытою силою. Австрійцы были штыками выбиты изъ нѣсколькихъ фортовъ, но дальнѣйшія усилія къ распространенію достигнутаго успѣха окончились неудачею. Наши войска, въ концѣ концовъ, были выведены изъ непріятельскихъ укрѣпленій и отведены обратно въ свои линіи.

Вслѣдствіе этого съ развитіемъ австрійскаго наступленія, блокаду Перемышля пришлось снять и временно ограничиться наблюденіемъ за однимъ восточнымъ фронтомъ этой крѣпости. Наша же 3-я армія, противъ которой обнаружено было усиленное накапливаніе австрійцевъ, ведя задерживающіе бои, должна была стягиваться за р. Санъ.

Возвращаясь къ вопросу о сформированіи 11-й арміи, я считаю небезынтереснымъ отмѣтить, что первоначально командованіе этой арміей предполагалось предоставить генералу Куропаткину, но затѣмъ выборъ Великаго Князя окончательно остановился на генералѣ Селивановѣ, бывшемъ командирѣ Владивостокской крѣпости, а затѣмъ командовавшемъ войсками Иркутскаго военнаго округа. Мужество и хладнокровіе генерала Селиванова было оцѣнено въ тяжелое революціонное время, которое Россія переживала послѣ неудачной Японской войны.

Генералъ Куропаткинъ съ первыхъ же дней войны почувствовалъ для себя невозможность оставаться вдали отъ развертывавшихся событій. Обращаясь ко многимъ лицамъ съ просьбой помочь ему въ устройствѣ на театръ военныхъ дѣйствій, онъ писалъ и мнѣ, прося о содѣйствіи въ предоставленіи ему кор-

пуса. Мои ходатайства не имѣли, однако, успѣха. Лишь осенью 1915-го года, когда я принялъ въ командованіе XXV-й корпусъ на германскомъ фронтѣ, генералъ Куропаткинъ оказался моимъ боевымъ сосѣдомъ по должности Командира Гренад. Корпуса. Мнѣ странно было видѣть его въ одномъ служебномъ положеніи съ собою — когда-то молодымъ капитаномъ Генеральнаго Штаба въ то время, когда А. Н. былъ уже Военнымъ Министромъ. По службѣ своей въ мобилизаціонномъ отдѣлѣ главнаго Штаба, я имѣлъ тогда случай сопровождать его въ одной изъ инспекторскихъ поѣздокъ. Генералъ Куропаткинъ несъ съ большимъ достоинствомъ и заботливостью свою скромную для него командную должность, и я увѣренъ, что гренадеры тепло вспоминаютъ своего стараго Командира корпуса. Въ началѣ 1916 года А. Н. Куропаткинъ, по личному избранію Государя, былъ назначенъ, минуя постъ командующаго арміей, Главнокомандующимъ на Сѣверный фронтъ. По этой должности дѣятельность А. Н. была подвергнута многимъ нападкамъ, насколько справедливымъ — мнѣ неизвѣстно.

Согласно установленнаго порядка новаго развертыванія армій Ю.-З. фронта, на средней Вислѣ сѣвернѣе 3-й арміи должна была развернуться 9-я армія, занявъ своими корпусами (XIV, XVII и Гвард.) нижнее теченіе р. Сана и участокъ р. Вислы до устья р. Илжанки. Необходимыя передвиженія этой арміи были закончены въ началѣ октября. Послѣ Опатовскаго боя, по мѣрѣ подхода къ фронту названной арміи непріятеля, она оттянула всѣ свои части на правый берегъ Сана и Вислы. Непріятель, занявъ противоположный берегъ, ограничился на Вислѣ обстрѣломъ нашихъ позицій интенсивнымъ артиллерійскимъ огнемъ. На нижнемъ Санѣ австрійцы вели себя болѣе активно и обнаруживали склонность къ наступленію; однако, попытки ихъ организовать переправу черезъ рѣку неизмѣнно разстраивались нашимъ огнемъ.

Сѣвернѣе 9-й арміи, вдоль Вислы, развернулась 4-я армія (корпуса XVI, Грен. и III Кавк.), выдвинувъ на лѣвый берегъ рѣки авангарды у Казимержа и Ново-Александріи и связавшись съ ними мостовыми переправами, которыя были прикрыты небольшими тетъ-де-понами. Въ раіонъ этой арміи входилъ Ивангородъ, который къ этому времени пріобрѣлъ уже довольно значительную силу сопротивленія. Основная линія обороны этого пункта была на лѣвомъ берегу р. Вислы вынесена на 5—7 верстъ отъ мостовъ, которые такимъ образомъ, оказывались достаточно прикрытыми; устарѣвшія же форты прежней крѣпости составили теперь вторую линію обороны. Вновь созданная укрѣпленная позиція поддерживалась нѣсколькими десятками тяжелыхъ орудій, доставленныхъ изъ Ивангорода, и имѣла свой самостоятельный гарнизонъ. Словомъ, въ данное время у Ивангорода мы имѣли достаточно прочно защищенныя постоянныя мостовыя переправы черезъ Вислу и Вепржъ и небольшой обезпеченный плацдармъ на лѣвомъ берегу Вислы. Изъ состава Ивангородскаго гарнизона была впередъ выдвинута къ Радому бригада пѣхоты; эта бригада въ періодъ Опатовскаго боя имѣла столкновеніе съ германцами, послѣ котораго стала отходить на Козеницы. Непріятель, слѣдуя за ней, приблизился

къ Ивангородской укрѣпленной позиціи и занялъ Горбатку, Зволень и Цепелевъ.

Что касается, наконецъ, 5-й арміи (корпуса V, XVII и XIX), которая должна была развернуться по Вислѣ сѣвернѣе 4-й, до Яблонны, та таковая опаздывала въ своемъ прибытіи. Къ 8—9 октября корпуса этой арміи стали лишь собираться у Люблина для посадки на желѣзную дорогу. Ввиду этого обстоятельства, на фронтъ этой арміи къ Вислѣ были временно выдвинуты II-й и XXIII-й корпуса, ослабившіе такимъ образомъ ударную группу, собиравшуюся у Варшавы.

Эта послѣдняя, въ видѣ 2-й арміи, сосредоточивалась главными силами на лѣвомъ берегу р. Вислы. Къ указанному выше времени въ ея составѣ находились полностью II-й сиб., I-й и XXVII-й корпуса; I-й Сиб. корпусъ только заканчивалъ свою перевозку, а IV-й — нѣсколько задержался прибытіемъ, вслѣдствіе неправильныхъ распоряженій 1-й арміи, изъ состава которой онъ перемѣщался. Сильный авангардъ отъ 2-й арміи былъ выдвинутъ къ Гройцамъ.

Въ такой обстановкѣ Главнокомандующій Ю.-З. фронтомъ рѣшилъ перейти къ активнымъ дѣйствіямъ. Согласно отданныхъ имъ распоряженій, къ утру 10-го октября 4-я армія должна была совершить переправу на лѣвый берегъ р. Вислы и затѣмъ продвигаться на фронтъ Козенице — устье р. Илжанки; II-й и XXIII-й корпуса имѣли задачей переправиться черезъ р. Вислу по возведенному мосту противъ Гуры Кальваріи и далѣе выдвинуться на фронтъ Гройцы-Варка; наконецъ 2-я армія должна была обезпечивать эту переправу съ сѣвера и сосредоточить всѣ свои корпуса на лѣвомъ берегу р. Вислы. Въ дальнѣйшемъ, съ подходомъ 5-й арміи, всѣ названныя три арміи должны были перейти въ общее наступленіе на фронтъ Скерневице—Радомъ — устье р. Илжанки. Конная группа генерала Новикова должна была перекинуться по правому берегу р. Вислы на правый флангъ фронта и выйти къ р. Бзурѣ.

Однако, обстановка сложилась не въ пользу такого наступленія.

Уже наканунѣ нѣмцы пытались наступать противъ нашей укрѣпленной позиціи у Ивангорода, но были отбиты. Отойдя на нѣкоторое разстояніе, нѣмцы стали энергично окапываться; въ дальнѣйшемъ они ограничились обстрѣломъ старой линіи фортовъ и района мостовъ, лишь изрѣдка пытаясь переходить въ частичныя наступленія противъ главнѣйшихъ участковъ нашей линіи обороны.

Въ теченіе ночи, на 10-е октября, начали переправу на лѣвый берегъ рѣки гренадеры у Новой Александріи и XVI-й корпусъ у Казимержа. Оба эти корпуса не въ состояніи были, однако, достаточно продвинуться впередъ; подъ напоромъ нѣмцевъ, понеся значительныя потери, они принуждены были къ утру 11-го октября отойти на правый берегъ Вислы, снявъ и частью уничтоживъ свои мосты. Противъ гренадерскаго корпуса обнаружилось присутствіе нѣмецкой гвардіи. Непріятель, подойдя къ рѣкѣ и выдвинувъ свои батареи, открылъ сильный артиллерійскій обстрѣлъ противоположнаго берега, коимъ у Новой Александріи подверглась опасности желѣзнодорожная линія на Ивангородъ, по которой въ это время шла перевозка на сѣверъ корпусовъ 5-й арміи.

III-й Кавк. корпусъ, сосредоточенный на правомъ берегу р. Вислы у Ивангорода, началъ переправу 12-го октября ниже названнаго пункта противъ Козенице, чтобы выйти въ лѣвый флангъ и тылъ непріятелю, продолжавшему интенсивно укрѣпляться передъ нашей Ивангородской позиціей, съ очевидной цѣлью преградить нашимъ войскамъ возможность дебушированія на лѣвый берегъ Вислы. Переправа эта удалась, но Кавказцы, впослѣдствіи поддержанные частями XVII корпуса, попали на лѣвомъ берегу р. Вислы въ очень трудное положеніе, вслѣдствіе крайне болотистой и неблагопріятной мѣстности, а затѣмъ и серьезнаго противодѣйствія противника.

Утромъ 10-го октября началъ переправляться противъ Гуры Кальваріи и XXIII-й корпусъ. Но уже на слѣдующій день выяснилось, что со стороны р. Пилицы, черезъ Варку и Бялобржеги, наступаютъ значительныя германскія силы, которыя, повидимому, постепенно перемѣщались къ сѣверу. Обнаруженъ былъ также подходъ непріятельскихъ колоннъ со стороны Скерневицъ. Авангардъ нашей 2-й арміи, выдвинутый къ Гройцамъ, былъ сбитъ и отошелъ съ большими потерями. Непріятель, не ограничившись этимъ успѣхомъ, упорно развивалъ свое наступленіе въ направленіи на Пясечну и Надаржинъ, угрожая прорывомъ къ Варшавѣ. Въ общемъ силы германцевъ, направленныя противъ Варшавы, опредѣлялись штабомъ 2-й арміи въ 3—4 корпуса. При этихъ условіяхъ Командующій этой арміей генералъ Шейдеманъ не призналъ возможнымъ удерживаться на избранномъ имъ ранѣе фронтѣ Блоне-Гродискъ-Надаржинъ-Пясечно и рѣшилъ, въ ночь на 12-ое октября, отвести свои войска на линію прежнихъ Варшавскихъ фортовъ. Непріятель тотчасъ же занялъ оставленную нами линію и спѣшно сталъ на ней закрѣпляться. Особенное вниманіе онъ удѣлилъ укрѣпленію Пясечны и Прушкова, — пункта, лежащаго на Варшаво-Вѣнской ж. дорогѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Варшавы, въ которомъ были сосредоточены богатѣйшія желѣзнодорожныя мастерскія.

Отходъ 2-й арміи на линію Варшавскихъ фортовъ ставилъ въ изолированное положеніе переправившійся на лѣвый берегъ Вислы XXIII-й корпусъ, которому генералъ Ивановъ приказалъ отойти обратно на правый берегъ рѣки. Движеніе это было выполнено въ ночь на 12-ое октября и, по окончаніи таковаго, мосты черезъ Вислу у Гуры Кальваріи были уничтожены.

Такимъ образомъ намѣчавшаяся Ю.-З. фронтомъ на 10-е октября переправа на лѣвый берегъ р. Вислы ряда корпусовъ закончилась повсемѣстной неудачей. Мы потеряли, къ тому же, рядъ мостовъ, связывавшихъ насъ съ лѣвымъ берегомъ Вислы, постройка коихъ намъ стоила многихъ усилій.

Въ ту же ночь на 12-ое октября генералъ Ивановъ спѣшно просилъ доложить Верховному Главнокомандующему просьбу пріѣхать, ввиду создавшагося положенія, въ Холмъ — мѣсто расположенія штаба Ю.-З. фронта; просьба эта немедленно и была исполнена Великимъ Княземъ. На состоявшемся на слѣдующій день свиданіи, въ присутствіи генераловъ Янушкевича, Алексѣева и моемъ, генералъ Ивановъ имѣлъ очень озабоченный видъ, чрезвычайно безпокоился

о судьбѣ XXIII-го корпуса и отряда у Козеницъ и жаловался на несоотвѣтственныя распоряженія и дѣйствія Командующаго 2-й арміей. По детальномъ выясненіи обстановки, Верховный Главнокомандующій указалъ генералу Иванову на необходимость — во-первыхъ, ускорить прибытіе на назначенный участокъ Вислы 5-й арміи, изъ состава коей одинъ корпусъ (XVII-й) оказался, къ сожалѣнію, уже использованнымъ у Козеницъ, и во-вторыхъ — подтянуть II-й и XXIII-й корпуса къ Варшавѣ, дабы выполнить намѣчавшееся раньше сосредоточеніе у этого пункта семи корпусовъ 2-й арміи. Выполненіе этихъ мѣропріятій давало возможность вновь перейти соединенными силами 2-й и 5-й армій въ рѣшительное наступленіе противъ нѣмцевъ, ставя себѣ прежнюю цѣль охвата ихъ лѣваго фланга. Дабы обезпечить успѣхъ этого удара, Верховный Главнокомандующій предложилъ генералу Иванову назначить Командующимъ 2-й арміей генерала Алексѣева, къ которому Великій Князь лично питалъ большое довѣріе. Назначеніе это могло имѣть въ виду еще и то соображеніе, что съ развитіемъ операціи явилась бы возможность объединить руководство всѣми арміями, переправившимися на лѣвый берегъ Вислы, въ рукахъ генерала Алексѣева и такимъ образомъ выполнить намѣчавшійся переходъ къ раздѣленію дѣйствующихъ армій на три фронта; одновременно же явилась бы возможность возвратить генерала Иванова къ прежней дѣятельности въ Галичинѣ, съ которой онъ былъ тѣсно связанъ своею предшествовавшею боевою дѣятельностью. Однако, генералъ Ивановъ соглашался на новое назначеніе генерала Алексѣева лишь при условіи моего перемѣщенія на должность Начальника штаба Ю.-З. фронта. Такъ какъ Великій Князь своего согласія на это перемѣщеніе не далъ, то все осталось по старому. Интересно отмѣтить, что ни генералъ Алексѣевъ, ни я, при которыхъ весь этотъ разговоръ происходилъ, не были спрошены по поводу намѣчавшихся измѣненій въ нашемъ служебномъ положеніи. Справедливо предполагалось, что въ военное время каждый воинъ обязанъ нести службу на томъ посту, на которомъ его работа признается наиболѣе полезной для дѣла.

По возвращеніи въ Барановичи, безпокойство о судьбѣ выполнявшейся операціи не покинуло Верховнаго Главнокомандующаго. Настроеніе генерала Иванова, его преждевременный переходъ въ наступленіе, искажавшій въ нѣкоторой мѣрѣ замыселъ всей операціи, и проявленная при этомъ разрозненность дѣйствій, приведшая къ неудачѣ, — всѣ эти обстоятельства вызывали сомнѣнія въ томъ, насколько обезпеченъ конечный успѣхъ операціи. А между тѣмъ мнѣніе Верховнаго Главнокомандующаго было таково, что на берегахъ Вислы можетъ быть рѣшена участь перваго періода кампаніи, почему для достиженія этого успѣха надлежало проявить максимальныя усилія. При такихъ условіяхъ, не представлялось болѣе возможнымъ оставаться въ роли только наблюдателя событій. Чтобы измѣнить это положеніе и привлечь къ дѣлу силы обоихъ фронтовъ, у Верховнаго Главнокомандующаго оставался только одинъ путь — стать самому во главѣ руководства выполненіемъ всей операціи, съ подраздѣленіемъ вновь созданнаго фронта и войскъ, на немъ дѣйствовав-

нихъ, между двумя непосредственно подчиненными ему начальниками — генералами Рузскимъ и Ивановымъ, съ предоставленіемъ каждому изъ нихъ отдѣльной, болѣе суженной частной задачи.

Въ соотвѣтствіи съ симъ, Верховнымъ Главнокомандующимъ 13-го октября была отдана директива, въ силу коей съ 12 часовъ ночи на 14-ое октября 2-я и 5-я арміи, а также конница генерала Новикова, переходили въ подчиненіе Главнокомандующему С.-З. фронтомъ, и разграничительная линія между фронтами переносилась на р. Пилицу. Ближайшей и главнѣйшей задачей нашихъ армій по-прежнему должно было оставаться пораженіе непріятеля, наступавшаго по лѣвому берегу р. Вислы, съ нанесеніемъ ему сильнаго удара въ его лѣвый флангъ. Во исполненіе этой общей задачи, Главнокомандующему С.-З. фронтомъ надлежало, въ ожиданіи окончательнаго сбора всѣхъ силъ, расширить на лѣвомъ берегу р. Вислы имѣвшійся плацдармъ для свободнаго дебушированія изъ него въ будущемъ войскъ, Ю.-З. фронту указывалась необходимость согласовывать свои дѣйствія съ С.-З. фронтомъ и приковывать къ себѣ возможно большее число непріятельскихъ силъ, чтобы облегчить выполненіе основной задачи, возложенной на 2-ю и 5-ю арміи С.-З. фронта.

Здѣсь очень кстати будетъ отмѣтить, что неправильное пониманіе значенія разграничительныхъ линій между фронтами, арміями, корпусами и другими болѣе мелкими подраздѣленіями, съ каковымъ пониманіемъ приходилось нерѣдко встрѣчаться, увеличивало слабую природу всякаго вообще «стыка», нуждающагося, наоборотъ, въ особой о немъ заботливости. — Линіи эти надлежало, конечно, понимать лишь какъ разграничивающія раіоны театра военныхъ дѣйствій: впередъ, — къ сторонѣ противника, — для движенія и обычной, повседневной развѣдки; назадъ, — въ сторону тыла, — для расположенія и передвиженія тыловыхъ учрежденій и использованія мѣстныхъ средствъ. Но эти линіи не должны были стѣснять ни въ какомъ смыслѣ боевыя дѣйствія войскъ, и обязательное оказаніе сосѣду помощи и выручки должно было оставаться незыблемой основой дѣятельности каждаго начальника. «Самъ погибай, а сосѣда выручай» — таковъ вѣчный лозунгъ истиннаго воина, который, конечно, долженъ осуществляться съ должнымъ разумѣніемъ и учетомъ всей обстановки.

Что касается вопроса о времени перехода въ наступленіе, то, при опредѣленіи его, встрѣтились чрезвычайныя затрудненія. Вполнѣ очевидно, что съ началомъ активныхъ дѣйствій необходимо было торопиться, ибо противникъ, разгадавъ нашъ маневръ, легко могъ уйти изъ подъ намѣчавшагося удара. На ускореніи срока перехода въ наступленіе особенно настаивалъ и штабъ Ю.-З. фронта, все еще опасавшійся удара нѣмцевъ южнѣе Пилицы, въ обходъ праваго фланга армій своего фронта. И дѣйствительно, одно время были объективные признаки, что германцы массируютъ свои главныя силы на участкѣ р. Вислы отъ Козеницъ до Юзефова. Сильный напоръ шелъ на наши войска, переправившіяся на лѣвый берегъ Вислы у Козеницъ. Генералъ Ивановъ, еще 13-го октября, во время личнаго свиданія съ Верховнымъ Главнокомандующимъ, испросилъ разрѣшеніе Великаго Князя задержать въ раіонѣ Ивангорода изъ

состава 5-й арміи XVII-й корпусъ, использованный имъ для поддержки III-го Кавказскаго корпуса. Теперь онъ доносилъ, въ качествѣ мотива для перехода въ общее наступленіе, что корпуса эти «изнемогаютъ у Козеницъ».

Однако, штабъ С.-З. фронта докладывалъ о неготовности армій, предназначенныхъ для главнаго удара, что прежде всего обусловливалось неприбытіемъ слѣдовавшихъ изъ состава Ю.-З. фронта корпусовъ 5-й арміи; послѣдніе же должны были смѣнить на Вислѣ II-й и XXIII-й корпуса, подлежавшіе присоединенію ко 2-й арміи. Послѣ длительныхъ и трудныхъ переговоровъ, начало общаго наступленія было назначено на 18-ое октября, но едва объ этомъ были сдѣланы соотвѣтственныя распоряженія, какъ штабы обоихъ фронтовъ, и въ первую голову штабъ Ю.-З. фронта, по разнымъ причинамъ, просили о дальнѣйшей отсрочкѣ. Послѣдняя была дана и окончательно начальнымъ срокомъ общаго наступленія было намѣчено 21-е октября; время же до этого числа должно было быть использовано 2-й арміей для расширенія плацдарма на лѣвомъ берегу р. Вислы, главнымъ образомъ въ направленіи на Пясечну, чтобы этимъ облегчить установленіе оперативной связи этой арміи съ сосѣдней 5-й арміей, долженствовавшей собираться у Карчева и противъ Гуры-Кальваріи.

Съ переходомъ 2-й арміи въ подчиненіе Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта, ей было предписано перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, чтобы занять прежній фронтъ, оставленный ею 12-го октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ состава остальныхъ двухъ армій С.-З. фронта — VI-му корпусу приказано было перейти въ Пултускъ и I-му Турк. — въ Рожаны, т. е. придвинуться ближе къ правому флангу 2-й арміи.

Эта послѣдняя армія, развивая на лѣвомъ берегу Вислы наступленіе, частично начавшееся уже 13-го октября, вела въ послѣдующіе дни упорные бои, лишь съ рѣдкими перерывами. — 14-го октября, послѣ горячаго боя, ею былъ обратно взятъ Прушковъ. Наши войска, постепенно отодвигая нѣмцевъ, сражались съ исключительнымъ подъемомъ. Изъ-за праваго ихъ фланга стала постепенно выдвигаться впередъ конница, направившаяся частью къ Ловичу, частью (ген. Новиковъ) къ Сохачеву на Бзурѣ.

Въ это же время на правомъ берегу Вислы стали подходить къ своему участку корпуса 5-й арміи. Одинъ изъ нихъ (XIX-й) переправился между Карчевымъ и Варшавой на лѣвый берегъ, для совмѣстнаго съ лѣвымъ флангомъ 2-й арміи удара; другой (V-й), — по отсутствію средствъ къ переправѣ, остался на правомъ берегу, содѣйствуя первому своимъ огнемъ и охраняя участокъ Вислы вверхъ до устья р. Пилицы. Дополнительно въ составъ 5-й арміи былъ включенъ I-й Сиб. корпусъ, входившій ранѣе во 2-ю армію.

На 20-е октября 2-й арміи назначено было овладѣніе прежней линіей фронта, проходившей черезъ Гродискъ; 5-й арміи предписано было принять участіе въ наступленіи, сообразуя свои дѣйствія съ дѣйствіями правофланговой 2-й арміи.

Но уже въ ночь на этотъ день неожиданно былъ замѣченъ отходъ противника по всему фронту сѣвернѣе Пилицы. Признаки ослабленія нѣмцевъ были

обнаружены также въ раіонѣ Козеницъ. У Ивангорода — въ расположеніи противника стало замѣтно менѣе дыма отъ костровъ и очаговъ.

Первое извѣстіе объ отходѣ нѣмцевъ къ сѣверу отъ Пилицы было получено въ Ставкѣ изъ Варшавы отъ мѣстнаго завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ. Повидимому, онъ получилъ это свѣдѣніе отъ своихъ желѣзнодорожниковъ съ головныхъ участковъ. Надо замѣтить, что отъ желѣзнодорожныхъ агентовъ, самоотверженно работавшихъ впереди, часто получались весьма цѣнныя свѣдѣнія о передвиженіяхъ противника, хотя иногда и окрашивавшіяся въ нѣсколько паническій цвѣтъ.

Германцы, обойденные конницей со стороны р. Брузы и охватываемые слѣва нашими правофланговыми корпусами, повидимому почувствовали опасность своего положенія и потому начали общій отходъ, прикрываясь аріергардами, временно еще остававшимися на прежнихъ позиціяхъ.

Ввиду столь коренной перемѣны въ обстановкѣ, Ставкой 20-го октября, то есть немедленно по полученіи свѣдѣній о началѣ отхода непріятеля, было указано перейти обоимъ фронтамъ въ энергичное наступленіе на линію Лодзь-Петроковъ-Опочна-Опатовъ-Сандомиръ, продолжая развивать ударъ правымъ флангомъ. Этимъ распоряженіемъ было положено начало нашему дальнѣйшему наступленію по лѣвому берегу р. Вислы, которое и будетъ описано въ слѣдующей главѣ.

Германскія войска отходили въ порядкѣ. Въ минувшую войну они не разъ показали свое умѣніе быстро и своевременно выходить изъ неудачно слагавшейся для нихъ боевой обстановки. Отступленіе для нѣмцевъ не было признакомъ пораженія, но лишь однимъ изъ пріемомъ маневрированія. Въ данномъ случаѣ, заблаговременнымъ отступленіемъ, германцы успѣли ускользнуть изъ подъ вѣрно нацѣленнаго и уже занесеннаго надъ ихъ лѣвымъ флангомъ удара. Быстрымъ и внезапнымъ отходомъ они успѣли выиграть время, которымъ искусно воспользовались для капитальной порчи оставляемыхъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ. И надо отдать должное ихъ искусству: порча производилась настолько основательно, что это обстоятельство въ большой мѣрѣ затруднило намъ не только преслѣдованіе врага, но и вообще дальнѣйшее наступленіе. На желѣзныхъ дорогахъ германцы взрывали и предавали огню станціонныя зданія и сооруженія — водонапорныя башни, водокачки, стрѣлки. На протяженіи пути, на большихъ участкахъ, ими взрывались рельсы, мосты, водосточныя трубы, віадуки, и притомъ настолько умѣло, что произведенныя разрушенія съ трудомъ поддавались быстрому исправленію. На шоссейныхъ дорогахъ оказывались также совершенно разрушенными всѣ искусственныя сооруженія, самое же полотно перекопаннымъ или взорваннымъ участками въ шахматномъ порядкѣ. Телеграфные столбы спиливались или сваливались, изоляторы разбивались, проволока разрѣзалась, едва ли не на каждомъ пролетѣ. Словомъ картина разрушенія представлялась ужасающей. О ней краснорѣчиво свидѣтельствовали военные представители союзныхъ намъ

Державъ, пожелавшіе принять участіе въ организованной для нихъ Ставкой поѣздкѣ по путямъ отхода германской арміи на Лодзь.

Постепенно отходъ непріятеля сталъ обнаруживаться также на путяхъ отъ Ивангорода и Новой Александріи, а затѣмъ ширится еще болѣе къ югу. Вслѣдъ за германцами, стали откатываться и австрійцы. Ихъ попытки форсировать Санъ окончились для нихъ полною неудачею. — Непосредственно за противникомъ наши войска, переправляясь съ боями черезъ Вислу и Санъ, переходили въ наступленіе, которое и развернулось постепенно на огромномъ фронтѣ, протяженіемъ свыше 400 верстъ — отъ нижней Бзуры до предгорій Карпатъ.

Такъ закончилась наша Варшавская операція. — Она является одною изъ наиболѣе намъ удавшихся стратегическихъ комбинацій, несмотря на сложность замысла и необходимость преодолѣнія ряда затрудненій, не исключая и внутреннихъ. Мы одержали надъ нашими противниками несомнѣнно очень крупную стратегическую побѣду. Отвѣчая на его маневръ соотвѣтствующимъ контръ-маневромъ, намъ удалось, несмотря на крайне форсированное движеніе нѣмцевъ и наличіе на ихъ сторонѣ болѣе короткихъ разстояній, подвести къ рѣшительному участку нашего фронта — раіону Ивангорода, а затѣмъ Варшавы, превосходныя по числу силы, обезпечивавшія намъ побѣду, и поставить ихъ въ крайне выгодное исходное положеніе, создавъ угрозу лѣвому германскому флангу и даже его тылу. Стратегія сдѣлала свое дѣло столь ярко, что нѣмцы не осмѣлились принять рѣшительнаго боя. Вся послѣдующая задача ихъ свелась къ тому, чтобы выйти, изъ того положенія, которое создалось ихъ стремительнымъ наступленіемъ. Мы же не только отстояли наше положеніе на средней Вислѣ и въ Галичинѣ, но передъ нами открылись пути въ Познань, Силезію и Моравію. Я уже отмѣчалъ промышленное значеніе Силезіи для Германіи; вступленіе же нашихъ войскъ въ Моравію могло угрожать цѣлости всей Австро-Венгерской монархіи. Равнымъ образомъ, у насъ были основанія предполагать, что мы встрѣтимъ сочувствіе населенія и въ Познани. Въ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго уже стали поступать различныя ходатайства о принятіи мѣръ къ охранѣ памятниковъ польской старины, на случай ожидавшагося вступленія нашего въ предѣлы германской Польши...

Каковы же были цѣли описаннаго германо-австрійскаго наступленія? Дать полный и безошибочный отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, не въ моихъ возможностяхъ. Для этого надлежало бы прежде всего обратиться къ детальному изученію германскихъ первоисточниковъ. Но весьма вѣроятно, что германскіе вожди, будучи освѣдомлены о нашихъ наступательныхъ планахъ на лѣвомъ берегу Вислы, имѣли прежде всего въ виду своимъ внезапнымъ наступленіемъ, поддержаннымъ австрійцами, разстроить эти планы и выиграть время, впредь до освобожденія части ихъ силъ на западномъ фронтѣ, гдѣ въ это время разыгрывались упорные бои за подступы къ Калэ. — Весь характеръ германскихъ дѣйствій, первоначальное сосредоточеніе ихъ корпусовъ и усилій на участкѣ р. Вислы отъ Козенице до Юзефова и агентурныя свѣдѣ-

нія объ усиленномъ сборѣ ими данныхъ о состояніи правобережныхъ путей даютъ основаніе предполагать, что первоначальной цѣлью наступленія германцевъ являлось стремленіе къ переправамъ черезъ р. Вислу, съ цѣлью дальнѣйшаго наступленія въ обходъ праваго фланга и тыла нашихъ армій Ю.-З. фронта. Въ этомъ планѣ австрійцамъ, для отвлеченія нашего вниманія, предоставлялось форсированіе р.р. Вислы и Сана съ фронта и задача деблокады Перемышля. Планъ этотъ, крайне смѣлый по замыслу, могъ покоиться только на мысли, что мы не сумѣемъ своевременно его открыть и провести соотвѣтствующую рокировочную операцію, въ результатѣ чего участокъ р. Вислы, намѣченный для удара, окажется слабо обороняемымъ. Когда же выяснилось не только занятіе названнаго участка Вислы нашими войсками, но и стремленіе послѣднихъ къ переходу на лѣвый берегъ рѣки, то германское командованіе, быстро учтя измѣнившуюся обстановку, рѣшило, заслонившись прочно къ сторонѣ Вислы, развить ударъ сѣвернѣе, перебросивъ часть своихъ войскъ черезъ р. Пилицу и энергично наступая вдоль лѣваго берега Вислы на Варшаву. — Такъ по крайней мѣрѣ рисовались намъ планы нѣмцевъ въ Ставкѣ, и я думаю, что мы были недалеки отъ истины.

ГЛАВА X.

Наше наступленіе на лѣвомъ берегу р. Вислы и контръ-маневръ германцевъ. — Лодзинскіе бои и операція подъ Брезинами.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что германцамъ, благодаря заблаговременному и быстрому отступленію, удалось выйти изъ подъ занесеннаго надъ ними удара. Это обстоятельство не только не исключало необходимости нашего дальнѣйшаго наступленія, но, наоборотъ, вынуждало насъ еще настойчивѣе стремиться къ энергическому движенію впередъ, съ цѣлью настигнуть отходившаго противника и принудить его къ бою въ невыгодныхъ для него условіяхъ.

Только полная побѣда надъ зарвавшимися германцами могла обезпечить намъ дальнѣйшую свободу дѣйствій и упрочить наше стратегическое положеніе на лѣвомъ берегу р. Вислы, значительно ослабившееся нашею предшествовавшею Восточно-Прусскою неудачею и недостаточно полно использованной побѣдой въ Галичинѣ.

Но при этомъ мы находились въ необходимости учитывать то обстоятельство, что наши шансы на побѣду должны были прогрессивно уменьшаться, по мѣрѣ приближенія нашихъ противниковъ къ своимъ границамъ. Въ то время, какъ мы являлись на лѣвомъ берегу р. Вислы обладателями весьма слабо развитой желѣзнодорожной сѣти, которая не позволяла намъ строить расчеты на переброскѣ войскъ съ одного участка общаго фронта на другой, — наши противники, по мѣрѣ своего отхода, получали въ свое распоряженіе

двѣ мощныя желѣзнодорожныя магистрали, пролегавшія по ихъ территоріи, и глубоко охватывавшія весь нашъ театръ военныхъ дѣйствій: Ряшевъ-Тарновъ-Каттовицъ-Торнъ-Лыкъ и Санокъ-Одербергъ-Бреславль-Познань-Инстербургъ. При безспорномъ искусствѣ въ маневрированіи, данное условіе являлось огромнымъ для нашихъ противниковъ преимуществомъ, которое въ полной мѣрѣ оцѣнивалось у насъ въ Ставкѣ. — Единственнымъ средствомъ, писалъ Верховный Главнокомандующій генералу Иванову, удержать инціативу въ нашихъ рукахъ и парировать возможное контръ-наступленіе германцевъ въ какомъ-либо невыгодномъ для насъ направленіи — является энергическое и скорѣйшее наступленіе.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ мнѣніемъ, при первыхъ же извѣстіяхъ объ отходѣ германцевъ на фронтѣ къ сѣверу отъ р. Пилицы и въ раіонѣ Ивангорода, Ставкой было отдано распоряженіе о выдвиженіи армій С.-З. фронта на лѣвомъ берегу р. Вислы, для преслѣдованія непріятеля, на фронтъ Лодзь-Петроковъ, съ принятіемъ всѣхъ мѣръ по обезпеченію этого наступленія со стороны Торнскаго раіона; для этого рекомендовалось имѣть на угрожаемомъ направленіи конницу, а за правымъ флангомъ наступающихъ армій — одинъ корпусъ, ввидѣ уступа. Арміямъ Ю.-З. фронта, одновременно, указывалось стремиться выйти на фронтъ Опочна-Опатовъ-Сандомиръ.

Разграничительной линіей между фронтами должна была, по-прежнему, служить р. Пилица.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, было отдано распоряженіе о скорѣйшемъ возстановленіи разрушенныхъ непріятелемъ дорогъ и устройствѣ обезпеченныхъ черезъ р. Вислу переправъ.

Организація нашего дальнѣйшаго наступленія оказалась, однако, до чрезвычайности трудною. Кромѣ капитальной порчи нѣмцами, а отчасти и австрійцами, всѣхъ путей сообщенія, намъ приходилось считаться съ крайнимъ утомленіемъ нашихъ войскъ, особенно 5-й и 4-й армій, на долю которыхъ выпало совершить передъ тѣмъ изъ Галичины рядъ напряженнѣйшихъ маршей, при исключительно трудной обстановкѣ. — Эти обстоятельства, вызывая промедленіе, создавали съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе неблагопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія нашего наступленія на лѣвомъ берегу р. Вислы.

Теоретически, наступленіе главной массы нашихъ войскъ намѣчалось на фронтъ Гнѣзно-Козель (250 килом.), т. е. въ обходъ Познани съ юга. Изъ 95-ти пѣх. дивизій, коими располагалъ къ тому времени Верховный Главнокомандующій, на указанный фронтъ должны были наступать свыше 40 дивизій(2-я, 5-я, 4-я и 9-я арміи), которыя первою своею задачею должны были, конечно, считать — одержаніе побѣды надъ германо-австрійскими войсками, оперировавшими на лѣвомъ берегу р. Вислы; около 30 дивизій (арміи 1-я и 10-я) должны были обезпечивать движеніе этой массы со стороны праваго фланга, продвигаясь къ нижней Вислѣ, какъ по правому, такъ и по лѣвому ея берегу, и 25 дивизій (арміи 3-я, 8-я и 11-я) — сковывать австрійскія арміи къ югу отъ той же рѣки. Очевидно, что всѣ эти три группы должны были дѣйствовать въ полной связи,

взаимно помогая другъ другу въ достиженіи общей цѣли. При указанномъ распредѣленіи силъ, въ Ставкѣ естественно вновь возникала мысль объ образованіи третьяго фронта, но и на этотъ разъ мысль эта не получила, по разнымъ причинамъ, своего осуществленія.

Наступленіе нашихъ армій по лѣвому берегу р. Вислы, кромѣ обстоятельствъ, о которыхъ указано было выше, встрѣтило на первыхъ же порахъ серьезную задержку со стороны германцевъ въ раіонѣ Равы и на р. Пилицѣ у Ново-Място и Бялобржеги, а также со стороны австрійцевъ — восточнѣе Радома. Сопротивленіе, оказанное ими, было, однако, къ 29-му октября сломлено, и наши противники оказались вновь вынужденными поспѣшно отступать въ направленіяхъ на Лодзь, Петроковъ и Кѣльцы.

Къ сожалѣнію, сдвигъ австрійцевъ на р. Санѣ оказался неожиданно труднымъ для нашихъ армій, оперировавшихъ въ Галичинѣ. Повидимому надломъ войскъ Двуединой Монархіи былъ не столь глубокимъ, какъ онъ намъ рисовался непосредственно послѣ Галичской операціи. Штабъ Ю.-З. фронта, въ своихъ донесеніяхъ, отмѣчалъ, что австрійскія войска обнаруживаютъ стойкость и упорство, едва ли не болѣе значительныя, чѣмъ въ начальный періодъ войны. Чтобы понудить австрійцевъ къ отступленію отъ р. Сана, явилась необходимость въ оказаніи содѣйствія нашимъ арміямъ, оперировавшимъ въ Галичинѣ, тѣми войсками Ю.-З. фронта, кои первоначально предназначались для наступленія по лѣвому берегу р. Вислы. Первымъ наиболѣе крупнымъ результатомъ такого отвлеченія войскъ отъ ихъ прямой задачи явилась потеря времени, отразившаяся и на войскахъ С.-З. фронта, такъ какъ вытекавшая изъ новой задачи перегруппировка войскъ Ю.-З. фронта вынуждала снизить разграничительную между фронтами линію, первоначально проведенную по р. Пилицѣ, болѣе чѣмъ на 40 верстъ къ югу. Это же обстоятельство, въ свою очередь, потребовало излишнихъ передвиженій уже со стороны армій С.-З. фронта и, кромѣ того, повлекло за собою невыгодную дополнительную растяжку армій названнаго фронта къ югу.

Опасаясь потерять соприкосновеніе съ германцами, Ставка настойчиво требовала отъ штаба Ю.-З. фронта скорѣйшаго завершенія операцій на Санѣ и затѣмъ дальнѣйшаго продвиженія впередъ на лѣвомъ берегу р. Вислы.

Однако, Главнокомандующій Ю.-З. фронтомъ находилъ эти задачи непосильными для армій своего фронта. Онъ указывалъ на упорство находившагося передъ ними непріятеля, котораго продолжалъ считать главнымъ нашимъ противникомъ и противъ котораго, по его мнѣнію, надлежало первоначально направить всѣ наши усилія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, главнокомандованіе Ю.-З. фронтомъ предлагало пріостановить всѣ операціи противъ Германіи и сосредоточить свыше 20-ти корпусовъ для дѣйствій противъ австро-венгерской арміи. Въ основѣ этого предложенія несомнѣнно лежала идея, что «нашъ путь на Берлинъ лежитъ черезъ Вѣну». Однако, Верховный Главнокомандующій съ такою постановкою вопроса не призналъ возможнымъ въ то время согласиться. Углубленіе большей части нашихъ силъ въ Галичину не

отвѣчало общей обстановкѣ и могло, при нашей малой маневренной подвижности, поставить насъ даже въ трудное положеніе, въ случаѣ переброски значительныхъ германскихъ силъ съ западнаго фронта на восточный. Кромѣ того, Ставка оставалась при убѣжденіи, что сдвигъ австрійцевъ съ Сана можетъ быть достигнутъ и безъ столь дорогихъ жертвъ, а именно — какъ естественное послѣдствіе успѣховъ 4-й и 9-й армій на лѣвомъ берегу р. Вислы. — Успѣхъ этотъ началъ обозначаться уже 3-го ноября и выразился въ занятіи нами Кѣлецъ и Сандомира, каковые факты не могли остаться безъ вліянія на положеніе австрійцевъ на Санѣ.

Во избѣжаніе слишкомъ рѣзкаго выдвиженія 2-й и 5-й армій впередъ, Верховный Главнокомандующій признавалъ необходимымъ, отъ времени до времени, придерживать ихъ наступленіе, въ ожиданіи результата дѣйствій нашихъ армій противъ австрійцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, усматривая крайнюю медленность и малоуспѣшность въ дѣйствіяхъ нашихъ 1-й и 10-й армій, оперировавшихъ въ Восточной Пруссіи, Великій Князь, еще въ концѣ октября, одобрилъ предположеніе Ставки объ оставленіи передъ фронтомъ Мазурскихъ озеръ одной 10-арміи (генерала Сиверса), въ составѣ шести наиболѣе ослабленныхъ предшествовавшими боями корпусовъ, снабдивъ ихъ необходимой по характеру задачи, тяжелой артиллеріей, хотя бы изъ Ковны или Осовца. Освобождавшіеся же два корпуса (I-й Турк. и VI-й), съ добавленіемъ къ нимъ вновь прибывавшихъ на театръ военныхъ дѣйствій V-го и V-го Сибирскаго корпусовъ, вмѣстѣ съ управленіемъ 1-й арміей (генерала Ренненкампфа) было намѣчено перебросить на Млавское и Влоцлавское направленія, на которыхъ стали довольно свободно хозяйничать германцы. Новыя задачи этой арміи должны были заключаться въ томъ, чтобы прикрыть направленія къ Варшавѣ по обоимъ берегамъ р. Вислы; въ случаѣ же наступленія противника по лѣвому берегу этой рѣки съ фронта Познань-Торнъ, — оказать содѣйствіе 2-й арміи по обезпеченію праваго фланга послѣдней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, 1-я армія должна была быть готовой оказать съ юга содѣйствіе 10-й арміи, въ случаѣ успѣшнаго продвиженія послѣдней за линію Мазурскихъ озеръ, на что, впрочемъ, было очень мало надеждъ.

По выполненіи переброски въ новый раіонъ, части 1-й арміи, выдвинутыя на Млавское направленіе, достигли довольно значительныхъ результатовъ. Онѣ вынудили нѣмцевъ, занимавшихъ раіонъ Млава-Праснышъ, къ отступленію на линію Сольдау-Нейденбургъ и даже создали угрозу новаго нашего вторженія въ Восточную Пруссію съ юга. Германское командованіе, всегда нервно относившееся къ появленію такой возможности, стало спѣшно подтягивать къ указанному фронту подкрѣпленія и, въ числѣ ихъ, двѣ кав. дивизіи, вновь переброшенныя на нашъ фронтъ съ запада.

Предположенія Ставки о вліяніи успѣха 4-й и 9-й армій, дѣйствовавшихъ на лѣвомъ берегу Вислы, на положеніе дѣлъ въ Галичинѣ оправдались въ полной мѣрѣ. Вслѣдъ за отходомъ австрійскихъ войскъ на лѣвомъ берегу р. Вислы, обозначилось также ихъ отступленіе сначала на Санѣ, а затѣмъ и

южнѣе — на фронтѣ противъ нашей 8-й арміи. Въ соотвѣтствіи съ симъ, пошло быстрѣе наше наступленіе, и къ 8-му ноября на лѣвомъ берегу р. Вислы арміи Ю.-З. фронта стояли уже на линіи примѣрно отъ Пржедборжа къ югу до устья р. Ниды. Продвинулись впередъ и наши Галичскія арміи, хотя онѣ все еще находились осаженными на нѣсколько переходовъ назадъ. — Австрійскія арміи отходили на западъ, къ Кракову; лишь часть ихъ войскъ взяла направленіе на юго-западъ отъ Перемышля, уходя въ Карпаты. — Блокада Перемышля, прерванная нами въ періодъ наступленія австрійцевъ къ Сану, была возстановлена вновь.

Примѣрно къ тому же времени, 2-я и 5-я арміи С.-З. фронта вышли на линію Унеіовъ - Шадекъ - Ласкъ - Роспржа - Предборжъ, имѣя уступомъ за правымъ флангомъ одинъ корпусъ (II-й) у Кутно и впереди фронта — конницу генераловъ Шарпантье (Кавк. кав. див.) и Новикова (8-я и 14-я кав. див.). — Выдвиженіе впередъ нашего праваго фланга не могло еще въ то время оцѣниваться отрицательно, такъ какъ всѣ органы развѣдки доносили, въ полномъ согласіи между собою, о постепенномъ отходѣ главной массы германскихъ войскъ на Ченстоховъ, Велюнь и лишь частично — на Калишъ. Раіоны эти, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, усиленно укрѣплялись. Такимъ образомъ, мы находились въ убѣжденіи, что нашъ противникъ передъ нами и что онъ отходитъ въ юго-западномъ направленіи; поэтому нѣкоторое выдвиженіе впередъ нашего праваго обходящаго фланга являлось, наоборотъ, даже цѣлесообразнымъ.

Конечно флангъ этотъ могъ представлять для германскаго командованія извѣстную приманку, но, для развитія противъ него наступательныхъ дѣйствій, наши противники должны были имѣть свободныя силы. Восточно-Прусскій театръ не могъ выдѣлить для сего достаточныхъ войскъ. Что же касается западнаго фронта, то на немъ во Фландріи въ этотъ періодъ времени шла еще ожесточенная борьба. Нѣмцы, стремясь прорваться къ Калэ, повели противъ нашихъ союзниковъ во второй половинѣ октября широкое наступленіе на участкѣ между р. Лисъ и моремъ, для котораго въ Бельгіи ими была образована особая армія изъ свѣжихъ войскъ, незадолго передъ тѣмъ закончившихъ свое формированіе и обученіе въ глубинѣ Германіи. Мы уже знаемъ, что одинъ изъ этихъ корпусовъ (XXV Р.) былъ, взамѣнъ Бельгіи, направленъ на восточный фронтъ въ Пруссію вслѣдствіе развивавшагося нами наступленія отъ средняго Нѣмана и изъ Августовскихъ лѣсовъ. Едва ли возможно было, при такихъ условіяхъ, ожидать, по крайней мѣрѣ въ ближайшій періодъ времени, дальнѣйшаго ослабленія непріятелемъ его западнаго фронта, для переброски войскъ противъ насъ.

Тѣмъ не менѣе Ставка, въ своихъ сношеніяхъ со штабомъ С.-З. фронта, не разъ возвращалась къ вопросу о мѣрахъ по обезпеченію праваго фланга 2-й арміи. Особыя надежды въ этомъ отношеніи возлагались на содѣйствіе, которое могло быть оказано правофланговымъ корпусамъ 2-й арміи со стороны 1-й арміи генерала Ренненкампфа. Отъ послѣдней были выдвинуты на лѣвый берегъ р. Вислы: кавалерія къ Избицѣ и V-й Сибирскій корпусъ къ Влоц-

лавску; кромѣ того, подтягивался другой корпусъ (VI-й Сиб.) къ Плоцку. 1-я армія имѣла въ своемъ распоряженіи мостовыя переправы черезъ Вислу у Влоцлавска, Плоцка, Вышгорода и Новогеоргіевска.

Принимая во вниманіе всю обстановку, Главнокомандованіе С.-З. фронтомъ, въ лицѣ генерала Рузскаго и его ближайшихъ сотрудниковъ, упорно настаивали на необходимости атаковать объединенными силами, въ кратчайшій срокъ, отходившихъ въ юго-западномъ направленіи нѣмцевъ, чтобы воспрепятствовать ихъ укрѣпленію вдоль восточной границы Силезіи и отнять у нихъ возможность свободной переброски войскъ вдоль фронта. Мнѣніе это раздѣлялось и въ Ставкѣ, и такъ какъ противникъ, по мѣрѣ своего отхода, сближался со своими желѣзными дорогами, получая въ нихъ средство для контръ-маневра, то Верховный Главнокомандующій признавалъ всякую задержку въ наступленіи до крайности для насъ невыгодной. Приходилось торопиться уже потому, что, начиная съ десятыхъ чиселъ ноября въ штабъ С.-З. фронта стали поступать, правда туманныя, свѣдѣнія о появленіи германскихъ войскъ въ различныхъ пунктахъ къ сѣверу отъ Калиша и въ Торнскомъ раіонѣ. Провѣрить эти свѣдѣнія и выяснить направленія, по коимъ непріятель производитъ свое накапливаніе, представлялось крайне труднымъ, вслѣдствіе недостаточности авіаціонныхъ средствъ. Отсутствіе же какихъ либо указаній на усиленіе военныхъ перевозокъ въ самой Германіи давало увѣренность, что перегруппировки нѣмцевъ, если онѣ и совершаются, имѣютъ лишь мѣстный характеръ, въ предѣлахъ ихъ восточнаго фронта. Штабъ С.-З. фронта относился ко всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ очень скептически: еще 13-го ноября онъ считалъ главную массу германскихъ войскъ — у Ченстохова, Велюни и Калиша, допуская, впрочемъ, на Торнскомъ направленіи присутствіе одного корпуса, переброшеннаго изъ Восточной Пруссіи.

При наличіи такихъ шаткихъ данныхъ — почти въ слѣпую — Верховному Главнокомандующему приходилось принять одно изъ двухъ рѣшеній — или, на основаніи мало провѣренныхъ свѣдѣній, отказаться отъ намѣченной атаки противника въ юго-западномъ направленіи и приспособиться къ дѣйствіямъ въ новомъ направленіи на сѣверо-западъ, или, считая главную массу непріятеля все еще на прежнихъ путяхъ, настойчиво стремиться къ немедленной его атакѣ, въ расчетѣ на достаточность принятыхъ мѣръ по обезпеченію праваго фланга наступающей массы войскъ. Мы видѣли, что на этомъ флангѣ, кромѣ конницы, могло быть собрано не менѣе трехъ корпусовъ (II-й, V-й Сиб. и VI-й Сиб.). Верховное Главнокомандованіе не нашло достаточныхъ данныхъ для измѣненія уже принятаго имъ рѣшенія, полагая, путемъ энергической атаки непріятеля въ юго-западномъ направленіи, во-первыхъ — предупредить возможность переброски главныхъ силъ противника на новыя направленія и, во-вторыхъ — сохранить инициативу дѣйствій въ нашихъ рукахъ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ рѣшеніемъ, Ставка предложила штабамъ фронтовъ въ кратчайшій срокъ закончить свою подготовку къ наступленію, начальный срокъ котораго намѣчался на 14-ое ноября. Къ этому времени предпола-

лагся выходъ и упроченіе Галичскихъ армій на линіи р. Дунаецъ и на Карпатскихъ перевалахъ. Намѣчавшееся наступленіе имѣло задачей сломить сопротивленіе непріятеля, укрѣплявшагося, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, на линіи Калишъ-Ченстоховъ, и, затѣмъ, прочно утвердиться на фронтѣ Ярочинъ-Островъ-Кемпенъ-Крейцбургъ-Люблинецъ-Каттовицъ-Освѣцимъ. Выходъ на эту линію имѣлъ для насъ огромное значеніе, такъ какъ онъ отдавалъ въ наше распоряженіе весьма важную для развитія будущихъ дѣйствій германскую желѣзнодорожную магистраль. Для объединенія дѣйствій, 4-я армія, на время наступленія, должна была перейти во временное подчиненіе Главнокомандующему С.-З. фронтомъ, которому и надлежало установить порядокъ дальнѣйшаго движенія, «при непремѣнномъ условіи, какъ говорилось въ соотвѣтствующемъ распоряженіи Ставки, принятія самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ по наилучшему обезпеченію праваго фланга».

Однако, намѣчавшееся наступленіе еще разъ разбилось о неготовность армій Ю.-З. фронта. На сей разъ дѣло затормозила 4-ая армія, въ которой неожиданно оказался израсходованнымъ весь сухарный запасъ. По донесенію штаба фронта, пополненіе этого запаса не могло состояться своевременно изъ за задержки въ возстановленіи желѣзнодорожнаго сообщенія, съ которымъ, однако, сосѣдній С.-З. фронтъ, гдѣ разрушенія были далеко не меньшими, уже справился. Готовность 4-й арміи грозила затянуться болѣе, чѣмъ на недѣлю. Только личное вмѣшательство Верховнаго Главнокомандующаго устранило эту опасность и привело къ срочной доставкѣ сухарнаго запаса къ 4-й арміи на автомобиляхъ.

Между тѣмъ уже 11-го ноября обнаружилось наступленіе германцевъ съ фронта Нешава-Радзеевъ на Влоцлавскъ, противъ нашего V-го Сиб. корпуса. Это наступленіе, которому въ первые дни штабъ С.-З. фронта не склоненъ былъ придавать рѣшающаго значенія, явилось, однако, начальнымъ актомъ германскаго контръ-маневра, пріостановившаго наше наступленіе и приведшаго къ жестокимъ Лодзинскимъ боямъ.

Въ настоящее время не является болѣе тайной, что германское главнокомандованіе на восточномъ фронтѣ, въ лицѣ генерала Гинденбурга и начальника его штаба генерала Людендорфа, рѣшило воспользоваться медленностью нашего наступленія, чтобы, спасая свое положеніе и желая остановить наше наступленіе, угрожавшее Познани и Силезіи, быстро и скрыто сосредоточить новую ударную группу на фронтѣ Торнъ-Врешенъ, съ которою и перейти въ наступленіе между Вислой и Вартой противъ праваго фланга нашихъ войскъ, наступавшихъ на лѣвомъ берегу р. Вислы. Для этого сосредоточенія была предназначена 9-я германская армія генерала Макензена (XI, XVII, XX корпуса и 3-я гв. дивизія), усиленная двумя корпусами (IР. и XXVР.) изъ 8-й Восточно-Прусской арміи. Ослабленіе этой послѣдней было признано возможнымъ, вслѣдствіе окончанія формированія въ Восточной Пруссіи, взамѣнъ уходившихъ корпусовъ, нѣсколькихъ второочередныхъ дивизій. Въ армію генерала Макензена входило также 6 кав. дивизій, изъ коихъ 2 австрійскія; часть этихъ

дивизій составляла два кав. корпуса генераловъ Фроммеля и Рихтгофена. Южнѣе 9-й арміи, должна была обезпечивать Силезскую границу армейская группа генерала Войрша (Гв. Р. и ландв. корпуса и двѣ отд. дивизіи), въ раіонѣ Ченстохова, по обѣ стороны которой пристраивались 2-я и 1-я австрійскія арміи, вступившія, такимъ образомъ, на германскую территорію, въ Силезію. Итого, наши противники имѣли на лѣвомъ берегу р. Вислы въ началѣ операціи противъ насъ не менѣе 14 корпусовъ, изъ коихъ, по расчету силъ, не менѣе 8 корпусовъ германскихъ. Къ этимъ силамъ могли быть подтянуты подкрѣпленія изъ 4-й австрійской арміи, сосредоточивавшейся къ Кракову. Наконецъ, впослѣдствіи, начиная со второй половины ноября, къ этимъ силамъ стали постепенно подходить назначенные къ перевозкѣ съ западнаго французскаго фронта четыре корпуса (II, III Р., XIII и XXIV Р.), главные резервы крѣпостей Познань, Бреславль и Торнъ, и 1-я дивизія, дополнительно переброшенная изъ Восточной Пруссіи; всего, по расчету числа дивизій, свыше шести германскихъ корпусовъ. Такимъ образомъ къ концу операціи наши противники должны были имѣть на лѣвомъ берегу р. Вислы не менѣе 20—22 корпусовъ, изъ коихъ, по расчету силъ, не менѣе 14 германскихъ корпусовъ.

Рѣшеніе о перегруппировкѣ было принято германскимъ командованіемъ около 3-го ноября и выполнено въ теченіе недѣльнаго срока, изъ чего можно видѣть, что своевременной атакой въ первыхъ числахъ ноября въ Ченстоховскомъ направленіи мы имѣли возможность предупредить задуманный нѣмцами контръ-маневръ. Такимъ образомъ, только собственному неумѣнію — срочно преодолѣть тѣ препятствія, которыя возникали на пути выполненія нашего первоначальнаго плана, предусматривавшаго эту атаку, — мы обязаны неудачѣ всего нашего замысла и выпаденію изъ нашихъ рукъ инціативы дѣйствій. Плохая же развѣдка, — эта неизмѣнная спутница всѣхъ нашихъ военныхъ начинаній, привела къ тому, что германцы сумѣли скрыть отъ насъ свою перегруппировку. Нашей медленности и плохой освѣдомленности германцы противопоставили быстроту и скрытность, давшія, въ конечномъ результатѣ, внезапность подготовлявшагося ими противъ насъ удара.

Къ 11-му ноября, т. е. ко дню наступленія германскихъ войскъ съ фронта Радзеевъ-Нешава на Влоцлавскъ, арміи С.-З. фронта занимали слѣдующее положеніе:

1-я армія (генералъ Ренненкампфъ): V Сиб. корпусъ — въ раіонѣ Влоцлавска; VI Сиб. корпусъ — на пути въ Плоцкъ изъ Плонска; VI арм. корпусъ — въ раіонѣ Серпеца, и I Турк. — на Млавскомъ направленіи, въ наступленіи на Сольдау. Кавалерія — у Избицы и Липно. Расположеніе арміи являлось несомнѣнно разбросаннымъ, что можетъ быть объяснено обширностью задачъ, лежавшихъ на этой арміи, и отчасти — отсутствіемъ до этого дня угрожающихъ свѣдѣній о противникѣ.

2-я армія (генералъ Шейдеманъ) — имѣла уступомъ за своимъ правымъ флангомъ II-й корпусъ нѣсколько сѣверо-западнѣе Кутно; остальные корпуса въ порядкѣ ихъ перечисленія, — XXIII, II Сиб., IV и I-й — на фронтѣ Унеіовъ-

Шадекъ-Ласкъ-Ведлевъ; кавалерія (генералы Новиковъ и Шарпантье) — на фронтѣ къ сѣверу отъ Калиша до Варты, примѣрно у Конина.

Южнѣе 2-й арміи — 5-я армія (генералъ Плеве), изъ корпусовъ I Сиб., XIX и V, — на фронтѣ черезъ Роспржу до Пржедборжа; далѣе къ югу — 4-я армія (корпуса Грен., XVI, III Кавк. и XVII) — на фронтѣ до Пинчова.

Наконецъ, 10-я армія изъ шести корпусовъ (III, XX, XXII, XXVI, II Кавк. и III Сиб.) — на фронтѣ противъ Мазурскихъ озеръ и укрѣпленной нѣмцами линіи Ангераппа.

Къ югу отъ армій генерала Рузскаго стояли арміи Ю.-З. фронта по р.р. Нидѣ (корпуса Гв. XXV и XIV, принадлежавшіе къ составу 9-й арміи), Дунайцу и далѣе — глубоко втянувшись въ Карпаты.

Всего къ началу операціи на лѣвомъ берегу р. Вислы находилось 16 корпусовъ.

Столкновенія, происшедшія 11-го ноября между передовыми частями V-го Сиб. корпуса и наступавшими нѣмецкими войсками, вылились на слѣдующій день въ довольно упорный бой у Влоцлавска. Въ результатѣ таковаго, нашъ корпусъ отошелъ на позиціи впереди Гостынина. Свѣдѣнія о составѣ наступавшихъ войскъ были крайне неудовлетворительны, по своей разнорѣчивости, и твердо установлено было лишь наличіе частей XXV Р. корпуса, подвезеннаго нѣмцами изъ Восточной Пруссіи. Характеризуя происшедшій у Влоцлавска бой, генералъ-квартирмейстеръ штаба С.-З. фронта Генералъ Бончъ-Бруевичъ высказывалъ, что между Кониномъ и р. Вислой наступали лишь двѣ германскія дивизіи. Хотя одна изъ дивизій V Сиб. корпуса понесла большія потери, особенно въ офицерскомъ составѣ, тѣмъ не менѣе генералъ Бончъ-Бруевичъ, держался того мнѣнія, что, въ данномъ бою, мы имѣли дѣло съ наличіемъ малой стойкости у нашихъ войскъ. Если сопоставить все это съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дѣйствительности на указанномъ выше фронтѣ наступало пять германскихъ корпусовъ и что противъ V-го Сиб. корпуса дѣйствовали части трехъ корпусовъ (XXV Р., I Р. и XX), то воочію вскрывается наша изъ рукъ вонъ плохая освѣдомленность о непріятелѣ.

Опираясь на данныя своего штаба, Главнокомандующій арміями С.-З. фронта не имѣлъ основаній отказываться отъ выполненія указаннаго ему наступательнаго плана, почему на слѣдующій день послѣ Влоцлавскаго боя генераломъ Рузскимъ были отданы необходимыя распоряженія о переходѣ съ утра 14-го ноября 2-й, 5-й и 4-й армій въ наступленіе на фронтъ Калишъ-Бендинъ. Однако, оцѣнивая въ этотъ день наступавшія между Вислой и Вартой силы германцевъ уже болѣе значительными, генералъ Рузскій указывалъ 2-й арміи вести свое наступленіе уступами, правымъ флангомъ назадъ, при каковомъ порядкѣ движенія эта армія могла удобнѣе произвести перемѣну фронта на сѣверо-западъ. Правофланговымъ же частямъ 2-й арміи (корпусамъ II-му и отчасти XXIII-му) указывалось быть въ готовности оказать содѣйствіе V-му Сиб. корпусу, къ которому долженъ былъ также подойти VI-й Сиб. корпусъ, по окончаніи переправы черезъ р. Вислу у Плоцка. Такимъ образомъ данныя

распоряженія сводились къ тому, чтобы, въ случаѣ надобности, сосредоточить на фронтѣ между р.р. Вислой и Неромъ, къ западу отъ Гостынина и Кутно, силы трехъ-четырехъ корпусовъ.

Одобряя распоряженія по усиленію праваго фланга нашего стратегическаго фронта на лѣвомъ берегу Вислы, Верховный Главнокомандующій указалъ генералу Рузскому, что, при создавшейся обстановкѣ, основной его задачей должна считаться задача разбитія германцевъ, наступающихъ на фронтъ Плоцкъ-Унеіовъ, почему Главнокомандованію С.-З. фронта надлежитъ принять заблаговременныя мѣры для образованія необходимыхъ резервовъ; со своей же стороны Великій Князь отдалъ распоряженіе о перевозкѣ изъ Петрограда въ Варшаву, въ составъ войскъ С.-З. фронта, двухъ второочередныхъ дивизій.

15-го ноября въ Ставкѣ было получено агентурное донесеніе о начавшейся, якобы, эвакуаціи нѣмцами Ченстохова и переброскѣ оттуда войскъ по желѣзной дорогѣ на Торнъ и далѣе въ Плоцкую губернію, что указывало на возможность наступленія нѣмцевъ и по правому берегу р. Вислы. Въ связи съ этимъ свѣдѣніемъ, Великій Князь обратилъ вниманіе генерала Рузскаго на необходимость быть готовымъ къ маневрированію войсками его фронта на обоихъ берегахъ р. Вислы; это требовало, по мнѣнію Ставки, устройства обезпеченныхъ переправъ, подготовки желѣзныхъ дорогъ и заблаговременныхъ соображеній о переброскѣ, въ случаѣ выясненія необходимости, 5-й арміи, а можетъ быть и части 4-й, на правый берегъ р. Вислы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Верховнымъ Главнокомандующимъ была отмѣчена необходимость побудить 10-ю армію къ болѣе энергическимъ дѣйствіямъ, при отсутствіи коихъ не оправдывалось наличіе въ этой арміи шести корпусовъ.

Однако, постепенно выяснилось, что на правомъ берегу р. Вислы, на Млавскомъ и Серпецкомъ направленіяхъ, дѣйствуютъ относительно небольшія силы германцевъ — въ общемъ три-четыре пѣхотн. дивизіи съ двумя кав. дивизіями, переброшенными сюда съ западнаго фронта. Назначеніе этихъ войскъ, повидимому, состояло только въ томъ, чтобы затруднить сосредоточеніе всей нашей 1-й арміи на лѣвомъ берегу р. Вислы. Такимъ образомъ опредѣлено выяснилось, что главное наше вниманіе должно было быть сосредоточено на томъ, чтобы ликвидировать развивавшееся наступленіе германцевъ на лѣвомъ берегу Вислы.

Я уже отмѣтилъ, что, распоряженіемъ генерала Рузскаго, на фронтѣ между р. Вислой и Неромъ, впереди Кутно, должны были собраться три-четыре нашихъ корпуса для отраженія наступавшихъ германцевъ; составъ послѣднихъ не былъ еще точно выясненъ, въ дѣйствительности же достигалъ 5—5½ корпусовъ. Хотя каждый изъ нашихъ корпусовъ, по числу батальоновъ, былъ значительно сильнѣе германскаго, и, такимъ образомъ, между сторонами не было существенной разницы въ числѣ батальоновъ, но въ маневренной войнѣ огромное преимущество всегда будетъ на сторонѣ того, кто обладаетъ болѣе гибкой и легкой организаціей, каковою являлась организація нашего про-

тивника. Независимо того, германцы были сосредоточены, мы — же разбросаны. Они богаче насъ были снабжены артиллеріей, а ихъ резервныя части, по своимъ боевымъ качествамъ, значительно превосходили наши второочередныя дивизіи, изъ коихъ цѣликомъ были составлены V-й и VI-й Сибирскіе корпуса. Но важнѣе всего было то, что руководство наступавшими германскими войсками находилось въ рукахъ одного военачальника, тогда какъ наши корпуса принадлежали къ составу двухъ сосѣднихъ армій и, въ силу этого, были лишены ближайшаго объединенія. Намѣчавшійся германцами ударъ приходился по стыку между двумя арміями, всегда представляющему наиболѣе уязвимое мѣсто. Правда, въ виду назрѣвавшихъ событій, генералъ Рузскій, съ частью своего штаба, находился въ Варшавѣ, невдалекѣ отъ участка, на которомъ ожидались событія; но онъ продолжалъ управлять дѣйствіями своего фронта въ нормальномъ порядкѣ, т. е. чрезъ командующихъ арміями. Нарушить привычный порядокъ управленія войсками генералъ Рузскій, повидимому, не рѣшался. Привычка къ закономъ установленнымъ формамъ, хотя бы и въ ущербъ существу, къ сожалѣнію, была обычнымъ явленіемъ въ нашей арміи, и я бы поэтому не рѣшился поставить ее въ особый упрекъ Главнокомандованію арміями С.-З. фронта; но несомнѣнно, что, при данныхъ условіяхъ, дѣло конечно выиграло бы отъ изъятія упомянутыхъ корпусовъ въ оперативномъ отношеніи изъ вѣдѣнія соотвѣтствующихъ командующихъ арміями, съ подчиненіемъ ихъ непосредственно генералу Рузскому, или въ крайности — одному изъ командующихъ арміями, или даже кому-либо изъ наличныхъ командировъ корпусовъ. Этимъ было бы достигнуто наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ столь необходимое въ военномъ дѣлѣ единство дѣйствій и устранено вредное тяготѣніе упомянутыхъ корпусовъ къ своимъ арміямъ, несомнѣнно облегчавшее противнику прорывъ между ними.

14-го ноября нѣмцы энергично атаковали II-й и особенно XXIII-й корпуса на участкѣ южнѣе желѣзной дороги изъ Кутно на Влоцлавскъ до р. Неръ включительно. Сѣвернѣе той же желѣзной дороги ихъ усилія были направлены отъ Коваля на Гостынинъ. Всѣ эти атаки особаго успѣха не имѣли, за исключеніемъ раіона дѣйствій нашего XXIII-го корпуса, на которомъ, послѣ кровопролитныхъ схватокъ, наша 3-я гв. дивизія къ утру 15-го ноября должна была отойти на лѣвый берегъ р. Нера; 1-я же стрѣлковая бригада отошла на Ленчицу. Развивая достигнутый частичный успѣхъ, нѣмцы оттѣснили, въ теченіе 15-го ноября, нашихъ стрѣлковъ къ Озоркову и тѣмъ открыли себѣ путь на Ловичъ; въ этомъ послѣднемъ направленіи и двинулась часть ихъ войскъ. Движеніе это создало угрозу лѣвому флангу нашего II-го корпуса, переключеннаго къ этому времени въ составъ 1-й арміи. Корпусъ этотъ, атакованный, къ тому же еще и съ фронта, отошелъ къ вечеру того же дня назадъ, увлекая за собою V-й Сиб. корпусъ, дѣйствовавшій съ частями VI-го Сиб. корпуса нѣсколько сѣвернѣе. Въ результатѣ, указанная группа корпусовъ отошла на позицію восточнѣе Кутно и Гостынина, примкнувъ правымъ своимъ флангомъ къ р. Вислѣ, почти вплотную къ Плоцку.

Двухдневными боями 14-го и 15-го ноября было, наконецъ, документально установлено наличіе у противника, между р. р. Вислой и Неромъ, XI, XVII, XX и части XXV Р. корпусовъ; кромѣ того — нѣсколькихъ кав. дивизій. Лишь I Р. корпусъ и 3-я гв. дивизія все еще оставались не обнаруженными.

Ввиду фактическаго прорыва нѣмцевъ отъ Ленчицы въ направленіи на Ловичъ, къ послѣднему пункту, для непосредственнаго его прикрытія, были спѣшно направлены по желѣзной дорогѣ черезъ Варшаву два Туркестанскихъ стрѣлковыхъ полка и полкъ офицерской стрѣлковой школы (всего 6 бат.). Кромѣ того, къ Варшавѣ была направлена вновь прибывшая 6-я Сиб. стрѣлк. дивизія. Для окончательнаго же закрытія образовавшагося прорыва, приказано было группѣ корпусовъ 1-й арміи, отошедшихъ на позиціи восточнѣе Гостынина и Кутно, перейти снова въ наступленіе; наконецъ, въ раіонѣ дѣйствій 2-й арміи, II-му Сиб. корпусу — подтянуться къ XXIII-му, для совмѣстной атаки германцевъ на участкѣ Ленчица-Домбе, съ развитіемъ главнаго удара на Ленчицу.

Слѣдующій день, 16-го ноября, не улучшилъ, однако, нашего положенія. — XXIII-й и II-й Сиб. корпуса вели упорный встрѣчный бой съ нѣмцами на участкѣ между р. р. Бзурой и Вартой, но къ вечеру вынуждены были къ отходу; противникъ окончательно и значительными силами укрѣпился на Нерѣ и Бзурѣ, примѣрно до Орлова. Въ сѣверо-восточной группѣ нашихъ корпусовъ день закончился также неблагополучно, и находившійся на лѣвомъ флангѣ II-й корпусъ отошелъ за р. Скудву, очистивъ путь на Кутно. Послѣдній, впрочемъ, еще раннимъ утромъ былъ занятъ противникомъ, выдвинувшимъ впередъ свою кавалерію. При этомъ продвиженіи, непріятельскимъ разъѣздомъ былъ случайно захваченъ въ плѣнъ попавшійся разъѣзду на пути, въ автомобилѣ, Варшавскій Губернаторъ Баронъ Корфъ.

Разруха, произведенная германскимъ контръ-наступленіемъ на правомъ флангѣ нашихъ войскъ, вынудила Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ, еще въ ночь на 16-ое ноября, отдать распоряженіе о пріостановкѣ наступленія 2-й, 5-й и 4-й армій, производившагося въ юго-западномъ направленіи, и о перегруппировкѣ этихъ армій. Лѣвофланговые корпуса 2-й арміи (IV-й и I-й), еще не введенные въ бой, получили распоряженіе перейти къ Лютомерску и Ласку, т. е. приблизиться къ раіону разыгрывавшагося сраженія; въ дальнѣйшемъ ихъ имѣлось ввиду вывести на направленіе Лодзь-Ленчица. 5-й арміи было первоначально указано подтянуться ближе къ раіону Петрокова, который прорѣзывался желѣзной дорогой; затѣмъ, два корпуса этой арміи (XIX-й и I-й Сиб.) получили приказаніе выйти на лѣвый флангъ 2-й арміи. Что же касается третьяго корпуса арміи генерала Плеве (V-го), то его предполагалось перевезти по жел. дорогѣ въ Скерневицы, въ распоряженіе Главнокомандующаго фронтомъ, въ дѣйствительности же эта мѣра была осуществлена лишь частично: на Скерневицы была направлена только одна дивизія этого корпуса (10-я); другая же дивизія (7-я) осталась при арміи, для обезпеченія ея лѣваго фланга.

Наконецъ, 4-й арміи было указано временно остановиться на достигнутомъ

фронтѣ, соотвѣтственно растянувъ лишь свое расположеніе къ сѣверу до Новорадомска.

Однако, свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ослабленіи германскихъ силъ на Ченстоховскомъ направленіи и непрекращающейся переброскѣ ихъ въ раіонъ Торна и даже на правый берегъ р. Вислы, побудили Ставку вернуться къ вопросу объ ускореніи атаки противника на направленіяхъ Краковъ-Ченстоховъ, съ цѣлью сковать его на этомъ фронтѣ и лишить возможности продолжать переброску своихъ войскъ на сѣверъ. Такъ какъ Главнокомандующій С.-З. фронтомъ былъ отвлеченъ операціей, развивавшейся между р.р. Вислой и Вартой, то задача эта была въ полномъ объемѣ возложена на генерала Иванова, въ подчиненіе которому и была вновь передана, въ ночь съ 17-го на 18-ое ноября, вся 4-я армія. Новая разграничительная линія между фронтами была проведена черезъ Роспржу на Велюнь. Въ случаѣ успѣха, генералъ Ивановъ долженъ былъ въ дальнѣйшмъ, изолировавъ Краковъ, стремиться къ захожденію своими двумя правофланговыми арміями, лѣвымъ плечомъ впередъ, въ направленіи на Люблинецъ. Въ предвидѣніи же дѣйствій подъ Краковомъ, сдѣлано было распоряженіе о формированіи подвижныхъ тяжелыхъ батарей изъ состава Брестъ-Литовской и другихъ крѣпостей.

Возобновивъ наступленіе, 4-я армія подошла къ позиціямъ непріятеля, занятымъ послѣднимъ на подступахъ къ фронту Ченстоховъ-Козегловы; здѣсь эта армія ввязалась въ бои, встрѣтивъ со стороны противника упорное сопротивленіе. — 9-я же армія, съ боями, стала подвигаться къ Кракову.

Дѣйствія 5-й и 4-й армій въ расходящихся направленіяхъ должны были неизбѣжно привести къ разрыву между ними и образованію не занятаго нашими войсками промежутка. Для заполненія таковаго, Ставка отдала распоряженіе о выдвиженіи обѣими названными арміями на наружные ихъ фланги конныхъ группъ, долженствовавшихъ связаться другъ съ другомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ввиду обнаруженнаго сдвига австрійскихъ войскъ въ Галичинѣ и переброски ихъ къ сѣверу отъ Кракова, Главнокомандующему Ю.-З. фронтомъ рекомендовалось сосредоточить на лѣвомъ берегу р. Вислы не только 4-ю и 9-ю арміи, но подтянуть туда же и часть 3-й арміи; на правомъ же берегу р. Вислы, наступленіемъ 8-й арміи на Змигродъ-Дуклу, попытаться затруднить указанную выше переброску австрійцевъ къ сѣверу отъ Кракова. Передвиженіемъ частей 3-й арміи на лѣвый берегъ р. Вислы и послѣдовательнымъ перемѣщеніемъ корпусовъ къ сѣверу могла бы быть обезпечна также задача усиленія праваго фланга 4-й арміи, на случай необходимости оказать этимъ флангомъ помощь арміямъ С.-З. фронта.

Указанная выше перегруппировка армій С.-З. фронта должна была закончиться къ вечеру 17-го ноября, и на слѣдующій день генералъ Рузскій намѣчалъ перейти къ совмѣстной атакѣ германцевъ 1-й 2-й и 5-й арміями, имѣя цѣлью остановить дальнѣйшее наступленіе непріятеля и закрыть образовавшійся разрывъ фронта на Ловичскомъ направленіи. Къ лѣвобережной группѣ корпусовъ 1-й арміи ожидался подходъ головныхъ частей VI арм. корпуса,

переправлявшихся въ Плоцкѣ; къ Ловичу же была двинута по желѣзной дорогѣ 6-я Сиб. дивизія, подвозившаяся болѣе раннимъ распоряженіемъ къ Варшавѣ.

Предположенная на 18-е ноября атака, однако, не состоялась. — 2-я армія, подъ сильнымъ напоромъ противника на II-й Сиб. корпусъ, по обѣ стороны котораго выходили IV-й и I-й арм. корпуса, отошла на фронтъ Брезины-Стрыковъ-Згержъ-Константиновъ, занявъ такимъ образомъ дугообразное расположеніе на путяхъ къ Лодзи. Равнымъ образомъ и 1-я армія, уничтоживъ, по распоряженію генерала Ренненкампфа, мостъ у Плоцка, была внезапно и безъ достаточныхъ основаній отведена на цѣлый переходъ назадъ на фронтъ Илово-Шемянице, прикрывъ своимъ лѣвофланговымъ корпусовъ (II-мъ) пути на Ловичъ.

Въ результатѣ такого эксцентрическаго отхода, разрывъ между лѣвымъ флангомъ 1-й арміи и правымъ флангомъ 2-й арміи еще болѣе расширился, достигнувъ нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Въ это пространство свободно могъ вливаться противникъ, занявшій еще 17-го ноября Піонтекъ.

Съ сожалѣніемъ приходится констатировать тотъ диссонансъ, который существовалъ между настроеніями, съ одной стороны, Главнокомандованія С.-З. фронтомъ, а съ другой — большинства исполнителей, отдававшихъ распоряженія на мѣстахъ. Въ то время, какъ генералъ Рузскій и его штабные сотрудники настойчиво стремились выправить положеніе переходомъ въ наступленіе, вторые — болѣе тяготѣли къ уступкѣ непріятелю пространства и оборонѣ. Генералъ Рузскій доносилъ въ Ставку, что «въ настроеніи начальствующихъ лицъ, по заявленіямъ командующихъ, не замѣчается должнаго подъема».

Штабъ С.-З. фронта желалъ видѣть 2-ю армію на фронтѣ Піонтекъ-Лодзь; боевыя же дѣйствія противника вынуждали Командующаго этой арміей отводить свои войска все болѣе и болѣе на югъ, причемъ генералъ Шейдеманъ утѣшалъ себя достаточно безнадежною мыслью исправить послѣдствія такого отхода въ будущемъ, ударомъ во флангъ обходившему его противнику. Потокъ послѣдняго, постепенно оттѣсняя войска 2-й арміи къ Лодзи, неизмѣнно разливался, направляясь на Стрыковъ, Брезины, Колюшки и Рзговъ. Уже 18-го ноября непріятельскіе разъѣзды, доходившіе до Петрокова и Томашова, прервали прямую телеграфную связь между штабомъ 2-й арміи и штабомъ фронта. Положеніе этой арміи съ каждымъ днемъ становилось все серьезнѣе.

Несостоявшееся 18-го ноября совмѣстное наступленіе было перенесено Главнокомандующимъ арміями С.-З. фронта на слѣдующее число; но и въ этотъ день ни на фронтѣ 1-й арміи, ни во 2 арміи никакихъ положительныхъ результатовъ достигнуто не было. Правый флангъ 2-й арміи все глубже охватывался нѣмцами и его приходилось все болѣе и болѣе загибать назадъ, фронтомъ на востокъ и даже на югъ.

Лишь одна 5-я армія, выполняя приказаніе Главнокомандующаго, начала, съ полудня 10-го, наступленіе на фронтъ Ласкъ-Пабянице, и далѣе на сѣверъ. Встрѣтивъ на своемъ пути нѣмцевъ, корпуса 5-й арміи вступили съ ни-

ми въ бой. Наступленіе I-го Сиб. корпуса на Лютомерскъ и XIX-го корпуса въ направленіи на Шадекъ развивалось очень успѣшно. Непріятель былъ отброшенъ съ большими потерями къ сѣверу. Были взяты плѣнные, орудія, пулеметы. Но главнымъ результатомъ наступленія 5-й арміи было значительное расширеніе на западъ нашего фронта, угрожавшаго передъ тѣмъ замкнуться вокругъ 2-й арміи.

Но, положеніе 5-й арміи, въ свою очередь стало осложняться обнаруженіемъ противъ ея лѣваго фланга, со стороны р. Варты, новыхъ германскихъ силъ: то были части Бреславльскаго и Познанскаго корпусовъ, усиленныя кавалеріей; о наступленіи ихъ черезъ Калишъ у насъ имѣлись свѣдѣнія уже и раньше..

Фактъ прорыва нѣмцевъ между 1-й и 2-й арміями и глубокаго охвата послѣдней съ праваго фланга требовалъ принятія серьезныхъ и экстренныхъ мѣръ, для противодѣйствія возможнымъ результатамъ таковаго. По существу, наше положеніе въ общемъ не должно было представляться особо угрожаемымъ. Силы германцевъ, перешедшія въ наступленіе между р.р. Вислой и Вартой, были ограничены, и даже по нашимъ исчисленіямъ того времени, не превосходили 6½—7 корпусовъ. Изъ этихъ силъ, въ обходныхъ колоннахъ, противъ праваго фланга и тыла 2-й арміи, едва ли могло быть свыше 2—2½ корпусовъ. Правда, имѣлись свѣдѣнія, что германская пѣхота, передъ наступленіемъ, была доведена до 260—280 штыковъ въ ротѣ, но это обстоятельство не измѣняло существенно всей обстановки. Противъ этихъ силъ мы имѣли въ арміяхъ С.-З. фронта на лѣвомъ берегу р. Вислы 11 корпусовъ, изъ коихъ: въ 1-й арміи, висѣвшей надъ флангомъ и тыломъ прорвавшихся нѣмецкихъ войскъ, до четырехъ корпусовъ (V и VI Сибирскіе, II корпусъ и Ловичскій отрядъ) и во 2-й и 5-й арміяхъ — семь корпусовъ. Положеніе 5-й арміи, впрочемъ, осложнялось, какъ мы видѣли, появленіемъ у нея на лѣвомъ флангѣ, и даже въ тылу, новыхъ германскихъ войскъ, наступавшихъ въ направленіи на Шадекъ и Ласкъ. Одно время это наступленіе оцѣнивалось въ штабѣ С.-З. фронта весьма серьезно, какъ могущее привести, вмѣстѣ съ обходомъ праваго фланга генерала Шейдемана, къ полному окруженію 2-й и 5-й армій, но генералъ Плеве, своими спокойными и увѣренными донесеніями, разсѣялъ постепенно эти опасенія.

Подтянувъ къ 1-й арміи подкрѣпленія съ праваго берега р. Вислы, Главнокомандующій С.-З. фронтомъ, въ силу положенія этой арміи, получалъ возможность, соотвѣтственнымъ направленіемъ ея частей, поставить обходившія 2-ю армію нѣмецкія колонны въ очень трудное положеніе. Въ данномъ случаѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, могла найти себѣ подтвержденіе формула: «кто обходитъ, тотъ самъ обойденъ». Вопросъ сводился лишь къ тому, чтобы развить наступательныя дѣйствія частей 1-й арміи съ необходимой энергіей и выполнить подсказывавшійся обстановкой контръ-маневръ прежде, чѣмъ будетъ исчерпана сопротивляемость обойденныхъ корпусовъ нашей 2-й арміи.

Въ главныхъ линіяхъ схема этого контръ-маневра намѣчалась въ слѣдующемъ видѣ:

Группа войскъ 1-й арміи, получившая неоффиціальное названіе «V-го и VI-го сибирскихъ корпусовъ», въ дѣйствительности же значительно усиленная другими частями, въ томъ числѣ изъ состава II-го арм. корпуса, должна была наступать правымъ флангомъ вдоль р. Вислы и лѣвымъ — отъ Ловича въ сѣверо-западномъ направленіи, тѣсня передъ собою германцевъ, наступавшихъ съ фронта Плоцкъ-Кутно, и не давая имъ возможности придти на помощь нѣмецкимъ войскамъ, обволакивавшимъ съ сѣвера, востока и юга Лодзь. Въ то же время отряды Ловичскій (изъ 43-й дивизіи II-го корпуса, 6-й сиб. дивизіи, трехъ бригадъ, выдѣленныхъ изъ состава другихъ корпусовъ и дивизій, и трехъ двухъ-батальонныхъ полковъ, въ первую очередь поданныхъ къ Ловичу) и Скерневицкій (одинъ полкъ 10-й дивизіи V-го корпуса), входившіе также въ составъ 1-й арміи, должны были наступать въ юго-западномъ направленіи, на фронтъ Стрыковъ-Брезины-Ежовъ, чтобы преградить пути отступленія колоннамъ непріятеля, обходившимъ Лодзь.

Чтобы прикрыть правый флангъ и тылъ Ю.-З. фронта, обнажившіеся вслѣдствіе широкаго разрыва между 1-й и 2-й арміями, и оградить войска и ихъ тылы отъ появленія въ этомъ разрывѣ непріятельской кавалеріи, Ставка направила, срочнымъ порядкомъ, черезъ Ивангородъ на Радомъ, Опочну и далѣе на Томашовъ гвардейскую кавалерію, находившуюся на отдыхѣ въ раіонѣ Ковны и Вильны. Затѣмъ, для остановки дальнѣйшаго распространенія германцевъ, обходившихъ 2-ю армію, генералъ Плеве намѣчалъ снять съ фронта 5-й арміи 1-ю сибирскую пѣх. дивизію и бросить ее черезъ Пабянице на Рзговъ. Эта дивизія предназначалась для дѣйствій: во-первыхъ — въ связи съ тремя полками 10-й пѣх. дивизіи, не успѣвшими быть переброшенными изъ Петрокова въ Скерневице, вслѣдствіе перерыва желѣзнодорожнаго сообщенія, и во-вторыхъ — съ коннымъ корпусомъ генерала Новикова (8-я и 14-я кав. дивизіи), долженствовавшимъ перейти съ лѣваго фланга 2-й арміи къ Тушину для связи съ кавалеріей (Кавк. и 5-я кав. дивизіями) 1-й арміи, двигавшейся на лѣвомъ флангѣ Ловичскаго и Скерневицкаго отрядовъ. Перечисленные три группы войскъ могли образовать мѣшокъ съ запада и юга вокругъ зарвавшагося врага.

Вполнѣ очевидно, что концентрическое наступленіе всѣхъ этихъ колоннъ, вмѣстѣ съ возобновленіемъ атаки правофланговыми корпусами обойденной 2-й арміи, должно было привести къ полному окруженію значительной части германскихъ войскъ, примѣрно въ раіонѣ Брезинъ, каковое окруженіе являлось бы достойнымъ реваншемъ за Самсоновскую катастрофу.

Дабы, въ періодѣ этого маневра и послѣдующихъ дѣйствій, сковать непріятельскую группу у Ченстохова и воспрепятствовать переброскѣ изъ нея войскъ на болѣе сѣверныя направленія, напримѣръ, во флангъ 5-й арміи, было признано крайне полезнымъ развить болѣе энергичное наступленіе и правофланговыми арміями Ю.-З. фронта; въ крайнемъ же случаѣ — имѣть на готовѣ хотя бы одинъ корпусъ для наступленія на фронтъ Щерцовъ-Белхатовъ, во флангъ германскимъ войскамъ, при попыткѣ ихъ наступать отъ р. Варты на

Ласкъ. Однако, положеніе нашихъ 4-й и 9-й армій къ этому времени оказалось очень нелегкимъ. Обезкровленныя боями, неподдержанныя частями 3-й арміи и вынужденныя подаваться все время къ сѣверу, вслѣдствіе перегруппировокъ, совершавшихся на С.-З. фронтѣ, обѣ эти арміи занимали крайне растянутое расположеніе и тѣмъ не менѣе все же между лѣвымъ флангомъ 5-й арміи и правымъ 4-й оставался незаполненнымъ довольно значительный промежутокъ, слабо занимавшійся, какъ уже отмѣчено было выше, одною конницею.

Вслѣдствіе этого Ставкой намѣчалась переброска въ этотъ промежутокъ II-го Кавк. корпуса изъ состава 10-й арміи, безнадежно топтавшейся на мѣстѣ въ Восточной Пруссіи.

Эта предосторожность казалась Ставкѣ не лишней потому, что на фронтѣ нашихъ союзниковъ съ половины ноября замѣтно стали затихать бои у Ипра и на Изерѣ. Фронтъ ихъ постепенно стабилизировался, и мы не могли болѣе считать себя гарантированными отъ возможности новой переброски германскихъ войскъ съ западнаго фронта на ихъ восточный. Мы уже знаемъ, что германское Главнокомандованіе дѣйствительно подготовило перевозку четырехъ корпусовъ. Изъ нихъ два корпуса (III Р. и XIII) были имъ направлены на Сохачовское направленіе, одинъ корпусъ (II) — на Калишъ и четвертый (XXIV Р.) — еще южнѣе.

Измѣнившаяся, вслѣдствіе такого распредѣленія германскихъ корпусовъ, обстановка заставила использовать II-й Кавказскій корпусъ, послѣ прибытія его на лѣвый берегъ р. Вислы, на другомъ направленіи, а именно на р. Бзурѣ.

Изложенная выше схема предстоявшихъ дѣйствій, для ликвидаціи Лодзинскихъ боевъ, была одобрена Верховнымъ Главнокомандующимъ, который высказалъ, что войсками и ихъ начальниками должны быть исчерпаны всѣ средства, чтобы сломить сопротивленіе противника. Но такъ какъ Главнокомандующій Ю.-З. фронтомъ генералъ Ивановъ считалъ необходимымъ настаивать на томъ, чтобы ознакомить его съ существующими соображеніями на случай неуспѣха принимаемыхъ мѣръ, то ему было отвѣчено, что, если побѣда будетъ не за нами, — придется начать отходъ къ Вислѣ и Сану, ставя себѣ цѣлью остановиться на заранѣе подготавливавшихся позиціяхъ лѣваго берега р. Вислы; на Санѣ же — удерживать въ нашихъ рукахъ переправы.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ. — 20-го ноября прервалась всякая связь между штабомъ С.-З. фронта и штабами 2-й и 5-й армій. Послѣдній изъ Петрокова переѣхалъ ближе къ войскамъ. Перестали отзываться на позывы и искровыя станціи обѣихъ армій. Такимъ образомъ, 2-я и 5-я арміи были окончательно отрѣзаны отъ насъ, и командованіе этой изолированной группой войскъ изъ семи корпусовъ, перешло въ руки командующаго 5-й арміей генерала Плеве.

Безпокоясь о судьбѣ этой группы войскъ, мы въ Ставкѣ переживали крайне тревожное время. Послѣднее донесеніе генерала Шейдемана говорило о томъ, что его правый флангъ совершенно обойденъ съ тыла, и что противникъ занялъ нѣкоторые пункты къ юго-западу отъ Лодзи; арміи доносилъ генералъ Шей-

деманъ, приходится отбиваться на всѣ стороны, и всѣ ея резервы израсходованы. Положеніе 2-й и 5-й армій осложнялось недостаточнымъ обезпеченіемъ войскъ боевыми припасами и невозможностью ихъ доставки. Правильный подвозъ прекратился. Обозы 2-й и 5-й армій безпорядочно загромоздили всѣ пути на Радомъ. Они явились распространителями самыхъ невѣроятныхъ слуховъ. Говорили о прибытіи въ штабъ 2-й арміи германскихъ парламентеровъ, съ предложеніемъ о прекращеніи сопротивленія. Но всѣ, знавшіе личную доблесть генерала Плеве и его выдержку, не сомнѣвались въ достойномъ отвѣтѣ.

Слухи эти потомъ разъяснились. Въ штабъ 2-й арміи дѣйствительно прибылъ германскій лейтенантъ, съ бѣлой повязкой на рукѣ, заявившій, что онъ присланъ отъ Командующаго германскими войсками на восточномъ фронтѣ генерала Гинденбурга, съ предложеніемъ о сдачѣ. Не вступая въ переговоры, его отправили въ штабъ 5-й арміи къ генералу Плеве. Послѣдній не принялъ парламентера, и, такъ какъ при немъ не оказалось никакихъ документовъ, удостовѣрявшихъ его странную миссію, то онъ былъ тутъ же объявленъ военно-плѣннымъ. Повидимому, офицеръ этотъ, посланный въ разъѣздъ, заблудился и, чтобы выйти изъ положенія, грозившаго ему жизнью или плѣномъ, намѣтилъ себѣ столь своеобразную мистификацію.

При очерченныхъ выше условіяхъ быстрыя и энергичныя дѣйствія со стороны частей 1-й арміи пріобрѣтали исключительно важное значеніе.

Между тѣмъ, несмотря на повторные призывы Верховнаго Главнокомандующаго къ начальникамъ и войскамъ — о необходимости напрячь всѣ силы и энергію, части арміи генерала Ренненкампфа продвигались впередъ весьма вяло. Группа войскъ, ядро коихъ составляли V-й и VI-й сибирскіе корпуса, по характеристикѣ штаба С.-З. фронта, показала себя вполнѣ немощной и требовала, для своего продвиженія впередъ, дополнительнаго прилива свѣжихъ частей изъ за Вислы. Но особое значеніе пріобрѣтало конечно скорѣйшее продвиженіе Ловичскаго отряда, предназначавшагося для выхода въ тылъ обходившимъ 2-ю армію германскимъ войскамъ. Къ сожалѣнію отрядъ этотъ, какъ мы уже видѣли, имѣлъ до крайности пестрый составъ и во главѣ его находились случайные начальники, едва ли не ежедневно къ тому же смѣнявшіеся. По позднѣйшимъ расчетамъ штаба С.-З. фронта, отрядъ этотъ двигался, не имѣя передъ собою непріятеля, со скоростью всего лишь отъ 8 до 12 верстъ въ сутки. — «У насъ войска какъ-то не ходятъ, несмотря на самыя энергичныя подталкиванія» — такъ характеризовалъ наступательную работу 1-й арміи одинъ изъ отвѣтственныхъ чиновъ штаба С.-З. фронта. Въ крайне печальномъ положеніи оказалась въ 1-й арміи и работа службы связи. Несмотря на наличіе достаточныхъ средствъ для ея организаціи, нельзя было добиться яснаго донесенія о ходѣ дѣлъ въ частяхъ этой арміи. Отсутствіе свѣдѣній о дѣятельности Ловичскаго отряда крайне нервировало Ставку и штабъ С.-З. фронта. Только черезъ офицера, спеціально посланнаго штабомъ фронта въ этотъ отрядъ съ нѣсколькими автомобилями, стало, наконецъ, извѣстно, что 22-го ноября Ловичскій отрядъ, наступавшій нѣсколькими колоннами, взялъ съ боя Стрыковъ и Брезины,

послѣ чего сталъ продвигаться далѣе, ведя бои за мѣстные предметы, упорно обороняемые нѣмцами. Послѣдніе, чтобы избѣжать атаки въ тылъ, должны были разорвать свое кольцо, образованное ими вокругъ Лодзи, и изогнуть его въ обратную сторону, фронтомъ на сѣверъ; оторвавшаяся же часть непріятеля, состоявшая, какъ впослѣдствіи выяснилось, изъ XXV Р. корпуса и 3-й гв. дивизіи, съ двумя кав. дивизіями, оказалась въ изолированномъ положеніи въ раіонѣ Рзговъ-Тушинъ.

Телеграфное сообщеніе штаба генерала Плеве съ штабомъ фронта было возстановлено въ тотъ же день 20-го ноября и на слѣдующій день, 21-го ноября, изъ 5-й арміи было получено донесеніе, что обходу нѣмцевъ, въ раіонѣ Тушинъ-Рзговъ, положенъ окончательный предѣлъ совокупными дѣйствіями 1-й сиб. дивизіи, наступавшей черезъ Пабянице на Рзговъ, полковъ 10-й дивизіи, слѣдовавшихъ на Тушинъ со стороны Петрокова, и коннаго корпуса генерала Новикова, находившагося въ этотъ день въ промежуткѣ между обоими названными выше отрядами.

Такимъ образомъ, общая обстановка, казалось, складывалась вполнѣ благопріятно. Можно было ожидать въ ближайшемъ времени благополучной развязки столь безпокоившаго насъ «Брезинскаго» узла. Тяжелое положеніе нѣмцевъ, охватываемыхъ со всѣхъ сторонъ, должно было усиливаться все крѣпнувшими морозами и безснѣжной вѣтреной погодой...

Въ глухую темную ночь на 23-е ноября, едва успѣвъ уснуть послѣ ряда тревожно пережитыхъ дней, я былъ внезапно разбуженъ вѣстовымъ, передавшимъ мнѣ приглашеніе Начальника Штаба присутствовать при бесѣдѣ его съ Главнокомандующимъ С.-З. фронтомъ; генералъ Рузскій — срочно вызвалъ генерала Янушкевича къ прямому проводу. Было 4 часа пополуночи. На дворѣ стоялъ сильный морозъ; въ темномъ небѣ ярко блистали звѣзды. Пройдя въ «аппаратную» и еще издали услышавъ глубоко врѣзавшійся въ мою память на всю жизнь характерный стукъ «Юза», я былъ уже подготовленъ къ встрѣчѣ съ какимъ-либо важнымъ и неожиданнымъ извѣстіемъ. Бѣгло просмотрѣвъ первыя кольца медленно ниспадавшей съ аппарата бумажной ленты, я сразу ощутилъ ту пропасть, которая обнаружилась въ настроеніи лицъ, стоявшихъ по оба конца холодной, безстрастной проволоки, ихъ соединявшей. Мы, въ Ставкѣ, были полны увѣренности въ успѣшномъ окончаніи намѣченной операціи и лишь стремились бороться со слухами, спѣшившими опередить событія. Едва ли не на столѣ тѣснаго купэ вагона, служившаго мнѣ спальней, еще лежало только что полученное письмо изъ Петербурга, въ которомъ меня упрекали въ умышленномъ сокрытіи радостной вѣсти о громкой побѣдѣ. Въ письмѣ передавалось, какъ о достовѣрномъ фактѣ, циркулировавшее въ столицѣ распоряженіе моего однофамильца Главнаго Начальника Снабженій С.-З. фронта генерала Данилова, прозваннаго «рыжимъ», въ отличіе отъ меня — Данилова — «чернаго», увы — нынѣ давно уже побѣлѣвшаго, — что въ Варшавѣ стоитъ на готовѣ подвижной желѣзнодорожный составъ на 20/т. плѣнныхъ, якобы взятыхъ подъ Брезинами...

А аппаратъ передо мною безучастно выстукивалъ слова генерала Рузскаго: «неудачныя попытки наступленія VI-го Сиб. корпуса... полная неспособность къ наступленію V-го Сиб. корпуса. . огромныя потери до 70% своего состава... Наступленіе свѣжихъ силъ непріятеля въ лѣвый флангъ и тылъ арміи Плеве... наступленіе германцевъ отъ Піонтека на Ловичъ... возможность образованія такого же положенія, которое создалось у Ласкъ-Лодзи, но только въ болѣе широкомъ масштабѣ... — все это приводитъ меня къ рѣшенію принять мѣры къ сосредоточенію 1-й, 2-й и 5-й армій на линіи Иловъ-Ловичъ-Скерневицы-Томашовъ»... Это означало отступленіе со всѣми его тяжелыми послѣдствіями для 2-й и 5-й армій. Генералъ Рузскій предполагалъ начать его не позже, какъ въ ночь на 24-ое ноября, «иначе можетъ быть поздно» добавлялъ онъ.

Мнѣ до сихъ поръ остались неясными до конца мотивы такого рѣшенія, и я употребилъ весь слѣдующій день на то, чтобы предупредить тяжелыя послѣдствія таковаго. Вызвавъ къ аппарату генералъ-квартирмейстера штаба С.-З. фронта, я успѣлъ выяснить, что Главнокомандующаго этимъ фронтомъ болѣе всего безпокоила мысль о «возможности» развитія, въ связи со слухами о прибытіи къ германцамъ подкрѣпленій съ запада, новаго обхода, но на сей разъ въ направленіи на Ловичъ; главное же — у генерала Рузскаго была потеряна вѣра въ маневренность ввѣренныхъ ему частей войскъ. Особенно его безпокоила немощность той группы войскъ (V-й и VI-й Сиб. корпуса), которыя оперировали на Ловичскомъ и Сохачовскомъ направленіяхъ, съ отходомъ коихъ открывались пути на Варшаву. Намѣчавшееся отступленіе предполагалось, однако, осуществить непосредственно вслѣдъ за ожидавшейся въ этотъ день расчисткой непріятеля въ раіонѣ Брезины-Тушинъ-Колюшки.

Въ отвѣтъ на эти соображенія, я указывалъ своему собесѣднику, что лучшимъ способомъ прикрыть безпокоившее Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ направленіе на Ловичъ является, повидимому, переходъ въ энергическое наступленіе V-го и VI-го Сиб. корпусовъ. По всѣмъ подсчетамъ, говорилъ я, мы имѣемъ на этомъ участкѣ фронта по крайней мѣрѣ двойное превосходство въ силахъ надъ непріятелемъ, вѣрнѣе же еще большее. Какъ общая формула, — сдаютъ не войска, а начальники. Поэтому, надо поставить во главѣ названной группы войскъ энергичнаго начальника и добиться наступленія. — Я напоминалъ генералу Бончъ-Бруевичу, который, какъ и я, началъ службу по Генеральному Штабу подъ руководствомъ генерала Драгомирова (М. И.), объ одномъ незабываемомъ совѣтѣ этого выдающагося военнаго психолога — всегда помнить, что если тяжело намъ, то не легко и противнику, и что вопросъ въ борьбѣ часто сводится къ тому, чья пересилитъ воля. Къ тому же, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, настроеніе во 2-й арміи, находившейся въ наиболѣе угрожаемомъ положеніи, значительно поднялось и было въ этотъ періодъ времени вовсе уже не столь плохимъ. Генералъ Шейдеманъ телеграфировалъ Великому Князю: «духъ войскъ бодръ, и дерутся они героями. Докладываю В. И. В. о твердой увѣренности въ блестящемъ исходѣ тяжелой, но геройски выполняемой операціи». Наконецъ, въ распоряженіе генерала Рузскаго подходили еще

двѣ второочередныя дивизіи, перевозившіяся изъ Петербурга, и части 3-й Сиб. стрѣлк. дивизіи, которыми можно было на первое время заполнить новый разрывъ на Ловичскомъ направленіи.

Верховный Главнокомандующій также не раздѣлялъ опасеній генерала Рузскаго. Но очевидно, имъ должны были учитываться заключенія отвѣтственнаго руководителя операціей — Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта, который, находясь въ Варшавѣ, былъ болѣе подробно и, главное, своевременно оріентируемъ въ происходящихъ на фронтѣ событіяхъ и въ настроеніяхъ войскъ.

При нынѣшнихъ милліонныхъ арміяхъ и разброскѣ ихъ на сотни верстъ, Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго не можетъ претендовать на самостоятельное и своевременное изученіе по первоисточникамъ всѣхъ исходящихъ отъ войскъ донесеній; поэтому, управленіе современными арміями неизбѣжно приходится строить на началахъ довѣрія и правильнаго іерархическго распредѣленія правъ и обязанностей.

Предположенія Генерала Рузскаго о возможности отхода на фронтъ Иловъ-Томашовъ были сообщены Ставкой Главнокомандующему арміями Ю.-З. фронта, который намѣчалъ въ этомъ случаѣ занять фронтъ р.р. Нидзицы и Пилицы. Но генералу Иванову было указано, что отходъ армій его фронта признается допустимымъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ онъ вызывается фактическимъ отходомъ 2-й и 5-й армій, и что ему надлежитъ стремиться имѣть на фронтѣ лѣваго берега р. Вислы не менѣе десяти корпусовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Верховный Главнокомандующій отдалъ распоряженіе по оперативному органу своего штаба — тщательно слѣдить за развитіемъ событій, чтобы, при первой возможности, предупредить фактическій отходъ С.-З. армій на новый фронтъ.

По счастью, въ теченіе 23-го ноября въ Ставкѣ и штабѣ С.-З. фронта былъ полученъ рядъ ободряющихъ свѣдѣній.

Части II-го корпуса и Ловичскаго отряда стали въ этотъ день выходить съ боями на фронтъ Згержъ-Колюшки и кое-гдѣ вошли уже въ боевую связь съ частями 2-й арміи, также перешедшими въ наступленіе со стороны Лодзи. При этомъ, нѣкоторыя колонны (какъ, напримѣръ, 43-я див. II-го корпуса и бригада 63-й пѣх. дивизіи), войдя въ полное соприкосновеніе съ частями 2-й арміи, повернули обратно, въ направленіи къ Стрыкову и другимъ пунктамъ, и атаковали нѣмцевъ въ тылъ. — Кавказская кав. дивизія, двигавшаяся на лѣвомъ флангѣ Ловичскаго отряда, вышла къ югу отъ ст. Колюшки, причемъ доблестные Нижегородцы, вѣрные своимъ историческимъ традиціямъ, въ конномъ строю атаковали и взяли тяжелую батарею противника, изрубивъ прикрывавшую батарею пѣхоту.

Генералъ Ренненкампфъ доносилъ, что онъ спокоенъ за Ловичъ, хотя послѣдній и обстрѣливался непріятелемъ; къ этому пункту стягивались подкрѣпленія. Генералъ Плеве выражалъ также увѣренность въ прочномъ положеніи своего лѣваго фланга.

Наконецъ, въ теченіе дня пришло новое весьма важное донесеніе отъ генерала Плеве, въ которомъ говорилось о томъ, что непріятель сталъ отходить передъ нимъ по всему фронту. Движеніе германскихъ отступающихъ колоннъ войскъ и обозовъ въ сѣверномъ и западномъ направленіяхъ наблюдалось нашими летчиками.

Выяснилось также, что полки 1-й сиб. и 10-й пѣх. дивизій, остановивъ обходъ нѣмцами Лодзи съ юга, заставили противника очистить Рзговъ и начать отходъ въ восточномъ направленіи. Доносилось, что отдѣльныя части его войскъ и обозы безпорядочно мечутся въ раіонѣ Тушинъ-Брезины по разнымъ направленіямъ, видимо ища выхода изъ окружающаго ихъ кольца нашихъ войскъ. Опредѣленно было установлено наличіе въ этомъ кольцѣ XXV Р. корпуса, 3-й гв. дивизіи и двухъ кав. дивизій.

При такихъ условіяхъ, Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ призналъ необходимымъ остановить исполненіе предположеній генерала Рузскаго и немедленно перейти къ преслѣдованію отступающаго непріятеля. Равнымъ образомъ, и генералу Иванову было указано вернуться къ прежней задачѣ по нанесенію пораженія германо-австрійскимъ войскамъ на фронтѣ Краковъ-Ченстоховъ.

Намъ теперь хорошо извѣстно, что положеніе нѣмцевъ, захваченныхъ нашими войсками въ петлю, было въ полномъ смыслѣ слова катастрофическимъ. Начавъ отступленіе въ ночь на 23-е ноября, они принуждены были вести его при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ: въ сильную стужу, перегруженные артиллеріей, обозами и многочисленными ранеными, обстрѣливаемые со всѣхъ сторонъ нашею артиллеріей и пѣхотой, рискуя каждую минуту очутиться въ такомъ положеніи, изъ котораго только два выхода: смерть или плѣнъ.

Цѣлью ихъ движенія былъ прорывъ черезъ Брезины, представлявшій важный узелъ путей.

Прорывъ этотъ удался. — Темною ночью на 24-е ноября нѣмцы внезапно атаковали названный пунктъ и, послѣ кроваваго ночного уличнаго боя, овладѣли имъ. Находившіяся въ Брезинахъ части нашей 6-й сиб. дивизіи, не принявшія повидимому достаточныхъ мѣръ охраненія, были захвачены врасплохъ и, понеся огромныя потери, вынуждены къ отступленію.

Передъ тремя германскими дивизіями раскрылось замыкавшее ихъ кольцо и освободились пути, выводившіе ихъ на соединеніе съ остальными войсками арміи генерала Макензена. Всѣ мѣры, принятыя для новаго перехвата этихъ дивизій, оказались запоздалыми. Противникъ успѣлъ ускользнуть изъ подъ нашего удара, а 2-я и 5-я арміи, перейдя въ наступленіе, къ 28-му ноября вышли на линію Гловно-Стрыковъ-Шадекъ.

По свидѣтельству самихъ нѣмцевъ, освободившіяся дивизіи имѣли, послѣ прорыва, въ общемъ не свыше 8000 штыковъ. Остальные пали или, разсыпавшись, были нами взяты въ плѣнъ. — Путь нѣмцевъ былъ обозначенъ разнаго рода предметами снабженія, брошенными при спѣшномъ отступленіи. Въ теченіе

нѣсколькихъ дней послѣ прорыва, раіонъ Рзговъ-Тушинъ-Брезины кишѣлъ отставшими германскими солдатами, бродившими въ одиночку или небольшими партіями; всѣ они, въ концѣ концовъ, стали добычею нашей конницы...

Такъ неудачно, въ смыслѣ ожидавшихся тактическихъ результатовъ, закончилась наша наступательная операція подъ Брезинами. Основная ея цѣль — ликвидировать прорывъ германцевъ между 1-й и 2-й арміями и остановить ихъ попытку къ охвату нашихъ войскъ вокругъ Лодзи — была нами достигнута. Но значительная группа германскихъ войскъ, благодаря своей необычайной энергіи и настойчивости, продиктованныхъ отчаяніемъ, успѣла выскользнуть, хотя и съ большими потерями, изъ создавшагося вокругъ нея окруженія.

Событія подъ Брезинами явились послѣднимъ актомъ всей наступательной операціи германцевъ, предпринятой ихъ Главнокомандованіемъ на восточномъ фронтѣ, въ цѣляхъ остановки нашего наступательнаго движенія на лѣвомъ берегу р. Вислы. — Она закончилась общимъ отступленіемъ 9-й германской арміи генерала Макензена. Мы не дали развиться этой операціи до намѣченнаго нашимъ противникомъ конца, и, въ этомъ смыслѣ, вырисовался нашъ успѣхъ. Мы имѣли также право констатировать тотъ фактъ, что, притянувъ съ западнаго фронта на себя, въ періодъ Лодзинскихъ боевъ, четыре германскихъ корпуса и нѣсколько кав. дивизій, мы оказали этимъ вторично серьезную помощь нашимъ союзникамъ — французамъ, а на сей разъ и англичанамъ, отнявъ у нѣмцевъ возможность продолжать наступательныя дѣйствія и принудивъ ихъ на западномъ фронтѣ надолго зарыться въ окопы. Кому извѣстно, насколько опасались въ Англіи занятія нѣмцами Дюнкирха, который могъ стать базой для непріятельскихъ подводныхъ лодокъ, и дальнѣйшаго продвиженія нѣмцевъ къ Калэ, тотъ по достоинству долженъ оцѣнить значеніе этой нашей помощи. — Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы должны были имѣть мужество тогда же сказать себѣ, что бои подъ Лодзью, въ общей ихъ совокупности, и наши довольно безуспѣшныя усилія на Ченстоховскомъ направленіи съ очевидностью выяснили необходимость сократить въ будущемъ наши оперативныя заданія и привести ихъ въ большее соотвѣтствіе съ нашими возможностями и труднымъ общимъ стратегическимъ положеніемъ на театрѣ войны.

Таковымъ, къ большому нашему прискорбію, долженъ былъ быть заключительный выводъ изъ нашей четырехъ-мѣсячной наступательной кампаніи, въ теченіе которой, по сдѣланнымъ подсчетамъ, нѣкоторымъ частямъ пришлось провести въ бояхъ свыше 50 дней.

ГЛАВА XI.

Состояніе нашихъ армій на западномъ фронтѣ послѣ четырехъ мѣсяцевъ наступательной войны. — Отходъ на лѣвомъ берегу р. Вислы на зимнія позиціи.

29-го ноября въ Сѣдлецѣ — мѣстѣ расположенія штаба С.-З. фронта — съѣхались на совѣщаніе Верховный Главнокомандующій и Главнокомандующіе

арміями обоихъ фронтовъ. Для участія въ совѣщаніи, прибыли, кромѣ обычныхъ участниковъ таковыхъ совѣщаній—Начальника Штаба и меня, еще начальники штабовъ фронтовъ и главные начальники снабженій.

Главная задача совѣщанія заключалась въ томъ, чтобы выяснить состояніе армій, давно тревожившее Ставку, и степень ихъ матеріальнаго обезпеченія. — Попутно имѣлось въ виду вызвать сужденія по вопросу о постановкѣ ближайшихъ оперативныхъ задачъ.

Въ основу совѣщанія легла записка, составленная въ управленіи Генералъ-Квартирмейстера Ставки; она обнимала оба указанные выше вопроса.

Послѣ четырехмѣсячной почти непрерывной наступательной кампаніи, наша Дѣйствующая Армія нуждалась въ очень серьезныхъ о ней заботахъ.

Упорные бои, которые велись изо дня въ день то на одномъ, то на другомъ участкѣ невиданнаго по обширности фронта, требовали, для поддержанія боеспособности арміи, безостановочнаго прилива изъ тыла свѣжихъ укомплектованій и предметовъ боевого снабженія.

Размѣръ потребностей превзошелъ всѣ самыя широкія предположенія, и потому удовлетвореніе ихъ встрѣчало все возраставшія затрудненія. Тылъ не поспѣвалъ за фронтомъ, и армія, съ каждымъ днемъ, уменьшалась въ своемъ составѣ, какъ равно уменьшалась и степень ея обезпеченности. — Мы стояли передъ безусловной необходимостью коренного обновленія нашей вооруженной силы.

Некомплектъ офицеровъ достигъ угрожающихъ размѣровъ. Наше офицерство, съ первыхъ дней войны, проявило беззавѣтный порывъ и высокую доблесть; въ результатѣ — оно гибло массами на поляхъ сраженій. Лозунгъ — беречь офицера — былъ, къ сожалѣнію, выброшенъ съ большимъ запозданіемъ, и въ первое время роты ходили въ бой, имѣя въ строю по 3—4 офицера, притомъ часто кадровыхъ. Рѣзкія отличія въ формѣ обмундированія и вооруженіи дѣлали нашихъ офицеровъ замѣтною цѣлью для непріятельскихъ стрѣлковъ, особо назначавшихся для стрѣльбы по нимъ. Во избѣжаніе этого, впослѣдствіи пришлось рекомендовать замѣну: блестящихъ металлическихъ погоновъ—суконными и шашки — винтовкою.

Потери въ офицерскомъ составѣ были столь велики, что, уже послѣ первыхъ мѣсяцевъ войны, во многихъ частяхъ число офицеровъ едва достигало 30% штатнаго; число же кадровыхъ офицеровъ измѣрялось нерѣдко только единицами. Отдавая должную дань самоотверженной боевой работѣ офицеровъ военнаго времени и молодежи, выпускавшейся изъ училищъ, все же нельзя не замѣтить, что эти контингенты уступали кадровому офицерству въ опытѣ, въ знаніяхъ и, притомъ, не были такъ тѣсно спаяны съ частями, въ коихъ несли службу; поэтому убыль кадровыхъ офицеровъ являлась для арміи невознаградимою потерею.

Такъ какъ офицерскій составъ въ кавалерійскихъ частяхъ сохранился значительно полнѣе, то впослѣдствіи практиковалось временное прикомандированіе офицеровъ этихъ частей къ пѣхотѣ. Я радъ отмѣтить, что, среди офицеровъ

кавалеріи, оказалось много такихъ, которые, изъ чувства братства, немедленно откликнулись на призывъ стать въ ряды пѣхоты, въ которой служба была, конечно, много опаснѣе и труднѣе. Жертвенность среди офицерскаго состава была настолько развита, что въ одной изъ своихъ рѣчей къ молодымъ офицерамъ, выпускавшимся изъ училищъ, Верховный Вождь арміи — Государь долженъ былъ подчеркнуть необходимость сбереженія ихъ жизней, въ интересахъ Родины.

Большой процентъ потерь выпалъ въ арміи также на долю начальствующихъ лицъ изъ нижнихъ чиновъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ унтеръ-офицеры почти сплошь были выведены изъ строя. Пополненіе унтеръ-офицерскимъ составомъ встрѣтило очень большія затрудненія. Нашими мобилизаціонными расчетами, срочно служившіе унтеръ-офицеры запаса не были взяты на особый учетъ, и потому, вмѣсто того, чтобы при мобилизаціи быть выдѣленными въ особыя запасныя части для прохожденія повторительныхъ унтеръ-офицерскихъ курсовъ, они поступили на укомплектованіе войсковыхъ частей, наравнѣ съ рядовыми. Въ результатѣ, въ началѣ войны въ ротахъ оказался переизбытокъ людей унтеръ-офицерскаго званія, которые, оставаясь на должностяхъ рядовыхъ, несли двойныя потери и, такимъ образомъ, были использованы нерасчетливо. Что касается подготовки новаго унтеръ-офицерскаго состава въ запасныхъ частяхъ, то попытка эта дала совершенно неудовлетворительные результаты. Люди прибывали въ части безъ должнаго опыта, знаній, воспитанія и авторитета, почему оказывались непригодными для назначенія на вакантныя унтеръ-офицерскія должности.

Вопросъ о пополненіи пѣхотныхъ частей унтеръ-офицерскимъ составомъ стоялъ столь остро, что мнѣ пришлось предложить, въ качествѣ срочной мѣры, переводъ въ пѣхотныя части всѣхъ излишнихъ людей унтеръ-офицерскаго званія изъ кавалеріи. Мѣра эта на совѣщаніи не встрѣтила возраженій, но впослѣдствіи Главнокомандующіе фронтами отъ нея отказались; возможную непопулярность этой мѣры въ войскахъ — я, впрочемъ, предвидѣлъ и самъ.

Столь же угрожающимъ, для боевой работы дѣйствующей арміи, являлся и общій некомплектъ въ людяхъ вообще, — некомплектъ, который принялъ характеръ явленія постояннаго. Конечно, главною своею тяжестью этотъ некомплектъ ложился на пѣхоту; остальные роды оружія страдали отъ него меньше. Мы уже видѣли, съ какимъ трудомъ и промедленіемъ оправлялись отъ некомплекта корпуса С.-З. фронта, понесшіе чувствительныя потери въ періодъ интенсивныхъ операцій въ Восточной Пруссіи. Потери въ современныхъ бояхъ оказались вообще неожиданно громадными. Въ предыдущей главѣ мною уже приведены были слова генерала Рузскаго о томъ, что, въ періодъ Лодзинскихъ боевъ, нѣкоторыя части потеряли до 70% своего состава. Донесенія генерала Иванова, относившіяся къ тому же періоду, были не менѣе тревожны. Штабъ Ю.-З. фронта доносилъ, что въ полкахъ 3-й арміи оставалось всего отъ 1200 до 1500 штыковъ, вмѣсто положенныхъ въ нихъ свыше 3000 штыковъ; въ арміи генерала Лечицкаго были полки, свернутые въ батальоны,

состоявшіе изъ 400 штыковъ; столь же тяжело, говорилось въ донесеніи, было положеніе и въ арміи генерала Брусилова. — Такъ быстро и неуклонно таяли наши войска. — И это при условіи, что санитарное состояніе всѣхъ вообще армій было вполнѣ хорошимъ, и что, съ введеніемъ въ войскахъ походныхъ кухонь и усовершенствованіемъ условій подвоза (желѣзныя дороги, автомобильные транспорты), потери на войнѣ отъ болѣзней давно уже стали занимать болѣе чѣмъ скромное мѣсто въ ряду убыли отъ прочихъ причинъ. По даннымъ за 1914-й годъ, напримѣръ, число раненыхъ, эвакуированныхъ на распредѣлительные пункты внутренняго раіона Имперіи превосходило болѣе чѣмъ въ четыре раза число прошедшихъ черезъ тѣ-же пункты больныхъ. По сравненію съ прошлыми войнами, увеличился лишь процентъ нервныхъ и психическихъ заболѣваній.

Кромѣ потерь убитыми, ранеными и больными, мы въ первые же мѣсяцы войны понесли очень тяжелую утрату военноплѣнными, преимущественно въ Восточной Пруссіи.

Но независимо изложеннаго, на убыль въ рядахъ ротъ вліяли и другія причины. Въ числѣ ихъ я назову хроническое отставаніе войсковыхъ штатовъ отъ жизни, объясняемое постепеннымъ насыщеніемъ войсковыхъ частей всякаго рода техническими средствами и, притомъ, въ далеко непредвидѣнныхъ размѣрахъ, какъ то сверхштатными пулеметами, средствами связи и т. п.; таковые, для своего обслуживанія, требовали большого расхода людей, откомандировывавшихся отъ строевыхъ ротъ. Уже въ первые мѣсяцы войны эта утечка людей изъ строя была ощутительна; впослѣдствіи же, въ періодъ позиціонной войны и развитія всякаго рода дополнительныхъ средствъ пораженія противника (минометы, бомбометы и т. д.), роты отъ этой причины рѣдѣли еще болѣе.

Наконецъ — дезертирство, которое, впрочемъ, вначалѣ не превышало обычныхъ нормъ, и самораненіе, ставшее, къ прискорбію, весьма замѣтной язвой въ нашей арміи. Число такъ называемыхъ «палечниковъ», то есть раненій въ палецъ, съ цѣлью уклоненія отъ службы, стало расти, и уже въ октябрѣ-ноябрѣ 1914-го года пришлось ввести суровыя наказанія за умышленное причиненіе себѣ или черезъ другое лицо, увѣчій, или поврежденій здоровья. Борьба съ этимъ зломъ велась, однако, на мѣстахъ не столь рѣшительно, какъ это требовалось суровыми условіями военнаго времени, почему данное явленіе серьезно подтачивало нашу армію, въ ея основѣ.

Для пополненія всѣхъ перечисленныхъ утратъ, живого матеріала въ Россіи было, конечно, достаточно. Прежде всего, при самой мобилизаціи въ запасныя пѣхотныя части поступило свыше 350/т. человѣкъ. Затѣмъ, въ теченіе октября и ноября 1914-го года, было послѣдовательно сдѣлано два призыва новобранцевъ очередныхъ возрастовъ, которые дали около 1.400/т. человѣкъ; также были призваны нѣкоторые возрастные классы ратниковъ ополченія I-го разряда. И если, тѣмъ не менѣе, въ арміи наблюдался угрожающій по размѣрамъ некомплектъ, то очевидно причины этого явленія должны были лежать въ не-

правильномъ функціонированіи аппарата запасныхъ частей, который не былъ въ состояніи своевременно перерабатывать и высылать необходимыя для арміи укомплектованія. Одной изъ основныхъ причинъ этого печальнаго явленія несомнѣнно былъ недостатокъ свободныхъ винтовокъ, необходимыхъ для вооруженія укомплектованій, къ каковому вопросу мы подойдемъ ближе въ дальнѣйшемъ. Но этой причиной далеко не исчерпывались условія, тормозившія работу запасныхъ частей. Изучить и выявить таковыя въ полномъ объемѣ — дѣло особаго, крайне важнаго изслѣдованія. Нашъ мобилизаціонный отдѣлъ много поработалъ надъ тѣмъ, чтобы усовершенствовать систему приведенія войскъ на военное положеніе, и достигъ въ этомъ отношеніи значительныхъ результатовъ. Но вопросы о поддержаніи арміи въ дальнѣйшемъ на уровнѣ боевыхъ требованій, а тѣмъ болѣе о послѣдовательномъ развитіи ея мощи въ періодъ самой войны, остались почти незатронутыми. Между тѣмъ, именно въ этой работѣ, и лежало реальное воплощеніе идеи вооруженной націи и всенародной войны, идеи, которая должна была быть положена въ основу военной подготовки всякаго современнаго государства, желавшаго обезпечить себѣ военный успѣхъ.

Нормальная вмѣстимость всѣхъ нашихъ пѣхотныхъ запасныхъ батальоновъ уже въ мирное время признавалась совершенно недостаточной для мобилизованной арміи. Въ соотвѣтствіи съ числомъ батальоновъ и штатной ихъ численностью, размѣръ перемѣннаго состава всѣхъ нашихъ пѣхотныхъ запасныхъ частей не могъ превзойти, за округленіемъ, 180—200/т. человѣкъ. Очевидная недостаточность такой цифры обучаемыхъ, для непрерывнаго пополненія пѣхотныхъ частей нашей арміи, ставила на очередь вопросъ о необходимости значительнаго увеличенія числа запасныхъ батальоновъ; но, такъ какъ осуществленіе этой мѣры, по разнымъ причинамъ, затягивалось, то временно рѣшено было дать, по мобилизаціонному расписанію, наличнымъ запаснымъ батальонамъ удвоенный размѣръ укомплектованій, что, конечно, должно было значительно затруднить обученіе призываемыхъ.

Въ мирное время подготовка молодыхъ солдатъ требовала четырехмѣсячной интенсивной работы. Принимая во вниманіе рядъ причинъ — отсутствіе до-призывной подготовки нашей молодежи; недостаточно прочную организацію учебныхъ сборовъ запасныхъ и ратниковъ ополченія, каковые сборы нерѣдко отмѣнялись; быструю утрату названными контингентами военнообязанныхъ, въ условіяхъ нашей крестьянской жизни, пріобрѣтенныхъ ими на службѣ и во время сборовъ знаній, а равно общую народную малограмотность, — едва ли возможно было, безъ вреда для дѣла, чрезмѣрно сокращать сроки обученія призываемыхъ въ періодъ войны. При опредѣленіи таковыхъ сроковъ, необходимо было еще учитывать численную недостаточность учителей, составлявшихъ постоянный составъ запасныхъ частей, малую ихъ опытность и крайнюю бѣдность снабженія запасныхъ частей не только винтовками, но и всякаго рода учебными пособіями вообще. Эти неблагопріятныя условія обнаружились весьма быстро. По отсутствію правильнаго періодическаго обмѣна офицеровъ, откомандированныхъ въ началѣ войны въ запасныя части, офицерами съ фронта, въ

тылу, въ инструкторскомъ составѣ запасныхъ частей скопились, по преимуществу, болѣе слабые элементы, лишенные опыта текущей войны и для которыхъ отвѣтственная работа, по срочной подготовкѣ призванныхъ людей къ боевой дѣятельности, не всегда была по силамъ. Къ тому же, самое обученіе было крайне затруднено тѣмъ обстоятельствомъ, что, изъ-за общаго недостатка винтовокъ, одна винтовка стала вскорѣ приходиться въ запасныхъ частяхъ на пять, десять и болѣе обучаемыхъ.

Не трудно видѣть, что, даже при двухмѣсячномъ только обученіи и удвоенномъ составѣ обучаемыхъ, запасные батальоны, при наличномъ ихъ числѣ, все же не могли выпускать въ мѣсяцъ болѣе 180—200/т. человѣкъ. Между тѣмъ, средняя мѣсячная потребность нашей дѣйствующей арміи въ укомплектованіяхъ, не считая потребности для формированія новыхъ частей, опредѣлялась въ первые мѣсяцы войны примѣрно въ 250—300/т. человѣкъ. Чтобы удовлетворить этой цифрѣ, Военное Министерство, на обязанности котораго лежала забота по подготовкѣ укомплектованій, было поставлено передъ необходимостью увеличить еще болѣе пропускную способность нашихъ запасныхъ частей, каковой цѣли оно стремилось достигнуть путемъ увеличенія числа обучаемыхъ и дальнѣйшимъ сокращеніемъ сроковъ обученія. Оба пути были равно опасны: первый велъ къ вредной перегрузкѣ запасныхъ батальоновъ, до нѣсколькихъ тысячъ обучаемыхъ въ отдѣльномъ батальонѣ; второй путь — подрывалъ еще болѣе подготовку людей; въ результатѣ же обоихъ пріемовъ — запасныя части вынуждены были отправлять на театръ военныхъ дѣйствій людей, въ смыслѣ подготовки, въ полусыромъ видѣ. Обстоятельство это несомнѣнно должно было крайне вредно отражаться на составѣ нашихъ войскъ, боевыя качества которыхъ неизмѣнно понижались съ каждымъ новымъ приливомъ въ нихъ укомплектованій изъ тыла.

Чтобы восполнить недостатокъ въ работѣ запасныхъ батальоновъ, впослѣдствіи во многихъ войсковыхъ частяхъ прибывавшія укомплектованія выдерживались нѣкоторое время въ ближайшемъ тылу, гдѣ шла усиленная подготовка ихъ средствами самыхъ частей. Тамъ же организовались свои учебныя команды для подготовки унтеръ-офицеровъ, пулеметчиковъ и другихъ спеціалистовъ. Ближайшій тылъ покрылся сѣтью войсковыхъ школъ, въ которыхъ шла кипучая работа. Въ эти школы откомандировывались поочередно и офицеры, что позволяло удерживать часть ихъ въ тылу, даже въ періодъ боевъ, въ видѣ резерва для пополненія убыли.

Высокая цѣлесообразность этихъ мѣръ была испытана лично мною на практикѣ, въ періодъ командованія корпусомъ и арміей. Но долженъ оговориться, что система эта могла быть примѣнена полностью лишь въ періодъ позиціонной войны; полевая же война, которую мы вели въ первый годъ войны, ставила этому способу подготовки укомплектованій и полковыхъ спеціалистовъ серьезныя препятствія.

Приходилось, и нерѣдко, встрѣчаться съ мнѣніемъ, что недостатокъ обученія людей въ тылу могъ быть легко устраненъ установленіемъ постоянной и

тѣсной связи между запасными частями въ тылу и пополняемыми ими войсковыми частями на фронтѣ. Иначе говоря, вопросъ сводился къ тому, чтобы расписать запасные батальоны по дѣйствующимъ полкамъ. Не отрицая, въ теоріи, пользы такой связи между дѣйствующими и запасными частями, считаю, однако, ее практически очень трудно выполнимой, ибо войсковыя части несутъ потери неравномѣрно; работа же запасныхъ частей требуетъ планомѣрной смѣны обучающихся. Кто видѣлъ, какъ въ современномъ бою сгораютъ войска, тому будетъ ясно, что для быстраго пополненія части, вышедшей изъ боя, нельзя будетъ ограничиться укомплектованіемъ ея лишь средствами приписаннаго къ ней запаснаго батальона. И, наоборотъ, въ періодъ затишья на фронтѣ, — запасной части, работающей только на данный полкъ, не несущій въ данное время потерь, невозможно будетъ размѣщать людей, заканчивающихъ свое обученіе. Поэтому гораздо правильнѣе добиваться, путемъ установленія надлежащаго порядка, хорошаго и однообразнаго обученія военно-обязанныхъ во всѣхъ запасныхъ частяхъ.

Большою несправедливостью, какъ въ отношеніи войсковыхъ частей, такъ и отдѣльныхъ воинскихъ чиновъ, было отсутствіе гарантіи раненому или заболѣвшему нижнему чину, эвакуированному вглубь Имперіи, въ томъ, что, по выздоровленіи, онъ возвратится въ свою часть. Такое право было предоставлено только офицерамъ. Нижній же чинъ зачислялся въ ближайшую къ лѣчебному заведенію запасную часть и шелъ на укомплектованіе очередной роты пополненія. Я знаю не мало случаевъ возбужденія передъ Великимъ Княземъ ходатайствъ о снятіи отвѣтственности съ солдатъ, совершавшихъ «побѣги» изъ новыхъ частей, куда они были зачислены по выздоровленіи, чтобы вернуться къ прежнимъ своимъ роднымъ знаменамъ. Ходатайства эти всегда удовлетворялись Верховнымъ Главнокомандующимъ съ особой внутренней радостью, такъ какъ привязанность къ своей части считалась у насъ однимъ изъ признаковъ высокаго внутренняго развитія воинской морали. Впослѣдствіи, насколько помню, вопросъ о порядкѣ направленія изнутри Имперіи выздоравливавшихъ получилъ болѣе жизненное разрѣшеніе.

Заканчивая на этомъ обозрѣніе вопроса о личномъ составѣ дѣйствующей арміи, поскольку этотъ вопросъ обрисовался опытомъ первыхъ мѣсяцевъ войны, нельзя обойти молчаніемъ еще одинъ очень болѣзненный, по безконечно важный пунктъ — о составѣ начальствующихъ лицъ. Система продвиженія на высшіе командные посты, практиковавшаяся у насъ въ Россіи въ мирное время, не обезпечила намъ соотвѣтствующаго подбора начальниковъ для цѣлей войны. Едва ли, впрочемъ, и существуетъ столь чудодѣйственная система вообще, такъ какъ военныя дарованія распознаются въ мирное время съ крайнимъ трудомъ. — Остается, повидимому, единственно вѣрный путь — путь пересмотра и замѣны чиновъ командпаго состава, въ связи съ оцѣнкой ихъ боевыхъ дѣйствій въ періодъ самой войны. По этому пути шли во всѣхъ арміяхъ, и мы знали, напримѣръ, изъ донесеній нашего посла въ Парижѣ, что Главнокомандующій французской арміей генералъ Жоффръ вынужденъ былъ замѣнить въ первый

же періодъ войны до 60 генераловъ. — Пусть возможны ошибки: «лѣсъ рубятъ, — щепки летятъ». Несправедливости, въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ, легче исправляются и сглаживаются, чѣмъ вредъ, который можетъ быть принесенъ на войнѣ неподходящимъ начальникомъ.

Замѣна начальствующихъ лицъ производилась и у насъ, но едва ли не съ излишнею, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нерѣшительностью и снисходительностью.

Ослабленъ и обезсиленъ былъ также конскій составъ армій. — Онъ понесъ особенно чувствительныя потери въ 4-й, 5-й и 9-й арміяхъ, выполнявшихъ крайне трудное походное движеніе, при неблагопріятныхъ условіяхъ, изъ Галичины на Вислу въ концѣ сентября и въ началѣ октября. Серьезно пострадали лошади въ частяхъ кавалеріи, бывшихъ въ составѣ 1-й арміи генерала Ренненкампфа, во время рейдовъ въ Восточной Пруссіи. Равнымъ образомъ ослабѣлъ и уменьшился конскій составъ въ конныхъ частяхъ 8-й арміи генерала Брусилова, работавшихъ въ Карпатахъ и Буковинѣ. Между тѣмъ, ветеринарные учрежденія были развиты въ нашей арміи крайне недостаточно. — Остро давали себя чувствовать вопросы обезпеченія подковами и ковки, особенно въ пѣхотныхъ частяхъ и обозахъ, гдѣ было мало опытныхъ кузнецовъ. Между тѣмъ, съ наступленіемъ періода гололедицы, особенно въ горахъ, приходилось перековывать весь конскій составъ на зимнія подковы.

По мысли Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго, въ тыловомъ раіонѣ театра военныхъ дѣйствій начали устраиваться конскія слабосильныя депо, куда отправляли на поправку ослабѣвшихъ и натертыхъ лошадей. Эта мѣра дала прекрасные результаты и сохранила войскамъ многихъ лошадей.

Я уже подчеркивалъ тѣсную связь, существовавшую между вопросомъ о некомплектѣ дѣйствующей арміи и обнаружившимся вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій недостаткомъ въ винтовкахъ. Въ мирное время мы настойчиво учили солдата беречь винтовку. Мы говорили ему, что въ бою, почувствовавъ себя раненымъ, онъ прежде, чѣмъ отправиться на перевязочный пунктъ, обязанъ сдать свою винтовку и патроны на сбереженіе ближайшему начальнику, или просто сосѣду. Войсковыя части, различными положеніями, обязывались вести строгій учетъ вооруженію, а сборъ оружія и предметовъ боевого снабженія на поляхъ сраженій входилъ въ непремѣнныя обязанности хозяйственныхъ органовъ различныхъ инстанцій. Къ сожалѣнію, всѣ эти мудрыя правила, съ выходомъ арміи на войну, были основательно забыты, и можно было бы привести рядъ вопіющихъ примѣровъ легкомысленнаго отношенія къ вопросу о сбереженіи предметовъ вооруженія и снаряженія. Утеря, порча и оставленіе оружія не преслѣдовались или преслѣдовались недостаточно. Припоминается, напримѣръ, разсказъ одного начальника дивизіи, которому удалось легко собрать нѣсколько сотъ брошенныхъ винтовокъ, при обыскѣ селеній по пути слѣдованія частей дивизіи. Установленію столь пагубнаго отношенія къ предметамъ огромнѣйшей военной цѣнности, между прочимъ, содѣйствовало правило, согласно которому роты пополненія должны были прибывать изъ запасныхъ частей въ войска въ полномъ вооруженіи и походномъ снаряженіи. Такимъ об-

разомъ, части оказывались непосредственно не заинтересованными въ сборѣ и сохраненіи винтовокъ и предметовъ снаряженія. Вскорѣ, однако, Военное Министерство, въ вѣдѣніи котораго оставались главнѣйшія заготовки для нуждъ арміи, вынуждено было отказаться отъ этого правила, за полнымъ истощеніемъ имѣвшагося запаса винтовокъ и въ виду затрудненій, возникшихъ въ вопросѣ о его пополненіи. Сначала установленъ былъ извѣстный процентъ вооруженныхъ людей въ составѣ ротъ пополненія, но затѣмъ пришлось и вовсе отказаться отъ снабженія винтовками отправляемыхъ на театръ войны людей. Только тогда войсковыя части почувствовали непосредственно потребность въ сбереженіи каждой винтовки. — Чтобы обезпечить винтовками безоружныхъ, прибывавшихъ изъ запасныхъ частей на театръ войны, въ войскахъ не останавливались даже передъ мало пріемлемою, по существу, мѣрою назначенія вознагражденія за каждую вынесенную изъ боя излишнюю винтовку. Равнымъ образомъ, устанавливались различныя мелкія льготы на перевязочныхъ пунктахъ для тѣхъ раненыхъ, которые предъявляли на этихъ пунктахъ свои винтовки. Тѣмъ не менѣе, винтовочный кризисъ продолжалъ разрастаться съ необыкновенною быстротою. Вслѣдствіе отсутствія винтовокъ, войсковыя части, имѣя огромный некомплектъ, въ то же время не могли впитывать въ себя людей, прибывавшихъ изъ тыла, гдѣ, такимъ образомъ, люди безъ пользы накапливались въ запасныхъ частяхъ, затрудняя, своимъ присутствіемъ, обученіе дальнѣйшихъ очередей. Къ концу ноября, напримѣръ, въ запасныхъ войскахъ имѣлся обученный, въ большей своей части, контингентъ въ 800/т. человѣкъ въ то время, какъ дѣйствующая армія страдала отъ ужасающаго некомплекта. Бывали такіе случаи, что прибывавшіе на укомплектованіе люди должны были оставаться въ войсковыхъ частяхъ при обозахъ, вслѣдствіе невозможности поставить ихъ въ ряды по отсутствію винтовокъ.

Чтобы выйти изъ создавшагося тяжелаго положенія, мною было предложено произвести замѣну 3-хъ линейныхъ винтовокъ берданками, или ружьями произвольныхъ образцовъ у нестроевыхъ, обозныхъ, а также во всѣхъ спеціальныхъ войскахъ (крѣпостной артиллеріи, инженерныхъ и желѣзнодорожныхъ частяхъ). По моимъ подсчетамъ, при такой замѣнѣ, могло освободиться до полумилліона винтовокъ.

Но этой мѣрой пріобрѣталась возможность покрыть довольно значительную часть недостачи въ винтовкахъ лишь къ данному моменту. Для дальнѣйшаго обезпеченія, являлось настоятельно необходимымъ увеличить производительность нашихъ оружейныхъ заводовъ и стремиться къ образованію запасовъ винтовокъ, путемъ ихъ покупки и заказовъ заграницей.

Каковы же были наши запасы винтовокъ въ мирное время и насколько было обезпечено ихъ изготовленіе съ открытіемъ военныхъ дѣйствій? — Приведемъ нѣсколько самыхъ общихъ данныхъ.

Кромѣ винтовокъ для вооруженія всѣхъ формированій, предусмотрѣнныхъ мобилизаціоннымъ расписаніемъ, въ томъ числѣ и для удвоеннаго состава за-

пасныхъ частей, обезпечивавшихъ, какъ мы видѣли, армію укомплектованіями на одинъ, много два мѣсяца, у насъ содержался въ мирное время лишь нѣкоторый запасъ винтовокъ, колебавшійся между 5—10% въ зависимости отъ категоріи войскъ, для которыхъ этотъ запасъ содержался. Запасъ этотъ, въ періодъ 12—14 г.г., былъ частично израсходованъ выдачею изъ него части винтовокъ правительствамъ Болгаріи и Сербіи, нуждавшимся въ предметахъ вооруженія; образовавшійся же некомплектъ не былъ пополненъ, въ силу финансовыхъ затрудненій.

Общее число всѣхъ винтовокъ, имѣвшихся къ началу войны въ распоряженіи Военнаго Вѣдомства, числилось цифрою въ 4.650/т. винтовокъ, считая въ этомъ числѣ 360/т. устарѣвшихъ берданокъ. Невыданный при мобилизаціи запасъ таковыхъ винтовокъ былъ полностью израсходованъ въ теченіе первыхъ же 2—3 мѣсяцевъ войны. Производительность военнаго времени для нашихъ трехъ оружейныхъ заводовъ была установлена по расчету 2000 винтовокъ въ сутки, но кредиты на то, чтобы заблаговременно подготовить заводы къ таковому производству были отпущены лишь лѣтомъ 1913-го года. Въ результатѣ, наши заводы сумѣли поднять свою производительность до указанной нормы лишь къ концу первой четверти 1915-го года. Что же касается самой нормы 60 т. винтовокъ въ мѣсяцъ), то таковая, по сравненію съ дѣйствительною потребностью, оказалась совершенно недостаточной, такъ какъ очевидно, что въ интересахъ полной обезпеченности, она должна болѣе или менѣе близко подходить къ числительности отрабатываемыхъ запасными войсками въ мѣсяцъ-же укомплектованій, считая таковую числительность отвѣчающей дѣйствительнымъ потребностямъ дѣйствующей арміи.

Наши союзники испытывали, равнымъ образомъ, острую нужду въ предметахъ вооруженія и потому не могли намъ придти на помощь. Такимъ образомъ, для удовлетворенія ближайшихъ потребностей въ винтовкахъ для насъ оставался одинъ путь — путь покупки и заказовъ заграницей. Къ сожалѣнію, Военное Министерство, вопреки мнѣнію Ставки, находило нежелательнымъ пріобрѣтеніе винтовокъ не подъ нашъ патронъ и изъ-за этого потеряло нѣсколько мѣсяцевъ времени. Хотя ему удалось еще въ 1914-мъ году сдѣлать заказъ въ Японіи и Америкѣ, но выполненіе договоровъ должно было состояться лишь въ слѣдующемъ 1915-мъ году.

Такимъ образомъ, кризисъ винтовокъ не былъ преодоленъ, и намъ приходилось считаться съ невозможностью поддерживать нашу дѣйствующую армію въ комплектѣ, и тѣмъ болѣе — отказаться отъ мысли о дальнѣйшемъ развитіи ея въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ, путемъ новыхъ формированій и развертываній. Каждая неожиданно открывавшаяся партія 3-хъ линейныхъ винтовокъ, какъ бы незначительна она ни была, должна была нами привѣтствоваться едва ли не наравнѣ съ побѣдой, одержанной надъ противникомъ

Но, независимо недостатка въ винтовкахъ, на русскую армію надвигалось еще новое не менѣе тяжелое испытаніе, въ видѣ постепенно обнаружившагося затрудненія въ пополненіи огнестрѣльныхъ припасовъ, и прежде всего пу-

шечныхъ патроновъ. — Уже 20-го сентября, т. е. непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ Галичской операціи, генералъ Ивановъ доносилъ, что общій запасъ патроновъ въ артиллеріи Ю.-З. фронта весьма малъ и что, кромѣ возимаго комплекта, въ запасахъ мѣстныхъ парковъ имѣется всего лишь около 25 патроновъ на пушку; на каждую же мортиру и того меньше. И это при условіи, что, по подсчетамъ Ставки, къ этому примѣрно періоду времени, было отправлено и прибыло въ распоряженіе Ю.-З. фронта, изъ общаго числа 112 мѣстныхъ легкихъ парковъ, имѣвшихся у насъ къ началу войны, 31 паркъ, т. е. свыше одной четвертой части всего запаса патроновъ. — Положеніе на Ю.-З. фронтѣ представлялось генералу Иванову столь критическимъ, что онъ указывалъ на возможность пріостановки дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій изъ-за недостатка боевыхъ припасовъ; Главный же Начальникъ Снабженій армій этого фронта требовалъ экстренной высылки пушечныхъ патроновъ, «хотя бы не цѣльными парками, а отдѣльными вагонами». Ввиду такихъ донесеній и для выясненія вопроса, нѣтъ ли гдѣ-либо залежей, на Ю.-З. фронтъ были командированы изъ Ставки Дежурный Генералъ ген. Кондзеровскій и Начальникъ военныхъ сообщеній генералъ Ронжинъ, которые, «имѣя всѣ цифровые матеріалы, личными переговорами съ начальствомъ тыла убѣдились въ справедливости тревожныхъ симптомовъ, грозящихъ катастрофой». Такъ телеграфировалъ Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго Генералъ Янушкевичъ Военному Министру, обрисовывая создавшееся положеніе — Столь же тревожныя донесенія стали поступать и отъ начальства С.-З. фронта.

Такимъ образомъ, уже съ половины второго мѣсяца войны, со стороны войскъ стали нарастать жалобы на недостаточное обезпеченіе артиллеріи огнестрѣльными припасами, въ отвѣтъ на каковыя жалобы приходилось рекомендовать бережливость въ расходованіи этихъ припасовъ. Указанія эти не могли не оказывать вреднаго вліянія на психику войскъ, и особенно пѣхоты, привыкшей цѣнить искусныя дѣйствія своей артиллеріи и нерѣдко возлагать на нее такія задачи, которыя могли разрѣшаться лишь путемъ затраты большого числа снарядовъ.

Возможно, и даже вѣроятно, что въ требованіяхъ подачи на фронтъ пушечныхъ патроновъ, по крайней мѣрѣ въ первые мѣсяцы войны, были преувеличенія. Но важно было уже то, что эти требованія являлись несомнѣннымъ результатомъ вкоренившагося въ войскахъ убѣжденія о недостаточности притока мѣстныхъ парковъ на театръ военныхъ дѣйствій изъ тыла и естественнаго, отсюда, желанія застраховать себя отъ тяжелыхъ послѣдствій такого факта. Тревога эта, къ тому же, имѣла свои основанія, такъ какъ готовность мѣстныхъ парковъ, какъ мы уже знаемъ, далеко не соотвѣтствовала потребностямъ. И хотя еще задолго до войны Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба было предъявлено артиллерійскому вѣдомству требованіе объ ускореніи этой готовности, но въ дѣйствительности требованіе это, къ началу мобилизаціи, осуществленно не было. Наряду съ этимъ обстоятельствомъ, артиллерійскимъ частямъ была привита мирнымъ воспи-

таніемъ привычка считать «возимый» запасъ патроновъ минимальнымъ для обезпеченія боеспособности батарей; поэтому всякая задержка въ пополненіи этого запаса немедленно вызывала тревожныя заявленія о надвигающемся кризисѣ въ огнестрѣльныхъ припасахъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности по позднѣйшимъ подсчетамъ, даже такая грандіозная операція, какъ Галичская, потребовала въ теченіе шестнадцати-дневнаго періода наиболѣе интенсивныхъ боевъ (съ 23-го августа по 8-е сентября) расхода пушечныхъ патроновъ по расчету только 350-ти выстрѣловъ на одно орудіе, каковой расходъ съ избыткомъ покрывался за счетъ одного лишь возимаго запаса, опредѣлявшагося у насъ въ 428 выстрѣловъ. — И это при условіи, что расходъ пушечныхъ патроновъ, въ теченіе данной операціи, производился въ изобиліи и безъ отказа! — Принимая во вниманіе неравномѣрность расхода боевыхъ припасовъ на различныхъ участкахъ фронта, при которомъ на однихъ участкахъ возимый запасъ можетъ оказаться далеко недостаточнымъ, тогда какъ на другихъ онъ будетъ мертвымъ, неиспользованнымъ грузомъ, а равно учитывая современное развитіе желѣзнодорожной сѣти и автомобильнаго сообщенія, облегчающихъ своевременный подвозъ къ войскамъ всего необходимаго, напрашивается вопросъ — не представлялось ли бы цѣлесообразнымъ нѣкоторое сокращеніе возимыхъ комплектовъ, составляющихъ какъ бы неотъемлемую собственность войсковыхъ частей, за счетъ увеличенія общеармейскихъ запасовъ, обезпечивающихъ питаніе тѣхъ же войсковыхъ частей, но въ зависимости отъ дѣйствительнаго расхода и потребностей? На этотъ вопросъ должны будутъ отвѣтить будущіе создатели нашей отечественной арміи.

Въ первое время удовлетвореніе требованій о подачѣ огнестрѣльныхъ припасовъ, при наличіи еще неизрасходованныхъ запасовъ, заготовленныхъ въ мирное время, встрѣчало затрудненіе лишь въ отношеніи срочности выполненія этихъ требованій. Благодаря повторно предъявленному Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба въ первые же дни войны требованію объ ускореніи готовности мѣстныхъ парковъ и проявленной въ этомъ вопросѣ энергіи артиллерійскаго вѣдомства, наши мѣстные парки были приведены въ состояніе полной готовности въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ войны, и къ концу ноября 1914-го года всѣ 112 легкихъ парковъ, наличіе коихъ предусматривалось положеніями времени мирнаго, были поданы на театръ военныхъ дѣйствій.

Но затѣмъ,—дальнѣйшее питаніе нашей артиллеріи могло быть выполняемо лишь за счетъ патроновъ, изготовлявшихся на нашихъ заводахъ въ военное время или пріобрѣтаемыхъ за границей. Къ этому времени накопился уже и нѣкоторый опытъ для опредѣленія дѣйствительной мѣсячной нормы въ пушечныхъ патронахъ, при болѣе или менѣе удовлетворительномъ питаніи нашей артиллеріи. А именно, считалось необходимымъ имѣть до 300 выстрѣловъ въ мѣсяцъ на легкую пушку, что, за округленіемъ, должно было составить по одному мѣстному парку на корпусъ нормальнаго состава, или еже-

мѣсячно 50 парковъ на всю дѣйствующую армію, изъ расчета наличнаго числа ста пѣх. дивизій на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Выполненіе этого заданія было, однако, совершенно непосильно для нашего артиллерійскаго вѣдомства, почему наступленіе въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ вполнѣ реальнаго «снаряднаго» голода являлось неизбѣжнымъ. И здѣсь представлялось только два пути для рѣшенія вопроса: заказы заграницей и усиленіе отечественнаго производства.

Путь пріобрѣтенія пушечныхъ патроновъ заграницею былъ передъ нами, въ описываемый періодъ времени, почти закрытъ. Наша союзница Франція испытывала сама острую нужду не только въ вооруженіи, но и въ огнестрѣльныхъ припасахъ для своей артиллеріи, почему не могла намъ придти на помощь, принятіемъ нашихъ заказовъ. Чтобы удовлетворить собственной потребности въ артиллерійскихъ снарядахъ, во Франціи былъ принятъ упрощенный способъ выдѣлки и пріемки таковыхъ, давшій возможность въ короткій срокъ увеличить производство снарядовъ въ нѣсколько разъ. Генералъ Жоффръ выразилъ готовность командировать къ намъ нѣсколько спеціалистовъ, основательно ознакомившихся съ этимъ способомъ, надѣясь помочь намъ наладить таковое же ускореніе производства. Но конечно эта мѣра не рѣшала вопросъ въ необходимомъ для насъ объемѣ.

Равнымъ образомъ и Англія была перегружена реботой по удовлетворенію потребностей ея развивавшейся арміи.

Что касается американскаго промышленнаго рынка, то таковой съ первыхъ же дней войны былъ захваченъ заказами не только нашихъ союзниковъ, но и Германіи. Такимъ образомъ, изъ большихъ промышленныхъ странъ, оставалась одна Японія, которая, въ мѣрѣ своихъ возможностей, обѣщала намъ свою помощь. Но выполненіе взятыхъ ею на себя заказовъ относилось къ будущему времени, и потому помощь Японіи также не разрѣшала наступавшаго кризиса.

Переходя къ вопросу о собственномъ производствѣ снарядовъ внутри страны, приходится еще разъ подчеркнуть маломощность нашей военной промышленности вообще и отсутствіе подготовки къ ея развитію въ военное время. Такъ какъ въ мирное время потребность въ пушечныхъ патронахъ опредѣлялась почти исключительно пополненіемъ расхода на практическую стрѣльбу, то производительная сила нашихъ заводовъ, изготовлявшихъ снаряды и трубки къ нимъ, была очень ограниченной. Развитіе же этой производительности и привлеченіе къ производству огнестрѣльныхъ припасовъ новыхъ заводовъ требовали продолжительнаго времени, въ теченіе котораго наши запасы пушечныхъ патроновъ обречены были на катастрофическое паденіе. Достаточно сказать, что въ теченіе декабря 14-го года и первыхъ мѣсяцевъ 15-го года мы могли ожидать къ поступленію, на пополненіе расхода въ пушечныхъ патронахъ къ легкимъ пушкамъ, ежемѣсячно не свыше 12-ти парковъ, что составляло менѣе 25% потребности въ нихъ.

Въ еще худшемъ положеніи находился вопросъ о пополненіи огнестрѣльными припасами нашей полевой тяжелой артиллеріи. И если этотъ вопросъ не пріобрѣлъ столь же острой формы, какъ вопросъ объ обезпеченіи боевыми припасами легкой артиллеріи, то лишь потому, что количество тяжелыхъ батарей въ нашей арміи было весьма ограниченно и пользованіе ими, въ силу этого обстоятельства, составляло какъ бы исключеніе для нашихъ войсковыхъ частей.

Въ концѣ ноября нашъ запасъ огнестрѣльныхъ припасовъ былъ обездоленъ еще происшедшимъ взрывомъ въ Брестъ-Литовскѣ. Причина взрыва осталась невыясненной; вѣроятнѣе всего неосторожность, но ходили слухи и о нѣмецкой подпольной работѣ.

Недостатокъ въ винтовочныхъ патронахъ обнаружился значительно позднѣе, по сравненію съ недостаткомъ въ пушечныхъ патронахъ. Объясняется это тѣмъ, что въ первый періодъ войны, особенно на Галичскомъ фронтѣ, гдѣ дѣйствовала главная масса нашей арміи, успѣхъ въ бояхъ обезпечивался по преимуществу артиллерійскимъ огнемъ. По общимъ отзывамъ участниковъ этихъ боевъ, прекрасная матеріальная часть нашей артиллеріи, блестящая подготовка ея личнаго состава и доблестная боевая работа этого рода оружія значительно облегчали боевую дѣятельность пѣхоты и нерѣдко ограничивали ее лишь закрѣпленіемъ успѣха, достигнутаго однимъ артиллерійскимъ огнемъ. Эти условія, естественно, уменьшали расходъ винтовочныхъ патроновъ и сберегали имѣвшіеся у насъ запасы военнаго времени. Вслѣдствіе изложеннаго, несмотря на то, что мы начали войну съ нехваткой винтовочныхъ патроновъ въ 300 милл. штукъ и отпустили въ 1914-мъ году Сербской арміи до 200 милл. патроновъ; несмотря на то, что мы должны были считаться съ недостаточной производительностью нашихъ патронныхъ заводовъ и встрѣтили затрудненія въ изготовленіи необходимаго количества пороха соотвѣтствующаго сорта, — несмотря на все это, у насъ въ первые мѣсяцы войны въ центральныхъ складахъ все же сохранился въ неприкосновенности большой запасъ винтовочныхъ патроновъ, который и позволилъ безпрепятственно пополнять текущій расходъ въ войскахъ даже тогда, когда потребность въ патронахъ значительно возросла. Но этого запаса патроновъ, съ которыми войска научились обращаться бережливо лишь путемъ горькаго опыта, хватило только до начала 1915-го года; съ наступленіемъ его, картина рѣзко измѣнилась къ худшему. Впослѣдствіи, пришлось даже пустить въ ходъ, взамѣнъ новыхъ патроновъ съ остроконечными пулями, запасъ старыхъ тупоголовыхъ патроновъ, что должно было значительно сказаться на пониженіи дѣйствительности ружейнаго огня.

Чтобы покончить, съ обзоромъ боевого снабженія армій къ концу 1914-го года, остается сказать еще нѣсколько словъ по вопросу о пулеметахъ. — Наша армія выступила на войну, имѣя некомплектъ, примѣрно, въ одну тысячу пулеметовъ, что составляло около 20% отъ общаго числа, долженствовавшаго состоять въ арміи. Вслѣдствіе вообще недостаточной нор-

мы пулеметовъ и неизбѣжной утери въ бояхъ, потребность въ притокѣ пулеметовъ на театръ военныхъ дѣйствій стала нами ощущаться съ первыхъ же дней войны. Слабая производительность завода, выдѣлывавшаго у насъ пулеметы, не могла удовлетворить нужды въ таковыхъ, почему потребность въ пулеметахъ стала постепенно возрастать. Своей кульминаціонной точки эта потребность достигла, однако, въ 1915-мъ году, когда мы стали переходить на различныхъ участкахъ фронта къ позиціонной войнѣ.

Таково, вкратцѣ, было къ концу ноября 14-го года состояніе главнѣйшихъ элементовъ, изъ которыхъ складывалась боеспособность нашихъ армій. Въ каждомъ изъ этихъ элементовъ постепенно выявлялись очень серьезные дефекты, на быстрое исправленіе коихъ было очень мало надежды.

Въ одной изъ первыхъ моихъ главъ я высказалъ мысль, что наличіе на нашихъ окраинахъ значительныхъ силъ, кои, по условіямъ желѣзнодорожнаго транспорта и другимъ причинамъ, могли быть доставляемы на театръ военныхъ дѣйствій лишь постепенно и съ нѣкоторымъ запозданіемъ, давало Верховному Главнокомандованію право вести первыя боевыя операціи съ болѣе широкимъ и смѣлымъ размахомъ. Эти силы являлись въ рукахъ Великаго Князя своего рода резервомъ, которымъ онъ могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, давая той или иной группѣ войскъ новый импульсъ для удара, или дальнѣйшаго сопротивленія, влитіемъ въ нее свѣжихъ силъ. И дѣйствительно, передъ читателемъ не долженъ былъ пройти безслѣдно тотъ фактъ, что успѣшное завершеніе однѣхъ операцій и относительно благополучный выходъ изъ другихъ — нерѣдко являлись результатомъ прибытія свѣжихъ силъ съ окраинъ Имперіи, или изъ такихъ раіоновъ театра войны (6-я и 7-я арміи), которые оставались внѣ зоны боевыхъ дѣйствій.

Однако, запасъ свѣжихъ силъ сталъ подходить къ концу. Къ началу декабря 14-го года оставались еще непритянутыми на театръ военныхъ дѣйствій только 9-я и 10-я Сиб. стрѣлковыя дивизіи (IV Сиб. корпусъ) и два полка 3-й Турк. стрѣлк. бригады. Затѣмъ, въ дальнѣйшемъ, можно было расчитывать лишь на XIII-й и XV-й арм. корпуса, къ формированію коихъ заново было приступлено внутри страны, но готовность коихъ сильно тормозилась недостаткомъ винтовокъ и другихъ предметовъ матеріальнаго снабженія. Наконецъ, условно намѣчалась еще возможность привлеченія на театръ военныхъ дѣйствій частей Заамурскаго округа погр. стражи. Въ дѣйствительности, и то лишь къ февралю 1915-го года, удалось сформировать полностью только XV-й корпусъ, благодаря во многомъ энергіи и настойчивости формировавшаго этотъ корпусъ генерала Торклуса; взамѣнъ же XIII-го корпуса, пришлось ограничиться сформированіемъ лишь сводной пѣх. бригады этого корпуса.

Тѣ же причины, т. е. отсутствіе винтовокъ и прочихъ предметовъ матеріальнаго снабженія, затрудняли также намѣчавшееся развертываніе стрѣлковыхъ бригадъ въ дивизіи, равно какъ проектировавшееся переформированіе и сведеніе въ дивизіи же наиболѣе прочно сложившихся ополченскихъ бригадъ.

При всѣхъ изложенныхъ выше условіяхъ, впредь до полнаго обновленія дѣйствующей арміи, лично я не видѣлъ возможности продолжать широкое наступленіе на лѣвомъ берегу р. Вислы. Въ своей запискѣ, внесенной въ совѣщаніе, я выражалъ сомнѣніе въ томъ, удастся ли, при наблюдавшемся постепенномъ усиленіи германцевъ, развить начавшееся преслѣдованіе противника нашими главными силами С.-З. фронта, далѣе линіи Плоцкъ-Домбе. Я предлагалъ поэтому прочно закрѣпиться на этомъ именно фронтѣ, связавъ его съ Ю.-З. арміями путемъ сильной промежуточной группы войскъ на Вартѣ, фронтомъ къ Калишу.

Что касается Ю.-З. фронта, то дальнѣйшія дѣйствія армій генерала Иванова представлялись мнѣ въ видѣ настойчивыхъ стремленій развить достигнутый ими успѣхъ надъ австрійцами, кои къ этому времени перебросили главную массу своихъ войскъ на фронтъ Краковъ-Ченстоховъ. Пользуясь этимъ и соотвѣтственно ограничившись минимальными силами для прочнаго удержанія Карпатскихъ проходовъ и владѣнія Галичиной, мы могли расчитывать нанести этой массѣ противника рѣшительный ударъ на лѣвомъ берегу р. Вислы, развивая главныя наши усилія къ сѣверу отъ Кракова, съ дальнѣйшимъ направленіемъ на Ополье (Оппельнъ). Такими дѣйствіями Ю.-З. фронта достигалось бы сближеніе армій обоихъ нашихъ фронтовъ между собою; австрійцы же отбрасывались отъ ихъ естественныхъ путей отступленія, пролегавшихъ въ направленіи на Вѣну и собственную страну. Независимо того, въ случаѣ успѣха такого наступленія, правофланговыя арміи Ю.-З. фронта могли бы занять угрожающее положеніе по отношенію къ таковому же флангу германскихъ войскъ; главныя же силы нашихъ обоихъ фронтовъ выводились намѣчавшимися дѣйствіями на фронтъ между Вислою и Судетами. Съ этого фронта, какъ уже не разъ отмѣчалось, представлялось наиболѣе удобнымъ осуществить дальнѣйшее вторженіе въ предѣлы Германіи, отъ каковаго плана у насъ пока еще не было достаточныхъ основаній отказываться окончательно.

Но центральнымъ пунктомъ моихъ предложеній являлось возвращеніе къ мысли объ овладѣніи Восточной Пруссіей, пользуясь тѣмъ, что главный нашъ врагъ — германцы — временно обезсилены боями на фронтѣ Ловичъ-Лодзь. Въ своей запискѣ я вновь отмѣчалъ, что достиженіе этой цѣли разъ навсегда обезпечитъ правый флангъ и тылъ нашего стратегическаго фронта отъ германскихъ ударовъ, опасность коихъ будетъ возрастать, по мѣрѣ нашего движенія впередъ. Утвердившись же на нижней Вислѣ, мы не только парализуемъ эту опасность, но достигнемъ возможности освободить часть войскъ, занятыхъ нынѣ обезпеченіемъ нашего положенія со стороны Восточной Пруссіи, для усиленія армій на лѣвомъ берегу р. Вислы.

Кромѣ энергическаго развитія наступательныхъ дѣйствій 10-й арміей, я рекомендовалъ образованіе особой группы войскъ, не менѣе трехъ корпусовъ, на Млавскомъ направленіи, полагая, что эта группа, дѣйствуя наступательно на Сольдау, въ значительной мѣрѣ можетъ способствовть продвиженію 10-й арміи, въ цѣляхъ овладѣнія Восточной Пруссіей.

Дѣлая эти предложенія, я отлично понималъ тѣ формальныя возраженія, которыя мнѣ могли быть сдѣланы по поводу возвращенія къ стратегической комбинаціи, закончившейся Самсоновской трагедіей. Но я не видѣлъ разумныхъ основаній отказываться отъ выполненія задачи, первостепеннаго значенія, только потому, что, при осуществленіи ея, были допущены ошибки, приведшія къ катастрофѣ. Мнѣ всегда казалось болѣе правильнымъ — стараться избѣгнуть ошибокъ прошлаго, чѣмъ поддаваться пагубному гипнозу перенесеннаго пораженія, вылившемуся въ форму какого-то мистическаго суевѣрія по отношенію къ Восточно-Прусскому театру военныхъ дѣйствій.

Мои предположенія о задачахъ и характерѣ дальнѣйшихъ дѣйствій оказались, однако, въ глубокомъ противорѣчіи съ тѣми настроеніями, съ которыми прибыли на совѣщаніе оба Главнокомандующіе арміями фронтовъ. Оцѣнка ими положенія нашихъ армій была значительно болѣе пессимистичной, чѣмъ это положеніе представлялось мнѣ. Генералъ Рузскій, отмѣчая некомплектъ въ арміяхъ и недостатокъ огнестрѣльныхъ припасовъ, указывалъ на прибытіе къ германцамъ новыхъ силъ, переброшенныхъ съ западнаго фронта и на усилившіяся контръ-атаки ихъ, какъ противъ нашей 1-й арміи, такъ и со стороны Сѣрадзя и Велюни. Генералъ Ивановъ, въ свою очередь, констатировалъ недоступность непріятельскихъ позицій на фронтѣ Ченстоховъ-Краковъ и указывалъ на угрожающее накапливаніе значительныхъ австрійскихъ силъ въ Карпатскихъ проходахъ. На основаніи этихъ данныхъ, Верховный Главнокомандующій, считаясь съ мнѣніями и заключеніями своихъ ближайшихъ сотрудниковъ по командованію арміями, призналъ соотвѣтственнымъ, для сокращенія фронта и приданія арміямъ, находившимся на лѣвомъ берегу Вислы, болѣе прочнаго положенія, разрѣшить занятіе этими арміями заранѣе подготавливавшихся у нихъ въ тылу позицій на путяхъ къ Варшавѣ и Ивангороду, что давало возможность образованія на обоихъ фронтахъ необходимыхъ резервовъ.

Соотвѣтственно этому рѣшенію, директивой Верховнаго Главнокомандующаго отъ 30-го ноября предуказывалось сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія, чтобы въ ночь на 1-й декабря «возможно было начать отходъ армій обоихъ фронтовъ, находящихся на лѣвомъ берегу р. Вислы на фронтъ Иловъ-Томашовъ р. Нида и далѣе къ р. Вислѣ». При этомъ, распоряженіе о приведеніи въ исполненіе изложенныхъ указаній должно было послѣдовать дополнительно, по полученіи ожидавшихся свѣдѣній о положеніи дѣлъ на фронтѣ за 29-е ноября.

Что касается задачъ на флангахъ нашего стратегическаго фронта, то, въ этомъ отношеніи, даны были слѣдующія указанія:

На С.-З. фронтѣ — 10-й (Восточно-Прусской) арміи надлежитъ продолжать выполненіе возложенной на нее задачи, стремясь имѣть резервъ для обезпеченія себя отъ контръ-ударовъ; Главнокомандующему же фронтомъ, при отходѣ къ р. Вислѣ, имѣть въ виду образованіе сильнаго резерва въ раіонѣ Варшавы, для отраженія возможнаго удара нѣмцевъ со стороны Млавы.

На обязанности армій Ю.-З. фронта должна была оставаться задача по удержанію въ нашихъ рукахъ восточной Галичины, причемъ предѣломъ отхода на правомъ берегу Вислы должна явиться р. Санъ, съ удержаніемъ переправъ черезъ эту рѣку въ нашихъ рукахъ.

Изъ изложеннаго видно, что приведенныя распоряженія были отданы Верховнымъ Главнокомандующимъ въ соотвѣтствіи съ заключеніями Главнокомандующихъ арміями фронтовъ, и что, во всякомъ случаѣ, они носили характеръ предварительный, обусловливавшійся наличіемъ извѣстной обстановки, которая подлежала еще дополнительному выясненію.

Тѣмъ неожиданнѣе было содержаніе телеграммы, полученной въ Ставкѣ отъ генерала Иванова на слѣдующій день, въ которой онъ, ссылаясь на якобы сдѣланныя имъ въ совѣщаніи заявленія, просилъ Верховнаго Главнокомандующаго оставить войска обоихъ фронтовъ на занимаемыхъ ими мѣстахъ и, со словъ командующаго 3-й арміей генерала Радко-Дмитріева, намекалъ на возможность взятія штурмомъ Кракова. Между тѣмъ, наканунѣ мнѣніе генерала Иванова о положеніи дѣлъ на Ю.-З. фронтѣ далеко не было столь радужнымъ, и къ моему предложенію о продолженіи наступленія въ Ченстоховскомъ раіонѣ онъ отнесся съ полнымъ пессимизмомъ, не разсчитывая на успѣхъ такихъ дѣйствій.

Принимая во вниманіе заключеніе Генерала Рузскаго, Ставка отвѣтила генералу Иванову, что сокращеніе фронта 1-й, 2-й и 5-й армій является, повидимому, неизбѣжнымъ, но что отходъ этихъ армій лѣвымъ флангомъ на Петроковъ, и даже на Томашовъ, не обусловливаетъ еще необходимости отвода армій Ю.-З. фронта, особенно, если за его правымъ флангомъ удастся собрать достаточно сильный резервъ.

И дѣйствительно, вслѣдствіе усиленныхъ атакъ на лѣвый флангъ 5-й арміи, Главнокомандующій С.-З. фронтомъ уже къ 1-му декабря разрѣшилъ генералу Плеве начать медленный отходъ его группы войскъ на фронтъ Гловно-Вольборжъ. Образовавшійся между внутренними частями 5-й и 4-й армій разрывъ постепенно былъ заполненъ частями III-го Кавк. и XIV-го корпусовъ, а также Гвардейской кавалеріей, выдвинутой на лѣвый берегъ р. Вислы, въ періодъ Лодзинскихъ боевъ, распоряженіемъ Верховнаго Главнокомандующаго.

Что касается Восточно-Прусскаго театра военныхъ дѣйствій, то, уже черезъ нѣсколько дней послѣ совѣщанія 29-го ноября, генералъ Янушкевичъ, въ своей телеграммѣ генералу Рузскому, призналъ необходимымъ вновь возвратиться къ этому больному вопросу. — «Трудность и сложность рѣшенія вопроса объ обезпеченіи успѣха въ Восточной Пруссіи, говорилъ онъ въ своемъ заключеніи, не могутъ, казалось бы, явиться основаніемъ для отказа отъ рѣшенія этой задачи, такъ какъ это, повидимому, было бы равносильно отказу отъ перенесенія войны въ предѣлы Германіи».

Главнокомандующій арміями С.-З. фронта генералъ Рузскій, въ общемъ, поддерживалъ точку зрѣнія Ставки и признавалъ также необходимымъ стремиться къ овладѣнію Восточной Пруссіей, считая таковое подготовительнымъ

этапомъ для перехода въ наступленіе на лѣвомъ берегу р. Вислы. Однако, во взглядахъ генерала Рузскаго можно было обнаружить нѣкоторыя колебанія, которыя очень рельефно отразились въ одной изъ его телеграммъ въ Ставку. Въ ней, подъ вліяніемъ донесеній изъ 10-й арміи, генералъ Рузскій говорилъ: «Приходится придти къ заключенію, что соотвѣтственнѣе было бы на Восточно-Прусскомъ театрѣ войны отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ форсировать озерную систему, а перейти къ оборонѣ, оставивъ для сего минимальное число войскъ, достаточное для надежнаго обезпеченія сообщеній фронта.»

Такимъ образомъ обстановка складывалась такъ, что Восточно-Прусской проблемѣ суждено было и на сей разъ остаться въ неопредѣленномъ положеніи.

3-го декабря, въ Галичинѣ, обозначалось новое наступленіе австрійцевъ, которое постепенно распространилось на фронтѣ около 200 километровъ отъ перевала Ужокъ до раіона Лимановъ-Тымбаркъ включительно. Здѣсь были обнаружены части пяти-шести австрійскихъ корпусовъ, поддержанныя германцами изъ состава вновь прибывшаго съ западнаго фронта XXIV-го германскаго корпуса. Къ началу непріятельскаго наступленія наша 3-я армія была ослаблена переброскою части силъ на лѣвый берегъ Вислы, а 8-я армія оказалась разбросанною на очень широкомъ фронтѣ. Эта обстановка обезпечила австрійцамъ достиженіе нѣкотораго успѣха. — Но уже 10-го декабря 3-я и 8-я арміи, поддержанныя частями 11-й арміи, главныя силы которой блокировали въ то же время Перемышль, перешли въ контръ-наступленіе, которымъ и былъ положенъ предѣлъ дальнѣйшему продвиженію непріятеля.

Тѣмъ не менѣе, ввиду попытки австрійцевъ возобновить наступленіе въ Галичинѣ и донесенія генерала Рузскаго, указывавшаго на все возраставшее упорство германцевъ, продолжавшихъ свои атаки на лѣвомъ берегу р. Вислы противъ 1-й арміи, и на развивавшееся наступленіе нѣмцевъ со стороны Млавы въ направленіи на Праснышъ — 13-го декабря, въ Брестѣ, было созвано новое совѣщаніе. Въ результатѣ такового, Верховный Главнокомандующій, въ соотвѣтствіи съ мнѣніями Главнокомандующихъ арміями фронтовъ, разрѣшилъ дальнѣйшій отходъ армій, находившихся на лѣвомъ берегу р. Вислы, на заранѣе подготовленныя позиціи, что, какъ мы видѣли, давало возможность сократить ихъ фронтъ и выдѣлить резервы; послѣдніе, въ данной обстановкѣ, могли быть использованы для обезпеченія Млавскаго направленія и для нанесенія окончательнаго удара австрійцамъ, пытавшимся спуститься съ Карпатъ и вторгнуться въ западную часть Галичины.

Предстоящій отходъ нашихъ пяти лѣвобережныхъ армій совершился благополучно и въ полномъ порядкѣ; войска 1-й, 2-й, 5-й, 4-й и 9-й армій заняли линію р.р. Бзуры, Равки и Ниды.

Германцы, тѣмъ не менѣе, произвели рядъ попытокъ прорвать нашъ новый фронтъ; ихъ атаки пріобрѣли особо-упорный характеръ на Бзурѣ и Равкѣ, въ раіонѣ Болимова. Всѣ усилія германцевъ ограничились, однако, достиженіемъ

здѣсь лишь мѣстныхъ успѣховъ, но атаки ихъ привели къ жестокимъ для обѣихъ сторонъ потерямъ. Убѣдившись, кровавымъ опытомъ, въ прочности и устойчивости нашего новаго положенія, германское командованіе прекратило дальнѣйшія попытки къ прорыву нашего фронта.

На правомъ берегу р. Вислы, наши войска, получивъ подкрѣпленія и перейдя въ наступленіе, оттѣснили германскія войска изъ раіона Праспыша и вынудили ихъ къ обратному отходу на территорію Восточной Пруссіи. Постепенно расширяя раіонъ дѣйствій, мы достигли Влоцлавска и стали закрѣпляться, начиная отъ названнаго пункта вдоль южной границы Восточной Пруссіи до раіона дѣйствій 10-й арміи, продолжавшей стоять передъ Мазурскими озерами и укрѣпленной нѣмцами позиціей вдоль р. Ангераппъ.

Въ Галичинѣ — наше контръ-наступленіе, послѣ необходимыхъ перегруппировокъ, приведшихъ къ усиленію наступавшихъ войскъ, получило также дальнѣйшее развитіе. Несмотря на неблагопріятную погоду, наши войска, преодолѣвая глубокіе снѣга и обледенѣлыя горы, непрестанно продвигались впередъ, и къ концу декабря опрокинутый повсюду противникъ спѣшно отступалъ по всему фронту. Продолжая его преслѣдованіе, генералъ Ивановъ предписалъ 3-й и 8-й арміямъ прочно обезпечить за собою линію р.р. Дунаецъ и Бяла и далѣе фронтъ отъ Грибово на Горлице, Дуклу и Лиско. — 11-й арміи указано было, продолжая блокировать Перемышль, обезпечить приданными ей полевыми корпусами (VII и XXX) восточно-Карпатскіе проходы.

Въ Буковинѣ — мы, вновь занявъ Черновцы, постепенно продвинулись на перевалы, соединявшіе Буковину съ Трансильваніей и Венгріей.

Такого, приблизительно, положенія наши арміи достигли къ первой половинѣ января 1915-го года.

Къ сожалѣнію позиціи, на которыя отошли наши арміи на лѣвомъ берегу р. Вислы, оказались очень плохо подготовленными, и войскамъ пришлось потратить много усилій, чтобы привести ихъ въ болѣе или менѣе надлежащій видъ. — Примѣру нашихъ войскъ послѣдовалъ и непріятель, начавшій также интенсивно укрѣпляться; такимъ образомъ весьма скоро положеніе обѣихъ сторонъ на лѣвомъ берегу р. Вислы стало принимать формы позиціонной войны. Для усиленія нашего положенія на р.р. Бзурѣ и Равкѣ, на позиціи постепенно были выдвинуты батареи тяжелыхъ орудій крѣпостныхъ калибровъ и типовъ, позаимствованныя, главнымъ образомъ, изъ вооруженія Новогеоргіевска.

Въ тылу нашихъ войскъ лѣваго берега Вислы стали возводиться запасныя позиціи, которыя должны были облегчить оборону этой рѣки; на правомъ же берегу р. Вислы Верховный Главнокомандующій намѣтилъ образованіе резерва изъ IV-го Сиб. корпуса, ожидавшагося къ прибытію изъ восточной Сибири, и Гвардейскаго корпуса, который во второй половинѣ декабря былъ выключенъ изъ состава Ю.-З. фронта и перевезенъ на отдыхъ и пополненіе въ раіонъ Ново-Минскъ-Гарволинъ-Сѣдлецъ.

Равнымъ образомъ въ Галичинѣ, распоряженіемъ 3-й арміи, предназначено было подготовить тыловую укрѣпленную позицію, примѣрно, на линіи р. Вислоки. — Что же касается Карпатскаго участка фронта, то генералъ Ивановъ упорно настаивалъ на необходимости отвѣтить на переброску въ Карпаты австро-венгерскихъ войскъ не обороной, а активными дѣйствіями, чтобы не дать возможности возродиться австро-венгерской арміи, подорванной перенесенными пораженіями, и, напротивъ, приблизить ее къ полному развалу. Генералъ Ивановъ указывалъ также, что успѣхъ въ Галичинѣ «отзовется благопріятно въ Венгріи, которая готова идти на сепаратный миръ, а также и въ Румыніи, которая теперь должна рѣшить — куда ей склонить голову. Думаю, добавлялъ генералъ Ивановъ, что она склонитъ голову туда, гдѣ будетъ удача».

Примѣрно въ этотъ же періодъ времени нашъ военный агентъ въ Парижѣ полковникъ графъ Игнатьевъ, которому были сообщены, для передачи во французскую Главную Квартиру, данныя о положеніи нашихъ армій и принятыхъ рѣшеніяхъ, доносилъ, что генералъ Жоффръ, учитывая недостатокъ огнестрѣльныхъ припасовъ, выразилъ надежду, что «если мы лишены возможности возобновить наступленіе въ Польшѣ, то все же сможемъ продолжать преслѣдованіе въ Галичинѣ, гдѣ характеръ мѣстности, быть можетъ, менѣе способствуетъ развитію дѣйствій артиллеріи.»

Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ неувѣренностью Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта въ успѣхѣ дѣйствій по овладѣнію Восточной Пруссіей, стали, повидимому, склонять и Верховнаго Главнокомандующаго къ мысли о предпочтительности нанесенія очередного удара австрійцамъ на правомъ берегу р. Вислы изъ Гатчины. — И такимъ образомъ еще въ концѣ 1914-го года у нѣкоторыхъ нашихъ военноначальниковъ начала зарождаться идея наступленія русской арміи черезъ Карпаты въ Венгрію, къ осуществленію которой было приступлено въ слѣдующемъ 15-мъ году.

ГЛАВА XII.

Вступленіе въ войну Турціи и операціи на Кавказскомъ фронтѣ. — Общее военно-политическое положеніе къ концу 1914-го года.

Въ концѣ 1914-го года военное положеніе Россіи осложнилось тѣмъ обстоятельствомъ, что, внезапнымъ нападеніемъ на наши суда и нѣкоторые береговые пункты Чернаго моря, Турція открыла враждебныя противъ насъ дѣйствія. Выступленіе это подготовлялось съ давнихъ поръ.

Я уже указывалъ въ одной изъ первыхъ главъ, что поведеніе Турціи по отношенію къ нашему отечеству являлось крайне подозрительнымъ съ первыхъ же дней вооруженнаго конфликта, возникшаго между Европейскими Державами.

Враждебныя намъ вліянія становились на берегахъ Босфора все опредѣленнѣе.

Начавшаяся въ началѣ августа мобилизація турецкой арміи въ серединѣ сентября близилась къ концу. Подвигалось также сосредоточеніе турецкихъ войскъ къ нашей кавказской границѣ и подготовка къ вторженію особаго отряда въ Египетъ.

Въ раіонѣ Константинополя нѣмцы прочно захватили власть надъ Босфоромъ и Дарданеллами. Ходили слухи, что, для обороны проливовъ, прибыли изъ Германіи орудія крупнаго калибра. Особенную активность, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, проявлялъ германскій адмиралъ Сюшонъ, прибывшій въ Константинополь вмѣстѣ съ нѣмецкими крейсерами и фактически остававшійся ихъ начальникомъ. Подготовка этихъ крейсеровъ къ выходу въ море становилась настолько очевидной, что послы Державъ Согласія вынуждены были указать на эту подготовку Великому Визирю и напомнить ему о данномъ обѣщаніи — не допустить выхода германскихъ крейсеровъ изъ проливовъ. Однако, въ средѣ турецкихъ министровъ значительно ослабѣли умѣренные элементы, и защитникомъ нейтралитета оставался едва-ли не одинъ министръ финансовъ Джавидъ-бей.

21-го сентября была сдѣлана первая попытка къ выходу нѣмецкихъ крейсеровъ въ море. По впечатлѣнію нашего посольства въ Константинополѣ, этотъ шагъ былъ сдѣланъ по иниціативѣ и настоянію нѣмцевъ, чтобы вызвать, наконецъ, конфликтъ, на который турки все еще не рѣшались. Такъ какъ нѣмецкіе крейсеры находились подъ турецкимъ флагомъ, то англійское правительство объявило Портѣ, что, ввиду трудности отличать нѣмецкія суда отъ турецкихъ, оно вынуждено будетъ отдать распоряженіе о противодѣйствіи выходу въ Эгейское море вообще всѣмъ судамъ подъ турецкимъ флагомъ. Послѣ этого заявленія турецкій контръ-миноносецъ, видимо нарочно, вышелъ изъ Дарданеллъ, и когда онъ былъ дѣйствительно остановленъ англійскимъ сторожевымъ судномъ, то комендантъ Дарданеллъ — нѣмецкій офицеръ — объявилъ о закрытіи навигаціи черезъ проливъ. На заявленный по этому поводу протестъ, турецкій Совѣтъ Министровъ отвѣтилъ, что Дарданеллы будутъ открыты, если англійская эскадра удалится къ Лемносу. Требованіе это носило вызывающій характеръ и потому не было исполнено, тѣмъ болѣе что наблюденіе за входомъ и выходомъ изъ Дарданеллъ являлось военною необходимостью, такъ какъ все еще не была устранена опасность проникновенія въ проливы австрійскаго флота и ожидался подходъ выписанныхъ Турціей изъ Америки транспортовъ съ углемъ, которые не могли быть пропущены въ Константинополь.

Въ серединѣ октября нашъ посолъ въ Константинополѣ М. Н. Гирсъ телеграфировалъ С. Д. Сазонову, что 11-го октября у германскаго посла состоялось совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе Энверъ-паша и Талаатъ-бей. На этомъ совѣщаніи былъ подписанъ особый договоръ, которымъ Турція обязывалась къ немедленному выступленію противъ Россіи, вслѣдъ за получе-

ніемъ отъ Германіи денежной субсидіи. Первый взносъ, причитавшійся по этому договору, телеграфировалъ М. Н. Гирсъ, уже полученъ; второй же транспортъ денегъ долженъ былъ прибыть изъ Германіи въ Константинополь 21-го октября.

Тѣмъ не менѣе, нашъ посолъ въ Константинополѣ, хорошо знавшій нравы Порты, полагалъ, что неопредѣленное положеніе Турціи можетъ продлиться еще нѣкоторое время, если толчокъ къ развязкѣ не будетъ данъ самими нѣмцами. Послѣдніе были, однако, крайне заинтересованы скорѣйшимъ выступленіемъ Турціи противъ насъ, такъ какъ въ этотъ періодъ времени стало замѣтно развиваться наше наступленіе на лѣвомъ берегу р. Вислы, угрожавшее границамъ Силезіи.

Созданіемъ военныхъ затрудненій на нашей кавказской границѣ и поднятіемъ волненій среди мусульманскаго населенія наши противники, конечно, могли разсчитывать облегчить положеніе на своемъ восточномъ фронтѣ въ Европѣ.

29-го октября 1914-го года, около трехъ часовъ утра, два турецкихъ миноносца приблизились къ Одессѣ и, имѣя отличительные огни и русскіе флаги, внезапно вошли въ гавань. Приблизившсь къ нашей канонерской лодкѣ «Донецъ», одинъ изъ непріятельскихъ миноносцевъ выпустилъ въ нее мину, которой лодка была потоплена. Пользуясь поднявшейся суматохой и отстрѣливаясь, непріятельскіе миноносцы, затѣмъ, отступили изъ гавани и, преслѣдуемые нашимъ огнемъ, ушли полнымъ ходомъ въ море, несмотря на нанесенныя имъ поврежденія.

Въ то же утро, около половины седьмого, на горизонтѣ Севастополя неожиданно вырисовался силуэтъ «Гебена». Подойдя къ крѣпости со стороны Евпаторіи, непріятельскій крейсеръ открылъ огонь по рейду и городу. Ему отвѣчали наши береговыя батареи и ближайшія къ выходу суда. Послѣ двадцати-минутнаго огня «Гебенъ» прекратилъ стрѣльбу и ушелъ въ море. Его огонь не произвелъ почти никакихъ разрушеній, но были жертвы: нѣсколько раненыхъ и убитыхъ.

Одновременно съ нападеніемъ на Одессу и Севастополь, крейсеръ «Бреслау» обстрѣлялъ беззащитную Феодосію, а турецкій крейсеръ «Гамидіе» — Новороссійскъ.

Этими вѣроломными актами Турція фактически открыла противъ насъ военныя дѣйствія.

Великій Визирь и адмиралъ Сюшонъ пытались объяснить враждебныя дѣйствія противъ нашихъ приморскихъ пунктовъ, какъ репрессію за нападеніе нашихъ миноносцевъ, якобы произведенное 28-го октября вблизи Босфора на турецкій флотъ, мирно упражнявшійся въ стрѣльбѣ. Но это объясненіе тогда же было категорически отведено нашимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазоновымъ.

Россійское Императорское Правительство, по полученіи извѣстій о нападеніи турецкихъ судовъ на нашъ флотъ и Черноморское побережье, предпи-

сало нашему послу въ Константинополѣ заявить Портѣ о разрывѣ дипломатическихъ сношеній и о своемъ отъѣздѣ изъ Турціи — М. Н. Гирсъ оставилъ Константинополь 31-го октября. Примѣру Россіи послѣдовали и остальныя Державы Согласія.

3-го ноября, на разсвѣтѣ, англо-французская эскадра, въ видѣ демонстраціи, произвела бомбардировку Дарданельскихъ укрѣпленій. Турецкія батареи отвѣчали слабымъ огнемъ. По мнѣнію лицъ, знавшихъ обстановку, если бы упомянутая бомбардировка сопровождалась дессантомъ, то береговыя укрѣпленія, закрывавшія входъ въ проливъ, могли быть взяты, безъ особыхъ жертвъ и потери времени. Передъ союзниками открылись бы подступы къ столицѣ Отоманской Имперіи. Къ сожалѣнію, эта задача вошла въ планъ нашихъ союзниковъ лишь впослѣдствіи, и, такимъ образомъ, нашимъ противникамъ было предоставлено значительное время для усовершенствованія ихъ обороны.

Такъ началась война Турціи съ Державами Согласія. Для насъ — какъ мы видѣли — эта война не являлась неожиданностью, и намъ приходилось учитывать ея возможность съ первыхъ же дней возникновенія вооруженнаго конфликта. Тѣмъ не менѣе, выполняя планъ стратегическаго развертыванія на западѣ, Верховное Главнокомандованіе не остановилось передъ рѣшеніемъ ослабить войска на Кавказѣ до возможнаго предѣла, имѣя цѣлью собрать на главномъ театрѣ войны максимумъ силъ. На западный фронтъ постепенно были переброшены: II-й и III-й Кавк. корпуса, 1-я Кавказ. стрѣлковая бригада и Кавказская кав. дивизія; для обороны же Кавказа оставлены: I-й Кавк. корпусъ (въ составѣ 20-й и 39-й пѣх. дивизій), 66-ая пѣх. дивизія, 2-ая Кавк. стр. бригада, 1-я и 2-я пласт. бригады и 1-я и 2-я Кавк. каз. дивизіи, всего 68 бат. пѣх., 48 сотенъ и 184 орудія.

Эти войска должны были составить остовъ Кавказской Арміи, подчинявшейся Намѣстнику на Кавказѣ Генералъ-Адъютанту графу Воронцову-Дашкову; послѣднему присвоивались права Командующаго отдѣльной арміей, близкія къ правамъ Главнокомандующаго арміями фронта. Такимъ образомъ графу Воронцову-Дашкову предоставлялась полная свобода въ выборѣ средствъ для достиженія поставленной ему цѣли по прикрытію Кавказа отъ турецкаго нашествія.

Въ составъ Кавказской арміи, кромѣ перечисленныхъ выше силъ, должны были еще войти подкрѣпленія: изъ Туркестанскаго военнаго округа, въ видѣ II-го Турк. корпуса, весьма слабаго, впрочемъ, состава (4-я и 5-ая Турк. стр. бригады, всего 14 бат.), и Закасп. каз. бригада; изъ Омскаго военнаго округа — 1-я Сиб. каз. бригада, и, сверхъ того, части войскъ, спѣшно формировавшіяся на Кавказѣ. Принимая къ учету всѣ эти силы, Кавказкая армія, ко дню объявленія Россіей войны Турціи, должна была имѣть въ своемъ составѣ 86 бат. пѣх., 96 сотенъ и 258 орудій.

Затѣмъ, къ концу 1914-го года на Кавказѣ была сформирована еще одна стрѣлковая бригада (3-я Кавказская), шесть армянскихъ дружинъ и прибыли изъ Сибири двѣ горныя батареи. Итого силы Кавказской арміи, по-

Схема №8.
Расположеніе Кавказской арміи къ концу Октября 1914 года

слѣ вступленія въ составъ ея перечисленныхъ частей, возросли до: 100 бат. пѣх., 96 сотенъ и 300 орудій, не считая ополченскихъ частей, которыя вообще не могли идти въ счетъ боевого состава арміи.

Почти всѣ силы Кавказской арміи къ началу войны были раскинуты вдоль границы на огромномъ протяженіи, не менѣе 600 верстъ, отъ Поти и Батума до Джульфы включительно, прикрывая главнѣйшіе пути къ столицѣ края — Тифлису и къ центру нашихъ нефтяныхъ богатствъ — Баку. Главную массу войскъ этой арміи составляла группа генерала Берхмана (командира I-го Кавк. корпуса), въ составѣ 41 бат. пѣх., 24 сотенъ и 120 орудій. Эта группа, за выдѣленіемъ Ольтинскаго отряда (8 бат. и 24 орудія) и отряда у Кагызмана (5 бат.), была эшелонирована на направленіи Александрополь - Карсъ - Сарыкамышъ - Каракуртъ, являвшемся кратчайшимъ къ Эрзеруму — важнѣйшему узлу дорогъ на примыкавшей къ намъ территоріи турокъ, центру сосредоточенія ихъ войскъ, сильному по природѣ и довольно хорошо укрѣпленному пункту. Затѣмъ, на направленіи Эривань-Игдырь сосредоточивался отрядъ генерала Абаціева (14 бат., 36 сотенъ и 66 орудій) и у Джульфы собирался Персидскій отрядъ генерала Чернозубова (8 бат., 24 сотни и 24 орудія). Наконецъ, въ Тифлисѣ высаживались части II-го Турк. корпуса и Сиб. каз. бригады (14 бат., 12 сотенъ и 48 орудій). Остальные 9 бат. охраняли Поти, Батумъ и дорогу на Артвинъ.

Въ основу нашихъ дѣйствій на Кавказскомъ фронтѣ всегда вкладывалась идея энергическаго наступленія, съ цѣлью перенесенія войны на турецкую территорію. Имѣя ввиду болѣе раннюю готовность нашихъ войскъ, мы разсчитывали, въ случаѣ единоборства съ Турціей, открыть военныя дѣйствія энергическимъ наступленіемъ къ Эрзеруму, съ цѣлью разбитія прикрывавшихъ его войскъ и овладѣнія этимъ пунктомъ. Пользуясь, затѣмъ, своимъ положеніемъ въ центрѣ дорогъ, мы ставили себѣ дальнѣйшею задачею — бить по частямъ непріятельскія подкрѣпленія, которыя должны были подтягиваться изъ внутреннихъ раіоновъ по грунтовымъ дорогамъ къ Эрзеруму.

Однако, для даннаго случая, планъ этотъ являлся несоотвѣтствовавшимъ обстановкѣ.

Прежде всего выжидательная по отношенію къ Турціи позиція осложнила наше военное положеніе въ томъ смыслѣ, что турки, уже въ періодъ, предшествовавшій войнѣ, имѣли время и возможность заблаговременно подтянуть въ раіонъ Эрзерума довольно значительныя силы. Такимъ образомъ, мы потеряли преимущество болѣе ранней, по сравненію съ ними, готовности.

Независимо того, Турція выступила противъ Россіи не единолично, а въ коалиціи съ гораздо болѣе опасными для насъ противниками, въ лицѣ Германіи и Австро-Венгріи. Мы уже видѣли, что это обстоятельство вынудило насъ взять съ Кавказа вполнѣ сознательно значительную часть войскъ, на немъ расположенныхъ, причемъ объ обратномъ возвращеніи этихъ войскъ на Кавказскую границу не могло быть, конечно, и рѣчи. Съ началомъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи, Верховный Главнокомандующій Великій Князь Ни-

колай Николаевичъ предполагалъ первоначально возвратить на Кавказъ 1-ую Кавказскую стрѣлк. бригаду и Кавк. кав. дивизію, но весьма скоро отказался отъ этой мысли, и только одна Кавк. кав. дивизія была перевезена и включена въ составъ Кавказской арміи.

При такихъ условіяхъ мы были вынуждены ограничить первоначальныя дѣйствія Кавказской арміи болѣе скромными задачами, которыя не должны были выходить за предѣлы прикрытія нашихъ приграничныхъ раіоновъ отъ вторженія турецкихъ полчищъ. Тѣмъ не менѣе, и при данной обстановкѣ, изъ дѣйствій Кавказской арміи не долженъ былъ выключаться элементъ активности; и эта армія продолжала имѣть одной изъ своихъ задачъ переходъ границы и захватъ въ центрѣ нашего стратегическаго фронта позиціи Ардостъ-Делибаба. Позиція эта всегда признавалась кавказскимъ командованіемъ болѣе соотвѣтствующей для обороны малыми силами, чѣмъ подверженная обходамъ мѣстность, тянувшаяся вдоль границы по Саганлугскому хребту. Дѣйствія въ центрѣ должны были обезпечиваться со стороны Алашкертской долины Эриванскимъ отрядомъ, о которомъ уже упоминалось выше.

«Турки вѣроломно напали на наши прибрежные города и суда Черноморскаго флота», — такъ писалъ въ своемъ первомъ приказѣ отъ 29-го октября Главнокомандующій Кавказской арміей Генералъ-Адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ. «Высочайше повелѣно считать, что Россія въ войнѣ съ Турціей. Войскамъ ввѣренной мнѣ арміи перейти границу и атаковать турокъ.»

Первыя дѣйствія русскихъ войскъ сопровождались очень замѣтнымъ успѣхомъ. Передовыя части турокъ по всему фронту были опрокинуты и принуждены къ полному отступленію.

6-го ноября, послѣ горячаго боя, была взята сильная позиція турокъ у Кепри-Кей, прикрывавшая путь къ Эрзеруму. Къ этому же времени нами былъ взятъ Баязетъ и очищена отъ врага вся Алашкертская долина. Наступленіе нашихъ войскъ встрѣчало очень большія затрудненія, вслѣдствіе отсутствія транспортовъ и бѣдности мѣстныхъ средствъ. Къ тому-же уже у Капри-Кея нашими войсками сталъ ощущаться недостатокъ въ боевыхъ припасахъ. Тѣмъ не менѣе, главныя силы отряда генерала Берхмана, увлекшись первыми успѣхами, продолжали продвигаться впередъ, пока не натолкнулись на значительныя силы турокъ у Гассанъ-Калы. То былъ XI-й турецкій корпусъ. Вынужденные прекратить наступленіе, наши войска отошли на позицію Ардостъ-Делибаба, куда на поддержку имъ подошелъ II-ой Турк. корпусъ (генерала Юденича). Турки, успѣвшіе предупредить насъ своимъ сосредоточеніемъ у Эрзерума, перешли въ контръ-наступленіе и стали насѣдать на наши войска не только съ фронта, но и въ обходъ ихъ праваго фланга.

Постепенно выяснялось, что 3-я турецкая армія, въ составѣ IX-го, X-го и XI-го корпусовъ, (свыше 80 бат., не считая курдовъ и зап. частей), руководимая Энверомъ-Пашой и вдохновляемая его начальникомъ штаба германскимъ офицеромъ Бронсаръ-фонъ-Шелендорфомъ, повела свою операцію главнаго удара въ тылъ нашимъ войскамъ — на передовую ихъ базу Сарыка-

мышъ. XI-й корпусъ имѣлъ своимъ назначеніемъ сдерживать наши войска съ фронта на Эрзерумскомъ направленіи, а IX-й и X-й корпуса были направлены въ обходъ нашего праваго фланга по такъ называемому «тонъ-іюлу», т. е. по дорогѣ, идущей по горнымъ хребтамъ между Эрзерумской дорогой и долиною Севри-чая. Дорога эта выходитъ на Бардусскій перевалъ, который ошибочно считался нами недоступнымъ зимой для большихъ войсковыхъ массъ. Движеніе по горной дорогѣ, занесенной глубокимъ снѣгомъ, стоило, правда, турецкимъ войскамъ большихъ усилій и жертвъ; тѣмъ не менѣе, въ двадцатыхъ числахъ декабря, турецкія колонны стали постепенно спускаться съ Бардусскаго перевала и повели рядъ настойчивыхъ атакъ на Сарыкамышъ, гдѣ у насъ находились въ то время лишь слабыя запасныя части.

Положеніе нашей главной группы войскъ являлось очень труднымъ. Съ фронта на нихъ насѣдалъ XI-й турецкій корпусъ; въ тылу же внезапно появились части двухъ другихъ корпусовъ 3-й турецкой арміи. Въ случаѣ отхода къ Сарыкамышу, — стратегическое окруженіе грозило перейти въ тактическое. Въ такихъ условіяхъ, Командиръ II-го Турк. корпуса генералъ Юденичъ, будущій командующій Кавказкой арміей, настоялъ на удержаніи главными силами своихъ позицій и на отправленіи къ Сарыкамышу лишь свободныхъ резервовъ. Одновременно съ этимъ рѣшеніемъ, Генералъ Юденичъ, занимавшій въ начальный періодъ войны должность начальника штаба арміи, обратился съ радіограммой къ Главнокомандующему Кавказской арміей графу Воронцову-Дашкову съ просьбой о спѣшномъ направленіи на помощь Сарыкамышскому гарнизону формировавшейся въ тылу 3-ей Кавк. стрѣлковой бригады, что и было исполнено. Туда же въ Сарыкамышъ были направлены и кадры для предстоявшаго разворачиванія двухбатальонныхъ полковъ II-го Турк. корпуса въ трехбатальонные. Всѣ эти части и составили ядро обороны Сарыкамыша отъ турецкаго нападенія. Въ многодневныхъ бояхъ, по 5-ое января включительно, эти случайно набранныя войска доблестно отбивали яростныя атаки турокъ, положеніе коихъ съ каждымъ днемъ становилось отчаяннѣе. Истомленные тяжелымъ походомъ по снѣжнымъ хребтамъ, голодные и полузамерзшіе, турки не могли овладѣть Сарыкамышемъ; отступленіе же, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, было равносильно гибели. — И дѣйствительно, отброшенные турки въ большинствѣ разсѣялись; часть ихъ замерзла въ снѣжныхъ балкахъ и оврагахъ, остальные — были взяты въ плѣнъ. Среди послѣднихъ въ нашихъ рукахъ оказались — одинъ изъ командировъ корпусовъ и три начальника дивизій, со своими штабами. — Намъ досталась большая военная добыча. — Разгромъ IX-го и отчасти X-го турецкихъ корпусовъ былъ полный. Въ одномъ только раіонѣ Сарыкамыша, въ теченіе зимы, было обнаружено впослѣдствіи свыше 30/т. замерзшихъ турецкихъ труповъ.

Одновременно съ наступленіемъ турокъ въ направленіи на Бардусскій перевалъ, накопленіе ихъ обнаружилось также въ долинѣ Ольтъ-чая и въ Зачорохскомъ раіонѣ, откуда турки повели наступленіе въ направленіяхъ на

Ардаганъ и Батумъ. Потѣснивъ нашъ Ольтинскій отрядъ и усилившись передавшимися на ихъ сторону лазами и аджарцами, турки появились передъ Ардаганомъ со стороны Пантурецкаго и Ялагузчамскаго переваловъ. Среди турецкихъ войскъ, наступавшихъ въ этомъ направленіи, были обнаружены части X-го и I-го (Константинопольскаго) корпусовъ, а также отряды башибузуковъ, доставленные сюда изъ Европейской Турціи. Наши войска, отошедшія на Ардаганъ, послѣ двухдневнаго упорнаго боя 29-го и 30-го декабря, принуждены были оставить названный городъ и отойти еще болѣе къ востоку. Этотъ отходъ создалъ серьезную панику въ Тифлисѣ, гдѣ населеніе почувствовало опасность вражескаго нашествія. Со всѣхъ сторонъ потекли нареканія на Ставку, которую упрекали въ легкомысленномъ, яко-бы, оголеніи отъ войскъ Кавказа. Однако, поданными изъ Тифлиса подкрѣпленіями удалось быстро ликвидировать нараставшую угрозу. — 4-го января наши войска перешли въ наступленіе и легко выбили турокъ изъ Ардагана; они принуждены были къ поспѣшному отступленію, преслѣдуемые нашими доблестными сибирскими казачьими полками.

Побѣды подъ Ардаганомъ и Сарыкамышемъ вывели насъ изъ очень труднаго положенія. Но, для полнаго завершенія пораженія турокъ и длительнаго обезпеченія Кавказа отъ новаго нашествія, необходимо было подвергнуть пораженію остававшійся еще боеспособнымъ XI-й турецкій корпусъ. Этотъ послѣдній, продолжавшій дѣйствовать на Эрзерумскомъ направленіи и воодушевленный временными успѣхами турецкихъ войскъ на обходныхъ путяхъ, пытался, хотя и безуспѣшно, тѣснить наши части въ направленіи къ Сарыкамышу съ фронта; послѣ же разгрома нами обходныхъ турецкихъ колоннъ, развилъ свои атаки въ раіонѣ Караургана съ удвоеннымъ ожесточеніемъ,стремясь, видимо, своими дѣйствіями прикрыть отходъ остатковъ разбитыхъ нами войскъ. Выполнивъ необходимыя перегруппировки, наши войска на Сарыкамышскомъ направленіи, невзирая на сильныя мятели и снѣжные заносы, сами перешли въ наступленіе и, послѣ упорныхъ боевъ съ 8-го по 16-го января, смели турокъ съ сильной природной Зивинской позиціи. Нашъ противникъ быстро откатился назадъ, сбрасывая свою артиллерію съ кручъ и оставляя, по пути своего слѣдованія, раненыхъ и огнестрѣльные припасы.

Этимъ натискомъ, окончательно разстроившимъ послѣдній турецкій корпусъ, еще державшійся противъ насъ, была сломлена надолго боеспособность всей турецкой арміи, находившейся подъ руководствомъ смѣлаго и энергичнаго Энверъ-Паши, проникавшагося духомъ и пріемами нѣмецкой стратегіи. — Кавказъ былъ надолго обезпеченъ отъ новыхъ налетовъ врага.

Одновременно съ нашими успѣхами на главнѣйшемъ направленіи Сарыкамышъ-Эрзерумъ, началось удачное вытѣсненіе турокъ изъ Зачорохскаго края.

Остается еще отмѣтить, что въ концѣ ноября и началѣ декабря въ долинѣ верхняго Евфрата и въ Ванскомъ раіонѣ нашей развѣдкой было обнаружено значительное усиленіе турецкихъ войскъ, происходившее за счетъ Баг-

дадскаго корпуса и новыхъ формированій. Въ томъ же раіонѣ, по слухамъ, собирались и многочисленныя курдскія шайки. Чтобы помѣшать такому накапливанію противника, наши войска перешли въ указанныхъ выше направленіяхъ въ наступленіе и имѣли съ турками рядъ столкновеній, въ общемъ для насъ удачныхъ.

Этими данными и характеризуются результаты, достигнутые нашей Кавказской арміей надъ турками къ концу 1914-го и началу 1915-го года.

Въ ноябрѣ 1914-го года нѣмцы организовали также наступленіе нѣсколькихъ турецкихъ дивизій противъ Суэцкаго канала, черезъ который частично шли къ нашимъ западнымъ союзникамъ укомплектованія, продовольственные продукты и разнаго рода сырье, необходимое для военной промышленности. Экспедиція эта закончилась для турокъ крайне печально. Въ началѣ февраля 1915-го года турецкіе войска, послѣ труднаго марша, достигли цѣли, но атаки ихъ на рядъ пунктовъ, расположенныхъ на каналѣ, оказались безуспѣшными. Отбитыя и охваченныя паникой, нападавшія турецкія колонны въ безпорядкѣ стали отходить въ пустыню Синая.

Связавшему свою судьбу съ Центральными Державами турецкому народу было предопредѣлено судьбою стать жертвою политики Германіи и авантюризма нѣкоторыхъ членовъ собственнаго правительства. Это послѣднее, своимъ поведеніемъ въ отношеніи Державъ Согласія, разрушило собственными руками догматъ нерушимости Оттоманской Имперіи, долгіе годы исповѣдывавшійся государствами Западной Европы.

Въ серединѣ декабря, ввиду угрожающаго положенія, занятаго турецкими войсками въ отношеніи Египта, англійское правительство, съ вѣдома другихъ Великихъ Державъ Согласія, объявило объ отмѣнѣ суверенитета Турціи надъ Египтомъ и установило надъ этой страной британскій протекторатъ.

Еще раньше этого факта англійскій Министръ Иностранныхъ дѣлъ, отъ имени британскаго правительства, сообщилъ нашему послу въ Лондонѣ графу Бенкендорфу, что, въ случаѣ пораженія Германіи, вопросъ о судьбѣ проливовъ и Константинополя долженъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ въ согласіи съ нашими пожеланіями. С. Д. Сазоновъ отвѣтилъ на это заявленіе сэра Э. Грея благодарностью и сообщеніемъ, что таковое заявленіе принято нашимъ правительствомъ къ свѣдѣнію.

Чтобы подготовить разрѣшеніе вопроса о проливахъ, въ соотвѣтствіи съ жизненными интересами Россіи, состоявшему при Ставкѣ представителю Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Н. А. Базили было предложено С. Д. Сазоновымъ составить записку, касавшуюся этого вопроса. Авторъ записки, по поводу содержанія ея, велъ бесѣды со мною и капитаномъ I ранга Бубновымъ, какъ съ выразителями взглядовъ сухопутнаго и морского генеральныхъ штабовъ. Упомянутая записка, отредактированная въ ноябрѣ 1914-го года, т. е. въ періодъ самой войны, попала, по окончаніи послѣдней, въ руки нѣмцевъ и была ими опубликована, въ доказательство агрессивности нашихъ замысловъ.

Въ дѣйствительности документъ этотъ не имѣлъ такого характера; авторъ его стремился лишь подробно выяснить тѣ основанія жизненнаго для нашего отечества значенія, въ силу которыхъ, въ случаѣ расчлененія Турецкой Имперіи, новый режимъ въ проливахъ и Константинополѣ долженъ былъ быть согласованъ съ интересами Россіи. Записка Н. А. Базили въ началѣ 1915-го года разсматривалась въ Совѣтѣ Министровъ, подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина и, будучи одобрена, послужила матерьяломъ для имѣвшихъ мѣсто переговоровъ съ Державами Согласія по данному вопросу.

Извѣстіе о вѣроломномъ нападеніи турокъ на Россію вызвало негодованіе въ сербскомъ народѣ. Отвѣчая общему настроенію, Предсѣдатель Сербскаго Совѣта Министровъ Пашичъ возымѣлъ намѣреніе обратиться къ болгарскому правительству съ братскимъ призывомъ стать на сторону Россіи, какъ страны, вѣками проливавшей свою кровь за славянскіе народы. Мнѣ неизвѣстно, было ли сдѣлано такое обращеніе, но оно едва ли могло встрѣтить отзвукъ въ Болгаріи, такъ какъ правительство Короля Фердинанда, возглавлявшееся въ то время Радославовымъ, вопреки народному чувству, держалось ярко германофильскихъ тенденцій. Черезъ Болгарію, какъ равно и черезъ Румынію, шелъ въ широкихъ размѣрахъ провозъ изъ Австріи въ Турцію боевыхъ припасовъ, военныхъ матеріаловъ и золота.

Политическое положеніе на Балканахъ вообще продолжало оставаться крайне сложнымъ. Противорѣчія между отдѣльными государствами были столь велики, что надежды на добровольный сговоръ ихъ между собою должны были отпасть окончательно. При такихъ условіяхъ, Державамъ Согласія, повидимому, не оставалось другихъ путей, какъ взять на себя рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, разсчитывая затѣмъ, силою своего авторитета, побудить Балканскія государства подчиниться принятому рѣшенію, или же—идти на соглашеніе лишь съ опредѣленной группой этихъ государствъ, завѣдомо рискуя отбросить остальныхъ въ сторону противниковъ. Однако, ни та, ни другая линія не была принята въ основу союзной политики, и правительства Державъ Согласія предпочитали продолжать переговоры со всѣми Балканскими государствами, и притомъ съ каждымъ въ отдѣльности, что придавало этимъ переговорамъ характеръ необыкновенной тягучести и полной безнадежности. Едва-ли, впрочемъ, правительства Державъ согласія имѣли сами опредѣленную и согласованную точку зрѣнія на степень полезности привлеченія малыхъ государствъ къ войнѣ. Безспорной представлялась лишь необходимость стремиться къ тому, чтобы названныя государства не оказались на сторонѣ нашихъ противниковъ, но выгоднѣе ли активное выступленіе ихъ, вмѣстѣ съ нами, или только сохраненіе благожелательнаго нейтралитета, — по этому вопросу яснаго и согласованнаго взгляда, какъ будто, не существовало. Мнѣ, лично, всегда думалось, что сохраненіе малыми государствами положенія благожелательнаго нейтралитета предпочтительнѣе для интересовъ Державъ Согласія, такъ какъ, въ борьбѣ съ германской коалиціей, мы и наши союзники, въ разсматриваемый періодъ войны, съ каждымъ днемъ все болѣе остро

чувствовали недостатокъ не столько въ живыхъ силахъ, сколько въ матерьяльномъ и техническомъ снабженіи. Вовлеченіе же малыхъ государствъ въ войну должно было ослабить насъ еще болѣе именно въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ, не говоря уже о томъ, что оно осложняло координацію дѣйствій, и безъ того сильно хромавшую, равнымъ образомъ накладывало на насъ всякаго рода дополнительныя обязательства, не исключая финансовыхъ. Эту точку зрѣнія я проводилъ, гдѣ могъ. Однако, наши западные союзники, и особенно французы, держались противуположнаго мнѣнія, каковому наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, повидимому, не считало возможнымъ противодѣйствовать. Между тѣмъ, явно выраженное стремленіе привлечь малыя государства къ активному выступленію дѣлало ихъ правительства мало сговорчивыми, а подчасъ и недопустимо-требовательными въ отношеніи выговаривавшихся компенсацій. Такъ, напримѣръ, болгарское правительство, предъявивъ требованіе объ уступѣ Болгаріи Македоніи въ границахъ 1912-го г., выразило желаніе занять отходившія по этому требованію къ Болгаріи земли немедленно. Едва-ли въ Сербіи нашлось бы правительство, которое могло пойти навстрѣчу такому пожеланію; вступленіе болгаръ на сербскую территорію несомнѣнно носило бы въ глазахъ сербскаго народа характеръ военной оккупаціи, совершаемой съ разрѣшенія Державъ Согласія. И это въ то время, когда героическій сербскій народъ напрягалъ всѣ силы для борьбы за дѣло, ставшее общимъ! Очевидно, что проведеніе въ жизнь болгарскаго требованія могло грозить небывалой катастрофой, тѣмъ болѣе если принять во вниманіе печальную рознь между болгарами и сербами, обострившуюся въ ту пору до крайнихъ предѣловъ.

Особенное значеніе придавалось многими выступленію Румыніи на сторонѣ Державъ Согласія. Предполагалось, что этимъ выступленіемъ будетъ окончательно предотвращена опасность присоединенія Румыніи къ Австріи, и что примѣръ первой можетъ увлечь въ томъ же направленіи Италію.

Румынское правительство охотно вело переговоры, но указывало на необходимость получить гарантіи, что противъ Румыніи не выступитъ Болгарія; кромѣ того, правительство этой страны требовало предварительнаго пополненія своихъ запасовъ — артиллерійскихъ и санитарныхъ. Въ концѣ же концовъ, ссылаясь на общую неготовность и трудности зимней кампаніи, румынское правительство высказалось, что ея армія будетъ въ состояніи начать кампанію не ранѣе февраля 15-го года. Было совершенно ясно, что правительство названной страны предпочитаетъ затягивать свое рѣшеніе.

Конецъ 1914-го года на союзномъ намъ сербскомъ фронтѣ принесъ очень сильное разочарованіе австро-венгерскому оружію. Новое вторженіе войскъ Двуединой Монархіи въ Сербію стало въ серединѣ ноября сильно развиваться и закончилось взятіемъ 2-го декабря Бѣлграда. Правительство вынуждено было къ переѣзду въ древній Нишъ, а сербская армія отошла на фронтъ Пожаровецъ-Ужице. Въ то-же время вопросъ объ обезпеченіи этой арміи артиллерійскими припасами становился все острѣе и грозилъ разразиться катаст-

рофой. Дѣло дошло до того, что нашимъ героическимъ союзникамъ приходилось частично убирать артиллерію съ полей сраженій, чтобы не оставлять ее безъ пользы подъ непріятельскимъ огнемъ. При такихъ условіяхъ, не исключалась неизбѣжность дальнѣйшаго отхода сербской арміи въ горы, гдѣ тяжелая артиллерія австрійцевъ не могла находить себѣ примѣненія и гдѣ главенствующая роль переходила къ винтовкѣ.

Однако, къ серединѣ декабря положеніе сербовъ стало нѣсколько улучшаться. Нѣсколько десятковъ тысячъ снарядовъ было доставлено Сербіи Франціей. Въ то-же время австрійцы принуждены были оттянуть часть своихъ силъ на Галичскій фронтъ, гдѣ дѣла ихъ продолжали осложняться съ каждымъ днемъ. — Эти обстоятельства создали для сербовъ благопріятную обстановку, коей они не преминули воспользоваться. Перейдя въ наступленіе, сербская армія, послѣ ряда жаркихъ многодневныхъ боевъ, нанесла австрійцамъ жестокое пораженіе. Разгромленные австрійцы, предводимые генераломъ Потіорекомъ, принуждены были къ спѣшному отступленію, во время котораго ихъ армія потеряла свою артиллерію, массу военнаго имущества и оставила сербамъ нѣсколько десятковъ тысячъ военно-плѣнныхъ. — Сербская территорія оказалась вновь свободной отъ врага.

Затяжной характеръ войны и выяснившаяся мощь нашихъ противниковъ поставили передъ Державами Согласія рядъ задачъ, кои требовали болѣе тѣснаго сближенія названныхъ Державъ между собою и обезпеченія большей согласованности въ ихъ дѣйствіяхъ. Разрѣшеніе этихъ задачъ встрѣтилось однако съ разнаго рода затрудненіями. — Я упомяну о нѣкоторыхъ фактахъ лишь вскользь.

Въ октябрѣ 1914-го года Военный Министръ Генералъ Сухомлиновъ сообщилъ въ Ставку о томъ, что англичанами возбужденъ вопросъ о желательности командированія, съ политической точки зрѣнія, одного изъ нашихъ казачьихъ полковъ въ составъ англійской арміи. Идя на встрѣчу этому пожеланію, въ Ставкѣ былъ сосредоточенъ одинъ изъ нашихъ льготныхъ донскихъ казачьихъ полковъ, который началъ дѣятельно готовиться къ отправленію въ Англію. Командировка полка, однако, не состоялась, такъ какъ лордъ Китченеръ выразилъ впослѣдствіи мнѣніе о предпочтительности посылки въ Англію бригады пѣхоты, на что не послѣдовало согласія Ставки.

Въ серединѣ декабря, по инициативѣ Франціи, вновь былъ поднятъ въ дипломатическихъ сферахъ вопросъ о привлеченіи японскихъ сухопутныхъ вооруженныхъ силъ къ участію въ войнѣ на фронтѣ нашихъ союзниковъ. Предполагалось, что подобная попытка можетъ увѣнчаться успѣхомъ, если она будетъ сопряжена съ предложеніемъ Японіи войти, въ качествѣ равноправнаго члена, въ постоянный четверной Союзъ. Однако. мысли эти не встрѣтили сочувствія у нашихъ дальне-восточныхъ союзниковъ, указывавшихъ на огромныя затрудненія, долженствовавшія обнаружиться, при осуществленіи намѣчавшейся коопераціи.

Равнымъ образомъ, была сдѣлана попытка оживить весьма важный вопросъ объ установленіи болѣе тѣсной связи между нашимъ Верховнымъ Главнокомандованіемъ и французской Главной Квартирой.

Этотъ вопросъ, по его сложности и трудности, требовалъ, конечно, большого изученія и осторожности, при подходѣ къ его разрѣшенію. Онъ не привлекъ, однако, къ себѣ и на этотъ разъ необходимаго вниманія и дѣло ограничилось лишь установленіемъ періодическихъ наѣздовъ въ Ставку русскаго Верховнаго Главнокомандующаго французскаго маіора Ланглуа. Офицеръ этотъ, отецъ котораго, къ тому же, былъ хорошо извѣстенъ въ русской арміи, какъ выдающійся ученый артиллеристъ, заслужилъ у насъ своими знаніями и тактомъ высокое уваженіе и симпатіи. Онъ способствовалъ взаимной информаціи, но, естественно, не имѣлъ ни претензіи, ни возможности содѣйствовать разрѣшенію, въ надлежащемъ объемѣ, все настойчивѣе назрѣвавшаго вопроса о согласованіи военныхъ дѣйствій на всѣхъ фронтахъ по цѣлямъ, направленіямъ и времени.

Въ самомъ началѣ ноября, изъ различныхъ источниковъ, стали поступать свѣдѣнія о попыткахъ Германіи склонить нѣкоторыя нейтральныя Державы къ медіаціи между воюющими. Изъ донесеній А. П. Извольскаго было видно, что итальянское правительство получило отъ С.-Ам. Соед. Штатовъ предложеніе присоединиться къ одной изъ такихъ попытокъ. Такое же предложеніе, но отдѣльно, будто бы было сдѣлано въ Римѣ Испаніей. Такъ какъ предположеніе объ усталости Германіи приходилось пока исключить, то, очевидно, что этими попытками должны были преслѣдоваться иныя цѣли, которыя могли заключаться въ желаніи Германіи пріобрѣсти, своимъ поведеніемъ симпатіи нейтральныхъ странъ, или же произвести развѣдку — насколько прочнымъ должно почитаться соглашеніе, заключенное въ сентябрѣ 14-го года между Державами Согласія о недопустимости сепаратнаго мира. Болѣе правдивое стремленіе къ миру можно было предполагать въ попыткахъ разгромленной нами Австріи заговорить о прекращеніи войны, о каковой попыткѣ до насъ дошли свѣдѣнія нѣсколько позднѣе, а именно въ декабрѣ. Чтобы положить предѣлъ всякимъ кривотолкамъ, которые могли вырасти вокругъ этихъ слуховъ, наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ признало необходимымъ вновь подвердить о намѣреніи русскаго правительства вести войну, вмѣстѣ съ нашими союзниками, до конца. При этомъ, оно сочло необходимымъ предупредить союзныя правительства, что особая позиція, занятая въ этомъ вопросѣ небольшимъ кружкомъ лицъ, сгруппировавшихся около одного очень крупнаго государственнаго дѣятеля прошлаго времени (подразумѣвался Графъ Витте), не можетъ и не должна разсматриваться какъ имѣющая вліяніе на рѣшенія правительства.

Не безинтересно будетъ, въ заключеніе этой главы, отмѣтить, что въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ войны, съ французскаго фронта на русскій, германцами было переброшено полностью семь корпусовъ (XI, Гв. Р., XXV Р., II,

Ш Р., XIII и XXIV Р.[1]) и шесть кав. дивизій (2-я, 4-я, 5-я, 6-я, 8-я и 9-я), при этомъ въ періодъ крайне отвѣтственныхъ для нѣмцевъ операцій на Марнѣ и Ипръ-Изерѣ. Всѣ эти части были настолько прочно скованы на нашемъ фронтѣ, что объ обратной перевозкѣ ихъ на западъ нѣмецкому главнокомандованію не приходилось думать. Этимъ лучше всего доказывается значеніе нашихъ наступательныхъ дѣйствій противъ Германіи въ первый періодъ войны, съ точки зрѣнія интересовъ нашихъ союзниковъ.

Я съ достаточной подробностью очертилъ въ предыдущей главѣ ту обстановку, въ которой оказалась наша армія послѣ четырехмѣсячной наступательной кампаніи къ концу 1914-го года. Серьезныя затрудненія, въ отношеніи боевого снабженія, приходилось преодолѣвать и нашимъ западнымъ союзникамъ, не говоря уже о Сербіи, въ которой военная промышленность почти отсутствовала. Съ большими жертвами для себя, Россіи и Франціи приходилось поддерживать свою Балканскую союзницу.

При такихъ условіяхъ, надвигавшаяся зима, дававшая надежду на нѣкоторое затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ, являлась для Державъ Согласія чрезвычайно благопріятнымъ факторомъ.

ГЛАВА XIII.

Дальнѣйшіе планы — наши и нашихъ противниковъ — въ началѣ 1915-го года.

Въ серединѣ Января 1915-го года мною была составлена записка, которая имѣетъ интересъ въ томъ отношеніи, что наглядно рисуетъ, какъ представлялось въ Ставкѣ наше положеніе на западномъ фронтѣ къ указанному выше времени. Записка обрисовываетъ обстановку въ слѣдующемъ видѣ:[2])

Въ Восточной Пруссіи — наша 10-ая армія, имѣя 15 пѣх. дивизій противъ восьми германскихъ, остановилась въ своемъ наступленіи передъ укрѣпленной позиціей непріятеля на фронтѣ Мазурскихъ озеръ. Не находя въ арміи достаточныхъ силъ и средствъ для маневра, командующій этой арміей (генералъ Сиверсъ) видитъ единственный для себя способъ дѣйствій въ медленномъ продвиженіи впередъ, при помощи саперныхъ и минныхъ работъ.

На Млавскомъ направленіи — войска Новогеоргіевскаго укрѣпленнаго района (4 пѣх. дивизіи) ведутъ довольно успѣшную борьбу противъ относительно слабыхъ силъ нѣмцевъ (2 дивизіи). Чувствуется, что, при энергичномъ нажимѣ, противникъ можетъ быть здѣсь отброшенъ на свою территорію.

На лѣвомъ берегу р. Вислы, на участкѣ до Пилицы, — 1-ая, 2-ая и 5-ая арміи (33½ пѣх. дивизіи), послѣ упорныхъ боевъ, заняли позицію за р. р. Бзурой

---

[1]) XXV Р. былъ переведенъ на восточный фронтъ изнутри Германіи, но первоначально предназначался для западнаго фронта.

[2]) Содержаніе записки, въ ея наиболѣе существенныхъ мѣстахъ, приводится почти текстуально.

и Равкой, каковую позицію онѣ имѣли возможность укрѣплять и совершенствовать въ теченіе почти мѣсяца. Противъ этихъ армій дѣйствуетъ около 25 нѣмецкихъ дивизій, которыя, въ безпрерывныхъ атакахъ, повидимому исчерпали свои силы настолько, что, если Германскому Командованію не удастся перебросить съ запада на востокъ еще новыя силы, то можно предполагать, что 1-я, 2-я и 5-я арміи будутъ въ состояніи, въ теченіе ближайшаго времени, сохранить свое нынѣшнее положеніе.

Къ югу отъ Пилицы до верхней Вислы — 4-ая и 9-ая арміи (17½ пѣх. дивизій) имѣютъ передъ собою противника (17 дивизій), повидимому, неспособнаго къ развитію широкихъ наступательныхъ дѣйствій, но опирающагося на заранѣе подготовленныя въ тылу весьма крѣпкія позиціи (Ченстоховъ — Краковъ) и успѣвшаго также прикрыть укрѣпленіями свой настоящій фронтъ.

Въ частности, 4-ая армія, своимъ положеніемъ, обезпечиваетъ лѣвый флангъ армій С.-З. фронта, прикрывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, кратчайшіе пути на Ивангородъ; располагаясь уступомъ впередъ, въ отношеніи общаго фронта армій С.-З. фронта, эта армія занимаетъ весьма выгодное положеніе для перехода въ наступленіе противъ нѣмцевъ, но силы ея для этой цѣли недостаточны (8½ пѣх. дивизій), а противостоящій ей противникъ весьма прочно укрѣпился, пользуясь оборонительной линіей р. Пилицы.

Наконецъ въ Галичинѣ — 3-ья, 8-ая и 11-ая арміи (29 пѣх. див.), успѣшно отразивъ третье по счету наступленіе австрійцевъ (31 див.), закрѣпляютъ завоеванную часть Галичины и Буковины. Тѣмъ не менѣе, едва ли можно расчитывать, чтобы эти арміи своими силами могли въ ближайшее время нанести рѣшительное пораженіе австрійскимъ войскамъ, кои всегда могутъ уйти за Карпаты.

Въ общемъ, въ перечисленныхъ выше арміяхъ, мы имѣемъ 99 пѣх. дивизій противъ непріятеля, численная сила котораго опредѣляется въ 83 дивизіи (41 германская и 42 австрійскихъ).

Независимо того, въ тылу, въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго, расположены два корпуса — Гвардейскій и IV-ый Сибирскій (4½ пѣх. дивизіи), кои могутъ, по истеченіи нѣсколькихъ дней, подкрѣпить любой участокъ сѣверной половины нашего общаго фронта.

По совокупности всего изложеннаго, наше стратегическое положеніе на западномъ фронтѣ мною признавалось достаточно прочнымъ и обезпечивавшимъ достигнутые за минувшій періодъ результаты.

Однако, по причинамъ внутренняго состоянія нашихъ армій, выясненнымъ достаточно подробно въ главѣ XI-й, мы не имѣли данныхъ, чтобы расчитывать на достиженіе въ ближайшій періодъ времени рѣшающаго успѣха надъ нашими противниками, и потому должны были ограничиваться положеніемъ выжидательнымъ.

Некомплектъ нашихъ армій продолжалъ опредѣлятся цифрою до полумилліона людей, а для доведенія до нормы только подвижныхъ артиллерійскихъ запасовъ намъ не хватало свыше 200 т. пушечныхъ патроновъ.

нѣкотораго частнаго улучшенія, въ отношеніи удовлетворенія нашихъ главнѣйшихъ потребностей, мы могли ожидать лишь въ теченіе второй половины февраля; болѣе же замѣтные результаты въ указанныхъ выше отношеніяхъ могли быть достигнуты лишь въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Тѣмъ не менѣе, — отмѣчалъ я далѣе въ своей запискѣ, — для успѣха подготовки, требующей времени, мы уже теперь должны поставить передъ собою вопросъ о тѣхъ цѣляхъ, кои намъ надлежитъ положить въ основу будущихъ дѣйствій, на тотъ, конечно, случай, если противники дадутъ намъ время привести наши арміи въ должный порядокъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи у насъ могли существовать нѣкоторыя надежды: австрійцы были основательно разстроены; что-же касается германцевъ, то характеръ ихъ дѣйствій противъ насъ долженъ былъ быть поставленъ въ зависимость отъ событій на западномъ фронтѣ, гдѣ наши союзники, начавъ свое наступленіе (Суассонъ и 1-ое наступленіе въ Шампани), дали намъ завѣреніе въ томъ, что это наступленіе будетъ вестись съ возрастающей энергіей и упорствомъ.

Развивать рѣшительный ударъ одновременно на всемъ фронтѣ, противъ обоихъ нашихъ противниковъ, — говорилось въ моей запискѣ, — мы конечно не можемъ: для этого необходимо имѣть огромныя силы и средства. Слѣдовательно, намъ надлежитъ намѣтить, для нанесенія главнаго удара, одного изъ двухъ противниковъ, иначе говоря — мы должны избрать одно изъ двухъ операціонныхъ направленій — на Вѣну (Буда-Пештъ) или на Берлинъ.

Каждое изъ этихъ операціонныхъ направленій имѣетъ свои особенности, каковыя необходимо учитывать при разрѣшеніи поставленнаго вопроса.

Операціонное направленіе на Вѣну (Буда-Пештъ) — короче по разстоянію (375 верстъ, противъ 450) и менѣе подготовлено въ оборонительномъ отношеніи. Оно ведетъ къ разъединенію обоихъ нашихъ противниковъ, причемъ мы будемъ имѣть передъ собою австрійцевъ, уже надломленныхъ предыдущими пораженіями и, слѣдовательно, не дадимъ имъ возможности оправиться. Развитіе дѣйствій на этомъ операціонномъ направленіи несомнѣнно должно повліять на колеблющіяся въ своемъ поведеніи нейтральныя государства—Румынію и Италію, и болѣе опредѣленно склонить ихъ на нашу сторону. Какъ результатъ выступленія этихъ государствъ на нашей сторонѣ, возможенъ даже полный внутренній распадъ всей Австро-Венгерской Монархіи.

Однако, операціонное направленіе на Вѣну (Буда-Пештъ) имѣетъ и весьма крупныя отрицательныя стороны. Прежде всего оно бьетъ по второстепенному противнику и потому является невыгоднымъ съ точки зрѣнія общихъ интересовъ Союза, требующихъ сконцентрированнаго удара противъ главнѣйшаго противника — германцевъ.

Читатель вѣроятно припомнитъ, что въ одной изъ первыхъ главъ, трактовавшей вопросъ о нашемъ стратегическомъ развертываніи, я указывалъ на то, что наиболѣе угрожающимъ противникомъ въ началѣ войны, при условіи направленія главныхъ силъ германцевъ противъ Франціи, являлись для насъ австрійцы. Обстановка, однако, съ того времени значительно измѣнилась. Къ

періоду составленія цитируемой записки, австрійцы, представлявшіе въ началѣ войны довольно грозную наступательную силу, подверглись съ нашей стороны многократнымъ пораженіямъ и едва ли ихъ можно было считать въ дальнѣйшемъ способными къ новому самостоятельному выступленію. Что же касается германцевъ, то они, въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ войны, увеличили свои силы на восточномъ фронтѣ болѣе чѣмъ въ три раза, доведя число своихъ корпусовъ съ пяти до пятнадцати (не считая отдѣльныхъ дивизій и бригадъ, не входившихъ въ составъ корпусовъ) и число кавалерійскихъ дивизій съ одной до семи. При такихъ условіяхъ, они постепенно пріобрѣтали значеніе первенствующей силы на нашемъ фронтѣ.

Независимо изложеннаго, развитіе главнаго удара противъ австрійцевъ, признавалось, въ моей запискѣ, при измѣнившихся условіяхъ невыгоднымъ еще и потому, что оно вело къ ослабленію нашего положенія на важнѣйшихъ путяхъ къ центрамъ нашего собственнаго государства.

Углубившись въ Австро-Венгрію, мы оказывались бы безсильными остановить ударъ нѣмцевъ, направленный на нашу собственную страну; между тѣмъ организація такого удара являлась для германскаго главнокомандованія послѣ ослабленія предшествовавшими боями англо-французскихъ войскъ легко достижимой, цѣною простого отказа отъ наступательныхъ дѣйствій на западѣ и переброски достаточныхъ для сего силъ съ французскаго фронта на нашу границу. — Событія 1915-го года, къ сожалѣнію, въ полной мѣрѣ подтвердили эту возможность.

Операціонное направленіе на Вѣну еще могло бы быть признаваемо заманчивымъ, если бы представлялась возможность нанесенія австрійцамъ смертельнаго удара въ короткій срокъ. Но вѣроятность такого удара не могла быть доказана; вѣрнѣе же было предполагать, что операція на Вѣну потребуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны.

Наконецъ, даже завершеніе этой операціи не знаменовало еще окончанія войны; оставалась Германія, силы которой должны были быть сломлены, для благополучнаго завершенія всей войны.

Нанесеніе рѣшительнаго удара Германіи всегда считалось конечною цѣлью войны противъ Державъ враждебнаго намъ союза. — Повидимому — говорилъ я — у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній отказываться отъ этой точки зрѣнія и теперь.

Однако, нельзя было никогда упускать изъ виду, что, при вторженіи вглубь Германіи, намъ необходимо считаться съ рядомъ затрудненій и прежде всего съ тѣмъ обстоятельствомъ, что пограничная съ нами полоса Германіи опоясана весьма мощными желѣзнодорожными линіями. Это условіе обезпечиваетъ нашему противнику свободу переброски его силъ съ одного участка общаго фронта на другой; для насъ же оно является неблагопріятнымъ въ томъ смыслѣ, что связываетъ развитіе нашихъ наступательныхъ дѣйствій и создаетъ угрозу флангу нашихъ армій, при наступленіи ихъ по лѣвому берегу р. Вислы. Особенно выгодно для нѣмцевъ положеніе, занимаемое, по от-

ношенію къ операціоннымъ путямъ на Берлинъ, Восточной Пруссіей, изъ которой ударъ можетъ быть намъ нанесенъ не только во флангъ, но, при нѣкоторыхъ условіяхъ, и глубоко въ тылъ.

Это послѣднее обстоятельство притягивало наше вниманіе къ Восточной Пруссіи съ самаго начала войны и только рядъ обстоятельствъ воспрепятствовалъ нашему овладѣнію названнымъ раіономъ, послѣ чего сразу стѣснилась бы свобода маневрированія германскихъ войскъ и что оградило бы насъ отъ многихъ тяжелыхъ возможностей.

Такимъ образомъ, — указывалъ я въ своей запискѣ, — вопросъ о Восточной Пруссіи является и донынѣ открытымъ, а между тѣмъ, при выборѣ операціоннаго направленія на Берлинъ, онъ требуетъ категорическаго разрѣшенія.

Едва ли возможно рѣшиться на вторженіе вглубь Германіи, оставляя у себя на флангѣ, и даже въ тылу, незанятый нами Восточно-Прусскій раіонъ, съ рядомъ обезпеченныхъ желѣзнодорожныхъ переправъ черезъ нижнюю Вислу, находящихся въ рукахъ нѣмцевъ. Такое рѣшеніе могло бы поставить всю нашу наступательную операцію вглубь Германіи въ очень рискованное положеніе.

Къ изложенному я добавлялъ, что овладѣніе Восточной Пруссіей уже само по себѣ составляетъ предметъ чрезвычайной важности: война переносится въ предѣлы непріятеля, неизбѣжное оставленіе мѣстнымъ населеніемъ названнаго раіона должно отразиться безпокойствомъ въ самой глубинѣ Германской Имперіи, а занятіе одной изъ коренныхъ областей Прусскаго Королевства явится компенсаціей за занятіе нѣмцами части нашего Привислинскаго края. Наконецъ, Восточно-Прусскій раіонъ, въ сущности, являлся единственнымъ на всемъ С.-З. фронтѣ участкомъ, на которомъ еще возможно было ожидать тактическихъ успѣховъ, такъ какъ весь остальной фронтъ былъ прочно укрѣпленъ и занятъ непріятельскими войсками настолько сильно, что расчитывать на успѣхъ фронтальнаго удара представлялось крайне труднымъ.

Итакъ, — говорилъ я въ заключительной части своей записки, — въ интересахъ подготовки къ будущимъ наступательнымъ дѣйствіямъ, намъ необходимо теперь же рѣшить вопросъ о томъ, продолжаемъ ли мы попрежнему считать главной нашей цѣлью развитіе рѣшительныхъ дѣйствій противъ Германіи и, въ утвердительномъ случаѣ, не слѣдуетъ ли намъ ближайшей задачей, на пути выполненія названной выше главной цѣли, считать овладѣніе Восточной Пруссіей. Если на оба поставленные вопроса будетъ данъ утвердительный отвѣтъ, то въ слѣдующую очередь надлежитъ поставить вопросъ о силахъ и наилучшихъ способахъ выполненія указанной выше первоначальной задачи.

Считаясь съ наличными силами непріятеля въ Восточной Пруссіи, я предлагалъ, для образованія ударной группы, использовать три свѣжихъ корпуса: Гвардейскій, IV-ый Сиб. и XV-ый, готовность котораго опредѣлялась къ серединѣ февраля, т. е. къ сроку, къ которому мы могли частично справиться и съ другими нашими главнѣйшими потребностями. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми до-

полнительными частями, сила ударной группы могла быть доведена до 8½ — 9 пѣх. дивизій.

На переброску нѣмецкихъ войскъ съ р.р. Бзуры и Равки мы, естественно, должны были отвѣчать такой-же переброской съ этого фронта нашихъ войскъ, причемъ выгода болѣе короткихъ разстояній была бы на нашей сторонѣ.

Что касается направленія удара, то наиболѣе выгоднымъ мнѣ представлялось направленіе съ фронта Пултускъ-Остроленка на фронтъ Сольдау-Ортельсбургъ, при обезпеченіи лѣваго фланга наступающихъ войскъ — Імъ Турк. корпусомъ, находившимся на Млавскомъ направленіи, сильной кавалерійской группой и крѣпостью Новогеоргіевскомъ; праваго же — частями 10-ой арміи.

Само собою разумѣется, что атака вновь образованной группы войскъ должна была поддерживаться демонстративными дѣйствіями 1-ой, 2-ой и 5-ой армій и энергичнымъ натискомъ 10-ой арміи со стороны одного изъ ея фланговъ.

Наступленіе въ Восточную Пруссію намѣчалось возможнымъ осуществить примѣрно во второй половинѣ февраля, къ каковому времени мы имѣли основаніе расчитывать влить въ войска новобранцевъ 1914-го года и довести наши подвижные артиллерійскіе запасы до нормы.

Верховный Главнокомандующій, ознакомившись съ моими соображеніями, пожелалъ имѣть по нимъ заключеніе Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта, вслѣдствіе чего я на слѣдующій же день, по представленіи своей записки, а именно 17-го января, выѣхалъ въ Сѣдлецъ. Въ обсужденіи моихъ предположеній приняли участіе, кромѣ генерала Рузскаго, его ближайшіе сотрудники по штабу — генералы Орановскій и Бончъ-Бруевичъ.

Всѣ эти лица сошлись на томъ мнѣніи, что, какъ только улучшатся условія пополненія некомплекта въ людяхъ и обезпеченія артиллерійскими патронами, — явится необходимость перейти къ развитію активныхъ дѣйствій. Длительное сидѣніе въ окопахъ могло привести, по высказанному ими мнѣнію, запротоколенному мною, къ упадку духа въ войскахъ; предоставляемое же тѣмъ самымъ противнику время могло быть использовано послѣднимъ для прочнаго закрѣпленія его позицій, каковое въ будущемъ сдѣлаетъ для насъ ко чрезвычайности затруднительнымъ переходъ къ активнымъ дѣйствіямъ[1]).

При обсужденіи моей записки, были разсмотрѣны слѣдующія три направленія, по коимъ возможно было допустить развитіе намѣчавшагося въ будущемъ наступленія, при условіи сохраненія основной задачи — нанесенія главнаго удара нѣмцамъ:

1) Изъ раіона Конскъ-Опочна въ направленіи на Петроковъ;

2) Наступленіе на лѣвомъ берегу р. Вислы, съ охватомъ лѣваго фланга

---

[1]) Во французской арміи въ началѣ войны исповѣдывалась та же теорія: «Le temps passé dans l'inaction est du temps mort; il n'avance pas la fin de la guerre».

противника, путемъ переброски войскъ съ праваго берега Вислы между устьемъ Бзуры и Влоцлавскомъ, и

3) наступленіе въ Восточную Пруссію.

Генералъ Рузскій съ особымъ вниманіемъ отнесся къ оцѣнкѣ перваго направленія, которое представлялось ему чрезвычайно выгоднымъ. Однако, развитіе наступленія изъ раіона Конскъ-Опочна на Петроковъ могло привести къ положительнымъ результатамъ лишь въ томъ случаѣ, если бы, вслѣдъ за пораженіемъ противника, всѣ наши арміи оказались способными къ переходу въ широкое наступленіе по всему фронту. Иначе, съ отходомъ противника и закрѣпленіемъ его на какой-либо новой позиціи, произведенный нами ударъ долженъ былъ оказаться направленнымъ въ пустую. Такъ какъ внутреннее состояніе нашихъ армій, какъ мы видѣли, не позволяло расчитывать на возможность развитія крупной оперціи всѣми арміями, то указанное выше направленіе и нельзя было признать отвѣчавшимъ обстановкѣ ближайшаго времени, съ чѣмъ соглашался и Главнокомандующій арміями С.-З. фронта.

Подобная операція оказалась намъ не подъ силу даже при болѣе благопріятной обстановкѣ въ октябрѣ и ноябрѣ минувшаго года, когда наступленіе на лѣвомъ берегу р. Вислы являлось логическимъ продолженіемъ и развитіемъ успѣха, одержаннаго нами на Вислѣ; тѣмъ менѣе можно было расчитывать на благопріятный исходъ такой операціи теперь, когда наступленіе пришлось бы организовывать заново. Наступленіе это должно было потребовать огромныхъ силъ и богатаго матеріальнаго обезпеченія.

Наступленіе по лѣвому берегу р. Вислы, съ охватомъ лѣваго фланга германцевъ, было признано, въ данныхъ условіяхъ, также несоотвѣтственнымъ.

Что касается удара съ фронта Пултускъ-Остроленка въ направленіи на Сольдау-Ортельсбургъ, то таковой ударъ былъ, напротивъ, признанъ Главнокомандующимъ С.-З. фронта — наиболѣе отвѣчавшимъ обстановкѣ и тѣмъ средствамъ, на кои мы могли расчитывать въ ближайшее время. Развитіе наступательныхъ операцій въ этомъ направленіи, по мнѣнію моихъ собесѣдниковъ, обѣщало вывести изъ бездѣйствія 10-ую армію, въ которой слѣдовало считать до 170 т. штыковъ. Избранное направленіе признано было ведущимъ къ достиженію весьма важной цѣли, каковой являлось овладѣніе Восточной Пруссіей и обезпеченіе нашего праваго фланга отъ всякихъ нежелательныхъ покушеній со стороны противника. Кромѣ того, это направленіе позволяло начать наступательную операцію тѣми силами, кои къ разсматриваемому періоду времени являлись свободными, не ослабляя себя, такимъ образомъ, значительно на остальныхъ фронтахъ.

Ко всему сказанному слѣдуетъ добавить, что и наступившій зимній періодъ особенно благопріятствовалъ развитію активныхъ дѣйствій именно въ данномъ раіонѣ, такъ какъ многочисленныя озера, рѣки и болота, прорѣзывавшія его и дѣлавшія раіонъ въ обыкновенное время трудно проходимымъ, должны были оказаться скованными льдомъ и морозами.

Силы, которыя могли быть назначены для организаціи удара въ разсматриваемомъ направленіи, Генералъ Рузскій опредѣлялъ въ 10 пѣх. див., которыя должны были образовать особую (12-ую) армію. Независимо этой арміи, считалось возможнымъ притянуть на правый берегъ Вислы 7 кав. дивизій и, сверхъ того, сосредоточить въ рукахъ Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ, ввидѣ резерва, 4 пѣх. дивизіи. Гвардейскій корпусъ, какъ находившійся въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго, при этомъ въ расчетъ принимаемъ не былъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ остался весьма доволенъ результатами нашего совѣщанія въ Сѣдлецѣ, и 18-го января Генералъ Янушкевичъ телеграфировалъ генералу Рузскому, что Верховный Главнокомандующій вполнѣ одобряетъ формированіе 12-ой арміи для Млавскаго направленія и утверждаетъ предположеніе о назначеніи Командующимъ этой арміей генерала Плеве, «которому надлежитъ теперь же преподать соотвѣтственныя указанія, для подготовки намѣченной операціи».

Такимъ образомъ можно было думать, что вопросъ о направленіи очередного удара въ сторону Восточной Пруссіи, поскольку рѣшеніе его вообще зависѣло отъ насъ, поставленъ на вполнѣ реальную почву.

Великій Князь лично осмотрѣлъ только что прибывшія съ Дальняго Востока войска IV-го Сиб. корпуса, коимъ предназначалось сыграть видную роль въ предстоявшемъ наступленіи; онъ долго бесѣдовалъ съ офицерами и остался очень доволенъ видомъ и настроеніемъ нашихъ доблестныхъ сибиряковъ.

Что касается Ю.-З. фронта, то Главнокомандованіе этимъ фронтомъ склонно было разсматривать вопросъ о характерѣ будущихъ военныхъ дѣйствій съ иныхъ точекъ зрѣнія. При этомъ, у генераловъ Иванова и Алексѣева, насколько я могу судить, вначалѣ не существовало общей точки зрѣнія, и взгляды ихъ довольно существенно расходились. Генералъ Алексѣевъ вначалѣ повидимому признавалъ наиболѣе важнымъ раіонъ лѣваго берега р. Вислы; по крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ своихъ докладовъ, онъ указывалъ, что нанесеніе удара на участкѣ непріятельскаго фронта Томашовъ — Петроковъ — Новорадомскъ представляетъ существенныя выгоды въ томъ отношеніи, что на этомъ участкѣ расположеніе противника является весьма растянутымъ; при успѣхѣ же прорыва, — мы будемъ имѣть шансы выйти во флангъ германской арміи, которая, какъ отмѣчено выше, постепенно стала пріобрѣтать на нашемъ фронтѣ главенствующее значеніе. Эта точка зрѣнія почти совпадала съ оцѣнкой, сдѣланной совѣщаніемъ 17-го Января операціонному направленію изъ раіона Конскъ-Опочка на Петроковъ; но принятію этого направленія въ основу нашихъ будущихъ наступательныхъ дѣйствій препятствовали, какъ мы видѣли, общее состояніе нашихъ армій и скудное обезпеченіе ихъ боевыми припасами. Напротивъ, генералъ Ивановъ уже давно тяготѣлъ къ мысли о необходимости форсированія Карпатъ и вторженія въ Венгерскую равнину, въ результатѣ

чего ему рисовалось распаденіе Австро-Венгерской монархіи и возможность заключенія съ нею сепаратнаго отъ Германіи мира.

Идея форсированія Карпатъ проводилась Главнокомандующимъ Ю.-З. фронтомъ сначала весьма робко, чтобы не сказать скрытно, по тѣмъ не менѣе очень настойчиво, подъ видомъ частной задачи фронта, преслѣдующей цѣль исправленія невыгоднаго положенія, занятаго войсками, находившимися въ Галичинѣ.

Уже 20-го января, т. е. по истеченіи всего лишь недѣли по представленіи доклада о преимущественномъ значеніи раіона лѣваго берега р. Вислы передъ раіономъ Галичскимъ, — генералъ Алексѣевъ телеграфировалъ командующимъ арміями Ю.-З. фронта о томъ, что необходимо «использовать съ возможной энергіей наши средства праваго берега Вислы, нанести австрійцамъ хотя бы частичное пораженіе, поставить въ угрожаемое положеніе Венгрію, занять болѣе выгодное, чѣмъ нынѣ, положеніе, не растягивая приэтомъ общаго стратегическаго фронта. Цѣль эта можетъ быть достигнута переходомъ въ наступленіе 3-й, 8-й и части 11-ой армій, для овладѣнія первоначально линіей р. Дунайца до Н. Сандеца и далѣе Эперьешъ — Кашау — Уйгель — Чапъ — Сиготъ — Румынская граница... Прошу высказать заключеніе — когда состояніе арміи и путей позволило бы приступить къ выполненію этой операціи». — Сообщая объ этихъ предположеніяхъ фронта въ Ставку, генералъ Ивановъ, однако, просилъ уже объ усиленіи войскъ своего фронта четырьмя, непремѣнно полевыми, дивизіями и даже указывалъ на необходимость спѣшной подачи ихъ на участокъ Самборъ — Стрый — Долина, «ввиду усиленія австрійцевъ на направленіи отъ Ужгорода и Мункача и обнаруженнаго появленія нѣмцевъ въ раіонѣ послѣдняго».

Ходатайство генерала Иванова объ усиленіи войскъ его фронта явилось для Ставки вполнѣ неожиданнымъ, и потому я посвятилъ весь слѣдующій день на детальное изученіе дѣйствительной обстановки на Ю.-З. фронтѣ. При переговорахъ моихъ «по аппарату», я не могъ не выразить генералу Алексѣеву пожеланія о томъ, чтобы Ставка была болѣе подробно и главное заблаговременнѣе оріентируема во всѣхъ предположеніяхъ, коими Ю.-З. фронтъ считаетъ возможнымъ задаваться, хотя бы даже въ предѣлахъ только собственныхъ силъ и средствъ. На мою просьбу, я получилъ отвѣтъ, изъ котораго выяснилъ, что штабъ Ю.-З. фронта уже съ двадцатыхъ чиселъ декабря занятъ изученіемъ вопроса о вторженіи въ Венгрію, но что объ этомъ не сообщалось въ Ставку потому, «что приходилось продѣлать очень большую черновую работу по тылу и трудно было еще сказать, будемъ ли мы въ состояніи собрать достаточное число транспортовъ для обезпеченія всѣхъ нуждъ наступающихъ войскъ»...

Надо сказать, что оцѣнка генераломъ Ивановымъ серьезности положенія, создавшагося на направленіяхъ отъ Ужгорода и Мункача, являлась, по существу, справедливой, но лишь потому, что увлеченное идеей вторженія въ Венгрію путемъ фронтальнаго форсированія Карпатъ, Главнокомандованіе Ю.-З.

фронтомъ оголило отъ войскъ остальныя направленія и оставило на обширномъ фронтѣ отъ перевала Ужокъ до Румынской границы (свыше 250 километровъ) всего четыре пѣх. дивизіи, изъ которыхъ только одна полевая.

Совершенно очевидно, что, при такихъ условіяхъ, всякій нажимъ непріятеля въ направленіи па Самборъ и Стрый долженъ былъ болѣзненно отозваться на общемъ положеніи нашихъ армій, углублявшихся въ Карпаты, и могъ представлять серьезную угрозу нашему положенію въ Галичинѣ. Повидимому это обстоятельство и было учтено нашими противниками, которые стали накапливать свои силы на указанныхъ выше направленіяхъ.

Такимъ образомъ Ставкѣ, несшей на себѣ отвѣтственность за положеніе на всемъ фронтѣ, надлежало оцѣнить, насколько серьезны въ дѣйствительности данныя объ усиленіи австрійцевъ и появленіи въ раіонѣ Мункача германцевъ, служившихъ, конечно, предвозвѣстниками приближающагося наступленія.

Я долженъ отмѣтить, что разобраться въ этихъ вопросахъ было нелегко, такъ какъ донесенія штаба Ю.-З. фронта не являлись достаточно отчетливыми и даже противорѣчили другъ другу. И только, послѣ длительныхъ и подробныхъ переговоровъ моихъ и моихъ сотрудниковъ съ генераломъ Алексѣевымъ и чинами его штаба «по Юзу», въ которыхъ я указывалъ на крайнюю невыгодность и нежелательность, съ общей точки зрѣнія, ослабленія войскъ С.-З. фронта, Ставка успѣла документально выяснить безспорное усиленіе непріятельскихъ войскъ на Мункачскомъ направленіи и дѣйствительное появленіе на немъ германцевъ. Такъ какъ своевременная перегруппировка въ предѣлахъ Ю.-З. фронта оказалась невыполнимой, то передъ Ставкой встала необходимость принятія мѣръ по усиленію войскъ на угрожаемомъ участкѣ Ю.-З. фронта за счетъ силъ С.-З. фронта, и 26-го января мною было использовано заранѣе данное разрѣшеніе Верховнаго Главнокомандующаго о переброскѣ съ С.-З. фронта въ Галичину на угрожаемыя направленія XXII-го корпуса, организація котораго была болѣе приспособлена къ боевой дѣятельности въ горныхъ раіонахъ.

Но переброска XXII-го корпуса еще не предрѣшала отказа отъ вторженія въ Восточную Пруссію. Корпусъ этотъ принадлежалъ къ составу 10-й арміи, занималъ относительно второстепенный участокъ фронта и не входилъ въ составъ той группы войскъ, которая предназначалась для главнаго удара, намѣчавшагося со стороны нижняго Нарева. Планъ этого удара продолжалъ энергично разрабатываться въ Штабѣ Командующаго 12-ой арміей генерала Плеве, а убыль XXII-го корпуса изъ состава армій С.-З. фронта была впослѣдствіи компенсирована включеніемъ въ составъ названнаго фронта Гвардейскаго корпуса, который, какъ я уже отмѣчалъ, оставался въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго.

5-го февраля Главнокомандующій арміями Ю.-З. фронта, послѣ предварительнаго запроса, прибылъ въ Ставку для личнаго доклада у Верховнаго Главнокомандующаго. — Докладъ этотъ происходилъ съ глазу на глазъ. — Однако,

для ближайшихъ сотрудниковъ Верховнаго Главнокомандующаго не составило секрета, что генералъ Ивановъ, излагая обстановку на фронтѣ ввѣренныхъ ему армій, подчеркивалъ тяжелое положеніе, создавшееся для нихъ на Карпатахъ, ввиду зимняго времени и отсутствія помѣщеній, и стремился доказать, что единственный выходъ изъ создавшагося положенія состоитъ въ томъ, чтобы поскорѣе сбросить непріятеля съ горъ и спуститься въ Венгрію. Въ силу этихъ соображеній, генералъ Ивановъ ходатайствовалъ о предоставленіи въ его распоряженіе дальнѣйшихъ подкрѣпленій, причемъ повидимому имѣлъ въ виду Гвардейскій и XV-й корпуса.

Доклады Главнокомандующаго арміями Ю.-З. фронта, постепенно склоняли Верховнаго Главнокомандующаго къ мысли о желательности возможно полнаго удовлетворенія ихъ, для вывода войскъ изъ создавшагося тяжелаго положенія, путемъ достиженія на этомъ фронтѣ положительныхъ результатовъ; однако, Великій Князь выражалъ мнѣніе о предпочтительности атаки противника на Карпатахъ не съ фронта, а со стороны его праваго фланга, такъ какъ, при такомъ направленіи удара, не только облегчался самый ударъ, но, въ случаѣ успѣха, нашъ стратегическій фронтъ, представлявшій въ общемъ выпуклую дугу, все болѣе и болѣе долженъ былъ выпрямляться и сокращаться. Независимо того, распространеніе и упроченіе нашего положенія въ Буковинѣ создавало весьма благопріятныя для насъ политическія теченія за границей, которыя также слѣдовало принимать въ расчетъ.

Черезъ нѣсколько дней генералъ Ивановъ повторилъ телеграфно свое ходатайство объ усиленіи войскъ фронта, причемъ въ болѣе опредѣленной уже формѣ испрашивалъ распоряженій о перевозкѣ въ Галичину XV-го корпуса, заканчивавшаго въ Гомелѣ свое формированіе и обученіе.

Но къ этому времени обстановка измѣнилась на С.-З. фронтѣ уже настолько, что Верховный Главнокомандующій не призналъ возможнымъ удовлетворить возбужденное генераломъ Ивановымъ ходатайство.

Телеграммой отъ 10-го февраля Верховный Главнокомандующій сообщалъ генералу Иванову о нижеслѣдующемъ: «Обстановка въ Восточной Пруссіи осложнилась настолько, что пришлось Гвардейскій корпусъ перебросить на Млавское направленіе. При такихъ условіяхъ, въ настоящее время, до полнаго выясненія обстановки, не можетъ быть рѣчи о направленіи XV-го корпуса въ Галицію. Повелѣваю вамъ принять необходимыя мѣры упроченія своего положенія въ Галиціи въ предѣлахъ собственныхъ силъ, продолживъ, если то необходимо, задержанную вами переброску войскъ на лѣвый флангъ восьмой арміи за счетъ другихъ армій ввѣреннаго вамъ фронта. Если, по окончательномъ выясненіи всей обстановки на С.-З. фронтѣ, можно будетъ принять рѣшеніе о направленіи XV-го корпуса на Ю.-З. фронтъ, то этотъ корпусъ будетъ предназначенъ исключительно для достиженія активныхъ цѣлей».

Изъ всего изложеннаго видно, что, рядомъ съ планомъ наступленія въ Восточную Пруссію, разработаннымъ въ Ставкѣ, обсужденнымъ совмѣстно съ Главнокомандующимъ С.-З. фронтомъ и принципіально одобреннымъ Вер-

ховнымъ Главнокомандующимъ, на Ю.-З. фронтѣ зрѣлъ другой планъ, который, постепенно расширяясь, вышелъ, въ концѣ концовъ, далеко за предѣлы частной задачи фронта и привлекалъ къ себѣ все настойчивѣе тѣ скромныя силы и средства, коими располагалъ Верховный Главнокомандующій. Воздерживаясь по весьма понятнымъ причинамъ отъ оцѣнки этого плана, я, однако, не могу не отмѣтить того вреда, который наносился дѣлу наличіемъ двухъ конкурировавшихъ другъ съ другомъ заданій, заставлявшихъ разбрасываться и обусловливавшихъ неуспѣхъ обоихъ начинаній. Несомнѣнно, что эта двойственность выросла на почвѣ все того же коренного недостатка въ организаціи высшаго военнаго управленія, при которомъ намѣреніямъ Ставки приходилось слишкомъ считаться съ чрезмѣрною самостоятельностью фронтовъ, состоявшихъ изъ большого количества войскъ и распространявшихъ свое вліяніе на обширныя пространства.

Генералъ Людендорфъ и нѣкоторые другіе нѣмецкіе авторы, на страницахъ своихъ воспоминаній, говорятъ о «гигантскомъ» планѣ Русскаго Верховнаго Главнокомандованія, который, якобы, намѣчался къ осуществленію зимой 1914—1915 года и который заключался въ одновременномъ наступленіи нашихъ войскъ на Карпатахъ и въ Восточной Пруссіи. — Мы видѣли, что такого плана въ дѣйствительности не существовало, и что наши арміи находились въ очень трудномъ положеніи, которое не позволяло имъ задаваться сколько нибудь широкими цѣлями. Существовала лишь «видимость» такого плана, созданная тѣми центробѣжными силами, которыя нерѣдко, и весьма сильно, давали себя чувствовать на верхахъ арміи и которыя, въ данномъ случаѣ, тянули насъ въ расходящихся направленіяхъ.

Тѣмъ не менѣе нѣмцы, повидимому, встревоженные нашими приготовленіями, о которыхъ они, кстати сказать, всегда бывали заблаговременно освѣдомлены, рѣшились на крайнія средства, чтобы предупредить насъ своимъ контръ-наступленіемъ и овладѣть обстановкой. Успѣвъ пополнить свои части ранѣе насъ, они получили возможность оттянуть съ лѣваго берега р. Вислы до пяти пѣхотныхъ и одну кавал. дивизіи, которыя должны были составить «Южную» армію генерала Линзингена, предназначавшуюся для переброски въ Венгрію и сосредоточенія на направленіи Мункачъ-Стрый. Части этой арміи, какъ мы уже видѣли, и были нами обнаружены въ концѣ января на указанномъ направленіи. Съ своей стороны и австрійское главнокомандованіе рѣшило принять всѣ мѣры къ упроченію своего положенія и сосредоточить свои главныя усилія на кратчайшемъ направленіи, ведущемъ со стороны Карпатъ черезъ Санокъ и Самборъ къ Перемышлю, очевидно, преслѣдуя цѣль деблокады послѣдняго. Для достиженія этой задачи, оно не остановилось передъ переброскою на Карпаты всѣхъ болѣе или менѣе боеспособныхъ частей даже съ Сербскаго театра.

Но независимо этого, германское Верховное Главнокомандованіе рѣшилось на новое усиленіе войскъ своего восточнаго фронта, путемъ перевозки въ Восточную Пруссію четырехъ корпусовъ. Эти корпуса формировались внутри

Германіи. Созданіе ихъ было результатомъ упорной организаціонной работы германскаго военнаго министерства въ теченіе всего зимняго періода 1914—1915-го года. Они предназначались для развитія наступательныхъ дѣйствій на западномъ германскомъ фронтѣ раннею весною 1915-го года, и потому измѣненіе ихъ первоначальнаго предназначенія было со стороны германскаго верховнаго главнокомандованія большою жертвою, повидимому оправдывавшеюся лишь угрозой нашего новаго наступленія въ Восточную Пруссію. При самомъ исполненіи перевозокъ, одинъ изъ новыхъ корпусовъ былъ, впрочемъ, замѣненъ XXI-мъ германскимъ корпусомъ, дѣйствовавшимъ до этого времени на французскомъ фронтѣ; корпусъ этотъ комплектовался изъ Эльзаса и Лотарингіи и потому считался малонадежнымъ для западнаго фронта. Упомянутыми четырьмя корпусами была усилена остававшаяся въ Восточной Пруссіи 8-ая германская армія, причемъ на ея лѣвомъ флангѣ была образована ударная группа, въ видѣ 10-ой германской арміи, ядро которой составили три вновь подвезенные корпуса (XXI, XXXVIII P. и XXXIX P.). — Четвертый корпусъ (XXXX P.) сосредоточивался южнѣе оз.Спирдингъ.

Нѣсколько позднѣе указаннаго развертыванія, на южный участокъ Восточно-Прусскаго фронта (Ортельсбургъ — Сольдау) нѣмцами было переброшено еще не менѣе шести пѣх. и одной кав. дивизій, снятыхъ съ лѣваго берега р. Вислы.

Всѣ эти силы были предназначены для развитія наступательныхъ дѣйствій въ направленіяхъ къ среднему Нѣману, Бобру и Нареву.

Такимъ образомъ, въ отвѣтъ на приписывавшійся намъ «гигантскій» планъ выпрямленія нашего стратегическаго фронта, путемъ развитія наступательныхъ дѣйствій на обоихъ нашихъ флангахъ, германское верховное главнокомандованіе, по соглашенію со своимъ союзникомъ — австрійцами, рѣшило воспользоваться своими преимуществами въ быстротѣ перегруппировки и организовать не менѣе гигантское контръ-наступленіе, имѣвшее цѣлью глубокій охватъ насъ съ обоихъ фланговъ: съ сѣвера — въ направленіи къ среднему Нѣману, Бобру и Нареву и съ юга со стороны Карпатъ на участокъ Перемышль — Львовъ. Для осуществленія этихъ ударовъ, удаленныхъ другъ отъ друга на многія сотни верстъ и потому трудно согласуемыхъ, германцы, игравшіе на австрійскомъ фронтѣ роль движущей силы, должны были раздѣлить имѣвшіяся у нихъ силы между двумя направленіями, т. е. повторить тотъ пріемъ, который угрожалъ намъ, но по другимъ причинамъ. У насъ раздѣленіе силъ являлось въ результатѣ отсутствія единства замысла; у германскаго Командованія — въ силу необходимости дать импульсъ медленно умиравшей австрійской арміи и стремленія непосредственно прикрыть Восточную Пруссію, которой угрожало наше вторженіе. Своею болѣе раннею готовностью германцы предупредили насъ и сумѣли снова захватить иниціативу въ свои руки.

Разсуждая теоретически, лучшимъ отвѣтомъ на приведенный выше маневръ Германскаго Главнокомандованія былъ бы переходъ къ оборонѣ на флангахъ и быстрый сборъ сильной группы войскъ въ центрѣ нашего страте-

гическаго фронта, т. е. гдѣ либо на лѣвомъ берегу р. Вислы, съ цѣлью прорыва здѣсь расположенія ослабленнаго противника и затѣмъ широкаго контръ-наступленія въ предѣлы Германіи. Но, для осуществленія этого смѣлаго и крайне отвѣтственнаго маневра, мы не обладали ни необходимыми средствами, ни можетъ быть, достаточнымъ наступательнымъ порывомъ. Поэтому, на выяснившіяся намѣренія нашихъ противниковъ, мы едва ли могли отвѣтить иначе, какъ непосредственнымъ усиленіемъ своего положенія на угрожаемыхъ флангахъ, принимая, конечно, во вниманіе, что ударъ изъ-за Карпатъ могъ стать для насъ угрожающимъ лишь въ смыслѣ владѣнія Галичиной, тогда какъ ударъ изъ Восточной Пруссіи, въ случаѣ его развитія, могъ грозить намъ гораздо большими потрясеніями.

«Къ сожалѣнію, говорилось въ директивѣ Верховнаго Главнокомандующаго отъ 23-го февраля, мы въ настоящее время ни по средствамъ, ни по состоянію нашихъ армій, не можемъ предпринять рѣшительнаго общаго контръманевра, которымъ мы могли бы вырвать иниціативу изъ рукъ противника и нанести ему пораженіе въ одномъ изъ наиболѣе выгодныхъ для насъ направленій. Единственнымъ способомъ дѣйствій, подсказываемымъ обстановкой, является ослабленіе до крайняго предѣла, допускаемаго обстановкой, войскъ лѣваго берега р. Вислы, съ цѣлью соотвѣтственными частными контръ-маневрами на правомъ берегу р. Вислы и въ Карпатахъ, въ направленіяхъ, кои должны быть избраны, въ соотвѣтствіи съ обстановкой, Главнокомандующими арміями фронтовъ, остановить попытки противника въ развитіи имъ наступательныхъ дѣйствій и нанести ему хотя бы частичныя пораженія».

Къ этому способу дѣйствій мы, къ тому же, оказывались и болѣе подготовленными нашими собственными соображеніями о переходѣ въ наступленіе. Соображенія эти хотя и были разрушены непріятелемъ, предупредившимъ насъ, но все же они оказались полезными въ томъ смыслѣ, что дали намъ возможность использовать уже подвезенныя и сосредоточенныя войска для отраженія направленныхъ противъ насъ непріятельскихъ ударовъ, которые, вслѣдствіе этого, далеко не достигли намѣчавшихся результатовъ.

ГЛАВА XIV.

Зимнее наступленіе германцевъ изъ Восточной Пруссіи и бои на Бобръ-Наревскомъ участкѣ фронта. — Новый планъ русскаго Верховнаго Главнокомандованія.

Въ концѣ января германцы возобновили свои атаки на Бзурѣ и въ раіонѣ нижней Равки. Здѣсь наши войска почти впервые встрѣтились съ новымъ ужасающимъ врагомъ, въ лицѣ удушливыхъ газовъ, противъ которыхъ въ нашемъ распоряженіи въ то время не имѣлось еще никакихъ средствъ борьбы. Прошло не мало времени и потребовалось много усилій, прежде чѣмъ мы научились болѣе или менѣе удовлетворительно бороться съ этимъ смертельнымъ средствомъ, пущеннымъ въ ходъ нашимъ противникомъ.

Въ разсматриваемый періодъ времени германцы стали примѣнять на нашемъ фронтѣ также особые приборы для разбрасыванія горючей жидкости. Это средство не получило, однако, широкаго распространенія, такъ какъ оказалось дѣйствующимъ лишь на короткихъ разстояніяхъ,что ограничивало его употребленіе условіями одной траншейной борьбы.

Въ самомъ началѣ февраля на правомъ берегу р. Равки, въ раіонѣ Воли Шидловской, примѣрно въ 4 верстахъ къ востоку отъ Болимова, разыгрались крайне упорные и кровопролитные бои, продолжавшіеся въ теченіе ряда дней. Около того же времени германцы симулировали наступленіе и на Наревскомъ фронтѣ.

Но всѣ эти наступательныя попытки, въ концѣ концовъ, имѣли демонстративный характеръ и являлись лишь прелюдіей къ подготовлявшемуся удару нѣмцевъ изъ Восточной Пруссіи, направленному противъ нашей 10-й арміи.

Армія эта первоначально имѣла противъ себя 8-ю германскую армію, въ составѣ около 6—7 пѣх. и 2—2½ кав. дивизій. Нашъ противникъ занималъ линію Мазурскихъ озеръ и укрѣпленную позицію вдоль р. Ангераппъ. Однако, на лѣвомъ флангѣ, примѣрно отъ Даркемена, германцы успѣли выдвинуть свой фронтъ значительно къ востоку и постепенно заняли лѣса у м. Ланседенъ, уперевъ свой лѣвый флангъ въ р. Шешупу; отдѣльный отрядъ нѣмцевъ занималъ Тильзитъ.

Наши войска 10-й арміи, вплотную придвинувшіяся къ непріятельскимъ позиціямъ, къ началу февраля состояли изъ четырехъ корпусовъ (III-го, XX-го XXVI-го и III-го сиб.), въ составѣ 11-ти пѣх. и 2 кав. дивизій. На крайнемъ правомъ флангѣ всего С.-З. Фронта, противъ Тильзита, находился отдѣльный отрядъ генерала Апухтина (68-я пѣх. див.). Всѣ дивизіи продолжали оставаться въ большомъ некомплектѣ, и изъ общаго ихъ числа только пять дивизій были первоочередными.

Командующій арміей генералъ Сиверсъ поставилъ себѣ очередною задачею очистку отъ нѣмцевъ лѣсовъ на своемъ правомъ флангѣ, каковая операція была поручена командиру правофланговаго корпуса (III-го) и потребовала постепеннаго усиленія войскъ этого корпуса; въ результатѣ, всѣ войска арміи были вытянуты въ нитку и въ армейскомъ резервѣ оставался, если не ошибаюсь, всего лишь одинъ полкъ. Въ тылу арміи, несмотря на неоднократныя напоминанія сверху, штабу арміи не удавалось создать ни благоустроенной укрѣпленной линіи, ни достаточно оборудованныхъ этапныхъ путей. Командующій арміей призналъ возможнымъ ограничиться возведеніемъ лишь небольшихъ аріергардныхъ позицій, которыя, по существу, едва ли обезпечивали какія-либо выгоды для арміи. — Крѣпости Ковна и Гродна занимались только слабыми ополченскими частями.

Прибытіе въ Восточную Пруссію четырехъ новыхъ германскихъ корпусовъ и образованіе на сѣверномъ участкѣ непріятельскаго фронта новой 10-й арміи остались для штаба нашей 10-й арміи незамѣченными; нѣмцы вновь вос-

пользовались наличіемъ у нихъ мощной и богато развитой желѣзнодорожной сѣти, чтобы выполнить намѣченную перевозку въ самый короткій срокъ, что, естественно, способствовало сохраненію этой перевозки въ тайнѣ. Тѣмъ неожиданнѣе оказалось наступленіе нѣмцевъ, обнаруженное 7-го февраля на Іоганисбургскомъ направленіи.

Начальнику второочередной дивизіи, находившейся на этомъ направленіи, было приказано перейти въ контръ-наступленіе и разбить наступавшій отрядъ противника. Эта попытка закончилась полною неудачею. Непріятель оказался въ значительныхъ силахъ, и наша дивизія, съ большими потерями, отошла къ Осовцу; она доносила о наступленіи на Щучинъ не менѣе двухъ германскихъ дивизій. Въ дѣйствительности, это былъ XXXX-й германскій корпусъ, усиленный еще одной пѣх. дивизіей и наступавшій южнѣе Мазурскихъ озеръ на Райгородъ и Лыкъ. Только на фронтѣ названныхъ пунктовъ этому наступленію былъ данъ твердый отпоръ нашими войсками III-го сиб. корпуса, усиленными сводной дивизіей, высланной, изъ состава XX-го корпуса, немедленно по полученіи извѣстія о наступленіи непріятеля въ обходъ лѣваго фланга 10-й арміи.

Съ утра 10-го февраля вполнѣ опредѣленно выяснилось наступленіе и 10-й германской арміи, направившей ударъ своихъ трехъ вновь прибывшихъ корпусовъ (XXI-го, XXXVIII-го и XXXIX-го) изъ раіона Инстербургъ — Тильзитъ на нашъ правый флангъ. Находившіеся на этомъ флангѣ кавалерія и III-й корпусъ, сильно разстроенные, стали въ безпорядкѣ отходить: III-й корпусъ въ направленіяхъ на Ковну и Маріамполь, а кавалерія на Олиту, открывая этимъ пути во флангъ и тылъ прочимъ корпусамъ, находившимся южнѣе отступавшихъ.

Такимъ образомъ сразу обнажились оба фланга нашей 10-й арміи, лишенной всякихъ резервовъ для отраженія ударовъ. При такой обстановкѣ, только быстрый отходъ, по возможности въ эксцентрическихъ направленіяхъ, могъ еще вывести эту армію изъ тяжелаго положенія. Но мы, нашею подготовкою мирнаго времени, не привыкли смотрѣть на отходъ, какъ на своего рода маневръ, неизбѣжный въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и расчитывали задержать развитіе наступательной операціи противника, цѣпляясь за попутные пункты, что лишь утяжеляло положеніе нашихъ войскъ, позволяя развиться непріятельскому обходу.

Необходимо, впрочемъ, отмѣтить и тѣ исключительно трудныя условія, въ которыхъ приходилось бы отводить войска. Стояли жестокіе морозы, и всѣ дороги были занесены глубокимъ снѣгомъ, а гдѣ таковой былъ сдутъ вѣтромъ — образовалась гололедка. Маневрированіе, при такихъ условіяхъ погоды, было крайне труднымъ.

11-го февраля Главнокомандующій арміями С.-З. фронта поставилъ Командующему 10-й арміей генералу Сиверсу задачу остановить наступленіе нѣмцевъ на линіи Осовецъ — Августовъ — Сейны — Ковна. При этомъ указывалось на необходимость во что бы то ни стало удерживать Августовъ, а при

малѣйшей возможности и Сувалки, дабы, какъ говорилось въ соотвѣтствующей телеграммѣ, имѣть выгодное исходное положеніе для рѣшительнаго перехода въ наступленіе, одновременно съ войсками, сосредоточиваемыми въ Ломжинскомъ раіонѣ.

И дѣйствительно, въ это время къ Цѣханову, Праснышу, Остроленкѣ и Ломжѣ подтягивались войска 12-й арміи, въ общемъ до пяти корпусовъ; наши передовыя части, и особенно конница, перейдя въ контръ-наступленіе, потѣснили противника къ сѣверу и стали постепенно продвигаться къ границѣ, очищая отъ нѣмцевъ весь раіонъ праваго берега р.р. Нарева и Вислы.

Между тѣмъ обстановка на фронтѣ 10-й арміи складывалась крайне неблагопріятно и корпуса XX-й, XXVI-й и III-й сиб. постепенно отжимались на фронтъ Сувалки — Августовъ. При отходѣ, нашимъ войскамъ приходилось преодолѣвать невѣроятныя трудности; въ теченіе нѣсколькихъ дней свирѣпствовали невиданные снѣжные бураны; въ лѣсахъ образовались трудно одолимые завалы, а на открытыхъ мѣстахъ — движеніе утяжеляла гололедица. Отходъ шелъ подъ напоромъ непріятеля, у котораго, по крайней мѣрѣ, было то преимущество, что ему прокладывались черезъ снѣга дороги нашими колоннами. Войска шли впроголодь, теряли свои обозы и, не находя жилыхъ помѣщеній, нерѣдко ночевали въ полѣ. Тѣмъ не менѣе, отходъ совершился благополучно и изъ подъ Летцена была вывезена въ Осовецъ вся тяжелая артиллерія. Но очевидно, что движеніе въ столь трудныхъ условіяхъ могло быть выполнено только при крайнемъ напряженіи силъ со стороны командного состава, людей и лошадей.

Съ развитіемъ обхода нашего праваго фланга, стала возникать, однако, угроза сначала Олитѣ, а затѣмъ и Гроднѣ, отъ каковыхъ пунктовъ отходили пути въ глубокій тылъ армій всего С.-З фронта. Вслѣдствіе этого и по ходатайству штаба С.-З. фронта, распоряженіемъ Ставки, намѣчена была переброска къ Оранамъ съ лѣваго берега р. Вислы III-го Кавк. корпуса и къ Гроднѣ изъ Гомеля XV-го корпуса. Послѣдній корпусъ, незадолго передъ тѣмъ осмотрѣнный Великимъ Княземъ, производилъ прекрасное внѣшнее впечатлѣніе.

17-го февраля, въ г. Сѣдлецѣ, состоялось совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Верховнаго Главнокомандующаго. Вмѣстѣ съ генераломъ Рузскимъ, на это совѣщаніе прибылъ новый начальникъ штаба армій фронта генералъ Гулевичъ, замѣнившій генерала Ораповскаго, который незадолго передъ тѣмъ вступилъ въ командованіе I-мъ кав. корпусомъ.

Свѣдѣнія о положеніи корпусовъ 10-й арміи, отошедшихъ на фронтъ Сувалки — Августовъ, были къ этому времени въ полной мѣрѣ безотрадны. Германцы, продолжая свое обходное движеніе и огибая Августовскіе лѣса съ востока, заняли всѣ дороги, ведущія съ названнаго фронта Сувалки — Августовъ къ Нѣману и Гроднѣ. Свободнымъ оставался лишь путь къ верхнему Бобру на Штабинъ и Липскъ, по которому отъ Августова, послѣ ряда тяжелыхъ боевъ, отошли III-й сиб. и XXVI-й корпуса (группа генерала Радкевича). Корпуса эти, значительно ослабленые, заняли позицію за верхнимъ Бобромъ отъ

Ягинты до Подвуглы; сводная же дивизія XX-го корпуса (12 бат.) отошла къ Домброву. Что касается XX-го корпуса, находившагося сѣвернѣе, въ раіонѣ Сувалокъ, то о немъ, начиная съ 15-го февраля, не имѣлось никакихъ свѣдѣній. Повидимому онъ велъ неравный бой въ Августовскихъ лѣсахъ съ германцами, тѣснившими его со всѣхъ сторонъ.

Параллельно съ наступленіемъ противъ 10-й арміи, германцы, по свѣдѣніямъ штаба С.-З. фронта, продолжали перебрасывать свои войска съ лѣваго берега р. Вислы на правый, преимущественно на Млавское направленіе. Основываясь на этихъ данныхъ, генералъ Рузскій выражалъ мнѣніе, что давленіемъ на Млавскомъ направленіи, въ связи съ дальнѣйшимъ наступленіемъ лѣвофланговой группы непріятельскихъ войскъ на Бѣлостокъ, германское командованіе имѣетъ въ виду произвести попытку къ охвату съ обоихъ фланговъ всѣхъ нашихъ войскъ на фронтѣ Наревъ — Бобръ.

Чтобы противодѣйствовать этому, предположительному впрочемъ, плану нашего противника, Главнокомандующій С.-З. фронтомъ проектировалъ изъ 18-ти корпусовъ, имѣвшихся въ его распоряженіи, считая III-й Кавк. и XV-й корпуса, но не считая силъ 10-й арміи, оставить на лѣвомъ берегу р. Вислы не свыше пяти корпусовъ (2-я и 5-я арміи); остальные же тринадцать корпусовъ развернуть на правомъ берегу р. Вислы: частью на Млавскомъ направленіи (1-я армія генерала Литвинова) и на фронтѣ Рожаны — Остроленка — Ломжа (12-я армія генерала Плеве), съ резервомъ у Острова — Вышкова; большею же частью — въ раіонѣ Гродна — Соколка — Бѣлостокъ. Перегруппировка эта могла быть, однако, закончена лишь въ первыхъ числахъ марта.

Проектируя новое развертываніе своихъ силъ, генералъ Рузскій ходатайствовалъ передъ Верховнымъ Главнокомандующимъ, едва ли не въ третій разъ, объ отводѣ войскъ на лѣвомъ берегу р. Вислы на тыловую позицію Новогеоргіевскъ — Гура Кальварія.

Верховный Главнокомандующій призналъ предположенія Главнокомандующаго С.-З. фронтомъ, касавшіяся развертыванія его силъ на правомъ берегу р. Вислы цѣлесообразными; что же касается отхода 2-й и 5-й армій на лѣвомъ берегу той-же рѣки, то таковое ходатайство было Великимъ Княземъ вновь отклонено, какъ не вызываемое обстановкою.

Не встрѣчая возраженій противъ новаго развертыванія войскъ генерала Рузскаго на правомъ берегу р. Вислы, Верховное Главнокомандованіе имѣло въ виду предупредить развитіе германскаго удара въ направленіи на Бѣлостокъ — Гродна, каковой ударъ всегда считался опаснымъ для положенія нашихъ армій въ русской Польшѣ. Хотя наличныя силы германцевъ едва ли могли оцѣниваться столь значительными, чтобы допустить существованіе у нихъ такого обширнаго плана, однако къ этимъ силамъ легко могли быть подвезены для развитія удара новыя подкрѣпленія — хотя бы съ запада; съ другой же стороны — приходилось учитывать моральное значеніе постоянныхъ успѣховъ германцевъ въ Восточной Пруссіи; обстоятельство это являлось столь большимъ факторомъ, что заставляло наши высшія командныя инстанціи счи-

таться съ такими предположеніями, которыя, при нормальныхъ условіяхъ, едва ли могли быть принимаемы къ учету и, во всякомъ случаѣ, должны были нами оцѣниваться, какъ заранѣе обреченныя на неуспѣхъ.

Возможность прибытія дополнительныхъ германскихъ войскъ какъ бы подтверждалась поступившимъ 20-го февраля свѣдѣніемъ о сосредоточеніи большихъ силъ противника въ раіонѣ Симно—Красна и о движеніи не менѣе двухъ непріятельскихъ корпусовъ на Маріамполь и Кальварію. Свѣдѣніе это могло наводить на мысль о возможности попытки со стороны германцевъ форсировать Нѣманъ ниже Друскеникъ, что могло создать угрозу для тыла всѣхъ нашихъ армій. Поэтому штабу С.-З. фронта было предложено обсудить вопросъ о болѣе глубокой перегруппировкѣ войскъ С.-З. фронта, съ цѣлью образованія въ раіонѣ Оранъ особой контръ-маневренной группы войскъ. Впослѣдствіи, однако, эта мысль была оставлена вслѣдствіе того, что свѣдѣнія о наступленіи значительныхъ силъ германцевъ къ среднему Нѣману не подтвердились. Повидимому свѣдѣнія о появленіи значительныхъ непріятельскихъ силъ въ раіонѣ Симно — Красна и о движеніи ихъ къ переправамъ на среднемъ Нѣманѣ явились въ результатѣ временной остановки къ сѣверу отъ Августовскихъ лѣсовъ XXXVII-го и XXXIX-го германскихъ корпусовъ и выдвиженія особыхъ заслоновъ къ сторонѣ Ковны, Маріамполя и Олиты.

Опасаясь за судьбу XX-го корпуса, Ставка настойчиво требовала принятія со стороны 10-й арміи мѣръ къ оказанію помощи его войскамъ, ведшимъ тяжелую борьбу въ Августовскихъ лѣсахъ.

Во исполненіе этого требованія командующимъ 10-й арміей была организована 21-го февраля довольно робкая попытка къ наступленію на фронтѣ Сопоцкинъ — Липскъ, каковое наступленіе не привело къ сколько-нибудь полезнымъ результатамъ. Доблестный XX-й корпусъ былъ предоставленъ своей собственной участи...

Надо, впрочемъ, отдать справедливость нашему противнику — нѣмцамъ. Опьяненные своими успѣхами и въ стремленіи сковать наши войска, отошедшія за Нѣманъ и Бобръ, они отчаянно лѣзли на укрѣпленія, созданныя впереди Гродны, и безоглядочно стремились къ форсированію Нѣмана ниже названнаго пункта, а также верхняго Бобра. Многія сотни и тысячи нѣмцевъ полегли здѣсь, но своими бѣшенными атаками инціатива дѣйствій не выпускалась ими изъ рукъ, и этимъ было выиграно время, чтобы довести Августовскую трагедію до окончательной развязки.

По разсказамъ участниковъ тяжелыхъ испытаній, выпавшихъ на долю XX-го корпуса, событія въ раіонѣ его дѣйствій разыгрывались въ слѣдующемъ порядкѣ:

Корпусъ, состоявшій изъ частей 28-й, 29-й, 53-й и 27-й пѣх. дивизій, отходилъ отъ Даркемена черезъ Гольдапъ на Сувалки, гдѣ сосредоточился 12-го февраля. Дальнѣйшій его путь отступленія лежалъ черезъ Сейны на Меречь, въ каковомъ направленіи уже были эшелонированы всѣ обозы корпуса. Несмотря на явный обходъ, угрожавшій корпусу съ сѣвера, Командующій армі-

ей, находившійся въ этотъ день въ Сувалкахъ, не разрѣшилъ измѣнить данное корпусу направленіе и обѣщалъ лишь, для лучшей оріентировки Командира корпуса генерала Булгакова, предоставить въ его распоряженіе кавалерію.

Однако, послѣдняя къ корпусу не прибыла, а на слѣдующій день, 13-го февраля, подъ вечеръ, кавалерія противника заняла Сейны, которыя къ этому времени были уже пройдены почти всѣми обозами корпуса и значительною частью артиллерійскихъ парковъ. Такимъ образомъ, корпусъ съ этого дня остался лишь при обозахъ 1-го разряда, слѣдующихъ всегда при войскахъ, и ближайшихъ къ войскамъ эшелонахъ артиллерійскихъ парковъ.

14-го февраля Командиръ корпуса, вынуждаемый обстановкой, вновь рѣшилъ вернуться къ предположенію о движеніи корпуса, вмѣсто Мереча, на Сопоцкинъ и Гродну; вмѣстѣ съ тѣмъ, для прикрытія этого движенія, имъ была намѣчена высылка прикрывающихъ отрядовъ къ сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ выходамъ изъ Августовскихъ лѣсовъ, откуда могло ожидаться появленіе германцевъ, все болѣе и болѣе обходившихъ корпусъ съ сѣвера. Но это предположеніе было вновь отклонено штабомъ арміи, который указывалъ, что направленіе на Сопоцкинъ является тыловымъ путемъ XXVI-го корпуса, долженствовавшаго отходить южнѣе XX-го корпуса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, распоряженіемъ штаба арміи, XX-му корпусу на 14-ое и 15-ое февраля ставилась задача — своимъ расположеніемъ въ раіонѣ Сувалокъ, прикрывать отходъ XXVI-го корпуса отъ с. Рачки и выходъ его на шоссе Сувалки — Августовъ, южнѣе перваго изъ названныхъ пунктовъ. Во исполненіе этой задачи, XX-й корпусъ, въ теченіе 14-го февраля, оставался у Сувалокъ, а на слѣдующій день выдерживалъ бой съ германцами на позиціи въ пяти верстахъ южнѣе Сувалокъ у Юзефова.

Въ теченіе этихъ двухъ дней обозначилось серьезное давленіе непріятеля на корпусъ не только съ фронта, но и въ обходъ обоихъ фланговъ, съ явной тенденціей выхода войскамъ корпуса, съ ихъ праваго фланга, въ тылъ. На дорогѣ Сейны — Махарце уже съ утра 15-го февраля былъ слышенъ артиллерійскій гулъ, свидѣтельствовавшій о стремленіи противника сбить прикрывавшій эту дорогу отрядъ, высланный отъ войскъ, отступавшихъ черезъ Августовъ. Положеніе корпуса осложнилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, при новомъ нападеніи на обозъ корпуса, нѣмцами была отбита искровая станція, и, такимъ образомъ, штабъ корпуса былъ лишенъ средства для поддержанія прямой и удобной связи съ сосѣдями и штабомъ арміи.

Отходъ корпуса на Сопоцкинъ могъ начаться только 16-го февраля. Высланный впередъ арьергардъ, долженствовавшій открыть дорогу на Серкилясъ, столкнувшись съ надвигавшимися съ сѣвера частями 41-й герм. пѣх. дивизіи, сбилъ ихъ и одержалъ надъ ними блестящую побѣду, въ результатѣ которой было взято нами до 2000 плѣнныхъ и 14 орудій. Однако, движеніе всѣхъ силъ корпуса могло идти лишь крайне медленно. Наступившая незадолго передъ началомъ движенія оттепель превратила грунтовую дорогу, по которой шли войска корпуса, въ настоящій потокъ грязи; повозки и орудія грузли, а

отъ ухабовъ—нерѣдко переворачивались; люди и лошади, отъ голодовки и многодневныхъ напряженій, окончательно выбились изъ силъ. При такихъ условіяхъ, можно было расчитывать на выходъ изъ лѣсовъ только къ утру 18-го, но высланная впередъ развѣдка донесла къ этому времени, что передовыя позиціи Гродненской крѣпости заняты непріятелемъ, сильно укрѣпившимся фронтомъ къ сѣверо-западу. Попытки связаться съ Гродной посылкою отдѣльныхъ людей не удавались, а со стороны Липска доносилась все время сильная канонада. Между тѣмъ, съ сѣвера и запада нажимъ противника становился все сильнѣе. По добытымъ свѣдѣніямъ, то были части XXXVIII-го и XXXIX-го греманскихъ корпусовъ. Движеніе походныхъ колоннъ безпрерывно задерживалось ихъ атаками изъ лѣсовъ.

Атаку нѣмецкихъ позицій впереди Гродны рѣшено было произвести всѣми силами корпуса; поэтому, въ цѣляхъ сбора войскъ, пришлось отложить ее на однѣ сутки и начать таковую только 19-го февраля. — Атака эта, несмотря на геройскія усилія войскъ, не удалась и привела къ кровавымъ потерямъ; были части, которыя, собравшись послѣ атаки въ Августовскихъ лѣсахъ, сохранили въ своихъ рядахъ едва 10% отъ первоначальнаго ихъ состава.

На слѣдующій день положеніе корпуса ухудшилось еще болѣе. Повтореніе атаки на укрѣпленныя позиціи нѣмцевъ не обѣщало успѣха, а между тѣмъ, войска корпуса сдавливались противникомъ съ фланговъ и тыла все болѣе на крайне тѣсномъ лѣсномъ пространствѣ. Люди и лошади принуждены были оставаться безъ пищи и крова; уменьшилось до предѣла количество патроновъ. Числительная сила корпуса едва достигала нѣсколькихъ тысячъ штыковъ, при 22-хъ батареяхъ. Такимъ образомъ, пѣхота, въ сущности, составляла только прикрытіе для своей артиллеріи, изъ которой ни одна батарея еще не была потеряна.

При такихъ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, оставалось испытать лишь одно, послѣднее средство — попытаться ночнымъ маршемъ, по возможности незамѣтно, пробиться къ Гроднѣ, на соединеніе со своими. Былъ найденъ проводникъ, который взялся провести колонну по лѣсной болотистой тропѣ, извѣстной однимъ мѣстнымъ жителямъ. Но организовать въ короткій срокъ маршъ всѣмъ корпусомъ представилось крайне трудною задачею, и въ ночь на 21-ое по намѣченному пути удалось безпрепятственно проскользнуть въ Гродну лишь авангарднымъ частямъ, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, безъ артиллеріи. Что касается главныхъ силъ корпуса, то онѣ оказались къ утру названнаго дня еще болѣе сжатыми непріятелемъ на тѣсномъ пространствѣ вокругъ одиноко стоявшей небольшой мельницы, у выхода изъ Августовскихъ лѣсовъ. Здѣсь, несмотря на геройское сопротивленіе — до послѣдняго патрона не только артиллерійскаго, но даже револьвернаго, остатки корпуса были частью уничтожены, частью взяты въ плѣнъ. — Послѣднія вспышки сопротивленія были подавлены непріятелемъ къ двумъ-тремъ часамъ дня 21-го февраля.

Такъ, по разсказамъ участниковъ, рисуется трагическая гибель частей, входившихъ, въ періодъ отступленія 10-й арміи изъ Восточной Пруссіи, въ составъ одиноко пробивавшагося XX-го арм. корпуса...

Интересно отмѣтить, что указанная нѣсколько выше попытка Гродненскаго гарнизона и частей, сосредоточившихся у Липска, облегчить положеніе XX-го корпуса, путемъ наступленія на Сопоцкинъ и южнѣе, совпала по времени именно съ послѣднимъ днемъ сопротивленія главныхъ силъ этого корпуса въ Августовскихъ лѣсахъ.

Занятіе XV-мъ корпусомъ основной линіи фортовъ Гродненской крѣпости, оборона которой была усилена огнемъ крѣпостной артиллеріи, и прочное удержаніе позицій вдоль верхняго Бобра войсками XXVI-го и III-го сиб. корп. съ подошедшими къ нимъ подкрѣпленіями, остановили дальнѣйшее развитіе германскаго маневра; попытки непріятеля, видимо направленныя къ форсированію Бобра и дальнѣйшему выходу во флангъ и тылъ войскамъ, находившимся на Бобръ - Наревскомъ участкѣ, не удались. Столь же безрезультатными оказались стремленія германцевъ овладѣть Осовцомъ, со стороны Граево. Эта небольшая крѣпостца, имѣя во главѣ энергичнаго коменданта генерала Бржозовскаго и поддерживаемая дѣйствіями полевыхъ войскъ, доблестно отражала атаки непріятеля и стойко выдерживала огонь германской тяжелой артиллеріи. Защита Осовца заслужила у насъ почетную извѣстность и лишній разъ доказала, что, при комбинированныхъ дѣйствіяхъ съ полевой арміей, оборона даже технически слабой крѣпости можетъ имѣть успѣхъ, несмотря на современныя средства наступающаго.

Извѣрившись въ возможности достигнуть дальнѣйшаго успѣха, нѣмцы въ первыхъ числахъ марта стали постепенно отходить въ сѣверо-западномъ направленіи, прикрываясь сильными арьергардами.

Оцѣнивая февральскую наступательную операцію 8-ой и 10-ой германскихъ армій, мы должны признать, что она принесла нашему противнику крупный успѣхъ. Наша 10-ая армія оказалась вынужденной оставить территорію Восточной Пруссіи, и на сей разъ окончательно. Мы понесли вновь очень чувствительныя потери людьми и въ матеріальной части и нашему военному престижу былъ нанесенъ въ Восточной Пруссіи въ третій разъ тяжелый ударъ. Идея упроченія праваго фланга нашего стратегическаго фронта, путемъ овладѣнія Восточной Пруссіей и выдвиженія къ нижней Вислѣ, была вновь дискредитирована тактической побѣдой германцевъ надъ нами.

Однако, на верхнемъ Бобрѣ дальнѣйшимъ планамъ германцевъ, поскольку они касались всего нашего С.-З. фронта, былъ положенъ предѣлъ. Мысль о глубокомъ охватѣ нашихъ правобережныхъ армій, которая, повидимому, не безъ основанія приписывается германскому командованію на восточномъ фронтѣ, потерпѣла полную неудачу. Обходившія насъ войска даже не рискъ-

пули закрѣпиться на занятыхъ ими мѣстахъ и должны были начать отходъ на болѣе поданный назадъ и сокращенный фронтъ.

Съ точки зрѣнія нашихъ западныхъ союзниковъ, происшедшее отвлеченіе на нашъ фронтъ четырехъ германскихъ корпусовъ, изъ коихъ три совершенно свѣжихъ и сформированныхъ съ особою заботливостью, должно было, конечно, оцѣниваться, какъ фактъ чрезвычайно для нихъ благопріятный. Подготовлявшійся противъ нихъ очередной ударъ былъ отведенъ въ нашу сторону. — Англійское военное министерство получило возможность продолжать работу по дальнѣйшему развитію своей вооруженной силы, а французское командованіе оказалось въ состояніи провести задуманное имъ второе наступленіе въ Шампани. Наступленіе это было начато въ серединѣ февраля и тянулось на протяженіи почти мѣсяца.

Въ періодъ отхода главныхъ силъ 10-ой арміи на фронтъ Гродна — Осовецъ, наши 12-ая, а затѣмъ и 1-ая армія выполняли, согласно новаго плана генерала Рузскаго, доложеннаго имъ на совѣщаніи 17-го февраля, свое новое сосредоточеніе, имѣя задачею обезпечивать обладаніе: 12-ая армія — линіею нижняго Бобра и Нарева до р. Оржица, и 1-ая армія — фронтомъ Праснышъ—Цѣхановъ—Плонскъ—Вышгородъ. На всемъ этомъ фронтѣ противникъ неизмѣнно усиливался и проявлялъ необычайную активность въ направленіяхъ на Ломжу, Новогродъ, Остроленку и Праснышъ. По оцѣнкѣ генерала Рузскаго, данной имъ 20-го февраля, усилія нѣмцевъ «направляются нынѣ на линію Осовецъ—Ломжа—Остроленка, съ цѣлью прорвать здѣсь наше расположеніе и захватить Варшаву съ востока». Попытки непріятеля пробиться къ Нареву, которыми въ дѣйствительности была заполнена вся вторая половина февраля, нигдѣ, впрочемъ, не увѣнчались успѣхомъ. На Ломжинскомъ направленіи наступленіе германцевъ было остановлено контръ-ударомъ нашей гвардіи и V-го корпуса, а на направленіяхъ къ Новогроду и Остроленкѣ германцы встрѣтились съ наступательнымъ порывомъ нашего IV-го сиб. корпуса. Что касается направленія на Праснышъ, то здѣсь, стремительнымъ натискомъ двухъ корпусовъ, непріятелю удалось 24-го февраля овладѣть названнымъ пунктомъ, защищавшимся нашими сибиряками съ выдающимся упорствомъ. Однако, въ результатѣ смѣлаго контръ-удара 27-го февраля, организованнаго нами, нѣмцы дорого заплатили за свой временный успѣхъ. Они принуждены были бросить Праснышъ и спѣшно отступить къ сѣверу, оставивъ въ нашихъ рукахъ до десятка тысячъ плѣнныхъ.

Съ окончаніемъ сосредоточенія 12-ой и 1-ой армій, совпавшимъ, по времени, съ неудачной попыткой германцевъ форсировать верхній Бобръ, всѣ наши три правобережныя арміи С.-З. фронта должны были перейти въ общее наступленіе. Верховный Главнокомандующій, ввиду недостаточнаго притока укомплектованій и огнестрѣльныхъ припасовъ, счелъ, однако, необходимымъ ограничить наступательную задачу этихъ армій предѣлами собственной территоріи и, въ соотвѣтствіи съ симъ, поставилъ цѣлью ихъ дальнѣйшихъ дѣй-

ствій занятіе войсками лишь такого положенія, которое отвѣчало бы задачѣ активной обороны подступовъ къ среднему Нѣману, Бобру и Нареву. Къ тому же, въ этотъ періодъ времени, вниманіе Верховнаго Главнокомандующаго, отчасти по соображеніямъ политическимъ, отчасти же подъ вліяніемъ докладовъ Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ, все болѣе фиксировалось на идеѣ широкихъ наступательныхъ дѣйствій на Австро-Венгерскомъ театрѣ; осуществленіе же этой мысли требовало усиленія войскъ Ю.-З. фронта, что могло быть выполнено лишь за счетъ войскъ генерала Рузскаго. При такихъ условіяхъ, задачи С.-З. фронта естественно подлежали возможному сокращенію. Тѣмъ не менѣе, на ходатайство Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта о томъ, чтобы не ставить запрета къ овладѣнію южной частью Мазурскихъ озеръ, что, по мнѣнію генерала Рузскаго, давало преимущество, въ смыслѣ сокращенія фронта, Верховный Главнокомандующій выразилъ свое согласіе.

Общее наступленіе 10-й, 12-й и 1-й армій началось 2-го марта.

10-ая армія (генерала Радкевича), усиленная подкрѣпленіями, вынуждена была при своемъ движеніи, вести упорные бои съ нѣмецкими аріергардами, нерѣдко переходившими въ энергичныя контръ-атаки. Тѣмъ не менѣе, къ концу марта она вышла на фронтъ Тракишки (не доходя Кальваріи) — оз. Сейвы-Саенокъ. Особый Ковенскій отрядъ выдвинулся въ направленіи къ Маріамполю; отрядъ генерала Апухтина — оставался въ раіонѣ Таурогена и небольшой отрядъ генерала Потапова — у Плунгяны. Послѣдній, въ двадцатыхъ числахъ марта, произвелъ внезапный налетъ на Мемель, однако, закончившійся вскорѣ поспѣшнымъ отступленіемъ въ наши предѣлы.

Города Маріамполь, Кальварія, Сувалки и Августовъ — остались въ рукахъ германцевъ и усиленно ими укрѣплялись.

Что касается 12-й и 1-й армій, то на фронтѣ противъ нихъ германцы продолжали замѣтно усиливаться. Повидимому они перебрасывали сюда свои силы не только съ лѣваго берега р. Вислы, но также изъ состава войскъ, отходившихъ назадъ съ фронта верхняго Бобра и средняго Нѣмана. Уже къ 7-му марта развѣдка С.-З. фронта опредѣляла ихъ силы между р.р. Лекъ и Вислой — въ девять корпусовъ. Это обстоятельство затрудняло развитіе названными выше арміями наступательныхъ дѣйствій. Весь мартъ мѣсяцъ прошелъ на этомъ фронтѣ въ упорныхъ кровопролитныхъ бояхъ, имѣвшихъ, по преимуществу, характеръ встрѣчныхъ дѣйствій. Въ серединѣ марта мы въ раіонѣ Прасныша успѣли нанести нѣмцамъ снова очень чувствительный ударъ со стороны Еднарожца, послѣ котораго они отказались отъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій и стали отходить къ своимъ границамъ.

Къ началу апрѣля на всемъ Восточно-Прусскомъ фронтѣ постепенно установилось равновѣсіе, которое вынудило обѣ стороны признать дальнѣйшую активную дѣятельность, при сложившихся условіяхъ, обреченной на неудачу и потому безцѣльной.

26-го марта въ Главнокомандованіи С.-З. фронтомъ произошла крупная перемѣна. Генералъ Рузскій, по состоянію своего здоровья, просилъ объ освобожденіи его отъ занимаемой должности и въ тотъ же день новымъ Главнокомандующимъ арміями С.-З. фронта былъ назначенъ генералъ Алексѣевъ.

Постъ Начальника штаба Ю.-З. фронта, по ходатайству генерала Иванова, занялъ генералъ Драгомировъ (Владиміръ).

Хотя новое назначеніе генерала Алексѣева было слѣдствіемъ дѣйствительной болѣзни генерала Рузскаго, тѣмъ не менѣе оно имѣло опредѣленно идейный характеръ. Это назначеніе явилось въ результатѣ принятаго уже въ то время Верховнымъ Главнокомандующимъ рѣшенія о перенесеніи центра дальнѣйшихъ дѣйствій въ Галичину. При этихъ условіяхъ, отвѣтственная задача обезпеченія праваго фланга нашего стратегическаго фронта должна была разрѣшаться иными методами, чѣмъ тѣ, кои имѣлись въ виду до сихъ поръ. Генералъ Алексѣевъ, который всегда являлся противникомъ непосредственнаго овладѣнія Восточной Пруссіей и сосредоточенія противъ нея крупныхъ силъ, былъ именно тѣмъ лицомъ, на котораго могло быть возложено рѣшеніе этой крайне трудной задачи, съ затратою на нее возможно меньшихъ силъ.

Еще 19-го марта Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Янушкевичъ собственноручнымъ письмомъ на имя Главнокомандующихъ фронтами сообщалъ, что «отнынѣ Верховный Главнокомандующій имѣетъ своей основной цѣлью перейти всѣмъ С.-З. фронтомъ къ чисто оборонительнаго характера дѣйствіямъ, а Ю.-З. фронту предназначаетъ главнѣйшую задачу будущей части кампаніи. Общая идея при этомъ та, чтобы дѣйствовать активно, нажимая съ лѣваго фланга Ю.-З. фронта, продвигаясь въ направленіи примѣрно на Буда-Пештъ и далѣе въ обходъ всей линіи Краковъ—Познань—Торнъ».

Въ дальнѣйшей части письма говорилось о предстоявшей переброскѣ войскъ на Ю.-З. фронтъ, для его усиленія и обезпеченія успѣха его дѣйствій, а также о томъ, что планъ этотъ сообщенъ, для свѣдѣнія, Главнокомандующему французской арміей генералу Жоффру, и что характеръ новыхъ предположеній и дѣйствій одобренъ Государемъ, который выразилъ, «что это именно то, что онъ сдѣлалъ бы Самъ».

Выше мною были изложены лишь нѣкоторыя обстоятельства, вліявшія на зарожденіе и постепенное закрѣпленіе новаго рѣшенія Верховнаго Главнокомандующаго; поэтому я имѣю въ виду вернуться къ этому вопросу еще разъ. Пока же отмѣчу, что лично я, какъ читатель вѣроятно успѣлъ замѣтить, не являлся сторонникомъ столь коренного поворота въ постановкѣ цѣлей войны. Я былъ и оставался въ убѣжденіи о необходимости направленія главныхъ нашихъ усилій противъ Германіи и поэтому полагалъ, что съ австро-венгерской арміей намъ надлежитъ считаться лишь постолько, посколько она способна мѣшать выполненію нашей основной задачи. Равнымъ образомъ, мнѣ всег-

да казалось, что, съ разгромомъ Германіи, будутъ сразу достигнуты всѣ разнообразныя цѣли войны, какого бы характера вопросовъ эти цѣли ни касались. Поэтому политическія соображенія, на мой взглядъ, не должны бы доминировать надъ стратегіей. Способомъ дѣйствій, наиболѣе дѣйствительнымъ и скорѣе ведущимъ къ основной цѣли, было, разумѣется, развитіе нами наступательныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу р. Вислы «въ направленіи на Берлинъ». Но, трезво оцѣнивая недостаточную маневренную подготовку нашей арміи и слабо развитую желѣзнодорожную сѣть, я полагалъ, что указанное наступленіе можетъ имѣть успѣхъ лишь послѣ твердаго закрѣпленія положенія на флангахъ нашего стратегическаго фронта, слишкомъ поданныхъ назадъ и потому представлявшихъ большую опасность. Отсюда то вниманіе, которое я всегда удѣлялъ Восточно-Прусскому театру, изъ котораго организація удара, въ обходъ нашего фланга, представляла нашимъ противникамъ особыя выгоды и удобства. Но если овладѣніе Восточной Пруссіей и выходъ къ нижней Вислѣ имѣли, въ моихъ глазахъ, серьезное значеніе въ наступательный періодъ нашей стратегіи, когда можно было еще расчитывать крупной тактической побѣдой исправить дефекты стратегическаго положенія, то тѣмъ больше вниманія слѣдовало, на мой взглядъ, придавать этимъ задачамъ съ того времени, когда нашему наступленію на лѣвомъ берегу р. Вислы былъ положенъ предѣлъ; противникъ на этомъ берегу прочно закрѣпился, а недостатокъ тяжелой артиллеріи, бѣдность укомплектованій и огнестрѣльныхъ припасовъ присуждали насъ въ дальнѣйшемъ къ выжидательному, вѣрнѣе же, просто оборонительному образу дѣйствій. При изложенныхъ условіяхъ, невыгодность нашего растянутаго дугообразнаго положенія, при которомъ центральная часть дуги выдавалась къ сторонѣ противника болѣе чѣмъ на 250 верстъ, а фланги были глубоко откинуты назадъ, не могла не давать себя чувствовать особенно остро; наличіе же мощныхъ желѣзныхъ дорогъ у непріятеля въ Восточной Пруссіи и выгодное географическое положеніе этого раіона, для нанесенія изъ него ударовъ вглубь нашей собственной территоріи и въ обхватъ всѣхъ нашихъ дѣйствующихъ армій, должны были сугубо привлекать наше вниманіе къ этому больному для насъ участку фронта. — Дальнѣйшія событія показали, что, при условіи оборонительнаго образа дѣйствій на С.-З. фронтѣ, Восточно-Прусскій раіонъ далъ возможность нашимъ противникамъ-германцамъ развить свои удары не только по лѣвому, но и по правому берегу Нѣмана, заставивъ насъ удлинить еще болѣе свой растянутый фронтъ, включеніемъ въ него обширнаго Риго-Шавельскаго раіона, черезъ который пролегали кратчайшіе пути къ столицѣ Имперіи — Петербургу, или по новому — Петрограду[1]), и къ другимъ важнымъ раіонамъ Государства. По всѣмъ этимъ причинамъ, я продолжалъ считать, что, при складывавшейся обстановкѣ и нашихъ ограниченныхъ возможностяхъ, намъ все же надлежало стремиться прежде всего къ овладѣнію Восточной Пруссіей. — Среднимъ рѣшеніемъ было бы сохраненіе на С.-З. фрон-

---

[1]) Насколько помню, малоудачное съ исторической точки зрѣнія распоряженіе о таковомъ переименованіи послѣдовало въ январѣ 1915 года.

тѣ занятаго нами въ концѣ марта положенія, путемъ прочнаго закрѣпленія позицій и накопленія сильныхъ резервовъ; наиболѣе же рискованнымъ, съ моей точки зрѣнія, долженъ былъ быть признанъ — переносъ наступательныхъ дѣйствій въ Австрію, съ неизбѣжнымъ углубленіемъ въ неудобное по климатическимъ условіямъ время въ Карпаты, которое отнимало возможность всякой переброски войскъ съ одного участка фронта на другой.

Моя точка зрѣнія, правильность коей я здѣсь не имѣю въ виду отстаивать, принята не была. Отвѣтственный руководитель войной призналъ соотвѣтственнымъ стать на другой путь. Усвоить новую директиву и честно работать въ ея духѣ — таковой, съ момента принятія Верховнымъ Главнокомандующимъ новаго рѣшенія, должна была быть обязанность всѣхъ чиновъ Штаба, доколѣ служба и дѣятельность каждаго изъ этихъ чиновъ въ Ставкѣ признавалась тѣмъ же Верховнымъ Главнокомандующимъ полезной и необходимой для дѣла. Просьба моя о предоставленіи мнѣ возможности ознакомиться съ войной въ должности строевого начальника не встрѣтила сочувствія у Начальника Штаба. Я продолжалъ занимать постъ Генералъ- Квартирмейстера и, въ мѣрѣ моихъ силъ и пониманія, стремился обезпечить успѣхъ новаго плана, ни на минуту не забывая, впрочемъ, о тѣхъ опасностяхъ, кои могли угрожать всему нашему стратегическому положенію съ сѣвера.

Генералъ Алексѣевъ вступилъ въ Главнокомандованіе арміями С.-З. фронта 30-го марта.

Согласно директивы, въ этотъ же день сообщенной ему отъ имени Верховнаго Главнокомандующаго генераломъ Янушкевичемъ, ближайшія задачи С.-З. фронта должны были заключаться въ томъ, чтобы сохранить положеніе армій этого фронта на лѣвомъ берегу р. Вислы и не допустить развитія дальнѣйшаго наступленія нѣмцевъ между Нѣманомъ и Вислою, для чего указывалось на необходимость занятія на правомъ берегу Вислы возможно выгоднаго положенія для активной обороны Нѣмана, Бобра и Нарева. Затѣмъ, въ той же директивѣ отмѣчалась необходимость прочнаго закрѣпленія и усовершенствованія необходимыхъ для войскъ позицій и скорѣйшаго образованія сильныхъ резервовъ, «какъ для возможности контръ-маневровъ, въ соотвѣтствіи съ обстановкой, такъ и для выполненія основной мысли Верховнаго Главнокомандующаго, изложенной въ письмѣ на имя Генералъ-Адъютанта Рузскаго № 1718». Это то самое письмо, которое мною уже цитировалось и въ которомъ генералъ Янушкевичъ сообщалъ Главнокомандующимъ о перенесеніи главной задачи будущей части кампаніи на войска Ю.-З. фронта. — «Болѣе широкими задачами на С.-З. фронтѣ, говорилось далѣе въ той же директивѣ, Верховный Главнокомандующій не считаетъ возможнымъ задаваться. Его Императорское Высочество признаетъ необходимымъ и чрезвычайно важнымъ направить всѣ силы къ тому, чтобы въ кратчайшее время пополнить существующій въ арміяхъ С.-З. фронта некомплектъ, опредѣляющійся, по послѣднимъ даннымъ, въ 320 т. человѣкъ. Доведеніе армій С.-З. фронта до полнаго состава сразу дастъ

намъ огромное превосходство въ силахъ надъ противникомъ, имѣющимъ нынѣ въ Восточной Пруссіи и на лѣвомъ берегу Вислы до Пилицы всего 41 пѣх. дивизію, въ то время, какъ арміи С.-З. фронта насчитываютъ въ себѣ 57 пѣх. дивизій, а, съ возстановленіемъ дивизій XX-го корпуса, — 59½ дивизій, при огромномъ превосходствѣ въ кавалеріи. Съ укомплектованіемъ армій С.-З. фронта до штатнаго состава, явится полная возможность образовать столь необходимые сильные свободные резервы, кои дадутъ возможность съ одной стороны въ полной мѣрѣ упрочить положеніе самихъ армій С.-З. фронта, а съ другой — использовать часть свободныхъ силъ въ цѣляхъ выполненія намѣченныхъ въ письмѣ № 1718 предначертаній Верховнаго Главнокомандующаго».

Генералъ Алексѣевъ горячо взялся за пополненіе ввѣренныхъ ему армій всѣмъ необходимымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принялъ мѣры къ выводу изъ фронта ряда корпусовъ и дивизій, для образованія необходимыхъ резервовъ. Затѣмъ, имъ были разработаны соображенія для частичнаго сокращенія протяженія фронта въ арміяхъ и приступлено къ подготовкѣ ряда тыловыхъ позицій. Всѣ эти мѣры приводились генераломъ Алексѣевымъ въ исполненіе съ присущими ему настойчивостью и послѣдовательностью.

Ставъ въ отвѣтственное положеніе по отношенію къ арміямъ С.-З. фронта и ближе ознакомившись съ обстановкою на этомъ фронтѣ, генералъ Алексѣевъ, въ рядѣ документовъ, составившихъ его переписку со Ставкой, счелъ необходимымъ изложить свои взгляды на общее положеніе дѣлъ и ближайшія задачи обоихъ фронтовъ.

Ознакомленіе съ сущностью этихъ документовъ представитъ тотъ интересъ, что, даже изъ краткаго обзора ихъ, со всею отчетливостью выступитъ то обычно наблюдаемое различіе въ оцѣнкѣ обстановки однимъ и тѣмъ же лицомъ, которое зависитъ отъ точки «стоянія» или положенія этого лица, по отношенію къ развертывающимся событіямъ.

Вопреки формулѣ, многими приписывавшейся генералу Алексѣеву, что «нашъ путь на Берлинъ лежитъ черезъ Вѣну», онъ, въ письмѣ отъ 6-го апрѣля къ генералу Янушкевичу, категорически заявляетъ, что, по его глубокому убѣжденію, «основною операціонною линіей на Берлинъ должна считаться сѣть путей отъ Варшавы. Пути черезъ Австрію, по своей длинѣ, сложности, необезпеченности не могутъ почитаться желательными». Пораженіе австрійской арміи, говоритъ въ томъ же письмѣ генералъ Алексѣевъ, «являлось задачею промежуточной», и переходъ въ наступленіе на Ю.-З. фронтѣ «былъ предпринятъ, какъ слѣдствіе заминки дѣлъ на С.-З. фронтѣ, какъ контръ-маневръ противъ сбора значительныхъ силъ противника на путяхъ къ Перемышлю, съ попутнымъ нанесеніемъ австрійцамъ пораженія». Принимая къ исполненію указаніе Верховнаго Главнокомандованія о перебросѣ на Ю.-З. фронтъ III-го Кавк. корпуса, о чемъ будетъ сказано въ дальнѣйшемъ изложеніи, новый Главнокомандующій на С.-З. фронтѣ добавляетъ: «я полагалъ бы, что дальнѣйшая переброска войскъ на Галичскій театръ, съ точки зрѣнія общихъ интересовъ, нежелательна».

Наконецъ, всего лишь черезъ двѣ недѣли по вступленіи въ должность, генералъ Алексѣевъ, касаясь въ письмѣ въ Ставку отъ 15-го апрѣля, вопроса объ очередныхъ задачахъ армій ввѣреннаго ему фронта, сообщаетъ, что, по его мнѣнію, въ настоящее время «было бы непосильно развивать ударъ въ широкихъ размѣрахъ на лѣвомъ берегу р. Вислы, не имѣя конечной цѣли произвести вторженіе въ Германію». И далѣе — «слѣдовательно, хотя съ общей точки зрѣнія и нежелательно развивать операцію на правомъ берегу р. Вислы, но прійдется задаться скромною частною цѣлью, лишь бы не оставаться въ бездѣйствіи; прійдется поставить задачу — нанесенія частнаго пораженія противнику и угрозы вторженія въ тѣ области, которыя онъ такъ ревниво охраняетъ и такъ заботливо подготовилъ къ упорной оборонѣ».

Развивая въ дальнѣйшей части того же письма свои взгляды на различныя операціонныя направленія, ведущія въ Восточную Пруссію, генералъ Алексѣевъ, въ результатѣ своихъ разсужденій, приходитъ къ выводу, что наилучшимъ способомъ дѣйствій на этомъ театрѣ являлось бы — «короткимъ, но рѣшительнымъ ударомъ, наносимымъ достаточными силами, разбить нѣмцевъ, отбросить ихъ на Инстербургъ — Летценъ, не имѣя, однако, въ виду дальнѣйшаго углубленія въ предѣлы Восточной Пруссіи, приближенія къ Кенигсбергу и борьбы за Мазурскія озера. Захватъ раіона, при содѣйствіи 12-й арміи, отъ устья Нѣмана на Инстербургъ — Лыкъ привлечетъ сюда силы нѣмцевъ и можетъ дать случай къ нанесенію частныхъ ударовъ противнику».

Мнѣ приходится извиняться передъ читателемъ, что я задержалъ его вниманіе на приведенныхъ выпискахъ изъ подлинной переписки генерала Алексѣева со Ставкою. Но это являлось необходимымъ, чтобы отмѣтить, что и новый Главнокомандующій арміями С.-З. фронта, исходя впрочемъ изъ другихъ основаній, подошелъ, въ концѣ концовъ, все къ тому же выводу о цѣлесообразности нашихъ дѣйствій въ сторону Восточной Пруссіи. Разница, и надо сказать — существенная, лишь въ томъ, что генералъ Алексѣевъ, имѣя въ виду невозможность развитія нами широкаго наступленія на лѣвомъ берегу р. Вислы, хотѣлъ наступленіемъ въ сторону Восточной Пруссіи заполнить свободное время («чтобы не остаться въ бездѣйствіи» — какъ сказано въ цитированномъ уже письмѣ), причемъ основывалъ свои расчеты на слишкомъ проблематичной возможности появленія случая для нанесенія частныхъ ударовъ противнику; предположенія же Управленія Генералъ-Квартирмейстера Ставки предусматривали болѣе широкую, но за то и болѣе опредѣленную задачу — овладѣнія Восточной Пруссіей. Задача эта, какъ уже неоднократно отмѣчалось, расцѣнивалась оперативнымъ органомъ Ставки, какъ необходимая предпосылка къ наступательному плану войны, направленному противъ Германіи, пріобрѣтавшая еще большее значеніе при вынужденномъ переходѣ къ оборонительному образу дѣйствій, пока еще не вылившемуся въ форму позиціонной войны, съ флангами, прочно упертыми въ море, или въ нейтральную границу.

И еще разница во взглядахъ заключалась въ томъ, что генералъ Алексѣевъ склоненъ былъ видѣть основную причину невозможности развитія нашего на-

ступленія на лѣвомъ берегу р. Вислы въ отвлеченіи значительныхъ силъ на Карпаты; по мнѣнію же оперативнаго органа Ставки эта причина являлась, хотя и очень существенной, но далеко не исчерпывавшей вопросъ. Надъ нею доминировали: слабая маневренность нашихъ войскъ, угрожающій некомплектъ, доходившій, какъ мы уже видѣли, на С.-З. фронтѣ въ среднемъ до 5—6 т. на дивизію (были полки, имѣвшіе едва 1000 штыковъ), и едва ли много меньшій въ частяхъ Ю.-З. фронта, а также крайне ограниченный притокъ огнестрѣльныхъ припасовъ, при каковомъ состояніи арміи едва ли вообще представлялось возможнымъ задаваться сколько-нибудь широкими цѣлями.

Соображенія генерала Алексѣева не поколебали, однако, рѣшенія Верховнаго Главнокомандующаго. Письмомъ отъ 27-го апрѣля генералъ Янушкевичъ сообщилъ Главнокомандующему С.-З. фронтомъ, что новая директива Верховнаго Главнокомандующаго не подлежитъ измѣненію, «особенно въ виду только что выяснившагося подписанія союзнаго договора съ нами и нашими союзниками Италіей». Вмѣстѣ съ тѣмъ, и идея короткаго удара въ предѣлы Восточной Пруссіи была отвергнута, какъ не имѣвшая опредѣленной стратегической основы.

Такимъ образомъ, С.-З. фронту предуказывалось строго оборонительное положеніе; его войска должны были служить источникомъ для усиленія армій генерала Иванова, стремившагося открыть себѣ пути въ Венгрію черезъ Карпаты.

ГЛАВА XV.

Черезъ Карпаты въ Венгрію. — Дарданельская экспедиція и военно-политическое положеніе на юго-востокѣ Европы весною 1915-го года. — Присоединеніе къ державамъ согласія Италіи

Читатель, изъ предыдущаго изложенія, уже знаетъ, что мысль о форсированіи Карпатъ родилась на Ю.-З. фронтѣ; что къ ея осуществленію детально подготовлялись на этомъ фронтѣ съ конца декабря, и что предстоявшимъ дѣйствіямъ придавался первоначально характеръ частной задачи — занятія болѣе выгоднаго положенія, «не растягивая при этомъ общаго стратегическаго фронта». — Главная задача въ предстоявшихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ приходилась на долю 8-й арміи (генерала Брусилова); эта армія должна была занять линію Эперьешъ — Кашау — Чапъ. Соотвѣтственно сему, сосѣдняя съ нею справа 3-я армія (генерала Радко Дмитріева), въ цѣляхъ связи и содѣйствія указанному наступленію, должна была значительно растянуться къ югу. Ввиду полученныхъ заданій, обѣ названныя арміи подлежали усиленію за счетъ остальныхъ армій Ю.-З. фронта.

Приготовленія къ форсированію Карпатъ не укрылись отъ вниманія нашихъ противниковъ и серьезно ихъ встревожили. Германское Верховное Командованіе увидѣло въ этихъ приготовленіяхъ угрозу Венгріи и нашло для себя необходимымъ придти австрійцамъ на помощь. Оно приступило, какъ мы

уже знаемъ, къ спѣшному сосредоточенію своей вновь сформированной, за счетъ войскъ лѣваго берега р. Вислы, «Южной» арміи на Мункачскомъ направленіи, съ очевидною цѣлью наступленія по путямъ на Стрый, что могло создать серьезную угрозу всему нашему положенію въ Галичинѣ. Попутно, усиливали свой фронтъ и австрійцы, подтягивая къ себѣ на Карпаты все, что только имѣлось въ ихъ распоряженіи. Какъ мы уже знаемъ, они готовились къ контръ-наступленію.

Въ такихъ условіяхъ, особо сложнымъ являлось наше положеніе на южномъ участкѣ Галичскаго фронта, на которомъ отъ Ужока до Румынской границы мы имѣли всего лишь нѣсколько пѣхотныхъ дивизій, по преимуществу второочередныхъ (VII-й и вновь сформированный XXX-й корпуса), поддержанныхъ конницей. Такъ какъ пассивная оборона въ горной странѣ является всегда образомъ дѣйствій мало благодарнымъ, то очерченная обстановка и вынудила 26-го января Ставку, хотя и съ трудомъ, согласиться на усиленіе войскъ Ю.-З. фронта XII-мъ корпусомъ, направленнымъ на наиболѣе угрожавшее направленіе Стрый — Мункачъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ставкой отданы были распоряженія о переброскѣ всѣхъ горныхъ батарей, имѣвшихся въ арміяхъ, на Карпаты; эта мѣра должна была значительно усилить наше положеніе на указанномъ фронтѣ, имѣвшемъ горный и лѣсной характеръ, мало-удобный для дѣйствій артиллеріи другихъ типовъ. Къ тому же, наша горная артиллерія, прекрасная въ баллистическомъ отношеніи, сохранила въ значительной степени свой запасъ боевыхъ припасовъ.

Наступленіе австрійцевъ и германцевъ на Карпатскомъ фронтѣ опредѣлилось въ полной мѣрѣ въ промежутокъ времени между 20-мъ и 24-мъ января. Это наступленіе обнаружилось на направленіяхъ отъ Бартфельда, Мезо-Лаборча, Мункача и въ раіонѣ Кирлибаба. Въ послѣднемъ раіонѣ нашъ слабый отрядъ принужденъ былъ начать отходъ на Селетинъ.

Съ цѣлью увеличенія шансовъ на успѣхъ, наши противники, съ нѣкоторыхъ поръ, стали распространять въ обширныхъ размѣрахъ среди нашихъ войскъ и населенія раіона военныхъ дѣйствій разнаго рода воззванія и обращенія, призывавшія къ прекращенію борьбы и къ миру. Пріемъ разложенія противной стороны, путемъ лицемѣрной пропаганды, видимо начиналъ пріобрѣтать у нихъ все большія права гражданства. Въ данный періодъ времени, съ особымъ рвеніемъ, его стали примѣнять австрійцы, не гнушавшіеся распространять среди нашихъ войскъ прокламаціи, якобы исходившія отъ имени Государя Императора, мирнымъ начинаніямъ коего, якобы, ставятся преграды. Хотя эта подпольная пропаганда не могла имѣть у насъ въ то время сколько нибудь замѣтнаго успѣха, тѣмъ не менѣе Великій Князь призналъ необходимымъ заклеймить провокаціонную дѣятельность непріятельскихъ агентовъ особымъ приказомъ по арміи. — Впослѣдствіи подобнаго рода воззванія стали пересылаться въ Россію черезъ нейтральныя страны, подъ видомъ пачекъ съ фотографической бумагой, шоколадныхъ плитокъ и т. п.

Дѣйствія непріятеля, предупредившаго насъ своимъ наступленіемъ, не оказали, однако, вліянія на предположенія Главнокомандующаго арміями Ю.-З. фронта. Генералъ Ивановъ счелъ лишь необходимымъ, для объединенія мѣръ по отраженію развивавшагося непріятельскаго удара и организаціи собственной контръ-атаки, подчинить генералу Брусилову всѣ войска, развернутыя на Карпатскомъ фронтѣ до Румынской границы (корпуса XXIV, XXII, VIII, VII и XXX). Наступленіе трехъ правофланговыхъ корпусовъ этой арміи началось 25—26-го января. Оно развивалось крайне медленно и только въ первыхъ числахъ февраля эти корпуса, преодолѣвая разнаго рода трудности, подошли къ Бартфельду и овладѣли участкомъ фронта Зборо — Мезо Лаборчъ. Юго-восточнѣе, на всѣхъ остальныхъ направленіяхъ, на которыхъ, согласно даннымъ Ю.-З. фронта, было обнаружено около 13—15-ти австро-германскихъ дивизій, намъ приходилось держаться оборонительно: у Лутовиско — конному корпусу генерала Хана Нахичеванскаго и на Мункачскомъ направленіи, въ раіонѣ Козювки, — второочередной дивизіи генерала Альфтана, постепенно подкрѣплявшейся частями XXII-го корпуса; части же XXX-го корпуса, дѣйствовавшія въ Буковинѣ, принуждены были, подъ давленіемъ непріятеля, наступавшаго со стороны Кирлибаба и Дорны-Ватры, отходить на Серетъ.

Прибытіе на Ю.-З. фронтъ XXII-го корпуса не остановило Главнокомандующаго Ю.-З. фронтомъ въ его стремленіи получить дальнѣйшія подкрѣпленія, и онъ предпринялъ въ Ставкѣ въ этомъ смыслѣ рядъ новыхъ шаговъ; при этомъ, генералъ Ивановъ счелъ необходимымъ отмѣтить, что передъ нимъ, въ случаѣ отказа, можетъ предстать даже необходимость отвести войска съ Карпатъ обратно къ сѣверу, «но тѣ геройскія усилія и большія жертвы, которыми куплено завоеванное пространство, — добавлялъ генералъ Ивановъ, — не позволяютъ принять это рѣшеніе, безъ риска окончательно подорвать вѣру войскъ въ своихъ начальниковъ». — Словомъ, повторялся старый, вѣроятно всѣмъ извѣстный, анекдотъ, какъ изъ топора варилась каша.

Верховный Главнокомандующій, хотя и склонявшійся уже въ это время къ мысли о необходимости дальнѣйшаго усиленія войскъ Ю.-З. фронта, чтобы вывести ихъ изъ труднаго положенія, тѣмъ не менѣе, съ наступленіемъ серьезныхъ затрудненій на С.-З. фронтѣ, которыя создались въ результатѣ наступленія германцевъ изъ Восточной Пруссіи, отдалъ предпочтеніе мѣрамъ по упроченію положенія на этомъ послѣднемъ фронтѣ. Въ убѣжденіи, что ударъ изъ Восточной Пруссіи въ тылъ нашимъ войскамъ С.-З. фронта грозитъ болѣе серьезными послѣдствіями, чѣмъ успѣхи германо-австрійцевъ въ Галичинѣ, Великій Князь согласился направить на С.-З. фронтъ почти обѣщанный генералу Иванову XV-й корпусъ.

Рѣшеніе о направленіи XV-го корпуса на С.-З. фронтъ было сообщено генералу Иванову, какъ мы уже знаемъ, телеграммой Верховнаго Главнокомандующаго отъ 10-го февраля; въ этой же телеграммѣ сообщалось о необходимости закрѣпить положеніе на Ю.-З. фронтѣ собственными средствами.

Ввиду такихъ указаній Великаго Князя, Главнокомандующій арміями

Ю.-З. фронта призналъ возможнымъ перебросить въ Галичину часть войскъ съ лѣваго берега р. Вислы, а именно XVII-й корпусъ и 2-ю стрѣлк. бригаду. Рѣшивъ ограничиться обороной на всемъ фронтѣ, генералъ Ивановъ, тѣмъ не менѣе, счелъ возможнымъ продолжать атаки 8-ой арміи на участкѣ Бартфельдъ—Ужокъ, преслѣдуя задачу — «сбить непріятеля и сбросить его войска на югъ отъ Карпатъ». Соотвѣтственно этому, лѣвый флангъ 3-ей арміи, для обезпеченія праваго фланга 8-ой арміи, долженъ былъ наносить противнику удары въ направленіи Новаго Сандеца и Альтъ Люблау. Такимъ образомъ стратегическія задачи на Ю.-З. фронтѣ сокращены не были.

Съ большими трудностями и жертвами наши геройскія войска 8-ой арміи продолжали лобовыя атаки на указанномъ имъ наступательномъ участкѣ, достигая, однако, попрежнему лишь мѣстныхъ результатовъ. На Мункачскомъ направленіи — яростныя атаки нѣмцевъ доблестно отбивались контръ-атаками нашихъ финляндскихъ стрѣлковъ; положеніе же на лѣвомъ флангѣ становилось все хуже, и части нашего XXX-го корпуса принуждены были отходить къ Днѣстру и Пруту.

Наконецъ нѣсколько словъ о положеніи подъ Перемышлемъ.—Гарнизонъ этой крѣпости, повидимому освѣдомленный о начавшемся наступленіи австро-германцевъ на Карпатахъ, сталъ болѣе активно проявлять свою дѣятельность; однако, части нашей 11-ой арміи успѣшно противодѣйствовали этому и постепенно сжимали кольцо обложенія.

Заминка въ достиженіи правофланговыми корпусами Карпатскаго участка фронта поставленной имъ задачи и тяжелое положеніе, создавшееся на лѣвомъ флангѣ того же участка, вынудили генерала Иванова, въ серединѣ февраля, вновь возобновить свои ходатайства передъ Великимъ Княземъ объ усиленіи войскъ Ю.-З. фронта за счетъ армій генерала Рузскаго; такимъ путемъ Верховное Главнокомандованіе все болѣе и болѣе втягивалось въ дѣло, лично задуманное Главнокомандованіемъ Ю.-З. фронтомъ и вначалѣ имъ проводившееся подъ видомъ частной операціи. Однако, и на сей разъ, Верховный Главнокомандующій не счелъ возможнымъ пойти на встрѣчу генералу Иванову. Напротивъ того, обстановка на С.-З. фронтѣ продолжала требовать спѣшной подачи войскъ на этотъ послѣдній фронтъ, и мы уже знаемъ, что съ лѣваго берега р. Вислы былъ взятъ III-й Кав. корпусъ, который первоначально намѣчалось направить въ Ораны, для предупрежденія возможности появленія германскихъ войскъ на правомъ берегу р. Нѣмана. Главнокомандующему же арміями Ю.-З. фронта рекомендовалось произвести необходимое усиленіе войскъ на угрожаемыхъ направленіяхъ его фронта, путемъ послѣдовательной рокировки войскъ съ лѣваго берега р. Вислы на правый.

Передъ генераломъ Ивановымъ выяснилась, такимъ образомъ, неизбѣжность коренной перегруппировки войскъ въ предѣлахъ своего собственнаго фронта; онъ и рѣшилъ къ ней приступить. На лѣвомъ берегу р. Вислы, къ югу отъ Пилицы, должны были оставаться корпуса XIV, XVI, Грен., XXV и

XXXI[1]), которые переходили въ подчиненіе Командующему 4-ой арміей генералу Эверту; Командующій же 9-ой арміей генералъ Лечицкій долженъ былъ объединить тѣ части, кои подлежали сбору на лѣвомъ флангѣ Карпатскаго фронта. Въ составъ этой новой арміи первоначально были намѣчены: XI-й, XVII-й, XVIII-й, XXX-й и II-й кавал. корпуса (всего 8½ пѣх. и 5 кон. дивизій); армія эта должна была развернуться примѣрно отъ Болехова до Румынской границы, имѣя своею задачею атаку противника, наступавшаго по направленію отъ Мармарошъ — Сигета на Надворную и повидимому стремившагося прорваться къ Днѣстру. Что касается сосѣдней съ нею 8-ой арміи, то, изъ ея состава, два корпуса (XXIV-й и XII-й) передавались, для удобства управленія, въ 3-ю армію, и обѣ эти арміи должны были продолжать атаки въ направленіи на Варанно и Гуменное, одновременно сковывая лѣвофланговыми корпусами 8-ой арміи противника, дѣйствовавшаго отъ Ужгорода, Мункача и Хуста.

Такимъ образомъ, отказъ Верховнаго Главнокомандующаго въ немедленномъ усиленіи войскъ Ю.-З. фронта не уменьшилъ и на сей разъ настойчивости генерала Иванова въ достиженіи цѣли, поставленной имъ передъ собою.

Намѣченная перегруппировка должна была закончиться въ послѣднихъ числахъ февраля. Находя, однако, силы 9-ой арміи недостаточными, тѣмъ болѣе что XVII-й корпусъ фактически не вошелъ въ составъ 9-ой арміи и впослѣдствіи влился въ 8-ую армію, генералъ Ивановъ представилъ 2-го марта Верховному Главнокомандующему записку съ ходатайствомъ «вернуть» ему III-й кавк. корпусъ и направить его немедленно въ раіонъ Галичъ — Журавно.

Просьба эта мотивировалась значительностью силъ, собранныхъ непріятелемъ на Станиславовскомъ направленіи, «для выполненія глубокаго обхода нашего лѣваго крыла».

«Я чуждъ выдвиженія на перый планъ дѣлъ порученнаго мнѣ фронта, — писалъ генералъ Ивановъ, — но я, въ докладѣ своемъ, исхожу только изъ оцѣнки общаго положенія. По моему разумѣнію, обстановка требуетъ: 1) сохраненія за нами лѣваго берега Вислы; 2) удержанія противника на сѣверномъ фронтѣ; 3) нанесенія рѣшительнаго удара противнику на югѣ».

Верховный Главнокомандующій, внимательно ознакомившись съ этой запиской, призналъ необходимымъ усилить генерала Иванова при первой возможности, какъ только выправится положеніе на С.-З. фронтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Великій Князь предрѣшилъ направленіе XXXIII-го корпуса, формировавшагося изъ частей Заамурскаго округа пограничной стражи, въ составъ Ю.-З. фронта, для включенія его въ 9-ую армію. Къ этимъ рѣшеніямъ Великій Князь пришелъ въ то время по соображеніямъ не только военнаго, но главнымъ образомъ политическаго порядка. Положеніе на Балканахъ стало складываться такъ, что могла явиться надежда на открытіе проливовъ. Данное обстоятельство, въ свою очередь, должно было повліять на настроенія колебавшихся нейтральныхъ государствъ, съ коими вновь завязались усиленные переговоры Державъ Согласія. Очевидно, что дипломатическіе

[1]) Сформированный изъ двухъ второочередныхъ дивизій.

переговоры съ этими государствами были бы значительно облегчены, если бы намъ удалось добиться рѣшительнаго успѣха на Австро-Венгерскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Кромѣ того, такой успѣхъ могъ поддержать моральное настроеніе въ Сербіи и, напротивъ того, подавляюще подѣйствовать на Турцію, которая получала все необходимое ей для веденія войны черезъ Австро-Венгрію.

Политика, такимъ образомъ, существенно вплеталась въ область стратегіи; она стала давить на рѣшенія послѣдней.

Почти весь мартъ мѣсяцъ прошелъ въ жестокихъ непрерывныхъ бояхъ встрѣчнаго характера, развернувшихся на лѣвомъ флангѣ 3-й и всемъ фронтѣ 8-й армій. Наши войска дрались съ необыкновеннымъ мужествомъ, на близкихъ разстояніяхъ, нерѣдко переходя въ рукопашную. Бои въ раіонахъ Смольника, Лупкова, Козювки и другихъ пунктовъ отмѣчены высокими подвигами нашихъ частей. Но наши противники не только оборонялись. Не жалѣя людей, ежедневно теряя ихъ тысячами, они, по поясъ въ снѣгу, стремительно рвали нашъ фронтъ. Особо упорный нажимъ непріятеля шелъ на нашъ VIII-й корпусъ, противъ котораго были обнаружены и германскія части. Повидимому послѣднія вкрапливались повсюду въ австрійскій фронтъ, для приданія ему устойчивости. Несмотря на порывъ нашихъ войскъ, намъ, въ общемъ, удавалось лишь ликвидировать наступательныя попытки непріятеля, видимо клонившіяся къ тому, чтобы деблокировать Перемышль. Болѣе рѣшительныхъ результатовъ, которые, въ конечномъ итогѣ, могли бы расшатать весь австро-германскій фронтъ на Карпатахъ, нами достигнуто не было: войскамъ были поставлены слишкомъ трудныя задачи по форсированію въ лобъ, въ зимнее время, безчисленныхъ горныхъ переваловъ.

Что касается 9-й арміи, то намѣчавшееся нами въ ея раіонѣ наступленіе задерживалось разнаго рода обстоятельствами. Австрійцы продолжали держать въ своихъ рукахъ Надворную, Делатынь и Коломыю.

22-го марта, послѣ шестимѣсячной блокады, палъ, наконецъ, Перемышль. Послѣдніе дни передъ сдачей осажденнымъ непріятелемъ производился очевидный разстрѣлъ всѣхъ крѣпостныхъ артиллерійскихъ запасовъ. Снаряды ежедневно бросались въ наше расположеніе тысячами. Затѣмъ, за три дня до паденія крѣпости, гарнизономъ ея была организована рѣшительная вылазка. Войска были снабжены довольствіемъ на нѣсколько дней, что свидѣтельствовало о намѣреніи ихъ пробиться на встрѣчу своимъ. Однако, вылазка была отражена войсками нашей 11-ой арміи. Въ день сдачи крѣпости, австрійцы, на разсвѣтѣ, стали взрывать форты; когда же наши войска перешли въ наступленіе, — надъ крѣпостью взвился бѣлый флагъ.

Ко дню сдачи крѣпости, гарнизонъ ея, взятый нами въ плѣнъ, числилъ въ своихъ рядахъ 9 генераловъ (комендантъ — генералъ Кусманекъ), 2500 офицеровъ и около 120 т. нижнихъ чиновъ. Ядро гарнизона составляла 23-я гонведная дивизія. — Вмѣстѣ съ гарнизономъ, въ наши руки перешло свыше 900 орудій.

Въ крѣпости повидимому существовало и поддерживалось комендантомъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что она будетъ освобождена австро-германскимъ наступленіемъ. — Только наличіемъ такого настроенія и можетъ быть объясненъ фактъ разработки въ крѣпости, въ періодъ ея блокады, проекта памятника, долженствовавшаго увѣковѣчить воспоминанія о ея защитѣ. Отлитыя модели барельефовъ къ этому памятнику были доставлены, послѣ паденія крѣпости, къ намъ, въ Ставку.

Паденіе Перемышля, стратегическая цѣнность котораго на Ю.-З. фронтѣ вообще говоря, преувеличивалась, имѣло въ сущности то значеніе, что имъ освобождалась, для дѣйствія на фронтѣ, 11-ая армія, въ составѣ двухъ корпусовъ, которые и вошли: XXVIII-й корпусъ въ составъ 8-й и XXIX-й въ составъ 3-й армій.

Новое усиленіе войскъ на Галичскомъ фронтѣ дало основаніе Главнокомандующему расширить задачи этого фронта еще болѣе. Директивой, отданной почти немедленно вслѣдъ за овладѣніемъ Перемышлемъ, генералъ Ивановъ указывалъ, что 3-я и 8-я арміи, прорвавъ центръ непріятельскаго расположенія, должны выйти на линію Варанно — Чапъ — Ужгородъ — Турка, т.-е., по существу, врѣзаться клиномъ въ австро-германскій фронтъ, для возможности развитія въ дальнѣйшемъ корпусами 8-ой арміи удара на Сатмаръ Немети — Хустъ, т. е. во флангъ и тылъ группѣ непріятельскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ 9-ой арміи. Что касается послѣдней, то таковая армія должна была удерживать замѣтно усилившагося передъ нею противника съ фронта и стремиться къ упроченію своего положенія на лѣвомъ флангѣ, для послѣдующаго удара со стороны Залещиковъ.

Такимъ образомъ, по существу, новый варіантъ плана прорыва въ Венгрію сводился къ тому, чтобы сжать съ обоихъ фланговъ непріятельскія войска, наступавшія на направленіяхъ отъ Мункача и Мармарошъ Сигета къ Стрыю и Станиславову. Варіантъ этотъ, однако, лишь въ слабой степени отражалъ идею, указанную Верховнымъ Главнокомандующимъ въ письмѣ генерала Янушкевича къ генералу Иванову отъ 19-го марта: «дѣйствовать активно, нажимая съ лѣваго фланга Ю.-З. фронта». Нажимъ съ этого фланга хотя и намѣчался, но несомнѣнно, что главный ударъ противнику генералъ Ивановъ имѣлъ ввиду наносить на фронтъ Уйгель — Чапъ.

Рекомендуя изложенный выше способъ дѣйствій со стороны лѣваго фланга, Верховное Главнокомандованіе имѣло ввиду, что, движеніемъ нашихъ войскъ отъ Буковины, ставились подъ угрозу съ праваго фланга всѣ непріятельскія войска, оборонявшія горные проходы черезъ Карпаты къ сѣверо-западу отъ указанной области. Продвигая впередъ лѣвый флангъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, могли расчитывать сгладить невыгодное очертаніе нашего общаго стратегическаго фронта, характеризовавшагося, какъ уже не разъ отмѣчалось, далеко поданными назадъ крыльями; на первое же время — могло быть достигнуто даже нѣкоторое сокращеніе этого фронта. Съ другой стороны, австрійцы, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, имѣли въ то время на своемъ правомъ

флангѣ еще ограниченныя силы, поддержка коихъ затруднялась бѣднымъ развитіемъ и недостаточною пропускною способностью ихъ желѣзно-дорожной сѣти въ данномъ раіонѣ. Слабость непріятельскихъ силъ должна была облегчить наше наступленіе, все же трудное по мѣстнымъ условіямъ.

Въ противовѣсъ этимъ соображеніямъ, Главнокомандованіе арміями Ю.-З. фронта настойчиво выдвигало и осуществляло планъ прорыва нашихъ войскъ въ Венгерскую равнину со стороны Восточныхъ Бескидъ. Въ основаніи этого плана несомнѣнно должна была лежать крайне низкая оцѣнка состоянія австро-венгерской арміи, каковая армія повидимому признавалась штабомъ Ю.-З. фронта неспособной противостоять всякому на нее натиску. Ударъ намѣчался по кратчайшимъ направленіямъ къ пунктамъ, составлявшимъ сердце Венгріи; онъ долженъ былъ расколоть на составныя части всю Австро-Венгерскую монархію и сдѣлать нашей добычей всѣ войска, оборонявшія горные хребты юго-восточнѣе Лупковскаго и Ужокскаго переваловъ. Несомнѣнно, что планъ этотъ отличался смѣлостью замысла и грандіозностью тѣхъ результатовъ, кои достигались имъ, при условіи успѣха. Но въ немъ были и опасныя стороны, значительно умалявшія его достоинства. Несоотвѣтствіе съ силами и средствами, трудность лобовыхъ ударовъ, новая растяжка фронта и необезпеченность операціи со стороны праваго фланга, подвергавшагося возможности контръ-удара непріятеля съ запада, — таковы были главнѣйшія соображенія, говорившія не въ его пользу.

Весьма рискованно высказываться вообще о преимуществахъ того или другого плана, особенно на разстояніи времени. Послѣднее сглаживаетъ неуловимыя детали обстановки, которая въ военномъ дѣлѣ превалируетъ надъ всѣми другими соображеніями теоретическаго порядка. Къ тому же, всякій неудавшійся планъ значительно облегчаетъ его критику. И съ этой точки зрѣнія планъ генерала Иванова легко уязвимъ. Но, съ другой стороны, надо имѣть ввиду и трудность доказательства того положенія, что Вашъ планъ, читатель, противополагаемый принятому, не былъ бы въ дѣйствительности обреченъ на такую же, или еще худшую неудачу. — Будемъ поэтому осторожны въ своихъ сужденіяхъ. Несомнѣнно, однако, что, для успѣха дѣла, исполнителемъ плана долженъ быть его составитель. По существу, всякій планъ есть результатъ субъективнаго творчества и потому не можетъ быть, безъ вреда дѣлу, навязываемъ, для исполненія, другому лицу. Поэтому и въ данномъ случаѣ, при наличіи разномыслія, со стороны Верховнаго Главнокомандующаго возможны были лишь два рѣшенія: предоставленіе полной свободы дѣйствій Главнокомандующему Ю.-З. фронтомъ, или же личное руководство операціями на Галичскомъ фронтѣ, съ непосредственнымъ подчиненіемъ Верховному Главнокомандованію армій этого послѣдняго фронта. Такъ какъ, по смыслу дѣйствовавшаго положенія о пол. упр. войскъ въ военное время, Главнокомандующій арміями фронта долженъ былъ оставаться свободнымъ въ выборѣ способовъ и средствъ для исполненія поставленной ему стратегической задачи и такъ какъ изложенное выше разномысліе касалось не столько существа, сколь-

ко способа осуществленія данной Ю.-З. фронту общей задачи, то этими соображеніями и опредѣлилось окончательное отношеніе Верховнаго Главнокомандующаго къ плану, намѣченному генераломъ Ивановымъ.

Но здѣсь снова умѣстно подчеркнуть невыгодную сторону организаціи нашей Дѣйствующей Арміи, подраздѣлявшейся на два слишкомъ крупныхъ и поэтому самостоятельныхъ фронта. Наличіе нѣсколькихъ войсковыхъ группъ, непосредственно подчиненныхъ главному руководителю войсками, конечно, сокращало бы масштабъ задачи каждой изъ этихъ группъ и тѣмъ увеличивало бы вліяніе Верховнаго Главнокомандующаго на ходъ военныхъ операцій, выгодно централизируя въ его рукахъ веденіе войны. Но осуществленіе новой схемы управленія, во время самой войны, встрѣтило-бы чрезвычайныя препятствія, о коихъ я уже упоминалъ въ одной изъ предшествовавшихъ главъ.

Генералъ Ивановъ былъ человѣкомъ, который не легко отказывался отъ разъ принятаго рѣшенія. Крайне рѣдко и всегда неопредѣленно высказывавшійся, медленно усваивавшій всякую стратегическую мысль, онъ, однако, молчаливо и искусно преодолѣвая всѣ попутныя препятствія, съ слѣпымъ упорствомъ шелъ къ разъ поставленной себѣ цѣли. — Была ли основная мысль прорыва черезъ Восточные Бескиды собственной мыслью генерала Иванова — на этотъ вопросъ мнѣ никогда не удавалось дать себѣ опредѣленный отвѣтъ. Ни генералъ Ивановъ, ни его ближайшій сотрудникъ того времени генералъ Алексѣевъ, никогда не высказывались по этому поводу. Но, для исторіи, полезно отмѣтить, что основная идея прорыва проводилась на Ю.-З. фронтѣ съ одинаковой настойчивостью какъ при генералѣ Алексѣевѣ, такъ и послѣ отъѣзда его на С.-З. фронтъ. Лишь много времени спустя, при нашемъ послѣднемъ свиданіи во Псковѣ, зимою 1916—17-го г. Н. І. Ивановъ высказалъ мнѣ, что Карпатская операція, долженствовавшая свести всю австрійскую армію къ нулю, была ему представлена подъ видомъ «готовой зажаренной птицы»,[1]) которую надлежало только переложить на тарелку, чтобы удобнѣе проглотить. Затѣмъ онъ добавилъ, что весь этотъ періодъ войны найдетъ себѣ правдивое отраженіе въ тѣхъ документахъ, которые находятся въ его распоряженіи. Будетъ конечно большой потерей, если окажется, что оба названные лица — генералы Ивановъ и Алексѣевъ, занимавшіе въ нашей арміи высокое и почетное положеніе и нынѣ ушедшіе въ могилу, унесли съ собою тайну и подробности зачатія и рожденія этой операціи, оказавшейся для Россіи очень тяжелой по послѣдствіямъ.

Во исполненіе директивы, отданной въ концѣ марта Главнокомандующимъ арміями Ю.-З. фронта генераломъ Ивановымъ, 3-я и 8-я арміи продолжали наступленіе и, послѣ сверхчеловѣческихъ усилій, лѣвофланговые корпуса 3-й арміи (XXIV-й, XII-й и XXIX-й) въ десятыхъ числахъ апрѣля овладѣли главнымъ Бескидскимъ хребтомъ. Примѣрно къ этому же времени и корпуса 8-ой арміи стали спускаться съ главнаго хребта. Продвинувшись отъ своего

[1]) Подлинное выраженіе генерала Иванова.

первоначальнаго направленія примѣрно на одинъ переходъ, они стали выходить на фронтъ Смольникъ — Комарникъ. Успѣхи эти, при всей ихъ значительности, были конечно все же очень далеки отъ тѣхъ перспективъ, кои рисовались генералу Иванову. Непріятель оказывалъ намъ упорное сопротивленіе, причемъ на Мезо-Лаборчскомъ направленіи были обнаружены германскія части, переброшенныя сюда не только съ р. Пилицы, но и съ западнаго фронта. — На лѣвомъ флангѣ 8-ой арміи, въ раіонѣ XXII-го корпуса, продолжалась упорная борьба за высоты у Козювки. Борьба эта затянулась до конца апрѣля, но закончилась переходомъ этихъ высотъ въ руки нѣмцевъ.

Что касается раіона 9-ой арміи, то правофланговые корпуса этой арміи (XI-й и XVIII-й) успѣли продвинуться нѣсколько впередъ и занять фронтъ отъ Вышкова на Грабовецъ и Ворону. На лѣвомъ же флангѣ этой арміи, нѣсколько выше Залещиковъ, австрійцамъ удалось одно время переправиться даже черезъ р. Днѣстръ, а на Новоселицкомъ направленіи — оттѣснить наши войска къ границѣ. Однако, блестящими атаками нашихъ конныхъ дивизій II-го и III-го кав. корпусовъ, австрійцамъ было нанесено жестокое пораженіе, послѣ котораго они отошли назадъ и укрылись за своими укрѣпленными линіями.

Любопытно, попутно, отмѣтить, что въ составъ II-го кав. корпуса входила Кавказская туземная конная дивизія, которая, въ обиходѣ, получила названіе «Дикой» дивизіи. Дивизія эта состояла изъ шести полковъ, соотвѣтствовавшихъ шести главнымъ туземнымъ племенамъ Кавказа, не несшимъ воинской повинности; такимъ образомъ, полки комплектовались исключительно добровольцами, причемъ были случаи поступленія на службу въ одинъ и тотъ же полкъ мужского поколѣнія разныхъ возрастовъ, цѣлыхъ семей.

Офицерскій составъ въ полкахъ этой дивизіи былъ смѣшанный: на половину изъ русскихъ офицеровъ, на половину изъ туземныхъ.

Дивизіей командовалъ братъ Государя Великій Князь Михаилъ Александровичъ. Начальникомъ Штаба его былъ — полковникъ Юзефовичъ.

Кавказская туземная конная дивизія входила въ составъ II-го кав. корпуса генерала Хана-Нахичеванскаго вмѣстѣ съ 12-ой кав. дивизіей. — Въ 1916-мъ году въ командованіе названнымъ корпусомъ вступилъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Наши отмѣченные выше успѣхи въ раіонѣ 9-ой арміи не получили, однако, дальнѣйшаго развитія. Лѣвый флангъ этой арміи долженъ былъ предварительно усилиться двумя новыми корпусами: XXXIII-мъ, ядро котораго должны были составить части Заамурскаго округа пограничной стражи, и XXXII-мъ корпусомъ, составленнымъ изъ ополченскихъ частей.

Ополченскія части стали вообще постепенно вступать въ строй, какъ боевыя части. На С.-З. фронтѣ онѣ включались преимущественно въ гарнизоны крѣпостей; на Ю.-З. же фронтѣ онѣ приняли участіе въ обложеніи Перемышля, а затѣмъ — стали выдвигаться и въ боевыя линіи. Постепенно изъ нихъ формировались дивизіи нормальнаго состава.

Сопротивленіе противника, все болѣе насыщавшагося германскими войсками, перебрасывавшимися на Карпаты, какъ мы видѣли, не только съ лѣваго берега р. Вислы, но и съ ихъ западнаго фронта; громадныя потери и утомленіе нашихъ войскъ; снѣгъ въ горахъ и распутица въ долинахъ, — все это до крайности замедляло развитіе нашего наступленія. Уже въ началѣ апрѣля становилось болѣе или менѣе яснымъ, что это наступленіе въ сущности захлебнулось, и что задача вторженія въ Венгрію должна быть признана неосуществившеюся. — «При такихъ обстоятельствахъ, — писалъ 10-го апрѣля генералъ Ивановъ, повидимому уже отдавшій себѣ отчетъ въ положеніи дѣлъ, — представляется необходимымъ временно задержать наше продвиженіе впередъ, дабы привести войска въ порядокъ, организовать ихъ снабженіе и дожидаться прибытія подкрѣпленій».

Однако теперь въ Ставкѣ, рѣшившейся перебросить на Ю.-З. фронтъ III-й Кавк. корпусъ и направить туда же, въ распоряженіе генерала Иванова, Заамурцевъ, медлили разстаться съ мечтой о появленіи нашихъ войскъ на Венгерской равнинѣ. Теперь оттуда продолжали торопить съ продолженіемъ «незаконченной операціи», какъ выражался генералъ Янушкевичъ. Положеніе нашихъ войскъ, углубившихся въ Карпаты и тамъ задержавшихся, становилось, и въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе рискованнымъ. Уже съ конца марта лѣвое крыло 3-й арміи стало распространяться къ югу и втягиваться въ горы, въ результатѣ чего фронтъ этой арміи по р. р. Дунайцу и Бялѣ все болѣе терялъ свою прочность и устойчивость. При этихъ условіяхъ, ударъ со стороны Кракова, по правому берегу р. Вислы, могъ пріобрѣсти угрожающій характеръ по отношенію праваго фланга и даже тыла всѣхъ войскъ, дѣйствовавшихъ на Карпатскомъ фронтѣ. И, такимъ образомъ, — только скорѣйшій выходъ на Венгерскую равнину и разгромъ австро-венгерскихъ войскъ, которымъ генералъ Ивановъ обнадеживалъ все время Верховное Главнокомандованіе, могли вывести наши арміи изъ той рискованной обстановки, въ которой онѣ оказались.

Свѣдѣнія о группировкѣ непріятельскихъ войскъ въ раіонѣ Кракова стали поступать къ намъ уже съ середины февраля, но имъ справедливо не придавалось особаго значенія, какъ не подкрѣплявшимся документальными данными. Къ этому времени между русскимъ и французскимъ генеральными штабами установился непрерывный контактъ, въ отношеніи обмѣна данными о непріятелѣ, и, такъ какъ учетъ германскихъ силъ велся сообща и взаимно провѣрялся ,то крупная переброска съ одного фронта на другой едва ли могла бы укрыться отъ нашихъ развѣдывательныхъ органовъ. Однако, къ серединѣ апрѣля свѣдѣнія о сосредоточеніи новыхъ силъ непріятеля противъ насъ получили болѣе прочное обоснованіе. Ввиду этого и сомнѣваясь въ успѣхѣ нашего прорыва въ Венгрію, Генералъ-Квартирмейстеръ Ставки, съ своей стороны, находилъ необходимымъ заблаговременное образованіе на обоихъ фронтахъ свободныхъ резервовъ, о чемъ и ходатайствовалъ — особой памятной запиской отъ 12-го апрѣля, «ввиду несомнѣнной подготовки германцевъ къ новой операціи».

«Возможно и даже вѣроятно, — писалъ я, — что германцы имѣютъ ввиду собрать значительныя силы на австро-венгерской территоріи, дабы не дать развиться нашему наступленію за Карпаты, несомнѣнно ихъ обезпокоившему, какъ по военнымъ, такъ и по политическимъ причинамъ. — Имѣются указанія о вѣроятности удара германцевъ на центръ 3-ей арміи, съ цѣлью выйти на правый флангъ нашихъ войскъ, перевалившихъ главный Карпатскій хребетъ, каковой ударъ можетъ обѣщать успѣхъ, въ силу происшедшей растяжки фронта названной арміи».

Въ силу этихъ соображеній, я считалъ необходимымъ выдѣленіе въ распоряженіе Верховнаго Главнокомандующаго въ первую очередь одного корпуса изъ состава С.-З. фронта и удержаніе въ его-же рукахъ III-го Кавк. корпуса, перебрасывавшагося на Ю.-З. фронтъ къ Хырову. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ставкой были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія объ укомплектованіи этого выдающагося по своей доблести корпуса до полныхъ штатовъ и снабженіи его всѣмъ недостававшимъ имуществомъ.

Съ описываемымъ періодомъ времени связана поѣздка Государя въ Галичину. — Государь Императоръ давно выражалъ желаніе посѣтить этотъ край, освобожденный русской кровью, и только сдержанное отношеніе Великаго Князя Николая Николаевича къ этой поѣздкѣ отсрачивало ея осуществленіе. Насколько мнѣ извѣстно, Великій Князь опасался, что, рвеніемъ безотвѣтственныхъ лицъ, поѣздкѣ Государя можетъ быть придана ярко политическая окраска, которая являлась по тому времени безусловно несвоевременной и вредной вообще. Къ сожалѣнію, опасенія Великаго Князя оказались не безпочвенными, и за пребываніемъ Государя въ Галичинѣ не удалось сохранить характера простого посѣщенія Верховнымъ Вождемъ своихъ войскъ, находившихся на фронтѣ. Попытки расширить значеніе Высочайшаго путешествія внесли въ пребываніе Государя въ Галичинѣ довольно ощутительный диссонансъ. Долженъ впрочемъ, оговориться, что къ этимъ попыткамъ не былъ вовсе причастенъ Генералъ-губернаторъ Галичины графъ Бобринскій, повидимому раздѣлявшій осторожную точку зрѣнія Великаго Князя.

Государь, съ небольшой свитой, прибылъ въ Броды рано утромъ 22-го апрѣля. Со стороны Верховнаго Главнокомандованія Дѣйствующей Арміей Государя должны были сопровождать Верховный Главнокомандующій, Начальникъ его Штаба и Генералъ-Квартирмейстеръ. Вопросъ о сопровожденіи Государя Великимъ Княземъ разрѣшенъ былъ, однако, не безъ нѣкоторыхъ осложненій. Былъ моментъ, когда трехъ-четырехъ-дневное отсутствіе Верховнаго Главнокомандующаго изъ Ставки выдвигалось, какъ невозможное. Мотивъ этотъ, по существу, былъ, конечно мало основателенъ и несомнѣнно, что, въ данномъ случаѣ, при Дворѣ руководились какими то другими соображеніями. То или другое рѣшеніе безпокоило Великаго Князя прежде всего постолько, посколько неучастіе его въ поѣздкѣ могло способствовать болѣе отчетливому выявленію ея политическаго, а не узко-военнаго характера.

Изъ Бродъ Государь и сопровождавшія его лица, на автомобиляхъ, выѣха-

ли во Львовъ. По пути, вблизи Золочева, была сдѣлана остановка, чтобы выслушать краткій докладъ о бояхъ на Липѣ. По случайности, остановка пришлась у братской могилы павшихъ воиновъ 166 п. Ровненскаго полка, которымъ я имѣлъ честь командовать въ 1906—1908 годахъ. Во Львовѣ Государь остановился во дворцѣ Генералъ-губернатора. Въ первый же день состоялся оффиціальный пріемъ, затѣмъ торжественный обѣдъ. Графъ Бобринскій былъ пожалованъ званіемъ Генералъ-Адъютанта. На слѣдующее утро по желѣзной дорогѣ высокіе путешественники прибыли въ Самборъ — мѣсто расположенія штаба 8-й арміи. На вокзалѣ былъ выставленъ почетный караулъ отъ 4-й стрѣлк. «желѣзной» бригады, нарочито вызванный съ Карпатъ и произведшій своимъ блестящимъ видомъ глубокое впечатлѣніе. Передъ завтракомъ въ штабѣ 8-й арміи, Государь пожаловалъ генерала Брусилова званіемъ Генералъ-Адъютанта, оттѣнивъ этимъ значеніе наступательнаго порыва его войскъ. Затѣмъ состоялась поѣздка въ Хыровъ и смотръ III-му Кавк. корпусу. — Корпусъ представился щеголевато. — Апшеронцы — даже съ красными отворотами на сапогахъ, въ память исторической атаки при Кунерсдорфѣ, въ которой они, по преданію, наступали по колѣна въ крови. Вечеромъ — прибытіе въ Перемышль, торжественный молебенъ и привѣтствія. На слѣдующій день, 24-го апрѣля, посѣщеніе нѣсколькихъ полуразрушенныхъ нашимъ огнемъ и непріятельскими взрывами фортовъ, краткій докладъ о происходившихъ подъ крѣпостью событіяхъ, обѣдъ въ прекрасномъ помѣщеніи бывшаго австрійскаго офицерскаго собранія и отъѣздъ: до Львова — на автомобиляхъ, и далѣе — по желѣзной дорогѣ обратно въ Броды. По пути—остановки для выслушиванія торжественныхъ привѣтствій. Калейдоскопъ впечатлѣній и чудная радостная весенняя погода не способствовали сосредоточенію вниманія на серьезныхъ предметахъ и на внимательномъ изученіи создавшагося положенія. Все показанное говорило за движеніе впередъ и только впередъ, безъ сомнѣній и оглядки . . .

Чтобы выразить Верховному Главнокомандующему свое удовлетвореніе всѣмъ видѣннымъ, Государь пожаловалъ Великому Князю Николаю Николаевичу Георгіевскую саблю, украшенную бриллiантами, съ надписью: «За освобожденіе Червонной Руси».

Между тѣмъ, въ этотъ періодъ времени Германское Верховное Командованіе уже приступило къ выполненію своего новаго плана, въ корнѣ измѣнявшаго относительное значеніе союзныхъ фронтовъ. Увѣрившись въ прочности своего положенія на западномъ фронтѣ, германцы рѣшили перейти на немъ къ оборонительному образу дѣйствій и всѣ свои усилія направить на восточный фронтъ, противъ насъ. Въ пути съ запада на востокъ уже находились ихъ войска, предназначенныя для перваго удара, крупная артиллерія, необходимая для прорыва нашего фронта, безчисленные поѣзда съ боевыми припасами. Все это направлялось въ Галичину на участокъ фронта, между верхней Вислой и Бескидами. — Вскорѣ на восточный фронтъ прибыла и германская главная квартира.

«Сегодня съ утра ополченскія бригады, занимавшія позицію на правомъ флангѣ 3-ей арміи отошли подъ натискомъ противника отъ Дунайца; пока пріостановились на укрѣпленной позиціи въ верстахъ пяти и поддержаны Мстиславскимъ полкомъ изъ 4-ой арміи. Съ ночи начался жесточайшій обстрѣлъ, а затѣмъ и атака противникомъ лѣваго участка IX-го и всего фронта X-го корпусовъ», — такими словами начиналась телеграмма отъ 2-го мая начальника штаба Ю.-З. фронта, коей онъ сообщалъ въ Ставку о началѣ наступательныхъ дѣйствій германцевъ, направленныхъ противъ праваго фланга и центра 3-ей арміи. Въ дальнѣйшей части этой телеграммы указывалось, что незадолго передъ тѣмъ переданный въ распоряженіе генерала Иванова III-й Кавк. корпусъ подтягивается на Ясло и Змигродъ и что, съ подходомъ этого корпуса, положеніе въ центрѣ 3-й арміи, надо полагать, упрочится; что же касается праваго фланга той же арміи, то таковой внушаетъ опасеніе. — «Крайне желательно, — заключалъ свою телеграмму генералъ Драгомировъ, — неотлагательно направить одну дивизію въ раіонъ Мелецъ, хотя бы съ условіемъ вернуть ее обратно, если надобности въ ней не окажется. Удержаніе праваго фланга тѣмъ болѣе необходимо, что съ этимъ связано наше положеніе въ Привислинскомъ краѣ».

Къ содержанію этой телеграммы добавить нечего. — Она ярко характеризуетъ то ограниченное значеніе, которое придавалось въ штабѣ Ю.-З. фронта новому германскому наступленію въ начальный періодъ его развитія.

Между тѣмъ Императоръ Вильгельмъ, предвосхищая побѣду надъ нами, передавалъ по радіо своей сестрѣ, Королевѣ Эллиновъ, увѣренность въ окончательной побѣдѣ Германіи. — «Горе тѣмъ, — заканчивалъ Кайзеръ свою радіограмму, очевидно расчитанную на то, что она будетъ перехвачена всѣмъ міромъ, — кто оказываетъ мнѣ сопротивленіе».

Я не разъ уже подчеркивалъ, что на рѣшеніе Верховнаго Главнокомандующаго о перенесеніи центра нашихъ наступательныхъ дѣйствій въ Галичину серьезно давили политическіе факторы. И дѣйствительно, въ первые мѣсяцы 1915-го года дипломатія Державъ Согласія вновь сосредоточила свое искусство и усилія на томъ, чтобы, съ одной стороны, привлечь къ себѣ Италію и остававшіяся нейтральными Балканскія государства, а съ другой — окончательно вывести изъ игры Турцію. При такихъ условіяхъ, крупный военный успѣхъ нашихъ войскъ на Австро-Венгерскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій конечно могъ сыграть нѣкоторую роль, въ дѣлѣ благополучнаго разрѣшенія стоявшихъ передъ дипломатами задачъ. Въ наше распоряженіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, поступили свѣдѣнія, указывавшія на подготовку германцами широкаго наступленія на западѣ, которое должно было начаться весною 15-го года. Такимъ образомъ имѣлись основанія расчитывать, что наша операція на Карпатахъ не будетъ осложнена контръ-маневромъ германцевъ противъ насъ.

Въ серединѣ февраля мы получили извѣщеніе о пердстоящихъ дѣйствіяхъ соединеннаго флота Державъ Согласія въ Средиземномъ морѣ противъ Дарда-

нельскихъ укрѣпленій. Въ связи съ дѣйствіями флота, намѣчалась высадка на о. Лемносѣ англо-французскихъ войскъ, въ числѣ 80—85 т. человѣкъ. Войска эти предназначались для развитія и закрѣпленія результатовъ дѣйствій флота. Предполагалось, что операція форсированія пролива займетъ недѣли три-четыре. По нашему адресу была выражена надежда, что нашъ Черноморскій флотъ предприйметъ, съ своей стороны, также рядъ дѣйствій противъ Босфора съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ успѣха, обѣ эскадры — русская и англо-французская, — могли появиться одновременно передъ Константинополемъ. Союзная дипломатія придавала такой демонстраціи весьма важное значеніе, не считаясь съ невыполнимостью такого плана, требовавшаго почти математическаго расчета. Постепенно, надежды на наше содѣйствіе были расширены въ томъ смыслѣ, что строились расчеты на одновременный подходъ къ Константинополю и нашихъ сухопутныхъ войскъ.

Мнѣ недостаточно извѣстны подробности возникновенія и разработки этого плана, сложившагося по почину Англіи, но у насъ имѣлись свѣдѣнія, что генералъ Жоффръ, не являвшійся, впрочемъ, Верховнымъ Главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами Франціи, но лишь Главнокомандующимъ сѣверо-восточными арміями, дѣйствовавшими въ предѣлахъ Франціи, высказывался опредѣленно противъ новой операціи. Повидимому, онъ опасался раздѣленія силъ и ослабленія таковыхъ на ввѣренномъ ему фронтѣ. И дѣйствительно, съ началомъ выполненія этой операціи, на одномъ только Европейскомъ театрѣ войны зарождался уже четвертый, по счету, самостоятельный фронтъ, возникновеніе котораго должно бы, казалось, еще разъ выдвинуть вопросъ о созданіи высшаго центрующаго органа, для выработки общаго согласованнаго плана военныхъ дѣйствій и распредѣленія союзныхъ силъ и средствъ. Только авторитетомъ такого органа могло быть устранено все расширявшееся личное вліяніе на ходъ войны отдѣльныхъ государственныхъ дѣятелей Державъ Согласія, по существу являвшихся недостаточно компетентными въ военныхъ вопросахъ и не несшихъ на себѣ отвѣтственности за общій ходъ и конечный результатъ всей войны.

Несмотря на огромное значеніе открытія проливовъ для Россіи, Русское Верховное Главнокомандованіе отнеслось къ плану ихъ прорыва сдержанно. Благопріятный моментъ для такого прорыва былъ упущенъ. — Нынѣ Ставка не могла не оцѣнивать всей трудности подавленія, средствами флота, непріятельскаго берегового артиллерійскаго огня, организованнаго нѣмцами; она учитывала также возможность появленія въ проливахъ новаго серьезнаго фактора береговой обороны въ видѣ малыхъ подводныхъ лодокъ, и предугадывала тѣ неисчислимыя препятствія, которыя встрѣтятъ союзники при развитіи сухопутныхъ операцій на тѣсномъ Галлиполійскомъ полуостровѣ. Въ равной мѣрѣ, Ставка отдавала себѣ полный отчетъ въ томъ, что форсированіе Босфора силами и средствами нашего Черноморскаго флота является задачей невыполнимой, и что нельзя строить никакихъ иллюзій, при данныхъ условіяхъ, въ отношеніи дѣйствій дессантной арміи противъ Константинополя съ сухого пути. По-

этому Русское Верховное Главнокомандованіе склонялось болѣе къ той мысли, что важная проблема проливовъ должна, при сложившихся условіяхъ, получить благопріятное для насъ разрѣшеніе въ результатѣ побѣдоноснаго исхода всей войны, а не непосредственной военной операціей въ раіонѣ Константинополя. Послѣдняя, представляя большія техническія трудности, способна была поселить среди союзниковъ даже взаимную подозрительность и недовѣріе, а благополучный ея исходъ, конечно, не обезпечивалъ положительныхъ результатовъ, въ случаѣ общаго проигрыша войны. Точка зрѣнія Ставки, къ тому же, находила себѣ опору въ заявленіи Англійскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ сэра Э. Грея, сдѣланномъ имъ въ періодъ вступленія Турціи въ ряды нашихъ противниковъ и заключавшемъ въ себѣ опредѣленное обѣщаніе, что, въ случаѣ пораженія Германіи, вопросъ о судьбѣ проливовъ и Константинополя не можетъ быть разрѣшенъ иначе какъ въ соотвѣтствіи съ нашими пожеланіями. Что же касается вопроса о связи Россіи съ ея союзниками въ теченіе самой войны, то таковая конечно значительно облегчалась бы съ открытіемъ проливовъ; но болѣе достижимымъ, хотя и менѣе полнымъ, являлось установленіе сообщенія черезъ Мурманъ, а впредь до открытія желѣзнодорожной связи съ послѣднимъ, — черезъ Архангельскъ. Надо замѣтить, что на сѣверные пути сообщенія и связи съ Россіей въ это время уже было обращено должное вниманіе, и 15-го января открылось дѣйствіе вновь проложеннаго телеграфнаго кабеля между Шотландскимъ и Мурманскимъ побережьемъ. Постройка же рельсоваго пути отъ Мурмана была, къ сожалѣнію, начата только въ октябрѣ 15-го года и закончилась лишь къ ноябрю 16-го года. До этого времени приходилось ограничиваться сообщеніемъ черезъ Архангельскъ.

Уступая настроенію и желаніямъ союзниковъ, Великій Князь отдалъ соотвѣтствующія распоряженія Командовавшему Черноморскимъ флотомъ адмиралу Эбергардту объ оказаніи имъ возможнаго содѣйствія союзникамъ и согласованіи его дѣйствій съ дѣйствіями союзнаго флота. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кавказскому сухопутному начальству было отдано приказаніе о подготовкѣ десантнаго отряда, въ составѣ одного корпуса, изъ числа войскъ Кавказскаго фронта. Корпусъ этотъ (V-й Кавк.), перевезенный въ сѣверные порты Чернаго моря, съ одной стороны, могъ служить для демостративныхъ цѣлей по адресу Турціи, Болгаріи и Румыніи, а съ другой, — служить стратегическимъ резервомъ, для направленія его въ нужную минуту на главный западный фронтъ. Одновременно нами были приняты мѣры къ тому, чтобы въ союзной эскадрѣ, долженствовавшей дѣйствовать противъ Дарданеллъ, былъ представленъ нашъ Андреевскій флагъ. Для этого, въ составъ названной эскадры, былъ включенъ нашъ крейсеръ 1-го ранга «Аскольдъ», прибывшій съ Дальняго Востока; наше же морское министерство вступило въ переговоры о покупкѣ двухъ броненосцевъ въ Южной Америкѣ, которые, получивъ русскую команду, должны были поднять Андреевскій флагъ и, равнымъ образомъ, принять участіе въ Дарданельской экспедиціи. Наконецъ, союзникамъ предложена была отправка изъ Владивостока отряда, въ составѣ одного 4-хъ батальоннаго полка

пѣхоты, одной батареи и казачьей полусотни, общей численностью до 6 т. человѣкъ. Перевозка этого отряда, однако, не состоялась, «по недостатку у нашихъ союзниковъ свободнаго тоннажа».

Всѣ эти мѣропріятія являлись жестомъ политически необходимымъ для Россіи, въ виду первостепеннаго значенія тѣхъ вопросовъ, кои связывались съ Дарданельской операціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ставкѣ пришлось, черезъ дипломатическое вѣдомство, выступить передъ союзниками съ той казавшейся ей единственно правильной точкой зрѣнія, что въ міровой войнѣ, которая ведется союзниками сообща, относительное количество силъ, принимающихъ участіе въ той или другой частной операціи, каковой по существу являлась операція въ проливахъ, не можетъ служить основаніемъ для пропорціональнаго съ этими силами распредѣленія тѣхъ пріобрѣтеній, къ которымъ можетъ привести удачный оборотъ дѣлъ въ этой частной операціи. Мѣриломъ для распредѣленія пріобрѣтеній, въ результатѣ побѣдоносной войны должна служить лишь совокупность тѣхъ усилій и жертвъ, кои были проявлены и понесены союзными націями на всѣхъ театрахъ войны вообще, ради достиженія общей конечной цѣли. При этомъ, распредѣленіе это должно, конечно, отвѣчать тѣмъ интересамъ, ради которыхъ борющіяся Державы вступили въ союзъ и осуществленіе которыхъ является для нихъ жизненно-необходимымъ.

Въ такой постановкѣ, принятіе къ учету нашихъ интересовъ въ проливахъ, при заключеніи побѣднаго мира, получало вполнѣ прочное обоснованіе. Дѣйствительно, за истекшій періодъ войны Россіей было принесено очень много жертвъ, ради общихъ цѣлей и,въ частности, проявлено не мало самоотверженія, для облегченія положенія нашихъ союзниковъ на французскомъ фронтѣ. Не говоря уже объ общемъ количествѣ силъ, выставленныхъ Россіей, которое значительно превышало силы каждаго изъ ея союзниковъ въ отдѣльности, достаточно вспомнить о первомъ Восточно-Прусскомъ наступленіи и переносѣ военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ р. Вислы, каковыя операціи были задуманы не безъ особаго вниманія къ тяжелому положенію нашихъ союзниковъ и, во всякомъ случаѣ, въ соотвѣтствіи съ ихъ настойчивыми просьбами. По даннымъ, относившимся къ серединѣ марта, мы имѣли возможность констатировать, что всѣ мѣры германскаго командованія, клонившіяся къ усиленію его войскъ, поглощались потребностями восточнаго фронта, направленнаго противъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ германскія войска на нашемъ фронтѣ непрерывно, и въ значительной мѣрѣ, возрастали, число ихъ пѣхотныхъ дивизій на западномъ фронтѣ оставалось съ начала войны неизмѣннымъ, а кавалерія — постепенно даже убывала. Такимъ образомъ, Россія своими дѣйствіями, притягивала къ себѣ все болѣе и болѣе вниманіе главы враждебнаго Державамъ Согласія союза — Германіи, и за минувшій періодъ войны не допустила усиленія ея войскъ противъ Франціи и Англіи. Поучительно также отмѣтить, что наряду съ постоянной переброской войскъ съ западнаго фронта на нашъ, компенсировавшейся по большей части направленіемъ на западъ болѣе слабыхъ въ боевомъ смыслѣ формированій, нельзя бы-

ло указать ни одного случая, чтобы германская часть, появившаяся на нашемъ фронтѣ, была вновь переброшена на западъ. Русская армія, такимъ образомъ, крѣпко держала передъ собою все то, что направлялось германцами противъ нея. — Но значеніе Россіи, въ общей борьбѣ, должно будетъ выдвинуться еще рельефнѣе, если вспомнить, что она притянула на себя всю австро-венгерскую армію, облегчая этимъ веденіе дипломатическихъ переговоровъ съ Италіей и Румыніей и отстраняя удары отъ Сербіи; равнымъ образомъ, что ея войска на Кавказѣ разгромили лучшую изъ турецкихъ армій, предводимую Энверомъ, и вызвали этимъ ударомъ упадокъ духа въ Константинополѣ, каковой упадокъ несомнѣнно долженъ былъ отразиться на настроеніи войскъ не только въ Дарданеллахъ, но и въ Египтѣ и Мессопотаміи.

Россія, благодаря самоотверженнымъ дѣйствіямъ ея доблестныхъ армій и флота, имѣла поэтому полное право расчитывать на благопріятное для нея рѣшеніе вопроса о проливахъ, каковое рѣшеніе вызывалось ея жизненными интересами.

12-го марта великобританскій посолъ въ Петербургѣ вручилъ нашему Министру Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазонову меморандумъ, коимъ правительство Англіи выразило полное и окончательное согласіе на разрѣшеніе вопроса о проливахъ и Константинополѣ, согласно желаніямъ Россіи. 24-го марта нашъ посолъ въ Парижѣ А. П. Извольскій телеграфировалъ, что французскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ г. Делькассе сообщилъ ему о данномъ французскому послу въ Петербургѣ г. Палеологу предписаніи сдѣлать нашему Министру Иностранныхъ Дѣлъ, въ письменной формѣ, такое же заявленіе о Константинополѣ и проливахъ, какое было имъ получено отъ Великобританскаго посла.

Такимъ образомъ, Россія получила завѣреніе отъ своихъ главныхъ союзниковъ, что вопросъ о проливахъ, при заключеніи побѣднаго мира, будетъ разрѣшенъ въ положительномъ для нашего отечества смыслѣ.

Дарданельская операція возбудила къ себѣ огромный интересъ. Она подняла цѣлый рядъ самыхъ острыхъ и болѣзненныхъ вопросовъ, доставившихъ много заботъ союзнымъ дипломатамъ. По выраженію одного изъ нихъ: «не убивши медвѣдя, всѣ торопились дѣлить его шкуру».

Длительный и оживленный обмѣнъ мнѣніями распространился не только на выработку условій перемирія съ Турціей на случай, если послѣдняя, подъ впечатлѣніемъ форсированія Дарданеллъ, подниметъ вопросъ о выходѣ изъ войны, но и коснулся вопроса о главныхъ основаніяхъ будущаго общаго мира. Выходъ Турціи изъ войны казался обезпеченнымъ и, въ этомъ отношеніи, особыя надежды возлагались на слухи о возможности внутренняго переворота въ столицѣ Оттоманской Имперіи. Въ дипломатическихъ кругахъ, въ отношеніи Дарданельской операціи, царилъ такой оптимизмъ, что въ подробностяхъ обсуждался церемоніалъ вступленія союзныхъ войскъ въ Константинополь, причемъ принимались мѣры къ тому, чтобы ограничить претенціозность, въ этомъ

ритуалѣ, нѣкоторыхъ второстепенныхъ Державъ, къ тому же не примкнувшихъ еще къ Державамъ Согласія.

Перспектива возможнаго вступленія въ храмъ Св. Софіи пріобрѣла особую популярность въ Греціи, гдѣ до крайнихъ предѣловъ взволновалось общественное мнѣніе и печать. Всѣ въ этой странѣ сошлись въ требованіи принять участіе въ дѣйствіяхъ противъ Турціи и Константинополя. Правительство Венизелоса поспѣшило присоединиться къ общему порыву, и вопросъ о коопераціи греческаго флота и сухопутной арміи въ Дарданельской экспедиціи казался близкимъ къ разрѣшенію. Одинъ Король Константинъ продолжалъ настаивать на продолженіи политики нейтралитета, что даже привело къ паденію кабинета Венизелоса. Въ столицѣ Греціи можно было ожидать волненій и серьезныхъ безпорядковъ. Но постепенно все улеглось подъ впечатлѣніемъ тѣхъ затрудненій, кои были встрѣчены союзниками при выполненіи операціи.

Военныя дѣйствія противъ Дарданеллъ открылись 19-го февраля обстрѣломъ непріятельскихъ фортовъ, прикрывавшихъ входъ въ проливъ. Операція эта, по донесеніямъ съ мѣста, была признана выполненной успѣшно, и въ слѣдующіе дни союзный флотъ приступилъ къ очищенію входного фарватера отъ минъ. Но уже черезъ нѣсколько дней выяснилось, что начатая операція затягивается. Вмѣстѣ съ тѣмъ, союзный флотъ сталъ нести чувствительныя потери.

Только во второй половинѣ апрѣля союзники признали возможнымъ приступить къ подготовкѣ дессанта. Командовавшіе флотами — въ Средиземномъ морѣ французскій адмиралъ де-Робекъ и въ Черномъ морѣ адмиралъ Эбергардтъ — установили другъ съ другомъ сношенія по безпроволочному телеграфу и условились объ одновременности дѣйствій.

25-го апрѣля на разсвѣтѣ англо-французскія войска начали высадку на Галлиполійскомъ полуостровѣ. Одновременно, адмиралъ Эбергадтъ бомбардировалъ укрѣпленія Босфора. Встрѣченное при высадкѣ сопротивленіе турокъ было сломлено и союзныя войска въ послѣдующіе дни стали продвигаться впередъ, расширяя плацдармъ; однако, уже черезъ нѣсколько дней они были остановлены въ своемъ движеніи, не успѣвъ овладѣть командующими высотами надъ полуостровомъ.

Въ такомъ положеніи дѣло пріостановилось въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи на нѣсколько мѣсяцевъ. Иллюзіи быстраго захвата Галлиполійскаго полуострова и открытія проливовъ, при соприкосновеніи съ дѣйствительностью постепенно разсѣивались. Скученныя на тѣсномъ пространствѣ полуострова англо-французскія войска несли большія потери, а снабженіе ихъ, хотя и производившееся преимущественно по ночамъ съ баржъ, затруднялось дѣйствіями непріятельскихъ подводныхъ лодокъ. — Такъ дѣло тянулось до осени, когда выступленіе Болгаръ на сторонѣ нашихъ противниковъ отвлекло вниманіе союзниковъ въ другую сторону и лишило Дарданельскую экспедицію ея прежняго значенія. Окончательная ликвидація таковой экспедиціи закончи-

лась, однако, только, въ началѣ 1916-го года. — Вмѣстѣ съ нею исчезла и надежда на сепаратный выходъ изъ войны Турціи.

Съ прекращеніемъ Дарданельской экспедиціи отпала также надежда доставить во Францію черезъ Средиземное море заготовленную для нея въ портахъ Чернаго моря партію зерна, въ общемъ до 15 милл. пудовъ.

Что касается остальныхъ Балканскихъ государствъ, то, среди нихъ, наша союзница Сербія, послѣ разгрома, нанесеннаго ею въ концѣ 1914-го года австрійцамъ, получила продолжительную передышку. Австрія, отвлеченная начавшимся наступленіемъ русскихъ войскъ въ Карпатахъ, не возобновляла болѣе своихъ попытокъ къ широкому вторженію ея войскъ на сербскую территорію. Эта передышка дала возможность сербамъ заняться укомплектованіемъ ихъ арміи и, при содѣйствіи Россіи и ея союзниковъ, даже нѣсколько улучшить условія ея матеріальнаго снабженія. Не имѣя болѣе передъ собою противника, сербское правительство сосредоточило свое вниманіе на Албаніи, куда, вслѣдъ за сербскими войсками, потянулись и черногорцы. Это обстоятельство привело къ необходимости русскому Верховному Главнокомандованію высказаться въ Бѣлградѣ и въ Цетиньи въ томъ смыслѣ, что случайнымъ занятіемъ тѣхъ или другихъ пунктовъ не можетъ предрѣшаться вопросъ о будущемъ ихъ владѣніи и что общіе интересы союза требуютъ сосредоточенія всѣхъ силъ на борьбѣ съ главнымъ противникомъ на южномъ фронтѣ, т. е. съ Австро-Венгріей.

Въ концѣ января и началѣ февраля 1915-го года въ Англіи возникъ планъ отправки на сербскій театръ объединеннаго корпуса изъ войскъ Англіи, Россіи и Франціи. Предполагалось, что эта мѣра побудитъ Грецію, Румынію и Болгарію примкнуть къ державамъ Согласія. Вопросъ этотъ былъ поставленъ Ллойдъ-Джоржемъ на обсужденіе представителей трехъ союзныхъ Державъ, пользуясь прибытіемъ нашего Министра Финансовъ Барка въ Лондонъ и Парижъ. Мысль эта повидимому принадлежала лорду Китченеру; во всякомъ случаѣ онъ сильно ее поддерживалъ. Во Франціи къ этой мысли относились различно: въ общемъ боялись, что ея осуществленіе приведетъ къ ослабленію непосредственной помощи Англіи на западномъ фронтѣ. Въ Россіи предвидѣли значительныя трудности въ исполненіи намѣчавшагося плана, и притомъ не только съ военной точки зрѣнія, но и съ политической. Ставка не могла, конечно, не признавать значенія появленія союзныхъ войскъ въ центрѣ Балканъ, но при условіи, что съ этимъ появленіемъ будетъ связанъ успѣхъ ихъ оружія. Между тѣмъ, гарантировать этотъ успѣхъ было не въ нашихъ возможностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, наши противники занимали внутреннее положеніе и никто не могъ бы имъ помѣшать начать соотвѣтственную переброску своихъ силъ на сербскій фронтъ; при этомъ, на ихъ сторонѣ оказались бы, по сравненію съ нами, всѣ выгоды кратчайшихъ и удобнѣйшихъ сообщеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по географическимъ условіямъ, въ качествѣ базы и коммуникаціоннаго пути для союзнаго корпуса пришлось-бы оккупировать раіонъ Салоникъ и занять желѣзнодорожную линію на Гевгели. Это-же обстоятельство должно было

встрѣтить рѣшительное противодѣйствіе въ Греціи со стороны Короля Константина и сторонниковъ оріентаціи на Германію.

Кромѣ того, для такихъ дѣйствій не была подготовлена почва и въ Болгаріи, въ которой правительство Радославова все болѣе и болѣе сближало страну съ австро-германскимъ союзомъ. Враждебное Державамъ Согласія поведеніе этого правительства отчетливо выразилось уже въ первые мѣсяцы 15-го года и, между прочимъ, въ попустительствѣ нападеніямъ четъ на македонскую территорію. Пока нападенія таковыхъ носили националистическій характеръ, Державы Согласія еще могли находить объясненіе этому явленію. Но постепенно, цѣлью нападеній стало разрушеніе Салоникской желѣзнодорожной линіи, являвшейся путемъ сообщенія съ Сербіей, и потому эти нападенія приходилось уже оцѣнивать какъ дѣйствія, направленныя прямо противъ Державъ Согласія. Въ нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ имѣлись не подлежавшія сомнѣнію данныя о томъ, что, въ числѣ четниковъ, стали появляться австрійскіе наемники и турки; было даже доподлинно извѣстно имя организатора этихъ нападеній, занимавшаго въ Софіи оффиціальное положеніе при одной изъ враждебныхъ намъ дипломатическихъ миссій.

Державы Согласія уже не расчитывали болѣе на цѣлесообразность обращенія къ болгарскому Правительству съ простыми увѣщаніями; онѣ полагали, что только благополучный исходъ союзныхъ операцій противъ проливовъ и Константинополя, или еще лучше — появленіе русскихъ войскъ въ Варнѣ или Бургасѣ можетъ положить конецъ вредной дѣятельности кабинета Радославова и вызвать въ Болгаріи всеобщее движеніе въ пользу кооперации съ союзниками. Насколько мнѣ извѣстно, мысль о высадкѣ русскихъ войскъ въ одномъ изъ болгарскихъ портовъ и даже о вступленіи на болгарскую почву Императора Николая — внука Царя-Освободителя — поддерживалась даже нѣкоторыми болгарскими патріотами. Этимъ актомъ имѣлось въ виду создать опору народному движенію противъ нѣмецкаго вліянія. По мысли болгарскихъ патріотовъ, видную роль въ этомъ движеніи долженъ былъ сыграть генералъ Радко-Дмитріевъ, командовавшій у насъ въ это время на фронтѣ одною изъ армій.

Наконецъ, Румынія, указывавшая ранѣе на возможность ея выступленія на сторонѣ Державъ Согласія не ранѣе весны 15-го года, продолжала, подъ разными предлогами, затягивать переговоры, не стѣсняясь пропускать черезъ свою страну военную контрабанду, направлявшуюся въ Турцію.

Но наиболѣе рѣшительное значеніе придавалось нашими западными союзниками выступленію въ данный періодъ времени Италіи. Среди государственныхъ людей Англіи и Франціи сложилось мнѣніе, что война могла бы быть значительно сокращена во времени при условіи введенія въ нее какого-нибудь новаго фактора; таковымъ же признавалось выступленіе Италіи. Предполагалось, что примѣромъ послѣдней можетъ заразиться Румынія, Греція и даже Болгарія. Между тѣмъ, привлеченіе Италіи въ орбиту Тройственнаго Согласія представляло чрезвычайныя трудности. Съ одной стороны, Германія, убѣдившись въ невозможности заставить своего прежняго союзника присоединиться

къ себѣ, употребляла все свое вліяніе въ Вѣнѣ, чтобы, путемъ уступокъ австро-венгерскаго правительства, оторвать Италію отъ возможности соглашенія съ нами и купить хотя бы ея нейтралитетъ; послѣдній былъ важенъ для Германіи въ цѣляхъ извлеченія изъ Италіи средствъ питанія и для связи черезъ нее съ внѣшнимъ міромъ. Съ другой стороны, требованія Италіи продолжали быть чрезмѣрно широкими и не находились въ соотвѣтствіи съ тою помощью, которую возможно было ожидать отъ ея вступленія въ коалицію. Пожеланія Италіи, затрагивавшія существенные интересы Франціи и Англіи, встрѣтили со стороны этихъ Державъ твердый отпоръ. Оставались притязанія, направленныя въ ущербъ Сербіи и интересамъ славянства, естественной защитницей и покровительницей которыхъ являлась Россія. Такимъ образомъ, положеніе нашего правительства въ дѣлѣ переговоръ съ Италіей являлось особенно сложнымъ; оно усугублялось еще тѣмъ, что переговоры съ Италіей велись въ Лондонѣ, безъ прямого участія въ нихъ Россіи, которая, вслѣдствіе этого, иногда оказывалась передъ уже принятыми положеніями. Постепенно, дѣло сложилось такъ, что отвѣтственность за успѣхъ переговоровъ съ Италіей была переложена цѣликомъ на Россію.

Изъ донесеній, поступавшихъ отъ А. П. Извольскаго, нашему Министерству Иностранныхъ Дѣлъ надлежало вывести такое заключеніе, что, если въ послѣднюю минуту дипломатическіе переговоры съ Италіей будутъ сорваны, то это обстоятельство вызоветъ противъ насъ на западѣ «чувство глубокаго разочарованія и даже охлажденія».

Съ этими настроеніями намъ, разумѣется, приходилось считаться и потому, послѣ личнаго обращенія Президента французской Республики къ Императору Николаю, пришлось пойти навстрѣчу требованіямъ Италіи до крайнихъ предѣловъ. Послѣднія затрудненія были сглажены, и 26-го апрѣля 1915-го года состоялось, наконецъ, подписаніе основного соглашенія Державъ Согласія съ Италіей. Надо отмѣтить, что правительству Саландры не легко было совладать съ внутренними теченіями, стоявшими за дальнѣйшее сохраненіе Италіей нейтралитета.

Но разъ соглашеніе было достигнуто, обстановка требовала скорѣйшаго выступленія нашей новой союзницы. Мы выбивались въ это время изъ послѣднихъ силъ, чтобы нанести австрійцамъ смертельный ударъ форсированіемъ Карпатъ. Всякій нажимъ со стороны Итальянской границы, казалось, могъ облегчить разрѣшеніе этой задачи и избавить насъ отъ лишнихъ жертвъ и сопряженнаго съ нашимъ планомъ риска. Между тѣмъ, итальянское Правительство категорически заявило, что выступленіе Италіи не можетъ фактически начаться ранѣе мѣсяца со дня подписанія основного соглашенія, т. е. 26-го мая.

Другимъ крупнымъ пробѣломъ въ соглашеніи Италіи съ Державами Согласія было то обстоятельство, что этимъ соглашеніемъ оставленъ былъ въ неопредѣленномъ положеніи вопросъ объ объявленіи Италіей войны Германіи. Въ свою очередь и Германія не отвѣтила Италіи на разрывъ ея съ Австріей объявленіемъ войны. Кромѣ ряда второстепенныхъ неудобствъ, такое поло-

женіе создавало возможность нашему главнѣйшему противнику — Германіи — продолжать пользоваться Италіей въ своихъ цѣляхъ и даже сохранить въ Римѣ своего представителя, дѣятельность котораго должна была, конечно, имѣть вредный для Державъ Согласія характеръ. — Такимъ образомъ, вступленіе Италіи въ число нашихъ союзниковъ являлось, съ одной стороны, неполнымъ; съ другой же стороны, оно представляло въ распоряженіе нашихъ противниковъ мѣсячный срокъ, которымъ германцы не преминули воспользоваться, для организаціи рѣшительнаго удара противъ насъ.

Верховный Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ, высказалъ пожеланіе, чтобы переговоры о согласованіи дѣйствій сухопутныхъ итальянскихъ и русскихъ войскъ, посколько эти дѣйствія касались австро-венгерскаго театра военныхъ дѣйствій, были обсуждены у насъ въ Ставкѣ, съ участіемъ представителя итальянской арміи. Переговоры эти, въ которыхъ Италія была представлена своими военнымъ атташе въ Петроградѣ полковникомъ Ропполо, вылились въ форму военной конвенціи, подписанной 21-го мая. Въ этой конвенціи, впервые отъ начала войны, была сдѣлана болѣе систематическая попытка къ постановкѣ общей цѣли, къ выясненію, въ главныхъ чертахъ, характера группировки союзныхъ силъ, съ привлеченіемъ къ совмѣстной кооперации вооруженныхъ силъ Сербіи и Черногоріи, и къ установленію порядка измѣненія плана, въ случаѣ коренныхъ перемѣнъ въ обстановкѣ.

Согласно состоявшагося соглашенія, общей цѣлью дѣйствій всѣхъ четырехъ армій — русской, итальянской, сербской и черногорской — ставилось разбитіе непріятельскихъ силъ, находившихся на общемъ австро-венгерскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Для достиженія этой цѣли союзныя арміи обязывались: 1) собрать на этомъ фронтѣ максимумъ своихъ силъ, оставляя на другихъ фронтахъ лишь строго необходимое число войскъ, чтобы удержать стратегически необходимое положеніе, и 2) дѣйствовать въ полномъ согласіи между собой. Главной операціонной линіей для Италіи признавалось направленіе на Любляны (Лайбахъ), открывавшее дальнѣйшія перспективы на Вѣну или Будапештъ. Наступленіе сербской арміи признавалось желательнымъ въ сѣверо-западномъ направленіи, на сближеніе съ итальянской арміей. Наконецъ, предусматривалось, что, въ случаѣ коренной перегруппировки австро-венгерскихъ и германскихъ силъ, операціонный планъ можетъ подлежать переработкѣ, но имѣя въ виду прежде всего общую задачу.

Къ сожалѣнію, проведеніе этого плана въ жизнь затормозилось катастрофическимъ ходомъ военныхъ событій на нашемъ Галичскомъ фронтѣ, въ результатѣ котораго мы были отброшены далеко на востокъ. При этомъ положеніи никакая кооперація съ итальянской арміей не могла быть осуществлена, тѣмъ болѣе, что наступленіе этой арміи было остановлено въ самомъ началѣ и не развилось далѣе р. Изонцо. Несмотря на скромныя силы, выдѣленныя Австріей противъ Италіи, ей удалось сдержать наступленіе послѣдней. Для противодѣйствія Италіи, австрійское Верховное Главнокомандованіе сняло съ нашего фронта самыя незначительныя силы, едва ли превосходившія 2—3 ди-

визіи. Остальныя войска были переброшены на итальянскій фронтъ съ сербской и, отчасти, румынской границъ, на которыхъ они были замѣнены германскими войсками, оккупировавшими, такимъ образомъ, всю австро-венгерскую территорію. Такъ какъ указанныя германскія войска были сняты съ западнаго фронта, то, по существу, выступленіе Италіи облегчило не насъ, а нашихъ западныхъ союзниковъ. Прочное же занятіе австро-венгерской территоріи германскими войсками спаивало еще тѣснѣе обѣ Державы враждебнаго намъ союза.

ГЛАВА XVI.

Прорывъ германо-австрійцевъ между Вислой и подножьемъ Бескидъ. — Отъ Дунайца и Карпатъ къ Сану и Днѣстру, и далѣе къ нашимъ границамъ. — Переговоры съ Румыніей. — Начало развитія военныхъ дѣйствій въ Риго-Шавельскомъ раіонѣ и на Балтійскомъ побережьи.

Изъ предшествовавшаго изложенія, читатель могъ убѣдиться, что австрійскій фронтъ продолжалъ держаться лишь благодаря помощи, оказывавшейся ему со стороны германцевъ. Въ Галичинѣ — нѣсколько нѣмецкихъ дивизій, подъ начальствомъ генерала Линзингена, составили Южную армію, которая своимъ наступленіемъ со стороны Мункача въ направленіи на Стрый создавала серьезную угрозу для нашихъ войскъ, стремившихся прорваться въ Венгерскую равнину на участкѣ между Дуклинскимъ и Ужокскимъ перевалами. На Буковинскомъ театрѣ — въ правофланговую австрійскую армію генерала Пфланцера-Балтина была вкраплена германская кавалерія генерала Маршаля. Чтобы исправить все ухудшавшееся положеніе 2-й и 3-й австрійскихъ армій въ Бескидахъ, въ концѣ марта были переброшены въ горы снятыя съ французскаго фронта три германскія пѣхотныя дивизія, составившія Бескадскій корпусъ генерала Марвица. Наконецъ, и въ лѣвофланговую 4-ю австрійскую армію, примыкавшую къ Вислѣ, была также вкраплена одна изъ германскихъ дивизій. — Таковымъ же было положеніе и на лѣвомъ берегу р. Вислы, вдоль Ниды до Пилицы, гдѣ, рядомъ съ 1-й австрійской арміей, стояла германская группа войскъ генерала Войрша.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ теченіе апрѣля, для Двуединой Монархіи значительно осложнилась военно-политическая обстановка. Мы уже видѣли, что Италія офиціально примкнула къ Державамъ Согласія, и это обстоятельство несомнѣнно должно было вызвать со стороны Австріи снятіе съ Галичскаго фронта нѣкотораго числа войскъ, для отправки ихъ на итальянскій театръ военныхъ дѣйствій. Подозрительно вела себя и Румынія. — Наконецъ, нельзя было предвидѣть, чѣмъ кончится Дарданельская экспедиція; паденіе же Константинополя и открытіе проливовъ ставило Австро-Венгрію въ положеніе Державы, угрожаемой со всѣхъ сторонъ. Казалось, что Монархія Габсбурговъ приближается къ катастрофѣ; назрѣвала возможность предложенія Австріей своимъ противникамъ сепаратнаго мира.

При такихъ обстоятельствахъ, Германія должна была начать серьезно опасаться за судьбу своей союзницы и, слѣдовательно, имѣть наготовѣ мѣры для дальнѣйшей поддержки сей послѣдней. Къ тому же такая подержка, по счастливой для нашихъ противниковъ обстановкѣ, не выходила за предѣлы возможностей Германіи. Ея Верховное Главнокомандованіе могло къ данному періоду времени удостовѣриться въ прочности положенія своихъ войскъ на западномъ фронтѣ и потому имѣло возможность рискнуть на переброску части силъ съ этого фронта на востокъ. Французы, въ самомъ дѣлѣ, все еще не могли оправиться отъ понесенныхъ ими въ предыдущіе мѣсяцы потерь, а англичане пока не представляли изъ себя самостоятельной силы на сухопутьи. Къ тому же, англійскія войска разбрасывались по различнымъ театрамъ военныхъ дѣйствій, а руководившее войной правительство было серьезно отвлечено заботами по обезпеченію морскихъ сообщеній отъ усилившейся съ середины февраля дѣятельности германскихъ подводныхъ лодокъ. При такихъ условіяхъ и надежномъ обезпеченіи западнаго германскаго фронта сплошною линіей сильныхъ укрѣпленій, прорывъ на этомъ фронтѣ долженъ былъ считаться нѣмцами, конечно, мало вѣроятнымъ. Напротивъ, активныя дѣйствія русской арміи, не скованной еще рамками позиціонной войны, могли угрожать нашимъ противникамъ въ каждую минуту серьезными послѣдствіями.

Надо отдать полную справедливость германскому Верховному Главнокомандованію, которое, въ лицѣ своего Начальника Генеральнаго Штаба генерала Фалькенгайна, проявило выдающуюся рѣшимость въ данныхъ условіяхъ обстановки. — Опытъ минувшаго долженъ былъ достаточно убѣдительно засвидѣтельствовать, что частичное вливаніе германскихъ войскъ въ австрійскій фронтъ можетъ содѣйствовать лишь пассивному сопротивленію этого фронта русскому нажиму, но не способно создать сколько-нибудь рѣшительнаго перелома въ положеніи дѣлъ. Повидимому, исходя изъ изложенныхъ соображеній, названное выше командованіе и рѣшило не ограничивать свою помощь восточному фронту полумѣрами, но рѣзко и опредѣленно измѣнить весь свой дальнѣйшій планъ войны на ближайшій періодъ времени. Отнынѣ ихъ западный фронтъ долженъ былъ занять строго оборонительное положеніе и стать источникомъ для усиленія войскъ на противоположномъ ему — восточномъ фронтѣ Тамъ должны были развиваться активныя дѣйствія, тамъ должны были быть достигнуты рѣшительные результаты надъ живою силою — русской арміей, чтобы постараться парализовать ее на долгое время. Въ соотвѣтствіи съ этимъ новымъ рѣшеніемъ, главная нѣмецкая квартира была перенесена на восточный фронтъ — въ Плессъ; всѣ свободныя силы — предназначены къ переброскѣ на востокъ; русская армія на извѣстный періодъ времени становилась главнымъ предметомъ дѣйствій всего враждебнаго Державамъ Согласія Союза.

При изложенномъ новомъ германскомъ планѣ, долженствовавшемъ въ корнѣ измѣнить стратегическую обстановку на фронтахъ и соотношеніе силъ, едва ли могъ имѣть рѣшающее значеніе выборъ непріятельскимъ командованіемъ того или другого участка на нашемъ фронтѣ для перваго удара. Наша

армія, растянутая на обширномъ пространствѣ въ 1200—1300 километровъ, широкимъ полукольцомъ охваченная противникомъ, лишенная резервовъ и сколько-нибудь мощныхъ рокадныхъ линій, подставляла подъ удары непріятеля рядъ выгодныхъ для послѣдяго направленій. Не имѣя возможности расчитывать на содѣйствіе своихъ западныхъ союзниковъ, которые были скованы у себя на фронтѣ, русская армія, была предоставлена исключительно себѣ, вслѣдствіе неоправдывашейся обстановкой оттяжки въ выступленіи Италіи. При всѣхъ этихъ условіяхъ, она конечно должна была оказаться неприспособленной къ принятію и отраженію удара соединенныхъ силъ враждебнаго намъ Союза. Начертаніе нашего стратегическаго фронта, занятаго къ данному времени, отвѣчало идеѣ наступленія, но никакъ не обороны; съ вынужденнымъ переходомъ къ сей послѣдней, рельефно должны были выступить всѣ наши слабыя мѣста. Удержаніе Польско-Галичскаго театра становилось задачей непосильной, и измѣнить въ чемъ-либо создавшееся положеніе собственными силами мы не могли; оказанная же нашими союзниками помощь, какъ увидимъ дальше, была слишкомъ слабой и недостаточной. — Переломъ на нашемъ фронтѣ, при этихъ условіяхъ, становился неизбѣжнымъ.

Читатель уже знаетъ, что германо-австрійское наступленіе обнаружилось на участкѣ фронта, примѣрно въ 80 километровъ между р. Вислой и подножьемъ Бескидскаго хребта. Хотя я выше и высказалъ мысль, что, при состоявшемся рѣшеніи германской Главной Квартиры перенести центръ своихъ дѣйствій на востокъ, дальнѣйшій ходъ событій на нашемъ фронтѣ являлся болѣе или менѣе предопредѣленнымъ, тѣмъ не менѣе я не могу не признать, что направленіе для перваго удара, съ точки зрѣнія нашихъ противниковъ, было ими выбрано очень искусно. Дѣйствительно, это направленіе ближайшимъ образомъ угрожало тылу нашихъ войскъ Ю.-З. фронта, настолько углубившихся въ горы на Бартфельдскомъ, Дукланскомъ и Лупковскомъ направленіяхъ, что оттяжка ихъ назадъ, съ цѣлью ли перегруппировки или просто отхода на тыловыя линіи, представляла сама по себѣ большія трудности. Конечно ударъ изъ Восточной Пруссіи, направленный противъ праваго фланга нашего стратегическаго фронта, могъ привести къ еще болѣе крупнымъ результатамъ, но, во-первыхъ, онъ требовалъ болѣе значительныхъ силъ для своего выполненія, каковыхъ силъ у германцевъ могло не оказаться въ свободномъ состояніи, а во-вторыхъ, такой ударъ могъ лишь косвенно и по истеченіи нѣкотораго времени отразиться на положеніи австро-венгерскихъ войскъ, которыя, наоборотъ, нуждались въ быстрой и непосредственной помощи.

Хотя свѣдѣнія о сосредоточеніи значительныхъ германскихъ резервовъ въ раіонѣ Кракова стали поступать къ намъ уже со середины февраля, но мы видѣли, что эти данныя являлись не соотвѣтствующими дѣйствительности и фактически сосредоточеніе въ западной Галичинѣ новыхъ германскихъ войскъ началось лишь съ середины апрѣля. Еще одинъ разъ, вслѣдствіе недостаточной воздушной развѣдки, сосредоточеніе это прошло для насъ почти

незамѣтно. Скрытность и быстрота маневра — двѣ характерныя черты, обычно удававшіяся нѣмцамъ и обезпечивавшія имъ успѣхъ на нашемъ фронтѣ.

Въ первую очередь съ французскаго фронта было снято девять пѣхотныхъ дивизій, которыя и были переброшены на фронтъ противъ насъ. Эти дивизіи, по свидѣтельству самихъ нѣмцевъ, были изъ самыхъ надежныхъ въ боевомъ смыслѣ; въ число ихъ входила и прусская гвардія; всѣ онѣ были богато снабжены артиллеріей, до самыхъ крупныхъ калибровъ включительно, и особенно боевыми припасами. Вмѣстѣ съ войсками 4-й австрійской арміи, находившейся на р. Дунайцѣ, эти дивизіи составили ударную группу, въ числѣ 16—17-ти пѣх. и 2-хъ кав. дивизій, подраздѣленныя на двѣ арміи: 4-ю австрійскую Эрцгерцога Іосифа Фердинанда — отъ Вислы вверхъ по нижнему Дунайцу, примѣрно, до Громника, и 11-ю германскую армію генерала Макензена — южнѣе австрійцевъ до предгорій Бескидскаго хребта.

Наступленіе германо-австрійцевъ пришлось на участкѣ фронта, который съ нашей стороны былъ занятъ на правомъ флангѣ — ополченскими бригадами, а южнѣе войсками IX-го и X-го корпусовъ. Всѣ эти части принадлежали къ составу 3-й арміи, которой командовалъ генералъ Радко-Дмитріевъ.

По происхожденію — болгаринъ, генералъ Радко-Дмитріевъ былъ ученикомъ нашей Академіи Генеральнаго Штаба и долго служилъ въ рядахъ русской арміи на Кавказѣ; послѣ блестящихъ побѣдъ во главѣ одной изъ болгарскихъ армій надъ турками въ 1912-мъ году, онъ сталъ народнымъ героемъ у себя на родинѣ. Съ объявленіемъ намъ Австро-Венгріей войны, явившейся въ результатѣ австро-сербскаго конфликта, генералъ Радко-Дмитріевъ, движимый идеей славянской солидарности, ходатайствовалъ о вторичномъ вступленіи въ ряды русской арміи, повидимому, въ надеждѣ создать этимъ своимъ шагомъ въ Болгаріи теченіе въ пользу присоединенія ея къ обще-славянскому освободительному движенію противъ Австріи. Увы!... Мы уже видѣли, что, увлекаемая антинаціональной политикой навязаннаго ей Царя Фердинанда, Болгарія все болѣе отходила отъ единственно здороваго и разумнаго для нея пути — единенія со своими братьями по вѣрѣ и языку.

Генерала Радко-Дмитріева я узналъ впослѣдствіи очень хорошо и близко по совмѣстной службѣ на Сѣверномъ фронтѣ. На этомъ фронтѣ онъ командовалъ въ 1916—17 г. г. 12-ой арміей въ Рижскомъ раіонѣ, я же сначала былъ начальникомъ штаба фронта, а затѣмъ — боевымъ сосѣдомъ генерала Радко-Дмитріева по должности командующаго 5-й арміей, стоявшей по Двинѣ, въ раіонѣ Двинска. Въ этотъ періодъ времени я научился глубоко цѣнить и уважать генерала Радко-Дмитріева. Высоко одаренный, настойчивый, лично беззавѣтно храбрый и не терявшійся ни при какой обстановкѣ, онъ былъ безусловно выдающимся военачальникомъ, и единственнымъ недостаткомъ, присущимъ ему, являлась, быть можетъ, недооцѣнка имъ роли и значенія на войнѣ современной военной техники. Я объяснялъ себѣ это качество генерала Радко-Дмитріева условіями его предшествовавшей службы на Кавказѣ и боевымъ воспитаніемъ въ обстановкѣ Балканскихъ войнъ. Въ должности

Командующаго 12-ой арміей на генерала Радко-Дмитріева надвинулась въ 17-мъ году русская революція. Его пассивность въ этотъ тяжелый для арміи періодъ времени вызвала со стороны многихъ русскихъ людей рядъ нареканій. Но нельзя забывать, что создавшееся положеніе было особо труднымъ и деликатнымъ именно для него — не коренного русскаго человѣка. Онъ самъ чувствовалъ щекотливость своего положенія и постарался вскорѣ уйти отъ командованія арміей.

Итакъ, 1-го мая обнаружились активныя дѣйствія соединенныхъ германо-австрійскихъ силъ на участкѣ фронта къ югу отъ Вислы до подножья Бескидскихъ горъ. Съ ночи начался ожесточенный обстрѣлъ легкой и тяжелой артиллеріей нашихъ позицій отъ Тарнова до Горлице. Непріятель бросалъ на этомъ участкѣ фронта ужасающей силы и мощности бомбы, которыя производили на войска потрясающее впечатлѣніе. Въ короткій срокъ наши окопы и проволочныя загражденія были сравнены съ землею. Вслѣдъ затѣмъ началась атака лѣваго участка IX-го и всего фронта X-го корпусовъ.

«2-го мая послѣ полудня, говорилось въ соотвѣтствующемъ донесеніи штаба Ю.-З. фронта въ Ставку, противнику удалось занять нѣкоторые пункты нашей позиціи и мѣстами прорваться вглубь». Этотъ прорывъ между IX-мъ и X-мъ корпусами постепенно увеличивался, и заполненіе его вводившимися резервами не удалось. Ввиду изложеннаго, Командующій 3-й арміей призналъ необходимымъ отвести X-й корпусъ въ раіонъ Біеча. Въ расчетѣ выправить положеніе, въ составъ 3-й арміи, распоряженіемъ фронта, былъ включенъ III-й Кавк. корпусъ, который 2-го мая подошелъ къ Кросно и отсюда былъ двинутъ на Ясло и Змигородъ. Сверхъ того, по указанію Ставки, въ составъ той же арміи была направлена 63-я пѣх. дивизія и предназначены къ перевозкѣ еще двѣ дивизіи (13-я сиб. и 62-я) съ С.-З. фронта. Съ прибытіемъ всѣхъ этихъ частей, общій составъ 3-й арміи долженъ былъ увеличиться до 20-ти пѣх., 6-ти кав. дивизій и 5-ти ополченскихъ бригадъ. Но такъ какъ всѣ эти части находились въ большомъ некомплектѣ (за исключеніемъ III-го Кавк. корпуса), то, распоряженіемъ Ставки, была усилена высылка Ю.-З. фронту укомплектованій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для улучшенія боевого снабженія, артиллерійскихъ припасовъ.

Положеніе атакованной арміи, тѣмъ не менѣе, не переставало быть очень труднымъ. Она была растянута отъ Вислы до Лупковскаго перевала (вѣрнѣе до Смольника) на фронтѣ около 175 километровъ, причемъ ея лѣвофланговые корпуса (XXIV-й и XII-й) глубоко втянулись въ горы, частично перекинувшись на южные склоны главнаго хребта. Съ другой стороны, назначенныя въ составъ этой арміи подкрѣпленія могли начать свой подходъ лишь постепенно, почему организація какого-либо контръ-маневра становилась трудно-осуществимой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ показаній плѣнныхъ, выяснилось, что мы имѣемъ противъ себя германскія войска, прибывшія съ запада, и что прорывъ нашего фронта совершенъ новой арміей, находящейся подъ начальствомъ генерала Макензена, въ составѣ четырехъ нѣмецкихъ корпусовъ. При такихъ услові-

яхъ, Командующій 3-й арміей генералъ Радко-Дмитріевъ признавалъ неизбѣжнымъ отходъ арміи на правый берегъ р. Вислоки; Главнокомандующій же Ю.-З. фронтомъ генералъ Ивановъ указывалъ на желательность удержанія 3-й арміей р. Вислоки отъ ея верховьевъ у Дуклинскаго перевала до Пильзно, далѣе же — на Щучинъ, дабы не потребовалось измѣнять положенія сосѣднихъ 8-й и 4-й армій.

Къ сожалѣнію, Командованіе 3-й арміей не сумѣло заблаговременно создать у себя въ тылу прочной укрѣпленной линіи и потому войска этой арміи, подъ давленіемъ не ослабѣвающихъ атакъ генерала Макензена, продолжали постепенно откатываться назадъ, несмотря на категорическое требованіе Верховнаго Главнокомандующаго — считать предѣломъ допустимаго отхода 3-й арміи линію фронта, опредѣляемую меридіаномъ нижней Вислоки. Приходится, вообще, констатировать тотъ печальный фактъ, общій для всѣхъ армій, какъ Ю.-З. такъ и С.-З. фронтовъ, что работы по закрѣпленію тыла велись у насъ безъ должной системы и необходимой энергіи, почему при отходѣ многое, на что войска были вправѣ расчитывать, оказывалось въ дѣйствительности отсутствующимъ

Въ періодъ отхода 3-й арміи, наиболѣе трудное положеніе выпало на долю XXIV-го корпуса, который былъ вынужденъ искать спѣшнаго выхода изъ горъ.

Корпусъ этотъ, къ началу германо-австрійскаго наступленія, былъ расположенъ своими двумя дивизіями въ раіонѣ Зборо, по обѣ стороны шоссе, ведущаго изъ Бартфельда къ Змигроду. Справа къ этому корпусу примыкалъ X-й корпусъ, слѣва — XII-й. Кромѣ названнаго шоссе, въ тылъ корпуса, отъ его лѣваго фланга, отходило еще другое шоссе отъ Свидника, черезъ Дуклинскій перевалъ на с. Дуклу и далѣе Кросно; но это послѣднее шоссе было предоставлено штабомъ 3-й арміи въ распоряженіе сосѣдняго XII-го корпуса.

До 4-го мая включительно корпусъ сохранялъ свое положеніе, не тревожимый съ фронта противникомъ, принадлежавшимъ къ составу 3-й австрійской арміи генерала Бороевича. Однако, сбитый съ большими потерями со своихъ позицій сосѣдній справа X-й корпусъ, отходившій передъ германцами, постепенно отжимался послѣдними въ сѣверо-восточномъ направленіи, вслѣдствіе чего между нимъ и XXIV-мъ корпусомъ образовался прорывъ, въ результатѣ котораго къ вечеру 4-го мая обнажился со стороны запада путь на Змигродъ, въ тылъ войскамъ этого послѣдняго корпуса. Обстоятельство это вынудило штабъ арміи отдать распоряженіе о соотвѣтственномъ отходѣ, въ ночь на 5-е мая, частей XXIV-го корпуса и сосѣдняго съ нимъ слѣва XII-го корпуса на линію, проходившую черезъ Дуклинскій перевалъ, с. Мисцова и небольшой пунктъ, лежащій нѣсколько западнѣе Змигрода. Но уже около полудня Змигродъ оказался занятымъ нѣмцами, которые продвинули небольшой отрядъ еще глубже къ востоку и взяли подъ обстрѣлъ Дуклинское шоссе. При такой обстановкѣ, войска XXIV-го корпуса, не успѣвшія полностью пройти пункты, занятые германцами, оказались въ очень трудномъ положеніи. Что касается правофланговой дивизіи этого корпуса (49-й), то ей все же удалось цѣликомъ

выскользнуть изъ подъ германскихъ ударовъ и собраться у Кросно; положеніе же лѣвофланговой дивизіи — 48-й, находившейся подъ начальствомъ генерала Корнилова, затруднилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что на нее съ юга стали насѣдать австрійцы. Послѣдніе 6-го мая атаковали части этой дивизіи сѣвернѣе Дуклинскаго перевала и нанесли имъ весьма сильный ударъ. Къ ночи на 7-е мая значительная часть 48-й дивизіи оказалась окруженной, южнѣе с. Дукла, съ сѣвера германцами и съ юга австрійцами. Несмотря на всѣ стремленія окруженныхъ частей пробиться, задача эта оказалась недостижимой, и наши части, охваченныя со всѣхъ сторонъ, съ утра 7-го мая подверглись разстрѣлу артиллерійскимъ, ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ непріятеля. Остатки ихъ были взяты въ плѣнъ. — Той же участи подвергся впослѣдствіи и раненный въ руку Начальникъ дивизіи генералъ Корниловъ, скрывавшійся со своимъ штабомъ въ лѣсахъ и горахъ въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Читатель не посѣтуетъ, конечно, если я посвящу нѣсколько дополнительныхъ строкъ этому доблестному генералу, которому суждено было занять исключительную роль въ дальнѣйшій періодъ нашей революціи и гражданской войны.

Генералъ Корниловъ пробылъ въ австрійскомъ плѣну свыше года, непрестанно обдумывая планъ побѣга на Родину. Но осуществить этотъ планъ ему удалось лишь въ іюлѣ 1916-го года. Будучи въ австрійскомъ госпиталѣ, онъ нашелъ себѣ случайно союзника, въ лицѣ одного изъ низшихъ служащихъ этого заведенія, чеха по происхожденію. Переодѣвшись въ форму австрійскаго солдата, генералъ Корниловъ былъ выпущенъ изъ госпиталя и по желѣзной дорогѣ благополучно добрался до Румынской границы, которую ему и удалось перейти.

По прибытіи въ Россію, генералъ Корниловъ принялъ освободившійся, вслѣдствіе моего перехода на должность Начальника Штаба сѣвернаго фронта, XXV-й корпусъ. Съ этой должности мартовская революція 17-го года выдвинула его постепенно на самые верхи арміи. Въ тяжелый для жизни арміи періодъ безмѣрнаго увлеченія свободами, генералъ Корниловъ самоотверженно работалъ надъ сохраненіемъ силы и величія этой арміи, долженствовавшей обезпечить Россіи побѣду надъ врагами. Неподдержанный Временнымъ Правительствомъ А. Ф. Керенскаго и сраженный въ борьбѣ съ послѣднимъ, генералъ Корниловъ въ концѣ 17-го года, послѣ болѣе чѣмъ двухмѣсячнаго заточенія въ Быховской тюрьмѣ, перебрался на Донъ, гдѣ и сталъ во главѣ формировавшейся генераломъ Алексѣевымъ Добровольческой Арміи. Продолжая борьбу за спасеніе Россіи, на этотъ разъ отъ ига большевиковъ, генералъ Корниловъ, на широкихъ степяхъ Кубани, отдалъ Россіи и свою жизнь...

Отличительными чертами генерала Корнилова были твердость духа и неустрашимость. Сынъ бѣднаго сибирскаго казачьяго офицера, онъ закалилъ свой характеръ еще въ молодыхъ годахъ, пройдя суровую и длительную служебную школу на нашихъ далекихъ окраинахъ. Свое — «львиное сердце» онъ проявилъ уже въ Русско-японскую войну, гдѣ, будучи молодымъ офицеромъ

Генеральнаго Штаба, отличился въ весьма тяжеломъ аріергардномъ дѣлѣ подъ Мукденомъ, за которое получилъ свой первый Георгіевскій крестъ.

Въ связи съ отходомъ 3-й арміи и съ доклада Верховному Главнокомандующему, генералъ Ивановъ принялъ рѣшеніе отвести назадъ правофланговые корпуса 8-й арміи, а затѣмъ и 4-ю армію, остававшуюся на лѣвомъ берегу р. Вислы. При этомъ, вслѣдствіе сокращенія фронта, удалось въ этихъ арміяхъ создать кое-какіе резервы. Такъ, въ 3-й арміи былъ выведенъ въ резервъ XXI-й корпусъ, который впослѣдствіи былъ брошенъ въ контръ-атаку. Маневръ этого корпуса, однако, не привелъ къ положительному результату, и 3-я армія продолжала свой отходъ.

10-го мая генералъ Радко-Дмитріевъ доносилъ, что ввѣренная ему армія въ десятидневныхъ бояхъ «доблестно сражаясь, буквально истекла кровью». Во многихъ дивизіяхъ оставалось не свыше 1000 штыковъ. При такихъ условіяхъ, командующій арміей находилъ необходимымъ получить разрѣшеніе на отводъ всей своей арміи за р. Санъ, чтобы дать возможность большинству ея корпусовъ оправиться и пополниться.

Ввиду такого положенія дѣлъ, Верховный Главнокомандующій, директивой отъ того же 10-го мая, оказался вынужденнымъ поставить войскамъ Ю.-З. фронта новую болѣе ограниченную задачу, сводившуюся къ отстаиванію въ дальнѣйшемъ восточной части Галичины, пользуясь для сего, какъ крайнимъ восточнымъ рубежомъ, оборонительными линіями р. р. Сана и Днѣстра. При этомъ, особое вниманіе Главнокомандующаго арміями Ю.-З. фронта обращалось на то, чтобы, безъ крайней необходимости, не уступать противнику лишняго пространства особенно на лѣвомъ флангѣ, на которомъ между 8-й и 9-й арміями была образована на Стрыйскомъ направленіи новая 11-я армія (ген. Щербачева), составленная въ началѣ изъ двухъ корпусовъ (XVIII-го и XXII-го). Такъ какъ, при отходѣ къ Сану, долженъ былъ возникнуть вопросъ о Перемышлѣ, то Верховный Главнокомандующій счелъ необходимымъ дать, въ отношеніи этой крѣпости, особое указаніе. Ввиду состоянія укрѣпленій, разрушенныхъ передъ сдачей австрійцами, и недопустимости выдѣленія для обороны Перемышля самостоятельнаго гарнизона, пунктъ этотъ надлежало разсматривать не какъ крѣпость, а только какъ участокъ заблаговременно укрѣпленной позиціи, который долженъ былъ быть занимаемъ и обороняемъ лишь въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными пользою и нуждами оперирующихъ въ его раіонѣ полевыхъ войскъ. Этимъ указаніемъ былъ впервые офиціально закрѣпленъ у насъ новый взглядъ на служебную роль крѣпостей и вообще постоянныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, согласно котораго оборона послѣднихъ должна быть признаваема сохраняющей свой внутренній смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока пункты эти находятся въ оперативной связи съ полевой арміей. Съ утратой этой связи, дальнѣйшая оборона укрѣпленныхъ пунктовъ, при современныхъ условіяхъ, является стратегически и тактически не только безцѣльной, но даже вредной, поскольку она вызываетъ необходимость ослабленія полевой арміи,

путемъ выдѣленія войскъ и артиллеріи въ составъ гарнизоновъ обороняемыхъ пунктовъ. Это, конечно, далеко не значитъ, что крѣпость, предоставленная себѣ, не должна стремиться къ упорной оборонѣ до послѣдняго предѣла — всего лучше до конца войны; такой выводъ былъ бы глубоко ошибоченъ. Но это значитъ, что Верховное Главнокомандованіе, не расчитывающее на возможность такого поворота операцій, при которомъ крѣпость вновь войдетъ въ зону маневра полевыхъ армій, не должно останавливаться передъ рѣшеніемъ и соотвѣтственнымъ приказаніемъ эвакуировать крѣпость, если присоединеніе гарнизона и спасеніе боевыхъ запасовъ будутъ признаны для этихъ армій болѣе выгоднымъ, чѣмъ оставленіе ихъ въ крѣпости, для продолженія сопротивленія послѣдней. Единственнымъ указателемъ въ этомъ случаѣ должны быть интересы полевой арміи — этой высшей вершительницы судебъ на войнѣ. При этомъ надлежитъ конечно учитывать, что, въ вѣчной борьбѣ артиллеріи и фортификаціи, нынѣ наступилъ періодъ рѣшительной побѣды первой надъ второй, и что поэтому удержаніе изолированной крѣпости, при наличіи у наступающаго мощной и подвижной артиллеріи, богато снабженной огнестрѣльными припасами, является задачей весьма мало благодарной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что при современномъ масштабѣ войны, широко развитой сѣти сообщеній и высокомъ состояніи техники, дающей возможность сравнительно легко и скоро создавать обходные пути и пользоваться, сверхъ желѣзныхъ дорогъ, тракторнымъ сообщеніемъ, изолированныя крѣпости, естественно, потеряли значительную долю своего прежняго назначенія — замедлять и осложнять наступательное движеніе непріятельской арміи.

Какъ ни тяжелы были испытанія, посланныя русской арміи въ описываемый періодъ войны, они все же не создавали еще угрозы всему нашему положенію, при условіи удержанія линіи рѣкъ Сана и Днѣстра. Линія этихъ рѣкъ прикрывала отъ противника важнѣйшую для насъ восточную часть Галичины по кратчайшему направленію. Лѣвый флангъ этой линіи упирался въ нейтральную намъ Румынію, правый же легко связывался съ дальнѣйшимъ направленіемъ нашего фронта на лѣвомъ берегу Вислы и затѣмъ вдоль границы съ Восточной Пруссіей. Съ занятіемъ этой линіи, получалось даже нѣкоторое улучшеніе въ общемъ очертаніи фронта и довольно существенное сокращеніе его протяженія, не менѣе, чѣмъ на 100 километровъ, что имѣло немаловажное значеніе, принимая во вниманіе потери, понесенныя нашими войсками во время отхода. Наконецъ, линія рѣкъ Сана и Днѣстра надежно прикрывала и всѣ пути въ предѣлы какъ русской Польши съ юга, такъ и Юго-Западнаго края, равно предохраняла насъ отъ необходимости раздѣленія силъ, неизбѣжно вызывавшагося, при дальнѣйшемъ отходѣ наличіемъ въ тылу неудобнаго для военныхъ дѣйствій пространства, начинавшагося недалеко отъ Львова и сливавшагося на сѣверѣ съ обширными болотами нашего Полѣсья.

Остановившись на этой линіи и получивъ, послѣ ряда непрерывныхъ боевъ, передышку, войска наши могли разобраться и оправиться, дождаться необхо-

димыхъ пополненій и, такимъ образомъ, возродиться для новой борьбы. Съ другой же стороны, жизненность австро-венгерской арміи обусловливалась лишь ея наступленіемъ, и притомъ плечомъ къ плечу съ нѣмцами. При такихъ условіяхъ, рѣшительнымъ отпоромъ на Санѣ и Днѣстрѣ, а еще лучше контръ-ударомъ, мы могли создать въ австро-венгерской арміи психологическій переломъ и вернуть ее къ прежнему безсилью. Весьма важно было также воспрепятствовать дальнѣйшей переброскѣ германскихъ войскъ противъ насъ.

Всѣ эти соображенія съ полной отчетливостью стояли передъ Верховнымъ Главнокомандованіемъ, которое поэтому и настаивало на необходимости удержанія р. р. Сана и Днѣстра. Эти же соображенія заставили Великаго Князя обратиться, еще 8-го мая, съ телеграммой къ генералу Жоффру, съ изложеніемъ въ ней всей важности скорѣйшаго приступа на западномъ фронтѣ къ исполненію той наступательной операціи, къ которой тамъ съ нѣкотораго времени подготовлялись.

Въ соотвѣтствіи съ новою задачею, поставленною Верховнымъ Главнокомандующимъ арміямъ Ю.-З. фронта, генералъ Ивановъ указалъ 3-й арміи отходить къ Сану, а 8-й арміи — въ промежутокъ между Саномъ и Днѣстромъ; 4-я армія должна была соотвѣтственно оттянуть свой лѣвый флангъ къ р. Вислѣ; остальныя двѣ арміи — 11-я и 9-я — активно оборонять р. Днѣстръ и далѣе нашу границу до Румыніи.

Главной задачей всѣхъ этихъ армій являлось прикрытіе путей, ведущихъ ко Львову и въ предѣлы Россіи.

Отходъ 3-й и 8-й армій на новую линію былъ законченъ къ серединѣ мая. Его не могъ предотвратить и дополнительно переброшенный съ С.-З. фронта въ составъ 3-й арміи XV-й корпусъ.

Такимъ образомъ, въ двухнедѣльный промежутокъ времени обѣ эти арміи отдали противнику полосу мѣстности примѣрно въ 100 километровъ шириною. Отходъ названныхъ армій совершился столь быстро, что предположеніе о сосредоточеніи ударной группы въ излучинѣ, образуемой впаденіемъ р. Сана въ Вислу, съ тѣмъ, чтобы оттуда перейти въ контръ-атаку при приближеніи противника къ Сану, оказалось по времени неисполнимымъ. Наши желѣзныя дороги были плохо приспособлены къ массовымъ перевозкамъ, и войска, слѣдуя по одной узкоколейной дорогѣ на Развадовъ, построенной къ тому же въ военное время, могли приливать въ избранный раіонъ лишь медленнымъ и немощнымъ потокомъ. Пришлось, поэтому, большую часть подкрѣпленій посылать болѣе кружнымъ путемъ, причемъ, выходя на фронтъ и поступая въ распоряженіе генерала Иванова, подкрѣпленія эти направлялись въ наиболѣе угрожаемые пункты по частямъ, незамѣтно и безъ пользы сгорая въ общемъ движеніи за Санъ. Такъ сгорѣлъ и III-й Кавк. корпусъ, на который возлагались особыя надежды. — Отступленіе армій Ю.-З. фронта продолжало шириться, опасность постепенно разрасталась.

Отвлеченіе германскихъ силъ и вниманія въ нашу сторону значительно облегчало положеніе нашихъ союзниковъ на западѣ. Надо имѣть ввиду, что англійская армія къ этому времени далеко еще не получила намѣченнаго для нея лордомъ Китченеромъ развитія. Что касается французовъ, то вся первая половина 15-го года была для нихъ критическимъ періодомъ времени. Значительная часть ихъ сѣверо-восточнаго важнѣйшаго промышленнаго раіона была оккупирована или разрушена нѣмцами. Заказы заграницей, преимущественно въ Америкѣ, выполнялись медленно и неудовлетворительно. Эти обстоятельства въ высокой степени затрудняли обезпеченіе арміи боевыми припасами и замѣну износившейся матеріальной части. Не мало затрудненій представляло также обезпеченіе французской арміи личнымъ составомъ, послѣ потерь, понесенныхъ въ первый кровавый періодъ войны. При такихъ условіяхъ, новый нажимъ нѣмцевъ на западномъ фронтѣ могъ привести къ гибельнымъ для этого фронта послѣдствіямъ. Но переброска германскихъ войскъ на восточный фронтъ спасла нашихъ союзниковъ отъ этой опасности. Такимъ образомъ уже четвертый разъ отъ начала войны Россія, притягивая къ себѣ все новыя германскія силы, облегчала положеніе своихъ западныхъ союзниковъ — Франціи и Англіи.

Несмотря на неготовность не только къ сколько-нибудь широкому наступленію, но, можетъ быть, и къ отраженію непріятеля, наши союзники, принимая во вниманіе обстановку на нашемъ фронтѣ, не сочли все же возможнымъ оставаться въ бездѣйствіи и рѣшились на оказаніе намъ посильнаго содѣйствія. Участкомъ для очередного наступленія былъ на сей разъ избранъ стыкъ между двумя союзными арміями, и въ началѣ мая, начались атаки: англичанъ 8-го мая у Ла-Бассе, а на слѣдующій день французовъ — къ сѣверу отъ Арраса.

Съ отходомъ нашихъ армій къ Сану, Великій Князь Николай Николаевичъ счелъ своей обязаностью вновь выяснить генералу Жоффру всю серьезность положенія на нашемъ фронтѣ. — Въ телеграммѣ отъ 14-го мая Верховный Главнокомандующій отмѣчалъ пораженіе нашей 3-й арміи и тяжесть ея потерь, но все же выражалъ надежду, что намъ удастся удержать за собою линію р. Сана. — «Значительно уменьшенныя силы нѣмцевъ на западномъ фронтѣ, писалъ Великій Князь, могли бы въ большой степени облегчить союзнымъ арміямъ развитіе начатаго ими наступленія и способствовать превращенію послѣдняго въ широкую операцію». — Отъ начала войны число германскихъ дивизій пѣхоты — дѣйствующей и резервной, — по исчисленіямъ нашей Ставки, возросло на фронтѣ противъ насъ съ 9-ти до 38-ми, и вѣроятно до 42-хъ, а кавалерійскихъ — съ одной до девяти или десяти. Изъ этого числа, отъ 80-ти до 90-а полковъ пѣхоты и отъ 48-ми до 54-хъ полковъ кавалеріи было переброшено къ намъ съ западнаго фронта. Наоборотъ, указывалъ Великій Князь, ни одна германская часть, однажды появившаяся на нашемъ фронтѣ, не могла, благодаря нашей боевой дѣятельности, быть переброшенной обратно на западный фронтъ. Было бы очень желательно, говорилось въ заключительной части телеграммы, если бы могла быть затруднена дальнѣйшая переброска герман-

скихъ войскъ на нашъ фронтъ. Было бы также желательно ускорить выступленіе Италіи, которому благопріятствуетъ какъ начатое союзниками наступленіе, такъ и прикованность австро-германскихъ войскъ къ нашему фронту. Настоятельно также необходимо скорѣйшее полученіе обѣщанныхъ намъ французскимъ правительствомъ боевыхъ припасовъ и запаса винтовокъ.

Майское наступленіе нашихъ союзниковъ имѣло длительный и упорный характеръ. Вначалѣ французы имѣли довольно крупный успѣхъ, который, однако, имъ не удалось развить. Бои, вспыхивая и временами стихая, продолжались въ теченіе всего мая. Они вѣроятно доставили германскому Верховному Главнокомандованію не мало заботъ, но, по размѣру всей операціи, не могли ни остановить, ни даже ослабить силы нажима германцевъ противъ насъ.

Рѣшившись начать наступленіе противъ праваго фланга нашихъ войскъ, находившихся въ Галичинѣ, германское Верховное Главнокомандованіе предприняло рядъ демонстративныхъ дѣйствій на фронтѣ отъ Балтійскаго моря до Пилицы. Весь этотъ фронтъ, какъ извѣстно, занимался исключительно нѣмецкими войсками.

Уже въ серединѣ апрѣля въ Ставку поступили свѣдѣнія объ усиленіи непріятеля въ Маріампольскомъ раіонѣ и сосредоточеніи его на линіи Кенигсбергъ — Инстербургъ, съ выдвиженіемъ конницы къ нижнему Нѣману. Наша воздушная развѣдка подтверждали эти данныя.

Ввиду этого, Главнокомандующій С.-З. фронтомъ предпринялъ нѣкоторыя мѣры частнаго характера по упроченію своего праваго фланга. Онъ предписалъ всѣ прибывающія на фронтъ укомплектованія направлять прежде всего въ 10-ю армію, которая и составляла этотъ флангъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, генераломъ Алексѣевымъ было указано вести самымъ энергическимъ образомъ инженерную подготовку тыла этой арміи; различные же мелкіе отряды, находившіеся въ это время въ Риго-Шавельскомъ раіонѣ, были имъ объединены, для упорядоченія управленія, въ рукахъ генерала Спреліуса, на правахъ командира корпуса.

Независимо того, генералъ Алексѣевъ продолжалъ настойчиво стремиться къ накапливанію въ своемъ распоряженіи резервовъ, не останавливаясь для сего выводомъ изъ линіи фронта въ тылъ, къ желѣзнымъ дорогамъ, цѣлыхъ корпусовъ, которые могли быть перебрасываемы вдоль фронта, смотря по обстановкѣ.

Въ концѣ апрѣля и началѣ мая частичныя попытки германцевъ къ переходу въ наступленіе проявились во всѣхъ арміяхъ, находившихся въ подподчиненіи генералу Алексѣеву. На лѣвомъ берегу Вислы нѣмцы вновь, и на сей разъ усиленно, стали примѣнять газовыя атаки. Эти атаки, впрочемъ, не всегда имъ удавались, вслѣдствіе зависимости отъ погоды и направленія вѣтра. Внезапное измѣненіе послѣдняго, во время выпуска газовъ, способно было обратить это грозное оружіе противъ нашихъ же враговъ. Тѣмъ не ме-

нѣе, удушливые газы являлись въ рукахъ нашихъ противниковъ новымъ очень серьезнымъ средствомъ борьбы, тѣмъ болѣе что мы все еще не научились бороться съ нимъ болѣе или менѣе удовлетворительно.

Одинъ изъ нашихъ Сибирскихъ полковъ понесъ отъ газовой атаки нѣмцевъ жестокія потери. Количество жертвъ и видъ людей, пострадавшихъ отъ ядовитыхъ газовъ, которые дѣйствовали разрушающе на всѣ слизистыя оболочки, производили потрясающее впечатлѣніе. Этотъ тяжелый эпизодъ вызвалъ горячій откликъ со стороны разнаго рода общественныхъ организацій и отдѣльныхъ лицъ. Въ армію потекли пожертвованія деньгами и предохранительными повязками различныхъ системъ; посылались также разнаго рода предложенія и запросы, касавшіеся борьбы съ новымъ смертоноснымъ средствомъ, введеннымъ въ употребленіе нашимъ противникомъ. Высоко цѣня отзывчивость общества къ нуждамъ арміи, штабъ Верховнаго Главнокомандующаго вынужденъ былъ даже, для упорядоченія дѣла, издать особый приказъ, регулировавшій порядокъ направленія всѣхъ пожертвованій и предложеній, относившихся къ данному вопросу. Но всѣ наши усилія въ борьбѣ съ ядовитыми газами носили на себѣ долгое время кустарный характеръ и въ общемъ были мало удовлетворительны. Равнымъ образомъ и выработка въ Россіи ядовитыхъ газовъ наладилась много позднѣе, уже въ 1916-мъ году. Войска, впрочемъ, не любили пользоваться этимъ средствомъ, и появленіе баллоновъ съ ядовитыми газами на томъ или иномъ участкѣ фронта всегда встрѣчалось не особенно дружелюбно. Въ полезной дѣйственности газовъ не было увѣренности, а работы и возни съ установкой баллоновъ было не мало; къ тому же неумѣлый или несвоевременный выпускъ газа могъ угрожать большими непріятностями и самимъ защитникамъ того участка, на которомъ газъ выпускался.

Одновременно съ оживленіемъ дѣятельности непріятеля на С.-З. фронтѣ, возобновились также бомбардировка имъ Осовца и мелкія атаки на правобережныя позиціи этой крѣпости; атаки эти, однако, отражались сравнительно легко гарнизономъ крѣпости. — Но наиболѣе рѣшительными были дѣйствія нѣмцевъ въ Риго-Шавельскомъ раіонѣ.

Наступленіе въ этомъ раіонѣ обнаружилось 27-го апрѣля; оно началось движеніемъ непріятельскихъ колоннъ, изъ конницы и пѣхоты, отъ Юрбурга, Тильзита и Мемеля на Россіены, Кельмы и Тельши. 28-го апрѣля нѣмецкою бригадою были заняты Россіены, а къ 1-му мая непріятельскіе отряды появились на желѣзнодорожномъ участкѣ Радзивилишки—Муравьево. Временно нѣмцами былъ захваченъ городъ Шавли. Непріятельская кавалерія стала быстро разливаться по всей Курляндіи Одновременно выяснилось, что къ Либавѣ подошелъ и приступилъ къ вылавливанію нашихъ минъ непріятельскій караванъ траллеровъ. 7-го мая нѣмцы съ сухопутья овладѣли этимъ пунктомъ, представлявшимъ изъ себя единственный благоустроенный портъ въ южной части Балтійскаго моря.

Наши слабые отряды, прикрывавшіе границу къ сѣверу отъ Нѣмана, подъ давленіемъ нѣмцевъ, стали быстро отходить къ Митавѣ и Бауску; главныя же силы, находившіяся въ названномъ раіонѣ, отступили за Дубиссу и къ Кейданамъ.

Съ обнаруженіемъ наступленія нѣмцевъ, генералъ Алексѣевъ немедленно распорядился усиленіемъ войскъ Риго-Шавельскаго раіона новыми частями и указалъ Командующему 10-й арміей (генералу Радкевичу), которому были подчинены всѣ эти войска, на необходимость болѣе сильнаго отпора попыткамъ противника на р. р. Дубиссѣ и Виндавѣ. Въ свою очередь, Ставка предписала Балтійскому флоту оказывать содѣйствіе нашимъ сухопутнымъ силамъ при операціяхъ въ прибережной полосѣ Балтійскаго моря, не вводя, однако, въ дѣло большихъ кораблей; послѣдніе имѣли свою, можетъ быть узкую, но крайне важную для общаго положенія дѣлъ задачу — гарантировать, совмѣстно съ минымъ загражденіемъ, безопасность Финскаго залива.

Въ этотъ, приблизительно, періодъ времени, когда надлежало ожидать оживленія военныхъ дѣйствій на морскомъ театрѣ, Балтійскій флотъ понесъ тяжелую утрату въ лицѣ своего вождя — адмирала Эссена, скончавшагося отъ болѣзни 20-го мая. Вѣсть эта была встрѣчена общею печалью; вся Россія знала популярнаго адмирала, вѣрила въ его выдающіяся способности и энергію.

Замѣстителемъ адмирала Эссена на посту Командующаго флотомъ Балтійскаго моря явился адмиралъ Канинъ.

Борьба за обладаніе линіями р. р. Виндавы и Дубиссы тянулась, безъ особыхъ результатовъ, въ теченіе всего мая мѣсяца. Нѣмцы въ Риго-Шавельскомъ раіонѣ стали постепенно усиливать свои войска, и особенно кавалерію, снимая ее съ другихъ участковъ нашего фронта и перебрасывая также новыя кав. дивизіи съ запада, изъ Франціи. Примѣру противника долженъ былъ слѣдовать и генералъ Алексѣевъ, который, независимо отъ конныхъ частей, оказался вынужденнымъ постепенно перебросить въ данный раіонъ до семи пѣх. дивизій.

Такимъ образомъ, въ задачу нашихъ армій С.-З. фронта прикрывавшихъ до настоящаго времени, главнымъ образомъ, подступы къ среднему Нѣману, Бобру, Нареву и Вислѣ, на участкѣ отъ Новогеоргіевска до Пилицы, постепенно стала входить новая и притомъ весьма серьезная забота по прикрытію путей на правомъ берегу р. Нѣмана къ Вильнѣ, Двинску и Ригѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, войска С.-З. фронта, постепенно принужденныя для разрѣшенія новой задачи растягиваться къ сѣверу до Балтійскаго побережья, стали ослабляться переброскою части ихъ на Ю.-З. фронтъ, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, развернулись весьма серьезныя и отвѣтственныя боевыя дѣйствія.

16-го мая генералъ Ивановъ отдаетъ по ввѣреннымъ ему арміямъ Ю.-З. фронта директиву, предусматривавшую удержаніе въ нашихъ рукахъ линіи р. Сапа.

4-я армія (XIV, XVI, Гр., XXV и XXX корпуса) должна удерживать позицію Высмержице — Илжа — Опатовъ — Копршивница — Тарнобржегъ до р. Цыганы включительно.

3-й арміи (XV, IX, X, III Кавк., XXIV и XXXIX корпуса) — указывалось упорно оборонять позиціи отъ р. Цыганы на Развадовъ и далѣе по правому берегу р. Сана до р. Скло. Въ день отдачи директивы, XXIV-й корпусъ этой арміи вынужденъ былъ противникомъ къ оставленію тетъ-де-пона у Ярослава. Непріятель становился хозяиномъ лѣваго берега р. Сана.

8-я армія (XXI, XII, VIII, XVII, XXVIII и VII корпуса) — отстаиваетъ фронтъ Радымно — Перемышль — Конюшки — Сосуловъ (на Днѣстрѣ).

11-й арміи (XVIII и XXII корпуса) ставилась задача — продолжать удерживать раіонъ Стрыя и Долины.

И наконецъ 9-я армія (XI, XXX, XXXIII и XXXII корпуса), которая къ этому времени овладѣла Надворной и раіонами Коломыя и Снятыни, — должна была развивать уже достигнутый успѣхъ.

Однако, уже на слѣдующій день, 17-го мая, германцы въ раіонѣ Ярослава успѣваютъ переправиться на правый берегъ р. Сана и, продвигаясь къ Радавѣ, угрожаютъ новымъ прорывомъ на фронтѣ 3-й арміи между III-мъ Кавк. и XXIV-мъ корпусами. — Съ большими усиліями удается закрыть угрожаемое мѣсто.

На слѣдующій день, 18-го мая, германцы повели энергичную атаку къ югу отъ Перемышля, въ направленіи на Мосциску. Напоръ былъ столь силенъ, что возникла мысль объ очищеніи Перемышля, дабы часть нашихъ войскъ не оказалась въ немъ запертой, равно о дальнѣйшемъ отходѣ армій Ю.-З. фронта на востокъ. Но въ слѣдующіе дни положеніе нѣсколько исправилось, и мысль объ отходѣ была на время оставлена.

Пріемы противодѣйствія германо-австрійскому наступленію, примѣнявшіеся Главнокомандованіемъ Ю.-З. фронта въ періодъ отхода 3-й и 8-й армій къ Сану и верховьямъ Днѣстра, вызывали серьезныя сомнѣнія въ Ставкѣ. Эти пріемы, какъ уже было отмѣчено выше, заключались въ подпираніи отходившихъ войскъ прибывавшими подкрѣпленіями изъ глубины. Такой способъ дѣйствій едва ли могъ привести къ сколько-нибудь положительнымъ результатамъ: вновь выходившія на фронтъ части лишь на короткое время задерживали противника, а затѣмъ смывались волною общаго отступленія. Такъ было израсходовано, безъ особой пользы для дѣла, уже семь дивизій, переброшенныхъ съ С.-З. фронта, не считая собственныхъ резервовъ Ю.-З. фронта, подводившихся къ угрожаемымъ пунктамъ.

Болѣе цѣлесообразной представлялась Ставкѣ организація сильнаго контръманевра, преимущественно противъ одного изъ фланговъ наступавшей «фаланги Макензена», какъ была прозвана въ русской прессѣ германская ударная группа, прорвавшая нашъ фронтъ у Горлице. Весьма выгоднымъ представлялось сосредоточеніе сильной группы войскъ въ излучинѣ между р. Вислой и Саномъ для удара въ южномъ направленіи, примѣрно на Дембицу и Ржешовъ,

противъ лѣваго фланга наступавшихъ къ Сану германо-австрійскихъ войскъ. Однако, образованіе этой группы изъ войскъ ближайшей 4-й арміи было признано Ю.-З. фронтомъ невозможнымъ; желѣзнодорожные же расчеты, какъ уже было сказано, показали, что необходимое сосредоточеніе не можетъ быть своевременно выполнено за счетъ войскъ С.-З. фронта. Поэтому данную мысль пришлось оставить, какъ неосуществимую.

Съ отказомъ отъ нея, задачи 4-й арміи связывались болѣе тѣсно съ такими же задачами С.-З. фронта и потому названная армія въ концѣ мая была передана въ подчиненіе генералу Алексѣеву.

Въ слѣдующую очередь Ставкой былъ выдвинутъ уже поднимавшійся ранѣе вопросъ о рѣшительномъ наступленіи нашего лѣваго крыла противъ правофланговой австрійской арміи. Съ разгромомъ послѣдней, являлось возможнымъ организовать наше наступленіе изъ раіона Галичъ — Станиславовъ — Надворная во флангъ и тылъ германской арміи генерала Линзингена, упорно стремившейся прорваться отъ Мункача къ Стрыю и Долинѣ. Планъ этотъ представлялся конечно менѣе заманчивымъ, чѣмъ первый, вслѣдствіе отдаленности контръудара отъ мѣста прорыва германцами нашего фронта, но выгода его заключалась въ томъ, что извѣстная подготовка къ его выполненію была уже осуществлена. Мы знаемъ, что Ставка давно настаивала на скорѣйшемъ переходѣ въ наступленіе 9-й арміи и что таковое наступленіе лишь временно тормозилось разными привходящими обстоятельствами. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ мая означенное наступленіе все же состоялось. Быстрымъ и смѣлымъ ударомъ войска 9-й арміи овладѣли Надворной и продвинулись къ р. Пруту въ раіонѣ Делатыня, Коломыя и Снятыни, откуда русская линія протянулась далѣе до румынской границы, оставляя Черновцы къ югу отъ себя. Свыше 20 т. плѣнныхъ и рядъ другихъ трофеевъ сопровождали этотъ успѣхъ. Къ сожалѣнію, этими результатами и ограничилась операція 9-й арміи. Правда, въ первыхъ числахъ іюня нѣкоторымъ частямъ названной арміи удалось даже совершить переправу черезъ р. Прутъ, но къ этому времени общая обстановка измѣнилась уже настолько рѣзко, что 9-й арміи оставалось принять лишь участіе въ общемъ отходѣ всѣхъ армій Ю.-З. фронта. — Такимъ образомъ была бита и эта карта

Наконецъ, послѣ отхода 3-й и 8-й армій за р. Санъ и къ верховьямъ Днѣстра, а равно попытокъ непріятеля прорвать и эту линію, мною была высказана мысль о необходимости образованія особой арміи въ раіонѣ Равы Русской и Томашова, или нѣсколько сѣвернѣе. Армія эта, по моимъ расчетамъ, могла быть составлена изъ четырехъ укомплектованныхъ до полныхъ штатовъ корпусовъ (пять дивизій съ С.-З. фронта, 20-я пѣх. дивизія съ Кавказа и V-й Кавк. корпусъ, который былъ сосредоточенъ въ Черноморскихъ портахъ Одесскаго военнаго округа, на случай дессанта на Турецкомъ побережьи), при двухъ кав. дивизіяхъ. Срокъ сбора этой группы войскъ опредѣлялся въ двѣ недѣли. Я полагалъ, что подобная армія, ввѣренная опытному военачальнику, уже доказавшему свои маневренныя способности, могла бы своимъ

контръ-ударомъ сыграть рѣшающую роль, при подходѣ непріятеля къ прикрывавшей Львовъ Городокской позиціи, за которую должны были зацѣпиться наши отходившія войска. Мысль моя была одобрена Верховнымъ Главнокомандующимъ, который пожелалъ видѣть во главѣ проектировавшейся группы войскъ генерала Плеве, какъ уже дѣйствовавшаго — и притомъ удачно — въ данномъ раіонѣ въ первый періодъ войны. Въ соотвѣтствіи съ симъ были сдѣланы необходимыя распоряженія о перевозкѣ на Ю.-З. фронтъ штаба 12-й арміи, во главѣ которой тогда находился генералъ Плеве. Однако, постепенно къ этой мысли охладѣли, главнымъ образомъ ввиду того, что сборъ такой ударной группы войскъ могъ быть достигнутъ лишь путемъ извѣстныхъ напряженій, и даже цѣною отхода армій С.-З. фронта на болѣе сокращенныя позиціи по Нареву и Вислѣ, при осуществленіи же намѣченнаго сосредоточенія пришлось встрѣтиться съ различными затрудненіями, которыя, впрочемъ, всегда выростаютъ, если только начать колебаться. Въ конечномъ результатѣ, намѣчавшіяся войска пришлось все равно перебросить на Ю.-З. фронтъ, но использованы они были не въ видѣ ударной группы, а разрозненно, по частямъ. Мысль объ образованіи ударной группы на Ю.-З. фронтѣ была впослѣдствіи даже осуществлена распоряженіемъ генерала Иванова, но неполно и, какъ увидимъ дальше, въ такой обстановкѣ, при которой она не могла дать положительныхъ результатовъ. Чѣмъ дальше мы вели войну, тѣмъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ, мы рѣшительнѣе отказывались отъ маневровъ и склонялись въ пользу непосредственнаго усиленія угрожаемыхъ участковъ, что и было одною изъ многочисленныхъ, впрочемъ, причинъ нашего столь глубокаго отхода въ 1915-мъ году.

24-го мая непріятель вновь атаковалъ участокъ р. Сана между Ярославомъ и Перемышлемъ. На сей разъ онъ окончательно утвердился на правомъ берегу названной рѣки и отбросилъ наши войска за р. Любачовку. Такимъ образомъ былъ прорванъ нашъ новый рубежъ, на которомъ имѣлось въ виду остановить дальнѣйшее продвиженіе непріятеля. Мы имѣли много основаній предполагать, что имѣемъ дѣло съ новой переброской германскихъ войскъ съ запада противъ насъ. Въ слѣдующіе дни непріятель успѣлъ расширить свой правобережный плацдармъ, оттѣсняя наши войска все далѣе на востокъ и на югъ, къ Перемышлю. Попытка генерала Иванова вырвать иниціативу изъ рукъ нашихъ противниковъ внезапнымъ переходомъ въ общее наступленіе не удалась. Не удалось также остановить продвиженіе непріятеля на фронтѣ между р. р. Любачовкой и Вишней, несмотря на то, что здѣсь нами были введены три вновь прибывшихъ на фронтъ корпуса (II-й и V-й Кавказскіе и XXIII-й), каковые корпуса, по моему проекту, должны были составить ядро новой 12-й арміи; въ дѣйствительности же были брошены въ бой безъ общаго руководства и единаго управленія.

Назрѣвалъ вопросъ о Перемышлѣ. — Крѣпость эта оказалась въ исходящемъ углѣ нашего расположенія и уже съ трехъ сторонъ охватывалась не-

пріятелемъ. Послѣ перехода въ наши руки, она не была приведена въ боевую готовность и не была снабжена ни боевымъ имуществомъ, ни запасами; поэтому эвакуація ея не представляла техническихъ затрудненій и могла быть выполнена въ короткій срокъ. Съ паденіемъ оборонительной линіи р. Сапа и въ соотвѣтствіи съ общими указаніями Верховнаго Главнокомандующаго, войска, занимавшія Перемышль, стали постепенно выводиться изъ петли, уже образовавшейся вокругъ этого пункта, и къ 3-му іюня всѣ укрѣпленія, составлявшія обводъ бывшей крѣпости, были нами оставлены. Это обстоятельство дало намъ значительное, въ нѣсколько десятковъ километровъ, сокращеніе фронта. Непріятель окончательно закрѣпился на р. р. Любачовкѣ и Вишнѣ; мы же вынуждены были вскорѣ продолжать свой отходъ.

Въ первыхъ же числахъ іюня наша 11-ая армія, послѣ многодневныхъ упорныхъ и славныхъ боевъ, въ которыхъ германцамъ были нанесены тяжкія потери, оказалась все же вынужденной къ отходу за Днѣстръ, на участокъ Миколаевъ — Галичъ. Здѣсь эта армія, подкрѣпленная новыми силами, подвезенными съ С.-З. фронта, успѣла отбросить германцевъ и остановить дальнѣйшее ихъ продвиженіе. Въ соотвѣтствіи съ новымъ расположеніемъ 11-й арміи, и 9-я армія получила указаніе начать отходъ своими правофланговыми корпусами на Галичъ, Тысьменицу и Отынь. Лѣвый флангъ 9-й арміи остался на мѣстѣ.

Отходъ нашъ отъ Сапа, по полученнымъ донесеніямъ, произвелъ заграницей — въ Англіи, и особенно во Франціи — сильное впечатлѣніе. Нашъ посолъ въ Парижѣ телеграфировалъ о томъ, что въ столицѣ Франціи крайне удручены ходомъ дѣлъ на нашемъ фронтѣ, такъ какъ, по мнѣнію многихъ вліятельныхъ парламентаріевъ, «Франція врядъ ли выдержитъ вторую зимнюю кампанію въ траншеяхъ». Это соображеніе А. П. Извольскій подчеркнулъ и въ другой телеграммѣ, указывая одновременно на необходимость, ввиду отсрочки въ наступленіи Италіи, добиться скорѣйшаго присоединенія къ Державамъ Согласія Румыніи, съ которой въ началѣ мая вновь начались оживленные переговоры. Съ согласія Англіи и Франціи, переговоры эти были сосредоточены въ Петроградѣ. Румынскій посланникъ Діаманди очертилъ требованія и пожеланія Румыніи весьма широко, не считаясь съ интересами ни Сербіи, ни самой Россіи; съ своей же стороны правительство Братіано не проявляло достаточной уступчивости въ вопросѣ о достиженіи соглашенія съ Болгаріей на почвѣ соглашенія о Добруджѣ. Чтобы снять съ себя передъ союзниками отвѣтственность за возможный неуспѣхъ переговоровъ, русскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ С. Д. Сазоновъ шелъ навстрѣчу пожеланіямъ румынъ такъ далеко, какъ это только было возможно. Но онъ не могъ не возражать противъ отдачи подъ власть Румыніи русскаго населенія Буковины и Угорщины и противъ продвиженія Румыніи въ Банатѣ къ самому Бѣлграду, для котораго Румынія могла стать столь же опасной, какъ и Австро-Венгрія въ прошломъ. Вынужденная податливость С. Д. Сазонова, однако, мало помогла ус-

пѣху переговоровъ. Событія, развертывавшіяся на Галичскомъ фронтѣ, не способствовали развитію у румынъ стремленія принять въ нихъ непосредственное участіе. Правы были тѣ, кто полагалъ, что выступленіе Румыніи зависитъ не столько отъ той или иной обѣщанной ей будущей границы, сколько отъ фактическаго положенія на театрѣ войны. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ французскихъ кругахъ склонны были обвинять Россію въ излишней несговорчивости при происходившихъ переговорахъ, что было глубоко несправедливо. Дѣлались намеки на то, что, при настоящихъ условіяхъ, «отдѣльные» политическіе интересы союзниковъ должны быть подчинены общей для всѣхъ необходимости, какъ можно скорѣе сломить противника. Очевидно, что такая оцѣнка нашего отношенія къ общимъ интересамъ, послѣ всѣхъ проявленныхъ нами усилій и понесенныхъ жертвъ, оставляла у насъ по себѣ крайне тягостное впечатлѣніе. Позднѣе, уже въ двадцатыхъ числахъ іюля, Румынія, послѣ ряда уступокъ въ ея пользу, сдѣлала, наконецъ, откровенное заявленіе, что она готова подписать политическое и военное соглашеніе на договоренныхъ условіяхъ, но, ввиду неблагопріятныхъ событій на восточномъ театрѣ войны, не можетъ опредѣлить срокъ своего выступленія. Столь неопредѣленное соглашеніе не могло удовлетворить Державы Согласія и потому проектъ подписанія соглашенія съ этой страной былъ оставленъ Державами, какъ несвоевременный. Надежды нашихъ союзниковъ на привлеченіе къ войнѣ Румыніи въ 1915-мъ году должны были мало-по-малу отпасть совершенно, такъ какъ Румынія дополнительно заявила, что если ей не придется выступить достаточно рано, чтобы перевалить черзъ Карпаты до первыхъ снѣговъ, то на нее и ея выступленіе нельзя вообще расчитывать до будущей весны. Словомъ, со стороны Румыніи шло страхованіе на всѣ случаи.

Состояніе нашихъ войскъ и непрекращающіеся успѣхи непріятеля, продвигавшагося все далѣе на востокъ, несмотря на обильный потокъ подававшихся на Ю.-З. фронтъ съ нашей стороны подкрѣпленій, дѣлали маловѣроятнымъ удержаніе находившейся еще въ нашихъ рукахъ восточной части Галичины. Главнокомандующій Ю.-З. фронтомъ, повидимому, давно уже сталъ на эту точку зрѣнія, не препятствуя возбужденію ходатайствъ о разрѣшеніи отхода то на одномъ, то на другомъ участкѣ ввѣреннаго ему фронта. Когда же на это было обращено его вниманіе, то генералъ Ивановъ по-просту приказалъ передавать въ Ставку текстуально донесенія и распоряженія подчиненныхъ ему Командующихъ арміями, безъ контроля и согласованія ихъ съ директивами фронта. — Мы видѣли, что Главнокомандующій Ю.-З. фронтомъ въ свое время не поддержалъ идеи образованія въ тылу армій его фронта оперативно-способной и маневренной группы войскъ, предпочитая подачу послѣднихъ непосредственно въ боевыя линіи, гдѣ они, безнадежно таяли, не выправляя положенія. Однако, послѣ утвержденія непріятеля на правомъ берегу Сана, учитывая обстановку ближайшаго будущаго, при которой арміямъ Ю.-З. фронта придется отходить въ двухъ расходящихся направленіяхъ — на сѣ-

веръ къ границамъ русской Польши, и на востокъ ко Львову, а можетъ быть и далѣе, — генералъ Ивановъ счелъ необходимымъ вернуться къ этой мысли и образовать особую группу войскъ въ раіонѣ Любачова, подъ начальствомъ генерала Олохова. Эта группа, въ составѣ четырехъ пѣх. и одного кав. корпусовъ (XXIX-го, II-го и V-го Кавказскихъ, XXIII-го и IV-го коннаго корпусовъ), остававшаяся въ подчиненіи командующаго 3-й арміей (генерала Леша), должна была, по мысли генерала Иванова, при дальнѣйшемъ отходѣ 3-й и 8-й армій, обезпечивать направленіе на Владиміръ-Волынскъ и быть всегда готовой къ переходу въ наступленіе во флангъ противнику, если бы таковой направился противъ 8-й арміи, долженствовавшей отходить на Городокскую позицію.

Слишкомъ близкій къ фронту выборъ раіона для сосредоточенія группы генерала Олохова привелъ къ тому, что 16-го іюня, почти съ началомъ возобновившагося наступленія непріятеля, войска этой группы оказались въ боевой линіи и, такимъ образомъ, лишены были возможности выполнить какой-либо маневръ. Арміи Ю.-З. фронта продолжали безнадежно подаваться назадъ. Такая обстановка вынудила Верховное Главнокомандованіе, директивой 20-го іюня, отдать распоряженіе о приступѣ къ эвакуаціи Львова и всей оставшейся подъ нашей властью Галичины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предвидя возможность отхода на фронтъ Люблинъ — Холмъ — Владиміръ-Волынскъ и къ границамъ Кіевскаго военнаго округа, Верховное Главнокомандованіе сочло необходимымъ, въ цѣляхъ соотвѣтственной оріентировки, предупредить штабы фронтовъ, что, въ этомъ случаѣ, сѣверная группа войскъ Ю.-З. фронта, отходящая на русскую Польшу, должна будетъ перейти въ подчиненіе Главнокомандующему С.-З. фронтомъ, къ каковому фронту будутъ приписаны Брестъ-Литовская крѣпость и весь Минскій военный округъ. Такое перераспредѣленіе войскъ и тыловой территоріи вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ читателю уже извѣстно, между русской Польшей и Кіевскимъ военнымъ округомъ вклинялось треугольникомъ лѣсисто-болотистое пространство, вершина котораго лежала примѣрно у Буска, а основаніе сливалось съ нашимъ Полѣсьемъ. Это пространство, при назрѣвавшей обстановкѣ, являлось какъ бы естественной и наиболѣе соотвѣтственной границей между войсками и территоріей обоихъ нашихъ фронтовъ.

Войскамъ 8-й арміи не удалось удержаться на подступахъ ко Львову, и 22-го іюня городъ этотъ былъ оставленъ нами. Въ руки противника вновь перешла столица Галичины, владѣніе коей для насъ являлось какъ бы символомъ будущаго освобожденія австрійскихъ славянъ отъ чужероднаго ига.

Директивой генерала Иванова, отданной имъ въ тотъ же день, 3-й арміи, съ группой генерала Олохова, указывалось, — дѣйствуя въ связи съ 4-й арміей, лѣвый флангъ которой оттягивался къ Юзефову, отходить на фронтъ Люблинъ — Владиміръ-Волынскъ.

8-й и 11-й арміямъ — ставилось задачей удерживать наступленіе непріятеля, постепенно отходя къ предѣламъ Кіевскаго военнаго округа и пользуясь

для сего позиціями, энергично возводившимися по плану, подробно разработанному, согласно ближайшихъ указаній новаго начальника штаба армій Ю.-З. фронта генерала Саввича.

9-й арміи предписывалось сообразовать свой фронтъ съ движеніемъ сосѣдней 11-й арміи.

Съ полночи на 25-ое іюня 3-я армія перешла въ подчиненіе Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта. У генерала Иванова остались въ подчиненіи лишь три арміи (8-я, 11-я и 9-я), съ которыми онъ продолжалъ отходить къ границамъ Кіевскаго военнаго округа, базируясь на сей послѣдній. Въ рукахъ же генерала Алексѣева были объединены остальныя семь армій (10-я, 12-я 1-я, 2-я, 5-я, 4-я, и 3-я), силы коихъ находились на территоріи русской Польши, или отходили на нее изъ Галичины. Для связи между войсками обоихъ фронтовъ. къ внутреннимъ флангамъ послѣднихъ, въ раіонѣ Полѣсья, были стянуты кавалерійскія массы, изъ состава обоихъ фронтовъ.

Къ С.-З. фронту принадлежали также войска, находившіяся на правомъ берегу р. Нѣмана, въ Риго-Шавельскомъ раіонѣ. О нихъ намъ придется сказать въ этой главѣ еще нѣсколько словъ.

Мы видѣли, что войска эти принадлежали къ составу 10-й арміи, штабъ которой находился въ Гроднѣ, т. е. въ 200—300 верстахъ отъ мѣста ихъ дѣйствій. Будучи, такимъ образомъ, на отлетѣ и состоя изъ слабыхъ отрядовъ, они вначалѣ мало привлекали къ себѣ вниманіе штаба арміи. «Въ Шавельскомъ раіонѣ — безъ перемѣнъ», — таково было обычное донесеніе съ мѣста, пока нѣмцы не проявили именно къ этому раіону живого интереса. Тогда началось недостаточно планомѣрное усиленіе тамъ находившихся войскъ и, надо сказать, довольно базтолковое ими управленіе. Войскамъ не было поставлено опредѣленной задачи и каждымъ ихъ шагомъ стремились руководить издалека; въ результатѣ — нѣмцы угрожающе стали распространяться по правому берегу р. Нѣмана, въ направленіяхъ къ Митавѣ и Вильнѣ. Генералъ Палицынъ, состоявшій при генералѣ Алексѣевѣ и командированный разобраться во взаимоотношеніяхъ между штабомъ 10-й арміи и войсками даннаго раіона, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что генералъ Горбатовскій — командиръ XIX-го корпуса, переброшеннаго въ данный раіонъ, былъ настолько подавленъ попечительнымъ къ нему отношеніемъ штаба арміи, что автору воспоминаній пришлось серьезно просить этотъ штабъ не посылать никакихъ указаній и не вмѣшиваться въ работу названнаго корпуса по крайней мѣрѣ три дня... Нельзя, конечно, отказать этому способу лѣченія недуга въ нѣкоторой оригинальности, но важно отмѣтить этотъ фактъ, какъ чрезвычайно рельефно характеризующій положеніе дѣла.

Главнокомандующій С.-З. фронтомъ рѣшилъ, однако, данный вопросъ иначе. Добившись отмѣны распоряженія Ставки о командированіи генерала Плеве со штабомъ 12-й арміи на Ю.-З. фронтъ для образованія на немъ особой группы войскъ въ раіонѣ Томашова и Равы Русской, генералъ Алексѣевъ въ началѣ іюня образовалъ изъ всѣхъ войскъ, находившихся въ Риго-Шавель-

скомъ раіонѣ новую армію, получившую названіе 5-й арміи, во главѣ которой и былъ поставленъ генералъ Плеве со своимъ штабомъ. 12-ю же армію на Наревскомъ участкѣ фронта принялъ генералъ Чуринъ, командовавшій передъ тѣмъ 5-й арміей на лѣвомъ берегу р. Вислы, каковая армія была расформирована, съ передачей всѣхъ ея войскъ въ составъ сосѣдней 2-й арміи (генерала Смирнова).

На новую 5-ю армію, ядро которой составили корпуса III-й, XIX-й и XXXVII-й и семь кав. дивизій, Главнокомандующимъ арміями С.- З. фронта была возложена крайне неблагодарная задача по прикрытію обширнаго раіона отъ Нѣмана до Балтійскаго побережья, ставшаго новымъ раіономъ дѣйствій нѣмцевъ, и «постепенное, въ мѣрѣ возможности», вытѣсненіе непріятеля изъ занятаго имъ пространства. — Базой новой арміи должны были служить Рига и Двинскъ.

Со своей стороны Верховное Главнокомандованіе возложило на эту армію задачу по укрѣпленію съ сухого пути подступовъ къ Ригѣ и къ Двинску и подготовкѣ Виндавскаго раіона къ эвакуаціи. Балтійскому флоту было дано указаніе прочно удерживать Моонзундъ, обезпечивавшій сообщеніе нашего миннаго флота съ Рижскимъ заливомъ, и организовать оборону Ирбенскаго входа въ Рижскій заливъ минными и подводными средствами. Для усиленія защиты Ирбенскаго пролива и оказанія содѣйствія правому флангу нашего сухопутнаго фронта, въ случаѣ отхода послѣдняго на Двину, нашимъ морякамъ удалось, преодолѣвъ большія трудности, ввести въ Рижскій заливъ линейный корабль «Слава».

Съ прибытіемъ въ Риго-Шавельскій раіонъ генерала Плеве, распространеніе нѣмцевъ было дѣйствительно пріостановлено; управленіе войсками упорядочилось, но время для «вытѣсненія» было упущено безвозвратно.

Нѣмцы прочно утвердились въ занятомъ ими раіонѣ и стали закрѣплять свое положеніе проволокой, укрѣпленіями и быстрымъ возведеніемъ въ тылу путей сообщенія и связи. Послѣдніе должны были имъ послужить для болѣе широкаго развитія въ будущемъ операцій на крайнемъ правомъ флангѣ нашего общаго стратегическаго фронта.

ГЛАВА XVII.

Постепенный отходъ нашихъ войскъ изъ Русской Польши и дальнѣйшее развитіе германцами наступательныхъ дѣйствій въ Риго-Шавельскомъ раіонѣ. — Перемѣны въ правительствѣ. — Образованіе новаго Сѣвернаго фронта. — Междусоюзническій военный совѣтъ въ Шантильи. — Евфратская операція на Кавказскомъ фронтѣ.

Фактъ оставленія нашими войсками значительной части Галичины, обильно политой русской кровью, отозвался весьма тяжело во всей Россіи. Въ сущности, почти на нѣтъ были сведены всѣ жертвы, принесенныя въ цѣляхъ освобожденія подъяремныхъ Славянъ и нанесенія австрійцамъ смертельнаго удара. Австрійская армія не только не разложилась окончательно, но

получила новый импульсъ, вернувшій ее къ жизни и даже вдохнувшій въ нее силы для наступательныхъ дѣйствій. На послѣднемъ участкѣ нашего фронта иниціатива дѣйствій выпала изъ нашихъ рукъ. Мы вынуждены были не только вернуть непріятелю завоеванное у него обширное пространство земли, но готовиться къ отходу на нашу собственную территорію и вѣроятному перенесенію на нее всѣхъ тяжестей дальнѣйшей войны. Авторитету нашему, особенно на Балканахъ, былъ нанесенъ чувствительный ударъ. Силы, намъ враждебныя, подняли головы; все намъ сочувствовавшее — приникло и смолкло...

Но еще болѣе грозными являлись симптомы нѣкотораго износа нашей арміи. Наши силы падали численно; подвергались сомнѣніямъ и стойкость не только отдѣльныхъ элементовъ, вливавшихся въ армію, но даже и нѣкоторыхъ войсковыхъ частей, изъ наиболѣе пострадавшихъ въ бояхъ; матеріальная часть ветшала; снабженіе оружіемъ и боевыми припасами налаживалось плохо. Всѣ эти данныя ярко были подчеркнуты на совѣщаніи, собранномъ Верховнымъ Главнокомандующимъ въ двадцатыхъ числахъ іюня въ Холмѣ.

Некомплектъ въ арміяхъ обоихъ фронтовъ вновь достигъ полумилліона людей, причемъ пополненіе его встрѣчало прежнія затрудненія, преимущественно изъ-за недостатка винтовокъ. Въ распоряженіи Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба въ это время имѣлось всего лишь около 40 т. свободныхъ ружей. Къ тому же «качество пополненій, въ смыслѣ подготовки, — какъ доносилъ Верховный Главнокомандующій Государю, — ниже всякой критики, такъ какъ это все скороспѣлки и, изъ за того же недостатка ружей, почти не обучены стрѣльбѣ». Не хватало и офицеровъ; пополнить же недостатокъ въ нихъ было не кѣмъ. Матеріальное имущество — артиллерія, обозы, походныя кухни, телефоны, — замѣтно износилось; часть его была растеряна при разнаго рода передвиженіяхъ и подбита въ бояхъ. Недостатокъ въ боевыхъ припасахъ былъ огромный; онъ ощущался даже въ подвижныхъ запасахъ, и особенно на Ю.-З. фронтѣ, гдѣ налицо едва имѣлось 40% отъ установленной нормы.

Кромѣ недостаточной подготовки прибывавшихъ укомплектованій, уменьшавшей боеспособность нашихъ войскъ, приходится отмѣтить, въ интересахъ исторической правды, и нѣкоторую моральную усталость, овладѣвшую нашими войсками, подъ вліяніемъ трудныхъ условій войны и тяжелыхъ неудачъ. Наши огромныя потери должны были быть объясняемы не только естественной убылью убитыми и ранеными въ результатѣ непрерывныхъ боевъ, но и значительнымъ увеличеніемъ потерь военно-плѣнными. И если число всѣхъ забранныхъ у непріятеля нашими арміями плѣнныхъ поступившихъ на учетъ внутри Имперіи, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ къ 1 апрѣля 15-го года, выражалось цифрою въ 600 слишкомъ тысячъ человѣкъ, то едва ли число нашихъ плѣнныхъ не превышало приведенную цифру вдвое. Стали наблюдаться также тревожные случаи прибытія на театръ военныхъ дѣйствій маршевыхъ ротъ въ неполныхъ составахъ, что должно было объясняться убылью въ пути отсталыми и дезертирами.

Какъ всегда при неудачахъ, — стали искать виновниковъ таковыхъ; приэтомъ повелся усиленный походъ противъ лицъ, стоявшихъ въ центрѣ военныхъ событій, или занимавшихъ командные посты. Много было критики, частью добросовѣстной, большею же частью лицепріятной, исходившей изъ самыхъ дурныхъ человѣческихъ побужденій. На безупречныхъ людей не стѣснялись возводить самыя нелѣпыя и гнусныя обвиненія — до предательства и измѣны включительно. Особенно доставалось начальникамъ съ нѣмецкими фамиліями. Такъ какъ необоснованныя обвиненія и злостная клевета вносили въ армію и населеніе не малую смуту, то потребовался даже особый приказъ Верховнаго Главнокомандующаго, имѣвшій цѣлью положить предѣлъ распространенію этого вреднаго явленія.

Въ центрѣ страны, въ Москвѣ, больная психологія народныхъ массъ разразилась во второй половинѣ мая — точнаго числа не помню, — страшнымъ взрывомъ, который выразился въ извѣстномъ погромѣ, стоившемъ жизни ряду лицъ и нанесшемъ Первопрестольной огромный убытокъ, исчислявшійся въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Офиціальной причиной безпорядковъ было выставлено народное озлобленіе противъ нѣмцевъ, но не всѣ вѣрили этому слишкомъ простому объясненію. Такъ, въ Парижѣ склонны были видѣть въ Московскихъ событіяхъ проявленіе враждебнаго отношенія русскаго народа вообще ко всѣмъ иностранцамъ безъ изъятія; въ созданіи такого настроенія французское общество винило собственное правительство, давившее своею цензурою на печать, которая вынуждалась этимъ обстоятельствомъ къ умолчанію о жертвахъ, приносившихся націей общему дѣлу. Въ частности, напримѣръ, французскому правительству ставили въ упрекъ, что о начавшейся 8—9-го мая наступательной операціи на западномъ фронтѣ, ея размѣрахъ и понесенныхъ потеряхъ мало что было извѣстно обществу не только русскому, но и французскому. Отсюда выводили, впрочемъ, очень скромное заключеніе о необходимости отъ времени до времени командированія офицеровъ съ одного фронта на другой, для взаимнаго ознакомленія о положеніи дѣлъ.

Лично я приписывалъ Московскіе безпорядки стихійному проявленію народнаго чувства, глубоко уязвленнаго и оскорбленнаго происшедшими неудачами. Всякій по своему искалъ выхода изъ создавшагося невыносимо-тягостнаго положенія. Но никто въ Россіи тогда еще не хотѣлъ мира, и едва ли кто-либо посмѣлъ бы громко и безнаказанно произнести это одіозное по тому времени слово. Исключеніе составляла, впрочемъ, небольшая кучка крайнихъ революціонеровъ, для которыхъ, въ борьбѣ съ ненавистнымъ для нихъ въ Россіи строемъ, не существовало предѣловъ. Эти люди съ начала войны держались опредѣленно пораженческой точки зрѣнія и нѣкоторые изъ нихъ, не стѣсняясь даже принадлежностью къ составу Россійской Государственной Думы, пытались еще осенью 14-го года подготовить забастовочное движеніе на заводахъ и вести революціонную пропаганду въ запасныхъ частяхъ. По имѣвшимся свѣдѣніямъ, одинъ изъ видныхъ представителей русскихъ соціалистическихъ партій, въ февралѣ 15-го года, въ Лондонѣ, на конференціи соціали-

стовъ союзныхъ странъ Державъ Согласія, формулировалъ свои настроенія приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Побѣда Франціи, Англіи и Бельгіи принесетъ Европѣ миръ и благополучіе, но это значитъ, что побѣдительницей будетъ и Россія. Думаетъ ли конференція, что Россія, въ данное время управляемая царизмомъ, будучи побѣдительницей, укрѣпленная въ своемъ государственномъ строѣ, будетъ принимать при этихъ условіяхъ участіе въ реформахъ, или же она еще больше закрѣпитъ не только свою страну, но и вновь пріобрѣтенныя земли, до этого относительно свободныя? — Конференція, состоявшая, кромѣ русскихъ делегатовъ, изъ представителей соціалистическихъ партій Англіи, Франціи и Бельгіи, единогласно высказавшихся предъ тѣмъ за войну, отказалась, впрочемъ, обсуждать поставленный вопросъ. — Повидимому, въ связи съ такимъ настроеніемъ этой конференціи, другой делегатъ, нынѣ входящій въ число активныхъ дѣятелей «С.С.С.Р.» протестовалъ вообще противъ работъ «соціалъ-патріотической конференціи».

Нѣкоторыя резолюціи Лондонской соціалистической конференціи, направленныя противъ внутренней политики Россіи, были напечатаны въ Парижскихъ газетахъ; появленіе ихъ въ печати вызвало необходимость для французскаго правительства подтвердить незыблемость союза съ Россіей.

Давно назрѣвавшее внутреннее всеобщее недовольство въ Россіи, крайне обострившееся подъ вліяніемъ неудачъ на фронтѣ, въ связи съ вялой дѣятельностью правительственныхъ органовъ по обезпеченію арміи всѣмъ необходимымъ для продолженія войны, могло быть частично сглажено лишь перемѣнами въ личномъ составѣ правительства, которыя свидѣтельствовали бы о желаніи послѣдняго вступить на примирительныя съ обществомъ и страною позиціи. Вначалѣ прошелъ слухъ о предстоящемъ уходѣ дряхлаго И. Л. Горемыкина и замѣнѣ его на посту Предсѣдателя Совѣта Министровъ С. Д. Сазоновымъ или А. В. Кривошеинымъ. Слухъ этотъ оказался ложнымъ, но, въ видѣ первой уступки общественному мнѣнію, палъ особенно непопулярный Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Н. А. Маклаковъ. Его замѣнилъ князь Щербатовъ — человѣкъ близкій къ земскимъ кругамъ. Затѣмъ былъ уволенъ отъ должности генералъ Сухомлиновъ и на постъ Военнаго Министра назначенъ генералъ А. А. Поливановъ. Это былъ очень дѣятельный, опытный и способный военный администраторъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ въ Государственной Думѣ, но лично не любимый Государемъ. Въ назначеніи генерала Поливанова, съ особенной отчетливостью, можно было усмотрѣть стремленіе Верховнаго Главы Государства отнынѣ руководиться, при выборѣ новыхъ министровъ, не личными симпатіями, а соображеніями государственной пользы. Освободившаяся должность Оберъ-Прокурора Св. Синода была предоставлена А. Д. Самарину, который былъ выдвинутъ Московскими общественными кругами и отъ котораго ожидалось оздоровленіе церковной іерархіи.

Такимъ образомъ, во всѣхъ новыхъ назначеніяхъ какъ бы проявлялось искреннее желаніе Верховной власти пойти навстрѣчу обществу и дать послѣд-

нему извѣстное удовлетвореніе. Надо было, конечно, ожидать, что и общество откликнется на проявленное къ нему довѣріе и своего рода призывъ къ совмѣстной работѣ по доведенію страны до побѣднаго конца.

Если не измѣняетъ мнѣ память, 24-го іюля въ Ставкѣ состоялся подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора, чрезвычайный Совѣтъ Министровъ,въ обновленномъ составѣ, на которомъ былъ подвергнутъ обсужденію вопросъ о внутреннемъ состояніи Россіи и необходимыхъ мѣрахъ для успѣшнаго продолженія войны. По окончаніи Совѣта, участники такового были сняты съ Государемъ въ общей группѣ, какъ бы удостовѣрявшей о состоявшемся единеніи для общей довѣрчивой работы на пользу Родины. — Въ Барановичахъ стоялъ чудесный яркій лѣтній день. Въ обширномъ шатрѣ-палаткѣ, раскинутомъ вблизи Царскаго поѣзда, состоялся обѣдъ, на который къ Государю были приглашены всѣ члены Совѣта Министровъ и обычно присутствовавшія за Высочайшимъ столомъ лица. Мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ Самаринымъ, съ которымъ я встрѣтился въ первый и послѣдній разъ. Несмотря на событія на фронтѣ, всѣмъ было на душѣ свѣтло и радостно. Хотѣлось вѣрить, что, по мановенію жезла, будутъ раздвинуты горы, преграждавшія намъ путь къ радостной жизни, и надъ Россіей взойдетъ новое солнце. — Въ такомъ настроеніи закончился этотъ многообѣщавшій день.

Ко времени отхода войскъ Ю.-З. фронта къ границамъ Варшавскаго и Кіевскаго военныхъ округовъ, въ нашей Дѣйствующей на западѣ Арміи находилось 49 корпусовъ, а всего, съ отдѣльными частями, — 108 пѣх. дивизій, 16 стрѣлк. и пласт. бригадъ и 35 конныхъ дивизій. Однако, эта армія долженствовавшая, по штатамъ, имѣть свыше 1½ милліона штыковъ, едва ли имѣла и милліонъ; таковъ былъ въ ней некомплектъ. — Многія дивизіи числили въ своихъ рядахъ лишь по нѣсколько тысячъ, а наиболѣе пострадавшіе въ бояхъ полки имѣли всего лишь по нѣсколько сотъ штыковъ. При такихъ условіяхъ, являлась опасность растерять въ этихъ полкахъ окончательно и послѣднихъ людей, а съ ними и кадры самихъ частей. — Съ переходомъ 25-го іюня 3-й арміи, вмѣстѣ съ группой генерала Олохова, въ подчиненіе генералу Алексѣеву и съ разрывомъ, такимъ образомъ, армій, первоначально подчинявшихся генералу Иванову, на двое, изъ общаго числа корпусовъ — 37 вошло въ составъ армій С.-З. фронта и только 12 осталось въ арміяхъ Ю.-З. фронта. По числу дивизій, свыше ⅔ всѣхъ силъ перешло въ подчиненіе генералу Алексѣеву, на котораго, такимъ образомъ, выпадала роль не только непосредственно руководить большею частью нашихъ вооруженныхъ силъ, но и выполнить наиболѣе отвѣтственную часть общей задачи.

Въ чемъ же, однако, могла заключаться эта общая задача?

Для Верховнаго Главнокомандованія было вполнѣ ясно, что, при создавшихся обстоятельствахъ, наша первѣйшая цѣль должна была заключаться въ томъ, чтобы сохранить съ каждымъ днемъ таявшую армію.

Только при этомъ условіи являлась возможность обезпечить дальнѣйшее плодотворное участіе Россіи въ войнѣ. Уже предрѣшенные призывы новыхъ категорій людей, равно принятыя мѣры по пріобрѣтенію за границей и по болѣе широкому изготовленію внутри страны предметовъ боевого снабженія, давали основаніе расчитывать, что, при сохраненіи нынѣшней арміи, въ видѣ кадровъ, наша военная мощь можетъ возродиться въ значительной мѣрѣ.

Начавшая было налаживаться связь между правительствомъ и обществомъ, долженствовавшая несомнѣнно благотворно отразиться на внутреннемъ настроеніи въ странѣ, дѣлала наши расчеты еще болѣе обоснованными.

Съ другой стороны мы имѣли право расчитывать, что, въ концѣ концовъ, наши союзники сумѣютъ рѣшительно придти къ намъ на помощь и своими дѣйствіями оттянуть часть непріятельскихъ силъ съ нашего фронта. Наконецъ, черезъ 2—2½ мѣсяца должна была наступить осенняя распутица, которая положитъ естественный предѣлъ продвиженію непріятеля на востокъ.

Такимъ образомъ вырисовывалось второе условіе нашихъ дѣйствій — необходимо было выиграть время.

Глубина театра войны предоставляла намъ большія возможности въ этомъ отношеніи. Однако, учитывая тѣ неисчислимыя бѣдствія и разореніе, которыя приноситъ съ собою современная война населенію, Верховное Главнокомандованіе твердо держалось того мнѣнія, что ни одна пядь русской земли не должна быть отдана врагу, если уступка этой земли не вызывается безусловной военной необходимостью. Такая отправная точка зрѣнія, конечно, значительно затрудняла предстоявшую задачу, но она являлась, въ пониманіи Ставки, единственно правильной, и въ этомъ отношеніи ее не соблазняли перспективы быстраго безоглядочнаго отступленія, связаннаго съ отдачею врагу значительныхъ пространствъ родной земли.

Наивыгоднѣйшей линіей, на которой считалось необходимымъ закончить нашъ отходъ, представлялась линія, отходившая отъ Рижскаго залива, западнѣе Риги, къ участку средняго Нѣмана, съ крѣпостями Ковна и Гродна на флангахъ и Олитскимъ предмостнымъ укрѣпленіемъ въ центрѣ. Далѣе на югъ — рѣка Свислочь, Бѣловѣжская пуща, верхній Наревъ, съ притоками, и крѣпость Брестъ-Литовскъ. Наконецъ, верхнее теченіе р. Буга, одинъ изъ лѣвыхъ притоковъ р. Днѣстра, теченіе послѣдняго и участокъ русской границы, упирающійся на югѣ въ Румынію. При прямолинейномъ очертаніи, сокращавшемъ нашъ фронтъ до 1000 верстъ, намѣчавшаяся линія имѣла обезпеченные фланги: правый — нашей флотиліей Рижскаго залива и лѣвый — нейтральнымъ государствомъ; на фронтѣ ея находился рядъ заблаговременно укрѣпленныхъ пунктовъ и выгодныхъ для обороны естественныхъ рубежей. Въ тылу — въ нашемъ распоряженіи пролегала, въ качествѣ рокадной, желѣзнодорожная линія Рига — Двинскъ — Вильна — Барановичи — Ровно — Староконстантиновъ — Каменецъ-Подольскъ, съ большимъ числомъ отвѣтвленій къ западу и востоку. Трудность использованія этой линіи заключалась лишь въ томъ, что крайнія крылья нашей Дѣйствующей Арміи, при своемъ

отходѣ, почти уже достигали намѣченныхъ рубежей; центральная же часть этой Арміи оставалась еще въ Польшѣ и ее надлежало вывести изъ того опаснаго охватываемаго положенія, въ которомъ она пребывала. Всякій серьезный нажимъ противника не только на указанныя выше крылья, но просто на фланги нашего центральнаго участка, могъ создать крайне опасную угрозу для болѣе или менѣе значительной части этой арміи. Особенно опаснымъ въ этомъ отношеніи являлся нажимъ на правое крыло нашей арміи, такъ какъ при условіи достаточныхъ силъ у непріятеля, нажимъ этотъ способенъ былъ создать угрозу правому флангу и тылу главной массы нашихъ войскъ, долженствовавшихъ отходить къ сѣверу отъ Полѣсья. Эту опасность Верховное Главнокомандованіе должно было всегда имѣть передъ глазами.

Отходомъ на указанную выше линію, конечно, предрѣшалось оставленіе Варшавы и правобережной Польши. Вопросъ былъ лишь во времени, о чемъ мнѣ лично и пришлось предупредить тѣхъ изъ участниковъ описаннаго выше Совѣта 24-го іюня, которые, по окончаніи засѣданія, вели со мною бесѣды о положеніи дѣлъ на фронтѣ и о ближайшихъ перспективахъ.

Противникъ, при дальнѣйшемъ наступленіи вслѣдъ за нашими отходившими войсками Ю.-З. фронта, сталъ направлять главныя свои усилія въ разрѣзъ между сѣверной и восточной группами этого фронта, въ направленіяхъ на Холмъ и Владиміръ Волынскъ. Развѣдка обнаружила на упомянутыхъ направленіяхъ до 10—12-ти германскихъ дивизій. Одновременно, производилось давленіе и на 3-ю армію, отходившую на Люблинъ. Дѣйствія въ направленіяхъ къ Зап. Бугу, въ общемъ, создавали угрозу всему нашему положенію въ Польшѣ.

Чтобы противодѣйствовать замысламъ противника и съ утвержденія Верховнаго Главнокомандующаго, восточнѣе 3-й арміи была образована новая 13-я армія (генерала Горбатовскаго) и на южный участокъ Варшавскаго военнаго округа были направлены изъ состава разныхъ армій С.-З. фронта сильныя подкрѣпленія.

Тѣмъ не менѣе, въ цѣляхъ сохраненія «живой силы» и для расширенія полномочій Главнокомандующаго арміями С.-З. фронта, Верховною директивою отъ 5-го іюля генералу Алексѣеву было предоставлено право, въ случаѣ необходимости, начать отводъ нашихъ войскъ отъ средней Вислы, не затрудняясь уступкой непріятелю западной части Привислинскаго края. Предѣломъ допустимаго отхода указывался фронтъ Бобра, верхняго Нарева и далѣе линія Брестъ — Ратно (на р. Припяти).

Изъ двухъ укрѣпленныхъ пунктовъ — Новогеоргіевска и Ивангорода, — находившихся въ раіонѣ, намѣчавшемся къ эвакуаціи, по отношенію къ Ивангороду дано было указаніе, что пунктъ этотъ не долженъ считаться крѣпостью, предназначенной для самостоятельнаго удержанія, но лишь участкомъ заблаговременно укрѣпленной позиціи, долженствовавшей обезпечивать свободу маневра нашихъ войскъ на обоихъ берегахъ средней Вислы. Такимъ

образомъ это указаніе давало право на эвакуацію Ивангорода, одновременно съ окончательнымъ отходомъ нашихъ войскъ отъ названной рѣки. Что касается Новогеоргіевска, то умолчаніе о немъ должно было пониматься, и естественно понималось, въ томъ смыслѣ, что съ крѣпости этой не снимается обязанность по выполненію основной задачи всякой крѣпости — быть готовой къ изолированной оборонѣ. Новогеоргіевская крѣпость, какъ уже было объяснено въ одной изъ первыхъ главъ, не подверглась упраздненію и, напротивъ того, передъ войной было приступлено къ ея коренной перестройкѣ. Рѣшеніе это, по существу, являлось уступкой общественному мнѣнію, глубоко взволновавшемуся не только въ Россіи, но и во Франціи, когда былъ поднятъ вопросъ о полномъ упраздненіи всѣхъ нашихъ крѣпостей на Вислѣ. И, хотя работы по усиленію крѣпости ко времени начала войны еще далеко не были доведены до конца, тѣмъ не менѣе Верховное Главнокомандованіе не рѣшилось остановиться на эвакуаціи Новогеоргіевска, съ приближеніемъ къ нему противника. Такое рѣшеніе было бы безпримѣрнымъ въ нашей военной исторіи, и подойти къ нему было не легко. Печальныхъ примѣровъ изолированной обороны нѣкоторыхъ крѣпостей на фронтѣ нашихъ союзниковъ оказалось для сего недостаточно; нужно было пройти черезъ собственный опытъ, чтобы придти къ убѣжденію, что, при современной силѣ артиллерійскаго огня и легкости доставки къ штурмующему огнестрѣльныхъ припасовъ, крайне опасно къ крѣпостному флангу пріурочивать часть войскъ, и что всякій укрѣпленный пунктъ или позиція, долговременнаго или временнаго характера — безразлично, должны быть, при нынѣшнихъ условіяхъ, удерживаемы лишь постолько, посколько владѣніе ими необходимо для дѣйствительныхъ интересовъ полевой арміи. — Распоряженіемъ генерала Алексѣева въ гарнизонъ Новогеоргіевска сперва былъ назначенъ XXVII-й корпусъ; впослѣдствіи онъ былъ замѣненъ 58-й, 63-й 113-й и 114-й пѣх. дивизіями, изъ коихъ послѣднія двѣ совсѣмъ недавно были сформированы изъ ополченскихъ частей.

Въ первыхъ числахъ іюля усилія непріятеля къ продвиженію впередъ между Вислой и Зап. Бугомъ, на направленіяхъ къ Люблину, Красноставу и Грубешову, стали особенно настойчивыми. Наступленіе это должно было, повидимому, прикрываться боковымъ заслономъ, продвигавшимся къ западу, въ направленіи на Крыловъ — Сокаль. Южнѣе Сокаля непріятельскій фронтъ протягивался вдоль верхняго Буга, Золотой Липы и Днѣстра. — Генералъ Ивановъ допускалъ отходъ своей правофланговой 8-й арміи отъ верхняго Буга лишь въ крайности и на этотъ случай указывалъ генералу Брусилову на возможность уклоненія его наружнаго фланга къ Рожище-Луцкому раіону, но съ непремѣннымъ условіемъ заблаговременнаго сбора сильной кавалерійской массы у себя на правомъ открытомъ флангѣ.

Наступавшіе на Люблинскомъ направленіи австрійцы сосредоточили свои главныя усилія къ востоку отъ Красника до Вепржа. Этому наступленію, однако, былъ положенъ предѣлъ смѣлымъ ударомъ 5-го іюля нашихъ войскъ во флангъ непріятелю, со стороны Вильколаза. Противникъ былъ разгромленъ

и отброшенъ на югъ въ полномъ безпорядкѣ; онъ потерялъ одними плѣнными свыше 20 т. человѣкъ и долго не могъ собраться съ силами, для продолженія своего наступательнаго марша.

Восточнѣе, между Вепржемъ и Бугомъ, наступленіе вели германцы. Постепенно бои развернулись вдоль р. Волицы и далѣе между р. Гучвой и Бугомъ, къ югу отъ Грубешова, а также вверхъ по Бугу до Сокаля. Эти бои пріобрѣли затяжной и очень упорный характеръ; боевыя столкновенія нерѣдко доходили до рукопашной свалки и дорого обходились обѣимъ сторонамъ. Весьма важнымъ представлялось парировать попытки противника не только къ наступленію по лѣвому берегу Буга, но и къ форсированію названной рѣки, при которомъ могла создаться угроза обхода Бреста съ востока. Извѣрившись въ возможность прорвать нашъ фронтъ и обойти насъ съ востока, германцы 17-го іюля обрушились огромными силами на наши войска, находившіяся на лѣвомъ берегу р. Вепржа, и, невзирая на оказанное имъ упорное сопротивленіе, все же успѣли, на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, овладѣть Красноставомъ и нѣкоторыми переправами черезъ рѣку выше города. Угрожающее положеніе, принятое германскими войсками по отношенію къ нашему участку фронта между Вепржемъ и Бугомъ, рѣшило дѣло; мы стали постепенно отходить на всемъ южномъ участкѣ Передового театра, направляясь на сѣверъ, на Люблинъ и Холмъ, и продолжая, впрочемъ, оспаривать у противника каждый шагъ въ упорныхъ бояхъ.

12-го іюля, съ вечера, обнаружилось наступленіе противника и на Наревскомъ фронтѣ. Особенно сильный напоръ германцевъ шелъ между р. Оржицемъ и Вкрой, на фронтъ Праснышъ — Цѣхановъ, и между Писсой и Шквой, въ направленіи на Новогродъ — Ломжу. Наши войска проявили много доблести и упорства въ отраженіи атакъ, имѣвшихъ мѣсто въ послѣдующіе дни. Но германцы ввели въ развернувшіеся здѣсь бои значительныя силы, которыя были переброшены ими не только съ лѣваго берега р. Вислы, но также и съ западнаго фронта. 17-го іюля они подошли къ Новогеоргіевску, Пултуску и Рожанамъ; завязавъ у послѣднихъ двухъ пунктовъ ожесточенные бои, они усиленно стремились форсировать р. Наревъ на указанномъ участкѣ. — Къ 24-му іюля усилія германцевъ увѣнчались успѣхомъ, и мы принуждены были нѣсколько отойти отъ нижняго Нарева.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ новымъ положеніемъ, наши войска на лѣвомъ берегу р. Вислы также отошли: 2-я армія на позицію Блоне-Гройцы, а 4-я армія, послѣ упорнаго боя на р. Илжанкѣ, на фронтъ Бялобржеги — Ополе, примкнувъ далѣе лѣвымъ флангомъ къ отходившей на Люблинъ 3-й арміи.

Еще черезъ нѣсколько дней, а именно 29-го іюля германцы на лѣвомъ берегу р. Вислы, получивъ подкрѣпленія съ западнаго фронта и потѣснивъ наши войска, стали переправляться черезъ названную рѣку на участкѣ между Ивангородомъ и устьемъ р. Пилицы. Несмотря на нашу контръ-атаку, нѣмцамъ удалось утвердиться на правомъ берегу Вислы въ раіонѣ Мацѣевице; правый же флангъ нашей 4-й арміи былъ отжатъ къ Ивангородскимъ укрѣп-

леніямъ. —Прорывъ оборонительной линіи р. Вислы вынудилъ насъ оттянуть на правый берегъ этой рѣки и 2-ю армію, занимавшую, какъ мы знаемъ, позиціи сѣвернѣе Пилицы. Въ ночь на 3-е августа отходъ этотъ былъ исполненъ и войска названной арміи продолжали удерживать за собою на лѣвомъ берегу Вислы лишь линію бывшихъ Варшавскихъ фортовъ, но не для упорной обороны, каковая, при данныхъ условіяхъ, являлась безцѣльной, а лишь въ видахъ замедленія дальнѣйшаго продвиженія непріятеля.

Въ этотъ же день 3-го августа Главнокомандующій арміями С.-З. фронта, принимая во вниманіе общее положеніе дѣлъ и особенно успѣхъ германцевъ на южномъ фронтѣ Варшавскаго военнаго округа, гдѣ въ руки непріятеля перешелъ городъ Люблинъ, а затѣмъ и Холмъ, отдалъ распоряженіе начать послѣдовательный отходъ всѣхъ армій фронта, за исключеніемъ 10-й и 5-й, на линію Ломжа — Островъ — Сѣдлецъ — Коцкъ — Опалинъ — Турійскъ. При этомъ отходѣ, правофланговой 12-й арміи указывалось на необходимость принять мѣры по обезпеченію своего наружнаго фланга на Бобрѣ, а лѣвофланговой 13-й арміи — имѣть въ виду прикрытіе путей на Брестъ и Кобринъ. Такимъ образомъ, при предстоявшемъ вытягиваніи войскъ изъ мѣшка, образуемаго территоріей Русской Польши, генералъ Алексѣевъ вполнѣ справедливо обратилъ особое вниманіе на упроченіе своего положенія на Бѣлостокскомъ и Брестскомъ направленіяхъ. Развитіе на этихъ направленіяхъ непріятельскаго наступленія могло, очевидно, угрожать успѣху всей нашей отступательной операціи.

4-го августа на Наревскомъ фронтѣ въ руки непріятеля перешелъ г. Остроленка, и нѣмцы, овладѣвъ этимъ пунктомъ, повели энергичеcкое наступленіе съ фронта Остроленка — Рожаны въ направленіи на Островъ. Въ слѣдующіе дни, наступленіе это приняло болѣе широкіе размѣры, и бои охватили на рядъ дней все пространство между Наревомъ и Бугомъ, на фронтѣ Ломжа — Островъ — Малкинъ. Одновременно съ движеніемъ на Островъ, противникъ пытался овладѣть съ сѣвера Осовцомъ. Подвергнувъ его укрѣпленія новому жестокому артиллерійскому обстрѣлу и выпустивъ облака ядовитыхъ газовъ, нѣмцы пытались произвести штурмъ, но были отбиты.

На фронтѣ средней Вислы, ввиду упрочившагося положенія непріятеля въ раіонѣ Маціевице и распространенія его между Наревомъ и Бугомъ, было намѣчено окончательное оставленіе нашими войсками лѣваго берега названной рѣки. 4-го августа, съ разсвѣтомъ, въ раіонѣ 4-й арміи были оставлены лѣвобережныя укрѣпленія, окружавшія Ивангородъ, и уничтожены имѣвшіяся у этого пункта мостовыя переправы черезъ Вислу и Вепржъ. Въ ночь на слѣдующій день, арьергарды 2-й арміи оставили Варшаву и, уходя на правый берегъ Вислы, равнымъ образомъ взорвали за собою мосты. — Отходъ отъ Варшавы и Ивангорода на восточный берегъ Вислы былъ произведенъ безъ давленія на наши войска со стороны непріятеля, лишь въ силу общей стратегической обстановки. Продолжая, въ дальнѣйшемъ, свой отходъ отъ средней Вислы, наши войска къ 11-му августа отошли за Соколовъ, Сѣдлецъ и Луковъ.

Что касается южнаго участка нашего фронта на Передовомъ театрѣ, то на немъ, между Вислой и Бугомъ въ началѣ августа вновь разыгрались упорные бои къ сѣверу отъ Люблина и Холма на Любартовскомъ и Влодавскомъ направленіяхъ. — На правомъ берегу Буга мы продолжали войсками С.-З. фронта прикрывать направленіе на Ковель и Владиміръ Волынскъ.

Въ общемъ, между 9-мъ и 12-мъ августа большинство отходившихъ частей С.-З. фронта достигло линіи, указанной въ директивѣ генерала Алексѣева отъ 3-го августа. Однако, не задерживаясь на ней, войска стали продолжать свой дальнѣйшій отходъ на востокъ.

Главнокомандующій С.-З. фронтомъ, изъ опасенія довести войска до разстройства, своимъ распоряженіемъ отъ 10-го августа, санкціонировалъ этотъ отходъ и указалъ войскамъ дальнѣйшій рубежъ: Осовецъ — Мазовецкъ — Цѣхановецъ — Дрогичинъ — Межирѣчье — Влодава — Турійскъ, или даже Ратно. При этомъ, генералъ Алексѣевъ все же считалъ необходимымъ предостеречь войска отъ слишкомъ поспѣшнаго отхода на указанную линію и отмѣчалъ необходимость выгадывать время, задерживаясь при отходѣ, сколько позволитъ обстановка. Особо сложная задача, при отходѣ выпала на долю лѣвофланговой 13-й арміи; послѣдняя должна была прикрывать не только пути на фронтъ Брестъ — Кобринъ, но и на линію Пинскъ — Лунинецъ. Она же должна была заботиться о связи съ правофланговой 8-й арміей Ю.-З. фронта.

Указанный выше рубежъ былъ, однако, пройденъ нашими войсками уже черезъ нѣсколько дней послѣ отдачи распоряженія объ отходѣ на него. — Съ середины августа германцы стали усиленно нажимать въ направленіяхъ на Бѣлостокъ, Бѣльскъ, Высоколитовскъ, Брестъ и южнѣе — отъ Буга на Пинщу и въ направленіи на Ковель.

Съ отходомъ русскихъ армій отъ Вислы, въ изолированномъ положеніи оказалась крѣпость Новогеоргіевскъ, которая въ ближайшіе же дни и подверглась непріятельскому обложенію. Германцы подвезли къ ней тяжелую артиллерію самыхъ крупныхъ калибровъ, позаимствовавъ ее у своихъ союзниковъ австрійцевъ. Эта артиллерія и рѣшила участь крѣпости. — Въ серединѣ августа, въ ясный солнечный день, въ Ставкѣ, среди полной тишины, неожиданно раздался съ противоаэропланнаго взвода артиллеріи выстрѣлъ, громко прокатившійся по лѣсной чащѣ, окружавшей Ставку. Затѣмъ послышался шумъ опускавшагося аэроплана. На немъ прибылъ не сразу опознанный нашей артиллеріей летчикъ изъ Новогеоргіевска, который и доставилъ донесеніе о безнадежномъ положеніи крѣпости. Сѣверо-восточные форты, смотрѣвшіе въ сторону желѣзной дороги на Млаву, разрушены; настроеніе въ гарнизонѣ подавленное. — Неизбѣжность печальнаго исхода опредѣлилась съ отчетливостью.

Въ періодъ нашей борьбы за Передовой театръ, Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ еще разъ обратился съ телеграммой къ французскому Главнокомандующему генералу Жоффру, въ которой, обрисовавъ обстановку, создавшуюся на нашемъ фронтѣ, высказывалъ мысль о желательности оживленія боевой дѣятельности на западномъ и итальянскомъ

фронтахъ, дабы тѣмъ помѣшать дальнѣйшей переброскѣ вражескихъ силъ на нашъ фронтъ.

Къ сожалѣнію, вооруженныя силы Державъ Согласія, какъ уже не разъ отмѣчалось, дѣйствовали безъ должной связи, руководствуясь преимущественно той обстановкой, которая создавалась на фронтѣ каждаго участника союза. Конечно трудно было говорить о подчиненіи одному лицу всѣхъ союзныхъ армій, разбросанныхъ къ тому же на различныхъ театрахъ. Однако, между Главнокомандующими не было даже предусмотрѣно обязательнаго и сколько-нибудь регулярнаго обмѣна мнѣніями, который, съ развитіемъ довѣрчивыхъ отношеній, могъ бы принять характеръ совмѣстнаго и, главное, заблаговременнаго обсужденія, хотя бы по телеграфу, о намѣчающихся на ближайшій періодъ времени дѣйствіяхъ. Существовавшая связь являлась, такимъ образомъ, случайной и по большей части выражалась лишь въ краткихъ и неопредѣленныхъ по формѣ просьбахъ о помощи, или содѣйствіи. Такъ какъ подготовка къ операціямъ требуетъ, вообще говоря, значительнаго времени, просьбы же о содѣйствіи поступали почти всегда внезапно, въ зависимости отъ обстановки, уже сложившейся, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ своевременное выполненіе этихъ просьбъ оказывалось для другой стороны неосуществимымъ, и поэтому дѣйствія союзниковъ носили опредѣленно разрозненный характеръ. Нельзя сказать, чтобы не дѣлалось попытокъ къ смягченію этого крупнѣйшаго недостатка въ высшемъ союзномъ командованіи, но таковыя проводились несмѣлой рукой и до конца войны не дали сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. Одной изъ главныхъ причинъ такого неуспѣха несомнѣнно было то обстоятельство, что Россія и Франція занимали по отношенію къ своимъ противникамъ наружное положеніе и были отдѣлены другъ отъ друга большими разстояніями, дѣлавшими не только невозможнымъ личное общеніе, но затруднявшими даже письменныя сношенія. Руководителямъ армій Державъ Согласія не всегда даже были извѣстны взаимныя силы и средства, такъ какъ свѣдѣнія эти, составлявшія военную тайну, не считалось возможнымъ довѣрять бумагѣ, отправляемой съ курьеромъ, или телеграфу. Сравнительно хорошо удалось наладить лишь обмѣнъ учетными свѣдѣніями о силахъ непріятеля и его перебросках, но и то не сразу, а лишь по прошествіи извѣстнаго времени.

Такое положеніе дѣла въ коренномъ вопросѣ объ объединеніи усилій союзниковъ по цѣли и направленію не могло не сказываться самымъ неблагопріятнымъ образомъ на ходѣ всей войны и стало обнаруживаться все сильнѣе, по мѣрѣ увеличенія числа союзниковъ и возникновенія новыхъ фронтовъ. Отсутствіе центрующаго военнаго органа приводило иногда къ тому, что стратегія оказывалась въ плѣну у дипломатовъ, ставившихъ подчасъ не только цѣли для вооруженныхъ силъ союзниковъ, но бравшихъ на себя рѣшимость влiять также на распредѣленіе силъ и сердствъ. Вопросы военнаго характера не разъ возбуждали серьезныя разногласія во взглядахъ. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что и въ политическихъ выступленіяхъ союзники не всегда были од-

ного мнѣнія и дѣйствія ихъ нельзя сказать, чтобы отличались полною согласованностью.

Вопросъ о согласованіи военныхъ дѣйствій безпокоилъ, конечно, не только насъ, но и нашихъ западныхъ союзниковъ. Онъ подробно остановилъ на себѣ вниманіе особаго совѣщанія, состоявшаго въ началѣ іюля въ Калэ. Наши союзники давали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что преимущества нашего безспорнаго численнаго превосходства надъ противникомъ теряются, вслѣдствіе разрозненности дѣйствій, которой Центральныя Державы пользуются, въ связи съ ихъ внутреннимъ стратегическимъ положеніемъ, чтобы наносить намъ «послѣдовательные» удары.

Чтобы помочь дѣлу, 7-го іюля въ Шантильи былъ собранъ междусоюзническій военный совѣтъ, на которомъ, впрочемъ, Россія, Италія и Сербія были представлены только своими военными агентами. По полученнымъ у насъ донесеніямъ объ этомъ военномъ совѣтѣ, генералъ Жоффръ, открывая засѣданіе, опредѣленно высказался въ смыслѣ необходимости въ дальнѣйшемъ согласованія союзными арміями предпринимаемыхъ ими военныхъ дѣйствій. Теоретически союзныя войска, по мнѣнію французскаго Главнокомандующаго, должны предпринять одновременное на всѣхъ фронтахъ наступленіе, но, добавилъ генералъ Жоффръ, практически это неосуществимо. Считаясь съ обстановкой, необходимо поэтому установить тотъ принципъ, что та изъ союзныхъ армій, которая въ данный періодъ времени выдерживаетъ главный натискъ непріятельскихъ силъ, имѣетъ право ожидать помощи отъ остальныхъ армій, въ видѣ перехода послѣднихъ въ энергичное наступленіе на занимаемыхъ ими фронтахъ. — При всемъ преклоненіи передъ благородствомъ высказаннаго французскимъ Главнокомандующимъ взгляда, легко, однако, видѣть уязвимыя стороны послѣдняго. Изъ самой постановки вопроса можно усмотрѣть, что союзники какъ бы примирялись съ переходомъ иниціативы въ руки нашихъ противниковъ. Слѣдуя принципу, выдвигавшемуся генераломъ Жоффромъ, Державы Согласія какъ бы ставили цѣлью своихъ дѣйствій не нанесеніе ударовъ, а только парированіе или смягченіе ихъ, что должно было подчинять ихъ волю волѣ противника. Сверхъ того, какъ я уже имѣлъ случай отмѣтить, переходъ въ наступленіе требуетъ длительной подготовки, измѣряемой по крайней мѣрѣ нѣсколькими недѣлями, и потому помощь атакованному, оказываемыя въ такихъ условіяхъ, всегда будетъ или недостаточной, или запоздалой, какъ это неоднократно и доказывала суровая дѣйствительность. Констатировавъ заслуги Россіи, войска, которой самоотверженно перешли въ началѣ войны въ наступленіе и тѣмъ облегчили трудное положеніе французской и англійской армій, генералъ Жоффръ сдѣлалъ заявленіе, что нынѣшняя обстановка на русскомъ фронтѣ вызываетъ необходимость такихъ же самоотверженныхъ дѣйствій со стороны союзниковъ. Усвоеніе такой точки зрѣнія, по словамъ генерала Жоффра, требуетъ не только принципъ взаимной выручки, но и собственный интересъ союзниковъ. Взглядъ этотъ былъ принципіально раздѣленъ и остальными участниками засѣданія. Но, къ сожалѣнію,

тутъ же на самомъ совѣтѣ выяснилось, что союзники на западномъ фронтѣ могутъ предпринять большую наступательную операцію лишь черезъ нѣсколько недѣль, вслѣдствіе необходимости пополнить запасъ орудій и огнестрѣльныхъ припасовъ, произвести необходимыя перегруппировки и выждать прибытія новыхъ англійскихъ подкрѣпленій. Въ соотвѣтствіи съ этими условіями, было постановлено, что французскія войска временно предпримутъ лишь рядъ мѣстныхъ дѣйствій, пока не станетъ возможнымъ переходъ къ общей наступательной операціи. Англійская армія окажетъ этой операціи самую полную помощь. Посильное участіе приметъ въ ней и Бельгійская армія. На Итало-Сербскомъ фронтѣ итальянская армія вновь разовьетъ начатое ею наступленіе по направленію на Лайбахъ (Любляны), Клагенфуртъ, причемъ Сербская армія приглашалась согласовать свои операціи съ дѣйствіями итальянской арміи. Увы, всѣ эти перкрасныя мысли не могли принести своевременной помощи истекавшей кровью русской арміи. Какъ извѣстно, операція французовъ фактически началась лишь въ двадцатыхъ числахъ сентября наступленіемъ въ Шампани, когда русскій фронтъ стабилизировался самъ собою; что же касается помощи со стороны Италіи, то таковая реально не проявилась ни къ чемъ.

Я упомянулъ также о Сербіи. — Припоминаю, что въ серединѣ лѣта 1915-го года въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго прибылъ представитель Сербской Главной Квартиры, фамилія котораго, къ глубокому моему сожалѣнію, не сохранилась у меня въ памяти. Этотъ представитель нашей доблестной союзной арміи сдѣлалъ подробный докладъ о состояніи сербскихъ вооруженныхъ силъ и ихъ средствахъ. Общій выводъ сводился къ тому, что сербская армія способна къ энергическому, но только короткому удару, послѣ котораго должно наступить ея крайнее ослабленіе, безъ надежды на скорое возрожденіе. Сербская армія, говорилъ прибывшій представитель, готова проявить это послѣднее усиліе по первому требованію Русскаго Верховнаго Главнокомандующаго, но Россія должна знать, что это будетъ послѣдній вкладъ Сербіи въ общее дѣло. Въ дальнѣйшемъ Сербія останется беззащитной и умирающей. Столь великой жертвы Россія не могла принять отъ братской героической страны. Къ тому же общая обстановка на фронтѣ противъ Австріи складывалась къ этому времени неблагопріятно для новаго выступленія Сербіи. Русская армія вынуждена была къ отходу на всемъ своемъ юго- западномъ фронтѣ, итальянское наступленіе остановилось на р. Изонцо, и, такимъ образомъ, установленная противъ Австріи русско-итальянскимъ военнымъ соглашеніемъ совмѣстная кооперація, въ которой должна была принять участіе и Сербія, разстраивалась. — При такихъ условіяхъ, жертвовать сербской арміей было бы вполнѣ нецѣлесообразно, и потому Великій Князь Николай Николаевичъ призналъ цѣлесообразнымъ отказаться отъ дальнѣйшихъ настаиваній на наступленіи Сербіи; ея армія обязывалась только сохранять полную готовность, чтобы выступить по первому требованію. — Эта точка зрѣнія не встрѣтила, однако, полнаго сочувствія на западѣ, гдѣ находили необходимой

сербско-итальянскую кооперацію, которая, впрочемъ, своего осуществленія не получила.

Въ половинѣ іюля нѣмцы зашевелились вновь и на правомъ берегу Нѣмана, въ Риго-Шавельскомъ раіонѣ. Они стали тѣснить насъ на Митавскомъ и Поневѣжскомъ направленіяхъ и одновременно развивать наступленіе въ сторону Ковны. Въ раіонѣ Шавли разыгрались упорные бои, закончившіеся отходомъ нашихъ войскъ черезъ Поневѣжъ къ востоку и далѣе, примѣрно на фронтъ Понедели — Оникшты, на р. Свентѣ. Бои на направленіи Поневѣжъ — Двинскъ приняли затяжной характеръ и продолжались въ теченіе всего августа мѣсяца. — Вслѣдствіе невыгоднаго для насъ очертанія Балтійскаго побережья, мы лишены были возможности защищать таковое и должны были уступить непріятелю Виндаву съ тѣмъ, чтобы упереть правый флангъ нашего фронта въ Рижскій заливъ, находившійся въ рукахъ нашего флота. — 1-го августа нѣмцами была занята Митава; мы стали отходить за р. р. Экау и Миссу и укрѣпляться на лѣвомъ берегу Двины, на подступахъ къ Ригѣ.

Новое продвиженіе непріятеля вынудило насъ прибѣгнуть къ дополнительному усиленію войскъ въ Риго-Шавельскомъ раіонѣ. Къ началу августа войска 5-й арміи заняли дугообразное расположеніе отъ Рижскаго плацдарма, на лѣвомъ берегу Двины (VII-й сиб. корпусъ), черезъ Фридрихштадтъ (XXXVII-й корпусъ), къ верховьямъ Свенты и до впаденія ея въ Вилію (корпуса XIX-й, III-й и позднѣе XXXIV-й). — Всего въ названной арміи собрано было къ тому времени 10½ пѣх. и 9½ конныхъ дивизій.

Крѣпость Ковна, лежавшая въ стыкѣ между 5-й и 10-й арміями, была изъята изъ вѣдѣнія Командующаго 10-й арміей и подчинена непосредственно Главнокомандующему С.-З. фронтомъ; распоряженіемъ генерала Алексѣева эта крѣпость была снабжена собственнымъ гарнизономъ.

Мнѣ всегда казалось, что Главнокомандованіе С.-З. фронтомъ не дооцѣниваетъ стратегическое значеніе Риго-Шавельскаго раіона, черезъ который пролегали крайне важные пути къ Ригѣ, Двинску и Вильнѣ, въ обходъ всѣхъ нашихъ армій, долженствовавшихъ отходить по путямъ сѣвернѣе Полѣсья, и въ разрѣзъ одной изъ главнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ магистралей Вильна — Двинскъ — Рѣжица. Было ли это обстоятельство результатомъ переобремененности Главнокомандующаго названнымъ фронтомъ заботами о находившихся въ Польшѣ арміяхъ, руководство коими требовало большого вниманія, или убѣжденія генерала Алексѣева въ недостаточности непріятельскихъ силъ для развитія изъ Риго-Шавельскаго раіона широкихъ операцій, — я не берусь судить, но фактъ настойчиваго распространенія непріятеля въ этомъ раіонѣ былъ на-лицо и, съ моей точки зрѣнія, онъ долженъ былъ привлекать къ себѣ серьезное вниманіе. Противникъ, постепенно подготовивъ выгодное для себя исходное положеніе и пользуясь свободой комбинировать си-

лы по своему усмотрѣнію, легко могъ въ любую минуту и незамѣтно бросить часть своихъ силъ въ названный раіонъ и затѣмъ произвести глубокое вторженіе въ одномъ изъ указанныхъ выше важныхъ направленій. Чѣмъ менѣе было удѣляемо вниманія той возможности со стороны штаба С.- З. фронта, тѣмъ въ большей степени обязана была учитывать Ставка проистекавшую отсюда опасность и серьезно думать о средствахъ къ ея устраненію.

Исходя изъ этихъ соображеній и принимая во вниманіе вредную для дѣла громоздкость С.-З. фронта, состоявшаго изъ восьми армій, мною еще 20-го іюля былъ возбужденъ вопросъ о необходимости болѣе рѣшительной переброски войскъ изъ Передового театра въ Риго-Шавельскій раіонъ и подраздѣленіи упомянутыхъ восьми армій на два фронта — Западный (З.) и Сѣверный (С.).

«Мы должны, — говорилъ и писалъ я къ концѣ іюля, — отказаться отъ стремленія удерживать во что бы то ни стало линію р. Вислы и, въ своихъ рѣшеніяхъ, принимать въ расчетъ исключительно требованія стратегической обстановки, стремясь, при первой возможности, усилить и закрѣпить наше положеніе въ Риго-Шавельскомъ раіонѣ, который пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе, при данныхъ условіяхъ обстановки».

По свѣдѣніямъ нашей развѣдки, въ этомъ раіонѣ нѣмцами было сосредоточено къ началу августа всего семь пѣх. и столько же кав. дивизій. Мы имѣли поэтому право расчитывать, что, съ усиленіемъ нашихъ войскъ и съ созданіемъ къ сѣверу отъ Гродны новаго достаточно сильнаго С. фронта, положеніе наше на правомъ флангѣ стратегическаго фронта можетъ еще выправиться и продвигающійся въ направленіяхъ на Двинскъ, Свѣнцяны и Вильну противникъ можетъ быть отброшенъ отъ нашихъ желѣзнодорожныхъ магистралей; послѣднія къ сѣверу отъ Полѣсья отходили отъ нашего фронта со значительнымъ отклоненіемъ къ сѣверу, приближаясь такимъ образомъ къ Риго-Шавельскому раіону. Созданіемъ сильнаго и активнаго С. фронта, непосредственно подчиненнаго Верховному Главнокомандующему, къ тому же, могло быть надежнѣе обезпечено положеніе тѣхъ армій, кои, оставаясь въ подчиненіи генералу Алексѣеву, еще не успѣли вытянуться изъ польскаго мѣшка; вмѣстѣ съ тѣмъ, названной мѣрой облегчалось управленіе этими послѣдними арміями З. фронта.

Верховный Главнокомандующій одобрялъ мои мысли и, намѣтивъ на должность Главнокомандующаго арміями С. фронта оправившагося отъ нездоровья генерала Рузскаго, приказалъ приступить къ болѣе детальной разработкѣ возбужденыхъ вопросовъ. Для усиленія войскъ Риго-Шавельскаго раіона, распоряженіемъ Ставки, были предназначены къ перевозкѣ съ Ю.-З. фронта четыре пѣх. и одна конная дивизіи; независимо того, указано было выдѣлить изъ войскъ того же фронта 120 отдѣльныхъ ротъ съ офицерами и вооруженіемъ, «для быстраго и надежнаго усиленія сплоченными частями двухъ-трехъ корпусовъ арміи генерала Плеве, занимавшей крайне важныя операціонныя направленія». — Наконецъ Гвардейскій корпусъ указано было перебросить къ Вильнѣ въ распоряженіе Верховнаго Главнокомандующаго.

Генералъ Алексѣевъ видимо не сочувствовалъ идеѣ раздѣленія на два фронта войскъ, отходившихъ къ сѣверу отъ Полѣсья и состоявшихъ въ его подчиненіи. Онъ приводилъ противъ такого предположенія рядъ доводовъ, ссылаясь на несвоевременность проекта, быстро мѣняющуюся обстановку, необходимость согласованія въ дѣйствіяхъ армій и даже недосугъ заняться этимъ дѣломъ. — Такъ безнадежно затягивалось разрѣшеніе даннаго вопроса. Верховный Главнокомандующій, высоко цѣня работу генерала Алексѣева, видимо не желалъ дальнѣйшей своей настойчивостью нарушать душевное равновѣсіе послѣдняго.

Однако, событія все настойчивѣе привлекали вниманіе къ правому флангу нашего стратегическаго фронта и выдвигали на очередь вопросъ объ упорядоченіи управленія на немъ вооруженными силами.

Еще въ маѣ нѣмцы успѣли занять на лѣвомъ берегу Нѣмана, впереди Ковны, находившуюся тамъ полосу лѣсовъ, позволявшую имъ скрытно приблизиться къ укрѣпленіямъ названной крѣпости. По доходившимъ до насъ свѣдѣніямъ, противникъ воспользовался этимъ, чтобы провести въ упомянутыхъ выше лѣсахъ рядъ узкоколеекъ и начать установку крупныхъ орудій. Въ началѣ августа эти орудія открыли огонь по крѣпостному обводу, а еще черезъ нѣсколько дней — начались атаки пѣхотныхъ частей непріятеля на укрѣпленія и форты Ковенской крѣпости. Несмотря на оказывавшееся сопротивленіе и большія потери, нѣмцы упорно продвигались впередъ. 8 августа, послѣ ожесточеннаго и кровопролитнаго штурма, имъ удалось удержаться въ одномъ изъ укрѣпленій на западномъ берегу Нѣмана. Еще черезъ два дня, въ ночь на 10-е, — нѣмцы повторили штурмъ. Хотя гарнизонъ крѣпости успѣвалъ отбивать непріятельскія атаки, тѣмъ не менѣе положеніе лѣвобережной части крѣпости становилось тяжелымъ. Противникъ, въ теченіе 15-го и 16-го Августа, достигъ серьезныхъ результатовъ. — Успѣхи нѣмцевъ очень безпокоили Ставку; трудно было найти имъ объясненіе, такъ какъ связь крѣпости съ тыломъ оставалась свободной и западныя атакованныя укрѣпленія ея фортового пояса, по существу, сливались съ общею линіей нашего фронта; такимъ образомъ, крѣпости могла быть оказана какъ непосредственная помощь съ тыла, такъ и поддержка маневромъ, со стороны соприкасавшихся съ нею 5-й и особенно 10-й армій, изъ коихъ послѣдняя была полностью расположена на лѣвомъ берегу Нѣмана.

Почти одновременно съ открытіемъ наступательныхъ дѣйствій противника противъ Ковны, разгорѣлась упорная борьба изъ за обладанія Рижскимъ заливомъ. Германскій флотъ, подойдя 11-го августа ко входу въ заливъ, сталъ усиленно тралить наши минныя загражденія. Вытраленныя непріятельскими судами мѣста засыпались, однако, нашими миноносцами вновь въ слѣдующую же ночь. Видя неуспѣхъ своихъ дѣйствій, германцы рѣшили достигнуть прорыва путемъ систематическаго траленія площадей, подъ прикрытіемъ огня ихъ болѣе сильнаго флота. Послѣ нѣкоторыхъ усилій, это имъ удалось, и германскіе крейсеры и миноносцы, въ ночь на 18-е августа, ворвались въ за-

ливъ. Прохозяйничавъ въ немъ нѣсколько дней и затопивъ въ Перновѣ нѣсколько баржъ и транспортовъ, ворвавшійся непріятель понесъ, однако, отъ нашихъ минъ и судовъ такія потери, которыя заставили его очистить заливъ; послѣдній немедленно былъ вновь закрытъ нашими минными загражденіями.

Результаты появленія германскаго флота въ Рижскомъ заливѣ выяснились, однако, не вдругъ. Донесенія о дессантѣ, произведенномъ нѣмцами въ Перновѣ, въ тылу нашихъ войскъ и на кратчайшихъ путяхъ къ Ревельской крѣпости, не имѣвшей благоустроенной сухопутной обороны и служившей оперативной базой нашего флота, который прикрывалъ входъ въ Финскій заливъ, вынудили Верховнаго Главнокомандующаго дать указанія о перевозкѣ Гвардейскаго корпуса къ Валку. Но еще днемъ раньше, а именно 17-го августа, Верховный Главнокмандующій призналъ необходимымъ, своей директивой, закрѣпить рѣшеніе о раздѣленіи войскъ, отходившихъ по путямъ къ сѣверу отъ Полѣсья, на два фронта — С. и З., указавъ и срокъ для вступленія въ командованіе первымъ фронтомъ генерала Рузскаго — въ полночь съ 30-го на 31-ое августа. — Главнокомандующимъ З. фронтомъ долженъ былъ оставаться генералъ Алексѣевъ.

Согласно упомянутой директивы, С. фронтъ должны были составить: 6-я армія (раіонъ Финляндіи и Петрограда), 5-я, 10-я и подлежавшая сформированію вновь въ раіонѣ Вильны 12-я армія; во главѣ послѣдней долженъ былъ стать генералъ Горбатовскій со своимъ штабомъ. Въ армію эту должны были войти Гвардейскій корпусъ и два наиболѣе боеспособныхъ корпуса изъ 13-й арміи. Послѣдняя, какъ и старая 12-я армія, подлежали расформированію.

Такимъ образомъ въ составѣ З. фронта должны были оставаться 1-я, 2-я, 4-я и 3-я арміи.

Основной задачей С. фронта должно было быть — прикрытіе путей къ Петрограду изъ Восточной Пруссіи и со стороны Балтійскаго побережья.

Частныя задачи: 1) прочное удержаніе Средне-Нѣманскаго раіона, имѣя въ виду крайне важное значеніе таковаго не только для армій З. фронта, еще не вышедшихъ окончательно изъ польскаго мѣшка, но и для общаго нашего стратегическаго положенія къ сѣверу отъ Полѣсья; 2) прикрытіе путей, ведущихъ по правому берегу р. Нѣмана въ Виленскій раіонъ и къ участку жел. дороги Вильна — Двинскъ; 3) оборона р. Двины отъ Двинска до Риги включительно.

Независимо изложеннаго, войскамъ С. фронта ставилась задача — стремиться къ переходу, при первой возможности, въ рѣшительное наступленіе, имѣющее цѣлью — оттѣсненіе противника, насколько позволитъ обстановка, къ западу, чтобы лишить его выгоднаго исходнаго положенія для развитія операцій въ обходъ праваго фланга нашего общаго стратегическаго фронта.

Основной задачей З. фронта должно было быть прикрытіе путей, отходящихъ изъ Передового театра къ Москвѣ.

Частныя задачи: 1) прочно удерживать въ своихъ рукахъ Гродна-Бѣлостокскій раіонъ и фронтъ отъ верхняго Нарева до Бреста включительно, и 2) прикрывать съ юга пути по правому берегу верхняго Буга къ фронту Брестъ—Кобринъ — Пинскъ — Лунинецъ.

Опытъ изолированной обороны Новогеоргіевской крѣпости далъ вполнѣ наглядное доказательство, что, при наличіи у наступающаго большого числа орудій современныхъ образцовъ и обиліи огнестрѣльныхъ припасовъ, длительная оборона крѣпости, предоставленной собственнымъ силамъ, представляетъ нынѣ едва-ли разрѣшимую задачу. Ускоренная атака такой крѣпости является для наступающаго наиболѣе соблазнительнымъ и обѣщающимъ успѣхъ способомъ дѣйствій. Только отсутствіе подвижной тяжелой артиллеріи и бѣдность артиллерійскаго снабженія, имѣвшія мѣсто, напримѣръ, у насъ подъ Перемышлемъ, могутъ вынудить въ настоящее время избрать иной, болѣе длительный и изнурительный путь для овладѣнія непріятельскою крѣпостью. Такъ какъ германцы были въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ мы подъ Перемышлемъ, и заподозрѣть у нихъ отсутствіе соотвѣтственной артиллеріи и боевыхъ припасовъ не приходилось, то выдѣленіе, съ отходомъ на востокъ полевыхъ армій, значительныхъ гарнизоновъ въ имѣвшіяся у насъ крѣпости, которыя, къ тому же, были слабы въ техническомъ и артиллерійскомъ отношеніяхъ, должно было быть признано рѣшеніемъ мало цѣлесообразнымъ. Вслѣдствіе этого, на всѣ наши крѣпости, находившіяся въ раіонѣ дѣйствій какъ С. фронта (Усть-Двинскъ и Ковна), такъ и З. фронта (Гродна, Осовецъ, Брестъ), распоряженіемъ Верховнаго Главнокомандующаго, устанавливался однообразный взглядъ, какъ на долговременно укрѣпленные участки общей позиціи, предназначенной задержать, а если возможно, то и остановить противника. Съ отходомъ полевыхъ армій, роль этихъ наиболѣе прочно укрѣпленныхъ участковъ общей позиціи кончалась, и они должны были быть эвакуированы.

Такимъ образомъ Ковна не должна была составлять въ этомъ отношеніи исключенія. Но эвакуація ея могла состояться только съ отходомъ отъ нея полевыхъ армій и, конечно, лишь по указанію Главнокомандующаго С. З. фронтомъ, которому эта крѣпость была непосредственно подчинена. А такъ какъ въ указанный періодъ времени Ковенская крѣпость, противъ которой были направлены усилія нѣмцевъ, не являлась изолированной и, напротивъ, лежала въ общей линіи, занимавшейся и оборонявшейся нашими полевыми арміями, то директива Верховнаго Главнокомандующаго, наоборотъ, особо подчеркивала необходимость исчерпанія всѣхъ средствъ для удержанія этого пункта, отнюдь не допуская его обложенія.

Генералъ Алексѣевъ, по полученіи директивы Верховнаго Главнокомандующаго отъ 17-го августа, возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы новую 12-ю армію формировать не въ Виленскомъ, а въ Риго-Митавскомъ раіонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ испрашивалъ разрѣшеніе на сосредоточеніе въ Виленскомъ раіонѣ не трехъ, а только двухъ корпусовъ, включая Гвардейскій, переброска котораго къ Валку была Ставкой отмѣнена.

По мнѣнію Ставки, измѣненія, проектировавшіяся Главнокомандованіемъ С.-З. фронта, не соотвѣтствовали складывавшейся обстановкѣ, которая указывала на Вильну, какъ на пунктъ, въ направленіи котораго уже обозначался очередной ударъ нѣмцевъ. Я счелъ своимъ долгомъ особо докладывать Верховному Главнокомандующему о необходимости настоять на группировкѣ, предложенной къ исполненію Верховнымъ Главнокомандованіемъ. Но Великій Князь не счелъ возможнымъ стать на сторону Ставки и предоставилъ генералу Алексѣеву вносить въ схему новаго развертыванія необходимыя, по мнѣнію послѣдняго, измѣненія. — Я вынесъ такое убѣжденіе, что Великій Князь уже провидѣлъ въ генералѣ Алексѣевѣ будущаго отвѣтственнаго руководителя дальнѣйшими дѣйствіями всей русской арміи и не желалъ, ввиду этого, стѣснять его рѣшеній. Вмѣстѣ съ нарастаніемъ неудачъ на фронтѣ, сгущалась обстановка вокругъ имени Великаго Князя, уходъ котораго съ поста Верховнаго Главнокомандующаго становился не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ.

Генералу Рузскому, по званію Главнокомандующаго С. фронтомъ долженъ былъ быть подчиненъ и Балтійскій флотъ, операціи котораго находились въ естественной связи съ дѣйствіями сухопутной арміи на побережьи.

Въ теченіе лѣта 1915-го года въ ряды этого флота вступили 4 дредноута, и съ этого времени положеніе наше въ Финскомъ заливѣ значительно упрочилось. Такъ какъ безопасность столицы и ближайшихъ подступовъ къ ней являлась одною изъ основъ нашего положенія на западномъ фронтѣ, то было постановлено, что выходъ этихъ крупнѣйшихъ судовъ за линію нашего центральнаго миннаго загражденія можетъ быть допущенъ только съ разрѣшенія Верховнаго Главнокомандующаго. Это ограниченіе, вызывавшееся стратегическою необходимостью, сильно печалило нашихъ доблестныхъ моряковъ, впитавшихъ въ себя духъ предпріимчивости и порыва ихъ стараго начальника Адмирала Эссена. Въ стремленіи вернуться къ активной дѣятельности легкими судами въ южной части Балтійскаго моря, изъ штаба Командующаго флотомъ было возбуждено ходатайство о разрѣшеніи выхода въ море линейнымъ кораблямъ нашего флота, для поддержки этой операціи. Я былъ убѣжденнымъ противникомъ такого предпріятія, находя, что рискъ потерять главную силу нашего флота не оправдывался возможными результатами намѣчавшейся операціи. Послѣдняя, при неудачномъ оборотѣ дѣлъ, грозила въ корнѣ пошатнуть наше положеніе въ Финскомъ заливѣ. Но Верховный Главнокомандующій, оцѣнивая проявляемый нашими моряками порывъ и въ согласіи съ мнѣніемъ генерала Рузскаго, разрѣшилъ Командующему флотомъ одновременный выходъ въ открытое море не болѣе двухъ дредноутовъ. Подъ ихъ прикрытіемъ и, по счастью безъ потерь, было вновь заминировано значительное пространство Балтійскаго моря южнѣе параллели Либавы.

Начало августа 1915-го года ознаменовалось рѣшительной побѣдой нашихъ Кавказскихъ войскъ надъ турками. Побѣда эта промелькнула свѣтлымъ бликомъ на мрачномъ фонѣ нашего общаго стратегическаго положенія.

Послѣ разгрома турецкихъ войскъ подъ Сарыкамышемъ и уничтоженія всей ихъ наступавшей арміи Энвера-паши, — на Кавказскомъ фронтѣ, въ теченіе всей первой половины 15-го года, царило относительное затишье. Турки устраивали и пополняли свою разгромленную армію; мы, — несмотря на трудности зимнихъ экспедицій, очищали отъ повстанцевъ горные районы Батумской и Карской областей и закрѣпляли свое положеніе. Только вновь сформированный IV-й Кавк. корпусъ и Азербейджанскій отрядъ продвигались впередъ къ Ванскому озеру и въ Заурмійскій раіонъ, имѣя цѣлью очищеніе занимаемыхъ областей отъ неспокойнаго курдскаго элемента.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ агентурныя свѣдѣнія стали указывать на сосредоточеніе турецкихъ силъ въ раіонѣ Битлисъ — Мушъ — Копъ. Чтобы помѣшать этому сосредоточенію, части IV-го Кавк. корпуса, усиленныя только что сформированной и прибывшей на Кавказъ Донской пластунской бригадой, были выдвинуты впередъ и въ серединѣ іюля успѣшно атаковали турецкіе авангарды. Но во второй половинѣ іюля Командующій Битлисской группой турецкихъ войскъ Халимъ-паша стянулъ свои силы и нанесъ сильный ударъ нашему IV-му Кавк. корпусу въ направленіи Копъ — Мелязгертъ. Повторныя атаки турокъ вынудили наши войска отступить сперва въ Алашкертскую долину, а затѣмъ на перевалы пограничнаго съ Турціей Агрыдагскаго хребта. Туркамъ открылся снова путь на Тифлисъ, на сей разъ въ обходъ Карса съ востока черезъ Александрополь.

Чтобы парализовать этотъ успѣхъ турокъ, командующій Кавказской арміей генералъ Юденичъ — герой Сарыкамыша, выѣхавъ съ оперативной частью своего штаба изъ Карса въ Каракуртъ, отдалъ распоряженіе о сосредоточеніи своего армейскаго резерва въ одномъ-двухъ переходахъ къ западу отъ Алашкерта, подъ начальствомъ генерала Баратова. Предоставивъ отходившимъ войскамъ IV-го Кавк. корпуса отходить въ наиболѣе удобномъ для нихъ направленіи, генералъ Юденичъ, въ первыхъ числахъ августа, направилъ отрядъ генерала Баратова во флангъ и тылъ зарвавшимся туркамъ. Выходъ нашихъ войскъ въ тылъ туркамъ рѣшилъ участь всей операціи Халима-паши. Впечатлительные турки, истомленные тяжелымъ походомъ, бросились бѣжать назадъ, перехватываемые на перевалахъ нашими войсками. Въ руки послѣднихъ попала часть непріятельской артиллеріи, обозы и до 10 т. плѣнныхъ турокъ. Такимъ образомъ, благодаря искусному активному контръ-маневру, задуманному и осуществленному генераломъ Юденичемъ, турки были полностью разгромлены. 12-го августа нашими войсками былъ вновь занятъ раіонъ Мелязгерта и положеніе на лѣвомъ флангѣ Кавказской арміи возстановлено. Въ противовѣсъ Сарыкамышской операціи, по окончаніи которой стали раздаваться голоса, опровергавшіе главенствующую въ ней роль генерала Юденича, теперь уже никто не могъ оспаривать его заслуги въ организаціи этого дѣла.

Будетъ справедливымъ отмѣтить энергичную работу Кавказскаго начальства по сформированію и подготовкѣ къ боевой дѣятельности новыхъ частей. Несмотря на отправку весною 15-го года на западный фронтъ V-го Кавк. корпуса и 20-й пѣх. дивизіи, составъ Кавказской арміи не потерпѣлъ ущерба и даже получилъ нѣкоторое приращеніе. Лѣтомъ 15-го года въ эту армію входило 107 бат. пѣх., 55 ополч. и добровольческихъ дружинъ, 217 сотенъ и 350 орудій. Конечно, большинство частей были изъ числа сформированныхъ наспѣхъ, но всѣ онѣ съ честью выполняли свое назначеніе.

Вторая половина 15-го года прошла въ подготовкѣ къ новому наступленію. Многочисленные бои на фронтѣ имѣли цѣлью закрѣпленіе выгоднаго исходнаго положенія для дальнѣйшихъ операцій. Подготовка эта дала возможность въ концѣ декабря перейти въ общее наступленіе всѣмъ фронтомъ, завершившееся взятіемъ въ февралѣ 1916-го года Эрзерума и въ апрѣлѣ — Трапезунда.

ГЛАВА XVIII.

Работа военнаго министерства и общественныхъ организацій по улучшенію условій снабженія арміи. — Думскій блокъ. — Дальнѣйшій отходъ нашихъ армій вглубь русской территоріи. — Уходъ Великаго Князя съ поста Верховнаго Главнокомандующаго. — Свѣнцянскій прорывъ и стабилизація нашего фронта. — Военное положеніе на европейскихъ фронтахъ къ концу 15-го года. — Заключеніе.

Грозное положеніе, въ которомъ оказалась русская армія уже въ концѣ 14-го года, вслѣдствіе недостатка огнестрѣльныхъ припасовъ и винтовокъ, вынудило Ставку и Военное Министерство тогда же намѣтить рядъ мѣръ для улучшенія питанія арміи предметами боевого снабженія. Однако, мѣры эти не могли дать быстрыхъ результатовъ, и наша армія должна была провести весь лѣтній боевой періодъ 15-го года при крайне тяжелыхъ условіяхъ, въ отношеніи удовлетворенія ея боевыхъ нуждъ.

Мы уже видѣли, что къ началу войны довольствующіе органы нашего Военнаго Министерства не имѣли никакого плана мобилизаціи отечественной промышленности. Приспособленіе же этой промышленности къ военнымъ цѣлямъ въ періодъ самой войны, конечно, должно было встрѣтиться съ большими затрудненіями. Изготовленіе предметовъ боевого снабженія является дѣломъ крайне сложнымъ; оно требуетъ большой точности работы, хорошо подготовленнаго техническаго персонала и спеціальныхъ станковъ. — Не скоро наладилось дѣло и съ заказами заграницей. Мы встрѣтили тамъ серьезныхъ конкурентовъ не только въ лицѣ нашихъ противниковъ — по преимуществу германцевъ, но и среди нашихъ союзниковъ, коимъ удалось захватить иностранные рынки ранѣе насъ. Къ тому же надо сказать, что и заграничная промышленность не сразу примѣнилась къ предъявленнымъ ей техническимъ требованіямъ, и можно привести не мало примѣровъ неудовлетворительнаго, а

тѣмъ болѣе несвоевременнаго исполненія заказовъ. — Много мѣшала дѣлу также недобросовѣстность нѣкоторыхъ комиссіонеровъ и поставщиковъ, преслѣдовавшихъ свои корыстныя цѣли.

Въ маѣ 1915-го года было образовано въ Петроградѣ «Особое Совѣщаніе по оборонѣ». — На должность Начальника Главнаго Артиллерійскаго Управленія былъ назначенъ генералъ Маниковскій — человѣкъ рѣшительный, кипучей энергіи и большихъ спеціальныхъ знаній. Отъ его дѣятельности армія ожидала большихъ результатовъ. Затѣмъ въ іюнѣ того же года постъ Военнаго Министра занялъ генералъ Поливановъ, краткая характеристика котораго мною была уже дана выше. Еще черезъ мѣсяцъ была учреждена Верховная Слѣдственная Комиссія, для разслѣдованія причинъ несвоевременнаго и недостаточнаго снабженія арміи. — Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія по оборонѣ являлся, по должности, Военный Министръ; въ составъ Совѣщанія, въ качествѣ членовъ, входили представители Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, а позднѣе — представители Земскаго и Городского союзовъ и «Военно-промышленныхъ комитетовъ». Идея образованія послѣднихъ родилась на съѣздѣ представителей промышленности и торговли, собравшемся въ Петроградѣ въ половинѣ 15-го года, на каковомъ съѣздѣ только что прибывшій съ фронта членъ съѣзда П. П. Рябушинскій произнесъ патріотическую рѣчь, призывая придти на помощь арміи, лишенной средствъ для борьбы. Цѣль образованія военно-промышленныхъ комитетовъ заключалась въ томъ, чтобы, при помощи ихъ, объединить среднюю и мелкую промышленность, не использованную еще военнымъ вѣдомствомъ, и привлечь ее къ работѣ на войну. Съ теченіемъ времени число такихъ комитетовъ разрослось до 200; они образовали цѣлую сѣть, широко раскинувшуюся по всей Имперіи, и были между собою объединены въ выборномъ центральномъ комитетѣ въ Петроградѣ; во главѣ послѣдняго стоялъ бывшій предсѣдатель 3-й Государственной Думы А. И. Гучковъ.

Одновременно съ Особымъ Совѣщаніемъ по оборонѣ, были созданы и другія совѣщанія — по перевозкамъ, по топливу, по продовольствію, состоявшія при соотвѣтствующихъ министерствахъ. И хотя изъ этого перечня уже видно, что дѣло снабженія не было объединено въ какомъ-либо одномъ органѣ, но, по существу, такимъ центрующимъ органомъ оказалось Особое Совѣщаніе по оборонѣ, постепенно сосредоточившее въ себѣ разсмотрѣніе всѣхъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ удовлетвореніемъ главнѣйшихъ потребностей, обусловливавшихся войной.

Упорной совмѣстной работой всѣхъ этихъ органовъ и правительственныхъ учрежденій дѣло снабженія нашей арміи было двинуто впередъ, но результаты этой работы сказались далеко не вдругъ. Хорошо помню, какъ въ сентябрѣ 15-го года, вступивъ въ командованіе XXV-мъ корпусомъ, я оказался во главѣ всего лишь неполныхъ 8 т. штыковъ, крайне бѣдно обезпеченныхъ ружейными патронами — остроконечными и тупоголовыми вперемежку — почти безъ пулеметовъ и съ малымъ количествомъ артиллерійскихъ выстрѣловъ. Потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ — примѣрно до декабря, — и много энергіи,

прежде чѣмъ скелетъ этого доблестнаго корпуса обросъ мускулами и превратился въ цѣльный полнокровный боевой организмъ.

По тѣмъ матеріаламъ, которые имѣются въ моемъ распоряженіи, въ теченіе 14-го и 15-го годовъ поступило съ нашихъ заводовъ всего лишь около 1.100 т. новыхъ и заново-исправленныхъ винтовокъ и изъ заграницы около 750 т. штукъ. Между тѣмъ, нужда арміи въ винтовкахъ за тотъ же періодъ времени не можетъ быть исчисляема менѣе чѣмъ въ 3—4 милліона штукъ. Недостатокъ винтовокъ и былъ одною изъ причинъ грознаго некомплекта въ арміи; онъ же тормозилъ всѣ организаціонныя предположенія Ставки по дальнѣйшему развитію арміи и, въ частности, по давно намѣчавшемуся переформированію стрѣлковыхъ бригадъ въ дивизіи.

Въ отношеніи артиллерійскихъ патроновъ для полевой легкой артиллеріи, напомню читателю, что мѣсячная потребность въ таковыхъ для арміи опредѣлялась Ставкой вначалѣ въ 30 мѣстныхъ парковъ (паркъ около 29 т. выстрѣловъ); позднѣе же въ 50 мѣстныхъ парковъ, по среднему расчету одного парка въ мѣсяцъ на корпусъ двухдивизіоннаго состава. Между тѣмъ, подача съ тыла уменьшалась съ каждымъ мѣсяцемъ настолько, что уже въ декабрѣ 14-го года на театръ военныхъ дѣйствій было доставлено всего лишь 12 мѣстныхъ парковъ, и это число парковъ стало подниматься, — притомъ крайне медленно — лишь съ марта 15-го года, дойдя до 50-ти парковъ (около 1,5 милл. выстрѣловъ) только въ ноябрѣ того же 15-го года. При этомъ, такъ какъ главное затрудненіе въ дѣлѣ снабженія артиллерійскими патронами было встрѣчено въ изготовленіи дистанціонныхъ трубокъ, то пришлось перейти къ преимущественному изготовленію снарядовъ ударнаго дѣйствія.

Снабженіе огнестрѣльными припасами полевой тяжелой артиллеріи шло еще менѣе успѣшно, такъ какъ изготовленіе таковыхъ припасовъ представлялось технически еще болѣе труднымъ.

Всѣми изготовлявшимися предметами приходилось, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлиться еще съ войсками Кавказскаго фронта.

Что касается ружейныхъ патроновъ, то, какъ уже было отмѣчено, нужда въ нихъ обнаружилась позднѣе. Она и не получила столь большой остроты. Съ одной стороны были пущены въ ходъ запасы старыхъ тупоконечныхъ патроновъ, пользованіе коими, конечно, значительно понижало дѣйствительность ружейнаго огня. Съ другой стороны, — наши патронные заводы постепенно расширили свое производство, поднявъ таковое съ 60 милл. патроновъ, изготовленныхъ въ августѣ 14-го года, до 90—95 милл., составившихъ мѣсячную производительность тѣхъ же заводовъ черезъ годъ. — Наконецъ, въ концѣ 15-го года стали поступать къ намъ также ружейные патроны, заказанные заграницей.

Для полноты картины снабженія арміи, необходимо еще упомянуть, что наши войска ощущали большую нужду въ болѣе обильномъ снабженіи ихъ пулеметами, въ замѣнѣ новыми изнашивавшихся орудій и другихъ предметовъ матеріальнаго имущества, а также въ снабженіи ее вначалѣ отсутствовавши-

ми вовсе предохранительными противогазовыми средствами. — Всѣ эти потребности, которыя, съ теченіемъ времени и развитіемъ позиціонной войны, не только не уменьшались, но напротивъ разрастались, вызывали необходимость исключительнаго напряженія всей нашей отечественной промышленности. Надъ разрѣшеніемъ этой задачи шла энергичная работа, которая, однако, дала ощутительные результаты лишь къ 1916-му году.

Мы видѣли, что правительство въ 1915-мъ году сочло возможнымъ нѣсколько приблизить къ себѣ общественныя силы и, въ лицѣ особыхъ совѣщаній, военно-промышленныхъ комитетовъ, земскаго и городского союзовъ и другихъ менѣе мощныхъ организацій, дало возможность этимъ силамъ принять участіе въ работѣ по обезпеченію арміи всѣмъ необходимымъ, въ цѣляхъ успѣшнаго продолженія войны. Указанный сдвигъ въ правительственной политикѣ несомнѣнно содѣйствовалъ нѣкоторому укрѣпленію связи между арміей на фронтѣ и населеніемъ страны въ тылу.

Происшедшая лѣтомъ того же 15-го года замѣна наиболѣе непопулярныхъ министровъ лицами съ болѣе прочной общественной репутаціей, способствовала также измѣненію отношенія къ власти и ряда политическихъ теченій. Въ кругахъ Государственной Думы, которая, кстати сказать, послѣ объявленія войны была собрана лишь однажды — въ январѣ 15-го года и то лишь на самый короткій срокъ для вотированія бюджета, — въ этихъ кругахъ шла подготовка по образованію такъ называемаго «прогрессивнаго блока». Блокъ этотъ сконструировался въ августѣ 15-го года и въ него вошли думскіе представители довольно широкихъ политическихъ теченій отъ націоналистовъ до партіи народной свободы (К.-Д.) включительно. Задачей блока была работа надъ доведеніемъ страны до побѣднаго конца; внѣшнимъ выраженіемъ такого настроенія прогрессивнаго блока было вхожденіе лидеровъ его въ особое совѣщаніе по оборонѣ. Параллельная съ правительственною властью работа блока велась до той поры, пока дальнѣйшими событіями не создалось между обѣими сторонами непримиримыхъ и — увы — роковыхъ для Россіи противорѣчій.

Возвращаясь къ событіямъ на фронтѣ, отмѣтимъ, что оперировавшія на Передовомъ театрѣ арміи, подчиненныя генералу Алексѣеву, въ двадцатыхъ числахъ августа, занимали линію отъ Осовца, по нижнему Бобру, верхнему Нареву и далѣе вдоль желѣзной дороги Бѣльскъ — Брестъ. На правомъ берегу верхняго Буга, онѣ продолжали прикрывать попрежнему пути на Пищу — Малорыто, Ковель и Владиміръ Волынскъ.

Съ описываемымъ періодомъ времени связано развитіе, среди населенія оставляемыхъ мѣстностей, «бѣженскаго» движенія. Впереди арміи медленно катилась волна людей, не желавшихъ на себѣ испытать тяжести германо-австрійскаго нашествія. При подводахъ, перегруженныхъ всякимъ домашнимъ скарбомъ, шли мужчины всякихъ возрастовъ, женщины и дѣти; дороги загро-

мождались длинными малоподвижными вереницами людей, каковыя крайне стѣсняли и затрудняли дѣйствія нашихъ отходившихъ войскъ.

Бѣженское движеніе постепенно пріобрѣтало характеръ стихійный; для своего урегулированія оно потребовало особыхъ государственныхъ мѣръ. Очень трудной оказалась задача временнаго размѣщенія, питанія и лѣченія людей и принадлежавшаго имъ скота въ пути. Многіе, особенно дѣти, гибли отъ тяжкихъ условій и болѣзни. Скорбные пути слѣдованія этихъ массъ людей, двинувшихся въ неизвѣстность, были отмѣчены не одною сотнею надмогильныхъ деревянныхъ крестовъ. Много горя вынесли эти люди и по прибытіи въ новые раіоны разселенія. Ихъ страданія и лишенія, мнѣ думается, не могли не внести извѣстнаго понижающаго начала въ настроенія всего нашего тыла, гдѣ воочію столкнулись съ ужасами войны, ведущейся на отечественной территоріи.

Непрерывный отходъ армій и ограниченіе въ расходованіи огнестрѣльныхъ припасовъ выработали, къ сожалѣнію, въ нашихъ войскахъ и ихъ начальникахъ вредную привычку къ «выравниванію фронта». Достаточно было, подъ вліяніемъ частной неудачи, или неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій отойти на одномъ участкѣ общаго фронта, чтобы этотъ отходъ распространялся и на сосѣдей, безъ видимыхъ иногда къ тому основаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе получала распространеніе и пріобрѣтала сторониковъ, даже среди кое кого изъ высшихъ начальниковъ, идея сближенія нашего отхода съ событіями 1812-го года. Возможно, что вначалѣ эта мысль родилась подъ впечатлѣніемъ принятаго рѣшенія уничтожать, при отходѣ, мѣстные излишки хлѣбныхъ запасовъ, въ которыхъ, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, Центральныя Державы остро нуждались и захватъ которыхъ являлся, быть можетъ, одною изъ причинъ столь глубокаго наступленія вражескихъ армій на востокъ въ теченіе лѣта 1915-го года. Эта тяжелая для населенія мѣра, подсказывавшаяся желѣзными условіями войны, была принята у насъ лишь послѣ долгихъ обсужденій, такъ какъ она неизбѣжно вела къ разоренію оставляемаго края и очевидно, носила въ себѣ зародышъ разлагающаго вліянія на войска. Съ другой стороны, вѣроятно и то, что въ сравненіи сложившейся обстановки съ планомъ дѣйствій русской арміи въ 1812-мъ году лежало желаніе найти для себя утѣшеніе въ тѣхъ тяжелыхъ испытаніяхъ, которыя выпадали на долю Великой Русской Арміи. Такъ или иначе, но несомнѣнно, что противъ этой идеи боролись мало, и что, въ результатѣ такого настроенія и вредной привычки къ выравниванію фронта, болѣе легко отдавалось пространство, чѣмъ быть можетъ это слѣдовало; вопросъ о томъ рубежѣ, на которомъ можно было расчитывать остановить наступленіе врага, при такихъ условіяхъ, все болѣе и болѣе отдавался на волю случая.

Между тѣмъ, самое поверхностное сопоставленіе условій обстановки должно было разрушить всякое основаніе, для усвоенія упомянутой выше исторической параллели. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1812-мъ году Наполеонъ углубился въ Россію сравнительно узкимъ фронтомъ, причемъ его коммуникаціонныя ли-

нiи, пролегая по немногимъ неблагоустроеннымъ грунтовымъ путямъ, оказывались, съ удлиненiемъ разстоянiй, не въ состоянiи удовлетворять потребностямъ наступавшей армiи; сами же онѣ, съ каждымъ лишнимъ переходомъ, становились все болѣе хрупкими и подверженными ударамъ нашихъ партизанскихъ отрядовъ. Нападенiе на эти дороги облегчалось тѣмъ, что зона влiянiя непрiятельскихъ войскъ распространялась почти исключительно въ направленiи имѣвшихся путей, почему проникновенiе въ тылъ противника стороною и поддержанiе связи съ оставшимся тамъ населенiемъ не представляли особыхъ трудностей. Нынѣ условiя эти существенно измѣнились. Противникъ наступалъ на широкомъ пространствѣ, заливая своими войсками всю занимавшуюся имъ территорiю — отъ моря до границъ нейтральнаго государства. Сплошной фронтъ серьезно препятствовалъ проникновенiю во вражескiй тылъ, который, къ тому же, былъ изрѣзанъ цѣлою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, поступившихъ въ распоряженiе противника и придавшихъ его тылу малоуязвимый характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта сѣть дорогъ дѣлала сообщенiя непрiятельской армiи съ тыломъ быстрыми, почти независимыми отъ разстоянiй и достаточно мощными для удовлетворенiя рѣшительно всѣхъ потребностей наступавшей армiи. То или иное углубленiе непрiятеля въ страну, при такихъ условiяхъ, само по себѣ не могло имѣть гибельныхъ для его армiи послѣдствiй. Съ другой стороны, новые прiемы закрѣпленiя пройденнаго пространства, путемъ возведенiя сплошныхъ укрѣпленныхъ линiй, или вѣрнѣе полосъ, отсутствiе у насъ тяжелой артиллерiи и бѣдность въ огнестрѣльныхъ припасахъ дѣлали обратное завоеванiе отданнаго пространства крайне труднымъ, чтобы не сказать больше. Такимъ образомъ, учитывая всѣ эти обстоятельства, мы должны были стремиться къ разрѣшенiю поставленной передъ нами главной задачи — сохраненiя нашей армiи, — при соблюденiи другого непремѣннаго условiя — уступки врагамъ возможно меньшаго пространства родной территорiи. Приближенiе осенней распутицы и внутреннее стратегическое положенiе непрiятеля, при которомъ онъ не могъ на долгiй перiодъ времени сосредоточивать все свое вниманiе и всѣ свои силы противъ насъ, должны были служить отправными точками при постановкѣ нашихъ рѣшенiй. — «Историческимъ параллелямъ» здѣсь не должно было быть мѣста.

17-го августа въ Ставкѣ было получено извѣстiе о безнадежномъ положенiи Ковенской крѣпости, а затѣмъ о переходѣ ея въ руки германцевъ. Въ этотъ день противнику удалось занять городъ, расположенный на правомъ берегу Нѣмана и, выдвинувшись далѣе къ востоку, утвердиться затѣмъ на перешейкѣ, образуемомъ теченiемъ р. р. Нѣмана и Вилiи. Отступившiя части Ковенскаго гарнизона присоединились къ полевымъ войскамъ и отошли на позицiи западнѣе Кошедаръ. Соотвѣтственно подался назадъ и лѣвый флангъ 5-й армiи отъ нижней Свенты.

Извѣстiе о паденiи Ковны, включавшей въ себѣ мостовыя переправы черезъ р. р. Нѣманъ и Вилiю и запиравшей важную и мощную желѣзнодорожную

магистраль на Вильну — Двинскъ, проходившую черезъ крѣпость туннелемъ, было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ для насъ ударовъ за послѣдній періодъ войны, какъ въ моральномъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ вліянія его на дальнѣйшее положеніе нашихъ армій. Мы видѣли, что Ковенская крѣпость не была подвергнута непріятельскому обложенію и связь ея съ тыломъ не нарушалась. Хотя работы по усиленію крѣпостного обвода, начатыя еще въ мирное время, далеко не были закончены къ началу войны, но въ распоряженіи коменданта имѣлся годовой срокъ, въ теченіе котораго этотъ пробѣлъ могъ быть значительно исправленъ дополнительными постройками военнаго времени. При такихъ условіяхъ, сопротивляемость крѣпости должна была получить значительное приращеніе и во всякомъ случаѣ линія ея укрѣпленій не могла не представляться однимъ изъ наиболѣе прочныхъ участковъ нашего общаго фронта, занимавшагося войсками. Атакѣ непріятеля на западные лѣвобережные форты легко могъ быть противопоставленъ, съ большою надеждою на успѣхъ, маневръ частей сосѣдней 10-й арміи противъ праваго открытаго фланга атакующаго. Даже взятіе непріятелемъ лѣвобережныхъ фортовъ еще не должно было предрѣшать паденія всей крѣпости, такъ какъ главная часть таковой находилась на правомъ берегу Нѣмана и дополнительными работами въ періодъ войны эта правобережная часть крѣпости, конечно, должна была бы быть подготовлена къ самостоятельной оборонѣ. Наконецъ, послѣ взятія крѣпости непріятелемъ, не было проявлено никакихъ усилій къ тому, чтобы немедленно контръ-атакой выбить германцевъ изъ только что занятыхъ ими фортовъ и укрѣпленій.

Распоряженіемъ Главнокомандующаго фронтомъ, комендантъ крѣпости былъ преданъ суду. Обвиненія, предъявленныя ему, заключались въ самовольномъ оставленіи крѣпости и недостаточномъ использованіи времени, для усиленія послѣдней. Подробности, выяснившіяся на судѣ, рисовали картину полнаго отсутствія организаціи обороны и управленія ею въ періодъ самаго штурма. Артиллерійскимъ огнемъ непріятеля были перебиты всѣ провода, которые, по незаконченности крѣпости, были проложены по земной поверхности. Управленіе артиллеріей крѣпости было настолько неудовлетворительно, что стрѣляли по укрѣпленіямъ, находившимся еще въ нашихъ рукахъ. Комендантъ крѣпости узналъ о паденіи лѣвобережныхъ фортовъ и появленіи непріятеля у береговъ Нѣмана въ ту минуту, когда лично выѣхалъ на развѣдку и увидѣлъ ввѣренныя ему войска уже отступавшими. Поручивъ непосредственную оборону крѣпости одному изъ начальниковъ дивизій, Комендантъ рѣшилъ выѣхать изъ раіона крѣпости, чтобы организовать контръ-ударъ. Попытка эта не удалась, и крѣпость, со всей ея артиллеріей и богатыми запасами, перешла окончательно въ руки противника.

Обращаясь къ вопросу о вліяніи паденія Ковны на положеніе нашихъ армій, приходится повторить уже сказанное, что линія отъ Рижскаго залива черезъ крѣпости Ковну, Гродну и Брестъ являлась наивыгоднѣйшею для остановки на ней нашей арміи. Переходъ Ковны въ руки непріятеля означалъ про-

рывъ этой линіи, и притомъ въ чрезвычайно опасномъ направленіи — на Вильну и далѣе на Молодечну — Минскъ. Развитіе непріятельскаго наступленія въ этомъ направленіи, въ которомъ имѣлся рельсовый путь, мощно развитый на участкѣ до Вильны, ставило подъ удары не только всѣ наши коммуникаціонныя линіи, но и создавало угрозу для войскъ быть прижатыми къ Полѣсью. Приходилось поэтому думать о выборѣ и укрѣпленіи новой линіи обороны для расположенія на ней войскъ на зиму, каковая линія, хотя и была бы подана еще болѣе къ востоку, но все же оставляла за нами пользованіе желѣзной дорогой Двинскъ—Вильна—Барановичи—Ровно въ качествѣ рокадной.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшія событія развертывались слишкомъ быстро и внѣ зависимости отъ нашихъ предположеній и расчетовъ.

Командующій 10-й арміей, съ паденіемъ Ковны, сталъ отводить части своей арміи отъ Нѣмана. Нѣмцы, завладѣвъ мостами сначала у Ковны, а позднѣе у Олиты, продолжали наступленіе на Вильну и Ораны; одновременно, они направили часть своихъ силъ съ сѣвера къ Гроднѣ. Хотя мосты на Нѣманѣ и были нами разрушены при отступленіи, но это обстоятельство не надолго задержало наступленіе нѣмцевъ, такъ какъ, при современныхъ техническихъ средствахъ возстановленіе мостовъ не можетъ представлять непреоборимыхъ затрудненій.

Южнѣе Гродны, натискъ нѣмцевъ шелъ на Осовецъ, Бѣлостокъ, Брестъ и въ направленіяхъ отъ Бѣльска на Гайновку и отъ Высоколитовска на Пружаны. — 22-го августа, ввиду подхода съ юга нѣмцевъ, эвакуируется Осовецъ; 26-го августа очередь подошла и къ Бресту. Гарнизонъ крѣпости, взорвавъ мосты, присоединился къ отходившей полевой арміи. Въ руки германцевъ перешла также заповѣдная Бѣловѣжская пуща, съ ея вѣковыми деревьями и стадами рѣдкихъ зубровъ. Противникъ, занявъ Брестъ, сталъ въ послѣднихъ числахъ августа особенно сильно нажимать на нашу 3-ю армію, тѣсня ее къ Пружанамъ и южнѣе, въ направленіи на Пинскъ. Сообразно этому, остальныя арміи — 4-ю, 2-ю и 1-ю — приходилось отводить на фронтъ Пружаны — Гродна.

10-й арміи Главнокомандующимъ С.-З. фронтомъ было поставлено, въ качествѣ главной задачи, — обезпеченіе съ праваго фланга отхода только что названныхъ армій, «хотя бы на Шару»; ввиду этого, пути на Вильну оказывались плохо прикрытыми. Едва ли теперь не приходилось сожалѣть, что къ названному пункту, въ соотвѣтствіи съ мнѣніемъ генерала Алексѣева, назначены были къ переброскѣ только два корпуса, а не три, вмѣстѣ съ полевымъ управленіемъ 12-й арміи, какъ то намѣчалось первоначальными предположеніями Ставки. Германцы настойчиво продвигались къ Вильнѣ, слѣдуя обоими берегами р. Виліи. Уже въ послѣднихъ числахъ августа на сѣверо-западныхъ подступахъ къ этому городу, примѣрно на фронтѣ Подберезье — Новые Троки и далѣе на юго-западъ, разыгрались упорные бои.

31-го августа въ командованіе войсками С. фронта вступилъ генералъ Рузскій. Въ составъ новаго фронта, кромѣ 6-й арміи, вошли только 12-я и 5-я

арміи; 10-я армія, какъ отходившая по путямъ южнѣе Вильны, осталась въ составѣ войскъ З. фронта. Къ указанному времени, 12-я армія занимала главными своими силами довольно обширный укрѣпленный плацдармъ у Риги на лѣвомъ берегу Двины. 5-я армія группировалась на подступахъ къ Двинску. Германцы на этомъ фронтѣ рвались къ Двинѣ, къ желѣзнодорожной линіи Крейцбургъ — Митава, и даже пытались перебросить часть своихъ силъ на правый берегъ рѣки между Икскюлемъ и Фридрихштадтомъ. Линія желѣзной дороги между Ригой и Двинскомъ, проходившая вдоль праваго берега Двины, была ими взята подъ обстрѣлъ, что, конечно, очень затруднило связь между обѣими арміями С. фронта. Генералъ Рузскій чувствовалъ себя крайне неудовлетвореннымъ слабымъ составомъ своихъ армій и корпусовъ, къ тому же составленныхъ по большей части изъ второочередныхъ частей. Его также очень безпокоилъ вопросъ объ отсутствіи сильной конницы, которая могла бы заполнить разрывъ между С. и З. фронтами. Но всѣ возникавшіе вопросы было чрезвычайно трудно урегулировать въ той обстановкѣ, которая создавалась усиленнымъ нажимомъ нѣмцевъ на З. фронтъ и стремленіемъ Верховнаго Главнокомандующаго не затруднить сложной и отвѣтственной работы генерала Алексѣева.

Что касается Ю.-З. фронта, то въ концѣ августа и здѣсь противникъ, по преимуществу австрійцы, перешелъ въ энергичное наступленіе на всемъ фронтѣ отъ р. Туріи до Днѣстра. Вслѣдствіе значительнаго ослабленія армій Ю.-З. фронта непрерывной переброской войскъ на сѣверъ, австрійцамъ, послѣ ряда упорныхъ боевъ, удалось достигнуть довольно существенныхъ результатовъ на Волыни, на направленіяхъ къ Чарторійску, Ровно, Дубно и Кременцу. Правый флангъ нашего Ю.-З. фронта вынужденъ былъ въ началѣ сентября откинуться сначала на линію Олыка — Радзивиловъ, и далѣе за р. р. Стубель, Икву и верхнюю Горынь. Равнымъ образомъ, мы отошли и въ Галичинѣ, сначала за Стрыпу, а затѣмъ еще дальше, на болѣе восточный притокъ Днѣстра — Середъ. Однако, послѣ нѣкоторыхъ перегруппировокъ въ предѣлахъ фронта, наши Ю.-З. арміи успѣли перейти въ энергическое контръ-наступленіе. Предупредивъ противника своей атакой, наши войска нанесли 8-го сентября германцамъ, усиленнымъ австрійцами, громовой ударъ у Тарнополя, и въ тотъ же день столь же сильный ударъ австрійцамъ — у Трембовли. Непріятель сталъ спѣшно отходить обратно на Стрыпу, оставляя намъ много тысячъ плѣнныхъ и десятки орудій. Нѣсколько позднѣе, а именно въ серединѣ сентября, создался рѣшительный переломъ и на правомъ флангѣ Ю.-З. фронта. Здѣсь нашъ противникъ — австрійцы, послѣ жестокаго разгрома, былъ отброшенъ за р. Стырь. Обѣ названныя рѣки, совмѣстно съ участкомъ Днѣстра до румынской границы, и стали основными линіями, на которыхъ расположились наши арміи Ю.-З. фронта на зиму.

Въ періодъ описанныхъ событій, мы считали противъ себя около 750 германскихъ и до 800 австрійскихъ батальоновъ пѣхоты, а всего отъ 1500 до 1600

непріятельскихъ батальоновъ. Кромѣ того — 10 германскихъ и 6 австрійскихъ кав. дивизій.

Силы германцевъ на западномъ фронтѣ оцѣнивались нами не свыше 1200 бат. пѣхоты.

Наши силы на германо-австрійскомъ фронтѣ исчислялись кругло въ 1800 бат. пѣхоты; но надо имѣть ввиду, что во многихъ батальонахъ было отъ 200 до 300 штыковъ, то есть отъ ¼ до ⅓ положеннаго по штатамъ числа.

Въ серединѣ августа, когда наши арміи Сѣверо-Западнаго фронта, отходившія отъ Нарева, средней Вислы и изъ Галичины, стали выходить на фронтъ Осовецъ — Бѣлостокъ — Брестъ, въ штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго былъ поднятъ вопросъ о необходимости перемѣстить Ставку болѣе къ востоку, чтобы предоставить всѣ пункты вдоль рокадной линіи Двинскъ — Вильна — Барановичи — Ровно въ распоряженіе фронтовъ. Для новаго размѣщенія Ставки было намѣчено два пункта: Борисовъ и Могилевъ. Я очень настаивалъ на избраніи перваго пункта, лежащаго на крупной желѣзнодорожной магистрали и не столь отдаленнаго отъ раіона военныхъ дѣйствій. Но Великій Князь рѣшительно высказался противъ Борисова, вокругъ котораго, насколько мнѣ извѣстно, лежали обширныя земли, лично ему принадлежавшія. Сплетня, все гуще оплетавшая его имя, несомнѣнно использовала бы даже эту простую случайность, если бы выборъ Великаго Князя остановился на Борисовѣ.

20-го августа Верховный Главнокомандующій со всѣмъ Штабомъ покинулъ Барановичи, и на слѣдующій день мы прибыли въ Могилевъ. Мѣстныя власти и общество торжественно привѣтствовали прибытіе Верховнаго Главнокомандующаго Русской Арміей въ городъ. Великій Князь проѣхалъ съ вокзала прямо въ Городской Соборъ, гдѣ его ждало духовенство и многочисленныя толпы народа. Былъ совершенъ торжественный молебенъ о дарованіи Русскому воинству побѣды. По окончаніи молебна, всѣ разошлись къ своимъ дѣламъ и обязанностямъ. — Расположеніе Ставки въ относительно большомъ городѣ сразу дало себя почувствовать. Чины Штаба размѣстились частью въ городѣ, и тѣсно сжившаяся семья стала какъ бы распадаться. Великій Князь, съ ближайшими лицами его свиты и Начальникомъ Штаба помѣстились въ нижнемъ этажѣ Губернаторскаго дома. Верхній этажъ оставался не занятымъ, на случай Высочайшихъ пріѣздовъ. Я, со своимъ Управленіемъ и оперативнымъ телеграфомъ, заняли Губернское Правленіе, располагавшееся въ одной усадьбѣ съ домомъ Губернатора. Немедленно, по прибытіи, вновь застучали Юзы, установившіе связь съ фронтами еще до нашего пріѣзда. — Служебная дѣятельность Штаба съ перваго же часа вошла въ нормальную колею.

Наканунѣ отъѣзда изъ Барановичей, Военный Министръ генералъ Поливановъ прислалъ телеграмму на имя Верховнаго Главнокомандующаго, съ вопросомъ, когда Великій Князь можетъ его принять. Въ пріѣздѣ Военнаго Министра въ Ставку ничего экстраординарнаго, конечно, не было; необычайнымъ

могъ показаться лишь предварительный запросъ. Этому обстоятельству не было, впрочемъ, придано особаго значенія. Военному Министру было отвѣчено, что его пріѣздъ желательно отсрочить, ввиду переѣзда Ставки въ Могилевъ. Черезъ нѣсколько дней, уже поздно вечеромъ, не помню точно какого числа, — генералъ Поливановъ прибылъ въ Могилевъ и, пріѣхалъ въ расположеніе Ставки, непосредственно прошелъ къ Верховному Главнокомандующему. Послѣ бесѣды съ Великимъ Княземъ, не зайдя ни къ генералу Янушкевичу, ни ко мнѣ, — что являлось уже менѣе обычнымъ для пріѣзжающихъ въ Ставку по дѣламъ, генералъ Поливановъ почти въ полночь уѣхалъ въ Волковыскъ, въ штабъ Главнокомандующаго Сѣверо-западнымъ фронтомъ. Занятый работой, я узналъ обо всѣхъ этихъ подробностяхъ лишь впослѣдствіи. Утро слѣдующаго дня прошло обычнымъ порядкомъ: докладъ у меня въ кабинетѣ Верховному Главнокомандующему; затѣмъ — сборъ къ завтраку. Удрученный событіями, назрѣвавшими на правомъ флангѣ нашего стратегическаго фронта и тщетными усиліями своевременно сосредоточить противъ рвавшаго фронтъ непріятеля сильную контръ-ударную группу, я не очень удивился когда Великій Князь Дмитрій Павловичъ, состоявшій при Верховномъ Главнокомандующемъ, обратился ко мнѣ съ сочувственной фразой.—«Могу себѣ представить, какую тяжелую ночь Вы провели сегодня» — сказалъ онъ. Я объяснилъ себѣ настроеніе молодого Великаго Князя какимъ-либо случайно прочитаннымъ имъ донесеніемъ тревожнаго характера, изъ числа тѣхъ, которыя обильно поступали къ намъ съ фронта въ эти дни.

Принявшись, послѣ завтрака, вновь за работу, я совсѣмъ позабылъ объ этомъ случайномъ разговорѣ, пока не былъ оторванъ отъ своего дѣла приходомъ Начальника Штаба.

Н. Н. Янушкевичъ объяснилъ мнѣ, что Великій Князь проситъ меня немедленно къ себѣ и очень огорченъ былъ, узнавъ, что цѣль пріѣзда генерала Поливанова мнѣ стала извѣстной не отъ него лично. Я отвѣтилъ, что до сихъ поръ ни о чемъ не освѣдомленъ, но теперь догадываюсь въ чемъ дѣло и только не уясняю еще себѣ, насколько широко намѣчены предстоящія перемѣны въ составѣ Ставки.

Великій Князь ждалъ меня наверху, въ никѣмъ не занятыхъ парадныхъ комнатахъ. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ прочелъ мнѣ привезенный генераломъ Поливановымъ Высочайшій рескриптъ. Въ немъ выражалось, что въ настоящіе трудные для Россіи дни, когда рядъ губерній подвергся нашествію врага, Государь Императоръ рѣшилъ осуществить свое давнишнее желаніе — лично стать во главѣ арміи и флота. Событія на Кавказѣ требуютъ опытной и сильной руки, почему, вслѣдствіе слабости здоровья графа И. И. Воронцова-Дашкова, Великій Князь Николай Николаевичъ призывается на постъ Главнокомандующаго Кавказской Арміей и Намѣстника Кавказа. Своимъ Начальникомъ Штаба Государь избираетъ генерала Алексѣева. Ближайшимъ сотрудникамъ бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго — генералу Янушкевичу и генералу Данилову — выражалась въ рескриптѣ Высочайшая

благодарность; о дальнѣйшемъ ихъ служебномъ положенiи Государь Императоръ высказалъ намѣренiе позаботиться лично.

Уходъ Великаго Князя съ поста Верховнаго Главнокомандующаго несомнѣнно назрѣвалъ постепенно и, въ силу ряда обстоятельствъ, повидимому былъ неизбѣженъ. Но время для намѣченной перемѣны въ руководствѣ войной едва ли было выбрано удачно. По существу, такая смѣна должна была бы знаменовать собою коренное измѣненiе въ самой системѣ веденiя войны. И потому, чтобы сдѣлать ее по крайней мѣрѣ понятной для массъ, казалось бы, что смѣну Верховнаго Главнокомандованiя надлежало прiурочить не къ перiоду еще не закончившагося тяжелаго отхода нашихъ армiй, но къ несомнѣнно приближавшемуся перелому, предугадать который было вовсе не трудно. Надвигалась осенняя распутица, а за нею шла лютая русская зима, не способствовавшiя развитiю дальнѣйшихъ операцiй врага вглубь страны. Противникъ, понесшiй крупныя потери и переутомленный безпрерывными боями и походами, измотался едва ли не въ конецъ. Угрожаемый на другихъ фронтахъ, онъ, силою вещей, долженъ былъ прiостановить свое наступленiе на востокъ и поставить передъ собою другiя цѣли. Такимъ образомъ, три-четыре недѣли выдержки и обстановка должна была измѣниться; стать по крайней мѣрѣ болѣе устойчивой.

Открывало ли, однако, несомнѣнно приближавшееся время измѣненiя въ обстановкѣ столь широкiе горизонты, которые оправдали бы и дѣлали даже популярнымъ пребыванiе Главы Государства на фронтѣ, во главѣ войскъ? Я думаю, что — нѣтъ.

Надо было ожидать, что противникъ, остановивъ свое наступленiе на востокъ, весьма быстро зароется въ глубокiя траншеи и густо оплетется проволокой. Его техническiя средства и умѣнiе въ короткiй срокъ возводить крѣпкiя укрѣпленныя зоны не были для насъ секретомъ. Поѣздки нашихъ офицеровъ на французскiй фронтъ, практиковавшiяся въ цѣляхъ ознакомленiя съ условiями борьбы на немъ, дали намъ для такихъ выводовъ болѣе чѣмъ достаточный матерiалъ.

Съ другой стороны, состоянiе нашей армiи и ея техническiя и матерiальныя средства не позволяли расчитывать на скорый переходъ въ наступленiе.

Иллюзiи повторенiя событiй 1812-го года, при трезвой оцѣнкѣ, должны были разсѣяться, какъ дымъ. — Становилось до очевидности яснымъ, что на фронтѣ наступятъ сѣрые, тягостные мѣсяцы позицiоннаго сидѣнiя, и что вся творческая работа должна быть перенесена въ глубокiй тылъ, для подготовки новой лѣтней кампанiи. Требовалось сосредоточенiе и крайнее напряженiе всѣхъ внутреннихъ силъ Имперiи.

Я не буду подробно останавливаться на причинахъ, которыя привели Императора Николая II къ рѣшенiю стать непосредственно во главѣ дѣйствующихъ войскъ при складывавшихся условiяхъ. Онѣ слишкомъ сложны и къ нимъ надлежитъ подходить съ понятною осторожностью. Для меня, однако, несомнѣнно, что среди этихъ причинъ играли не послѣднюю роль — мистиче-

ское пониманіе Государемъ своихъ обязанностей, любовь къ углубленіямъ въ великое историческое прошлое Россіи, едва ли правильно ему освѣщавшееся, а быть можетъ и нѣкоторыя слабости общечеловѣческаго характера. Но я не могу не остановиться передъ недоумѣннымъ вопросомъ, какъ могли окружавшія Государя лица, пользовавшіяся его довѣріемъ, не только не противодѣйствовать столь неосторожному шагу, но даже укрѣплять въ сознаніи Государя необходимость и своевременность таковаго. Какъ велика должна была быть недальновидность и ослѣпленіе этихъ людей, не оцѣнившихъ всей тяжести предстоявшихъ событій и считавшихъ возможнымъ связать съ ними уже колебавшійся авторитетъ Царской власти!

Если не ошибаюсь, 1-го сентября въ Ставку прибылъ Генералъ Алексѣевъ и немедленно вступилъ въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей. На должность Главнокомандующаго арміями Западнаго фронта былъ назначенъ генералъ Эвертъ, котораго замѣстилъ на посту Командующаго 4-й арміей командиръ XXV-го корпуса генералъ Рагоза. Великій Князь, въ соотвѣтствіи съ полученнымъ Высочайшимъ указаніемъ, продолжалъ временно оставаться на своемъ посту, въ ожиданіи пріѣзда Государя; фактически же, онъ еще раньше, со дня полученія Высочайшаго рескрипта, передалъ руководство военными операціями въ руки лица, долженствовавшаго стать ближайшимъ сотрудникомъ Государя, по части веденія войны.

5-го сентября Государь прибылъ въ Могилевъ и въ этотъ же день принялъ на себя предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами на театрѣ военныхъ дѣйствій.

«Съ твердою вѣрою въ милость Божію и съ непоколебимою увѣренностью въ конечной побѣдѣ», собственноручно писалъ Императоръ въ своемъ первомъ приказѣ, «будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамимъ земли Русской».

Государь не занялъ предназначавшагося для него, на случай временнаго пріѣзда въ Ставку, верхняго этажа Губернаторскаго дома. Онъ остановился въ поѣздѣ. Несомнѣнно, что этимъ фактомъ, естественно, вызывался болѣе спѣшный отъѣздъ Великаго Князя. Дня черезъ два послѣ прибытія Государя, Великій Князь уѣхалъ изъ Ставки. Нѣсколькими часами раньше уѣхалъ и я. Просьба моя о строевомъ назначеніи была уважена, и я получилъ въ командованіе XXV-й армейскій корпусъ, во главѣ котораго провелъ весь второй годъ войны — до сентября 1916-го года.

— «Въ общемъ, положеніе нашихъ армій спокойное и увѣренное въ себѣ. Починъ въ дѣйствіяхъ въ частныхъ бояхъ понемногу переходитъ на нашу сторону» — такъ въ сообщеніи штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 10-го сентября оцѣнивалась обстановка на фронтѣ. Увы, эта характеристика положенія, была лишь завѣтнымъ, быть можетъ, желаніемъ редактора сообщенія, къ которому, конечно, примыкала и вся національная Россія. — Факты и дѣйствительность говорили, однако, о другомъ.

Подготовка германцевъ къ новому очередному удару шла быстрыми шагами.

Уже къ 12—14-му сентября обозначилось довольно сильное давленіе нѣмцевъ, въ направленіи отъ Поневѣжа на Абели и отъ Вилькомира на Уцяны и Ново-Александровскъ, на тѣ корпуса 5-й арміи, которые группировались на ближайшихъ подступахъ къ Двинску. Почти одновременно съ этимъ давленіемъ, нѣмцы заняли Свѣнцяны и прервали желѣзную дорогу Двинскъ — Вильна. Войска 10-й арміи отошли своимъ правымъ флангомъ къ ст. Подбродзе, и боевая связь между С. и З. фронтами фактически нарушилась. Противъ праваго фланга 10-й арміи, въ обходъ Вильны съ сѣвера, обозначилось также наступленіе значительныхъ германскихъ силъ. Наступленіе это едва сдерживалось на правомъ бергу р. Виліи, выше Вильны, Гвардіей и частями III-го сиб. Корпуса, подвезенными заблаговременно къ Вильнѣ, какъ читатель помнитъ, еще распоряженіемъ Великаго Князя Николая Николаевича. Находившаяся правѣе этихъ частей наша конница была, однако, принуждена къ отходу на лѣвый берегъ р. Виліи. Обходъ нѣмцами Вильны не только съ сѣвера, но и съ востока развивался быстро и рѣшительно. 15-го сентября кавалерія противника была обнаружена уже къ сѣверу отъ Молодечны и на направленіи отъ Свѣнцянъ и Глубокому. Движеніе конницы поддерживалось пѣхотой. Особенно значительныя части послѣдней были замѣчены на путяхъ къ Сморгони и восточнѣе. Непріятельской кавалеріей была прервана желѣзнодорожная линія Полоцкъ — Вилейка, а отдѣльные отряды германской конницы въ слѣдующіе дни показались у Борисова, угрожая Александровской желѣзной дорогѣ. Такимъ образомъ, три главнѣйшія желѣзнодорожныя магистрали — Сѣверозападная, Бологое-Сѣдлецкая и Александровская — оказались подъ ударами непріятеля. Стали распространяться нелѣпые слухи о появленіи нѣмецкихъ разъѣздовъ у Могилева. — Ставка должна была переживать тревожные дни.

Въ общемъ, становилось яснымъ, что нѣмцы, прикрывшись частью силъ къ сѣверу, къ сторонѣ Двинска, стремятся выполнить не только глубокій обходъ справа нашей 10-й арміи, но и прорваться черезъ Свѣнцяны въ тылъ всѣхъ остальныхъ армій З. фронта, находившихся на путяхъ къ сѣверу отъ Полѣсья.

Противъ остальныхъ армій названнаго фронта противникъ не проявлялъ особаго оживленія и это, конечно, значительно облегчало наше положеніе. Лишь на крайнемъ лѣвомъ флангѣ германцы сильно тѣснили отрядъ генерала Мищенко на Пинскомъ направленіи.

Въ такой обстановкѣ, Главнокомандующій З. фронтомъ генералъ Эвертъ призналъ необходимымъ приступить къ немедленной переброскѣ части своихъ войскъ на фронтъ Ошмяны — Молодечно. Здѣсь имѣлось въ виду сосредоточить 2-ю армію, въ составѣ четырехъ корпусовъ. Однако, на это нужно было извѣстное время, такъ какъ, по произведеннымъ расчетамъ, на перевозку и сборъ къ указаннымъ пунктамъ только двухъ головныхъ корпусовъ,

долженствовавшихъ войти въ составъ названной арміи, требовалось отъ трехъ до шести сутокъ.

Мнѣ уже пришлось отмѣчать, что генерала Рузскаго, вступившаго въ Главнокомандованіе войсками С. фронта, очень безпокоило отсутствіе должной связи между ввѣреннымъ ему и З. фронтами, какъ равно необезпеченность направленія на Глубокое — Полоцкъ. Съ результатами такого положенія теперь приходилось серьезно считаться. Положеніе 10-й арміи могло быть значительно облегчено активными дѣйствіями 5-й арміи со стороны Двинска въ направленіи на Новосвѣнцяны; но выполненіе такого удара генералъ Рузскій считалъ неосуществимымъ, вслѣдствіе общей слабости силъ ввѣреннаго ему фронта. Равнымъ образомъ, отсутствіе достаточной конницы не позволяло ему организовать контръ-маневръ противъ германской кавалеріи, прорвавшейся въ направленіи на Глубокое.

Учитывая всѣ наличныя обстоятельства, генералъ Алексѣевъ, отъ имени Верховнаго Главнокомандующаго, далъ указанія о постепенномъ отходѣ 10-й арміи отъ Вильны, правымъ флангомъ къ Сморгони, и о быстрѣйшемъ сосредоточеніи корпусовъ 2-й арміи, для атаки германцевъ, продвигавшихся по правому берегу Виліи въ направленіи на Вилейку и Сморгонь; для организаціи же противодѣйствія непріятелю, оперировавшему отъ Глубокаго, указана была перевозка кружнымъ путемъ черезъ Оршу одного корпуса къ Полоцку и сборъ конной группы генерала Орановскаго въ раіонѣ юго-восточнѣе Вилейки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, уступомъ за 2-й арміей, въ раіонѣ Красное, по обѣ стороны желѣзной дороги изъ Минска на Молодечну, подлежала сосредоточенію 1-я армія, которая должна была выдвинуться, вслѣдъ за конницей генерала Орановскаго, на Докшицу и Глубокое. Намѣчался также сборъ конницы къ сѣверу отъ Минска.

Этими мѣрами имѣлось въ виду ликвидировать Свѣнцянскій прорывъ и попытку германцевъ обойти правый флангъ 10-й арміи.

Что касается германцевъ, то, по донесеніямъ съ С. фронта, они продолжали упорно атаковывать войска 5-й арміи, занимавшей Двинскую укрѣпленную позицію. Только настойчивости и энергіи генерала Плеве, находившагося со штабомъ арміи въ Двинскѣ, всего лишь въ 10—15 верстахъ отъ передовыхъ позицій, и рѣшительно никого не допускавшаго на правый берегъ р. Двины, мы обязаны тѣмъ, что наше положеніе на лѣвомъ берегу этой рѣки было сохранено и крайне важныя мостовыя переправы черезъ Двину остались въ нашихъ рукахъ.

Въ послѣдней трети сентября въ положеніи германцевъ на фронтѣ Вилейка — Сморгонь создается переломъ. Наши войска штыковымъ ударомъ овладѣваютъ Вилейкой. Начинаетъ развиваться наступленіе 2-й арміей. Правѣе наступаетъ наша конница, которая къ концу сентября выходитъ па фронтъ Глубокое — Вилейка. Нѣмцы начинаютъ отходить назадъ, упорно удерживаясь сѣвернѣе Сморгони, чтобы дать возможность благополучно выбраться изъ создавшагося для нихъ мѣшка тѣмъ войскамъ, которыя продвинулись къ Ви-

лейкѣ и Глубокому. Чтобы облегчить свое отступленіе, они пытаются у Нароча перейти въ контръ-атаку, которая, однако, обходится имъ очень дорого.

Къ концу сентября части нашей 2-й арміи выходятъ на фронтъ отъ оз. Медзіола до Сморгони; участокъ сѣвернѣе до озера Дрисвяты занимается конницей, которая затѣмъ смѣняется 1-й арміей, включаемой въ составъ С. фронта. — Этимъ и заканчивается Свѣнцянская наступательная операція нѣмцевъ, не давшая имъ никакихъ положительныхъ результатовъ, но ставившая насъ одно время въ очень опасное положеніе, изъ котораго мы вышли лишь съ большимъ трудомъ и при крайнемъ напряженіи нашихъ войскъ.

Виленскій раіонъ былъ, однако, для насъ потерянъ. Наши войска отошли также на участкѣ Лида — Слонимъ. Равнымъ образомъ, нами былъ потерянъ весьма важный Барановичскій желѣзнодорожный узелъ. На всемъ протяженіи отъ Двинска до Припяти мы заняли болѣе или менѣе случайную линію, которую и сохранили на зиму 15—16-го г. г., связавшись непрерывной ниткой войскъ съ арміями Ю.-З. фронта.

Уже съ подходомъ нѣмцевъ къ горловинѣ Передового театра, опредѣлявшейся линіей Бѣлостокъ — Брестъ, началось ослабленіе ихъ войскъ передъ нашимъ фронтомъ, сначала незамѣтное и лишь впослѣдствіи ясно обнаружившееся. Германцы, какъ оказалось впослѣдствіи, подготовляли новый ударъ, направленный на сей разъ противъ Сербіи; вмѣстѣ съ тѣмъ они приступили къ оттяжкѣ части своихъ силъ обратно на западный фронтъ, чтобы обезпечить тамъ свое положеніе отъ готовившагося противъ нихъ наступленія нашихъ союзниковъ.

Напряженность политической атмосферы на Балканскомъ полуостровѣ достигла въ августѣ мѣсяцѣ своего крайняго предѣла. — Правительство короля Фердинанда, учитывая ослабленіе Россіи и несомнѣнно понуждаемое Германіей, проявляло съ возраставшей очевидностью свое враждебное настроеніе къ Сербіи, пользуясь для сего Македонскимъ вопросомъ. Оно ставило категорическимъ требованіемъ, для измѣненія своего отношенія къ Державамъ Согласія, немедленную оккупацію Македоніи въ границахъ 1912-го года, что было равносильно возникновенію братоубійственной рѣзни. Чтобы избѣжать между Болгаріей и Сербіей разрыва, было пущено въ ходъ дипломатическое искусство всѣхъ Державъ Согласія. Одновременно, возникъ проектъ занятія Македоніи союзными англо-французскими войсками, въ предположеніи, что такая оккупація отниметъ у болгарскаго правительства возможность нападенія на Сербію. Въ расчетѣ на высокій авторитетъ Россіи среди болгарскаго народа, который оставался непричастнымъ къ вѣроломной политикѣ его тогдашняго правительства, наши западные союзники вновь возвращались къ вопросу о желательности высадки, въ демонстративныхъ цѣляхъ, небольшого русскаго отряда въ Бургасѣ и особаго воззванія Императора Николая къ болгарскому народу.

Но всѣ эти предположенія остались неосуществленными, событія неудержимо катились къ роковой развязкѣ. Въ Болгаріи было приступлено къ мобилизаціи арміи, и въ концѣ сентября и началѣ октября мобилизованныя части стали стягиваться къ западной границѣ.

Пользуясь эгоистической политикой болгарскаго правительства, Германія рѣшила нанести Сербіи смертельный ударъ, чтобы нерушимо установить свой авторитетъ на Балканахъ и закрѣпить связь съ Турціей.

Огромныя соединенныя силы германо-австрійцевъ съ сѣвера и болгаръ съ запада вторглись въ первой половинѣ октября на сербскую территорію. Сербская армія, проявляя полное геройство, должна была начать отходъ вглубь территоріи. Однако, пути на югъ, долиною Вардара, были закрыты ей болгарской арміей, занявшей Велесъ. Сербамъ оставался одинъ выходъ — движеніе черезъ дикія горы Албаніи къ берегамъ Адріатическаго моря. Несмотря на глухое время года, они рѣшились на него. Легендарный походъ этотъ, полный тягостей и мучительныхъ лишеній, былъ преодоленъ, и Сербская армія съ честью вышла изъ создавшагося для нея катастрофическаго положенія. Въ слѣдующемъ году, послѣ отдыха и реорганизаціи на о. Корфу она вновь появилась въ рядахъ союзниковъ, но уже на сей разъ на Салоникскомъ фронтѣ, чтобы продолжать борьбу за освобожденіе своей родины.

Что касается Черногоріи, то таковая, вслѣдствіе изолированности въ военномъ и экономическомъ отношеніяхъ, оказалась къ концу 15-го года также въ исключительно трудномъ положеніи.

Состоявшееся выступленіе Болгаріи противъ Сербіи должно было естественно измѣнить цѣль предполагавшейся посылки войскъ Державъ Согласія на Балканскій полуостровъ. Если раньше, путемъ занятія Македоніи, имѣлось въ виду создать барьеръ между Сербіей и Болгаріей съ тѣмъ, чтобы предупредить возможное столкновеніе между названными государствами, то теперь задачею дессанта должно было явиться оказаніе непосредственной помощи Сербской арміи. Такъ возникла идея образованія новаго Салоникскаго фронта. При этомъ, если предупредительную оккупацію Македоніи можно было надѣяться осуществить небольшими силами, въ расчетѣ на психологическое значеніе этой мѣры для Болгаріи, то, съ фактическимъ выступленіемъ послѣдней противъ Сербіи, являлась необходимость высадки союзныхъ войскъ въ значительныхъ силахъ, такъ какъ не исключалась возможность ихъ встрѣчи не только съ болгарскими, но и съ германскими войсками, вторгнувшимися въ Сербію съ сѣвера. Въ такихъ условіяхъ, необходимо было еще заручиться увѣренностью въ полной обезпеченности базы, которою должны были служить Салоники, какъ равно сообщенія высадившейся союзной арміи съ этой базой. Препятствіемъ къ этому служила Греція. Вслѣдствіе германофильства короля Константина, она рѣшительно отказалась выполнить свои союзническія по отношенію къ Сербіи обязательства и выступить противъ Болгаріи, ссылаясь на различные поводы формальнаго характера. Когда же, наконецъ, всѣ препятствія были устранены и союзники получили возможность, безъ сопротивленія

со стороны греческой арміи, начать высадку въ Салоникахъ и продвиженіе на сѣверъ, событія на Сербскомъ театрѣ стали подходить къ концу.

Мы уже видѣли, что путь на югъ былъ сербамъ прегражденъ болгарской арміей, занявшей въ первой половинѣ ноября Велесъ. Вынудивъ сербовъ, совмѣстными съ австро-германскими войсками дѣйствіями, уйти въ горныя ущелья Албаніи, болгары направили всѣ свои силы на югъ и, оттѣснивъ высадившіяся къ этому времени англо-французскія войска, подошли къ греческой границѣ. Въ такомъ положеніи и былъ встрѣченъ на Салоникскомъ фронтѣ новый 1916-й годъ.

Вопросъ о Салоникской экспедиціи вызвалъ много сужденій среди военныхъ и дипломатовъ Державъ Согласія, различно оцѣнивавшихъ ея возможное вліяніе на общій ходъ событій. Этотъ вопросъ, между прочимъ, послужилъ причиною ухода въ отставку французскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ Делькассэ, который пользовался большимъ уваженіемъ и довѣріемъ въ русскихъ правящихъ и общественныхъ кругахъ. Делькассэ считалъ данную экспедицію, въ проектированномъ видѣ, рискованной и опасался ослабленія изъ за нея французскихъ армій на главномъ, основномъ театрѣ войны.

Что касается западнаго фронта, то на немъ, послѣ довольно продолжительной затяжки, подготовка нашихъ западныхъ союзниковъ къ наступательной операціи подвинулась, наконецъ, настолько впередъ, что во второй половинѣ сентября можно было ожидать начала ея со дня на день. Пользуясь длительной лѣтней передышкой, наши союзники довели свою подготовку до наивысшаго предѣла. Для прорыва германскаго фронта ими были намѣчены два раіона: въ Артуа, сѣвернѣе Арраса, и въ Шампани, восточнѣе Реймса. Оба эти участка составляли основаніе обширной дуги, которой непріятельскій фронтъ врѣзался во французскую территорію и приближался въ центральной ея части къ Парижу. Съ прорывомъ на этихъ участкахъ, германская армія, естественно, вынуждалась къ общему отходу и къ очищенію всей занятой ими французской территоріи. Для обезпеченія успѣха, линіи непріятельскихъ укрѣпленій были заранѣе сфотографированы авіонами и къ избраннымъ для прорыва участкамъ сосредоточены огромныя силы и средства. По донесеніямъ изъ Парижа, французами и англичанами имѣлось въ виду ввести въ дѣло около 60-ти дивизій, причемъ въ Шампани были сосредоточены лучшія французскія войска, замѣненныя на остальныхъ участкахъ фронта территоріальными частями. За ударными группами, въ полной готовности, стояли конныя массы, готовыя развить и закончить успѣхъ всесокрушающимъ ударомъ. Нѣсколько тысячъ тяжелыхъ и легкихъ орудій, снабженныхъ боевыми припасами въ невиданномъ еще размѣрѣ, должны были проложить путь пѣхотѣ; для обезпеченія подвоза были проложены новыя дороги и сформированы автомобильныя колонны, которыя предназначались также для быстрой переброски войскъ къ различнымъ участкамъ грандіозныхъ полей предстоявшей битвы.

Все, что было доступно человѣческому предусмотрѣнію, было предусмотрѣно, все — за исключеніемъ одной данной... элемента времени. Ко времени

окончанія подготовки, уже заканчивались наступательныя операціи германцевъ противъ насъ; германское главнокомандованіе получило вновь оперативную свободу и, не будучи болѣе связано на восточномъ фронтѣ, искусно воспользовалось этимъ, чтобы въ наиболѣе критическую минуту, когда на западѣ готовъ былъ уже рушиться ихъ фронтъ, — подтянуть къ нему новыя силы, своевременно переброшенныя съ ихъ восточнаго фронта.

«Потеря времени — смерти подобна».

25-го сентября, послѣ длительной и всесокрушающей артиллерійской подготовки, въ которой было израсходовано свыше 3-хъ милліоновъ снарядовъ и разрушительные результаты которой не поддаются никакому описанію, — союзниками, на обоихъ намѣченныхъ участкахъ, были произведены стремительныя атаки непріятельскихъ укрѣпленныхъ линій. Германскій фронтъ былъ прорванъ къ сѣверу отъ Арраса свыше чѣмъ на 10—15 километровъ и въ Шампани на протяженіи около 25-ти километровъ. — Союзники были на грани къ побѣдѣ. — Но подоспѣвшими подкрѣпленіями, нѣмцы добились сначала задержки, а затѣмъ и полной остановки въ наступленіи союзниковъ. По свѣдѣніямъ полковника графа Игнатьева, было удостовѣрено, что нѣмцы перевезли съ нашего фронта на западный не менѣе двухъ, а вѣрнѣе три корпуса, причемъ нѣкотрые плѣнные показывали, что они были доставлены въ 3½ сутокъ прямо на поле сраженія изъ Бѣлостока. Въ дальнѣйшемъ, бои продолжались еще много дней; жертвы, которыя несъ противникъ, были огромны, но острота положенія миновала окончательно. Еще разъ германцамъ, занимавшимъ центральное положеніе, удалось одержать побѣду, пользуясь разрозненностью дѣйствій противниковъ. Широко поставленная воздушная развѣдка давала германскому верховному командованію почти безошибочно, и главное своевременно, предуказанія о приближеніи всякой новой опасности, а мощная желѣзнодорожная сѣть, хорошо эксплуатируемая, дѣлала обезпеченной своевременную переброску необходимыхъ подкрѣпленій къ угрожаемымъ пунктамъ.

Такимъ образомъ, къ концу 1915-го года военное положеніе Державъ Согласія оказалось мало удовлетворительнымъ. Россія, вынеся на себѣ всю тяжесть лѣтней наступательной кампаніи Центральныхъ Державъ, была существенно ослаблена и вынуждена къ глубокому отходу внутрь страны. На западномъ фронтѣ — нашимъ союзникамъ не удалась ихъ столь тщательно и длительно подготовлявшаяся наступательная операція. Выступленіе Италіи не дало ожидавшихся результатовъ и не внесло почти никакого облегченія. На Балканскомъ театрѣ приходилось констатировать временный выходъ изъ борьбы Сербіи и трудное положеніе Черногоріи, грозившее послѣдней катастрофой. Наконецъ, полная неудача Дарданельской экспедиціи и неопредѣленное положеніе Салоникской группы войскъ, вынужденной къ пассивной оборонѣ. Германія — глава и вдохновительница враждебнаго намъ Союза, — была какъ бы въ апогеѣ своего военнаго успѣха. — Но таково могло быть лишь внѣшнее о ней впечатлѣніе. Германіи не удался ея планъ молніенос-

ныхъ ударовъ ни на западѣ, ни на востокѣ. Гигантская борьба пріобрѣла затяжной и изнурительный характеръ, при которомъ конечные результаты не могли быть предвидимы ясно...

Этими строками я кончаю свое повѣствованіе. — Я и то перешелъ поставленные себѣ предѣлы, коснувшись, правда только схематически, событій, разыгравшихся осенью 15-го года, и притомъ на всѣхъ Европейскихъ фронтахъ.

Получивъ строевое назначеніе и отбывъ къ корпусу, занимавшему позицію на р. Сервечь, я, естественно, отошелъ отъ хода событій въ центрѣ и погрузился въ другой міръ, хотя и значительно сузившій мою дѣятельность и сферу наблюденій, но не сдѣлавшій ихъ менѣе жизненными и — лично для меня — менѣе интересными. Смѣна Верховнаго Главнокомандованія, къ тому-же, по времени почти совпала съ окончаніемъ на нашемъ западномъ фронтѣ полевыхъ дѣйствій, и потому мое описаніе составляетъ вполнѣ законченный періодъ изжитой войны. Въ дальнѣйшемъ — война на нашемъ фронтѣ приняла безнадежно затянувшійся характеръ позиціоннаго сидѣнія, отъ времени до времени прерывавшійся судорожными усиліями выбросить непріятеля изъ занимавшихся имъ окоповъ, чтобы вырваться изъ удручающей обстановки позиціонной войны или подать руку помощи союзникамъ.

Но прежде, чѣмъ окончательно положить перо, я хотѣлъ бы, хотя и вскользь, коснуться вопроса — какъ могло случиться то, что Россія, вступивъ въ 1914-мъ году въ міровую войну при крайне благопріятной для нея политической и стратегической обстановкѣ и начавъ таковую рѣшительнымъ захватомъ инициативы и широкимъ вторженіемъ въ непріятельскіе предѣлы, что сулило блестящіе результаты, — въ слѣдующемъ 15-мъ году была вынуждена начать отступленіе, приведшее ее къ оставленію не только всего завоеваннаго пространства, но и къ потерѣ значительной части родной земли и къ пассивному отсиживанію ея арміи за проволокой.

Ходячее объясненіе, что это случилось изъ за недостатка огнестрѣльныхъ припасовъ и винтовокъ слишкомъ элементарно и, конечно, не покрываетъ вопроса. Я думаю, что, въ качествѣ отвѣта, гораздо правильнѣе выдвигать нашу общую неготовность къ войнѣ; неготовность — вообще, а къ наступательной войнѣ въ особенности. Россія, какъ мы видѣли, къ 1914-му году едва вышла изъ состоянія своей почти полной военной безпомощности, созданной предшествовавшими событіями — несчастной войной 1904—05 г. г. и послѣдовавшей за ней революціей. Для борьбы съ западными сосѣдями, ея армія еще не была готовой; она сохранила грузную и не доведенную до современныхъ требованій организацію, была очень слабо оборудована и обезпечена технически, а главное — не имѣла должной связи съ народомъ, для котораго служба въ войскахъ рисовалась лишь какъ особая «повинность». — Командный составъ арміи, хотя и былъ обновленъ и улучшенъ, но все же продолжалъ страдать многими прежними недочетами; солдатъ же, при всѣхъ его природныхъ

высокихъ достоинствахъ, оставался далекимъ отъ идеала современнаго воина, долженствовавшаго обладать качествами индивидуальнаго и развитого бойца.

При такихъ условіяхъ, Россія оказалась вынужденной вступить съ германо-австрійскимъ Союзомъ въ войну, которая властно потребовала отъ нея наступательнаго образа дѣйствій. Идейно обороняясь противъ активной политики этого союза, мы должны были вести войну по формѣ наступательную. Главный нашъ противникъ — Германія, — строя свои расчеты на нашей слабости и медленности въ изготовленіи арміи, съ другой же стороны, — переоцѣнивъ боевую силу своего союзника — австрійцевъ, слишкомъ смѣло бросилъ почти всѣ свои корпуса на западъ, для сокрушительнаго удара по нашимъ союзникамъ. — Мы были обязаны использовать эту обстановку, чтобы разбить оставленныя противъ насъ непріятельскія силы; перенести войну на вражескую территорію; выправить невыгоды нашего первоначальнаго стратегическаго фронта, обусловившагося начертаніемъ нашей западной границы; подать скорѣйшую помощь нашей западной союзницѣ — Франціи, истекавшей кровью въ неравной борьбѣ съ противникомъ, и явить доказательство нашего стремленія защитить отъ германизма нашихъ братьевъ — славянъ.

Сложность этихъ задачъ потребовала раздѣленія въ началѣ войны нашихъ силъ и одновременнаго наступленія какъ противъ германцевъ, во исполненіе союзнаго договора съ Франціей, такъ и противъ австрійцевъ, являвшихся въ этотъ періодъ времени на нашемъ фронтѣ главенствующей боевой силой. — Въ этомъ раздвоеніи наступательной задачи несомнѣнно заключалось слабое мѣсто нашей отечественной стратегіи. — Но едва ли правы тѣ, кто стремится доказать, что, вынуждаемые договорными отношеніями съ Франціей къ наступленію противъ Германіи, намъ выгоднѣе было въ этомъ случаѣ, при предварительномъ развертываніи нашихъ силъ на западѣ, имѣть въ виду направленіе главной массы нашихъ войскъ противъ этой Державы, ограничиваясь противъ Австро-Венгріи простою обороною. — Указанная точка зрѣнія, какъ мнѣ думается, продиктована исключительною горечью воспоминаній о «Самсоновской» трагедіи, въ дѣйствительности происшедшей, конечно, не отъ недостаточности силъ, направленныхъ нами вообще противъ Германіи (сравненіемъ силъ сторонъ это можетъ быть доказано съ полною отчетливостью), — а отъ неудовлетворительнаго ихъ использованія. — Не повторяя здѣсь тѣхъ мотивовъ, кои вынуждали насъ смотрѣть на австрійцевъ въ начальный періодъ войны, какъ на главнѣйшаго противника, и кои были мною подробно изложены въ одной изъ первыхъ главъ настоящей книги, ограничусь лишь однимъ дополнительнымъ соображеніемъ.

Мы видѣли, съ какимъ трудомъ и усиліями нашимъ войскамъ Ю.-З. фронта удалось вырвать изъ рукъ австрійцевъ инпціативу дѣйствій и заставить ихъ перейти отъ наступленія къ оборонѣ, закончившейся нашей побѣдой въ Галичинѣ. Ослабивъ наши войска Ю.-З. фронта еще болѣе, въ угоду сторонникамъ направленія въ начальный періодъ войны нашихъ главныхъ силъ противъ

Германіи, мы рисковали бы, конечно, выходомъ всѣхъ австро-венгерскихъ войскъ во флангъ и тылъ нашей германской группѣ войскъ, что свело бы «на нѣтъ» всѣ ея призрачные успѣхи противъ слабой германской завѣсы, этой группѣ войскъ противопоставленной. — Арміи, правильно используемыя, не могутъ дѣйствовать въ пустую; онѣ должны быть нацѣливаемы на живую силу противника, а не въ пространство, имъ не занятое. — Онѣ не могутъ также безнаказанно оставлять, безъ должнаго вниманія, непріятеля, висящаго у нихъ на флангѣ, или угрожающаго ихъ тылу...

Теоретически нашъ наступательный образъ дѣйствій являлся крайне выигрышнымъ, но онъ же долженъ былъ немедленно и ярко выявить всѣ недочеты нашей военной системы и боевой и экономической подготовки. Такъ это и случилось въ дѣйствительности. Почти сразу обнаружилось катастрофическое несоотвѣтствіе нашихъ средствъ и нашей подготовки, какъ спеціально-военной, такъ и общей, съ тѣми задачами, которыя предстали передъ нами, какъ необходимыя и неизбѣжныя въ той обстановкѣ, въ которой мы начали войну. Вмѣстѣ съ тѣмъ, война на чужой территоріи не могла вызвать и всепокрывающаго «пафоса» въ мирно-настроенной странѣ, съ огромными пространствами, обезпечивавшими ее отъ вражескаго нашествія, съ рѣдкимъ и малокультурнымъ населеніемъ, къ тому же остро неудовлетвореннымъ въ своей внутренней жизни. Народу остались неясны причины и цѣли войны; онъ не почувствовалъ непосредственной для себя опасности и потому не откликнулся своимъ «нутромъ» на призывъ власти къ войнѣ. Тяжесть послѣдней, при такихъ условіяхъ, сконцентрировалась по преимуществу на одной лишь составной части страны — ея арміи.

Въ изложенныхъ условіяхъ наши успѣхи не могли быть — ни рѣшительными, ни прочными. Значительно превосходившая насъ своею военною подготовкою и культурою Германія, поднявшая всѣ свои силы и средства на борьбу съ тѣми, кто стоялъ на ея пути, сумѣла воспользоваться своимъ центральнымъ положеніемъ, авторитетомъ въ управленіи всѣми силами враждебнаго намъ Союза, а также мощною желѣзнодорожною сѣтью, чтобы короткими, но сильными и внезапными ударами, отъ времени до времени замедлять и ослаблять наши успѣхи. Когда же таковые, весною 15-го года, все же стали грозить крушеніемъ ея союзницѣ — Австро-Венгріи, то Германія не задумалась перенести противъ насъ всю тяжесть своихъ дѣйствій. Въ теченіе всего самаго выгоднаго для наступленія лѣтняго періода 15-го года, Германія бросала на свой восточный фронтъ противъ насъ дивизіи за дивизіями, не опасаясь за свой западный фронтъ, на которомъ она сумѣла прочно закрѣпить свое положеніе съ минимальнымъ количествомъ войскъ.

Струна натянулась чрезмѣрно; она не могла не сдать. — Наша армія, предоставленная собственнымъ силамъ, лишенная пополненій и огнестрѣльныхъ припасовъ, постепенно откатывалась назадъ; она вынуждена была отдать непріятелю до двухъ десятковъ нашихъ губерній и успѣла болѣе или менѣе

прочно закрѣпиться лишь къ осени на довольно случайной линіи, представлявшей мало удобствъ для упорной на ней обороны.

Теперь, когда наша обезкровленная потерями и истомленная долгими усиліями армія стояла на родной землѣ, теперь, — вся страна должна была почуять непосредственную опасность, угрожавшую ей; теперь народная душа не могла не наполниться безотчетнымъ, быть можетъ, но глубокимъ чувствомъ обиды и оскорбленія за все перенесенное страной. Но подорванное въ своемъ авторитетѣ правительство, мало вообще считавшееся съ народной психологіей, не властно было овладѣть этими настроеніямя. Ихъ въ октябрѣ 17-го года использовали другіе, во вредъ русской государственности и на пользу своимъ бредовымъ идеямъ...

Что касается обязанностей по отношенію къ союзникамъ, то проявленная нами жертвенность должна быть ими оцѣнена по достоинству. — Мы не только способствовали ихъ спасенію въ началѣ войны, что охотно признается ими самими. — Мы сдѣлали своими наступательными дѣйствіями гораздо больше. — Мы нѣсколько разъ, и притомъ въ наиболѣе трудные для нихъ періоды времени, отводили или ослабляли удары, направлявшіеся германцами въ ихъ сторону. Мы притягивали на себя все большія и большія силы Германіи, а лѣтомъ 15-го года вынесли на себѣ единолично всю тяжесть натиска соединенныхъ силъ враждебнаго Державамъ Согласія Союза. По исчисленіямъ русскаго военнаго представительства въ Парижѣ, приведеннымъ въ одной изъ брошюръ, изданной въ 1920-мъ году (Russia in the war of 1914—1918), соотношеніе силъ нашихъ союзниковъ на русскомъ и французскомъ фронтахъ было слѣдующимъ:

1) Въ началѣ войны:

Противъ Россіи: — 50 пѣх. и 13 кав. дивизій; противъ Франціи — 83 пѣх. и 10 кав. дивизій;

2) Къ Сентябрю 1915-го года:

противъ Россіи — 137 пѣх. и 24 кав. дивизій, и противъ Франціи — все то же число 83 пѣх. и только 1 кав. див.

При этомъ надо замѣтить, что къ этому времени германскія дивизіи были переформированы изъ четырехъ-полковыхъ въ трехъ-полковыя, что еще рельефнѣе оттѣняетъ происшедшую перемѣну въ соотношеніи силъ. Картина даваемая приведенными цифрами прежде всего подтверждаетъ мысль, высказанную мною въ одной изъ предыдущихъ главъ, что всѣ усилія германцевъ, направленныя къ увеличенію какъ общей численности ихъ арміи, такъ и числа ихъ дивизій, поглощались возраставшими потребностями ихъ восточнаго фронта, направленнаго противъ насъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти цифры свидѣтельствуютъ и о томъ, что если въ началѣ войны Россія привлекала къ себѣ только 35—40% всѣхъ силъ, выставленныхъ враждебнымъ союзомъ противъ насъ и нашихъ западныхъ союзниковъ, то соотношеніе силъ черезъ годъ войны существенно измѣнилось. Россія притянула къ себѣ до 60-ти и больше процен-

товъ тѣхъ-же непріятельскихъ силъ и ея западный фронтъ сталъ тѣмъ театромъ военныхъ дѣйствій, на которомъ разыгрались наиболѣе серьезныя и отвѣтственныя въ 1915-мъ году операціи. — Дѣйствіями и положеніемъ своихъ армій въ теченіе всего перваго года войны Россія выполняла крайне важную и отвѣтственную задачу передъ общимъ дѣломъ. Она обезпечила своимъ западнымъ союзникамъ почти годовую передышку послѣ тѣхъ напряженій, кои потребовались отъ нихъ въ періодъ первыхъ операцій. Эту передышку Державы Согласія имѣли возможность широко использовать, въ цѣляхъ развитія ихъ вооруженныхъ силъ, восполненія обнаруженныхъ недочетовъ въ матерьяльной части и снабженіи, а также въ цѣляхъ приспособленія экономической жизни ихъ странъ къ веденію въ дальнѣйшемъ длительной и упорной борьбы, приведшей названныя Державы, въ конечномъ результатѣ, къ побѣдѣ.

Но даже тогда, когда нашъ фронтъ былъ окончательно оплетенъ проволокою противника, за которою лежали его искусно укрѣпленныя линіи, вооруженныя тысячами орудій, до самыхъ крупныхъ калибровъ включительно, и десятками тысячъ пулеметовъ, даже тогда, — русская армія не переставала думать о посильной помощи ея западнымъ союзникамъ.

На протяженіи 1916-го года нашимъ союзникамъ угрожало два удара: одинъ, — со стороны германскихъ войскъ на французскомъ фронтѣ, нацѣленный на Верденъ; другой, — со стороны австрійцевъ изъ Тироля, въ тылъ итальянскимъ войскамъ, выдвинувшимся на Изонцо.

Для организаціи этихъ ударовъ, германское и австрійское командованія на восточномъ фронтѣ должны были отдать всѣ свои резервы и часть тяжелой артиллеріи.

Но русскія войска не дали возможности развиться этимъ операціямъ въ намѣчавшихся размѣрахъ.

Въ періодъ Верденскихъ боевъ, наши войска начали массовое наступленіе въ раіонѣ Видзы — озеро Нарочь, приковавшее къ себѣ всѣ нѣмецкіе резервы восточнаго фронта. — Наступленіе это производилось въ ужасающихъ условіяхъ, при полной весенней распутицѣ, — «въ болотѣ и крови», какъ въ свое время выражался объ этомъ наступленіи нашъ противникъ. — Много русскихъ героевъ полегло здѣсь, но германское Верховное Главнокомандованіе лишено было возможности снять съ нашего фронта какіе либо войска для отправки на западъ, такъ какъ даже тѣ нѣмецкія дивизіи, которыя находились въ раіонѣ дѣйствій австрійской арміи и кои, при иныхъ условіяхъ, могли бы оказаться передъ фортами Вердена, нѣмецкому командованію пришлось направить къ мѣсту нашего удара.

Равнымъ образомъ, наше іюнское наступленіе на фронтѣ отъ Луцка до Днѣстра, развившееся въ широкій успѣхъ и едва не приведшее къ полному крушенію австро-германскаго фронта, спасло отъ неминуемой катастрофы итальянцевъ.

Это наступленіе вызвало крупную переброску на нашъ фронтъ австрійцевъ съ итальянскаго и германцевъ съ французскаго фронта, несмотря на то, что

на послѣднемъ наши союзники уже подготовляли свой ударъ на Соммѣ; были притянуты подкрѣпленія даже съ Салоникскаго фронта.

Нашъ успѣхъ «Брусиловскаго» наступленія на Ю.-З. фронтѣ способствовалъ во многомъ присоединенію, наконецъ, въ концѣ лѣта 1916-го года къ Державамъ Согласія Румыніи, выступленіе которой такъ нетерпѣливо ожидалось на западѣ.

Войска послѣдней, однако, неосторожно бросились въ Трансильванію, подставивъ свой флангъ и тылъ подъ громовой ударъ нѣмцевъ...

И снова Россіи пришлось придти на помощь новому члену союза Державъ Согласія. Русскія войска принуждены были вступить на территорію Румыніи, удлинивъ еще на нѣсколько сотъ километровъ свой и безъ того безмѣрно растянутый фронтъ и выдѣливъ для его обороны замѣтную часть своихъ силъ.

Эти обстоятельства несомнѣнно утяжелили еще болѣе нашу обстановку и окончательно лишили нашу армію свободы дальнѣйшихъ дѣйствій.

Такимъ образомъ, русская армія продолжала и въ дальнѣйшемъ проливать свою кровь и даже жертвовать собственнымъ положеніемъ во имя общихъ интересовъ Державъ Согласія. — И только бѣшеная агитація темныхъ силъ, ворвавшихся, вмѣстѣ съ революціей, въ русскую жизнь, — агитація, нашедшая себѣ благодарную почву въ измученномъ долгими страданіями русскомъ народѣ, выбила оружіе изъ ослабѣвшихъ рукъ русскаго воина на четвертомъ году невиданной борьбы...

СОДЕРЖАНІЕ

Druck: Max Mattisson, Berlin SW 68

Схема №1
Стратегическое развертываніе обѣихъ сторонъ передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій.
Русскія войска
Наши противники
Балтійское море
Германія
Пруссія
Познань
Силезія
Словакія
Австро-Венгрія
Румынія
Карпаты
Полѣсье
Берлинъ
Штетинъ
Данцигъ
Кенигсбергъ
Торнъ
Бреславль
Краковъ
Прага
Вѣна
Буда Пештъ
Варшава
Новогеоргіевскъ
Млава
Ломжа
Лодзь
Калишъ
Ченстоховъ
Кѣльцы
Радомъ
Ивангородъ
Люблинъ
Холмъ
Сѣдлецъ
Брестъ-Л.
Ковель
Ровно
Дубно
Ляховцы
Проскуровъ
Дунаевцы
Винница
Тарнополь
Теребовля
Каменецъ Подольскъ
Черновцы
Яссы
Станиславовъ
Самборъ
Львовъ
Перемышль
Ярославъ
Сань
Ковна
Вильна
Гродно
Барановичи
Лунинецъ
Минскъ
Борисовъ
Орша
Гомель
Двинскъ
Полоцкъ
Рига
Митава
Либава
Шавли
Псковъ
въ Петербургъ
въ Бологое
въ Москву
въ Кіевъ
въ Одессу
Висла
Нѣманъ
Двина
Нарева
Бугъ
Припять
Варта
Одеръ
Днѣстръ
Щара

Схема №3
Галичская операція
Положеніе сторонъ къ 29 Августа и 11 Сентября 1914 года
Русскія войска
Австрійскія войска
Герм корпусъ генерала Войрша
Герм. корп. Ген. Войрша.
Из Бреста
Ивангородъ
Радомъ
Казимержъ
Вонвольница
Люблинъ
Травники
III Кавк. К.
Гв. К.
Ковель
Холмъ
Рейовецъ
Красноставъ
Юзефовъ
Аннополь
Опатовъ
Кѣльцы
Красникъ
Замостье
Комаровъ
Трубешовъ
Владимиръ Вол.
Луцкъ
Ровно
Дубно
Кременецъ
Броды
Бѣлгорай
Лашовъ
Соколь
Кристинополь
Рава Русская
Каменка-Струм.
Жолкіевъ
Магиеровъ
Яворовъ
Янувъ
Львовъ
Городокъ
Перемышль
Ярославъ
Ряшевъ
Тарновъ
Дембица
Лежайскъ
Буськъ
Золочевъ
Тарнополь
Самборъ
Хыровъ
Николаевъ
Подкамень
Рогатинъ
Дорогобычъ
Стрый
Галичъ
Станиславовъ
Нижнювъ
Монастержиско
Бучачъ
Гусятинъ
Трембовля
Залещики
Черновцы
Висла
Стырь
Днѣстръ

Схема N5.
Отступленіе 1-й арміи из Восточной Пруссіи к Нѣману и Августовская операція
Русскія войска:
1-е положеніе к 5-у Сентября
2-е положеніе к 11 Сентября
3-е положеніе к 15 Сентября
4-е положеніе к 23 Сентября
Направленія наступленія германских войск
Кенигсбергъ
Куришъ гафъ
Инстербургъ
Ковна
Гродна
Августово
Августовскіе лѣса
Сувалки
Лыкъ
Граево
Осовецъ
Ломжа
Остроленка
Млава
Ортельсбургъ
Пултускъ
Рожани
Новогеоргиевскъ
Варшава
Сѣдлецъ
Брестъ
Кобринъ
Черемха
Бѣлостокъ
Висла
XX
XXVI
III
IV
XXII
XXIII
III Сиб.
10.
1.

Схема №6
Варшавская операція
Русскія войска
фронтъ германо-австрійскихъ войскъ
Положеніе русскихъ войскъ на лѣвомъ берегу Вислы показано къ 12 Октября 1914 года
На Познань
Варшава
Краковъ
Перемышль
Львовъ
Ковно
Гродна
Осовецъ
Ломжа
Холмъ
Ивангородъ
Нов. Александрія
Сандомиръ
Ярославъ
Калишъ
Ченстоховъ
Петроковъ
Радомъ
Млава
Праснышъ
Пултускъ
Ловичъ
Скерневицы
Лодзь
Тарновъ
Самборъ
Яворовъ
Рава Русская
Белостокъ
Августовъ
Сувалки

Схема № 7
Наступление на лѣвомъ берегу Вислы и операція подъ Брезинами
I. Положеніе 11 Ноября.
Русскія войска
Германо-австр. войска.
II Положеніе 21 Ноября:
Русскія войска
Герм.-австр. войска
Торнъ
Иновроцлавъ
Влоцлавскъ
Плоцкъ
Гнѣзно
Познань
Врешенъ
Калишъ
Бреславль
Кемпенъ
Крейцбургъ
Арм. группа Ген. Войрша
1ª австр. арм.
Ченстоховъ
Бендинъ
Каттовицъ
Освѣцимъ
Краковъ
4ª австр. арм.
Велицка
Тарновъ
Пельно
Кросно
Жешувъ
Ярославъ
Перемышль
Самборъ
Санокъ
Ново-Сандецъ
Одербергъ
Козель
Отельнъ
Варшава
Новогеоргіевскъ
Плонскъ
Пултускъ
Млава
Праснышъ
Сѣдлецъ
Луковъ
Ивангородъ
Ново-Александрія
Люблинъ
Казимержъ
Радомъ
Опочна
Конскъ
Кѣльцы
Сандомиръ
Пинчовъ
Ново-Радомскъ
Петроковъ
Томашевъ
Рава
Скерневицы
Ловичъ
Сохачевъ
Кутно
Лодзь
Ласкъ
Брезины
Шадекъ
Здуньска Воля
Гостынинъ
Варта
Висла
Пилица
Бзура
Нида
Санъ
Дунаецъ
Вислока
I Турк.
1.
4
5.
9.
3.
35 р.д.
XXV
XX
XVII
XXIII
XIX
XVI
XIV
XVII
III Кав.
VI Сиб.
V Сиб.
II Сиб.
I Сиб.

Схема № 9
Зимнее наступленіе германцевъ изъ Восточной Пруссіи
Расположеніе русской стороны:
въ началѣ операціи
въ концѣ операціи
Сосредоточеніе германскихъ ударныхъ группъ и направленіе ихъ наступленія.
Кенигсбергъ
Куришъ гафъ
Мемель
Тильзитъ
Инстербургъ
Гумбиненъ
Сталюпененъ
Даркеменъ
Ангербургъ
Летценъ
Арисъ
Іоганнисбургъ
Ортельсбургъ
Нейденбургъ
Сольдау
Млава
Ломжа
Остроленка
Рожаны
Пултускъ
Островъ
Вышковъ
Новогеоргіевскъ
Варшава.
Висла
Нарев
Бѣлостокъ
Соколка
Гродна
Осовецъ
Августовъ
Сувалки
Сейны
Кальварія
Маріамполь
Козлова Руда
Владиславовъ
Ковна
Олита
Ораны
Меречь
Шавли
Россіены
Кейданы
Юрбургъ
Нѣманъ
Бобръ
Лыкъ
Райгродъ
Штабинъ
Липскъ
Сопоцкинъ
Мазур. озера
XXI
XXXIX
XXXVIII
XX
XL
4я к.д.
2я п.д.

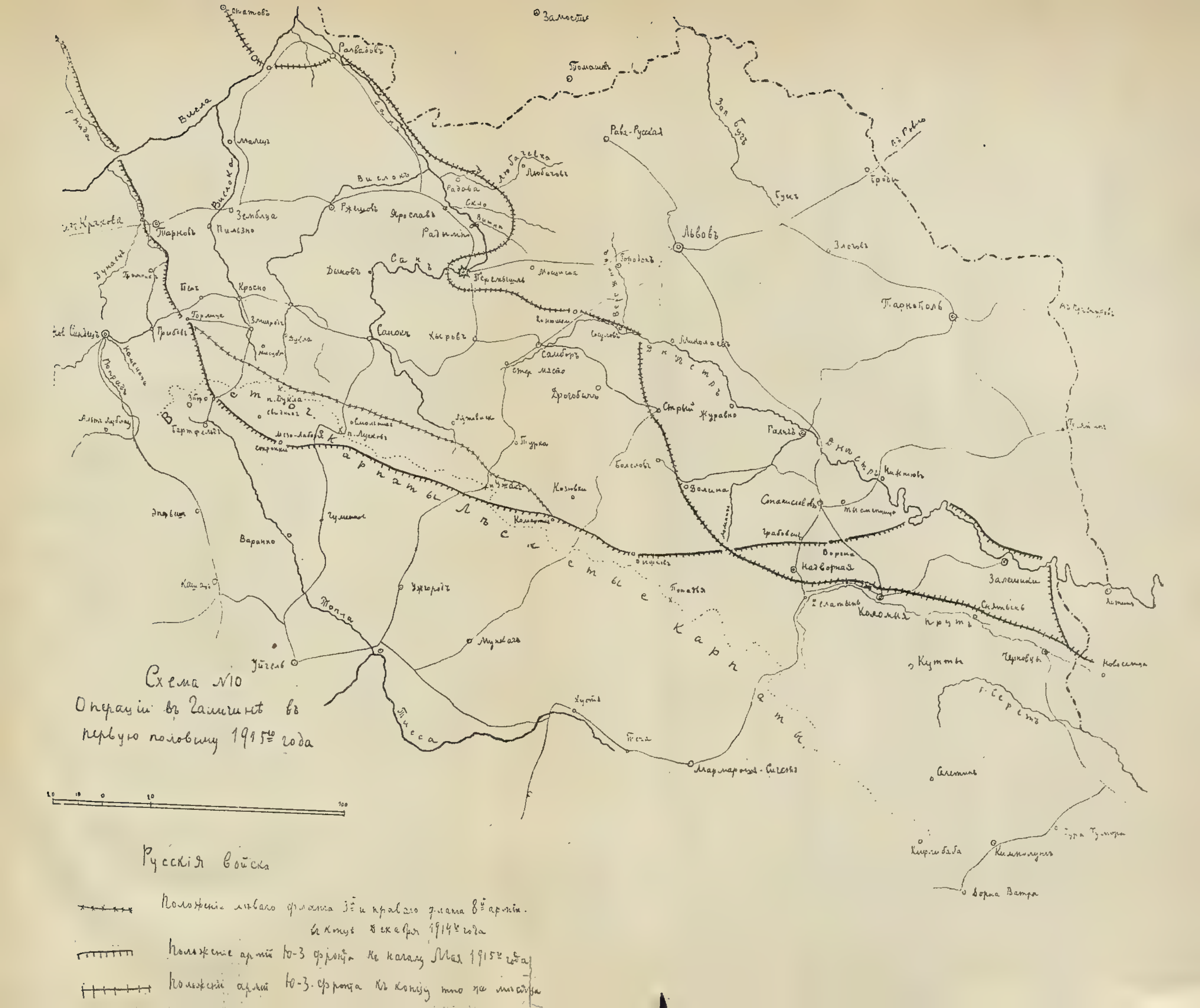

Схема №10
Операціи въ Галиціи въ первую половину 1915го года
Русскія войска
Положеніе лѣваго фланга 3й и праваго фланга 8й арміи. къ концу декабря 1914г года
Положеніе армій Ю-З фронта къ началу Мая 1915г года
Положеніе армій Ю-З. фронта къ концу того же мѣсяца
Замостье
Рава-Русская
Львовъ
Тарнополь
Висла
Вислокъ
Санъ
Тарновъ
Ржешовъ
Ярославъ
Радымно
Перемышль
Красно
Горлице
Санокъ
Самборъ
Дрогобычъ
Стрый
Журавно
Галичъ
Станиславовъ
Надворная
Коломыя
Прутъ
Залещики
Черновцы
Новоселица
Кутты
Ужгородъ
Мукачевъ
Мармарошъ-Сигетъ
Тисса

Схема №11

Отходъ изъ Галиціи и Передового театра

Русскія войска:

Положеніе к началу Мая ———

въ первой трети Августа —x—

къ концу Сентября ╨╨╨╨

